

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
5.2. Экономика; 5.4. Социология; 5.5. Политология*

№ 3

**Ростов-на-Дону
2023**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Главный редактор **ИГНАТОВА Т. В.**,
Заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор

Зам. главного редактора **ЧЕРКАСОВА Т. П.**,
доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); *Атанесян А. В.*, докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); *Кадол Н. Ф.*, докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); *Ушаков Д. С.*, докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; *Дзахова Л. Х.*, докт. полит. наук, проф.; *Дробышевская Л. Н.*, докт. экон. наук, проф.; *Золочевская Е. Ю.*, докт. экон. наук, проф.; *Кислицын С. А.*, докт. ист. наук, проф.; *Козлюк Н. В.*; докт. экон. наук, доц.; *Колядин А. П.*, докт. экон. наук, проф.; *Крюкова Е. М.*, докт. экон. наук, проф.; *Миляева Л. Г.*, докт. экон. наук, проф.; *Овчаренко Р. К.*, докт. социол. наук, доц.; *Понеделков А. В.*, Заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; *Попова Е. А.*, докт. полит. наук, доц.; *Скворцов Н. Г.*, докт. социол. наук, проф.; *Сологуб В. А.*, докт. социол. наук, проф.; *Чернова О. А.*, докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.

Тел. 8-863-203-63-89,

e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications where
main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
5.2. – economic science; 5.4. – sociology; 5.5. – politology*

№ 3

**Rostov-on-Don
2023**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief **IGNATOVA T. V.**,
Honored Worker of Higher School of Russian Federation,
Doctor of Economic science, professor

Vice-Editor in Chief **CHERKASOVA T. P.**,
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; **Eugene Nivorozhkin**, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; **Ford Lumban Gaol**, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; **Arthur V. Atanesyan**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; **Natalia F. Kadol**, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); **Denis S. Ushakov**, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand); **Arsenieva V. A.**, Doctor of Economic Science, Docent; **Dzakhova L. Kh.**, Doctor of Political Science, Professor; **Drobyshevskaya L. N.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Zolochevskaja E. Yu.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Kislitsyn S. A.**, Doctor of Historic Science, Professor; **Kozlyuk N. V.**, Doctor of Economic Science, Docent; **Kolyadin A. P.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Kryukova E. M.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Milyaeva L. G.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Ovcharenko R. K.**, Doctor of Sociology, Docent; **Ponedelkov A. V.**, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; **Popova E. A.**, Doctor of Political Science, Docent; **Skvortsov N. G.**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Sologub V. A.**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Chernova O. A.**, Doctor of Economic Science, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.
Tel: 8-863-203-63-89.

E-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	11
<i>Д. В. Галактионов</i>	
Организационные и управленческие провалы системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления	11
<i>В. В. Келарев</i>	
Управление развитием организации на основе принципов OKR (Objective Key Results)	17
<i>С. С. Комаров, А. С. Шахвердов</i>	
Управленческие основы ресурсосбережения на современных промышленных предприятиях добывающей промышленности	23
<i>А. А. Лысоченко</i>	
Оценка системы менеджмента в отраслях экономики: проблемы и перспективы развития	33
<i>Е. М. Медякова, А. И. Морозова</i>	
Методика приоритизации задач в профессиональной деятельности специалиста контрактной системы.....	40
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ.....	46
<i>М. Г. Васькина, С. М. Христова, М. Г. Пусть</i>	
Детерминанты обеспечения устойчивого развития развитых стран: количественная оценка.....	46
<i>Т. В. Воронина, А. Б. Яценко, З. Хедер</i>	
Состояние и факторы развития международного туризма в странах Ближнего Востока.....	55
<i>О. В. Галанина, Ю. П. Золотарёва</i>	
Кластерная модель анализа больших данных в животноводческом производстве	67
<i>Ю. С. Евлахова</i>	
Типология индикаторов оценки взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности.....	75
<i>Т. В. Игнатова, М. О. Ступак</i>	
Роль информационно-консультационных центров в поддержке развития аграрного сектора региона.....	83
<i>М. А. Корытцев, С. А. Морозов</i>	
Формирование институциональных структур, поддерживающих устойчивое развитие.....	90
<i>Н. Я. Леонтьев, В. В. Февралев</i>	
Факторы формирования дивидендной политики организации	97
<i>Т. А. Макареня, А. И. Калиниченко, Али Маннаа, С. В. Петренко</i>	
Перспективы развития производства компьютеров, электронных и оптических изделий в Южном федеральном округе в условиях экономических санкций	104
<i>И. А. Ножников</i>	
Особенности цифровизации казначейской функции финансового управления корпорации при реализации платежных технологий	116

Р. К. Талов, Ю. Н. Лапыгин Контурсы факторов экономической безопасности региона.....	122
Т. Г. Философова, Д. Н. Сырцов К вопросу о развитии промышленности в России и об особенностях личности предпринимателя.....	129
М. Г. Шадиан Регулирование вопросов финансирования «зеленых» проектов в странах ЕАЭС	139
Р. Вал. Шхагошев, Р. Влад. Шхагошев, Ш. В. Тлябичев Современный вызовы системы продовольственной безопасности Российской Федерации.....	147
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА.....	153
М. А. Аствацатурова, Л. Х. Дзахова, И. М. Стаценко Партийная конкуренция и партийная иерархия: от классических интерпретаций до современных российских кейсов.....	153
Д. К. Григорян Современный российский парламент: специфика формирования и элитарный состав	162
З. А. Жаде, А. М. Шадже, И. Н. Гайдарева Поиск направлений устойчивого развития Республики Адыгея	169
О. Ю. Керимов Социально-технологическая парадигма: особенности теоретической репрезентации модернизационных процессов.....	176
С. И. Кузина, О. С. Руденко Политизация национально-государственной идентичности в спорте как фактор деструкции спортивных традиций и принципов.....	183
Д. А. Леньков Политические инновации: от институционального анализа к исследованию ценностно-мотивационной и поведенческой сферы трансфера и рецепции инноваций	191
В. А. Лихотинский Гностические корни идеологии германского национал-социализма: философско-политический аспект.....	198
Г. Г. Уварова, А. В. Поляков PR-технологии как практический инструментарий политического управления нового формата	205
Т. П. Черкасова, Д. А. Айрапетян Политика акселерации как трансформационный драйвер политических процессов в позднем капитализме	211
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	221
О. Ю. Ангел Метавселенная как новый медиафеномен социума: перспективы создания и социальные последствия.....	221
Я. А. Асланов Электоральный процесс в институциональном политико-социальном поле как объект научного исследования: понятие, сущность, структура, функции.....	227
Т. М. Баландина, В. Э. Алексеенко Внутрипрофессиональная стратификация военнослужащих контрактной службы	238
Ван Сяоян Практические исследования роли инноваций в концепции «построения счастливого общества» в Китае (на примере Цинпу, Шанхай)	244

В. Н. Власова, И. М. Вакула, Т. М. Чапурко	
Пути и механизмы совершенствования патриотического воспитания молодежи в образовательном пространстве	252
Н. Х. Гафиатулина, Я. В. Артамонова, Д. Н. Брайко	
Институт молодой семьи: экспликация детерминирующих факторов.....	257
Чжоу И	
Управление обучением технике безопасности иностранных студентов в вузах КНР	264
Т. С. Очирова, Т. М. Болтырова, Л. А. Дорджиева	
Социокультурные детерминанты радикально настроенной молодежи.....	273
Г. В. Ярошенко, И. А. Савушкин	
Социальные последствия применения систем искусственного интеллекта в образовании.....	278
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	285
К. Д. Борисова	
Совершенствование механизмов управления развитием общеобразовательных организаций Тульской области	285
А. М. Гуревич	
«Занятость» как базовая категория когнитивных практик восприятия новой социальной реальности.....	292
М. А. Роговенко	
Влияние сетевых инструментов коммуникации на отношение избирателей к выборам как социально-политическому институту.....	297
А. С. Ярошенко	
Проектные особенности функционирования региональных отделений партии «Единая Россия» в контексте избирательного цикла 2021 года.....	305
РЕЦЕНЗИИ.....	312
Л. В. Рябова	
Рецензия на книги: Мелас В. Б., Золотухина-Аболина Е. В. Переживание и действие: феноменологический и экзистенциальный подходы. СПб: Владимир Даль, 2020. 253 с.;	
Золотухина-Аболина Е. В., Мелас В. Б. Переживание: философский анализ. СПб.: Владимир Даль, 2022. 351 с.....	312
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ	317
Профессору И. Р. Бугаяну – 80 лет.....	317
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	319

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	11
Dmitry V. Galaktionov System for evaluation the efficiency of the activities of agencies of local self-government.....	11
Vladimir V. Kelarev Managing the development of the organization based on the principles of OKR (Objective Key Results).....	17
Sergey S. Komarov, Aron S. Shakhverdov Management foundations of resource saving at modern industrial enterprises of the extractive industry.....	23
Alla A. Lysochenko Assessment of the management system in economic sectors: problems and prospects of development.....	33
Ekaterina M. Medyakova, Anastasia I. Morozova Methodology of prioritization of tasks in the professional activity of a contract system specialist.....	40
PROBLEMS OF ECONOMICS	46
Marina G. Vaskina, Sofia M. Khristova, Maxim G. Pust Determinants of ensuring sustainable development in developed countries: quantitative assessment.....	46
Tatiana V. Voronina, Ashkhyen B. Yatsenko, Zouha Kheder Condition and factors of development of international tourism in Middle Eastern countries.....	55
Olga V. Galanina, Julia P. Zolotaryova Cluster model for big data analysis in livestock production.....	67
Yu. S. Evlakhova Typology of indicators for assessing the interaction of population and digital technologies in the financial market in the context of financial stability.....	75
Tatiana V. Ignatova, Marina O. Stupak Role of information consulting centers in support of agrarian sector of the region.....	83
Maksim A. Korytsev, Serafim A. Morozov Forming institutional structures supporting sustainable development.....	90
Nikolai Ya. Leontiev, Vladislav V. Fevralev Factors of formation of the organization's dividend policy.....	97
Tatyana A. Makarenya, Alexey I. Kalinichenko, Ali Mannaa, Svetlana V. Petrenko Prospects for the development of production of computers, electronic and optical products in the Southern federal district under economic sanctions.....	104
Ilya A. Nozhenkov Features of digitalization of the treasury function of financial management of the corporation in the implementation of payment technologies.....	116
Ruslan K. Talov, Yury N. Lapygin Outlines of factors of economic security of the region.....	122
Tatyana G. Filosofova, Dmitry N. Syrtsov To the question of the development of industry in Russia and the peculiarities of the entrepreneur's personality.....	129
Makar G. Shadiyan Regulation of financing issues «green» projects in the EAEU countries.....	139
Rustam Val. Shkhagoshev, Rustam Vlad. Shkhagoshev, Shakhim V. Tlyabichev Modern challenges of the food security system of the Russian Federation.....	147

POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	153
Maya A. Astvatsaturova, Larisa Kh. Dzakhova, Ivan M. Statsenko	
Party competition and party hierarchy: from classical interpretations to modern Russian cases	153
David K. Grigoryan	
The modern Russian parliament: specifics of formation and elite composition	162
Zuriet A. Zhade, Azamat M. Shadzhe, Inna N. Gaidareva	
Search for directions of sustainable development of the Republic of Adygea	169
Oleg Yu. Kerimov	
Socio-technological paradigm: features of the theoretical representation of modernization processes	176
Svetlana I. Kuzina, Olga S. Rudenko	
Politicization of national-state identity in sports as a factor of destruction of sports traditions and principles	183
Dmitry A. Lenkov	
Political innovations: from institutional analysis to the study of value-motivational and behavioral sphere of transfer and reception of innovations.....	191
Vladislav A. Likhotinsky	
Gnostic roots of the ideology of German National Socialism: philosophical and political aspect.....	198
Galina G. Uvarova, Alexey V. Polyakov	
PR technologies as a practical tool for political management of a new format	205
Tatiana P. Cherkasova, David A. Ayrapetyan	
Acceleration policy as a transformational driver of political processes in late capitalism	211
SOCIOLOGY PROBLEMS	221
Olga Yu. Angel	
The metaverse as a new media phenomenon of society: prospects for creation and social consequences	221
Yakov A. Aslanov	
Electoral process in the institutional political and social field as an object of scientific research: concept, essence, structure, functions	228
Taisiya M. Balandina, Vadim E. Alekseenko	
Intraprofessional stratification of military personnel of contract service	238
Wang Xiaoyan	
Practical studies of the role of innovation in the concept of "building a happy society" in China (using the example of Qingpu, Shanghai)	244
Victoria N. Vlasova, Ivan M. Vakula, Tatyana M. Chapurko	
Ways and mechanisms of improving patriotic education of young people in the educational space.....	252
Natalya Kh. Gafiatulina, Yana V. Artamonova, Daria N. Braiko	
Institute of young family: explication of determinating factors.....	257
Zhou Yi	
Management of safety training of foreign students in universities of the People's Republic of China	264
Tamara S. Ochirova, Tatiana M. Boltyrova, Lyudmila A. Dordzhieva	
Sociocultural determinants of radical youth.....	273
Galina V. Yaroshenko, Ivan A. Savushkin	
Social consequences of application artificial intelligence system in education.....	278

YOUNG SCIENTISTS	285
Kseniya D. Borisova	
Improvement of management mechanisms for the development of educational organizations of the Tula region.....	285
Andrej M. Gurevich	
«Employment» as a basic category of cognitive practices for perceiving a new social reality	292
Mikhail A. Rogovenko	
Impact of network communication tools on the attitude of voters to the elections as social and political institute.....	297
Aleksey S. Yaroshenko	
Design features of the functioning of the regional branches of the «United Russia» party in the context of the 2021 election cycle	305
REVIEWS	312
Larisa V. Ryabova	
Book review: Melas V. B., Zolotukhina-Abolina E. V. Experience and action: phenomenological and existential approaches. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2020. 253 p.;	
Zolotukhina-Abolina E. V., Melas V. B. Experience: philosophical analysis. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2022. 351 p.....	313
ANNIVERSARY DATES	317
Professor I. R. Bugayan – 80	317
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	319

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 11–16
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):11–16

Проблемы управления

Научная статья
УДК 352
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-11-16>

EDN ATFDVA

Организационные и управленческие провалы системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления

Дмитрий Владимирович Галактионов

Министерство региональной политики и массовых коммуникаций Ростовской области,
Ростов-на-Дону, Россия, galaktionov1987@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию отечественной системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов. Автором определены ключевые преимущества и недостатки действующей системы мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов.

Ключевые слова: оценка эффективности деятельности, органы местного самоуправления, органы государственной власти, показатели эффективности, управление по результатам, управленческие решения

Для цитирования: Галактионов Д. В. Организационные и управленческие провалы системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 11–16. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-11-16>. EDN ATFDVA

Problems of Management

Original article

System for evaluation the efficiency of the activities of agencies of local self-government

Dmitry V. Galaktionov

Ministry of Regional Policy and Mass Communications of the Rostov Region, Rostov-on-Don, Russia,
galaktionov1987@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the domestic system for evaluating the effectiveness of the activities of local governments of urban districts and municipal districts. The author identified the key advantages and disadvantages of the current system for monitoring the effectiveness of the activities of local governments of urban districts and municipal districts.

Keywords: evaluation of efficiency of activity, agencies of local self-government, agencies of state power, indexes of efficiency, results management, management decisions

For citation: Galaktionov D. V. System for evaluation the efficiency of the activities of agencies of local self-government. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(3):11-16. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-11-16>. EDN ATFDVA

Одна из основных задач государства – это создание системы управления, позволяющей обеспечить достижение общественно значимых целей и решение приоритетных задач. В рамках поиска оптимального решения данной задачи в 70 – 80-х гг. XX в. в большинстве западных стран оформилась методология «нового государственного менеджмента». В соответствии с ней ключевыми принципами государственного управления становятся:

- демократизация (транспарентность власти, наличие обратной связи с населением и его информированность, зависимость принимаемых государственных управленческих решений от интересов общества);

- вертикальное распределение полномочий;

- ориентация на достижение целевого результата, удовлетворяющего общественные интересы;

- эффективность;

- понятность и простота управленческих механизмов.

При этом методы, применяемые в частном секторе, начали активно адаптироваться для использования в системе государственного управления. В результате внедрения подходов «нового государственного менеджмента» в системе государственной власти сформировались механизмы управления по результатам [1, с. 133].

С 2003 – 2004 гг. в Российской Федерации начато внедрение данных механизмов, в том числе и на муниципальном уровне власти.

Необходимо отметить, что управление по результатам невозможно без измерения результата, его оценки. Учитывая тот факт, что сфера государственного управления направлена на производство общественных услуг и благ, решение разнообразных социальных, экономических, политических и других совершенно разнообразных задач, проблема измеримости результата принятых управленческих решений гораздо сложнее нежели аналогичная задача применительно к частному сектору [2, с. 6–7; 3, с. 167].

Современная практика управления муниципальными образованиями предполагает необходимость оценки эффективности их деятельности, что определяет возможности стратегического развития региона и потенциал для их бюджетного финансирования и субсидирования. Инструменты для проведения мониторинга эффективности работы органов власти в России законодательно сформированы на всех уровнях, но именно уровень муниципалитетов постоянно подвергается реформированию, что объясняется его ролью в социально-экономическом развитии территории и значимости влияния на качество жизни и комфортность проживания населения в регионе.

Таким образом, внедрение механизмов управления по результатам в систему местного самоуправления обусловило значимость проведения оценки эффективности деятельности муниципалитетов, что и разворачивается уже в течение последних 15 лет и с 2008 г. такая оценка применяется на муниципальном уровне.

В рамках реализации Указа Президента № 607 главы местных администраций до 1 мая направляют в администрацию или правительство региона отчеты о результатах работы [4]. При этом на подготовку итогового аналитического материала органам власти субъекта отводится 5 месяцев, доклад должен быть готов к 1 октября¹. За это время правительством региона должны быть подготовлены и обобщены аналитические справки по каждому показателю и рекомендации по решению проблемных вопросов, а также сформирован рейтинг муниципалитетов.

Для разъяснения порядка реализации Указа Президента федеральным Правительством утверждено соответствующее постановление № 1317. Указанное постановление дополняет перечень показателей и разъясняет методику проведения оценки².

Таким образом, для мониторинга эффективности работы органов местного самоуправления сегодня федеральным законодательством предусмотрен 41 показатель, и все они распределены по следующим сферам (см. табл.)³.

¹ Информационно-правовой портал Гарант.Ру URL <https://base.garant.ru/193208/?ysclid=lauvetmhoo504497559> (дата обращения 13.11.2022).

² Информационно-правовой портал Гарант.Ру URL <https://base.garant.ru/70286210/?ysclid=lauvjzmk413276387> (дата обращения 13.11.2022).

³ Там же; [5, с. 76].

Таблица – Показатели мониторинга эффективности работы органов местного самоуправления
Table – Indicators for monitoring the effectiveness of local self-government bodies

№ п/п	Наименование сферы	Количество показателей
1.	Экономическое развитие	8
2.	Дошкольное образование	3
3.	Общее и дополнительное образование	7
4.	Культура	3
5.	Физическая культура и спорт	2
6.	Жилищное строительство и обеспечение граждан жильем	3
7.	Жилищно-коммунальное хозяйство	4
8.	Организация муниципального управления	8
9.	Энергосбережение и повышение энергетической эффективности	2
10.	Проведение независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сферах культуры, охраны здоровья, образования и социального обслуживания	1

Использование данных показателей в течение всего срока реализации их на практике позволяет сделать некоторые выводы относительно эффективности данной системы оценки. Существующая региональная практика реализации этой нормативной базы демонстрирует ряд организационно-управленческих провалов, которые не решают поставленные задачи и не создают оптимальное информативное поле для принятия управленческих решений на уровне региона, а также не способствуют пониманию критериев эффективности деятельности органов муниципальной власти по ряду направлений социального или экономического характера.

Во-первых, перечень показателей неравномерно распределен по спектру вопросов местного значения органов муниципальной власти.

Так, федеральным законом от 06.10.2023 № 131-ФЗ городские округа реализуют свою полномочия по 44 направлениям, муниципальные районы – 38. Часть полномочий оценивается целым перечнем показателей, в то время как другие полномочия оцениваются одним показателем.

Кроме того, деятельность местных администраций по целому ряду направлений вообще не оценивается ни одним из показателей. Это прежде всего вопросы безопасности, дружбы народов, здравоохранения, мобилизационной подготовки, лесного контроля, поддержки СО НКО, благотворительной деятельности и добровольчества.

Во-вторых, следует отметить, что динамика ряда показателей не носит информативный характер, именно поэтому в региональной управленческой практике данная методика используется для проведения экспертной оценки (что отмечено федеральным законодателем) в комплексе с другими показателями, а не самостоятельно, как достаточный аналитический инструмент. Использование такого подхода (когда методикой не определены четкие критерии оценки значения показателя) может привести к субъективизму в рамках оценки деятельности местных администраций и соответственно, к неэффективным управленческим решениям относительно деятельности данного муниципального образования и прогнозов его дальнейшего развития.

В-третьих, несмотря на то, что мониторинг проводится по 41 показателю, при формировании рейтинга муниципальных образований предлагается использовать всего лишь 10 показателей.

Следующий момент, который необходимо отметить, касается анализа подходов к ранжированию администраций муниципалитетов. И здесь необходимо заметить следующее, что рейтинг муниципального образования зависит от соотношения следующих критериев:

- на 20% от того насколько население удовлетворено деятельностью местной администрации;
- на 48% от динамики показателей № 1-9 за последние три года;
- на 32% от достигнутого значения по показателям № 1-9 за последние три года¹.

¹ Информационно-правовой портал Гарант.Ру URL <https://base.garant.ru/193208/?ysclid=lauvetmhoo504497559> (дата обращения 13.11.2022).

Использование столь узкого перечня показателей для расчета рейтинга безусловно снижает уровень объективности при ранжировании территорий, и не позволяет оценить работу местных администраций по всему перечню проблем. Данный подход сужает взгляд эксперта до 1 показателя в исследуемой сфере, хотя перечень проблем на муниципальном уровне чрезвычайно широк и такие ограничения выглядят крайне нерациональными.

Особенно это актуально для субъектов РФ с неоднородными по функциональности и ресурсообеспеченности муниципальными образованиями, когда на процесс их деятельности на результативность могут влиять различные факторы (географическое положение, специализация территории, демографический и национальный состав населения, уровень образования проживающих граждан). В такой ситуации сложно говорить об объективности оценки при использовании столь узкого спектра предлагаемых показателей [6, с. 88].

Так, например, оценка деятельности по развитию дорожной инфраструктуры и транспорта представлено двумя показателями:

- доля протяженности автомобильных дорог, не отвечающих нормативным требованиям;
- доля населения не имеющего регулярного транспортного сообщения с административным центром.

При этом в практике управления и оценки при ранжировании территорий учитывается работа муниципалитета только по первому показателю.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в методике расчета рейтинга не применяются показатели, характеризующие уровень доходов населения. На наш взгляд это связано с неудачным выбором показателя «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (в разбивке по категориям работников)». Данный индикатор не позволяет сделать сколь-нибудь объективные выводы о динамике доходов и благосостояния населения данного муниципального образования.

Вместе с тем важно отметить, что законодатель при составлении методики ранжирования муниципалитетов основное внимание уделил показателю удовлетворенности населения работой местной администрации как основному индикатору эффективности работы властей. Это является безусловным преимуществом данной методики, так как позволяет населению, хотя и опосредованно, но все-таки влиять на оценку работы глав местных администраций.

Если продолжить разговор о недостатках, то возникает вопрос о сроках проведения мониторинга. Сводный доклад о результатах мониторинга подготавливается в сентябре года, следующего за отчетным, что обуславливает неэффективность принимаемых управленческих решений, направленных на повышение результативности и качества работы местных администраций. То есть результаты деятельности муниципального образования невозможно применить в процессе формирования бюджета. Это ведет к тому, что правительство или администрация соответствующего региона не способны оказать оптимальное содействие (в том числе финансовое) муниципалитетам для достижения более высоких целевых показателей [7, с. 41].

Следующий организационно-управленческий провал – это не высокая гибкость перечня показателей и, как следствие, его низкая информативность. Так, например, на сегодняшний день во всех муниципалитетах Ростовской области утверждены генеральные планы и схемы территориального планирования и необходимость мониторинга данного критерия становится неактуальна. Кроме того, в течение 10 лет в области муниципалитетами не допускается наличие просроченной кредиторской задолженности по оплате труда муниципальных учреждений.

При этом, как уже говорилось ранее, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 607 региональные власти не могут менять перечень показателей. Это не позволяет осуществлять мониторинг по показателям, характеризующим деятельность муниципалитетов, по наиболее актуальным проблемам социально-экономического развития территорий, что сказывается на уровне управляемости со стороны региональных властей¹.

И последнее, что хотелось бы отметить. Данная методика не позволяет отслеживать эффективность работы на поселенческом уровне, что влияет на нецелостное видение хозяйственного механизма

¹ Официальный сайт Правительства Ростовской области. Деятельность. Местное самоуправление. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления. URL <https://www.donland.ru/activity/1003/> (дата обращения 13.11.2022).

муниципального образования, приводит к недооценке эффективности деятельности в рамках всех структурных компонентов муниципального хозяйства.

При всех обозначенных недостатках на наш взгляд самым существенным является отсутствие расчета бюджетной эффективности. Само понятие эффективности деятельности, в самой тривиальной его трактовке, подразумевает сопоставление результатов работы и затраченных ресурсов. В то время как действующая методика концентрируется только на оценке достигнутых результатов ни коим образом не проводя анализ израсходованных на достижение цели средств. Данный подход существенно обесценивает результаты анализа, делает его односторонним и недостаточно полным для разработки оптимальных управленческих решений.

Итак, очевидно, что система оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления требует реформирования как на федеральном, так и на региональном уровнях. Безусловно, федеральному законодателю будет сложно пересмотреть сроки проведения мониторинга (учитывая особенности формирования статистических данных), однако, изменение методики мониторинга, перечня показателей и подходов к его формированию являются вполне выполнимой задачей. На региональном же уровне целесообразно формирование комплексной системы мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Список источников

1. Положихина М. А. Качество и эффективность государственного и муниципального управления: вопросы оценки // Экономические и социальные проблемы России. 2009. № 2. С. 133–156.
2. Клименко А. В. Управление и бюджетирование, ориентированные на результат. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 48 с.
3. Сметанина Т. В. Экспертные оценки и их роль в социальном мониторинге эффективности управления социально-экономическими системами // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 1. С. 165–171.
4. Никоноров В. М., Шагова Н. Ю. Подходы к оценке эффективности муниципального управления // Экономические исследования и разработки. 2019. № 7. URL <https://http://edrf.ru/article/17-07-19> (дата обращения 12.03.2023).
5. Сабына Е. Н., Сабына М.Н. Совершенствование системы оценки эффективности деятельности муниципальных образований // Экономика. Профессия. Бизнес. 2018. №1. С. 75–80.
6. Бурцева К. О. К вопросу о действующей системе оценки эффективности муниципального управления в Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 15 (357). С. 87–90. – URL: <https://moluch.ru/archive/357/79778/> (дата обращения: 12.03.2023).
7. Сологуб В. А., Куреневский А. С. Предложения по оптимизации механизма оценочного мониторинга деятельности органов местного самоуправления региональными органами власти: организационный аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 39–44. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-39-44>

References

1. Polozhikhina M. A. Quality and efficiency of state and municipal management: evaluation issues. *Economic and social problems of Russia*. 2009;(2):133–156. (In Russ.)
2. Klimenko A. V. Result-oriented management and budgeting. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2021. 48 p. (In Russ.)
3. Smetanina T. V. Expert assessments and their role in social monitoring of the effectiveness of management of socio-economic systems. *Izvestiya of St. Petersburg State University of Economics*. 2023;(1):165–171. (In Russ.)
4. Nikonorov V. M., Shagova N. Yu. Approaches to assessing the effectiveness of municipal management. *Economic research and development*. 2019;(7). Available from: <https://http://edrf.ru/article/17-07-19> [Accessed 12 March 2023]. (In Russ.)
5. Sabyna E. N., Sabyna M. N. Improving the system for evaluating the effectiveness of municipal entities. *Economy. Profession. Business*. 2018;(1):75–80. (In Russ.)

6. Burtseva K. O. On the question of the current system of evaluating the effectiveness of municipal management in the Russian Federation. *Young Scientist*. 2021;15(357):87-90. Available from: <https://moluch.ru/archive/357/79778/> / [Accessed 12 March 2023]. (In Russ.).

7. Sologub V. A., Kurenevsky A. S. Proposals for optimizing the mechanism of evaluation monitoring of the activities of local self-government bodies by regional authorities: organizational aspect. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(4):39-44. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-39-44>

Информация об авторе

Д. В. Галактионов – начальник отдела мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления управления развития местного самоуправления министерства региональной политики и массовых коммуникаций Ростовской области.

Information about the author

D. V. Galaktionov – Head of the Department for Monitoring the Effectiveness of Local Self-Government Bodies of the Department for the Development of Local Self-Government of the Ministry of Regional Policy and Mass Communications of the Rostov Region.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 06.06.2023.

The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 06.06.2023.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-17-22>

EDN AYEBVM

Управление развитием организации на основе принципов ОКР (Objective Key Results)

Владимир Викторович Келарев

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, vkclarev@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена необходимость поиска и использования новых, гибких форм управления организацией в условиях постоянно меняющейся внешней среды бизнеса. Дан обзор существующих методик выработки стратегии организации, как реакции на управления изменениями. Показаны их плюсы и минусы. Охарактеризован механизм работы системы ОКР в компании, как компетенции современного подхода в управлении бизнесом.

Ключевые слова: вертикальное и горизонтальное выравнивание целей, виды и типы целей, ключевые результаты, ромб Портера, система постановки целей, технологии управления, цикл ОКР

Для цитирования: Келарев В. В. Управление развитием организации на основе принципов ОКР (Objective Key Results) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 17–22. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-17-22>. EDN AYEBVM

Problems of Management

Original article

Managing the development of the organization based on the principles of OKR (Objective Key Results)

Vladimir V. Kelarev

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, vkclarev@yandex.ru

Abstract. The article considers the necessity of finding and using new, flexible forms of organization management in a constantly changing external business environment. It provides the overview of the existing methods for developing an organization's strategy as a response to change management. The author represents their pros and cons are shown, and characterize the mechanism of the OKR system operation in the company as the competencies of the modern approach to business management.

Keywords: goal setting system, key results, Management by Objectives, management technologies, OKR cycle, Porter's diamond, types and types of goals, vertical and horizontal alignment of goals

For citation: Kelarev V. V. Managing the development of the organization based on the principles of OKR (Objective Key Results). *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):17–22.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-17-22>. EDN AYEBVM

Функционирование современного бизнеса в нашей стране происходит в достаточно сложных условиях. На это влияет три основных фактора:

- ограничения, в которых работает вся российская экономика, вытекающие из 9 пакетов санкций Евросоюза;
- внешний мир, который находясь в состоянии ВANI-формата и представляет собой систему хрупких, нелинейных, неопределенных отношений;
- и, наконец, специальная военная операция (СВО) на Украине, которая проводится нашей страной.

Добавим к этому, что мы живем в эпоху четвертой промышленной революции, когда одним из главнейшим воздействием на макроэкономическую среду оказывают новые технологии, которые «объединяют информационный, физический и биологический миры, создавая уникальные возможности и одновременно угрозы развитию человека» [1, с. 3]. Вот почему, исходя из данных аргументов, можно сделать предположения, что те бизнес – структуры, которые смогут не только более активно адаптироваться к таким условиям, но и зачастую превосходить их, смогут быть лидерами в своих отраслях и регионах.

Не случайно чрезвычайно важно высказывание одного из руководителей американской транснациональной компании General Electric (GE) с 1981 по 2001 гг. Джека Уэлч-младшего о том, что если скорость изменений снаружи выше, чем скорость изменений внутри организации, то конец такому бизнесу близок.

Одной из достаточно апробированных методик управления изменениями в организации являются методы корректировки поведения фирм на рынке на основе адаптации своих стратегий к окружающим изменениям. Научный менеджмент прошлого столетий имеет определенные технологии управления развитием организации на основе стратегического управления. Среди таких технологий - методы стратегического развития организации на основе «управления по целям» Питера Друкера [2, гл. 3] (Management by Objectives). На рис. 1 показаны характерные черты такого подхода.

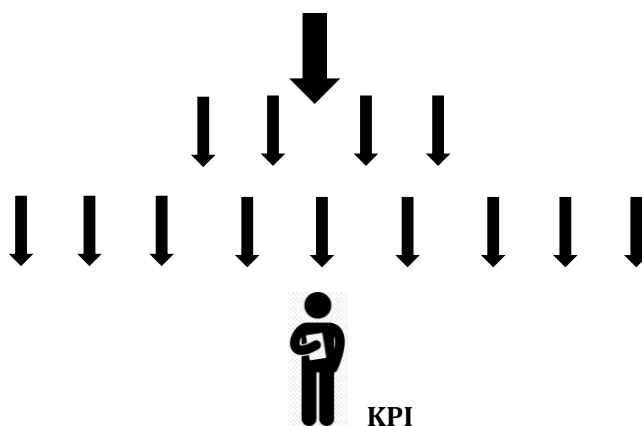

Рис. 1. Общая схема Друкера П. Management by Objectives (MBO)
Fig. 1. The general scheme of Drucker P. Management by Objectives (MBO)

Суть такова: руководство организации на основе своей миссии, видения вырабатывает ключевые цели стратегии развития. Данные цели дробятся в зависимости от структуры и функций подразделений организации и доводятся до всех бизнес – структур организации. Формируется «дерево целей». Руководство данных бизнес-подразделений в свою очередь доводит конкретные цели до каждого сотрудника и на основе показателей эффективности (KPI) оценивают результат реализации вклада каждого в выполнении целей организации, т. е. используется каскадный метод установления целей и их реализация на основе механизма KPI.

Для современной модели управления такой подход не всегда приемлем, так как не отвечает потребностям организации ввиду ряда недостатков: запаздыванием реагирования на изменения, отсутствием эффективных коммуникаций между сотрудниками и зачастую не пониманием ими главной цели и стратегии организации и т. д.

Стоит заметить, что существуют и другие подходы к управлению изменениями на основе управления стратегией организацией. Так, концепция конкурентных преимуществ Портера М. [3] определяет источники развития фирмы за счет оценки ряда факторов (ромб Портера): выработке конкурентной стратегии и анализе структур отрасли; анализе условий спроса и факторов производства, а также на анализе сопутствующих и поддерживающих отраслей. Но для того, чтобы реализовать эти преимущества как минимум необходима стабильность хотя бы в краткосрочной перспективе, и зачастую которой в современных условиях нет.

XXI век показал, что внешняя среда не просто динамично изменяется, а носит по сути черты турбулентного пространства, т.е. принимает формы динамического наращивания изменяющихся факторов [1, с. 5]. И в этих условиях лидерами становятся те организации, которые способны создавать трудно копируемые способности и развивать свои уникальные компетенции и ресурсы. Если раньше целью многих фирм и предприятий была адаптация к условиям, то сейчас этого недостаточно, ввиду активного изменения последних. И стратегия на адаптивность всегда будет запаздывать в отношении

реакции на изменения. В нынешних условиях от бизнеса, который хочет быть в числе лидеров, требуется проактивное поведение, поведение направленное на опережающее создание своих ценностей и на создание трудно копируемых способностей. Причем эти ценности и способности выражаются в уникальных компетенциях фирмы. Идеологи такого подхода – Г. Хамел и К. К. Прахалад [4] – исходят из того, что не позиционирование фирмы в отрасли главное, а главное овладеть компетенциями, которые могут обеспечить успех в долгосрочной перспективе.

Одной из такой компетенцией служит система управления развитием организацией на основе OKR технологий. Полный перевод определяет суть данного подхода: развитие за счет целей и ключевых результатов. В чем самые главные преимущества данной системы [5]:

- Сфокусированность на главных направлениях бизнеса.
- Гибкость в управлении.
- Согласованность в действиях всех подразделений организации.

Рассмотрим коротко механизм управления развитием на основе OKR. На рис. 2 показан цикл OKR.

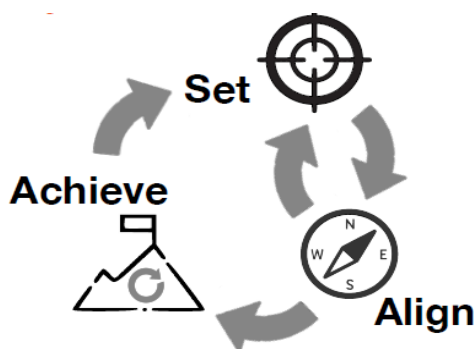

Рис. 2. Общий цикл управления организацией на основе OKR
 Fig. 2. The overall cycle of managing an organization based on OKRs

В первую очередь инициативной группой организации, или его руководством определяются и устанавливаются главные цели исходя из миссии и видения организации и ее главной стратегии. Их может быть несколько, от 1 до 3. Но главное, цели должны отвечать на вопрос «Что мы хотим сделать?». И самое важное – цели должны быть вдохновляющими, воодушевляющими, быть понятными и простыми для каждого сотрудника и самое главное – сложно достижимыми. Если цель достигнута на 100 %, значит цели были недостаточно прорывными, а если меньше 30 %, то либо слишком амбициозными, либо организация плохо работала. В системе OKR считается, что оптимально достижимая цель – 60-70%. Задача такого подхода: амбициозность – мотивация – краткость.

В таблице 1 показаны основные типы таких амбициозных целей. Как видно из табл. 4, типы целей могут носить разных характер и разные вектора развития.

Таблица 1 – Типы целей, которые используются при OKR

Table 1 - Types of goals that are used in OKRs

Предметные	Ориентир на рыночную долю / сегмент / лидерство в отрасли
Конкурентные	Превзойти конкурента в объемах, технологиях, в доминировании на рынке
Имитационные	Стать такими как...
Реформаторские	Преобразовать компанию в необходимый тип / вид / формат и т.д.

В этом случае каждая фирма/предприятие сама определяет свой путь развития. Критерий OKR в том, что цель должна качественно описывать планируемое достижение. Примеры OKR целей:

- Стать лидером в отрасли.
- Успешно запустить новый продукт или новую услугу.
- Стать узнаваемым брендом.
- Построить новое предприятие.
- Удвоить качество разработки новых продуктов... и т.д.

Для того, чтобы понять, отвечает ли цель вашей организации принципам OKR, можно использовать подход, который на основе чек-листа оценивает цель. И если она набирает все пять баллов, значит это достойная цель для фирмы. В табл. 2 дается вид такого чек-листа.

Таблица 2 – Чек-лист для проверки целей OKR

Table 2 – Checklist for OKR goals

Критерии проверки		
Ц Е Л Ь	Легко запоминается	
	Эмоционально мотивирующая	
	Лаконичная	
	Ведет к реализации стратегии компании	
	Направленная на изменения, а не на повседневную деятельность	

Следующим принципом системы OKR служит определение ключевых результатов. Ключевые результаты это показатели того, как компания достигнет своих главных целей. Они отвечают на вопрос «Как мы узнаем, что мы достигли целей?» [6, с.117]. Как правило, каждая цель организации может иметь от 2 до 5 ключевых результатов в системе OKR и они должны носить четкие метрики/показатели. К числу таких показателей относят следующие:

- Количественные показатели.
- Точные и разработанные внутри организации.
- Ключевые, самые главные характеристики результата и т.д.

Так, например, это могут быть, проценты, объемы, количество продаж, количество мероприятий, событий, время, количество откликов и т.д. Смысл всех этих процедур – определить направления развития и выделить четкие критерии, показывающие степень достижения результата.

Определяющим успехом эффективности системы OKR служит механизм выравнивания или согласования целей между всеми подразделениями или командами компаниями, а также между каждым сотрудником фирмы. Смысл выравнивания заключается в том, чтобы на основе целей и ключевых результатов компании определить место и уровень вклада каждого субъекта бизнес-процесса в их реализацию. Но, в отличие от каскадного метода а МВО, в OKR цели не спускаются сверху вниз, а формируются снизу вверх и согласовываются с главными целями и результатами компании. По сути дела это механизм «одновременно двухстороннего движения».

В чем главное преимущество такого подхода [7]:

- Показывается вклад каждого команды/сотрудника в общем результате.
- По мере совершенствования процесса постановки целей и ключевых результатов происходит грамотное и эффективное распределение ресурсов организации.
- Проявляется углубленное понимание места компании на рынке и повышается уровень вовлеченности персонала и сотрудников в работу компании.

Сам механизм выравнивания происходит в два этапа. Вначале происходит так называемое вертикальное выравнивание, когда происходит согласование целей и ключевых результатов от сотрудника к команде/подразделению и затем согласование с целями и результатами компании в целом. На рис. 3 показан такой механизм.

Рис. 3. Механизм вертикального согласования целей
Fig. 3. Mechanism for vertical alignment of goals

Затем включается механизм горизонтального выравнивания целей, предполагающий согласование целей между командами/подразделениями компании для наиболее эффективного согласования работы. Конечным итогом данного этапа является – формирование четкого согласованного плана действий организации в соответствии с главной целью.

И наконец сам механизм реализации целей фирмы и достижение ее ключевых результатов. Он исходит из некоторых постулатов.

Постулат первый. Для гибкого управления достижением целей и результатов необходимо частое измерение результатов и использование коротких итераций в согласованности в работе.

Постулат второй. Формой такого согласования являются регулярные прогресс-собрания (чекины) для формирования инициатив по реализации целей и их оценки реализации.

Как правило, примерный цикл работы на достижение результата для команды может выглядеть следующим образом:

- Прогресс-собрания (чекины) по понедельникам.
- Контрольные сверки с ключевыми результатами в середине квартала.
- Анализ результатов в конце квартала и формирование новых корректировка целей и ключевых результатов.

Механизм такой работы опирается на известные принципы гибкого управления на основе AGILE / SCRUM / KANBAN-технологий, которые широко применялись в компаниях IT мирового уровня – лидеров рынка. Таких как Google, Intel, Uber, Avito. Так, например, принципы AGILE-идеологии позволяют изменять требования к конечному продукту в течении всего его цикла разработки, если это обеспечивает его лучшее качество, по сравнению с первоначальным вариантом для потребителя.

SCRUM-технологии дают возможность создавать систему матричного управления посредством формированию команд из специалистов разных подразделений, разделять проект на мелкие составные части, устанавливая спринты (итерации) из определенных отрезков времени для решения задач и регулярно, посредством чекинов контролировать процесс реализации проекта.

KANBAN-подход нацелен на придание процессу максимальной прозрачности и равномерной распределении нагрузки между участниками. Таким образом, компания получает возможность постоянно корректировать механизм и процесс достижения своей главной цели.

В целом же преимущества системы OKR проявляются:

- в возможностях достижения амбициозных целей компании;
- использовании гибкости в управлении;
- в выравнивании и кросс-функциональном взаимодействии структур организации;
- прозрачные коммуникации внутри компании;
- фокус и дисциплина, и самое главное, высокий уровень вовлеченности сотрудников в реализацию главной цели и достижении ключевых результатов.

Вместе с тем, система OKR не идеальная система по управлению организацией. Недостатки этого подхода, в частности, отмечаются такие [8, с. 202; 9]:

- Сложности с внедрением ввиду трудности идеи о недостижимости амбициозной цели.
- Процесс внедрения затрагивает много времени и у многих возникает страх неопределенности процесса.

В целом же «реализация системы OKR для планирования развития современных экономических субъектов позволяет учитывать все имеющиеся ресурсы и возможности организации и создать условия для устойчивого функционирования» [10, с. 118].

Список источников

1. Ружанская Л. С. Стратегический менеджмент: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал-ун-та, 2019. 112 с.
2. Друкер Питер Ф. Энциклопедия менеджмента: пер.с англ. М.: Изд.дом «Вильямс», 2004. 432 с.
3. Майкл Портер. Конкуренция. СПб., М., Киев: Вильямс, 2005. 608 с.
4. Хамел Г., Прахалад К. К. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня / Пер. с англ. М.: ЗАО "Олимп-Бизнес", 2002. 288 с.
5. Филипе Кастро. OKR для начинающих. <https://felipecastro.com/en/okr/what-is-okr>.
6. Пол Нивен, Бен Ламорт. Цели и ключевые результаты. Полное руководство по внедрению OKR. пер. с англ. Э. Кондукова, А. Минайленко, В. Цэнджавын ; [науч. ред. Н. Гульчевская, И. Сукманюк]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 256 с.

7. Дорр Джон. Измеряйте самое важное. Как Google, Intel и другие компании добиваются роста с помощью OKR; пер.с англ. М. Чомахидзе-Дорониной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 336 с.
8. Тутарова Ю. В. Повышение эффективности действующего бизнеса с помощью внедрения концепции OKR (Objective Key Results) // Социальные и экономические системы. 2022. № 6-8 (37). С. 200–209.
9. Иштирякова Л. Х., Рахматуллаева К. А. Основные характеристики метода целей и ключевых результатов (OKR) и краткий обзор его практического применения // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2018. № 15. С. 72–78.
10. Головецкий Н. Я., Рыхтикова Н. А. Особенности применения метода OKR для планирования деятельности организаций // Управленческий учет. 2022. № 1-1. С. 113–119.

References

1. Ruzhanskaya L. S. *Strategic management: a textbook*. Yekaterinburg; 2019. 112 p. (In Russ.)
2. Drucker Peter F. *Encyclopedia of Management: translation from English*. Moscow: Publishing house "Williams"; 2004. 432 p., chapter 3. (In Russ.)
3. Michael Porter. *Competition*. Saint Petersburg - Moscow - Kiev: Williams; 2000. (In Russ.)
4. Hamel G., Prahalad K.K. *Competing for the future. Creating the markets of tomorrow*. Transl. from eng. Moscow: CJSC "Olimp-Business"; 2002. 288 p. (In Russ.)
5. Philippe Castro. *OKRs for beginners*. Available from: <https://felipecastro.com/en/okr/what-is-okr>.
6. Paul Niven, Ben Lamort. *Goals and key results. The Complete Guide to OKR Implementation* ; Transl. from English. E. Kondukova, A. Minailenko, V. Tsenzhavyn; [scient. ed. N. Gulchevskaya, I. Sukmanyuk]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2021. 256 p. (In Russ.)
7. Dorr John. *Measure what matters most. How Google, Intel and Others Drive Growth with OKRs*. Transl. from English. M. Chomakhidze-Doronina. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2019. 336 p. (In Russ.)
8. Tutarova Yu.V. Increasing the Efficiency of the Operating Business with the Help of the Implementation of the OKR Concept (Objective Key Results). *Social and economic systems*. 2022;6-8(37):200–209. (In Russ.)
9. Ishtiryakova L.Kh., Rakhmatullaeva K.A. Main Characteristics of the Method of Goals and Key Results (OKR) and a Brief Overview of its Practical Application. *Scientific Works of the Center for Advanced Economic Research*. 2018;(15):72–78. (In Russ.)
10. Golovetsky N.Ya., Rykhtikova N.A. Features of Application of the OKR Method for Planning the Activities of Organizations. *Management Accounting*. 2022;(1-1):113–119. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Келарев – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС, директор ООО «ОРТО».

Information about the author

V.V. Kelarev – Dr. Sci. (Economics), Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South Russia Institute of Management –branch of RANEPА, Director of ORTO LLC.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 16.06.2023.

The article was submitted 24.05.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 16.06.2023.

Управленческие основы ресурсосбережения на современных промышленных предприятиях добывающей промышленности

Сергей Сергеевич Комаров¹, Арон Сергеевич Шахвердов²

^{1,2}Университет «Синергия», Москва, Россия

¹Skomarov@synergy.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2355-727X>

²aron.shakhverdov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-2240-9434>

Аннотация. В статье рассмотрены управленческие основы ресурсосбережения на предприятиях добывающих отраслей промышленности. Актуальность данной темы связана с тем, что в современных экономических условиях российские предприятия могут успешно конкурировать на внешних рынках с иностранными компаниями исключительно при условии снижения уровня потребления ресурсов на единицу выпускаемой продукции. Также данная проблема актуальна и в связи с санкционным давлением, дефицитом ресурсов, поступающих в российскую экономику и в российские добывающие отрасли промышленности. В этой связи в статье раскрыты проблемы ресурсосбережения с точки зрения управления данным процессом, определена организационно-экономическая сущность процесса ресурсосбережения на современных промышленных предприятиях добывающей промышленности; факторы, воздействующие на состояние ресурсосбережения перерабатывающих предприятий; этапы формирования механизма управления ресурсосбережением на добывающих предприятиях; описана система организационного менеджмента, направленная на принятие управленческих решений, связанных с проектами ресурсосбережения; предложена методика ранжирования инвестиционных проектов ресурсосбережения, направленная на решение проблем принятия управленческих решений в данной сфере управления предприятием.

Для решения поставленных задач в процессе исследования были использованы следующие методы: аналитический, сравнительный, описательный, графический, табличный и метод сравнения результатов анализа инвестиционных проектов. Теоретической основой исследования являются работы ведущих зарубежных и отечественных ученых, посвященные вопросам разработки и внедрения стратегии ресурсосбережения на промышленных предприятиях.

Научная новизна исследования состоит в систематизации теоретико-прикладных основ реализации политики ресурсосбережения и принятия управленческих решений по поводу ресурсосбережения на современных предприятиях добывающей промышленности.

Ключевые слова: добывающее предприятие, методика, механизм, организационный менеджмент, ресурсосбережение, стратегия, управленческое решение

Для цитирования: Комаров С. С., Шахвердов А. С. Управленческие основы ресурсосбережения на современных промышленных предприятиях добывающей промышленности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 23–32. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-23-32>. EDN BBWNUI

Problems of Management

Original article

Management foundations of resource saving at modern industrial enterprises of the extractive industry

Sergey S. Komarov¹, Aron S. Shakhverdov²

^{1,2}Synergy University, Moscow, Russia

¹Skomarov@synergy.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2355-727X>

²aron.shakhverdov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-2240-9434>

Abstract. The article considers the managerial foundations of resource saving at enterprises in the extractive industries. The relevance of this topic is due to the fact that in the current economic conditions, Russian enterprises can successfully compete in foreign markets with foreign companies only if the level of resource consumption per unit of output is reduced. Also, this problem is also relevant in connection with the pressure of sanctions, the lack of resources entering the Russian economy and the Russian extractive industries.

In this regard, this article reveals the problems of resource saving from the point of view of managing this process, defines the organizational and economic essence of the resource saving process at modern industrial enterprises in the extractive industry; factors affecting the state of resource saving processing enterprises; stages of formation of the resource saving management mechanism at mining enterprises; the system of organizational management is described, aimed at making managerial decisions related to resource conservation projects; a method of ranking resource-saving investment projects is proposed, aimed at solving the problems of making managerial decisions in this area of enterprise management.

To solve the tasks set in the research process, the following methods were used: analytical, comparative, descriptive, graphical, tabular and the method of comparing the results of the analysis of investment projects. The theoretical basis of the study is the work of leading foreign and domestic scientists devoted to the development and implementation of a resource-saving strategy in industrial enterprises.

The scientific novelty of the study lies in the systematization of the theoretical and applied foundations for the implementation of the resource conservation policy and the adoption of managerial decisions regarding resource conservation at modern mining enterprises.

Keywords: resource saving, organizational management, methodology, management decision, mining enterprise, mechanism, strategy

For citation: Komarov S. S., Shakhverdov A. S. Management foundations of resource saving at modern industrial enterprises of the extractive industry. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):23-32. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-23-32>. EDN BBWNUI

Постановка проблемы. В настоящее время функционирование добывающих предприятий в условиях ограниченности и стоимости ресурсов ставит перед хозяйствующими субъектами острые вопросы, связанные с экономией ресурсов, предусматривающих ориентацию организационного менеджмента на внедрение стратегии ресурсосбережения, формирования механизма, который способен данную стратегию реализовать

При этом не имеет существенного значения, о каком именно ресурсе идет речь, поскольку современная экономическая ситуация требует экономии всех ресурсов (финансовых, материальных, трудовых, инвестиционных вложений в развитие производства), поскольку их дефицит является объективной экономической реальностью, многократно усиленной санкционным давлением.

Вопросам эффективного использования и воспроизводства ресурсов посвящены труды известных отечественных и зарубежных ученых-экономистов, таких как П. Дуглас, Дж. Б. Кларк, К. Кобб, А. Маршалл и другие.

Этими учеными исследованы отдельные вопросы, связанные с проблемой воспроизводства ресурсного потенциала, однако это не снижает ее актуальность и необходимость разработки новых, адаптированных к современным условиям подходов к вопросу ресурсного потенциала, как одного из факторов обеспечения экономического роста добывающих предприятий.

К вопросам ресурсосбережения в настоящее время обращались Антипова О. В. [1], Арутюнян Ю. И., Гоник Г. Г. [2], Богатырев В. А., Богатырев А. В., Ефимычев А. Ю. [3], Валиев В.Н., Косолапов О.В. [4], Гизятов И. И. [5], Кононенко Е. С. [6], Негреева В. В., Филимонова А. В., Замятина А. А. [7], Савадова Л. Ю. [8], Цховребов Э. С. [9] и др.

Анализ указанных выше работ показывает, что сложность процесса управления ресурсосбережением на промышленном предприятии определяется следующими особенностями:

- во-первых, процесс управления протекает в рамках динамической производственной деятельности, когда даже незначительные изменения в технологическом процессе, организации производства, логистике влекут за собой дополнительные и нежелательные производственные затраты;
- во-вторых, субъект управления влияет на сложный объект, состоящий из разнообразных ресурсов (материально-сырьевых, финансовых, информационных, трудовых и т.д.);
- в-третьих, процесс управления ресурсосбережением состоит из бесчисленных функциональных операций, выполняемых различными структурными подразделениями компании, взаимодействующими между собой и наружной средой.

Наличие данных условий затрудняет процессы организационного менеджмента, связанного с управлением ресурсосбережением, требуют дальнейшего научно поиска в данном направлении.

Постановка задачи. Целью работы является разработка направлений совершенствования механизма управления ресурсосбережением, принятия управленческих решений по поводу ресурсосбережения на современных промышленных предприятиях.

Для достижения поставленной цели требуется решение следующих задач:

- раскрыть сущность и основные проблемы ресурсосбережения;

- оценить состояние и возможности улучшения стратегического управления ресурсосбережением предприятия;
- обосновать возможности принятия эффективных управленческих решений, касающихся внедрения проектов ресурсосбережения на современных предприятиях.

Методология. Для решения поставленных задач в процессе исследования были использованы следующие методы: аналитический, сравнительный, описательный, графический, табличный и метод сравнения результатов анализа инвестиционных проектов. Теоретической основой исследования являются работы ведущих зарубежных и отечественных ученых, посвященные вопросам разработки и внедрения стратегии ресурсосбережения на промышленных предприятиях.

Научная новизна исследования состоит в систематизации теоретико-прикладных основ реализации политики ресурсосбережения и принятия управленческих решений по поводу ресурсосбережения на современных промышленных предприятиях добывающих отраслей промышленности.

Изложение основного материала. Проблема ресурсосбережения, оставаясь одной из важнейших во всем мире, признана на уровне международных организаций, в частности ООН, важнейшей проблемой цивилизационного развития. Данная проблема актуальна для всех развитых стран и становится приоритетной и в России, в которой задекларирована необходимость формирования системного подхода к управлению ресурсами (материальными и энергетическими) на протяжении всего жизненного цикла за счет более устойчивого (рационального) производства, обработки и использования природных и техногенных ресурсов¹.

Само понятие «ресурсосбережение» многоаспектно и может проявляться во многих явлениях: со стороны общественно-необходимого труда как уменьшение затрат на выпуск продукции, рост нормы прибыли, улучшение состояния окружающей природной среды, а со стороны предприятия – в виде энергосбережения, материалосбережения, трудосбережения и т.д. [6].

Ресурсосбережение является одним из ключевых направлений в политике управления современными предприятиями и, в контексте данного исследования, с учетом определений, приведенных в работах [1, 3, 6, 8], рассматривается как процесс снижения материалоемкости и энергоемкости единицы продукции, сокращения затрат в производстве, увеличения выхода конечной продукции методом внедрения достижений научно-технического прогресса и внедрения организационно-экономических моделей управления, предлагаемых современной наукой; это метод хозяйствования, при котором рациональное использование всех ресурсов предприятия обязательно сопровождается внедрением ресурсосберегающих технологий и принятием эффективных управленческих решений в отношении них.

К сожалению, приходится признать, что Россия существенно отстала от развитых стран мира в области ресурсосбережения, что снижает конкурентоспособность национальной экономики, делает Россию крайне уязвимой в плане поставки товаров на внешние рынки (табл. 1).

Таблица 1 – Затраты ресурсов на 1 долл. США готовой продукции (исключая оплату труда) в разных странах мира в 2021 году (%)²

Table 1 – Resource costs per US\$ 1 of finished products (excluding labor costs) in different countries of the world in 2021 (%)

Отрасли промышленности	Затраты			
	Россия	ЕС	Китай	США
Машиностроительный комплекс	42,2	17,2	21,3	13,1
Химическая и нефтехимическая промышленность	23,2	17,2	24,8	14,6
Топливо-энергетический комплекс	34,5	22,2	24,9	21,2
Металлургический комплекс	33,7	22,2	21,7	17,6
Агропромышленный комплекс	32,1	15,5	20,2	17,2
ЖКХ	27,6	11,2	29,4	14,7

Как видно из приведенных данных, расход ресурсов в добывающих отраслях России достигает значений, которые превышают показатели стран – конкурентов в 1,5-1,6 раза.

В этой связи перед нашей страной, по-прежнему, стоит задача создания эффективного механизма стратегического управления ресурсосбережением в добывающих отраслях, которое является процессом, направленным на достижение оптимального уровня затрат ресурсов на единицу продукции

¹ Паспорт отраслевой программы «Применение вторичных ресурсов и вторичного сырья из отходов в промышленном производстве» URL: <https://rulaws.ru/acts/Pasport-otraslevoy-programmy/>.

² Составлено по данным: Industrial development report 2022. URL: <https://www.unido.org/sites/default/files/files/2021-11/IDR%202022%20-%20EBOOK.pdf>

с учетом стратегических задач развития экономики и возможностей внедрения новых технологий, технологических процессов, материалов и энергетических компонентов, позволяющих экономить ресурсы, снижая себестоимость продукции не снижая ее качества.

Как показывает таблица, приведенная выше, современная ситуация в РФ обуславливает не только целесообразность, но и необходимость продвижения стратегии ресурсосберегающего типа производства, требующего повышения эффективности использования всех видов ресурсов: материальных, энергетических, технико-технологических, финансовых, информационных, трудовых, интеллектуальных.

В данном контексте укажем на то, что управление ресурсосбережением должно представлять собой комплексный процесс, связанный с управлением качеством продукции, транспортировкой и хранением, а также экологией, поскольку источником всех ресурсов, в том числе материальных, является природа. Фрагментарное или точечное внедрение ресурсосбережения на предприятии не может обеспечить устойчивое получение положительных эффектов, в связи с чем речь должна идти о системном подходе к данной проблеме.

Таким образом, процесс ресурсосбережения на промышленных предприятиях не может осуществляться внепланово и бессистемно, в связи с чем в деятельности промышленных предприятий значительное место занимает стратегия ресурсосбережения. Анализ работ [4, 7, 12] позволяет говорить о том, что данная стратегия представляет собой двуединую организационную структуру, в которой соединены система производства и принятия управленческих решений в области ресурсосбережения, которые подчинены общей идее ресурсосбережения, заложенной в структуру миссии предприятия.

Ведущим в данном процессе являются два момента. Во-первых, ресурсосберегающая политика, как система управления, представляет собой процесс формирования и реализации управленческих решений (рис. 1).

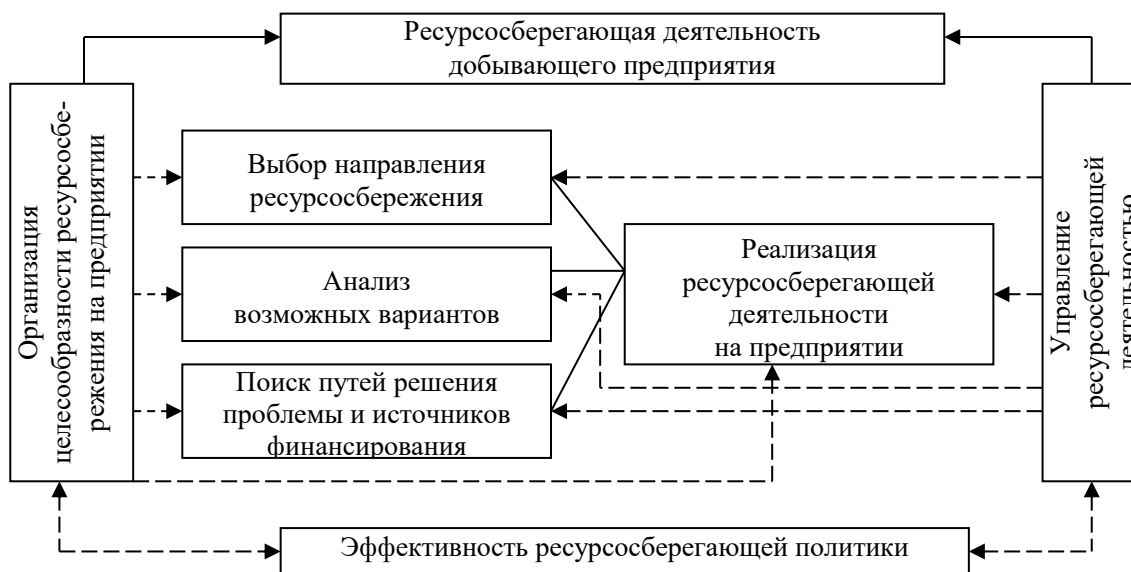

Рис. 1. Организационно-экономическая сущность процесса ресурсосбережения на промышленном предприятии добывающей отрасли промышленности (составлено авторами)

Fig. 1 – Organizational and economic essence of the resource saving process at an industrial enterprise of the extractive industry (compiled by the authors)

Следует сказать, что сама же система ресурсосбережения на добывающих предприятиях России находится под воздействием различных факторов, которые необходимо учитывать, рассматривая тактические либо стратегические аспекты ресурсосбережения. Как показывает проведенный нами анализ работ по ресурсосбережению [7, 10–12] составляющие, которые в наибольшей степени воздействуют на данную сферу деятельности, можно объединить в следующие группы: природно-биологическая составляющая, финансовая составляющая, информационная составляющая, кадровая составляющая, управленческая и инновационная составляющие (рис. 2).

Сама же стратегия ресурсосбережения должна быть направлена на то, чтобы по возможности нивелировать влияние данных составляющих на состояние ресурсосбережения, для чего предприятию необходимо сформировать соответствующий механизм управления ресурсосбережением.

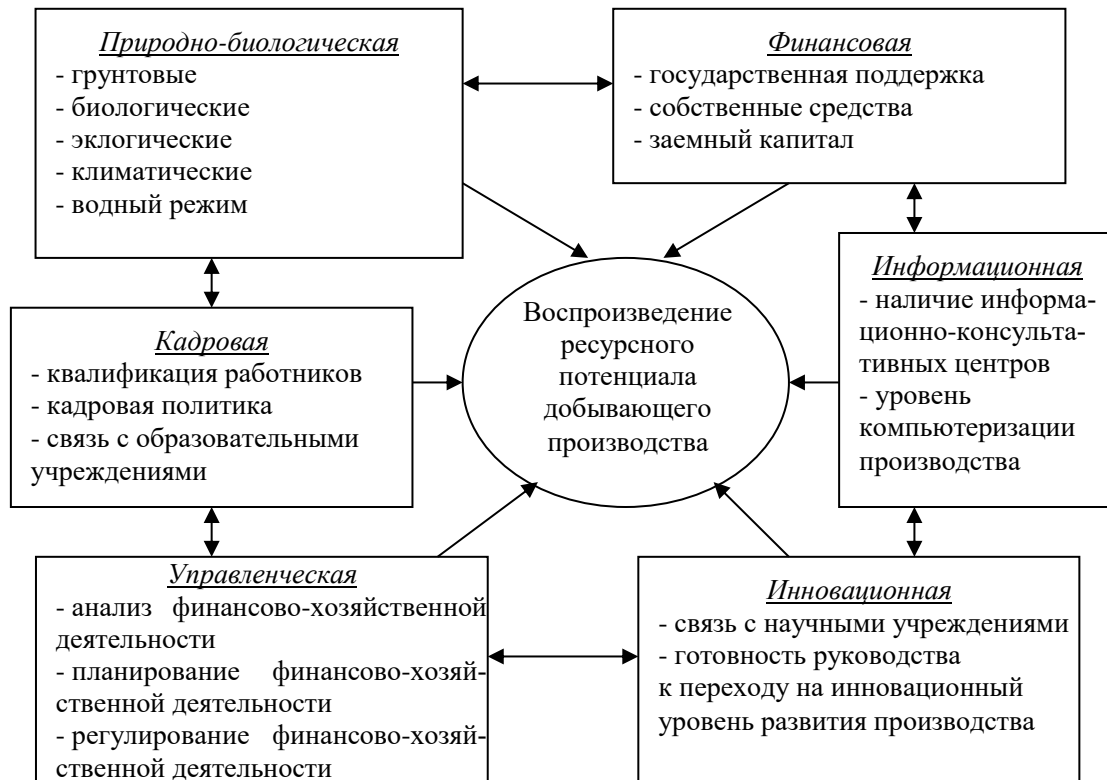

Рис. 2. Составляющие элементы воздействия на состояние ресурсосбережения добывающих предприятий (составлено авторами)

Fig. 2. Constituent elements of the impact on the state of resource conservation of extractive enterprises (compiled by the authors)

Этап формирования механизма управления ресурсосбережением на добывающих предприятиях изображен на рис. 3.

Рис. 3. Этапы формирования механизма управления ресурсосбережением на добывающих предприятиях (составлено авторами)

Fig. 3. Stages of the formation of a resource-saving management mechanism at mining enterprises (compiled by the authors)

Не подлежит сомнению, что переход к ресурсосберегающему развитию российской промышленности способствует обеспечению устойчивого развития как регионов, так и в целом национальной экономики. Это предполагает формирование эффективной системы организационного менеджмента, способного создать условия для принятия взвешенных и эффективных управленческих решений, касающихся утверждения того или иного инвестиционного проекта, связанного с ресурсосбережением. Исходя из вышесказанного, нами предлагается алгоритм принятия управленческих решений по ресурсосбережению (рис. 4), который мы рекомендуем к использованию на российских предприятиях добывающей промышленности.

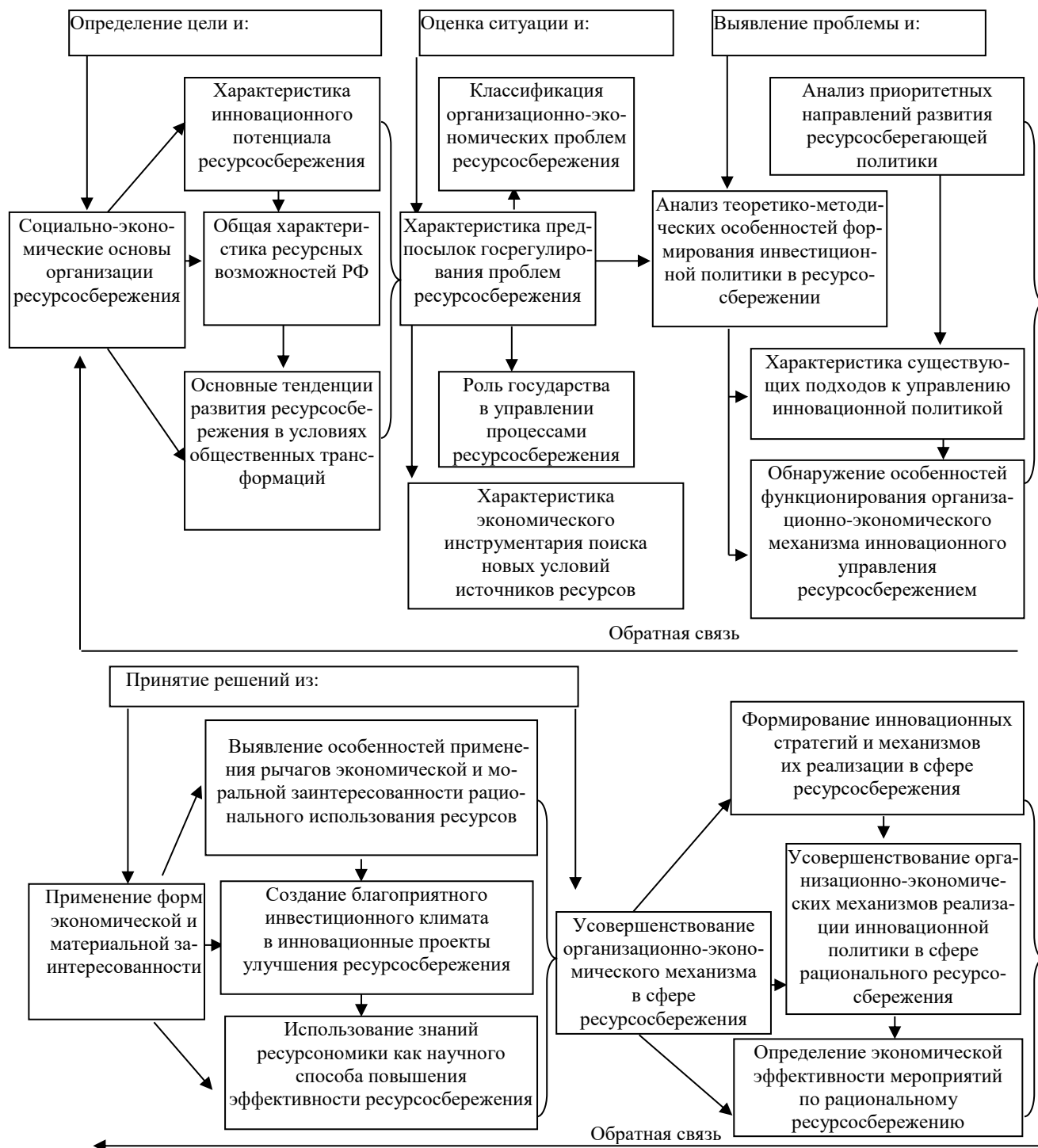

Рис. 4 – Система организационного менеджмента, направленная на принятие управленческих решений, связанных с проектами ресурсосбережения (составлено авторами)

Fig. 4 – Organizational management system aimed at making managerial decisions related to resource saving projects (compiled by the authors)

Обращает на себя внимание то, что в процессе принятия решений по поводу реализации проектов, связанных с ресурсосбережением, перед руководством предприятий встает проблема выбора проекта из нескольких альтернатив. При этом в распоряжении руководителей имеется, как правило, рабочая информация, подготовленная по результатам финансово-экономического, инвестиционного, экологического анализа, которую необходимо свести к некому результирующему показателю, позволяющему объективно оценить проект.

В этой связи мы предлагаем относительно простую методику оценки проектов, направленных на решение проблем ресурсосбережения с использованием бальной оценки различных показателей (табл. 2).

Таблица 2 – Условия ранжирования инвестиционных проектов ресурсосбережения

Table 2 – Ranking conditions for resource-saving investment projects

1. Срок окупаемости				
до 6 мес.	до 1 года	2 -3 г.	4 – 5 лет	> 5 лет
5 баллов	4 балла	3 балла	2 балла	1 балл
2. Индекс рентабельности				
1 – 1,2	1,3-1,5		1,6-1,8	>1,8
4 балла	6 баллов		8 баллов	10 баллов
3. Финансовая рискованность				
минимальная		повышенная		высокая
10 баллов		5 баллов		1 балл
4. Стадия жизненного цикла развития предприятия				
зарождение		рост	зрелость	спад
10 баллов		8 баллов	6 баллов	4 балла
5. Экологический риск				
безрисковый	минимальный	повышенный	критический	недопустимый
5 баллов	4 балла	3 балла	2 балла	1 балл

При этом в процессе анализа учитывается весомость каждого показателя (табл. 3).

Таблица 3 – «Весовые» значения ранжирования проектов

Table 3 – "Weight" values of project ranking

Показатель	1	2	3	4	5
Весомость, баллов	8	10	9	7	6

Результирующим показателем будет интегральный коэффициент приоритетных мер:

$$K_{инт} = \frac{\sum_{i=1}^n \alpha_j \times \beta_{ij}}{n}$$

где α_j – весомость j-го показателя по десятибалльной шкале;

β_{ij} – оценка i-м экспертом;

j = 1, 2, ..., 5 – количество оцениваемых параметров;

i = 1, 2, ..., n – количество экспертов.

В табл. 4 показано на условном примере, как работает данная методика.

Таким образом, синтез различных показателей, определяющих целесообразность выбора проекта ресурсосбережения, однозначно свидетельствует о приоритетности проекта «Б».

Отметим, что процессы ресурсосбережения на предприятии оказывают положительное влияние на широкий круг субъектов, воспринимающих его результаты. К ним можно отнести: предприятие-исполнителя ресурсосберегающих мероприятий, потребителей его продукции, торговых партнеров, работников предприятия. Для каждого субъекта эффект от ресурсосбережения заключается в улучшении условий деятельности, увеличении его доходов и улучшении качества продукции (рис. 5).

Таблица 4 – Пример использования методики ранжирования инвестиционных проектов ресурсосбережения

Table 4 – An example of using the methodology for ranking resource-saving investment projects

Показатели	Проект А			Проект Б		
	Условие	Расчёт	Результирующий показатель	Условие	Расчёт	Результирующий показатель
Срок окупаемости	1 год	4.0 x 8.0	32.0	2 года	3.0 x 8.0	24.0
Рентабельность инвестиций	1,3	6.0 x 10.0	60.0	1,8	8.0 x 10.0	80.0
Финансовая рискованность	Повышенная	-	5.0	Минимальная	-	10.0
Стадия жизненного цикла организации	Зрелость	-	6.0	Зрелость	-	6.0
Экологический риск	Повышенный	-	3.0	Минимальный	-	4.0
Сумма баллов			106.0			124.0

Рис. 5. Влияние ресурсосбережения на различных участников производственной деятельности промышленных предприятий (составлено авторами)

Fig. 5 – The impact of resource conservation on various participants in the production activities of industrial enterprises (compiled by the authors)

Таким образом, мы можем говорить о том, что принятие взвешенных управленческих решений и эффективное ресурсосбережение позволит оптимизировать производственные затраты и способствовать увеличению прибыльности предприятия, решая, при этом вопросы повышения качества управления человеческим капиталом предприятия.

Заключение

Таким образом, ресурсосберегающая деятельность перерабатывающих предприятий представляет собой систему технических, технологических, организационных, экономических, социальных мероприятий и средств, направленных на рациональное использование всех видов ресурсов, с учетом технологических, финансовых, организационных возможностей предприятия.

При этом сам механизм управления ресурсосберегающей деятельностью должен ориентироваться на комплексный и системный характер процесса ресурсосбережения.

При этом важным элементом организационного менеджмента, направленного на решение проблем ресурсосбережения, является принятие эффективных управленческих решений, позволяющих внедрять по настоящему эффективные ресурсосберегающие технологии, обеспечивающие предприятиям высокий уровень доходности, рентабельность, при минимальных уровнях финансового и экологического риска.

Следует сказать, что по нашему мнению, главные предпосылки низкой эффективности ресурсосбережения в России лежат не столько в плоскости нехватки теоретических, технологических и технических разработок, сколько в недостаточности денежных источников для внедрения таких разработок, инертности публичного мышления, включая управляющих всех рангов научного и инженерного корпуса, отсутствия мотивации к повышению эффективности управления ресурсами.

В этой связи перспективным направлением дальнейших исследований автора станет формирование практического и эффективного инструментария, позволяющего провести оценку эффективности ресурсосберегающих мероприятий на промышленных предприятиях.

Список источников

1. Антипова О. В. Теоретические основы ресурсосбережения // Вестник Академии знаний. 2020. №36. С. 19–27.
2. Арутюнян Ю. И., Гоник Г. Г. Управление ресурсосбережением фирмы // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. №37. С. 15–22.
3. Богатырев В. А., Богатырев А. В., Ефимычев А. Ю. Ресурсосбережение как направление модернизации экономики // Организатор производства. 2011. №4. С. 55–63.
4. Валиев В. Н., Косолапов О. В. Ресурсосберегающий аспект устойчивого развития [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursosberegayuschiy-aspekt-ustoychivogo-razvitiya/viewer>
5. Гизятов И. И. Содержание ресурсосбережения в промышленности // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2010. №3. С. 33–38.
6. Кононенко Е. С. Маркетинг ресурсосбережения: теория, методология, практика: монография. М.: Профессор, 2016. 160 с.
7. Негреева В. В., Филимонова А. В., Замятина А. А. Принципы и методы управления ресурсосбережением на предприятии // Заметки ученого. 2020. № 10. С. 353–358.
8. Савадова Л. Ю. Теоретико-методологические аспекты ресурсосбережения // Сборник научных трудов СевКазГТУ. Серия «Экономика». 2006. № 3. С. 51–60.
9. Цховребов Э. С. Ресурсосбережение: основные этапы становления, теории и методы, тенденции и перспективы развития в промышленности и строительной индустрии России // Вестник МГСУ. 2020. Т. 15. В. 1. С. 112–158.
10. Черномуров Ф. М., Ануфриев В. П., Теслюк Л. М. Энерго- и ресурсосбережение в нефтегазохимическом комплексе // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://elar.ufrfu.ru/bitstream/10995/28035/1/chernomutov_anufriev_tesluk_2014.pdf.
11. Шинкевич А. И. Оценка уровня ресурсосбережения в нефтехимическом комплексе // Computational nanotechnology. 2019 № 1. С. 34–39.
12. Негреева В. В., Кочегарова Т. С., Филимонова А. В., Цимбалист-Колесникова И. А. Экономико-экологические аспекты ресурсосбережения // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2021. №1. С. 94–103.

References

1. Antipova O. V. Theoretical foundations of resource conservation. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020;(36):19–27. (In Russ.)
2. Harutyunyan Yu. I., Gonik G. G. Management of resource-saving firms. *Natural-humanitarian research*. 2021;(37):15–22. (In Russ.)
3. Bogatyrev V. A., Bogatyrev A.V., Efimychev A. Yu. Resource conservation as a direction of modernization of the economy. *Organizer of production*. 2011;(4):55–63. (In Russ.)
4. Valiev V. N., Kosolapov O. V. *Resource-saving aspect of sustainable development* [Electronic resource]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/resursosberegayuschiy-aspekt-ustoychivogo-razvitiya/viewer>. (In Russ.)

Problems of Management

Komarov S. S., Shakhverdov A. S. Management foundations of resource saving at modern industrial enterprises of the extractive industry

5. Gizyatov I. I. The content of resource saving in industry. *Modern trends in economics and management: a new look*. 2010;(3):33–38. (In Russ.)

6. Kononenko E. S. *Marketing of resource saving: theory, methodology, practice*: monograph. Moscow: Professor; 2016. 160 p. (In Russ.)

7. Negreeva V. V., Filimonova A. V., Zamyatina A. A. Principles and methods of resource conservation management at the enterprise. *Notes of the scientist*. 2020;(10):353–358. (In Russ.)

8. Savadova L. Yu. Theoretical and methodological aspects of resource conservation. *Collection of scientific papers of SevKazSTU. The series "Economics"*. 2006;(3):51–60. (In Russ.)

9. Tskhovrebov E. S. Resource conservation: the main stages of formation, theories and methods, trends and prospects of development in industry and the construction industry of Russia. *Vestnik MGSU*. 2020;15(1):112–158. (In Russ.)

10. Chernomurov F. M., Anufriev V. P., Teslyuk L. M. *Energy and resource conservation in the petrochemical complex*. Available from: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28035/1/chernomurov_anufriev_teslyuk_2014.pdf. (In Russ.)

11. Shinkevich A. I. Assessment of the level of resource saving in the petrochemical complex. *Computational nanotechnology*. 2019;(1):34–39. (In Russ.)

12. Negreeva V. V., Kochegarova T. S., Filimonova A. V., Zimbalist-Kolesnikova I. A. Economic and environmental aspects of resource conservation. *Scientific journal of NIU ITMO. The series "Economics and Environmental Management"*. 2021;(1):94–103. (In Russ.)

Информация об авторах

С. С. Комаров – кандидат политических наук, декан факультета государственного и муниципального управления, Университет «Синергия».

А. С. Шахвердов – аспирант факультета экономики, Университет «Синергия».

Information about the authors

S. S. Komarov – Cand. Sci. (Politology), Dean of the Faculty of State and Municipal Administration, Synergy University.

A. S. Shakhverdov – Postgraduate of the Faculty of Economics, Synergy University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.07.2023; одобрена после рецензирования 02.08.2023; принята к публикации 03.08.2023.

The article was submitted 19.07.2023; approved after reviewing 02.08.2023; accepted for publication 03.08.2023.

Научная статья
УДК 338
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-33-39>

EDN CCOSIZ

Оценка системы менеджмента в отраслях экономики: проблемы и перспективы развития

Алла Алексеевна Лысоченко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, aalysochenko@sfedu.ru,
alla44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9173-6667>

Аннотация. Современная система менеджмента для организации включает в себя ряд важных операций: планирование издержек, планирование производства, планирование сбыта, финансовое планирование. В отраслях экономики система менеджмента направлена на планирование деятельности организаций в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах, чтобы обеспечить получение максимально возможной прибыли с минимальными затратами в условиях изменчивости состояния рынка и поддержки со стороны государства, однако отличается самой системой управления по отраслям экономики. Статья показывает оценку системы менеджмента в отраслях агропромышленного комплекса, потребительского рынка и экологии. Оценка развития трех отраслей экономики в текущем периоде в Ростовской области позволила рассмотреть различные методы управления в отраслях и сформировать ряд перспективных задач развития.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, менеджмент, методы управления, отрасли экономики, оценка системы менеджмента, потребительский рынок, экология

Для цитирования: Лысоченко А. А. Оценка системы менеджмента в отраслях экономики: проблемы и перспективы развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 33–39. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-33-39>. EDN CCOSIZ

Problems of Management

Original article

Assessment of the management system in economic sectors: problems and prospects of development

Alla A. Lysochenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, aalysochenko@sfedu.ru, alla44@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9173-6667>

Abstract. A modern management system for an organization includes a number of important operations: cost planning, production planning, sales planning, financial planning. In the sectors of the economy, the management system is aimed at planning the activities of organizations in the short, medium and long term in order to ensure the maximum possible profit with minimal costs in conditions of market variability and support from the state, however, it differs in a soma management system for the sectors of the economy. The article shows an assessment of the management system in the branches of the agro-industrial complex, consumer market and ecology. The assessment of the development of three sectors of the economy in the current period in the Rostov region allowed us to consider various management methods in the industries and form a number of promising development tasks.

Keywords: management, economic sectors, management methods, assessment of the management system, agro-industrial complex, ecology, consumer market

For citation: Lysochenko Alla A. Assessment of the management system in economic sectors: problems and prospects of development. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(3):33-39. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-33-39>. EDN CCOSIZ

Менеджмент в отраслях экономики

Менеджмент формирует организацию как систему, работающую в конкурентной среде, путем постановки целей, выработки решений и достижения поставленных целей с использованием доступных ресурсов.

«Целевое управление» является основой современного менеджмента в результате которого создается система с высококвалифицированными специалистами готовыми к развитию; применению «политики открытых дверей»; созданию новаторской продукции способствующей удовлетворить потребности покупателей [1].

Современный менеджмент базируется на трех принципах: ситуационного управления (управленческие решения применяются для конкретной ситуации); системного управления (управленческие решения применяются на основе возникших обстоятельств); организационной культуры (управленческие решения зависят от норм поведения принятые в деловой практике).

Менеджмент в отраслевой структуре имеет специфические особенности. Так, отрасли экономики представляют собой совокупность организаций, предприятий, учреждений, производящих однородные товары и услуги, использующих однотипные технологии, удовлетворяющих близкие по природе потребности. Соответственно система управления и организация менеджмента будет отличаться в зависимости от отрасли экономики.

Однако на развитие организации в любой существующей отрасли оказывает влияние государственная политика экономической среды. Она прежде всего направлена на повышение благосостояния в обществе и ликвидацию провалов рынка, но и задает правила по которым совершаются коммерческие сделки, движение товарных и материальных потоков, сдерживает или наоборот развивает ту или иную деятельность экономических агентов.

В экономике выделяют пять основных типов отраслевой политики, которые зависят от степени вовлечения государства в принятии различных экономических решений:

наступательная отраслевая политика, где государство оказывает прямое влияние на экономическую деятельность организаций;

защитная отраслевая политика (активная) позволяет предотвратить решения организаций оказывающих неблагоприятное воздействие на экономическую среду;

защитная отраслевая политика (пассивная) – антимонопольная политика;

политика «благоприятного экономического климата» – это антимонопольная политика и политика поддержки определенных видов экономической деятельности;

в структурной политике государство координирует экономические решения и потоки капитала.

В целом, от проводимой отраслевой политики зависит дальнейшее развитие экономической системы и эффективность работы организации.

Оценка менеджмента в трех отраслях экономики: агропромышленный комплекс, потребительский рынок и экология

Важное место в любой экономике страны занимает агропромышленный комплекс, так как он является жизнеобеспечивающей отраслью экономики. Менеджмент в агропромышленном комплексе включает в себя систему управления и принятия решений направленных на рост объемов производства сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственного сырья, обеспечения продовольственной безопасности в продовольствии. На государственном уровне система управления агропромышленным комплексом делится на три уровня управления: управления на уровне субъекта, управление муниципального уровня, управление организациями [2].

Как и в других отраслях в агропромышленном комплексе существуют все типы структур управления: линейная (характерная для фермерского хозяйства), функциональная (основной руководитель и функциональные службы по растениеводству, животноводству, средств защиты растений), линейно-функциональная структура управления (подчинение одному руководителю, который принимает основное решение и наличие агрономической, экономической и других служб); дивизионная структура часто встречаемая в отраслях АПК (формируется по конкретным видам продукции (растениеводству, животноводству), матричная структура управления (группа специалистов под программу или проект). В менеджмент в АПК необходимо правильно использовать все методы экономического управления и возможности высококвалифицированных специалистов.

Рассмотрим систему менеджмента в АПК Ростовской области, крупнейшего сельскохозяйственного региона Российской Федерации. В стране область занимает 2-е место по площади сельхозугодий и посевов зерновых культур, 10 место – по плодородию пашни. Регион – лидер по валовым сборам зерна и подсолнечника. Наибольшее развитие в настоящее время уделено отраслям животноводства, производству овощей и аквакультуре.

С каждым годом наращивается темп прироста производства продукции сельского хозяйства, так за 2022 год он составил 110,1 % или 455,7 млрд руб. (в Российской Федерации – 110,2 %), а это почти 5,2 % общероссийского производства. Рост показателя обусловлен наращиванием объемов производства животноводческой продукции (мяса – 120,8 %, молока – 100,3 %, яиц – 120,9 %), а также продукции растениеводства (15,4 млн тонн или 112 % к 2021 году собран самый большой урожай зерновых культур, в два раза увеличено производство винограда (10 тыс. тонн в год). Ежегодно обеспечивается прирост картофеля, овощей, масличных культур¹.

Только за 2022 год на развитие животноводческой отрасли профинансировано 797,2 млн руб.

На поддержку приобретения сельскохозяйственной техники направлено 529,6 млн руб. Просубсидировано приобретение 65 комбайнов, 132 тракторов, 511 единиц иной сельскохозяйственной техники. За 2022 год завершены 6 инвестиционных проектов агропромышленного комплекса на 2 млрд руб.

В Ростовской области продолжает развиваться производство пищевых продуктов, к 2021 году рост составил 9 % за счет увеличения производства мясных, молочных, хлебобулочных продуктов, а также растительного масла.

В регионе реализуется региональный проект «Экспорт продукции АПК» национального проекта «Международная кооперация и экспорт», в рамках которого увеличивается экспорт АПК (107,1 % к 2021 году), для выращивания экспортно-ориентированной сельхозпродукции введено в эксплуатацию 1,7 тыс. гектаров мелиорируемых земель, а также экспорт сельскохозяйственной продукции составил 18 млн тонн продукции на 7,2 млрд долл. США.

Кроме того, осуществляется реализация федерального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства», где 22 субъекта малого и среднего предпринимательства в сфере АПК в 2022 г. получили поддержку.

В целом, отрасль агропромышленного комплекса в Ростовской области получила 5,6 млрд руб., в том числе из федерального бюджета профинансировано 2,9 млрд руб.

Вторая отрасль экономики которую рассмотрим – потребительский рынок, который также занимает значительную долю в регионе. Менеджмент в торговой организации также содержит все классические приемы функциональных видов (производственный, инновационный, финансовый и менеджмент персонала), но уже применительно к специфике деятельности торгового предприятия.

Специфика менеджмента потребительского рынка заключается в разработке конкретных управленческих решений для различных сферах деятельности торгового предприятия. Все управленческие решения в торговой организации должны быть направлены на достижение высоких результатов, которые устанавливаются самим торговым предприятием. Кроме того, менеджмент основывается на достижении стратегических целей развития торговой организации и не должен идти в противоречие главной целью деятельности предприятия

По итогам 2022 года индекс физического объема оборота розничной торговли в регионе составил 98,0 % (в Российской Федерации – 93,3 %). Снижение показателя связано с высокими темпами инфляции, снижением реальных доходов населения, перестройкой логистических цепочек, уходом ряда иностранных компаний с российского рынка.

В 2022 году увеличился рейтинг региона по величине оборота розничной торговли, переместившись на 5-е ранговое место. В региона развивается интернет-торговля, так онлайн-продажи выросли на 5,9% (84,1 млрд рублей) и доля через интернет в общем объеме оборота розничной торговли региона составила 6,4 % (в 2021 году – 5,9 %). Ежегодно в регионе ведется мониторинг розничных цен и товарных запасов для стабилизации ценовой ситуации на рынке. С целью повышения ценовой

¹ Постановление Правительства Ростовской области от 06.03.2023 № 132 «Об утверждении отчета о реализации государственной программы Ростовской области «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» за 2022 год» / <https://www.donland.ru/documents/17283/>

доступности товаров для населения проводятся ярмарки (за 2022 год представлено 42,8 тыс. ярмарочных дней и 20,2 тыс. торговых мест¹.

В настоящее время проводится комплекса мер для развития потребительского рынка и стабилизации цен в розничной торговой сети.

Данный комплекс мер включает в себя:

- анализ средних розничных цен и наличия запасов на ограниченный перечень продовольственных и непродовольственных товаров;
- взаимосвязь с организациями сетевой торговли для мониторинга торговой наценки на социально значимые продовольственные товары (не допускается превышение свыше 10 %) и оперативному пополнению запасов социально значимых продуктов питания;
- работу телефона «горячей линии» по вопросам ценообразования на социально значимую группу продовольственных товаров первой необходимости;
- размещение информации о ценах в СМИ;
- максимальное привлечение донских сельхозпроизводителей и владельцев личных подсобных хозяйств к участию в ярмарочных мероприятиях;
- обеспечение свободного доступа производителей сельскохозяйственной продукции на розничные рынки области.

В целях увеличения каналов сбыта и доли представленности продукции местных товаропроизводителей на потребительском рынке в марте 2023 года проведена закупочная сессия с маркетплейсами: «ЯндексМаркет», «OZON» и «Свое Родное».

Брендом региона является добровольная сертификация «Сделано на Дону». Более двух тысяч юридических лиц и индивидуальных предпринимателей используют этот знак (почти 5 тыс. объектов розничной торговли). Так же участникам добровольной сертификации предоставляется льготный микрозайм в размере от 100 тысяч до 5 млн руб. на срок до 3 лет по ставке – от 5 % годовых. Область заняла второе место по уровню защищенности интересов потребителей органами государственной власти.

Менеджмент в экологии – это еще одно современное направление в экономике, которое представляет собой программно-целевое планирование и направлено на достижение целей и задач программ развития в сфере экологии (государственные программы Российской Федерации, срок реализации которых 2013-2030 годы: «Охрана окружающей среды», «Развитие лесного хозяйства», «Воспроизводство и использование природных ресурсов») [3].

Реализация всех государственных программ предусматривает сохранение и восстановление природной среды, обеспечение качества окружающей среды, ликвидация накопленного вреда окружающей среде вследствие хозяйственной и иной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата [4].

В 2022 г. на реализацию мероприятий государственной программы Ростовской области «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование» направлено 3,7 млрд руб., в том числе: средства областного бюджета – 1,2 млрд руб., средства федерального бюджета – 1,4 млрд. руб., средства местных бюджетов – 42,1 млн руб., средства внебюджетных источников – 1,1 млрд руб.²

Ежегодно в рамках областной программы «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование» в сфере водохозяйственного комплекса проводятся мониторинг хода весеннего половодья; контроль загрязнения трансграничных участков рек, расчистка рек. С 2022 г. началась реализации плана по оздоровлению и развитию водохозяйственного комплекса реки Дон, это и капитальные ремонты гидротехнических сооружений (запланировано к 2025 г. отремонтировать 8 гидротехнических сооружений), обследования водных объектов. В целом, водные ресурсы Ростовской области оцениваются в 27,7 км³, из которых только 2,7 км³ (10 %) формируются в пределах области, а основной объем (90%) поступает извне.

Площадь лесного фонда Ростовской области составляет 360,6 тыс. га, в том числе покрытая лесом площадь – 237,6 тыс. га. Лесистость территории Ростовской области составляет – 2,4 %. Все леса

¹ Ростовская область сохраняет лидирующие позиции в стране по объему оборота розничной торговли / <https://www.donland.ru/news/21653/>

² Постановление Правительства Ростовской области от 21.03.2023 № 206 «Отчет о реализации государственной программы Ростовской области «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование» за 2022 год // <https://www.donland.ru/result-report/1751/>

в Ростовской области являются защитными и несут большую рекреационную нагрузку – на тысячу жителей приходится 55 га леса. В сфере лесного хозяйства менеджмент направлен прежде всего на недопущение пожаров и проведение видеонаблюдения. Однако в 2022 г. зарегистрировано 18 лесных пожаров площадью 1187,7 га.

В целях охраны окружающей среды только за 2022 год проведено 1104 мероприятий экологического контроля (надзора), вынесено 1146 постановлений об административных правонарушениях, по штрафам собрано 21,8 млн руб.

Организован государственный мониторинг атмосферного воздуха посредством 17 федеральных стационарных постов и маршрутных наблюдений в 12 городах области.

В 2022 г. в Ростовской области разработан региональный план адаптации к изменениям климата и паспорт климатической безопасности Ростовской области¹. Города Ростов-на-Дону и Новочеркасск с 01.09.2023 будут относиться к территориям эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

В рамках региональных проектов национального проекта «Экология» в 2022 г. выполнены работы по лесовосстановлению на площади 1,7 тыс. га, а в 2023 г. – 1,9 тыс. га; обеспечена оснащенность лесохозяйственной техникой на уровне 92,6 % (план – 70 %); проведена расчистка реки Глубокая в Каменском районе (33 км), в 2023 г. 1 км балки Большая Черепаха в г. Таганрог Ростовской области.

Впервые в 2022 г. реализован План осуществления на территории Ростовской области научно-технической деятельности в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений: разработан и утвержден региональный план адаптации к изменениям климата в Ростовской области; проведено научное исследование приоритетов социально-экономического развития Ростовской области с низким уровнем выбросов парниковых газов, выработаны предложения по формированию региональных рыночных, финансовых, директивных механизмов сокращения и компенсации выбросов парниковых газов; проведен мониторинг интенсивности загрязнения атмосферы в результате движения автотранспорта по основным магистралям города Новочеркаска, проведено исследование «Мониторинг интенсивности шумового воздействия в результате движения автотранспорта по основным магистралям города Новочеркаска; начато формирование пула инженерных концепций и изобретений, нацеленных на решение проблем экологии и защиты окружающей среды – сохранение энергии и ресурсов².

Основной показатель оценки отрасли в сфере экологии – это показатель «Качество окружающей среды», который в 2022 году достигнут и составил 113,01% при плане 106,25 %.

По поручению Президента Российской Федерации Путина В. В. АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» в настоящее время формирует Стратегию развития акватории Азовского бассейна и территорий приазовского побережья, включающих Ростовскую область, Краснодарский край, Республику Крым, Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Херсонскую и Запорожскую области, а это тоже реализация менеджмента в сфере экологии.

Для Ростовской области стало важным:

Выявление участков Таганрогского залива Азовского моря, требующих принятия мер по упорядочиванию, биогеоному закреплению, террасированию склонов или реализации мероприятий в рамках градостроительной деятельности, в том числе по строительству капитальных инженерных сооружений, а также разработка проектных решений по защите побережья Азовского моря на территории Ростовской области.

Увеличение популяции рыбы в Азовском море и внутренних водоемах путем принятия комплексных мер по поддержанию естественного их воспроизводства и дополнительных мероприятий по искусственному воспроизводству. Увеличение количества выпускаемой молодежи путем расширения и восстановления имеющихся мощностей, а также за счет существующих воспроизводственных предприятий.

¹ Распоряжение Правительства Ростовской области от 11.05.2022 № 285 «Об утверждении регионального плана адаптации к изменениям климата в Ростовской области» / <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6100202205120003>

² Распоряжение Губернатора Ростовской области от 25.04.2022 № 104 «Об утверждении Плана осуществления на территории Ростовской области научно-технической деятельности в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений» / <https://www.donland.ru/documents/15634/>

Снижение негативного воздействия на водные объекты в результате модернизации коммунальной инфраструктуры.

Обеспечение сохранности источников питьевого водоснабжения и экологической безопасности водных ресурсов.

Результаты и предложения

Оценка системы менеджмента в трех отраслях экономики: АПК, экологии и продовольственного рынка позволила определить перспективные задачи развития в современной экономике.

Задачи в сфере развития агропромышленного комплекса:

ежегодное наращивание объема производства молока в сельхозорганизациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах не менее 3 %;

обеспечение прироста объема инвестиций в АПК не менее 5 % ежегодно;

увеличение объема экспорта переработанной продукции АПК в натуральном выражении на 5 %;

повышение плодородия почв Ростовской области;

увеличение доли глубокой переработки сельскохозяйственной продукции до 8 %;

создание цифровой платформы искусственного интеллекта в сфере управления отраслью сельского хозяйства.

Задачи в сфере развития потребительского рынка:

прирост объектов розничной торговли, принимающих участие в системе добровольной сертификации «Сделано на Дону»;

обеспечение ежегодного прироста объема инвестиций в развитие курируемых отраслей в размере не менее 5 %;

выполнение нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов в Ростовской области не менее чем на 100 % в целях обеспечения доступности инфраструктуры торговли для населения;

увеличение доли Интернет-торговли в общем объеме оборота розничной торговли Ростовской области до 10 %.

Задачи среднесрочные и долгосрочные в сфере экологии:

реализация мероприятий («дорожной карты») по оздоровлению и развитию водохозяйственного комплекса реки Дон (расчистка рек, капитальный ремонт гидротехнических сооружений);

сокращение несанкционированных сбросов и сбросов с превышением норматива допустимого воздействия на водные объекты не менее чем на 2 %;

сокращении выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух посредством стимулирования использования экологически чистого транспорта, мониторинга и контроля качества атмосферного воздуха;

в рамках федерального проекта «Сохранение лесов» национального проекта «Экология» ежегодный прирост площади лесовосстановления не должен составлять не менее 1 600 гектаров;

создание новых особо охраняемых природных территорий и увеличение их площади;

достижение показателя «Качество окружающей среды» в 2023 г. не менее 104,17 %, в 2024 г. не менее – 108,33 %; с 2025 по 2030 гг. не менее 108,33 %.

Заключение и перспективы исследования

Применение менеджмента в отраслях экономики будет зависеть от тех целей, задач и конкретных ситуаций которые сложились в регионе. Применение организационно-распорядительных, экономических и социально-психологических методов должны быть направлены на максимальное эффективное управление в каждой организации отрасли экономики. Однако современный менеджмент не дает четко сформулированных правил и рецептов деятельности из-за сложно меняющегося мира, в котором подвержены изменениям даже сами закономерности, по которым этот мир существует и развивается. Применение информационных технологий позволяет развивать систему менеджмента на более высоком уровне, а информация превратилась в один из важнейших ресурсов предприятия.

Цель менеджмента – достижение объектом управления некоего желаемого состояния, качественно или количественно отличающегося в лучшую сторону от существующего.

Список источников

1. Лысоченко А. А., Свиридов О.Ю. Теоретические основы стратегического управления: Учебник. Ростов-на-Дону: Изд-во «Содействие – XXI век», 2016. (переиздан в 2020 году) – 420 с.
2. Лысоченко А. А. Стратегический менеджмент в региональных системах управления отраслей экономики и оценка их развития // Вестник Академии знаний. 2021. № 42 (1). С. 212–217.
3. Лысоченко А. А. Экологическая экосистема региона: стратегическое управление и развитие. Монография. Ростов н/Д: Содействие – XX век, 2021. 140 с.
4. Лысоченко А. А. Стратегическое планирование и управление в сфере экологии и природопользования: региональный аспект / Монография. Ростов н/Д: Содействие – XX век, 2022. 138 с.

References

1. Lysochenko A. A., Sviridov O. Y. *Theoretical foundations of strategic management*: Textbook. Rostov-on-Don: Publishing house "Assistance – XXI century"; 2016. (reprinted in 2020) – 420 p. (In Russ.)
2. Lysochenko A. A. Strategic management in regional management systems of economic sectors and assessment of their development. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2021;42(1):212–217. (In Russ.)
3. Lysochenko A. A. *Ecological ecosystem of the region: strategic management and development*. Monograph. Rostov-on-Don; 2021. 140 p. (In Russ.)
4. Lysochenko A. A. *Strategic planning and management in the field of ecology and nature management: a regional aspect*. Monograph. Rostov-on-Don, 2022. 138 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Лысоченко – доктор экономических наук, профессор кафедры «Теории и технологии в менеджменте» факультета управления ЮФУ.

Information about the author

A. A. Lysochenko – Dr. Sci. (Economics), Professor of the Department «Theory and Technology in the Management» of the Faculty of Management of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 19.05.2023.

Научная статья
УДК 35.08
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-40-45>

EDN DIXCBR

Методика приоритизации задач в профессиональной деятельности специалиста контрактной системы

Екатерина Михайловна Медякова¹, Анастасия Игоревна Морозова²

¹⁻²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия
medyakova-em@ranepa.ru

Автор, ответственный за переписку: Екатерина Михайловна Медякова, medyakova-em@ranepa.ru

Аннотация. Авторами рассмотрена проблематика применения методик управления временем специалистами в сфере закупок в контрактной системе. Изучена возможность имплементации успешных методик, высоко зарекомендовавших себя в промышленности и бизнес-процессах различного уровня, в организацию рабочего времени и рабочего пространства специалиста отечественного бюджетного прокьюрента.

Ключевые слова: госзаказ, закупки, контрактная система, контрактный управляющий, тайм-менеджмент
Для цитирования: Медякова Е. М., Морозова А. И. Методика приоритизации задач в профессиональной деятельности специалиста контрактной системы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 40–45. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-40-45>. EDN DIXCBR

Problems of Management

Original article

Methodology of prioritization of tasks in the professional activity of a contract system specialist

Ekaterina M. Medyakova¹, Anastasia I. Morozova²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Ekaterina M. Medyakova, medyakova-em@ranepa.ru

Abstract. The authors consider the problems of applying time management techniques by specialists in the field of procurement in the contract system. The possibility of implementing successful techniques, highly proven in industry and business processes of various levels, in the organization of working hours and working space of a specialist of the domestic budget procurement is studied.

Keywords: state order, procurement, contract system, contract manager, time management

For citation: Medyakova E. M., Morozova A. I. Methodology of prioritization of tasks in the professional activity of a contract system specialist. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):40-45. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-40-45>. EDN DIXCBR

Профессиональная деятельность большинства специалистов определяется работой в условиях необходимости одновременного выполнения нескольких профессиональных процессов по сопровождению закупок заказчика. Такая ситуация приводит, чаще всего, к нарушению качества и сроков выполнения поставленных задач и зачастую определяется как проблема многозадачности.

Углубившись в содержание истинной и мнимой многозадачности, понятно, что большая часть того, что традиционно принимается как многозадачность, является иллюзией. Однако в таком аспекте данную тематику рассматривают в основном исследователи в сфере медицины [1]. Научные зарубежные исследования многозадачности за последние несколько десятилетий выявили, что в целом мы преувеличиваем нашу предполагаемую способность к многозадачности: корреляция с нашими реальными способностями незначительна [2]. Решение более одной когнитивной задачи одновременно доступно не более,

чем двум процентам населения, остальным требуется переключаться. Эксперимент, реализованный Р. Роджерсом и С. Мэнселлом, показал, что люди действуют медленнее, когда им приходится переключаться между делами, чем в тех ситуациях, когда они продолжают работать над одной и той же задачей [3]. В свою очередь работа Д. Рубинштейна, Д. Эванса и Д. Мейера, доказала, что переключаясь между задачами, люди теряют огромное количество времени, и этот показатель значительно увеличивался каждый раз, когда задачи становились все более сложными [4].

Таким образом, специалист, получая целый перечень заданий затрачивает время не только на достижение результата по каждому поручению, но и на переключение между ними. Можно ли оптимизировать данные процессы для специалиста в сфере закупок, при условии невозможности постановки одной задачи в рабочий день и ограниченности времени на исполнение?

При ответе на вопрос стоит учитывать также, что кроме того, наблюдается нарастание потоков информационного воздействия, что приводит к перегруженности людей не только практическими работами, но и большим объемом сведений. Результатом такого воздействия обычно становится повышенная утомляемость работника, снижение производительности труда и мотивации, появление стрессового состояния, и завершающей стадией может стать профессиональное выгорание с последующим увольнением или перерастанием эмоционального напряжения в физиологические заболевания.

Не является исключением и сфера работы специалистов в контрактной системе. Усложняющим фактором деятельности является постоянное изменение действующего законодательства (на 2022 год – 12 изменений, за 2021 год – 8 изменений, за весь период действия закона о контрактной системе РФ – более 100 изменений). Кроме того, наблюдается существенное количество принимаемых подзаконных нормативных правовых актов (за 2022 год было принято более 50 НПА), модернизирующих и корректирующих деятельность специалиста в сфере закупок согласно актуальным условиям политической и социально-экономической сферы. Этот фактор обуславливает необходимость работы специалиста в контрактной системе в условиях постоянно меняющегося правового поля, необходимости непрерывного изучения законодательства и самообразования, психологического напряжения в силу опасения нарушения норм и получения существенных штрафных санкций, предусмотренных Кодексом об административных правонарушениях РФ.

Авторами был проведен сбор данных (полевое исследование) с помощью опроса среди обучающихся на программе дополнительного профессионального образования в сфере закупок на предмет выявления проблемных аспектов профессиональной деятельности. В опросе приняли участие 82 респондента в возрасте от 26 до 62 лет, преимущественно женщины (78 %), опыт работы респондентов в рассматриваемой сфере не менее 3 лет. Первая часть исследования была направлена на формулировку и определение наиболее распространенных проблем в профессиональной деятельности специалиста в контрактной системе. По итогам опроса следует укрупненно выделить следующие проблемы:

- необходимость одновременного выполнения нескольких задач, требующих контроля и внимания;
- появление незапланированных поручений;
- изменение законодательства;
- отсутствие времени на посещение образовательных мероприятий с отрывом от работы;
- нехватка времени на решение личных и организационных задач;
- несоответствие уровня оплаты и уровня ответственности.

Таким образом, можно определить, что основные сложности, с которыми сталкиваются специалисты, связаны с перегруженностью задачами и необходимостью работы в условиях динамично меняющихся требований.

Второй этап опроса был ориентирован на выявление того, каким образом специалисты в контрактной системе работают над устранением возникающих проблем. В частности, был поставлен вопрос, пользуются ли работники современными инструментами тайм-менеджмента. Преимущественное большинство отметили только использование бумажных ежедневников и/или цифровых заметок смартфона для ведения списков заданий, пометок в календаре для отслеживания дедлайнов. В качестве причин низкого уровня использования современных инструментов и технологий управления временем были отмечены следующие:

- отсутствие времени на освоение современных технологий тайм-менеджмента;
- привычка работать с бумажными носителями (ежедневник, планер);
- незнание, какие технологии управления временем существуют;
- не считаю эффективным применение тайм-менеджмента.

Лишь 15% респондентов отметили, что используют цифровые инструменты для фиксирования и распределения поставленных на день/неделю/месяц задач, а также использовали на практике иные инструменты и подходы планирования времени.

Однако, знание и применение технологий тайм-менеджмента существенно меняет качество и достижимость результата работы. Обратившись к сути проблемы отсутствия мотивации и знаний специалистов в части работы со временем, стоит оценить результаты цифровой аналитики по запросам данной тематики в сети Интернет. Согласно данным источника Яндекс.Вордстат, можно сделать вывод о сезонности спроса на исследование технологий управления временем (рис. 1).

Пик запросов приходится на осенне-весенний период, а летний период чаще связан с отпусками, поэтому вопросам управления временем уделяется меньшее внимание.

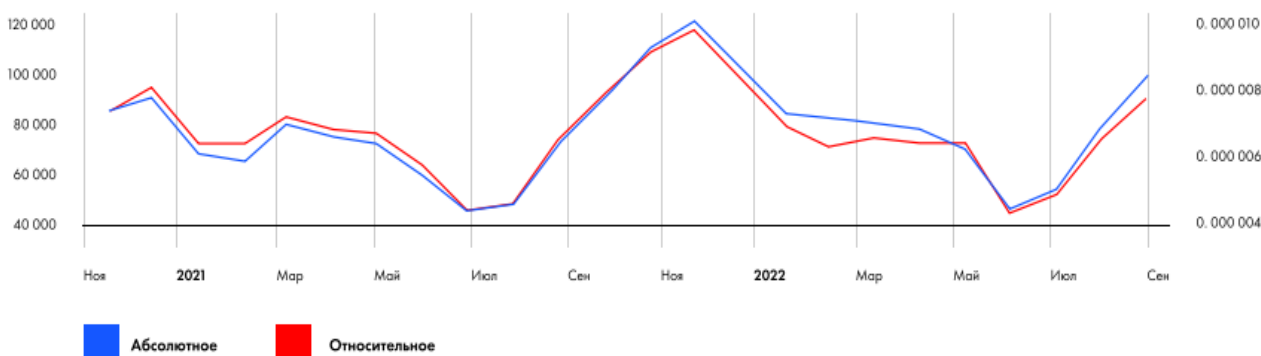

Рис. 1. Статистика запросов по фразе «тайм-менеджмент»¹

Fig. 1. Query statistics for the phrase «time management»

То есть интерес к вопросам управления временем высок, но в сфере закупочной деятельности наблюдается недостаточное осознание важности данного вопроса и применения технологий тайм-менеджмента. Наиболее значимую роль применение инструментов управления временем

Определившись с проблематикой, обратимся к концептуальным управленческим решениям. Считаем, что в случае организации закупочного процесса заказчика, специалисту в сфере закупок необходимо опираться на передовые менеджерские технологии не только бюджетного, но и коммерческого сектора. Имплементация успешных методик, высоко зарекомендовавших себя в промышленности и бизнес-процессах различного уровня, позволит поднять управленческую дисциплину и оптимизировать временные и трудовые ресурсы. Потому в качестве методики приоритизации задач в профессиональной деятельности специалиста контрактной системы в рамках данной работы рассматривается метод по организации рабочего пространства (5S).

Нормативный подход к организации рабочего пространства в отечественной практике поддерживается Национальным стандартом РФ «Бережливое производство» ГОСТ Р 56906-2016. Как указано в преамбуле, стандарт разработан для применения в любых организациях, принявших решение повышать эффективность деятельности за счет применения метода по организации рабочего пространства (5S).

Представленная система – есть система безопасной и эффективной организации рабочего места, подразумевающая простые принципы для получения максимальной выгоды из имеющихся ресурсов. Являясь, на первый взгляд, набором простых и очевидных правил, 5S призван сформировать определенную культуру. Система 5S не требует существенных затрат, а её успех целиком зависит от всеобщего понимания важности проводимых изменений. Рассмотрим данные пять уровней применительно к деятельности специалиста в сфере закупок.

Первый уровень – сортировка. Помимо технической организации сортировки документов и рабочего инструментария на физическом и цифровом рабочем столе специалиста в сфере закупок, стоит обратить внимание и на сортировку самих действий и принимаемых решений в рамках обеспечения закупочного процесса. Остановимся на трех методах.

¹ Использованы данные источника Яндекс.Вордстат и исследования SingularityApp: 10 минут на планирование в неделю значительно повышают шансы на успех. 24.07.2023. Электронный ресурс: <https://singularity-app.ru/blog/issledovanie-productivnosti-2023/> (дата обращения 01.08.2023)

Первый из них «визуализация», который позволяет наглядно представлять круг задач, которые необходимо решить в определенный период времени. Визуализацию можно реализовывать в бумажном и электронном виде. Так, можно использовать разноцветные стикеры, доски с маркерами, флипчарты и пр. Главное условие успеха данной методики – необходимая информация должна быть четкой, структурированной и находиться на видном месте. Одной из сложностей осуществления закупочной деятельности специалисты контрактной системы отмечают значительное количество сроков обязательств, нарушение которых влечет штрафные санкции. Поэтому, используя метод визуализации, можно составить план по срокам реализации закупочных действий, составить схему последовательности действий. Разноцветные стикеры можно использовать для определения отраслевых особенностей или определения важности задачи. Стоит отметить, что респонденты проведенного авторами исследования отметили успешное применение данного инструмента в своей текущей деятельности.

Метод ABC, второй метод данного этапа, позволяет решать важнейшую проблему – своевременного выполнения приоритетных задач. Метод ABC предполагает расстановку приоритетов для каждой из существующих задач для определения последовательности. А – задачи, которые требуют срочного выполнения, В – задача, которая должны быть выполнена после задач А и т.д. Этот инструмент можно интегрировать с предыдущим методом визуализации, а также использовать собственные условные обозначения для расстановки приоритетов. Цифровой формат метода ABC также удобен в использовании, позволяет в удобном для пользователя формате следить за выполнением поставленных задач и сроков их реализации.

Третий метод, матрица Эйзенхауэра, является одним из распространенных методов расстановки приоритетов и предполагает ранжирование поставленных задач на четыре квадранта с выделением на входе метки по категориям срочности и важности. Приведем пример Матрицы Эйзенхауэра в закупочной деятельности (рис. 2).

	Срочные дела	Несрочные дела
Важные дела	<ul style="list-style-type: none"> • направить запрос на получение ценовой информации • подписать контракт • разместить извещение 	<ul style="list-style-type: none"> • подписать приемочный акт • проверить план-график • составить график вебинаров на следующий месяц
Неважные дела	<ul style="list-style-type: none"> • напомнить о своевременном предоставлении информации • получить корреспонденцию 	<ul style="list-style-type: none"> • изучить историю закупок • почистить электронную почту

Рис. 2. Матрица Эйзенхауэра в закупочной деятельности

Fig. 2. The Eisenhower matrix in procurement

Матрица в сочетании с визуализацией позволит не только расставить приоритеты выполнения задач, но и пересмотреть их перечень. В ходе применения такого всех трех инструментов часть задач делегируются или вообще убирается из списка.

Второй уровень – порядок и маршрутизация. В организации рабочего пространства, например, на производстве, этот этап подразумевает рациональное расположение, то есть расположение предметов таким образом, чтобы их было легко использовать, легко находить и возвращать на место. Оптимизация процессов на данном этапе возможна, например, через такие инструменты, как «диаграмма спагетти» для работника-закупщика и диаграмма Ганта для документов и процессов для всех участников закупочного процесса заказчика.

Диаграмма спагетти визуализирует все перемещения работников, задействованных в закупочном процессе, с промежуточными остановками. С помощью нее можно рассчитать расстояние перемещения с максимальной точностью и принять правильные решения. После первичной подготовки маршрутов, стоит подумать над тем, каким образом можно исключить ненужные и неэффективные перемещения и оптимизировать время на это.

Диаграмма Ганта представляет собой инструмент визуального представления графика выполнения поставленных задач. При этом на первоначальном этапе необходимо составить перечень задач/дел, затем определить их приоритетность с указанием оптимального срока начала и окончания выполнения, а затем сформулированные задачи представить в виде диаграммы Ганта (рис. 3).

№ п/п	Этап	Длительность								
		17.09	18.09	19.09	20.09	21.09	22.09	23.09	25.09	26.09
1.	Сбор и анализ коммерческих предложений									
2.	Подготовка обоснования начальной (максимальной) цены контракта									
3.	Подписание контракта N									
4.	Проверка позиций плана-графика для новых закупок									
5.	Подготовка соглашения о расторжении контракта									
6.	Приемка бумаги офисной									
7.	Подписание электронного акта									
8.	Составление графика вебинаров									

Рис. 3. Диаграмма Ганта для специалиста в контрактной системе
 Fig. 3. Gantt chart for a specialist in the contract system

Диаграмма Ганта, доступная к реализации как в бумажном, так и в цифровом формате, позволит осуществлять планирование важных задач, временная шкала помогает в осуществлении контроля своевременности выполнения работ. Визуализация объема работ позволяет распределить нагрузку, если на один период времени приходится большое количество задач. Если работа выполняется командно, то на диаграмме можно отразить ответственных лиц и тогда каждый член команды видит свой объем задач, ресурсы, необходимые для их выполнения и срок занятости.

Третий уровень – чистота и исправность. В производственном процессе данный этап означает фактическую уборку помещений, чистку и профилактику оборудования. В управленческом процессе закупок стоит применять инструментарий для «чистки» и отсеивания выполненных процессов, обновления списка задач и отслеживания профилактических мер. Для этого применимы канбан-доски, состоящие в классическом виде из трех столбцов: «надо выполнить», «в работе», «выполнено» (рис. 4), на каждую из которых размещаются карточки с задачами. Важно использовать данный инструмент в таком формате, чтобы можно было перемещать задачи из одного столбца в другой по мере выполнения задач. Один стикер – одна задача, на которой также можно отметить срок ее выполнения.

Надо выполнить	В работе	Выполнено
Собрать к 20.09.2023 ценовые предложения для закупки 16	Подготовить ответ на запрос на разъяснение извещения закупки 12 до 18.09.2023	Подписать контракт 8 со стороны заказчика до 15.09.2023
Согласовать информацию и документы извещения закупки 15	Разместить проект контракта закупки 14 до 18.09.2023	Подготовить информацию и документы извещения закупки 10

Рис. 4. Визуализация канбан-доски специалиста в сфере закупок
 Fig. 4. Visualization of the kanban board of a specialist in the field of procurement

Наиболее удобным для совместной работы, в том числе с удаленным дистанционным доступом, представляется использование данного инструмента с помощью специализированных программных средств. Применение канбан-досок позволит минимизировать многозадачность, повысить качество и оптимизировать сроки выполнения поставленных задач.

Четвертый уровень – стандартизация. Это уровень, на котором можно добиться стабильности результатов при выполнении процедур первых трёх этапов. Тут идет речь о сочетании культуры и профессионализма, о неизменном применении указанных выше методов, о последовательном внедрении в закупочный процесс цифровых «помощников», а также оценке результатов каждого этапа и их влияния на работу всего заказчика.

Пятый уровень – совершенствование. В целом переход на этот уровень означает то, что выполненные установленных процедур превратилось в привычку. Считается, что без пятого этапа результаты

предыдущих четырёх не удастся сохранить надолго. На данном этапе необходимо периодически возвращаться к начальным действиям, пересматривать, обновлять, искать новые цифровые инструменты для оптимизации процессов.

Использование системы 5S позволяет достичь рациональной организации рабочего окружения и, как следствие устранить потери и хронофаги, повысить качество подготовленной документации, обеспечить высокую производительность труда, а также улучшить морально-психологическую обстановку в коллективе.

Таким образом, для изучения основ организации рабочего времени и рабочего пространства специалиста отечественного бюджетного прокьюрента, стоит остановиться на проблеме организации рабочего времени и рабочего пространства специалиста в сфере закупок. Организация рабочего времени и рабочего пространства специалиста в сфере закупок – мягкие навыки, крайне важные для оптимизации деятельности на профессиональной основе.

Авторская гипотеза предполагала, что использование технологий приоритизации и визуализации задач позволит специалисту в сфере закупок решить ряд таких проблем, как необходимость быстрого выполнения нескольких задач, нехватка времени, отсутствие понимания объема работ на оперативный период. Для решения изучена возможность имплементации успешных методик, высоко зарекомендовавших себя в промышленности и бизнес-процессах различного уровня, в организацию рабочего времени и рабочего пространства специалиста в сфере закупок. Применение предложенной методики позволит достигнуть требуемых решений (подготовка прозрачного списка задач, дедублирование функционала, расстановка приоритетов выполнения, учет возможного времени на непредвиденные задачи и на текущие микропроцессы). В таком случае предполагаемым результатом будет создание портфеля инструментов, адаптированных для организации рабочего времени и рабочего пространства конкретного специалиста в сфере закупок. Важнейшим условием эффективности применения рассмотренной методики является непрерывность и постоянство работы в данном направлении, при этом тандем инструментов управления временем и цифровых технологий поможет экономить время организации закупочного процесса, конечно при учете соблюдения норм информационной безопасности.

Список источников / References

1. Srna, S., Schrifft, R. Y., & Zauberman, G. (2018). The Illusion of Multitasking and Its Positive Effect on Performance. *Psychological Science*, 29(12), 1942–1955. <https://doi.org/10.1177/0956797618801013>
2. Madore KP, Wagner AD. Multicosts of Multitasking. *Cerebrum*. 2019 Apr 1;2019:cer-04-19. PMID: 32206165; PMCID: PMC7075496.
3. Schmitter-Edgecombe, M., & Langill, M. (2006). Costs of a predictable switch between simple cognitive tasks following severe closed-head injury. *Neuropsychology*, 20(6), 675–684. <https://doi.org/10.1037/0894-4105.20.6.675>
4. Rubinstein, J. S., Meyer, D. E., & Evans, J. E. (2001). Executive control of cognitive processes in task switching. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 27(4), 763–797. <https://doi.org/10.1037/0096-1523.27.4.763>

Информация об авторах

Е. М. Медякова – кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС.

А. И. Морозова – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

E. M. Medyakova – Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

A. I. Morozova – Cand. Sci. (Economics), Associate Professor at the Department of Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 26.08.2023.

The article was submitted 10.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 26.08.2023.

Научная статья

УДК 339.9

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-46-54>

EDN DLLVRY

Детерминанты обеспечения устойчивого развития развитых стран: количественная оценка

Марина Георгиевна Васькина¹, София Михайловна Христова²,
Максим Геннадьевич Пусть³

^{1, 2, 3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹mvaschina@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3659-2285>

²khristova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9547-006X>

³mpust@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2053-6113>

Аннотация. Дискуссии, связанные с необходимостью реализации процесса устойчивого развития, являются всеобъемлющими и требуют не только серьезного качественного анализа, но и использования различных методов моделирования для оценки текущей ситуации в мировой экономике. В связи с этим была проведена попытка исследовать влияние факторов, результирующих на индексе реализации целей в области устойчивого развития (ЦУР). Эконометрический анализ проведен на основе данных за 2022 год по развитым странам. Для построения множественной регрессии были выбраны факторы, оказывающие влияние на реализацию ЦУР, а именно: индекс развития человеческого капитала и валовые национальные сбережения. Результаты, полученные в ходе исследования, свидетельствуют об умеренном влиянии рассматриваемых факторов, а также о наличии иных детерминантов реализации ЦУР, таких как вовлеченность частного сектора в реализацию ЦУР; наличие устойчивых институтов, способных создать благоприятную среду для устойчивого развития; инвестиции в «зеленую экономику» и КСО; уровень образования и осведомленности о программе ООН по устойчивому развитию.

Ключевые слова: валовые национальные сбережения, ИЧР, ООН, развитые страны, уровень образования, устойчивые институты, цели устойчивого развития

Для цитирования: Васькина М. Г., Христова С. М., Пусть М. Г. Детерминанты обеспечения устойчивого развития развитых стран: количественная оценка // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 46–54. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-46-54>. EDN DLLVRY

Problems of Economics

Original article

Determinants of ensuring sustainable development in developed countries: quantitative assessment

Marina G. Vaskina¹, Sofia M. Khristova², Maxim G. Pust³

^{1, 2, 3}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹mvaschina@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3659-2285>

²khristova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9547-006X>

³mpust@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2053-6113>

Abstract. The discussion of issues related to sustainable development is broad and requires not only qualitative analysis, but also the use of modeling methods to assess the current situation in the global economy. So, in this article, the influence of factors resulting in the SDG implementation index was considered. The econometric analysis was carried out based on data for 2022 for developed countries. To construct a multiple regression,

factors influencing the implementation of the SDGs were selected, namely the human capital development index and gross national savings. The results obtained during the study indicate a moderate influence of the factors under consideration, as well as the presence of other determinants of the implementation of the SDGs, such as the involvement of the private sector in the implementation of the SDGs; the presence of sustainable institutions capable of creating a favorable environment for sustainable development; investments in the "green economy" and CSR; the level of education and awareness of the UN program on sustainable development.

Keywords: sustainable development goals, developed countries, UN, gross national savings, education level, sustainable institutions

For citation: Vaskina M. G., Khristova S. M., Pust M. G. Determinants of ensuring sustainable development in developed countries: quantitative assessment. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):46-54. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-46-54>. EDN DLLVRY

Задача устойчивого развития для большинства стран превратилась в важнейшую проблему, на которую необходимо обратить существенное внимание для ее реализации. Международные организации поставили перед странами разные цели, которым те должны следовать, чтобы добиться устойчивости и бороться с глобальными проблемами человечества (изменение климата, социальное неравенство, экономический рост и др.). Организация Объединенных Наций, например, разработала срочную Повестку дня в области устойчивого развития для всех стран, которая состоит из 17 разделов (табл. 1), названных Целями в области устойчивого развития (ЦУР), которые должны быть достигнуты к 2030 г. Эти ЦУР нацелены на ликвидацию бедности и голода, повышение благосостояния и образования людей, доступность чистой воды и другие цели, ведущие к распространению мира и процветанию среди различных народов планеты [1].

Таблица 1 – Характеристика ЦУР ООН¹

Table 1 – Characteristics of the UN Sustainable Development Goals

№	Название цели	Характеристика цели
1	Ликвидация нищеты (No poverty)	Несмотря на тенденцию сокращения бедности, многие люди все равно не могут удовлетворить базовые потребности. Согласно статистике на 2015 год около 736 миллионов человек живут менее, чем на 1,90 доллара США в день.
2	Ликвидация голода (Zero hunger)	Проблема голода препятствует развитию стран во всех сферах (оказывает влияние на человеческий капитал). Согласно статистике на 2017 год 821 миллион человек недоедает, что также оказывает влияние на окружающую среду.
3	Хорошее здоровье и благополучие (Good health and well-being)	Речь идет о последствиях растущего экономического и социального неравенства, быстрой урбанизации и потрясений климата и окружающей среды.
4	Качественное образование (Quality education)	Образование является фундаментом развития человеческого капитала. Речь идет о развитии не только школьного образования, но и профессионально-ориентированного, способствующего экономическому росту.
5	Гендерное равенство (Gender equality)	Ликвидация дискриминации в отношении прав женщин способствует экономическому росту, в связи с ростом квалифицированных кадров и появлению «новых» человеческих ресурсов.
6	Чистая вода и санитария (Clean water and sanitation)	На настоящий момент более 40% людям не хватает воды. Ожидается, что данный показатель будет расти из-за глобального потепления, что негативно скажется на качестве жизни людей.

¹ Составлено авторами по: What are the Sustainable Development Goals? // UNDP – URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals> (дата обращения: 28.06.23).

№	Название цели	Характеристика цели
7	Недорогостоящая и чистая энергия (Affordable and clean energy)	Нехватка электроэнергии может усугубить гуманитарный кризис и значительно замедлить восстановление мировой экономики.
8	Достойная работа и экономический рост (Decent work and economic growth)	Более половины рабочей силы в мире рискуют лишиться средств к существованию, поскольку рабочие места продолжают сокращаться.
9	Индустриализация, инновации и инфраструктура (Industry, innovation and infrastructure)	Инвестиции в инфраструктуру и инновации определяют темпы экономического развития. Однако около половины населения планеты не имеют доступа в Интернет, что существенно замедляет темпы роста.
10	Уменьшение неравенства (Reduced inequalities)	Отмечается рост неравенства по доходам на мировом уровне. Так, самый богатый дециль обладает 40% мирового дохода, а беднейший – от 2 до 7%.
11	Устойчивые города и населенные пункты (Sustainable cities and communities)	Более 50% людей являются городскими жителями. По прогнозам, к середине 21 века 2/3 человечества будут проживать в городской инфраструктуре. Следовательно, необходимым является динамичные и адаптирующиеся изменения управления городской среды.
12	Ответственное потребление и производство (Responsible consumption and production)	Воздействие современных людей крайне губительно как для природы, так и для устойчивого экономического роста. Таким образом, необходимо освещать проблемы потребительской культуры и изменять способы производства и потребления.
13	Борьба с изменением климата (Climate action)	На современном этапе развития каждая страна так или иначе сталкивалась с негативными результатами изменения климата. Сегодня выбросы CO ₂ и метана превышают значения 1990 года в 1,5 раза, что ведет к необратимым негативным изменениям окружающей среды.
14	Сохранение морских экосистем (Life below water)	Мировой океан во многом определяет стабильность системы, которая является основной для возможности жизни на Земле. Поэтому одним из важнейших пунктов современной повестки является бережное и бережливое отношение к водным ресурсам планеты.
15	Сохранение экосистем суши (Life on land)	Пригодность планеты к жизни также во многом зависит от земли и почвы. Так, около 4/5 диеты человечества составляет растительность и сельское хозяйство стоит рассматривать как важный ресурс экономики.
16	Мир, правосудие и эффективные институты (Peace, justice and strong institutions)	Для устойчивого развития любой системы требуется стабильность и установленные правила. Для человечества это в первую очередь верховенство закона и сильные институты.
17	Партнерство в интересах устойчивого развития (Partnerships for the goals)	Глобальное сотрудничество и кооперация ускоряют процесс реализации ЦУР. Следовательно, партнерство является важнейшим процессом и определяет эффективность достижения результатов.

Специфика ЦУР состоит в «их ориентации на решение или предотвращение глобальных проблем, с которыми сталкивается и может столкнуться человечество в ближайшем будущем несмотря на уровень экономического развития страны» [2].

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются различные сообщества при внедрении устойчивого развития, является несогласованность в определении и разработке показателей. Некоторые термины, такие как устойчивость и эффективность, должны быть четко определены и объяснены, чтобы иметь возможность устанавливать достижимые и измеримые цели, которые можно контролировать. Отслеживая свою эффективность в проектах устойчивого развития, страны могут собирать данные, которые можно использовать в дальнейших исследованиях, что, в свою очередь, повысит эффективность и ускорит процедуру достижения ЦУР. В развивающихся странах некоторые термины могут быть незнакомы местным сообществам из-за недостаточной осведомленности о теме устойчивого развития, но передача и сбор информации также затруднены из-за фрагментации или даже отсутствия данных. Большинство развивающихся стран страдают от низких статистических способностей и не могут удовлетворить растущий спрос ЦУР на большие данные, необходимые для анализа и оценки.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются многие развивающиеся страны – отсутствие надежной инфраструктуры и даже отсутствие политики, связанной с ней. Следовательно, эти страны не могут достичь ЦУР, поскольку им не хватает развитой системы, необходимой для поддержки использования Интернета, сетей, вычислений, а также системы управления базами данных. При этом перечисленные элементы очень важны и необходимы в научных исследованиях, природопользовании, успешном планировании, а также принятии решений.

Помимо этого, проблема, с которой сталкивается большинство развивающихся стран, – отсутствие доступа к усовершенствованным энергетическим технологиям, что связано с социально-экономическими и техническими ограничениями каждой страны. Эти барьеры препятствуют улучшению качества жизни сообществ и создают порочный круг слабого экономического развития [2].

Для развитых стран реализация целей устойчивого развития происходит быстрее и с меньшими альтернативными издержками, так как большая часть национального дохода и частных корпораций и до создания и оглашения ЦУР была направлена на смежные виды устойчивого управления системами. После создания Повестки дня Европейский Союз продемонстрировал замечательную приверженность реализации ЦУР, включив их в свою политику и инициативы, а также отслеживая и сообщая об их прогрессе. Например, в 2019 году Европейская комиссия создала Стандарт зеленых облигаций ЕС (GBS), чтобы побудить инвесторов принимать участие в «зеленых» проектах и устойчивых инициативах [2].

Таким образом, учитывая различия и изначальные предпосылки в реализации ЦУР, страны разделяются на два крупных блока: развитые государства, которые имеют ресурсы для эффективного внедрения и следования ЦУР, и развивающиеся, где для реализации повестки существуют зачастую непреодолимые на сегодняшний день барьеры.

При попытке проведения анализа внутри одной из групп была использована методология ООН по классификации стран по уровню развития. WESP классифицирует все страны мира по одной из трех широких категорий: страны с развитой экономикой, страны с переходной экономикой и развивающиеся страны. Состав этих аналитических групп предназначен для отражения базовых экономических условий страны и не строго согласуются с региональными классификациями, известными как М49. Некоторые страны (в частности, страны с переходной экономикой) обладают характеристиками, которые позволяют отнести их более чем к одной категории; однако в целях анализа группы были сделаны взаимоисключающими¹.

Для построения регрессионной эконометрической модели была избрана группа стран, которую Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН классифицирует как развитая. Выбор в пользу построения модели на основе анализа развитых стран был сделан из-за наличия более полной статистической информации в сравнении с группой развивающихся, а также более успешной реализацией ЦУР стран с высоким уровнем развития, что является одним из важнейших показателей избранной модели. При этом, важным моментом является то, что данная группа стран имеет более развитые экономические системы в целом, обладает наиболее развитыми институтами и, в целом, развитые страны являются лидерами во многих отраслях, иллюстрируя передовой мировой опыт менее развитым странам.

¹ World Economic Situation and Prospects // United Nations, 2023. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210024617/read> (датаобращения: 30.06.2023).

Для анализа были выбраны 2 показателя: индекс человеческого капитала и валовые национальные сбережения (% от ВВП). Оценка реализации ЦУР выступает в качестве зависимой переменной (обозначим y), независимые переменные: индекс человеческого капитала (обозначим x_1), валовые национальные сбережения (обозначим x_2). Исследование проводится для группы развитых стран, в которую входят 36 государств по методологии ООН (Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, США, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония, Япония) по показателям 2022 года. Необходимости в выбросах не наблюдается. Зависимость имеет линейный вид (рис. 1).

Оценка реализации ЦУР (The SDG Index) (y) оценивает общую эффективность каждой страны по 17 ЦУР, присваивая равный вес каждой цели. Оценка представляет положение страны между наихудшим сценарием (оценка 0) и целью (оценка 100). Версия Индекса ЦУР на 2023 (итоговые значения 2022 года) год включает 97 глобальных показателей. На официальную статистику (обычно от ответственных учреждений Организации Объединенных Наций) приходится две трети данных, а на нетрадиционную статистику (от исследовательских центров, университетов и неправительственных групп) приходится одна треть [3].

Человеческий капитал (*Human Capital*) (x_1): эта категория охватывает образование, навыки и состояние здоровья населения, а также общую интеграцию исследований и разработок в структуру общества за счет количества исследователей и расходов на исследовательскую деятельность. Гендерный аспект отражается коэффициентом рождаемости, который при каждом увеличении снижает показатель человеческого капитала¹.

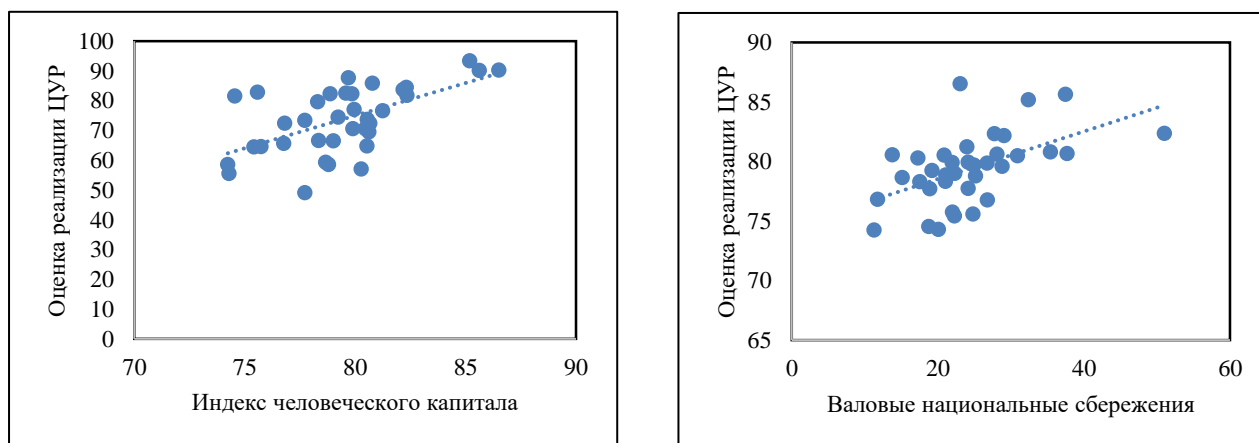

Рис. 1. Разброс данных²

Fig. 1. Data spread

Валовые национальные сбережения (*Gross national savings*) (x_2) выражаются как отношение валовых национальных сбережений в текущей местной валюте к ВВП в текущей местной валюте и представляют собой валовой располагаемый доход за вычетом расходов на конечное потребление после учета поправки на фонды социального страхования. Для многих стран оценки национальных сбережений строятся на основе данных национальных счетов о валовых внутренних инвестициях и данных платежного баланса о чистых иностранных инвестициях.

Методом наименьших квадратов (МНК) рассчитаем параметры уравнения регрессии. Получаем уравнение: $Y = 68,0486 + 0,11324x_1 + 0,12348x_2$.

¹ Guide on Measuring Human Capital // United Nations, 2016 – URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2016/ECECESSTAT20166_E.pdf (датаобращения: 04.07.2023).

² Составлено авторами по материалам исследования.

Таблица 2 – Результат МНК¹

Table 2 – Result of the least squares method

	Коэффициент	t-статистика	p-значение
const	68,0486	25,98	<0,0001
x1	0,11324	2,834	0,0078
x2	0,12348	2,183	0,0362

Интерпретация коэффициентов регрессии. Константа оценивает агрегированное влияние прочих (кроме учтенных в модели x_i) факторов на результат Y и означает, что Y при отсутствии x_i составила бы 68,0486. Коэффициент b_1 указывает, что с увеличением индекса человеческого капитала на 1 пункт, оценка реализации ЦУР увеличивается на 0,11324. Коэффициент b_2 указывает, что с увеличением валовых национальных сбережений на 1% от ВВП, оценка реализации ЦУР увеличивается на 0,12348 (табл. 2).

Составим матрицу парных коэффициентов корреляции (таблица 3): мультиколлинеарность отсутствует, так как в матрице нет межфакторного коэффициента корреляции, превышающего значение 0,8.

Таблица 3 – Матрица парных коэффициентов корреляции²

Table 3 – Matrix of paired correlation coefficients

y	x_1	x_2	
1	0,582	0,5307	y
	1	0,475	x_1
		1	x_2

Оценим качество модели с помощью коэффициентов детерминации и тесноту связи между результатом и всеми факторами, включенными в модель, на основе множественного коэффициента корреляции:

Таблица 4 – Регрессионная статистика³

Table 4 – Regression statistics

Множественный R	0,64980682
R-квадрат	0,422248903
F-критерий	12,05901111

Наблюдается умеренно сильная связь между регрессорами и регрессантом, множественный $R = 0,65$. Значения коэффициентов детерминации умеренные. Это говорит о том, что результативный показатель объяснен на 42% соответственно, R -квадрат = 0,42 (табл. 4).

Оценим статистическую значимость коэффициентов регрессии с помощью t -критерия Стьюдента (табл. 2): параметры модели a (на 5-ти % уровне значимости), b_1 (на 5-ти % уровне значимости), b_2 (на 10-ти % уровне значимости) статистически значимы, так как t -статистика для них превышает табличные общепринятые значения.

Далее оценим статистическую значимость уравнения регрессии в целом с помощью F -критерия Фишера (таблица 4): модель в целом значима, так как значение F -критерия превышает общепринятое табличное.

Национальные сбережения являются косвенным показателем уровня благосостояния. Объясняется данное утверждение тем, что предельная склонность к сбережениям растет при повышении дохода, если за основу брать основной психологический закон Кейнса. Следовательно, население, обладая высоким уровнем дохода, меньшую его долю тратят на удовлетворение своих потребностей и потребление. Таким образом, растет уровень сбережений и отражает высокий уровень благосостояния, который в свою очередь влияет на уровень эффективности в реализации целей устойчивого развития.

¹ Составлено авторами по материалам исследования.

² Составлено авторами по материалам исследования.

³ Составлено авторами по материалам исследования.

ИЧР – это показатель качества жизни сообщества, основанный на трех основных измерениях: долголетие и здоровый образ жизни, знания и разумные условия жизни. Показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении описывают характеристики долголетия и хорошей жизни. В то же время измерение уровня жизни является достижимым, что отражено скорректированными производителями на душу населения [4].

Индекс человеческого капитала, или индекс развития человеческого капитала, является важным показателем для анализа эффективности внедрения и реализации целей устойчивого развития, так как отражает уровень благосостояния населения через образование, уровень жизни и различных показателей здоровья нации, что так или иначе влияет на реализацию целей устойчивого развития.

Также были рассмотрены другие факторы, не включенные в модель, но способные влиять на успешность достижения страной ЦУР. Полагаясь на характеристики целей устойчивого развития, рассмотрим наиболее важные на наш взгляд детерминанты, способствующие ускорению внедрения и реализации программы ООН по устойчивому развитию.

В Повестке дня на период до 2030 года частный сектор рассматривается как важная заинтересованная сторона и играет важную роль в достижении ЦУР, поскольку этот сектор является ключевым участником в инвестициях. Реализация ЦУР потребует значительных инвестиций, что создаст различные препятствия для международного сообщества. В то время как государственный сектор должен играть решающую роль в мобилизации средств для инвестиций в проекты ЦУР, частный сектор, особенно прямые иностранные инвестиции (ПИИ), является важным источником внешнего финансирования, хотя в основном для бедных стран [5].

Реализация ЦУР зависит от добровольных усилий, хотя напряженность между обязательной и добровольной ответственностью за достижение ЦУР будет сохраняться из-за интенсивных дебатов между странами и частным сектором о роли обеспечения устойчивости. В результате частный сектор должен играть важную роль в обеспечении устойчивости не только с точки зрения экономического развития, но и с точки зрения социальных и экологических проблем и требований.

Согласно ЦУР, частный сектор должен помогать процедурам реализации, принимая во внимание социальные, экономические и экологические элементы. Тем не менее, для достижения успеха эффективное и прагматичное сотрудничество между государственным и коммерческим секторами является способом создания значительных возможностей и решения проблем достижения ЦУР в установленные сроки. В результате крайне важно, чтобы коммерческий сектор начал менять свои планы и принимать стратегии, совместимые с ЦУР. Действительно, бизнес-сектор уже предпринял усилия для продвижения ЦУР с помощью многочисленных добровольных проектов, таких как корпоративная социальная ответственность (КСО), экономика замкнутого цикла и другие экологические добровольческие инициативы о том, как этот сектор может способствовать достижению ЦУР к 2030 году [6].

Институты ограничивают и облегчают деловую активность на макро (международном, национальном), мезо (межорганизационном) и микро (предприятии) уровнях. Правительства как развитых, так и развивающихся стран приняли законы, требующие от компаний обеспечения экологической и социальной защиты. Об этой тенденции свидетельствуют международные договоры, принятые со начала двадцать первого века. Однако институты навязываются не только бизнесу регулирующими органами и культурными организациями. Скорее, правительства формируют институты, влияющие на их поведение, особенно в «нормативно-свободной зоне» и в «институциональном разрыве», существующем за пределами национальных нормативных рамок [7].

В последние годы все большее распространение получили четыре типа нормативных институциональных усилий, побуждающих корпорации вносить свой вклад в устойчивое развитие [7]:

- инициативы, основанные на принципах, которые побуждают компании соблюдать определенные нормы в своей повседневной деятельности;
- инициативы по сертификации, которые решают вопросы развития, связанные с производством конкретных товаров;
- инициативы по отчетности, направленные на продвижение раскрытия социальной и экологической информации компаний;
- инициативы, основанные на процессах, которые устанавливают процедуры управления корпоративной ответственностью.

Следует отметить такой фактор, как образование. Оно может являться не только самой целью ЦУР, но и детерминантом развития устойчивости в целом. Дело в том, что исследование мировых ценностей 2005–2008 годов, выявило еще тогда, что более высокий уровень образования человека повышает его неравнодушие к окружающей среде, то есть формирует его культуру в рамках экологии, без чего невозможно развитие данной программы [8].

Корпоративно-социальная ответственность является важным фактором устойчивого развития в связи с тем, что, с одной стороны, становится жизненно необходимым расширение экосистемного подхода к обеспечению устойчивости и, с другой стороны, развитие циркулярной экономики (экономики замкнутого цикла) позволяет снизить негативное влияние на окружающую среду и следовать ЦУР ООН [9].

Таким образом, детерминантами обеспечения реализации программы ООН по ЦУР в развитых странах являются:

- уровень развития человеческого капитала;
- доля национальных сбережений от ВВП;
- вовлеченность частного сектора в реализацию ЦУР;
- наличие устойчивых институтов, способных создать благоприятную среду для устойчивого развития;
- инвестиции в «зеленую экономику» и КСО;
- уровень образования и осведомленности о программе ООН по устойчивому развитию.

Список источников

1. Ramon Rahangmetan. Sustainable development in developing countries // CoSE, 2021 – URL: <https://cose-eu.org/2021/10/11/sustainable-development-in-developing-countries/> / (дата обращения: 06.07.2023).

2. Игнатов А. А., Михневич С. В., Попова И. М., Сафонкина Е. А., Сахаров А. Подходы ведущих стран-доноров к внедрению ЦУР в национальные стратегии устойчивого развития. 2019. Т. 14. № 1. С. 164–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-10.

3. Sachs, J.D., Lafortune, G., Fuller, G., Drumm, E. (2023). Implementing the SDG Stimulus. Sustainable Development Report 2023. Dublin: Dublin University Press, 2023. P. 23. – URL: <http://www.tara.tcd.ie/handle/2262/102924> (датаобращения: 04.07.2023).

4. Dahliah D, Nur AN. The influence of unemployment, human development index and gross domestic product on poverty level. Golden Ratio of Social Science and Education. 2021 Aug 21;1(2):95-108. <http://dx.doi.org/10.52970/grsse.v1i2.84>.

5. Aust V, Morais AI, Pinto I. How does foreign direct investment contribute to Sustainable Development Goals? Evidence from African countries. Journal of Cleaner Production. 2020. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.118823>.

6. Rashed, A.H., Shah, A. The role of private sector in the implementation of sustainable development goals. Environ Dev Sustain 23, 2931–2948 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10668-020-00718-w>.

7. Van Zanten JA, Van Tulder R. Multinational enterprises and the Sustainable Development Goals: An institutional approach to corporate engagement. Journal of International Business Policy. 2018. <http://dx.doi.org/10.1057/s42214-018-0008-x>.

8. Коронкевич К. А. Социально-экономические аспекты устойчивого развития: проблемы перенаселения и перепотребления // Реализация целей устойчивого развития: европейский и российский опыт: сборник научных статей по материалам конференции / под ред. канд. экон. наук Е.В. Викторовой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 216–223.

9. Хорева Л. В. Устойчивое развитие и корпоративная социальная ответственность: новые акценты // Реализация целей устойчивого развития: европейский и российский опыт: сборник научных статей по материалам конференции / под ред. канд. экон. наук Е.В. Викторовой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 175–181.

References

1. Ramon Rahangmetan. Sustainable development in developing countries. CoSE, 2021. Available from: <https://cose-eu.org/2021/10/11/sustainable-development-in-developing-countries/> [Accessed 6 July 2023].

2. Ignatov A, Mikhnevich S, Popova I, Safonkina E, Sakharov A, Shelepov A. Leading Donors' Approaches to SDGs Implementation. International Organisations Research Journal. 2019;14(1):164–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-10.

3. Sachs J.D., Lafortune G., Fuller G., Drumm E. (2023). *Implementing the SDG Stimulus. Sustainable Development Report 2023*. Dublin: Dublin University Press, 2023. Available from: <http://www.tara.tcd.ie/handle/2262/102924> [Accessed 4 July 2023].

4. Dahliah D., Nur A.N. The influence of unemployment, human development index and gross domestic product on poverty level. *Golden Ratio of Social Science and Education*. 2021 Aug 21;1(2):95-108. <http://dx.doi.org/10.52970/grsse.v1i2.84>.

5. Aust V, Morais A.I, Pinto I. How does foreign direct investment contribute to Sustainable Development Goals? Evidence from African countries. *Journal of Cleaner Production*. 2020. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.118823>.

6. Rashed, A.H., Shah, A. The role of private sector in the implementation of sustainable development goals. *Environ Dev Sustain* 23, 2931–2948 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10668-020-00718-w>.

7. Van Zanten J.A, Van Tulder R. Multinational enterprises and the Sustainable Development Goals: An institutional approach to corporate engagement. *Journal of International Business Policy*. 2018. <http://dx.doi.org/10.1057/s42214-018-0008-x>.

8. Koronkevich K. A. (2019). Socio-economic aspects of sustainable development: problems of overpopulation and overconsumption. In: *Implementation of sustainable development goals: european and russian experience: collection of scientific articles based on the conference materials* / edited by Candidate of Economic Sciences E.V. Viktorova. – St. Petersburg : Publishing House of UNECON, 2019:216–223. (In Russ.)

9. Khoreva L. V. (2019). Sustainable development and corporate social responsibility: new accents. In: *Implementation of sustainable development goals: european and russian experience: collection of scientific articles based on the conference materials* / edited by Candidate of Economic Sciences E.V. Viktorova. St. Petersburg: Publishing House of UNECON; 2019:175–181. (In Russ.)

Информация об авторах

М. Г. Васькина – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ЮФУ.

С. М. Христова – студент экономического факультета ЮФУ.

М. Г. Пусть – студент экономического факультета ЮФУ.

Information about the authors

M. G. Vaskina – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Economic Theory of Southern Federal University.

S. M. Khristova – Student of Faculty of Economics of Southern Federal University.

M. G. Pust – Student of Faculty of Economics of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 26.08.2023.

The article was submitted 10.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 26.08.2023.

Состояние и факторы развития международного туризма в странах Ближнего Востока

Татьяна Васильевна Воронина¹, Ашхен Борисовна Яценко², Зуха Хедер³

^{1, 2, 3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹t.v.voronina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9972-9736>

²ashkhen@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9527-8336>

³heder@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6627-4327>

Аннотация. Развитие международного въездного туризма для стран Ближнего Востока является ключевым направлением диверсификации экономики, формирует благоприятные долгосрочные экономические перспективы и укрепляет позитивный имидж региона в мире. Цель исследования заключается в оценке текущего состояния и выявлении факторов развития международного туризма в регионе Ближний Восток для обоснования приоритетных направлений развития туризма с учетом страновых особенностей. На основе сравнительного анализа по основным показателям развития туризма выявлена значительная дифференциация стран и различный вклад экспорта туристических услуг в развитие национальных экономик. Наибольший вклад экспорт туристических услуг вносит: в национальный ВВП в Ливане, Иордании, Бахрейне, ОАЭ; в национальный экспорт – в ОАЭ, Саудовской Аравии, Египте; в совокупный экспорт услуг – в Палестинской Автономии, Иордании, Саудовской Аравии, Ливане, Египте, Ираке. Выявлены страны-лидеры регионального рынка – ОАЭ, Саудовская Аравия, Египет, на которые приходится две трети экспорта туристических услуг региона Ближний Восток. На основе выявления средних значений по региону по каждому показателю авторами ранжированы страны на группы «выше среднего» и «ниже среднего» для учета страновой специфики развития туризма. В процессе анализа авторами обоснованы и классифицированы позитивные и деструктивные факторы развития туризма в регионе. В качестве приоритетных направлений развития туризма для стран региона сформулированы следующие предложения: акцентировать внимание на: развитии современной инфраструктуры туризма, особенно в Йемене, Ливане, Бахрейне, Кувейте; популяризации достопримечательностей; восстановлении доверия туристов к безопасности в регионе (Сирия, Ирак, Палестинская автономия, Израиль и др.); диверсификации туристического продукта, (ОАЭ, Катар, Израиль, Египет, Саудовская Аравия); предоставлении комплексных услуг (ОАЭ, Саудовская Аравия, Бахрейн); углублении межправительственного сотрудничества и создание совместного регионального туристического продукта (для всех стран региона).

Ключевые слова: Ближний Восток, въездной туризм, инфраструктура туризма, международный туризм, факторы туризма, экспорт туристических услуг

Для цитирования: Воронина Т. В., Яценко А. Б., Хедер З. Состояние и факторы развития международного туризма в странах Ближнего Востока // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 55–66. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-55-66>. EDN FDYOTX

Problems of Economics

Original article

Condition and factors of development of international tourism in Middle Eastern countries

Tatiana V. Voronina¹, Ashkhyen B. Yatsenko², Zouha Kheder³

^{1, 2, 3}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹t.v.voronina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9972-9736>

²ashkhen@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9527-8336>

³heder@sfedu.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6627-4327>

Abstract. Development of international tourism is a key direction for economic diversity of Middle Eastern countries. It provides favorable long-time economic aspects and enhances positive image of the region. The purpose of the research is to assess the current state and identify the factors of development of international tourism in the Middle East in order to validate priorities for tourism development applying specific features of each country. Based on comprehensive analysis of the main indicators of tourism, authors identified significant differentiation among countries and different contributions of tourism service exports to the development of national economies. The largest contribution of tourism service export is made by Lebanon, Jordan, Bahrain and the UAE to the national GDP and by the UAE, Saudi Arabia and Egypt to the national exports. In terms of aggregate service exports the Palestinian Authority, Jordan, Saudi Arabia, Lebanon, Egypt and Iraq have the highest contributions. The leading countries in the region are the UAE, Saudi Arabia, and Egypt, which account for two-thirds of the tourism service exports in the Middle East. Based on determining the average values for the region for each indicator, the authors ranked countries into "above average" and "below average" groups to account for the specific characteristics of tourism development in each country. Through the analysis, the authors justified and classified positive and destructive factors of tourism development in the region. The following priorities for tourism development were formulated for countries: focusing on the development of modern tourism infrastructure, especially in Yemen, Lebanon, Bahrain, and Kuwait; promoting tourist attractions; restoring tourist trust in the region's security (Syria, Iraq, Palestinian Authority, Israel, etc.); diversifying the tourism product (UAE, Qatar, Israel, Egypt, Saudi Arabia); providing comprehensive services (UAE, Saudi Arabia, Bahrain); deepening intergovernmental cooperation and creating a joint regional tourism product (for all countries in the region).

Keywords: international tourism, outbound tourism, Middle East, tourism export service, tourism factors, tourism infrastructure

For citation: Voronina T. V., Yatsenko A. B., Kheder Z. Condition and factors of development of international tourism in Middle Eastern countries. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):55-66. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-55-66>. EDN FDYOTX

Международный туризм является важной отраслью мировой экономики с высокими темпами развития. До пандемии вклад международного туризма в мировой валовой продукт достигал 10%. Развитая национальная туристская индустрия выступает в качестве стабильного источника поступления денежных средств, создания рабочих мест, улучшения благосостояния населения, расширения деловых межправительственных контактов. Обладая высоким мультипликативным эффектом, въездной туризм затрагивает практически все отрасли народного хозяйства стран, в первую очередь, влияя на темпы развития смежных отраслей, таких как транспорт, индустрия гостеприимства, торговля и т.д. Это заставляет государства включаться в конкурентную борьбу за устойчивый рост иностранных туристов и формировать привлекательный имидж своих туристических дестинаций.

В большинстве стран Ближнего Востока, обладающих нефтяными ресурсами, экономическая зависимость от нефтяных доходов не способствует эффективному использованию других ресурсов. Доходы от добычи и экспорта нефти являются основой национальной экономики Саудовской Аравии – доля нефтяного экспорта в структуре национального экспорта достигает 80,4 % и обеспечивает 90 % доходов от экспорта (2019 г.). В Ираке сырая нефть и нефтепродукты составляют 99 % экспорта; в Омане – 60 %; в Кувейте – 91 %. В стратегиях развития большинства стран-экспортеров нефти на Ближнем Востоке в качестве ключевого направления диверсификации экономики рассматривается не-нефтяной рост ВВП. Одним из способов диверсификации национального производства, стабилизации доходов и роста ненефтяного экспорта является развитие международного въездного туризма. Для стран Ближнего Востока наращивание потенциала международного туризма не только формирует благоприятные долгосрочные экономические перспективы, но и становится залогом более выгодного позиционирования региона, инструментом, который сможет улучшить имидж ближневосточных стран, наладить отношения с другими государствами мира.

Степень привлекательности туристической дестинации для иностранных туристов зависит от большого числа факторов разной этимологии (природных, культурно-исторических, инфраструктурных, медицинских, геополитических, безопасности и др.). Обладая значительным потенциалом для развития международного туризма, тем не менее, в настоящее время ближневосточный регион значительно уступает Европе и АТР по показателям въездного туризма и доле в общемировом экспорте туристических услуг (по расчетам авторов – 7,1 % в благоприятном 2019 г.).

В этой связи *цель* исследования заключается в оценке текущего состояния и факторов развития международного туризма в регионе Ближний Восток, включая сравнительный анализ стран региона

по основным показателям развития туризма с целью выявления его влияния на национальные экономики и обоснования приоритетных направлений дальнейшего развития туризма с учетом страновых особенностей.

В научной литературе достаточно широко обсуждаются различные аспекты развития международного туризма, его потери в связи с пандемией COVID-19 [1], а также перспективы восстановления и тенденции после кризисной ситуации 2020 года [2–5]. Ряд авторов проводят сопоставление основных показателей развития международного туризма в разрезе групп стран [6] или регионов мира [7] для выявления лидеров туристического рынка. Другие исследования освещают восстановление отдельных направлений международного туризма в постпандемический период [8].

В контексте региона Ближний Восток или отдельных его стран публикации нацелены на: выявление позиций региона на мировом туристическом рынке [9]; подтверждение гипотезы о связи международного туризма и экономического роста, обоснование факторов, оказывающих воздействие на въездной туризм, характеристику отдельных его форм в регионе [10].

Такие авторы, как Ladki S., Abimanyu A., Kesserwan L. [11], отмечают успехи стран ближневосточного региона по диверсификации туристических продуктов, снижению зависимости от религиозного туризма, как доминирующего, для отдельных стран региона.

Несмотря на усилия государств Ближнего Востока, например ОАЭ, по формированию привлекательности региона для путешествий и бизнес-поездов, Ayeh J. [12] обращает внимание на фактор политической нестабильности и вооруженные конфликты, которые наносят ущерб туризму в определенных частях региона и приводят к разрушению наиболее важных объектов мирового наследия.

Falcon Villar D. [13] выявляет растущий вклад туризма в ВВП региона с 90-х гг. XX века до начала пандемии 2019 года. Одним из факторов роста международного туризма в регионе эксперт считает создание мегаполисов и космополитичных городов – таких, как Дубай, Эр-Рияд, Амман с большой численностью населения, современной инфраструктурой, развитой транспортной сетью, которые определяют привлекательность этих городов для туристов и деловых поездок.

Abdallah K., Bejjani M., Sayess D., Rizk M. [14] связывают укрепление позиций региона на мировом туристическом рынке с развитием туристической инфраструктуры, более активным продвижением своих турпродуктов по всему миру, в том числе, с использованием цифровых технологий. Однако, по мнению исследователей, результаты принимаемых действий со стороны государств часто не соответствуют их амбициям, поэтому всем странам необходим системный подход к развитию международного туризма.

Исследования в разрезе конкретных стран освещают взаимосвязь въездного туризма и экономического роста. Torabi Farsani N., Shafiei Z. [15] на примере Ирана, как развивающейся страны с экономикой, основанной на добыче и экспорте нефти, обосновывают вклад туризма в достижение экономического роста до и после революции 1978 года. Положительное влияние туризма на экономический рост в Саудовской Аравии подтверждает работа Jamel L. [16]; в ОАЭ – Al-Shami M., Naim Chaker M., Sabah A. Saima Sh. [17].

Таким образом, анализ научных публикаций подтверждает актуальность и теоретическую значимость темы исследования.

Методология исследования базируется на понимании въездного международного туризма как специфической формы торговли услугами и как составной части совокупного национального экспорта. В данном исследовании авторы придерживаются версии UNWTO, согласно которой к региону «Ближний Восток» относятся следующие государства: Египет, Ливия, Бахрейн, Иордания, Ирак, Йемен, Израиль, Катар, Кувейт, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Палестинская автономия, Саудовская Аравия, Сирия.

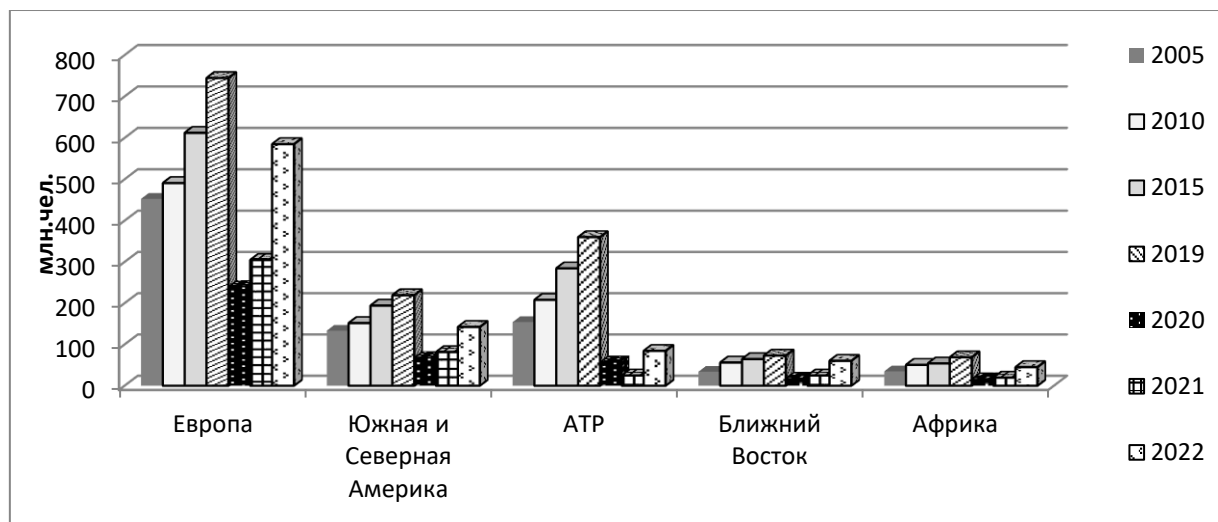
Источником данных для расчетов послужили статистические базы UNCTAD, UNWTO, Travel & Tourism Development Index 2021 (World Economic Forum), источники открытых данных национальных органов власти. Однако, в процессе сбора первичных данных авторы столкнулись с проблемой полного или частичного отсутствия актуальных статистических показателей по некоторым странам региона.

Основными методами исследования выступают методы анализа и синтеза, группировки, сравнительного анализа, статистической обработки данных. Компаративный анализ стран Ближнего Востока проводился на основании расчетов авторами ряда показателей (экспорт туристических услуг; доля страны в общемировом экспорте туристических услуг; доля экспорта туристических услуг в общем

экспорте услуг страны; доля туристических услуг в ВВП; доля страны в совокупном экспорте туристических услуг региона; темпы роста туристических услуг; туристические прибытия на душу населения), позволяющих выявить их значительную дифференциацию в развитии туризма. Ранжирование стран по указанным показателям осуществлялось на основе расчета среднего значения по региону с последующим разделением государств на 2 группы – «выше среднего» и «ниже среднего». Оценка факторов туристической привлекательности региона производилась с учетом Travel & Tourism Development Index 2021 по версии World Economic Forum. Хронологические рамки исследования охватывают 2005-2022 гг.

В течение десятилетий, предшествовавших ковидному 2020 году, международный туризм во всех регионах мира устойчиво рос (рис. 1). Рост был обусловлен относительно стабильной ситуацией в мировой экономике, ростом среднего класса, быстрой урбанизацией в развивающихся странах, доступностью авиаперелетов, упрощением визового режима во многих государствах, использованием IT-технологий в индустрии туризма.

В 2020 г. туризм пережил крупнейший кризис за всю историю наблюдений вследствие беспрецедентной и чрезвычайной ситуации в области здравоохранения, социальной и экономической жизни, связанной со вспышкой пандемии COVID-19. По регионам мира наибольшее падение в 2020 г. по сравнению с 2019 г. наблюдалось в Азиатско-Тихоокеанском регионе: количество прибытий сократилось на 84 % (300 млн). Количество прибытий в Европе, в Северной и Южной Америке сократилось на 68 % (спад составил 510 и 150 млн, соответственно), на Ближнем Востоке и в Африке – на 73 % и 74 %, соответственно (рис. 1).

Источник: составлено по данным UNWTO.

Рис. 1. Число международных туристических прибытий по макрорегионам мира, 2005 – 2022 гг. (млн)
 Fig. 1. Number of international tourist arrivals by macro-regions of the world, 2005-2022 (million)

Сравнивая регионы мира по числу международных прибытий в период 2005-2022 гг. (рис. 1), можно резюмировать, что на регион Ближний Восток приходится довольно незначительное количество туристических прибытий – 60,3 млн чел. в 2022 г.

Анализ стран Ближнего Востока по показателям таблицы 1 выявил их значительную дифференциацию в развитии туризма и различный вклад туризма в развитие национальной экономики.

Лидером в туристической индустрии на Ближнем Востоке являются Объединенные Арабские Эмираты. В 2019 г. их доход от экспорта туристических услуг составил 38 421 млн долл. США, на них приходилось 36,1 % доходов от экспорта всех стран Ближнего Востока и 2,6 % от общемирового экспорта услуг. За ОАЭ со значительным отрывом следуют Саудовская Аравия (15,5 %; 1,1 %) и Египет (13,2 %, 0,9 %). В целом, на эти три страны приходится две трети экспорта туристических услуг региона Ближний Восток.

Таблица 1 – Ранжирование стран Ближнего Востока по показателям экспорта туристических услуг, 2019 г.

Table 1 – Ranking of the Middle East countries in terms of tourism services exports, 2019

Показатели	Выше среднего	Среднее значение по региону	Ниже среднего
Экспорт туристических услуг, млн долл.	ОАЭ (38 421), Саудовская Аравия (16 431), Египет (13 030), Ливан (8 539)	8 178	Израиль (7 600), Иордания (5 786), Катар (5 442), Бахрейн (4 168), Ирак (3 593), Оман (1 811), Палестинская Автономия (726), Кувейт (700), Йемен (71)
Доля в общемировом экспорте туристических услуг, %	ОАЭ (2,6), Саудовская Аравия (1,1), Египет (0,9)	0,7	Ливан (0,6), Израиль (0,5), Иордания (0,4), Катар (0,4), Бахрейн (0,3), Ирак (0,2), Оман (0,1), Палестинская Автономия (0,1), Кувейт (0,1)
Доля экспорта туристических услуг в общем экспорте услуг страны, %	Палестинская Автономия (78,8), Иордания (73,7), Саудовская Аравия (67,8), Ливан (62,8), Египет (52,0), Ирак (49,1)	45,84	ОАЭ (42,6), Оман (37,0), Бахрейн (35,4), Катар (28,5), Израиль (13,7), Кувейт (8,7)
Доля туристических услуг в ВВП, %	Ливан (16,0), Иордания (13,0), Бахрейн (10,8), ОАЭ (9,2)	5,3	Палестинская Автономия (4,2), Египет (4,1), Катар (3,1), Оман (2,4), Саудовская Аравия (2,1), Израиль (1,9), Ирак (1,5), Кувейт (0,5), Йемен (0,3)
Доля страны в совокупном экспорте туристических услуг региона, %	ОАЭ (36,1), Саудовская Аравия (15,5), Египет (13,2), Ливан (8,0)	7,75	Израиль (7,1), Иордания (5,4), Катар (5,1), Бахрейн (3,9), Ирак (3,4), Оман (1,7), Палестинская Автономия (0,68), Кувейт (0,66), Йемен (0,07)
Темпы роста экспорта туристических услуг, %	Палестинская Автономия (141), Ирак (80,9), ОАЭ (79,7), Кувейт (52,9)	33,7	Саудовская Аравия (19,2), Египет (12,2), Иордания (10,2), Израиль (5,2), Оман (3,0), Ливан (2,3), Катар (-2,2), Бахрейн (-4,0)
Международные туристические прибытия на душу населения	Бахрейн (3,46), Египет (2,9), ОАЭ (2,26), Израиль (2,26)	1,28	Иордания (0,55), Саудовская Аравия (0,46), Ирак (0,46), Йемен (0,44), Катар (0,33), Кувейт (0,08), Ливан (0,05)

Источник: рассчитано авторами по данным UNCTAD, UNWTO, WEF

Наибольшая составляющая туристического экспорта в национальном экспорте услуг по странам Ближнего Востока в 2019 г. выявлена в Палестинской автономии (78,8 %). Также значительные показатели наблюдались у Саудовской Аравии (67,8 %), Ливана (62,8 %) и Египта (52 %). Средний показатель по странам региона достаточно высок – 45,84 %, что говорит о значительном влиянии туризма на третичный сектор национальных экономик. Самые низкие показатели наблюдаются у Кувейта (8,7 %) и Израиля (13,7 %). Низкий показатель доли экспорта туристических услуг в общем экспорте услуг у Израиля объясняется высокой диверсификацией и технологической интенсивностью экспорта услуг страны. Кувейт же основные сервисные доходы получает от эксплуатации инфраструктуры и транспорта.

Что касается наибольшего влияния доходов от экспорта туристических услуг на экономику страны (доля в ВВП), то средний показатель по региону в 2019 г. составлял 4,9%. Здесь первую позицию занимает Ливан (16%), затем идут Иордания (13%) и Бахрейн (10,8%). Необходимо отметить, что при

самых высоких относительных показателях, абсолютные показатели этих стран достаточно низкие. В целом в регионе основная нагрузка в формировании ВВП ложится на добычу и экспорт нефти.

О неравномерном развитии въездного туризма в странах ближневосточного региона также свидетельствует показатель международных туристических прибытий на душу населения. За исключением Бахрейна, Египта, ОАЭ, Израиля, у большинства стран значение этого показателя ниже 1 (для сравнения отметим, что, по расчетам авторов, аналогичный показатель у Франции составляет 1,28; Испании – 1,75; Италии -1,03; Сингапура -3,3).

В целом, данные табл. 1 позволяют сделать вывод о том, что значения «выше среднего» по большинству анализируемых показателей демонстрируют ОАЭ, Саудовская Аравия, Египет, поэтому данные государства можно отнести к лидерам регионального туристического рынка, привлекающим наибольшее количество иностранных туристов и доходов от них.

Значительная дифференциация стран Ближнего Востока по уровню развития международного туризма объясняется наличием групп факторов, которые определяют туристический интерес к этому региону и могут значительно стимулировать приток иностранных туристов и увеличение доходов от экспорта туристических услуг.

К первой группе относятся *природные факторы*:

– географическое положение (уникальный регион, расположенный на стыке 3 частей света: Европы, Азии и Африки);

– природно-климатические условия (побережье Средиземного и Красного морей, Персидского залива, пустыни);

– уникальные лечебно-рекреационные ресурсы (лечебные курорты, Мертвое море);

– разнообразие животного и растительного мира (заповедники, парки).

Наличие различных природных богатств/благ мотивирует интерес туристов к пляжному, медицинскому, экстремальному, сельскому, экотуризму в регионе и др.

Вторую группу составляют *культурно-исторические факторы*:

– уникальные исторические достопримечательности (родина древнейших очагов цивилизации Древнего Египта и Месопотамии);

– исключительное культурное наследие (в регионе находятся 62 объекта, внесенных в список всемирного наследия ЮНЕСКО, большинство стран региона долгое время были частью крупных империй);

– религиозные центры. Ближний Восток является родиной трех основных религий мира: ислама, христианства, иудаизма, что обуславливает развитие культурного, познавательного и религиозного туризма (последний особенно важен для региона). Религиозный туризм активно развивается в Израиле, Ираке, Иране, Иордании, Катаре, Саудовской Аравии. В Израиле на долю паломников приходится 18 % туристов (2019 г.). Ежегодно Саудовская Аравия принимает около 17,5 млн религиозных туристов, Ирак – 22 млн чел. [18–19]. В целом, за счет паломников ежегодно обеспечивается рост въездного туризма в регион на 11 %¹. Пандемия нанесла значительный ущерб туризму в регионе, но с 2021 г. количество иностранных паломников постепенно восстанавливается. Так, в 2022 г. в Мекку совершили хадж 1 млн иностранцев, а в 2023 – 1,6 млн. При этом, уровень заполняемости отелей в Мекке в период хаджа в 2022 г. достигал 60 %, а в 2023 г. – 100%. Как доминирующая форма туризма, религиозный туризм принес экономике Саудовской Аравии более 31 млрд долл. дохода в 2019 г., что эквивалентно 4–5 % ВВП Королевства².

К третьей группе относятся *инфраструктурные факторы*:

– наличие в ряде стран региона высокоразвитой туристической инфраструктуры (отели, предприятия общественного питания, торговые и развлекательные центры, сувенирные магазины, передовые медицинские центры, спортивная, транспортная инфраструктура и др.);

– деловая инфраструктура для международного бизнеса (международные конгресс-центры, скоростной Интернет, присутствие крупнейших международных компаний, университетов, финансовая инфраструктура и др.).

¹ 300 m Religious Tourists in Middle East p.a. Financial Tribune, 2014 URL: <https://financialtribune.com/articles/travel/5492/300m-religious-tourists-in-middle-east-pa> (дата обращения 18.07.2023)

² Unpacking the Hajj dividend for Saudi Arabia's travel and hospitality industries ARAB NEWS. 01 July 2023. URL:<https://arab.news/jjtcg> (дата обращения 03.07.2023)

Эта группа факторов позиционирует Ближний Восток как регион для проведения различных международных спортивных мероприятий (чемпионат мира по футболу в Дохе, Катар, 2022 г.) и международных деловых форумов и выставочно-ярмарочных мероприятий (EXPO, октябрь 2021 г. – март 2022 г. и Arabian Travel Market в 2023 г. в Дубае; Saudi International Digital Marketing & E-Commerce Expo (SIDMC) в Саудовской Аравии (2023 г.)). Только объем сделок заключенных на Arabian Travel Market в 2023 г. оценивается в 2,5 млрд долл. Международные форумы и экспо-мероприятия способствуют не только развитию международного делового туризма (деловые туристы в Саудовской Аравии составляют 36% от общего количества туристов), но и позитивно отражаются на развитии других его форм, смежных с туризмом отраслей, ВВП стран.

Благодаря Чемпионату мира по футболу в Дохе в 2022 г., регион посетили 1,5 млн иностранных туристов, а подготовка к мероприятию обеспечила Катар современной туристической и деловой инфраструктурой. Было осуществлено строительство футбольной инфраструктуры (6,5 млрд долл.), четырех веток метро с беспилотными поездами, отелей, скоростной автомагистрали Doha Expressway (8 млрд долл.) развязок дорог, аэропорта Hamad International, способного принимать 60 млн туристов (16 млрд долл.) и других объектов. Однако нехватка в Дохе гостиничных номеров (совокупный номерной фонд – 30 000 номеров) переориентировала часть туристов на размещение в Дубаи и Абу-Даби (ОАЭ), что способствовало развитию международного туризма в ближневосточном регионе в целом. В результате, доходы стран Персидского залива от въездного туризма и транспортного сектора в период проведения чемпионата мира по футболу (в четвертом квартале 2022 г.) составили 9 млрд долл.¹ Очевидно, что такие крупные массовые международные мероприятия оказывают, в целом, положительное воздействие на международный туризм в регионе.

Для целей подтверждения значительной дифференциации государств Ближнего Востока по обеспеченности вышеотмеченными группами факторов, мотивирующих спрос туристов на посещение стран региона, авторами был отобран ряд субиндексов Travel & Tourism Development Index 2021 по версии World Economic Forum² (рис. 2).

Рис. 2 подтверждает дифференциацию факторного потенциала стран, который обуславливает развитие различных форм туризма, позволяет определить слабые места и потенциальные направления дальнейшего развития туристической индустрии.

Однако, несмотря на то, что Ближний Восток обладает привлекательными ресурсами для развития туризма, тем не менее, странам региона не удается их полноценно реализовать. Это объясняется наличием деструктивных факторов, которые оказывают сдерживающее влияние на реализацию туристического потенциала на Ближнем Востоке и определяют отставание по числу международных туристических прибытий от других регионов мира (рис. 1), а именно:

- неравномерность экономического развития (ВВП на душу населения в странах региона колеблется от 533 долл. США в Сирии до 66 838 долл. США в Катаре);
- недостаточная развитость туристической, транспортной инфраструктуры (особенно в Йемене, Ливане, Йордании);
- геополитическая напряженность и региональные военные конфликты. Именно этот фактор оказывает значительное негативное влияние на всю индустрию туризма в регионе, вызывая ощущение нестабильности на всем Ближнем Востоке. С 2011 г. начались гражданские войны в Сирии и Ливии, произошли перевороты в Египте и Йемене, гражданские выступления в Бахрейне, массовые протесты в Ираке, Иордании, Омане и менее значительные протесты в Кувейте, Ливане, Саудовской Аравии. Только в результате т.н. «арабской весны» регион потерял около 7 млн туристов и 6 млрд долл. США дохода. В Египте количество туристов сократилось на 33 % из-за произошедших волнений³ и высокой вероятности террористических актов (теракты в Египте, Израиле, Сирии и т.д.);

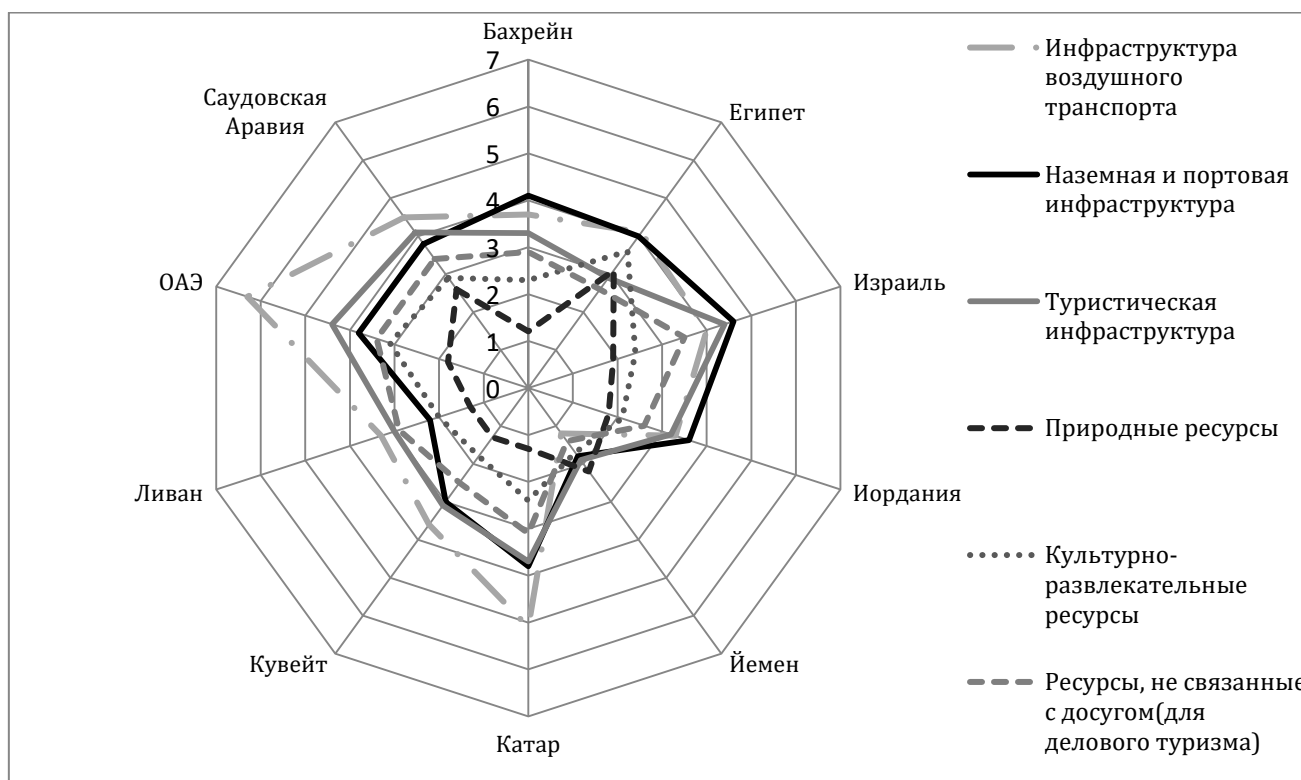
¹ Qatar travel spending hits \$3.59bn in first three months of 2023. Dohanews. July 5, 2023. URL: <https://dohanews.co/qatar-travel-spending-hits-3-59bn-in-first-three-months-of-2023/> (дата обращения 04.07.2023).

² Travel & Tourism Development Index 2021. URL: <https://www.weforum.org/reports/travel-and-tourism-development-index-2021/explore-the-data> (дата обращения 10.07.2023).

³ Bundhun R. Unrest spurs tourism challenges for Middle East and North Africa. Business news, 2012. URL: <https://www.thenationalnews.com/business/unrest-spurs-tourism-challenges-for-middle-east-and-north-africa-1.365809> (дата обращения 12.06.2023).

– религиозные и культурные ограничения (требования к одежде, поведению в общественных местах, запрет на спиртные напитки и т.д.);

– медицинский (карантинные ограничения, которые появились в глобальной международной практике в 2020 г. в связи COVID-19, но в будущем прогнозируется их прочное укоренение). В результате пандемии в 2020 году, по расчетам авторов, регион потерял 57,6 % доходов, по сравнению с предыдущим годом, что составило более 61 млрд долл. США. Самый большой спад показали Иордания, Оман, Саудовская Аравия – более 75 %, Катар и ОАЭ – на уровне 34–36 %. Темпы восстановления ситуации в 2021 г. по странам также значительно различаются. Египет и Иордания показали высокие результаты – 102,3 % и 95,8 %, соответственно. В то время как Израиль, Кувейт и Саудовская Аравия не смогли выйти на положительные значения вследствие частичного сохранения ковидных ограничений. Палестинская автономия имела самый низкий показатель на уровне – 44,1 %, но необходимо отметить, что в абсолютных значениях - это очень малая величина.

Источник: составлено по данным¹.

Рис. 2. Факторы мотивации спроса на туристические услуги в странах Ближнего Востока
 Fig. 2. Factors motivating demand for tourist services in the Middle East

Признавая важную роль туризма в процессе модернизации и диверсификации национальных экономик и экспорта, в росте ВВП, создании рабочих мест, страны Ближнего Востока в государственных стратегиях развития уделяют внимание направлениям активизации притока иностранных туристов. В первую очередь возможность финансировать различные проекты имеют нефтедобывающие страны за счет доходов от сбыта нефти.

Так, национальная Программа развития Саудовской Аравии «Saudi Vision 2030»² предусматривает реализацию инновационной стратегии развития туризма с основным акцентом на цифровые технологии (реализуется проект Giga по подключению к сети Интернет всех секторов экономики) и дальнейшую поддержку перспективных форм туризма. К 2030 г. запланировано увеличение доли

¹ Travel & Tourism Development Index 2021. URL: <https://www.weforum.org/reports/travel-and-tourism-development-index-2021/explore-the-data> (дата обращения 10.07.2023)

² Saudi Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/v2030/overview/> (дата обращения 16.06.2023).

туризма в ВВП до 10%. Также делается акцент на дальнейшее развитие халяльного и религиозного туризма. К 2030 г. Саудовская Аравия планирует достичь показателя в 100 млн прибытий в год, из них 30 млн – должны приходиться на религиозных туристов. Для достижения этой цели в течение 10 лет Королевство планирует инвестировать в сектор туризма более 800 млрд долл.¹ С октября 2022 г. в стране максимально упрощена процедура выдачи электронных туристических виз для туристов из 49 стран. Виза действительна в течение 1 года и допускает многократное посещение на срок не более 90 дней.

В стратегии ОАЭ внимание сконцентрировано на строительстве современных объектов инфраструктуры туризма (международного аэропорта, современных космополитичных городов), внедрении цифровых компонент в каждый этап организации путешествия и пребывания туриста в стране². Сформировав инфраструктуру международного транспортного хаба и превратив Эмират Дубай в место «стыковочных» рейсов, ОАЭ ввели упрощенный визовый режим с целью привлечения туристов из Европы, Азии и Африки.

Новая стратегия развития туризма Бахрейна на период 2022-2026 гг. преследует 4 основные цели: увеличение вклада туристического сектора в ВВП до 11,4 % к 2026 г.; позиционирование Бахрейна как глобального туристического центра; увеличение количества прибытий до 14,1 млн иностранных туристов к 2026 г. (рост в 2,5 раза); диверсификация туристических продуктов³.

В национальной стратегии Катара «Qatar National Vision 2030»⁴ снижение зависимости от добычи углеводородов, модернизация и диверсификация экономики также связаны с развитием международного туризма.

Несмотря на некоторое различие национальных подходов к развитию туризма, считаем целесообразным сформулировать общие предложения, способствующие развитию туристских дестинаций в регионе и росту въездного туризма:

– развитие современной инфраструктуры в отстающих странах региона (Йемен, Ливан, Бахрейн, Кувейт и др.);

– популяризация достопримечательностей региона, брендинг туристического продукта;

– восстановления доверия туристов к безопасности в регионе (Сирия, Ирак, Палестинская автономия, Израиль и др.);

– диверсификация туристического продукта, включающая предложение максимально разнообразных туристических услуг, новых направлений и видов туризма в дополнении к традиционным – экотуризм, гастрономический, экстремальный, образовательный, агротуризм (ОАЭ, Катар, Израиль, Египет, Саудовская Аравия);

– предоставление комплексных услуг иностранному туристу. Это касается сопровождения делового туризма (ОАЭ, Саудовской Аравии, Бахрейн) дополнительными туристическими услугами (посещение архитектурных и исторических памятников, рекреационных зон и т.д.) и т.д. Отдельными компонентами культурного, познавательного, досугового туризма может быть дополнен и религиозный туризм;

– углубление межправительственного сотрудничества в сфере туризма и создание совместного регионального туристического продукта, что позволит увеличить экспорт туристических услуг странам региона с менее развитой инфраструктурой. Эффективным инструментом здесь может стать вариант общей туристической визы для региона.

¹ Travel spending in the Kingdom jumps over 224% to hit \$9.8bn in Q1: SAMA. ARAB NEWS. 04 July 2023. URL: <https://arab.news/65sps> (дата обращения 12.07.2023).

² United Arab Emirates and the 2030 Agenda for sustainable Development. URL: <https://fsc.gov.ae/en-us/Documents/UAE%20SDGs%20-%20Executive%20Summary%20-%20VNR%202018%20EN.PDF> (дата обращения 18.06.2023); The Abu Dhabi Vision 2030. URL: <https://www.actvet.gov.ae/en/Media/Lists/ELibraryLD/economic-vision-2030-full-versionEn.pdf> (дата обращения 16.06.2023).

³ Bahrain Economic Development Board URL: <https://www.bahrainedb.com/latest-news/bahrain-attracts-usd291-million-worth-of-investment-in-the-tourism-sector> (дата обращения 28.06.2023).

⁴ Qatar National Vision 2030. URL: <https://www.psa.gov.qa/en/qnv1/pages/default.aspx#qnv2030-EcoDev> (дата обращения 23.06.2023).

Таким образом, результаты проведенного исследования заключаются в следующем:

- сравнительный анализ выявил низкую долю региона Ближний Восток в общемировом экспорте туристических услуг (7,1 %) и отставание его от других регионов мира по количеству международных прибытий, несмотря на их устойчивый рост за весь рассматриваемый период (за исключением 2020–2021 гг.);
- на основе сравнительного анализа доказана значительная дифференциация и отставание большинства государств Ближнего Востока от лидеров регионального рынка – ОАЭ, Саудовской Аравии, Египта, которые вносят наибольший вклад в совокупный экспорт туристических услуг всего региона. На эти три страны приходится две трети экспорта туристических услуг региона Ближний Восток;
- на основе выявления средних значений по региону по каждому показателю развития туризма страны ранжированы на группы «выше среднего» и «ниже среднего» для учета страновой специфики развития туризма;
- обоснована неравномерность развития национальных туристских индустрий в регионе Ближнего Востока по показателям развития туристической, транспортной, развлекательной и деловой инфраструктуры, а также темпам роста экспорта туристических услуг;
- выявлено значительное различие влияния международного туризма на развитие национальных экономик. Наибольший вклад экспорт туристических услуг вносит: в национальный ВВП в Ливане, Иордании, Бахрейне, ОАЭ; в национальный экспорт – в ОАЭ, Саудовской Аравии, Египте; в совокупный экспорт услуг – в Палестинской Автономии, Иордании, Саудовской Аравии, Ливане, Египте, Ираке;
- значительный туристический потенциал регион не может полноценно реализовать на протяжении двух десятилетий XXI века вследствие сильного влияния ряда деструктивных факторов военно-политического характера;
- учитывая выявленные страновые особенности, в качестве приоритетных направлений для развития въездного туризма в регионе предложено акцентировать внимание на: развитии современной инфраструктуры туризма, особенно в Йемене, Ливане, Бахрейне, Кувейте; популяризации достопримечательностей; восстановлении доверия туристов к безопасности в регионе (Сирия, Ирак, Палестинская автономия, Израиль и др.); диверсификации туристического продукта, (ОАЭ, Катар, Израиль, Египет, Саудовская Аравия); предоставлении комплексных услуг (ОАЭ, Саудовской Аравии, Бахрейн); углублении межправительственного сотрудничества и создание совместного регионального туристического продукта (для всех стран региона).

Список источников

1. Монг Тхи Фыонг Тхао, Змияк. С.С. Тенденции развития туризма в условиях кризиса: обзор мирового и российского сектора // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2022. №1. С. 169–174.
2. Воскресенский В.Ю. Современные тенденции в международном туризме // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 6. С. 33–36. DOI: 10.24411/2072-8042-2021-6-33-39.
3. Воронина Т.В., Савенкова И. В., Хедер З. Современные факторы и тенденции развития международного туризма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 13–23.
4. Пшеничных Ю.А. Анализ динамики и тенденций развития современного международного туристского рынка // Вестник университета. 2021. № 1. С. 53–61.
5. Цехла С.Ю. Развитие международного туризма: тенденции и социально-экономические процессы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Том 7(17). Вып. 1. С. 38–47.
6. Кицис В.М. Развитые и развивающиеся страны в международном туризме: современные тенденции // Вестник РМАТ. 2022. №2. С. 117–122.
7. Zdor S. Analysis of the modern tourism market in countries of Europe, Americas, Asia and the Pacific, Africa and the Middle East // European journal of economics and management sciences. 2019. № 4. С. 35–55.
8. Жукова М. А. Конгрессно-выставочный туризм во время пандемии // Инновации и инвестиции. 2022. №4. С. 213–217.
9. Abdallah K., Bejjani M., Sayess D., Rizk M. Five key stages for developing the tourism sector across the Middle East. URL: <https://www.strategyand.pwc.com/m1/en/articles/2020/five-key-stages-for-developing-the-tourism-sector-across-the-middle-east.html> (дата обращения 20.05.2023).
10. Воронина Т. В., Хедер З. Позиции ближневосточного региона в мировой выставочно-ярмарочной индустрии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 5–12.

11. Ladki, S., Abimanyu, A. and Kesserwan, L. The Rise of a New Tourism Dawn in the Middle East. *Journal of Service Science and Management*. 2020. Vol.13(4), Pp. 637-648. DOI: 10.4236/jssm.2020.134040.
12. Ayeh J. Travel Trends in the Middle East. *The SAGE International Encyclopedia of Travel and Tourism*. Publisher: SAGE Publications, Inc., 2017. Vol. 4. – pp.1349-1353. DOI:10.4135/9781483368924.n484.
13. Falcon Villar D. The expansion of travel and tourism in the Middle East. URL: <https://hub.wtm.com/blog/destinations/the-expansion-of-travel-and-tourism-in-the-middle-east/> (дата обращения 04.06.2023).
14. Abdallah K., Bejjani M., Sayess D., Rizk M. Five key stages for developing the tourism sector across the Middle East. URL: <https://www.strategyand.pwc.com/m1/en/articles/2020/five-key-stages-for-developing-the-tourism-sector-across-the-middle-east.html> (дата обращения 16.06.2023).
15. Torabi Farsani N., Shafiei, Z. (2015). Tourism: A solution for economic growth in developing countries (Case study: Iran). In: *Progress in Economics Research*. 2015. Vol. 32. Ch. 4. P. 91-115.
16. Jamel L. The Relation between Tourism and Economic Growth: A Case of Saudi Arabia as an Emerging Tourism Destination. *Virtual Economics*, 2020. 3(4), 29–47. DOI.org/10.34021/ve.2020.03.04(2).
17. Al-Shami M., Naim Chaker M., Sabah A. The Contribution of Tourism to Economic Growth: A Case Study from the United Arab Emirates (UAE) // *Test:Engineering&Management*. 2019.-Vol.81.Pp.2567-2574. URL: <http://testmagazine.biz/index.php/testmagazine/about/submissions>.
18. Ladki S., Abimanyu A. and Kesserwan L. The Rise of a New Tourism Dawn in the Middle East. *Journal of Service Science and Management*, 2020. №13, pp.637-648. DOI: 10.4236/jssm.2020.134040.
19. Twaij A. Religious Tourism Is Failing Iraq's Economy. *The Arab Weekly*. 2016. URL: <https://theArabweekly.com/religious-tourism-failing-iraqs-economy> (дата обращения 10.07.2023).

References

1. Mong Thi Phuong Thao, Zmiyak. S.S. Trends in the development of tourism in a crisis: a review of the world and Russian sector. *Scientific Bulletin: finance, banks, investments*. 2022;(1):169–174. (In Russ.)
2. Voskresensky V.Yu. Modern trends in international tourism. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2021;(6):33–36. DOI: 10.24411/2072-8042-2021-6-33-39. (In Russ.)
3. Voronina T.V., Savenkova I. V., Heder Z. Modern factors and trends in the development of international tourism. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management*. 2023;(9(75)1):13–23. (In Russ.)
4. Pshenichnykh Yu. A. Analysis of dynamics and trends in the development of the modern international tourist market. *Bulletin of the University*. 2021;(1):53–61. (In Russ.)
5. Tsekhla S. Yu. Development of international tourism: trends and socio-economic processes. *Geopolitics and ecogeodynamics of regions*. 2021;(7(17)1):38–47. (In Russ.)
6. Kitsis V. M. Developed and developing countries in international tourism: modern trends. *Bulletin of RMAF*. 2022;(2):117–122. (In Russ.)
7. Zdor S. Analysis of the modern tourism market in countries of Europe, Americas, Asia and the Pacific, Africa and the Middle East. *European journal of economics and management sciences*. 2019;(4):35–55. (In Russ.)
8. Zhukova M. A. Congress and exhibition tourism during the pandemic. *Innovations and investments*. 2022;(4):213–217. (In Russ.)
9. Abdallah K., Bejjani M., Sayess D., Rizk M. *Five key stages for developing the tourism sector across the Middle East*. Available from: <https://www.strategyand.pwc.com/m1/en/articles/2020/five-key-stages-for-developing-the-tourism-sector-across-the-middle-east.html> (date of appeal 20.05.2023).
10. Voronina T. V., Heder Z. Positions of the Middle East region in the world exhibition and fair industry. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management*. 2022;(8(74)3):5–12. (In Russ.)
11. Ladki, S., Abimanyu, A. and Kesserwan, L. The Rise of a New Tourism Dawn in the Middle East. *Journal of Service Science and Management*. 2020; 13(4): 637-648. DOI: 10.4236/jssm.2020.134040.
12. Ayeh J. Travel Trends in the Middle East. *The SAGE International Encyclopedia of Travel and Tourism*. Publisher: SAGE Publications, Inc., 2017; (4):1349-1353. DOI:10.4135/9781483368924.n484.
13. Falcon Villar D. The expansion of travel and tourism in the Middle East. Available from: <https://hub.wtm.com/blog/destinations/the-expansion-of-travel-and-tourism-in-the-middle-east/>.
14. Abdallah K., Bejjani M., Sayess D., Rizk M. *Five key stages for developing the tourism sector across the Middle East*. URL: <https://www.strategyand.pwc.com/m1/en/articles/2020/five-key-stages-for-developing-the-tourism-sector-across-the-middle-east.html>.

15. Torabi Farsani N., Shafiei, Z. Tourism: A solution for economic growth in developing countries (Case study: Iran). In: *Progress in Economics Research*. 2015;(32):91–115.
16. Jamel L. The Relation between Tourism and Economic Growth: A Case of Saudi Arabia as an Emerging Tourism Destination. *Virtual Economics*. 2020;3(4):29–47. DOI.org/10.34021/ve.2020.03.04(2).
17. Al-Shami M., Naim Chaker M., Sabah A. The Contribution of Tourism to Economic Growth: A Case Study from the United Arab Emirates (UAE). *Test: Engineering&Management*. 2019;(81):2567-2574. URL: <http://test-magzine.biz/index.php/testmagzine/about/submissions>.
18. Ladki S., Abimanyu A. and Kesserwan L. The Rise of a New Tourism Dawn in the Middle East. *Journal of Service Science and Management*. 2020;(13):637-648. DOI: 10.4236/jssm.2020.134040.
19. Twaij A. Religious Tourism Is Failing Iraq's Economy. *The Arab Weekly*. 2016. Available from: <https://thearabweekly.com/religious-tourism-failing-iraqs-economy>.

Информация об авторах

Т. В. Воронина – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой мировой экономики и международных отношений ЮФУ.

А. Б. Яценко – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений ЮФУ.

Зуха Хедер – аспирант экономического факультета ЮФУ.

Information about the authors

T. V. Voronina – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of World Economy and International Relations of Southern Federal University.

A. B. Yatsenko – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of World Economy and International Relations of Southern Federal University.

Z. Kheder – Postgraduate of the Faculty of Economics of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Научная статья

УДК 303.722.4

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-67-74>

EDN NESYPG

Кластерная модель анализа больших данных в животноводческом производстве

Ольга Владимировна Галанина¹, Юлия Павловна Золотарёва²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹<https://orcid.org/0000-0003-3156-2906>

²<https://orcid.org/0000-0003-1930-1519>

Автор, ответственный за переписку: Ольга Владимировна Галанина, olga_galanina@inbox.ru

Аннотация. Интеллектуальные методы анализа, к которым относится задача кластеризации, все шире применяются в сфере экономики АПК. Задача кластеризации относится к классу задач обучения без учителя. Суть задачи – группировка объектов исследования по принципу схожести. Если рассматривать регионы РФ с точки зрения производства животноводческой продукции, их так же можно автоматически сгруппировать по принципу схожести. Метод k-средних на данный момент является основным методом решения задач кластеризации. Основным этапом задачи классификации является формирование набора данных, в который входят все основные характеристики объекта. Например, если рассматривать производство региона с точки зрения отрасли животноводства, то логичнее будет использовать x_1 – производство мяса на душу населения и x_2 – производство молока на душу населения. Критерием выбора количества кластеров является суммарная среднеквадратическая ошибка. Всего в анализе участвовало 79 регионов РФ. Оказалось, что рациональнее разбивать все регионы РФ на 7 кластеров схожести. Были выделены регионы с высоким производством молока и мяса (кластеры 4 и 6), регионы со средним производством молока и мяса (кластеры 2, 3, 5) и регионы с низким производством молока и мяса (кластеры 0, 1).

Ключевые слова: анализ данных, большие данные, животноводство, искусственный интеллект, кластерная модель, кластеризация, метод k-средних

Для цитирования: Галанина О. В., Золотарёва Ю. П. Кластерная модель анализа больших данных в животноводческом производстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 67–74. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-67-74>. EDN NESYPG

Problems of Economics

Original article

Cluster model for big data analysis in livestock production

Olga V. Galanina¹, Julia P. Zolotaryova²

^{1,2}Saint-Petersburg State Agrarian University, St.-Petersburg, Russia

¹<https://orcid.org/0000-0003-3156-2906>

²<https://orcid.org/0000-0003-1930-1519>

Corresponding author: Olga V. Galanina, olga_galanina@inbox.ru

Abstract. Intelligent methods of analysis, which include the problem of clustering, are widely used in the field of economics of the agro-industrial complex. The clustering problem belongs to the class of unsupervised learning problems. The essence of the problem is the grouping of research objects according to the use of similarity. If the regions of the Russian Federation are selected in terms of livestock production, they can also be automatically grouped according to the similarity recipe. The k-means method is currently a successful method for solving clustering problems. The main stage of solving the problem is the collection of data, which includes all the main characteristics of the object. For example, if you set up production in the region in terms of animal husbandry, then it would be more logical to x_1 - meat production per capita and x_2 – milk production per capita. The criterion for choosing the number of clusters is the root mean square error. In total, 79 regions of the Russian Federation participated in the analysis. It turned out that the potential to break all regions of the Russian Federation into 7 clusters of similarity. Regions with high milk and meat production (clusters 4 and 6), regions with high milk and meat production (clusters 2, 3, 5) and regions with low milk and meat production (clusters 0, 1) were identified.

Keywords: artificial intelligence, data analysis, big data, k-means method, cluster model, animal husbandry

For citation: Galanina O. V., Zolotaryova Ju. P. Cluster model for big data analysis in livestock production. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):67-74. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-67-74>. EDN NESYPG

ВВЕДЕНИЕ. Успехи вычислительной техники, развитие теории искусственного интеллекта и возникновение феномена Big Data позволяют формулировать и эффективно решать задачи анализа данных и в сфере экономики сельского хозяйства. Кластеризация, или сегментация – одна из задач интеллектуального анализа данных, весьма трудоёмка без вычислительных мощностей ЭВМ. В процессе кластеризации (сегментации) объекты группируются в соответствии с их свойствами в один из кластеров (классов с заранее неизвестными параметрами). Количество кластеров может быть предварительно определено, но, каждый кластер не имеет четкого описания. Есть видимые различия между объектами из разных кластеров, в то время как объекты внутри одного кластера похожи по максимуму. Самый известный алгоритм решения задачи кластеризации (сегментации) – это метод k-средних.

О возможностях применения кластерного интеллектуального анализа в эпоху цифровизации и трансформации экономики говорят многие исследователи. Например, в работах Погоньшиевой Д. А. [1, с. 61], Смелик Н. Л. [2, с. 98] указывается, что цифровизация, роботизация и интеллектуальные методы приобретают первоочередную значимость, особенно в отраслях АПК. Непосредственно в теории и практике кластерного анализа АПК и других отраслях производства посвящены работы Смагина Б. И. [3, с. 2], Меньшиковой М. А. [4, с. 457], Замбрицкой Е. С. [5, с. 110], Шамсутдинова Т.М. [6, с. 469]. Вся инновационная деятельность в сфере АПК должна быть нацелена на внедрение цифровых технологий и интеллектуальных методов [7, с. 29].

Интеллектуальные методы разделяются на методы машинного обучения и глубокого обучения. Глубокое обучение использует большие данные и большие вычислительные мощности, возможно без участия человека. Машинное же обучение может использоваться на небольших наборах данных, маломощных компьютерах и требует непосредственного контроля со стороны человека. Таким образом, пока у нас нет доступа к большим данным, можем методами машинного обучения решать задачи кластеризации на основе доступной статистической информации.

Представляет интерес деления регионов РФ по объемам производства животноводческой продукции [8, с. 190]. Алгоритмы кластеризации позволяют автоматически разделять регионы РФ по показателям производства животноводческой продукции на кластеры, и внутри каждого кластера будут определены регионы со схожими состояниями по показателям животноводческого производства. Конечно, можно выработать критерии отнесения регионов к тому или иному кластеру. Но гораздо рациональнее автоматизировать этот процесс.

В качестве исходных данных для подобного вида анализа можно выбирать информацию электронного документооборота [9, с. 215], внутреннюю отчетность с.-х. организаций [10, с. 53] и информацию нормативно-технических баз, информацию органов государственного управления [11, с. 70], данные, поступающие с «умных ферм» [12, с. 93].

ОБЪЕКТ И МЕТОДИКА. Исследуем отрасль производства животноводческой продукции по регионам. Поставим задачу сегментировать животноводческое производство на группы схожести, причем число сегментов определим экспериментально. Критерием выбора числа сегментов будем считать значение суммарной среднеквадратической ошибки. Для решения задачи потребуется:

- 1) выделить показатели, которые могут быть использованы для решения задачи кластеризации регионов по состоянию животноводства;
- 2) реализовать для выбранного набора данных метод k-средних для различного количества сегментов (кластеров);
- 3) рассчитать для каждого числа сегментов метрику (суммарную среднеквадратическую ошибку);
- 4) визуализировать результаты;
- 5) сделать выводы по результатам расчетов и визуализации.

Информационная модель задачи представлена на рис. 1. Некластеризованные регионы, проходя через метод k-средних, по принципу схожести группируются или сегментируются. Причем, исследователь задает число кластеров, получая на выходе значение суммарной среднеквадратической ошибки (метрики).

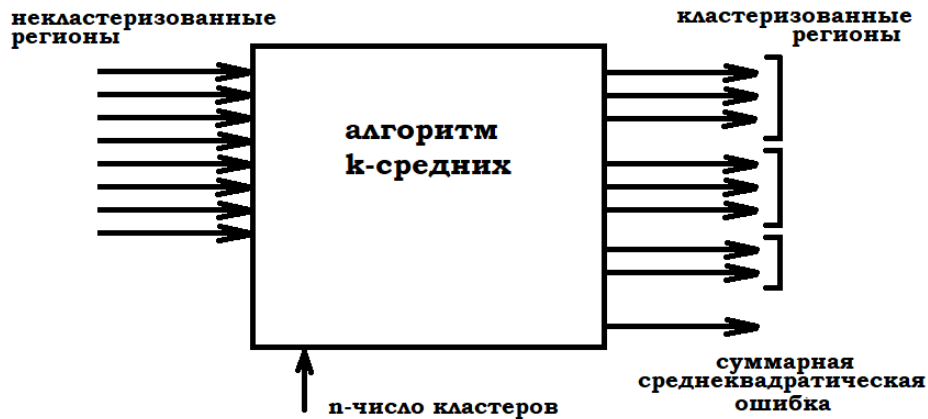

Рис. 1. Информационная модель исследования

Fig. 1. Research information model

В качестве оценки отрасли производства животноводческой продукции можно считать произведенное количество животноводческого продукта на душу населения, а именно:

X1 – производство в регионе скота и птицы на убой на человека в год, кг/чел/год;

X2 – производство в регионе молока на человека в год, кг/чел/год.

Эти значения могут быть рассчитаны из доступной статистической информации, а именно, в справочниках представлены следующие показатели за 2020г:

- среднегодовая численность населения в регионе РФ,
- производство скота и птицы на убой (в убойном весе) в регионе РФ,
- производство молока в регионе РФ.

Всего было вделено 79 регионов в составе РФ.

В качестве входных данных был сформирован датасет следующего содержания, представленный в табл. 1.

Таблица 1 – Общий вид набора данных для задачи кластеризации

Table 1 – General view of the data set for the clustering task

N	Регион РФ	X1 – производство в регионе скота и птицы на убой на человека в год, кг/чел/год (2020г.)	X2 – производство в регионе молока на человека в год, кг/чел/год (2020г.)
1	Белгородская обл.	888,30	444,34
2	Брянская обл.	288,31	248,40
...
78	Еврейская АО	7,62	59,72
79	Чукотский АО	10,02	0,01

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ. Расчеты производились с использованием свободного программного обеспечения интеллектуального анализа данных WEKA для числа кластеров 3÷10. Суммарная среднеквадратическая ошибка (метрика) для каждого количества кластеров представлена на рис. 2. Выбор числа кластеров зависит от поведения суммарной среднеквадратической ошибки. До значений 7-8 кластеров ошибка уменьшается значительно. При разбиении более чем на 8 кластеров, ошибка уменьшается незначительно. Поэтому оптимальное число кластеров составляет 7-8.

Распределение регионов на 7 кластеров представлено в табл.2, а распределение регионов на 8 кластеров – в табл.3.

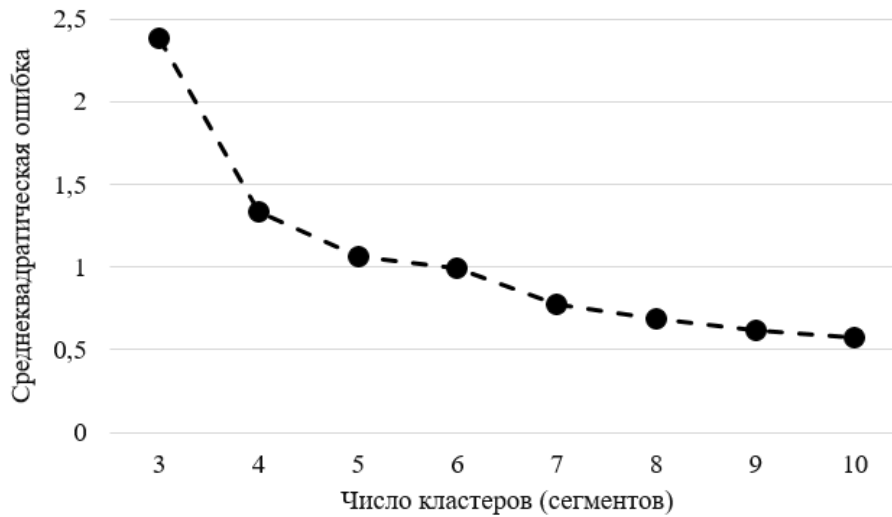

Рис. 2. Суммарная среднеквадратическая ошибка в зависимости от числа кластеров

Fig. 2. Total mean square error depending on the number of clusters

Таблица 2 – Распределение регионов РФ по 7 кластерам схожести

Table 2 – Distribution of regions of the Russian Federation by 7 clusters of similarity

Номер кластера	Доля	Регионы РФ
0	10 %	Республика Коми, Мурманская обл., Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Магаданская обл., Еврейская АО, Чукотский ОА
1	18 %	Ивановская обл., Московская обл., Тульская обл., Республика Карелия, Архангельская обл., Республика Крым, Самарская обл., Тюменская обл., Челябинская обл., Кемеровская обл., Томская обл., Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Сахалинская обл.
2	30 %	Костромская обл., Смоленская обл., Тверская обл., Ярославская обл., Калининградская обл., Республика Адыгея, Краснодарский край, Астраханская обл., Волгоградская обл., Ростовская обл., Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Пермский край, Нижегородская обл., Ульяновская обл., Курганская обл., Свердловская обл., Республика Тыва, Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская обл., Амурская обл.
3	15 %	Владимирская обл., Калужская обл., Ленинградская обл., Карачаево-Черкесская Республика, Республика Башкортостан, Чувашская Республика, Оренбургская обл., Саратовская обл., Республика Алтай, Новосибирская обл., Омская обл, Забайкальский край
4	11 %	Воронежская обл., Рязанская обл., Вологодская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Кировская обл., Алтайский край
5	9 %	Брянская обл., Липецкая обл., Орловская обл., Новгородская обл., Республика Калмыкия, Ставропольский край, Пензенская обл.
6	6 %	Белгородская обл., Курская обл, Тамбовская обл, Псковская обл., Республика Марий Эл

Таблица 3 – Распределение регионов РФ по 8 кластерам схожести

Table 3 – Distribution of regions of the Russian Federation by 8 clusters of similarity

Номер кластера	Доля	Регионы РФ
0	10 %	Республика Коми, Мурманская обл., Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Магаданская обл., Еврейская АО, Чукотский ОА
1	15 %	Московская обл., Тульская обл., Республика Карелия, Архангельская обл., Новгородская обл., Республика Крым, Самарская обл., Челябинская обл., Кемеровская обл., Томская обл., Республика Бурятия, Сахалинская обл.
2	24 %	Ивановская обл., Костромская обл., Смоленская обл., Тверская обл., Калининградская обл., Астраханская обл., Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Ставропольский край, Пермский край, Нижегородская обл., Ульяновская обл., Свердловская обл., Тюменская обл., Республика Тыва, Иркутская обл., Республика Саха (Якутия), Амурская обл.
3	14 %	Владимирская обл., Калужская обл., Ленинградская обл., Карачаево-Черкесская Республика, Республика Башкортостан, Чувашская Республика, Оренбургская обл., Саратовская обл., Республика Алтай, Омская обл., Забайкальский край
4	11 %	Воронежская обл., Рязанская обл., Вологодская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Кировская обл., Алтайский край
5	6 %	Брянская обл., Липецкая обл., Орловская обл., Республика Калмыкия, Пензенская обл.
6	6 %	Белгородская обл., Курская обл., Тамбовская обл., Псковская обл., Республика Марий Эл
7	13 %	Ярославская обл., Республика Адыгея, Краснодарский край, Волгоградская обл., Ростовская обл., Республика Северная Осетия – Алания, Курганская обл., Республика Хакасия, Красноярский край, Новосибирская обл.

Таким образом можно заметить, что существуют регионы, которые вне зависимости от числа разбиений на кластеры, группируются вместе. В табл. 2–3 эти регионы, стабильно схожие, выделены. На рис. 3 разбиение на кластеры представлено графически.

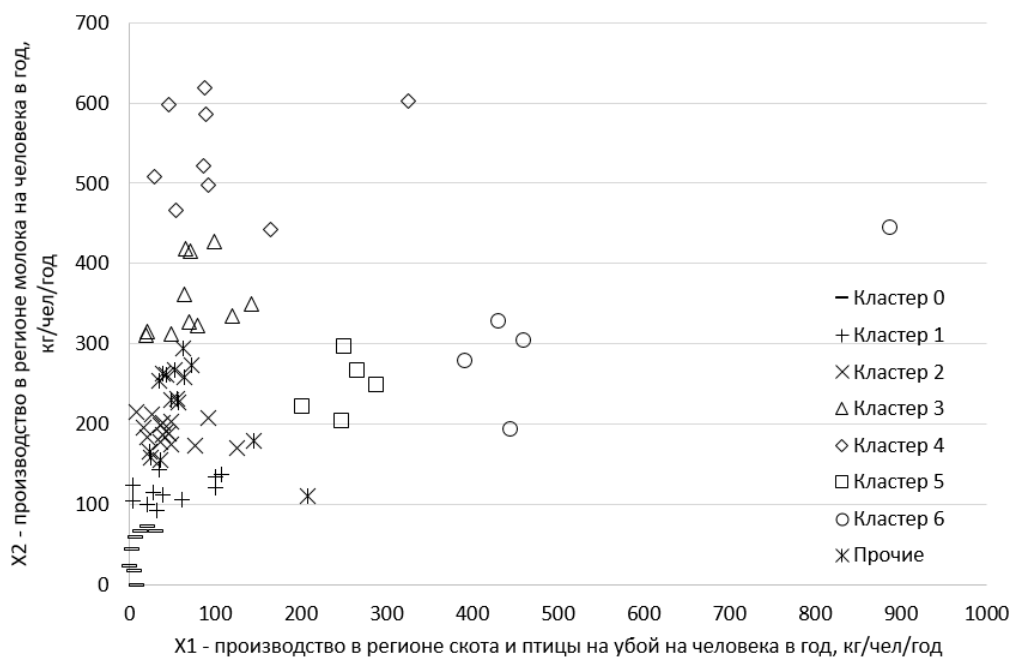

Рис. 3. Устойчивые кластеры схожести регионов РФ

Fig. 3. Stable clusters of similarity of regions of the Russian Federation

Поскольку разбиение на кластеры методом k-средних не учитывает принцип схожести, в нем нет четкого описания принципов схожести, исходя из визуализации рисунка 3 мы можем говорить, что можно установить принцип, по которому регионы разбились на группы схожести. А именно, кластер 0 – самые слабые с точки зрения производства продукции животноводства. В этих регионах минимальное или нулевое производство мяса и молока на человека. Кластер 1 – регионы с низким производством животноводческой продукции (малое производство молока и мяса). Кластеры 2, 3, 5 – средние по производству и мяса, и молока. Кластер 4 – регионы с высоким производством молока, но низким производством мяса, Кластер 6 – Регионы с высоким производством мяса и средним производством молока.

Так же разбиение на кластеры представлено на карте рисунка 4. В основном, кластеры 6 и 4 размещены в европейской части РФ.

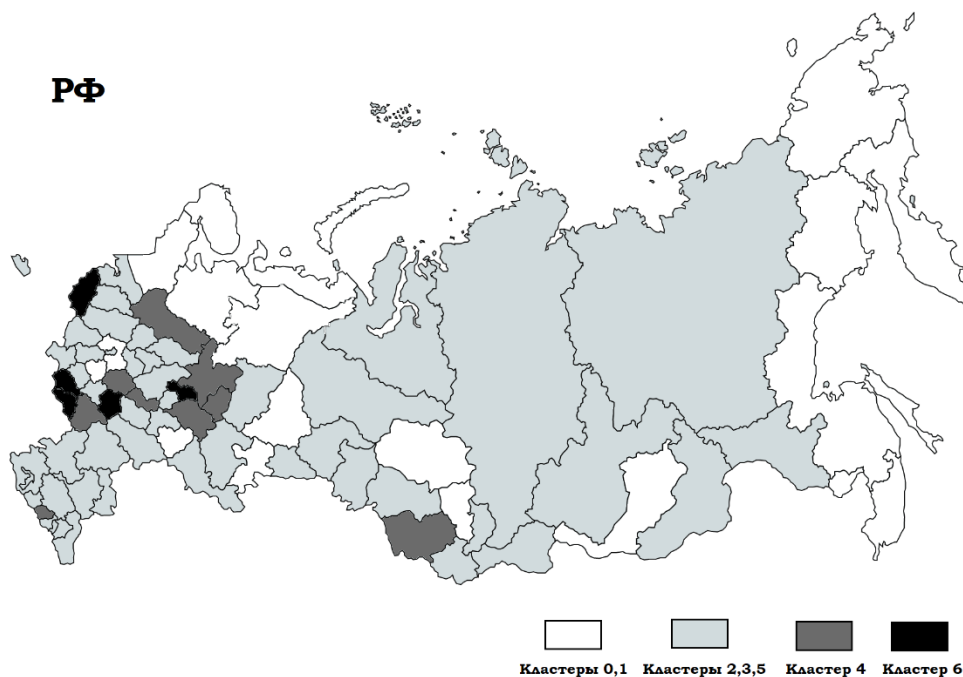

Рис. 4. Кластеры на карте

Fig. 4. Clusters on the map

ВЫВОДЫ.

1. Были выделены показатели для решения задачи кластеризации регионов по принципу производства животноводческой продукции, а именно, X_1 – производство в регионе скота и птицы на убой на человека в год, кг/чел/год и X_2 – производство в регионе молока на человека в год, кг/чел/год. Всего число записей составило 79 регионов.

2. Значение суммарной среднеквадратической ошибки показало, что разбиение на 7-8 кластеров схожести представляется наиболее приемлемым (рисунок 2).

3. Результаты кластеризации показали, что регионы, по состоянию производства животноводческой продукции группируются по следующему принципу схожести:

- регионы с высоким производством мяса и средним производством молока на душу населения (регионы кластера 6), находятся в европейской части РФ;
- регионы с высоким производством молока и низким производством мяса (регионы кластера 4), находятся преимущественно в европейской части РФ;
- регионы со средним производством молока и мяса (регионы кластеров 2, 3, 5);
- регионы с низким производством молока и мяса на душу населения (регионы кластеров 0 и 1), находятся преимущественно в северных и дальневосточных районах РФ.

Используя полученные результаты можно повысить качество и обоснованность решений в экономической сфере, принимая во внимание различия в уровне развития животноводства в разных регионах.

Список источников

1. Погоньшева Д. А., Савин А. В., Серая Г. В., Тасоева Е. В. Цифровые технологии в кадровом менеджменте в сельском хозяйстве // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 3(85). С. 60-66. DOI 10.52691/2500-2651-2021-85-3-60-66. EDN ZYGAOT.
2. Смелик Н. Л. Сущность трансформации экономической системы и ее механизма // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2014. № 37. С. 97-103. EDN UXWKXL.
3. Смагин Б. И. Использование кластерного анализа в анализе экономических процессов сельскохозяйственного производства // Наука и Образование. 2021. Т. 4. № 2. EDN FPYMAK.
4. Меньшикова М. А., Ходыревская В. Н., Симахина О. Н., Шакирова Д. Ф. Территориальный анализ уровня развития строительства в России методом кластерного анализа // Экономика и предпринимательство. 2021. № 2(127). С. 456-460. DOI 10.34925/EIP.2021.127.2.086. EDN KSZPEO.
5. Замбржицкая Е. С. Кластерный анализ как предварительный этап анализа безубыточности // Приложение математики в экономических и технических исследованиях. 2020. № 1(10). С. 109-115. EDN WXKTIH.
6. Шамсутдинова Т. М. Технологии интеллектуального анализа статистических данных (на примере кластерного анализа показателей сельскохозяйственного производства субъектов РФ) // Современные научно-практические решения в АПК : Материалы международной научно-практической конференции, Воронеж, 06–07 июня 2017 года. Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2017. С. 467–473. EDN ZWGBHD.
7. Kosyakova L. N., Popova A. L. Innovative policy in the agricultural sphere // British Journal for Social and Economic Research. 2016. Vol. 1, No. 2. P. 29-38. EDN XCPWLTV.
8. Лаврова А. П. Роль личных подсобных хозяйств сельского населения в продовольственном обеспечении // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 40. С. 186-191. EDN UXWNVZ.
9. Ульянова Н. Д. Искусственный интеллект в системах электронного документооборота // Проблемы энергообеспечения, автоматизации, информатизации и природопользования в АПК : Сборник материалов международной научно-технической конференции, Брянск, 30 апреля 2022 года. Брянск: Брянский государственный аграрный университет, 2022. С. 214-220. EDN DWLLIB.
10. Гринь М. Г., Гринь А. М. Внутренняя отчетность аграрных организаций и использование ее в системе управления // Вестник Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2011. № 4. С. 52-56. EDN THKTWH.
11. Золотарева Ю. П., Галанина О. В. Стратегическое планирование и программирование регионального и муниципального развития сельских территорий // Известия Международной академии аграрного образования. 2021. № 56. С. 69-72. EDN FBYFFL.
12. Галанина О. В. Big Data в планировании восстановления молочного стада КРС // Известия Международной академии аграрного образования. 2022. № 59. С. 92-95. EDN NAMWLU.

References

1. Pogonysheva D. A., Savin A.V., Seraya G. V., Tasojeva E. V. Digital technologies in personnel management in agriculture. *Bulletin of the Bryansk State Agricultural Academy*. 2021;3(85):60–66. DOI 10.52691/2500-2651-2021-85-3-60-66. EDN ZYGAOT. (In Russ.)
2. Smelik N. L. The essence of transformation of the economic system and its mechanism. *Izvestiya of the St. Petersburg State Agrarian University*. 2014;(37):97–103. EDN UXWKXL. (In Russ.)
3. Smagin B. I. The use of cluster analysis in the analysis of economic processes of agricultural production. *Science and Education*. 2021;4(2). EDN FPYMAK. (In Russ.)
4. Menshikova M. A., Khodyrevskaya V. N., Simakhina O. N., Shakirova D. F. Territorial analysis of the level of development of construction in Russia by the method of cluster analysis. *Economics and entrepreneurship*. 2021;2(127):456-460. DOI 10.34925/EIP.2021.127.2.086. EDN KSZPEO. (In Russ.)
5. Zambrzhitskaya E. S. Cluster analysis as a preliminary stage of break-even analysis. *Application of mathematics in economic and technical research*. 2020;1(10):109–115. EDN WXKTIH. (In Russ.)
6. Shamsutdinova T. M. Technologies of intellectual analysis of statistical data (on the example of cluster analysis of agricultural production indicators of the subjects of the Russian Federation). In: *Modern scientific and practical solutions in agriculture : Materials of the international scientific and practical conference, Voronezh, June 06-07, 2017*. Voronezh: Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I; 2017:467–473. EDN ZWGBHD. (In Russ.)

7. Kosyakova L. N., Popova A. L. Innovative policy in the agricultural sphere. *British Journal for Social and Economic Research*. 2016;1(2):29–38. EDN XCPWLV.
8. Lavrova A. P. The role of personal subsidiary farms of rural population in food supply. *Izvestiya of St. Petersburg State Agrarian University*. 2015;(40):186–191. EDN UXWNVZ. (In Russ.)
9. Ulyanova N. D. Artificial intelligence in electronic document management systems. In: *Problems of energy supply, automation, informatization and environmental management in agriculture* : Collection of materials of the international scientific and technical conference, Bryansk, April 30, 2022. Bryansk: Bryansk State Agrarian University; 2022:214–220. EDN DWLLIB. (In Russ.)
10. Grin M. G., Grin A. M. Internal reporting of agricultural organizations and its use in the management system. *Bulletin of the Bryansk State Agricultural Academy*. 2011;(4):52–56. EDN THKTWH. (In Russ.)
11. Zolotareva Yu. P., Galanina O. V. Strategic planning and programming of regional and municipal development of rural territories. *Proceedings of the International Academy of Agrarian Education*. 2021;(56):69–72. EDN FBYYFL. (In Russ.)
12. Galanina O. V. Big Data in the planning of restoration of dairy cattle herd. *Proceedings of the International Academy of Agrarian Education*. 2022;(59):92–95. EDN NAMWLU. (In Russ.)

Информация об авторах

О. В. Галанина – кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной информатики, статистики и математики СПбГАУ.

Ю. П. Золотарёва – кандидат экономических наук, доцент кафедры земельных отношений и кадастра СПбГАУ.

Information about authors

O. V. Galanina – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Applied Informatics, Statistics and Mathematics of St. Petersburg State Agrarian University.

Ju. P. Zolotaryova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Land Relations and Cadastre of St. Petersburg State Agrarian University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.06.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 27.06.2023.

The article was submitted 05.06.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 27.06.2023.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-75-82>

EDN NUXFJO

Типология индикаторов оценки взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности

Юлия Сергеевна Евлахова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
evlahova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2561-6165>

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие населения и цифровых технологий на финансовом рынке как потенциальный фактор финансовой нестабильности. Целью исследования является определение способов оценки взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности. Используются показатели и индикаторы, публикуемые в официальных статистических и аналитических отчетах Центрального банка РФ, Московской биржи. Определены возможные способы оценки взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности. С учетом наличия данных и существующих методов оценки наиболее осуществимым признано построение агрегированного показателя, включающего показатели, характеризующие как отдельные элементы, так и их взаимосвязи. На основе обзора и характеристики показателей, отражающих взаимодействие населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности, разработана типология индикаторов оценки такого взаимодействия.

Ключевые слова: индекс цифровизации, кредитный рынок, микроэкономика финансовой стабильности, финтех-компании, фондовый рынок, цифровая трансформация, экосистемы

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00590, <https://rscf.ru/project/23-28-00590/>

Для цитирования: Евлахова Ю. С. Типология индикаторов оценки взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 75–82. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-75-82>. EDN NUXFJO

Problems of Economics

Original article

Typology of indicators for assessing the interaction of population and digital technologies in the financial market in the context of financial stability

Julia S. Evlakhova

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, evlahova@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2561-6165>

Abstract. The article considers the interaction of the population and digital technologies in the financial market as a potential factor in financial instability. The purpose of the study is to identify ways to assess the interaction of the population and digital technologies in the financial market in the context of financial stability. The indicators published in the official statistical and analytical reports of the Central Bank of the Russian Federation and the Moscow Exchange were used. Possible ways to assess the interaction of the population and digital technologies in the financial market in the context of financial stability have been identified. Considering the availability of data and existing assessment methods, it is most feasible to build an aggregated indicator that includes indicators that characterize both individual elements and their relationships. Based on the review and characteristics of indicators reflecting the interaction of the population and digital technologies in the financial market in the context of financial stability, a typology of indicators for assessing such interaction has been developed.

Keywords: microeconomics of financial stability, digital transformation, digitalization index, fintech companies, ecosystems, credit market, stock market

Financial Support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 23-28-00590, <https://rscf.ru/project/23-28-00590/>

For citation: Evlakhova Ju. S. Typology of indicators for assessing the interaction of population and digital technologies in the financial market in the context of financial stability. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(3):75-82. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-75-82>. EDN NUXFJO

Введение

За последнее десятилетие информационно-коммуникационные, а затем цифровые технологии стали играть существенную роль и в экономике домохозяйств, и на финансовом рынке. Согласно данным, доля домохозяйств, имеющих доступ к широкополосному интернету, выросла с 56,5 % в 2013 г. до 82,6 % в 2021 г.¹, при этом все больше населения используют интернет для заказов товаров и услуг. Доля населения, использовавшего интернет для заказов финансовых услуг, выросла с 13,5 % в 2013 г. до 44,4 % в 2021 г.², то есть в 3,3 раза. Доступность широкополосного интернета и его востребованность для осуществления финансово-хозяйственных операций населением сопровождается ростом цифровой грамотности граждан. Измерения цифровой грамотности российских граждан показывают ее рост: от 52 п.п. в 2018 г. до 71 п.п. в 2022 г.³

Особенно активно взаимодействие населения и цифровых технологий протекает в тех сегментах финансового рынка, где доля населения в операциях доминирует. Примером является фондовый рынок. Так, после ухода нерезидентов с российского рынка акций в начале 2022 г. доля физических лиц в обороте превысила 80 %⁴ (на 21.06.2023). На таком «ультрарозничном» рынке выпукло проявляются эффекты нерационального мышления при принятии инвестиционных решений. Давно известен эффект «стадного поведения» индивидуальных участников на финансовом рынке. Он означает, что «трейдинг индивидуальных инвесторов является высококоррелированным, что порождает эффект систематического влияния на ценообразование» [1, с. 8]. При этом цифровизация фондового рынка усилила «стадность» инвесторов, поскольку сделала возможными новые способы осуществления инвестиций: алгоритмическую торговлю, робоэдвайзинг, стратегии автоследования, трейдинг с учетом мнений участников социальных сетей.

В этих условиях актуализируется вопрос о влиянии активного взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовую стабильность.

Анализ научной литературы показал, что в представленном ракурсе научная проблема не рассматривалась в литературе. Могут быть выделены три отдельных направления исследования:

– взаимодействие населения и цифровых технологий: в частности, анализируется проблема цифровых разрывов⁵, изучается цифровое неравенство среди населения [2], исследуется открытость населения к инновациям [3];

– цифровая трансформация финансового рынка и его отдельных сегментов (среди большого количества работ отметим следующие [4], [5]);

¹ Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html (дата обращения 15.04.2023)

² Форма федерального статистического наблюдения № 1-ИТ «Анкета выборочного обследования населения по вопросам использования информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей» URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43566> (дата обращения 15.04.2023)

³ Индекс цифровой финансовой грамотности НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyrosla-dolya-lyudey-s-prodvintym-urovnyem-tsifrovoy-gramotnosti/> (дата обращения 17.04.2023)

⁴ Обзор рисков финансовых рынков. Информационно-аналитический материал. Банк России, 2023. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/45128/ORFR_2023-06.pdf (дата обращения 20.07.2023)

⁵ The Digital Life of Russian Regions 2020. What Defines the Digital Divide? SKOLKOVO Institute for Emerging Market Studies. Research report. Available from: <https://iems.skolkovo.ru/en/iems/publications/research-reports/2242-2020-06-09/> (accessed 28.04.2022).

– микроэкономика финансовой стабильности: исследуются микроэкономические решения как фактор движения денежных средств [6], анализируется долговая нагрузка домохозяйств как фактор стабильности финансового рынка [7].

При этом при исследовании взаимодействия населения и цифровых технологий не рассматривается взаимодействие на финансовом рынке; при исследовании цифровой трансформации финансового рынка не затрагивается проблематика финансовой стабильности, а при изучении микроэкономики финансовой стабильности не принимается во внимание фактор цифровизации. Таким образом, постановка проблемы взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности является новой.

Целью исследования является определение способов оценки взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности. Для достижения цели решены следующие задачи:

- 1) поэлементная характеристика взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности;
- 2) изучение инструментария диагностики данного взаимодействия;
- 3) разработка типологии индикаторов данного взаимодействия.

Материалы и методы

В статье использованы показатели и индикаторы, публикуемые в официальных статистических и аналитических отчетах Центрального банка РФ, Московской биржи. Основой проведенного исследования послужили общенаучные методы познания: компаративные методы, метод аналогий, индукции и дедукции, методы табличной и графической визуализации.

Результаты

В рамках рассматриваемой проблемы могут быть выделены следующие элементы: население на финансовом рынке; цифровые технологии на финансовом рынке; финансовая стабильность.

Финансовый рынок состоит из нескольких сегментов, основными являются кредитный и фондовый, именно эти сегменты рассмотрены в работе. Соответственно, на кредитном рынке население участвует в качестве заемщика, на фондовом рынке – в качестве инвестора. Существуют процедуры допуска физических лиц к операциям на финансовом рынке. Для кредитного рынка такой процедурой может считаться требования к показателю долговой нагрузки и кредитоспособности заемщика-физического лица. Допуск на фондовый рынок зависит от наличия статуса неквалифицированного/квалифицированного инвестора и минимальной суммы для инвестирования.

Среди показателей, характеризующих участие населения на кредитном рынке, выделяют:

1. объем и количество банковских кредитов в рублях и инвалюте, предоставленных физическим лицам, средневзвешенный срок и процентная ставка по таким кредитам, задолженность и просроченная задолженность по таким кредитам, – по видам кредитов;
2. количество договоров микрозайма, заключенных/действующих с физическими лицами, сумма по таким договорам, их структура, задолженность и просроченная задолженность по таким микрозаймам, средняя сумма микрозаймов и другие.

В число показателей, характеризующих участие населения на фондовом рынке, входят:

1. количество клиентов – физических лиц и объем активов на брокерском обслуживании; количество клиентов – физических лиц и стоимость портфелей доверительного управления; количество индивидуальных инвестиционных счетов (ИИС) и объем активов на ИИС;
2. Доля частных инвесторов в объеме торгов акциями;
3. топ-10 ценных бумаг в портфелях частных инвесторов, топ-10 российских биржевых фондов в портфелях частных инвесторов и другие.

Для характеристики такого элемента, как «цифровые технологии на финансовом рынке» рассмотрим области их применения в России и мире (табл. 1).

Анализ табл. 1 приводит к следующим выводам. Практически все области финансового рынка и виды финансовых операций затронуты цифровой трансформацией, которая наиболее активна в розничном, а не корпоративном сегменте финансового рынка. Во-вторых, изучение реализации цифровых технологий на российском финансовом рынке демонстрирует существенное их продвижение, вместе с тем более полный вывод может быть сделан только на основе дополнительных углубленных исследований.

Таблица 1 – Цифровые финансовые технологии в мире и уровень их развития в России

Table 1 – Digital financial technologies in the world and their level of development in Russia

Виды финансовых операций	Области применения цифровых технологии в современном финансовом мире	Реализация цифровых финансовых технологий в России
Депозиты и заимствования	Альтернативы традиционным механизмам кредитования (P2P кредитование и др.) Изменение потребительских предпочтений (виртуальная реальность, мобильные приложения, API)	Необанкинг (банкинг без физического присутствия) Маркетплейсы (например, Финуслуги)
Привлечение капитала	Краудфандинг (виртуальные организаторы торгов, смарт-контракты, альтернативные способы аудита, экспертизы, контроля)	Краудфандинг и краудлендинг Пре-ИРО Цифровые финансовые активы
Управление инвестициями	Экстернализация, т.е. вывод процессов вовне (облачные вычисления, продвинутые алгоритмы, совместное использование вычислительных мощностей, открытое программное обеспечение и др.) Инвесторы с расширенными полномочиями (автоматизированные финансовые консультации, роботы-советники, алгоритмическая торговля, социальный трейдинг)	Роботы-советники Автоследование Биржевые ПИФы и ETF Высокочастотная торговля на основе информационных платформ, (почти) не требующих знаний кода от пользователей
Рыночная инфраструктура	Новые рыночные платформы (платформы рыночной информации, автоматизированный сбор и анализ данных) Более умные и быстрые компьютеры (искусственный интеллект/машинное обучение, машиночитаемые форматы данных, большие данные, анализ настроений в социальных сетях и мессенджерах)	Внебиржевые торговые платформы Децентрализованные финансы (DeFi) Цифровые финансовые активы
Платежи	Безналичный мир (мобильные платежи, унифицированные платежи, встроенный биллинг) Новые платежные средства (криптовалюта, электронные деньги, P2P торговля валютой)	Система быстрых платежей Цифровой рубль (цифровая валюта центрального банка) Система передачи финансовых сообщений
Страхование	Связанное страхование (интернет вещей, продвинутые сенсоры, компьютеры для ношения на теле) Дезагрегирование страхования (цифровая дистрибуция, экономика совместного пользования, беспилотный транспорт, секьюритизация и хедж-фонды)	Страховые маркетплейсы Сенсоры Интернет вещей

Источник: по материалам доклада Железнова А. (Мосбиржа) «Тренды в финтехе» на площадке «Финансовый рынок и финансовая безопасность в эпоху цифровых перемен: вызовы модели образования» международной научно-методической конференции «Форсайт образования: возрождение традиций vs декларируемое новаторство», 1-3 февраля 2023 г., Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

Для диагностики развития цифровых технологий на финансовом рынке используют различные индексы цифровизации финансового рынка и его сегментов (подробнее см. [8, с. 278-282]).

Важным элементом является категория «финансовая стабильность». С точки зрения содержания термина «стабильность» финансовая стабильность может быть определена как:

- 1) постоянство некоторых значимых показателей, которые характеризуют рост цен, уровень цен на рыночные активы или изменение макроэкономических показателей;
- 2) устойчивость, низкий уровень рисков внутри объекта, стабильность которого исследуется;
- 3) как отсутствие кризиса и нестабильности.

По уровням финансовая стабильность может быть глобальной, национальной, на уровне организаций и на уровне домохозяйств, а по объектам выделяют стабильность финансовых рынков; стабильность финансового сектора или составляющих его институтов.

В целях обеспечения финансовой стабильности для выработки верных и эффективных решений регулятор рассматривает и анализирует всю палитру теоретических подходов, поскольку эти подходы непротиворечивы и дополняют друг друга.

Способы диагностики различаются в зависимости от подхода к финансовой стабильности. Примером могут быть индикаторы финансовой стабильности, разработанные ЦБ РФ¹.

Оценка взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности может быть осуществлена различными способами:

1) на основе построения агрегированного показателя (например, индексным методом, методом главных компонент или иным), включающего показатели, характеризующие *отдельные элементы*: население на финансовом рынке, цифровые технологии на финансовом рынке, финансовая стабильность;

2) на основе построения агрегированного показателя (например, индексным методом, методом главных компонент или иным), включающего показатели, характеризующие *взаимосвязи элементов*, а именно: влияние цифровых технологий на вовлеченность, формы участия и активность населения на финансовом рынке, влияние участия населения на финансовом рынке на финансовую стабильность, влияние цифровых технологий на обеспечение финансовой стабильности;

3) на основе построения агрегированного показателя (например, индексным методом, методом главных компонент или иным), включающего показатели, характеризующие *как отдельные элементы, так и их взаимосвязи*;

4) на основе конструирования нового индикатора или группы индикаторов, каждый из которых учитывает цифровые технологии, население на финансовом рынке и аспект финансовой стабильности;

5) на основе формирования оптимизационной модели, в которой уровень финансовой стабильности минимизируется при соблюдении условий максимизации участия населения на финансовом рынке и цифровизации финансовых операций, и другие.

Наиболее осуществимым нам представляется построение агрегированного показателя, включающего показатели, характеризующие как отдельные элементы, так и их взаимосвязи. В связи с этим рассмотрим инструменты диагностики таких взаимосвязей.

Так, для измерения и диагностики влияния цифровых технологий на вовлеченность, формы участия и активность населения на финансовом рынке могут быть применены следующие показатели:

- показатели рынка онлайн-микрораймов, включая объемы рынка, его структур, уровень просроченной задолженности;

- показатели деятельности финансовых платформ и рынка краудфандинга;

- показатели фондового рынка: доли физических лиц, клиентов брокеров, использующих стратегию автоследования; алгоритмическую торговлю; участвующих в социальном трейдинге.

В число показателей, характеризующих влияние участия населения на финансовом рынке на финансовую стабильность, входят следующие:

1. индикаторы риска массового изъятия вкладов;

2. индикаторы риска массовой конверсии рублей в иностранную валюту;

3. индикаторы риска неустойчивости формирования баланса кредитных организаций за счет физических лиц;

4. индикаторы кредитного риска;

5. индекс волатильности фондового рынка.

Наибольшую сложность вызывают показатели, характеризующие влияние цифровых технологий на обеспечение финансовой стабильности, поскольку такие измерения не проводятся регуляторами финансовых рынков и аналитическими агентствами, а сам вопрос о влиянии цифровых технологий на обеспечение финансовой стабильности находится в начальной стадии исследования.

Например, в работе [9] на примере цифровых платежей было показано, что рыночный риск может измерить влияние цифровых финансов на финансовую стабильность, так что повышенный систематический риск уменьшит положительное влияние цифровых финансов на финансовую стабильность.

¹ Приведены в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016-2018 годов. Банк России, 2016.

Также сложилось устойчивое мнение о том, что на финансовую стабильность влияет деятельность финтех-компаний, при этом характер влияния (обеспечение стабильности либо дестабилизация) обусловлен размером компании и возможностями регулирования.

Так, деятельность технологических гигантов – бигтехов – на глобальном уровне (в отсутствие сложившихся международных регулятивных норм и правил) может приводить к тому, что их киберриски окажутся существенным триггером глобальной финансовой нестабильности. В нашей более ранней работе [10] указано, что одним из способов избежать этого является признание бигтехов системно значимыми инфраструктурными организациями и таким образом включение их в существующий периметр регулирования глобальных системно значимых финансовых организаций. При этом деятельность бигтехов на национальных финансовых рынках оценивается положительно и способствует обеспечению финансовой стабильности, что показано в исследовании Совета по финансовой стабильности¹.

Влияние деятельности финтех-стартапов, малых и средних финтех-компаний на глобальную финансовую стабильность мало изучено. Их влияние на национальную финансовую стабильность оценивается отрицательно. Причины: восприимчивость к хакерским атакам; использование автоматизированных решений, которые могут привести к чрезмерно коррелированным действиям; «модельный» риск; высокий уровень информационной асимметрии [11].

Формирование и развитие на финансовом рынке экосистем, основанных на платформенных способах координации участников и датацентричных бизнес-моделях, также может оказывать влияние на финансовую стабильность. Преимущественно, такое влияние рассматривается через призму уровня монополизации финансовых услуг и рыночной концентрации и оценивается в логике «чем больше монополизация и концентрация, тем более выраженным может быть негативный эффект в случае шоков и кризисов». Такой подход в оценке влияния экосистем на стабильность российского финансового рынка применен в работах [12] и [13].

Обзор и характеристика показателей, отражающих элементы и их взаимосвязи в рамках взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности, позволяет нам разработать типологию индикаторов оценки такого взаимодействия (рис. 1).

Рис. 1. Типология индикаторов оценки взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности

Fig. 1. Typology of indicators for assessing the interaction of population and digital technologies in the financial market in the context of financial stability

Источник: составлено автором

¹ BigTech Firms in Finance in Emerging Market and Developing Economies, FSB, 2022. Available from: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P121020-1.pdf> (accessed 31.08.2022).

В основе типологии лежит выделение групп показателей, характеризующих элементы и их взаимосвязи.

Выводы

Взаимодействие населения и цифровых технологий на финансовом рынке активно и динамично развивается, при этом достижение этим явлением определенных масштабов может оказаться критичным с точки зрения финансовой стабильности. Вместе с тем, регулятором финансового рынка, информационно-аналитическими институтами, исследователями проводится только анализ отдельных элементов этого взаимодействия, тогда как комплексная оценка отсутствует. В данной статье определены возможные способы такой комплексной оценки, перечень которых не является окончательным. С учетом наличия данных и существующих методов оценки наиболее осуществимым признано построение агрегированного показателя, включающего показатели, характеризующие как отдельные элементы, так и их взаимосвязи. На основе обзора и характеристики показателей, отражающих взаимодействие населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности, разработана типология индикаторов оценки такого взаимодействия. Данная типология является важным шагом к формированию целостного методического подхода к диагностике взаимодействия населения и цифровых технологий на финансовом рынке в контексте финансовой стабильности, который в свою очередь важен для разработки эффективных мер регулирования современного финансового рынка.

Список источников

1. Теплова Т.В., Соколова Т.В., Файзулин М.С., Куркин А.В. Сентимент инвесторов и аномалии в поведении биржевых характеристик инвестиционных активов. М.: ИНФРА-М, 2022. 199 с.
2. Плотицкина Н.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в России и Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2020; 64(4): 70-83. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-70-83.
3. Пишняк А., Халина Н. Восприятие новых технологий населением как показатель открытости инновациям // Форсайт. 2021; 15 (1):39-54. DOI: 10.17323/2500-2597.2021.1.39.54.
4. Марамыгин М.С., Чернова Г.В., Решетникова Л.Г. Цифровая трансформация российского рынка финансовых услуг: тенденции и особенности // Управленец. 2019; 10 (3): 70–82. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-3-7.
5. Цифровые траектории экономики и финансов в XXI веке. Под ред. К.В. Криничанского, Б.Б. Рубцова. Москва : КНОРУС, 2023. 232 с.
6. Масленников В.В., Ларионов А.В. Влияние поведенческого цикла на формирование денежных потоков// Финансы: теория и практика. 2020;24(5):100-111. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-5-100-111.
7. Господарчук Г.Г., Сучкова Е.О. Идентификация чрезмерной долговой нагрузки российского сектора домашних хозяйств // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021; 1:189-207.
8. Евлахова Ю.С., Грузднева Е.Н. Индексы цифровизации финансового рынка: виды показателей и проблемы измерения. В: Развитие логистики в условиях санкционных ограничений и международной экономической интолерантности : материалы международной научно-практической конференции. XVIII Южно-Российский логистический форум, 7-8 окт.2022г. Ростов-н/Д.: ИПК РГЭУ (РИНХ), 2022. 496 с.
9. Risman, A., Mulyana, B., Silvatika, B & Sulaeman, A. The effect of digital finance on financial stability. Management Science Letters. 2021; 11(7): 1979-1984. DOI: 10.5267/j.msl.2021.3.012
- 10.Евлахова Ю.С. Современные вызовы глобальной финансовой стабильности: трансформация управления системным риском и риски «черных лебедей» // Финансовые исследования. 2022; 2: 38-50. DOI 10.54220/finis.1991-0525.2022.75.2.004.
- 11.Magnuson W. Regulating Fintech. Vanderbilt Law Review. 2019; 71 (4): 1176-1226. Available from: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol71/iss4/2> (accessed 28.04.2022).
- 12.Пашковская И.В., Амосова Н.А., Рудакова О.С. Индустрия 4.0 и бизнес-ландшафт на финансовых рынках // Известия высших учебных заведений. Технологии текстильной промышленности. 2022; 2(398):46-57. DOI: 10.47367/0021-3497_2022_2_46.
- 13.Андрюшин С.А., Григорьев Р.А. Экосистемные банки: формы, риски и методы регулирования // Terra Economicus. 2021; 19(4): 51–65. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-51-65.

References

1. Teplova T.V., Sokolova T.V., Fajzulin M.S., Kurkin A.V. *Investor sentiment and anomalies in the behavior of exchange-traded characteristics of investment assets*. Moscow : INFRA-M, 2022. 199 p. (In Russ.)
2. Plotichkina N.V., Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. Digital: a policy of expanding accessibility and developing skills in Russia and Europe. *World Economy and International Relations*. 2020;64(4):70-83. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-70-83. (In Russ.)
3. Pishnjak A., Halina N. Perception of new technologies by the population as an indicator of openness to innovation. *Foresight and STI Governance*. 2021; 15 (1):39-54. DOI: 10.17323/2500-2597.2021.1.39.54. (In Russ.)
4. Maramygin M.S., Chernova G.V., Reshetnikova L.G. Digital transformation of the Russian financial services market: trends and features. *The manager*. 2019;10 (3):70–82. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-3-7. (In Russ.)
5. Krinichanskij K.V., Rubcov B.B. (eds.). *Digital trajectories of economy and finance in the 21st century*. Moscow : KNORUS, 2023. 232 p. (In Russ.)
6. Maslennikov V.V., Larionov A.V. Impact of the behavioural cycle on cash flow formation. *Finance: theory and practice*. 2020;24(5):100-111. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-5-100-111. (In Russ.)
7. Gospodarchuk G.G., Suchkova E.O. *Identification of excessive debt burden of the Russian household sector*. Moscow University Economics Bulletin. 2021;(1):189-207. (In Russ.)
8. Evlakhova Yu.S., Gruzdnova E.N. Financial market digitalization indices: types of indicators and measurement problems. In: *Development of logistics in the context of sanctions restrictions and international economic tolerance: Proceedings of the International conference*. XVIII South Russian Logistics Forum, 7-8 october 2022. Rostov-on-Don: RSUE, 2022. 496 p. (In Russ.)
9. Risman, A., Mulyana, B., Silvatika, B & Sulaeman, A. The effect of digital finance on financial stability. *Management Science Letters*. 2021; 11(7): 1979-1984. DOI: 10.5267/j.msl.2021.3.012.
10. Evlakhova Yu. S. Modern Challenges to Global Financial Stability: Transformation of Systemic Risk Management and Black Swans Risks. *Financial Research*. 2022;(2):38-50. DOI 10.54220/finis.1991-0525.2022.75.2.004. (In Russ.)
11. Magnuson W. Regulating Fintech. *Vanderbilt Law Review*. 2019;71(4):1176-1226. Available from: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol71/iss4/2> (accessed 28.04.2022).
12. Pashkovskaja I.V., Amosova N.A., Rudakova O.S. Industry 4.0 and business landscape in financial markets. *Textile Industry Technology (Series: "Proceedings of Higher Educational Institutions")*. 2022;2(398):46-57. DOI: 10.47367/0021-3497_2022_2_46. (In Russ.)
13. Andrjushin S.A., Grigor'ev R.A. Ecosystem banks: forms, risks and methods of regulation. *Terra Economicus*. 2021; 19(4): 51–65. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-51-65. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. С. Евлахова – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой финансового мониторинга и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

Ju. S. Evlakhova – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Financial Monitoring and Financial Markets of Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.07.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 21.07.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Научная статья
УДК 338.436.33

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-83-89>

EDN NXCFJS

Роль информационно-консультационных центров в поддержке развития аграрного сектора региона

Татьяна Владимировна Игнатова¹, Марина Олеговна Ступак²

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Владимировна Игнатова, ignatova-tv@ranepa.ru

Аннотация. В статье обосновывается положение, что качество и скорость развития цифровизации и информатизации аграрного сектора регионов Российской Федерации зависит от создания институтов поддержки, важное место среди которых занимают информационно-консультационные центры (ИКЦ) муниципальных образований и коммерческих организаций. Информационные и консультационные услуги обеспечивают равный доступ сельхозтоваропроизводителей к информации о предоставляемых государством льготах и регулируемым платежам вне зависимости от их масштабов: агрокорпорации, крупные хозяйства, крестьянские (фермерские) хозяйства. На примере деятельности муниципального казенного учреждения Информационно-консультационный центр Крыловского района Краснодарского края показаны функции ИКЦ, их организационная структура, проблемы и перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: аграрный сектор, информационно-консультационный центр, информационные услуги, Краснодарский край, муниципальные учреждения, фермерские хозяйства

Для цитирования: Игнатова Т. В., Ступак М. О. Роль информационно-консультационных центров в поддержке развития аграрного сектора региона // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 83–89. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-83-89>. EDN NXCFJS

Problems of Economics

Original article

Role of information consulting centers in support of agrarian sector of the region

Tatiana V. Ignatova¹, Marina O. Stupak²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Tatiana V. Ignatova, ignatova-tv@ranepa.ru

Abstract. The article substantiates the position that the quality and speed of development of digitalization and informatization of the agricultural sector of the regions of Russian Federation depends on the creation of support institutions, an important place among which is occupied by information and consulting centers (ICC) of municipalities and commercial organizations. Information and consulting services ensure equal access of agricultural producers to information about benefits provided by the state and regulated payments, regardless of their scale: agricultural corporations, large farms, peasant (farmer) farms. Using the example of the activities of a municipal state institution, the Information and Consulting Center of the Krylovsky district of the Krasnodar Territory, the functions of the ICC, their organizational structure, problems and prospects for further development are shown.

Keywords: information and consulting center, Krasnodar Territory, agricultural sector, information services, municipal institutions, farms

For citation: Ignatova T. V., Stupak M. O. Role of information consulting centers in support of agrarian sector of the region. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):83-89. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-83-89>. EDN NXCFJS

В условиях ускоренного развития цифровой экономики в Российской Федерации уровень поддержки аграрного сектора в российских регионах во многом определяется широтой охвата и интенсивностью внедрения новых технологий управления, включая технологии консалтинга с использованием онлайн коммуникаций, в деятельность государственных и муниципальных органов власти.

Несмотря на то, что цифровизация и информатизация уже является неотъемлемой частью экосистем коммерческих организаций, например, финансово-банковских групп, промышленных корпораций, насущные задачи повышения открытости и информационной прозрачности в практике систем государственного и муниципального управления требуют разработки дорожных карт институционального оформления информатизации, приближения операторов услуг (в той или иной степени государственных или муниципальных) к их потребителям – населению и бизнесам – путем персональных, выездных, дистанционных, групповых и т.п. форм работы.

Все это свидетельствует об актуальности как теоретической постановки и проработки проблемы, так и о обширности задач по формированию инструментария, подготовки соответствующего персонала, эффективному использованию бюджетных и внебюджетных средств в целях повышения качества и расширения спектра информационно-консультационных услуг в контексте поддержки аграрного сектора, систематизации и иерархизации технологических, финансовых и профессионально-квалификационных факторов и их организационного оформления. Все больше исследователей в последние годы обращаются к данной проблематике [1-4].

Интерес к проблематике развития информационно-консультационных центров усиливается под влиянием импортозамещения в потенциала России, которое наиболее ярко отражается на сфере сельского хозяйства и производства продуктов питания. Оно призвано защитить внутренний рынок от резкого подорожания продовольственной корзины из-за цен импортируемых продуктов. В России увеличилось производство сыра, фруктов, овощей, свинины, мяса кур, индейки, что позволило не допустить резкого сокращения поставки продовольственных товаров в розничную сеть, а также по государственному заказу [5]. Управление данным процессом должно не только обеспечить защиту внутреннего рынка от резкого подорожания продуктов питания и сельскохозяйственного сырья, но и создать возможности реализации широкого информационного доступа субъектов аграрного сектора к инструментарию государственной поддержки.

Информационно-консультационное сопровождение развития аграрного сектора имеет не только привычное технологическое измерение, но не менее важное институциональное. Институциональные инновации проявились в создании информационно-консультационных центров как муниципальных учреждений/организаций на уровне муниципального района.

Реализация потенциала муниципальных информационно-консультационных центров зависит и от квалификационного уровня работников данной сферы, обеспеченности трудовыми ресурсами. Поэтому региональным органам власти и управления следует разработать ряд мер, направленных на повышение их квалификации, как технологических, так и коммуникационных компетенций.

В современных условиях информационно-консультационного сопровождения развития аграрного сектора как конкурентной отрасли требует ориентации на лучшие практики регионов, в частности, Краснодарского края.

«Информационно-консультационная служба агропромышленного комплекса Краснодарского края представляет собой многоуровневую и интегрированную систему информационно-консультационного обеспечения хозяйствующих субъектов АПК и сельского населения края, включающая в себя краевые и районные информационно-консультационные центры. Таким образом, исходя из современного состояния и перспектив развития АПК края, система информационно-консультационного обеспечения развивается на двух уровнях – краевом и районном» [6].

Согласно Постановлению Главы администрации Краснодарского края от 20 июня 2005 г. №546 «О реформировании структуры управления агропромышленным комплексом Краснодарского края» были созданы ГБУ Краснодарского края «Кубанский сельскохозяйственный информационно-консультационный центр» и ИКЦ в муниципальных районах. Затем был принят Закон Краснодарского края от 9 июня 2010 г. №1995-КЗ «Об информационно-консультационной службе агропромышленного комплекса Краснодарского края»

На территории Краснодарского края были созданы ИКЦ в различных организационно-правовых формах (муниципальное бюджетное учреждение; муниципальное казенное учреждение; общество

с ограниченной ответственностью) в целом ряде муниципальных районов, при этом в некоторых из них в самом названии подчеркивается, что это «сельскохозяйственные центры», например, в Белоглинском, Брюховецком, Калининском, Кореновском, Славянском, Щербиновском районах, в г.Сочи. Тогда как в других районах в названии фигурирует именно «информационно-консультационные центры»: в Красноармейском, Крыловском, Павловском, Приморско-Ахтарском, Темрюкском, Успенском. ИКЦ в Усть-Лабинском и Выселковском районах и «Юг-Старт» в станице Холмской были созданы в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью (ООО).

Следует отметить, что перечень услуг ИКЦ, предоставляемых в различных районах, неодинаков. В табл. 1 представлены районы с типовым и расширенным наборами услуг.

Таблица 1 – Сравнение перечней услуг, предоставляемых ИКЦ в муниципальных районах Краснодарского края¹

Table 1 – Comparison of ICC service lists in municipalities of Krasnodar territory

Муниципальный район, центр	Услуги, предоставляемые ИКЦ
Выселковский, ООО «Выселковский информационно-консультационный центр». Абинский, станица Холмская, ООО «Юг-Старт»	БИЗНЕС-ПЛАНИРОВАНИЕ - помощь в организации бизнеса на любом этапе, составление бизнес-плана различного уровня сложности в зависимости от потребности; финансовый анализ деятельности предприятия; ЮРИДИЧЕСКИЕ УСЛУГИ - подготовка документов на регистрацию предпринимательской деятельности юридических и физических лиц; подготовка документов на регистрацию изменений в учредительных документах; ликвидация организаций; заключение договоров; приведение учредительных и иных документов в соответствие с действующим законодательством; подготовка претензионных писем; ЭКОЛОГИЯ - расчет платы за негативное воздействие на окружающую среду; - консультирование по вопросам экологии, природоохранной деятельности; РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ - разработка дизайна и печать буклетов, листовок, визиток; КРЕДИТОВАНИЕ, СУБСИДИРОВАНИЕ - консультирование по вопросам кредитования; расчет обеспечения по кредиту; помощь в подготовке документов для получения кредита; - консультирование по вопросам господдержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, помощь в подготовке документов по направлениям субсидирования; БУХГАЛТЕРСКИЙ И НАЛОГОВЫЙ УЧЕТ, ОТЧЕТНОСТЬ - бухгалтерское и налоговое сопровождение, ведение учета, налоговое консультирование, заполнение деклараций, передача отчетности по ТКС в ПФР, ФСС, РАР, ИФНС, РПН, РОССТАТ; КАДРОВОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО - составление трудовых договоров, заполнение трудовых книжек, подготовка приказов о приеме на работу, увольнение, отпуск; расчет больничных, декретных; персонифицированный учет, отчетность в ЦЗН; ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ - информирование по закупкам, услугам; началу приема документов на субсидирование по направлениям господдержки; предоставление справочной информации по ценам на сельхозпродукцию, урожайности сельскохозяйственных культур, продуктивности животных; расчет убытков, упущенной выгоды, затрат на восстановление естественного плодородия почв; - проведение массовых мероприятий (день поля, семинар, совещание и т.п.).

¹ Составлено авторами по: Официальный сайт государственного бюджетного учреждения Краснодарского края «Кубанский сельскохозяйственный информационно-консультационный центр. URL: <http://www.kaicc.ru>

Муниципальный район, центр	Услуги, предоставляемые ИКЦ
Крыловский, Муниципальное казенное учреждение "Информационно-консультационный центр" муниципального образования Крыловский район	<p>ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ</p> <ul style="list-style-type: none"> - предоставление консультационных и методических услуг по вопросам коммерческой деятельности и управления; - консультирование сельских товаропроизводителей всех форм собственности; - консультационные услуги по вопросам информационного сопровождения; - оказание консультационных и методических услуг в области мер государственной поддержки гражданам и субъектам МСП; <p>ЭКОЛОГИЯ</p> <ul style="list-style-type: none"> - оказание консультационных услуг в области негативного воздействия на окружающую среду (НВОС); - осуществление расчетов платы за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС), решение других вопросов в области экологии
Кореновский, МБУ «Кореновский районный сельскохозяйственный информационно-консультационный центр»	<p>ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ УСЛУГИ</p> <ul style="list-style-type: none"> - помощь в реализации/приобретении сельхозпродукции; - предоставление ценовой информации на сельхозпродукцию, удобрения, ГСМ, технические средства от производителей и поставщиков; - размещение информации на портале консультационной службы www.kaicc.ru. <p>СЕЛЬХОЗКОНСУЛЬТИРОВАНИЕ</p> <p>* В сфере животноводства</p> <ul style="list-style-type: none"> - подбор и анализ информации по ценам поставщиков и партнёров; - поиск новых рынков сбыта и предоставление информации производителю; - организация и проведение обучающих семинаров для хозяйств всех форм собственности; - предоставление информации по ценам на корма и микродобавки; <p>* В сфере растениеводства</p> <ul style="list-style-type: none"> - консультации по современным технологиям выращивания сельскохозяйственных культур; - организация и проведения демонстрационных площадок (день поля), с целью предоставления доступной (наглядной) информации с участием, как самих производителей сельскохозяйственной продукции, так и компаний, предоставляющих свою продукцию на сельскохозяйственном рынке; - организация и проведение обучающих семинаров с привлечением фирм, компаний, предоставляющих свои услуги для сельхозпроизводителей. <p>ЭКОЛОГИЯ</p> <ul style="list-style-type: none"> - расчет платы за негативное воздействие на окружающую среду; - оказание консультативной помощи по вопросам охраны окружающей среды. <p>БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ</p> <ul style="list-style-type: none"> - разработка бизнес-планов; - заполнение форм бухгалтерского учета и отчетности; - помощь в оформлении пакета документов на получение кредита; - разработка бизнес-плана для заключения договора о предоставлении в пользование рыбоводного участка; - информационно-консультационные услуги по оформлению и заполнению различных форм заявлений и квитанций; - оказание помощи предприятиям мелких и крупных форм хозяйствования в подготовке пакета документов для получения субсидий.

Муниципальный район, центр	Услуги, предоставляемые ИКЦ
Брюховецкий, МБУ «Сельскохозяйственный информационно-консультационный центр»	<p>ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ Консультационные услуги по формированию пакета документов на субсидирование различных отраслей сельского хозяйства; Консультационные услуги по ведению бухгалтерской отчетности и учета; Консультационные услуги по подготовке документов на получение кредита в банке; Консультирование с разработкой рекомендаций по современным методам ведения животноводства; Информация по ценам на произведенную продукцию и рынкам сбыта; Информация по ценам на удобрения, ГСМ, технические средства; РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Рекламирование производителей и их продукции; Организация выставок-демонстраций продукции производителей и технологий; Проведение семинаров; БИЗНЕС-ПЛАНИРОВАНИЕ Разработка бизнес-плана: для инвестиционного проекта; БУХГАЛТЕРСКИЙ И НАЛОГОВЫЙ УЧЕТ, ОТЧЕТНОСТЬ Расчет деклараций: УСН, НДС, ЕСН, ЕСХН, ЕНВД, налог на имущество, налог на прибыль, налог на добычу полезных ископаемых, земельный налог, водный, транспортный налог.(нулевая справка расчетом) ; Консультационные услуги по формированию пакета документов на субсидирование процентной ставки; ЭКОЛОГИЯ Производятся расчеты за негативное воздействие на окружающую среду; Консультирование по агрохимическому обследованию почв.</p>

К функциям МКУ ИКЦ Крыловского района, направленным на развитие конкуренции в районе, также относится, например: оказание информационной и методологической помощи предпринимателям, реализующим проекты в сфере сельскохозяйственной кооперации; информирование о мерах государственной поддержки предприятий деревообрабатывающей промышленности; информирование о мерах государственной поддержки с целью увеличения количества субъектов на товарном рынке и др.

«ИКЦ созданы в целях повышения эффективности и устойчивости функционирования предприятий сельского хозяйства, путем доведения до них достижений научно-технического прогресса, достоверной и оперативной рыночной информации и предоставления всяческого рода консультационных услуг. Оказываемые услуги способствуют созданию правовых, экономических, технических условий для улучшения работы сельхоз организаций, решая задачи продовольственного маркетинга и материально-технического обеспечения. Также, эти организации занимаются повышением эффективности племенного животноводства и выпускают методическую литературу по этой тематике» [7].

Например, Россельхозбанк поддерживает деятельность экосистемы «Свое фермерство» – онлайн-платформы для осуществления продажи и покупки продукции, являющейся бесплатной для организаций малого и среднего бизнеса. «Данная экосистема позволяет фермерским хозяйствам оптимизировать процесс сбыта товаров, а также ускорить поиск требуемых технологий с использованием искусственного интеллекта и больших данных. Одной из характеристик экосистемного подхода является широкий спектр предоставляемых решений, включая повышенную сложность каждого из них» [8].

Таким образом, исследование роли информационно-консультационных центров в масштабах муниципального района как инструмента интеллектуальной поддержки принятия решений при управлении субъектами аграрного сектора позволяет сделать ряд выводов.

1. В Краснодарском крае действуют основные факторы, способствующие развитию МКУ ИКЦ:
 - устойчивое взаимодействие органов государственного управления субъекта Федерации (Министерство сельского хозяйства Краснодарского края) с органами местного самоуправления на уровне муниципального района (Администрация МО Крыловской район);
 - развитие материально-технической базы и кадрового обеспечения органов местного самоуправления, муниципальных учреждений и организаций, обеспечивающих использование технологических и информационно-консультационных ресурсов.
2. К основным результатам развития МКУ ИКЦ можно отнести:
 - оптимизация затрат сельхозтоваропроизводителей на получение информационных и консультационных услуг;
 - расширение спектра услуг за счет дополнения «бесплатных» для потребителей услуг платными;
 - концентрация передового опыта и лучших практик сельхозтоваропроизводителей в процессе консультирования с целью их распространения.
3. Необходимо в дальнейшем разработать практические рекомендации, включающие в себя комплекс мероприятий по расширению перечня услуг и повышению роли МКУ ИКЦ Крыловского района в выполнении Плана действий и Дорожной карты по развитию конкурентной среды в Крыловском районе.
4. В целях повышения прозрачности информационной деятельности и эффективности оказываемых консультационных услуг следует актуализировать и размещать информацию на официальном сайте Администрации района в сети Интернет в разделе «Поддержка предпринимательства» – «ИКЦ. Информационно-консультационный центр», проводить выездные кустовые консультации и «Дни открытых дверей» с приглашением внешних экспертов.
5. С учетом того, что персонал муниципальных информационно-консультационных центров является не муниципальными служащими, а работниками муниципальных казенных или бюджетных учреждений, в трудовых контрактах следует предусмотреть обязанности работника по повышению квалификации, а также обязанности работодателя по предоставлению условий такого повышения квалификации с целью развития как информационно-технологических, так и коммуникационных компетенций.

Список источников

1. Игнатова Т. В., Черкасова Т. П. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2. С. 5-14. DOI: 10.17213/2312-6469-2020-2-5-14
2. Можаяев Е. Е., Арефьев В. Н. Совершенствование организационно-экономического механизма функционирования информационно-консультационных служб // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 7–8 (166–167). С. 34–41.
3. Оборин М. С. Функционирование инновационно-консультационной инфраструктуры в агропромышленном комплексе // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Сельскохозяйственные науки. Экономические науки. 2022. Т. 8. № 2 (30). С. 191–201.
4. Сологуб В. А., Хашева И. А. Актуальные тренды развития процессов цифровизации государственного управления / В сборнике: Цифровизация публичного администрирования, экономики, политики и социальной сферы: проблемы и перспективы. Сборник докладов научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 2021. С. 53–61.
5. Игнатова Т. В., Полянин А. В. Управление развитием инновационного потенциала АПК в контексте политики импортозамещения // Russian Journal of Agricultural and Socio-economic Sciences. 2017. № 9 (69). С. 38–47.
6. Плотникова Е. В. Развитие информационно-консультационной деятельности в агропромышленном комплексе Краснодарского края // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 7. С. 55–60.
7. Сивак А. В., Литвиненко Г. Н. Роль информационно-консультационных центров в развитии АПК Краснодарского края / В сборнике: Развитие научной, творческой и инновационной деятельности молодежи. Сборник статей по материалам XI Всероссийской (национальной) научно-практической конференции молодых ученых, посвященной 75-летию Курганской ГСХА имени Т. С. Мальцева. Под общей редакцией И. Н. Миколайчика. 2019. С. 251–255.
8. Иванова Д. Е., Сибилева А. А. Цифровизация как основной вектор инновационного развития АПК // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 309–313. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-309-313>.

References

1. Ignatova T. V., Cherkasova T. P. Institutions and technologies of the digital economy as factors of innovative growth in Russia. *Drucker's Bulletin*. 2020;(2):5–14. (In Russ.). DOI: 10.17213/2312-6469-2020-2-5-14
2. Mozhaev E. E., Arefyev V. N. Improvement of the organizational and economic mechanism of functioning of information and consulting services. *Representative power – XXI century: legislation, comments, problems*. 2018;7-8 (166-167):34–41. (In Russ.)
3. Oborin M. S. Functioning of innovation and consulting infrastructure in the agro-industrial complex. *Bulletin of the Mari State University. Series: Agricultural Sciences. Economic sciences*. 2022; 8(2 (30)):191–201. (In Russ.)
4. Sologub V. A., Khasheva I. A. Current trends in the development of the processes of digitalization of public administration. In: *Digitalization of public administration, economics, politics and the social sphere: problems and prospects. Collection of reports of a scientific and practical conference with international participation*. Rostov-on-Don, 2021. P. 53–61. (In Russ.)
5. Ignatova T. V., Polyinin A.V. Management of the development of the innovative potential of agriculture in the context of import substitution policy. *Russian Journal of Agricultural and Socio-economic Sciences*. 2017;9(69):38–47. (In Russ.)
6. Plotnikova E.V. Development of information and consulting activities in the agro-industrial complex of the Krasnodar Territory. *Economics and Business: theory and practice*. 2017;(7):55–60. (In Russ.)
7. Sivak A. V., Litvinenko G. N. The role of information and consulting centers in the development of the agro-industrial complex of the Krasnodar Territory. In: *The development of scientific, creative and innovative activities of the youth. Collection of articles based on the materials of the XI All-Russian (national) Scientific and Practical Conference of young scientists dedicated to the 75th anniversary of the Kurgan State Agricultural Academy named after T. S. Maltsev*. Under the general editorship of I. N. Mikolaychik. 2019. P. 251–255. (In Russ.)
8. Ivanova D.E., Sibileva A.A. Digitalization as the main vector of innovative development of the agro-industrial complex // *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(4):309–313. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-309-313>

Информация об авторах

Т. В. Игнатова – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХИГС.

М. О.Ступак – магистрант факультета управления ЮРИУ РАНХИГС.

Information about the authors

T. V. Ignatova – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

M. O. Stupak– Master Student of the Faculty of Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 06.09.2023.

The article was submitted 27.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 06.09.2023.

Формирование институциональных структур, поддерживающих устойчивое развитие

Максим Александрович Корытцев¹, Серафим Андреевич Морозов²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹mkorytcev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1852-2213>

²sera_morozov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4241-3906>

Аннотация: Важнейшую роль в придании современным процессам экономического развития устойчивости играют формируемые институциональные структуры, которые отличаются своей разнородностью. На фоне большинства из них, определяемых как различные нормы, правила и соглашения, выделяется ряд макроструктур, представляющих собой более развитые институциональные структуры, механизмы, обеспечивающие воспроизводство конкурентного поведения и формирование ценовых сигналов в рамках организации «зелёного» финансирования и устойчивого развития, а также квазирыночные структуры, обеспечивающие, в частности, торговлю углеродными единицами (квотами). Стратегии устойчивого развития в современной российской экономике должны при этом выстраиваться с учетом национальных интересов в контексте реализации стратегии импортозамещения и достижения технологического суверенитета.

Ключевые слова: ESG-переход, институциональные структуры, квазирынки, мировая экономика, устойчивое развитие, экономический рост

Для цитирования: Корытцев М. А., Морозов С. А. Формирование институциональных структур, поддерживающих устойчивое развитие // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 90–96. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-90-96>. EDN OAEPY

Problems of Economics

Original article

Forming institutional structures supporting sustainable development

Maksim A. Korytsev¹, Serafim A. Morozov²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don city, Russia

¹mkorytcev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1852-2213>

²sera_morozov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4241-3906>

Abstract. The most important role in giving stability to modern processes of economic development is played by emerging institutional structures, which are distinguished by their heterogeneity. Against the background of most of them, defined as various norms, rules and agreements, a number of macrostructures stand out, which are more developed institutional structures, mechanisms that ensure the reproduction of competitive behavior and the formation of price signals within the framework of the organization of "green" financing and sustainable development, as well as quasi-market structures providing, in particular, trading in carbon units (quotas). At the same time, strategies for sustainable development in the modern Russian economy should be built taking into account national interests in the context of implementing an import substitution strategy and achieving technological sovereignty.

Keywords: ESG-transition, institutional structures, quasi-markets, world economy, sustainable development, economic growth

For citation: Korytsev M. A., Morozov S. A. Forming institutional structures supporting sustainable development. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):90-96. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-90-96>. EDN OAEPY

Как известно, в последние десятилетия в мире предпринимаются значительные усилия как со стороны многих международных организаций и национальных правительств, так и широкой общественности, направленные на корректировку вектора экономического развития нашей цивилизации. Его новое качество отражает специальный термин – «устойчивое развитие», подразумевающий наряду с обеспечением экономического роста, так же и решение комплекса острых социально-экономических проблем в мире. Они нашли свое отражение в принятом в рамках юбилейной 70-й Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2015 г.), на Саммите глав государств, членов ООН программном документе «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (сокращенно, Повестка-2030). В нём были сформулированы 17 глобальных целей в области устойчивого развития (ЦУР)¹, к числу которых, в частности, относятся ликвидация нищеты и голода, обеспечение широкого доступа к качественному образованию и медицине, уменьшение социально-экономического неравенства, обеспечение гендерного равенства и др. Но наиболее значимой компонентой этого нового качества устойчивого развития, следует признать «экологическую» составляющую, подразумевающую восстановление баланса между развивающейся экономикой и сохранением мировой экологии и климата планеты. К этой компоненте относится целый блок из списка заявленных глобальных целей, такие как «чистая вода и санитария» (цель 6), «недорогостоящая и чистая энергия» (цель 7), «ответственное потребление и производство» (цель 12), «борьба с изменением климата» (цель 13), «сохранение морских экосистем» (цель 14), «сохранение экосистем суши» (цель 15). С учетом того, что многие иные цели тоже косвенно связаны с обеспечением приемлемого качества окружающей среды, в том числе «хорошее здоровье и благополучие» (цель 3), «устойчивые города и населённые пункты» (цель 11) и ряд других. Таким образом, более половины заявленных целей устойчивого развития прямо или косвенно связаны со стремлением улучшить состояние окружающей среды, которой был нанесён антропогенный урон.

В свою очередь, данная декларация ЦУР (Повестка 2030), как известно, имела предшествующую историю. Так на уровне ООН, начиная с 2000 года, на перспективу до 2015 года действовала «более ранняя версия» перечня подобных целей, когда была декларированы всего 8 целей, одна из которых «представляла» необходимость решения экологической проблематики.

При этом особую роль в «экологической повестке» играет так называемая «климатическая повестка», связанная с декларацией необходимости сокращения эмиссии в мире парниковых газов (углекислый газ, метан и др.) (ПГ), создающих «парниковый эффект», приводящий к глобальному потеплению и изменению климата. Впервые на мировом уровне признание необходимости противостоять этой угрозе было сформулировано на Саммите ООН по окружающей среде, состоявшемся в Рио-де-Жанейро в 1992 г. На этом Саммите тогда была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата² (United Nations Framework Convention on Climate Change), которая в статье 2 закрепила цель стабилизации концентрации парниковых газов в атмосфере на уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему.

В 2001 г. ООН инициировала подписание так называемого Киотского протокола, в рамках которого страны должны были брать на себя обязательства по ограничению эмиссии парниковых газов. Реализация данного протокола была затруднена необходимостью взятия достаточно высоких обязательств, что было обусловлено в том числе отсутствием на тот момент сформированного консенсуса в мире среди элит и экспертного сообщества по поводу перспектив антропогенного воздействия на процессы глобального потепления [1]. Этот консенсус продолжает формироваться вплоть до настоящего времени [2], но по-прежнему не является ещё устоявшимся [3]. Например, дискуссии продолжают относительно понимания вклада антропогенного фактора в происходящие процессы потепления и, соответственно, меры ответственности цивилизации за эти изменения (когда по разным оценкам, вклад влияния антропогенного фактора в глобальное потепление оценивается в пределах 30-75 %) (см., напр., [4]), а также наиболее эффективные способы купирования развития негативного сценария развития. С последним связывают в частности не только необходимость контроля объёма выбросов ПГ непосредственно хозяйственными предприятиями, но и способность улавливания и абсорбации ПГ,

¹ Цели в области устойчивого развития (до 2030 года). URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (Дата обращения 10.05.2023).

² ООН. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml

а также лимитизации влияния хозяйственной деятельности на состояние Мирового океана (поглощающего до 75 % всего углекислого газа), абсорбирующая способность по отношению к ПГ которого способна резко ухудшаться именно за счет специфики воздействия на него антропогенного фактора.

Поэтому позднее в рамках так называемого Парижского соглашения (2015 г.) произошло реформирование взятых на себя большинством стран обязательств по ограничению указанной эмиссии на более мягких условиях, формулируемых самими участниками этого нового соглашения (см. рис. 1). Российская Федерация официально ратифицировала свое участие в данном соглашении в 2019 г. [5] При этом различие стратегий разных стран в связи с формированием глобальной климатической повестки обуславливает также и набор фундаментальных противоречий, затрудняющих выработку комплексных программ решения этих проблем [6]. Одним из противоречивых результатов здесь стало то, что «декарбонизация экономики и энергетики, которая была одним из ключевых направлений климатической политики, превратилась в её чуть ли не единственный и неоспоримый приоритет» [7]. Мировые конференции по данной проблематике на правительственном уровне продолжают проводиться по настоящий момент в ежегодном формате.

Максимальные темпы роста ВВП	Особенности обеспечения капиталом	Страны	Приоритетные обязательства
Экономический рост свыше 5 %	-	Китай, Индия, Бангладеш, Вьетнам	Актуально брать на себя не абсолютные обязательства по снижению выбросов, ограничившись только относительными (которые могут рассчитываться в сравнении с базовыми сценариями или по удельной углеродоемкости ВВП)
Экономический рост не превышает 4 % в год	Низкая стоимость капитала, низкий потенциал поглощения выбросов	США, Канада, ЕС, Австралия, Япония, Великобритания	Выгодно ориентироваться на капиталоемкие решения, в том числе ВИЭ и «зелёные» технологии, стремление распространить использование этих технологий в мире
	Высокая стоимость капитала, высокий потенциал поглощения выбросов	Россия, Бразилия	Следует ориентироваться на максимальный учет поглощения ПГ, принимать наименее капиталоемкие решения и защищать национальные технологии

Рис. 1. Приоритетные обязательства для различных стран в рамках Парижского соглашения

Fig. 1. Priority commitments for various countries under the Paris Agreement

Следует признать, что вызванное в том числе и указанными программными документами и соглашениями под эгидой ООН движение в заданном направлении нашло реальное отражение в институциональных изменениях и хозяйственной трансформации мировой экономики, не ограничиваясь лишь заявлениями различных акторов и организаций о приверженности подобным декларациям. В качестве наиболее яркого примера можно привести формирование сектора устойчивого финансирования, объединяющего постоянно расширяющийся круг экономических акторов: ТНК, финансовые структуры, аудиторские компании, рейтинговые и информационные агентства и др., приверженные так называемым «ESG-принципам». Они были впервые сформулированы ещё в 2004 году генеральным секретарём ООН К. Ананом в декларации «Who Cares Wins» (WCW – «Неравнодушный побеждает») и подразумевали реализацию последовательного стремления в рамках ответственного управления (G), к решению в рамках экономического развития нового качества как совокупности социальных (S), так и экологических (E) проблем в мире. Масштабная трансформация мировой экономики в этой связи часто характеризуется ещё как «ESG-переход» [8].

Очевидно, что имплементация принимаемых на высоком международном уровне подобных решений и воплощение в жизнь ранее уже здесь выше упомянутых заявленных деклараций в этой сфере наднациональными объединениями и организациями (ООН, а также G20, G7, ШОС, ЕАЭС, БРИКС, ОЭСР,

МВФ, Всемирным Банком и др.) невозможны вне формирования специальных институциональных структур и механизмов, поддерживающих необходимые изменения в заданном политикой устойчивого развития направлении. Процесс их создания и развития имеет пока непродолжительную историю, ограниченную горизонтом в 10-20 лет. Тем не менее, уже на данный момент есть возможность в процессе анализа делать предварительные обобщения при изучении формирующихся институтов в этой сфере.

Базовой системной характеристикой экономических институтов выступает их структурированность, отражающая разную степень сложности взаимосвязанных норм, правил, предписаний, в различной степени усвоенных хозяйственными акторами. Высокая степень такого рода усвоения (интериоризации) позволяет характеризовать такого рода институты как неформальные. Иной тип институциональных правил – формальных, напротив, воспринимается обычно индивидами как внешние правила, нормы, склонность следования которым может быть проявлена в различной степени. Соответственно, важнейшим методом изучения институтов является так называемое «моделирование структур» (pattern modeling), который «основан на объяснении событий или действий посредством указания их места в структуре взаимосвязей» [9, с. 186]. В этой связи сами экономические институты исследователи часто характеризуют как «институциональные структуры», подчеркивая значимость их структурной составляющей [10] для современного экономического развития, что подтверждается на примерах исследований самых различных сфер, например, реформирования переходной экономики [11], регулирования процессов хозяйственного использования природных ресурсов [12], при реализации процессов макрорегиональной интеграции [13] и т. д.

Исследование институциональных структур предполагает как изучение их внутреннего строения, так и их системных взаимосвязей. В последнем случае такой анализ предполагает возможность их классификации. Применительно к анализу институциональных структур в сфере устойчивого развития при изучении вопроса их классификации, корректно будет определить следующие их типы.

Во-первых, элементарный уровень, который объединяет множество разнородных документов (деклараций), провозглашающих рекомендации, нормы, цели, коррелирующие с устойчивым развитием. Особое место здесь занимают различные формы институциональных соглашений. Склонность и способность сторон их исполнять свидетельствует при этом в пользу высокой степени их институциональной эффективности. Эти соглашения могут принимать также коллективную форму, например, участия в специальных рейтингах, связанных с повесткой устойчивого развития.

Одновременно подобные соглашения (в виде рейтингов), а также набора правил, определяющих особенности классификации и отнесения тех или иных проектов к «зелёным», соответствующим ESG-стандартам (так называемые таксономии) [14], могут быть охарактеризованы как переходные относительно более развитых типов институциональных структур. В качестве примера подобного российского рейтинга можно упомянуть ESG-рейтинг журнала «Эксперт» (см., напр., [15–16]), рассчитываемый ежегодно в 2018–2022 гг.

Более развитые структуры отличаются способностью определять автономное поведение акторов в отдельных хозяйственных сферах, определяя их хозяйственную активность, а не просто влиять на неё в качестве специфического фактора. Предполагается, что такого рода структуры в значительной мере трансформируют и институциональную среду, где такие акторы действуют. Приведём несколько соответствующих примеров.

Одним из них являются институциональные структуры квазирыночного типа. Исследователи отмечают распространение такого рода структур в последние десятилетия в общественном секторе [17]. Однако, теперь примеры такого рода возникают и в рамках экономики устойчивого развития. Хорошей иллюстрацией здесь является формирующиеся рынки углеродных единиц [18], на которых на конкурентной основе воспроизводятся экономические отношения по поводу купли-продажи национальных квот на выбросы углерода в атмосферу. Естественно, чтобы такого рода сложные институциональные структуры могли эффективно функционировать, должен быть реализован целый комплекс базовых соглашений, норм и правил, определяющих мотивацию участников подобного квазирынка.

Другим примером «продвинутой» институциональной структуры может служить уже упомянутый выше сегмент устойчивого финансирования, или инвестирования, активно развивающийся в последнее десятилетие [19]. Например, в России субъекты Федерации, муниципалитеты и институты развития с 2021 г. начали по примеру зарубежных финансовых рынков размещать выпуски

так называемых «зелёных» облигаций [20]. Именно в 2021 г. стала активно формироваться отечественная таксономия на рынке финансовых услуг с принятием правительственного постановления № 1587 [21].

Масштабы и скорость развития этого финансового сегмента в ряде стран мира заставляют некоторых авторов сделать не вполне обоснованный вывод о том, что уже в среднесрочной перспективе данный сегмент полностью «колонирует» всю инвестиционную сферу современной экономики, придав её совершенно новое качество. Полагаем эти оценки не вполне обоснованными, это связано с по-прежнему незначительным удельным весом этого сегмента относительно мирового финансового рынка (по разным подсчетам, 1-2 %). Так, по данным, приводимым в исследовании Рабочей группы по устойчивому финансированию при G20, сумма «глобальных финансовых активов под управлением» (без учёта активов коммерческих банков) достигает 111 трлн долл. США, в том числе объём «зелёных» облигаций, выпущенных в основном заёмщиками из развитых экономик, немногим превышает 3 трлн долл. [22].

Конечно, при этом актуальной проблемой остаётся институциональная незрелость этого рыночного сегмента, особенно на наднациональном, международном уровне. Так, сейчас продолжает идти работа по согласованию и принятию «Базового глобального стандарта отчетности в области устойчивого развития» (Global Baseline Sustainability Reporting Standard), глобального «Стандарта отчетности по климатическим рискам» и ряда других значимых документов, которые должны способствовать инвестиционному взаимодействию в этой сфере на глобальном уровне.

Но эти свидетельства недостаточной институциональной зрелости рассмотренных структур, конечно, не являются непреодолимым препятствием для их развития, но скорее расширяют границы переходного периода (ESG-перехода), отдаляя в неопределённое будущее дату его завершения.

В качестве других характерных примеров формирования такого рода институциональных структур в эколого-экономической сфере выступают создаваемые торговые площадки (маркетплейсы), биржи по торговле отходами. В частности, в сентябре 2022 г. ППК «Российский экологический оператор» (ППК РЭО) запустил Биржу вторичных материальных ресурсов (ВМР), представляющую собой маркетплейс (электронную торговую площадку (ЭТП)) отходов, доступную для присоединению для всех желающих. Также уже на региональном уровне в 2022 г. при поддержке Министерства жилищно-коммунального хозяйства Московской области была также создана платформа ВМР АНО, работающая в целом аналогичным образом.

Создаются и корпоративные ЭТП. Например, в 2019 г. компания «Сибур» запустил собственный корпоративный проект «Реактор», представляющий собой платформу для покупки и продажи спектра нескольких групп вторичных материалов, включая макулатуру, пластик, металлы, стекло, текстиль. Наконец, уже весной 2023 г. корпорацией Технониколь была создана биржа по продаже промышленных и коммерческих отходов [23]. На первом этапе реализации этого проекта компания будет реализовывать на платформе TN Recycling вторичные ресурсы, которые образуются на десятках собственных заводов компании. Ожидается, что в дальнейшем на эту платформу придут и другие крупные предприятия.

Создание подобных структур в сфере обращения отходов, снижает трансакционные издержки и повышает эффективность их аккумуляции с целью последующей переработки, что особенно актуально на фоне буксующей мусорной реформы в стране [24].

Реализация экологической и климатической политики в современной России сталкивается с известными вызовами экономического, технологического и политического характера со стороны недружественных государств, что выражается в том числе в связи с ограничениями доступа к современным технологиям, обеспечивающих эффективную переработку, утилизацию отходов, сокращающих уровень выбросов ПГ и различных вредных веществ, технологий возобновляемой энергетики (см., напр., [23, 25], хотя с такого рода ограничениями Россия впервые столкнулась ещё раньше, уже с 2014 г. [26]. В этой связи актуализируется разработка соответствующих технологий в рамках реализуемых программ импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета (см., напр., [27]).

Таким образом, следует подчеркнуть, что в настоящее время происходит активное формирование институтов устойчивого развития. И эти процессы затрагивают как многие страны мира, так и Россию, в том числе на региональном уровне. Корпоративная политика многих отечественных компаний, социально-экономическая и экологическая политика федеральной и региональных властей, муниципалитетов, несмотря на уход из страны многих западных компаний, еще несколько лет

определявших тренды и во многом формировавших моду на имплементацию новой климатической повестки в стране, почти не оказали влияния на готовность властей, бизнеса и общества продолжать двигаться в рамках той повестки (см., напр., [28–29]). Что должно происходить, конечно, с учетом специфики и национальных интересов страны, её компаний и граждан.

Список источников

1. Ивантер А., Кудияров С. Сказки парижского леса // Эксперт. № 26, 2017. С. 32–41.
2. Лейбин В., Лавренов Н. Жара, смерчи и наука о климате // Эксперт. №31-34. 2021. С. 80–85.
3. Сальников В. Безуглеродная контрреволюция // Эксперт. № 10. 2022. С. 62–65.
4. Ивантер А. Низкоуглеродный тупик // Эксперт. № 50, 2018. С. 36–41.
5. Порфирьев Б., Широков А., Колпаков А. Климат для людей, а не люди для климата // Эксперт. № 31-34. 2020. С. 44–47.
6. Алабужин А. Платить за климат не хочет никто // Эксперт. № 48, 2022. С. 48–51.
7. Порфирьев Б. Климатический вызов устойчивому развитию // Эксперт. №3, 2022. С. 10–11.
8. Довбий И., Кобылякова В., Минкин А. ESG-переход как новая парадигма глобальной экономики и устойчивых финансов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». Т. 16. №1. 2022. С. 77–86.
9. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.
10. Дементьев В. Институциональная политическая экономия: с чего начать? // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 7. №1. 2015. С. 25–44.
11. Кузьмин С. К реформированию институциональных структур в России // Экономическая наука в современной России. №1. 2003. С. 99–111.
12. Крутов А. Международная практика совершенствования институциональных структур водного сектора // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. №3. 2020. С. 19–38.
13. Селезнев И. Роль институциональных структур в процессе евразийской интеграции // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 6. С. 209–219. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27390477> (Дата обращения 10.05.2023).
14. Ульянов Н. Правилам нужна правка // Эксперт. №37, 2021. С. 24–26.
15. Рейтинг устойчивого развития российских компаний // Эксперт. № 50. 2021. С. 35–55.
16. Ренкинг устойчивого развития российских компаний // Эксперт. № 50. 2022. С. 61–85.
17. Корытцев М. Институциональная структура и механизмы функционирования квазирынков в общественном секторе / Под ред. д.э.н., проф. О.С. Белокрыловой. Ростов-н/Д.: Содействие-XXI век, 2009.
18. Скворцова М., Тяглов С. Формирование и развитие российского рынка углеродных единиц // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). Т. 13. № 4. 2022. С. 89–98.
19. Korytsev M., Morozov S. Institutional development of sustainable finance: Its potential and current limitations // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). Т. 13. № 4. 2022. С. 125–137.
20. Турунцев А. Москва «зазеленела» // Эксперт. № 30. 2023. С. 38–40.
21. Котченко К. Зазеленели по-своему // Эксперт. № 3. 2022. С. 59–61.
22. Сторчак С. Вызовы глобальной климатической повестки // Эксперт. № 13. 2023. С. 60–62.
23. Филиппова А. Мусор споткнулся об импорт // Эксперт. № 19. 2022. С. 34–37.
24. Ульянов Н. Мусор пошел в разнос // Эксперт. № 50. 2019. С. 28–31.
25. Кудияров С. Деньги на ветер // Эксперт. № 27. 2023. С. 62–65.
26. Рогинко С. Санкции и экология // Эксперт. № 38. 2015. С. 53–56.
27. Устойчивое развитие. ВЭБ.РФ. Специальный доклад // Эксперт. №29. 2023. С. 45–55.
28. Козлов В. Прагматики ESG-повестки: как Юг России оказался центром устойчивого мышления бизнеса // Эксперт Юг. №6-7, 2023. С. 38–40.
29. Перов А., Бессонов А. Стратегия устойчивости устояла, теперь бы воплотить её // Эксперт Юг. № 4-5. 2023. С. 46–47.

References

1. Ivanter A., Kudiyarov S. Tales of the Parisian forest. *Expert*. 2017;(26):32–41. (In Russ.)
2. Leibin V., Lavrenov N. Heat, tornadoes and climate science. *Expert*. 2021;31-34:80–85. (In Russ.)
3. Salnikov V. Carbonless counterrevolution. *Expert*. 2022;(10):62–65. (In Russ.)
4. Ivanter A. Low-carbon impasse. *Expert*. 2018;(50):36–41. (In Russ.)

5. Porfiriev B., Shirov A., Kolpakov A. Climate for people, not people for climate. *Expert*. 2020;31-34:44–47. (In Russ.)
6. Alabuzhin A. Nobody wants to pay for the climate. *Expert*. 2022;(48):48–51. (In Russ.)
7. Porfiriev B. Climate challenge to sustainable development. *Expert*. 2022;(3):10–11. (In Russ.)
8. Dovbiy I., Koblyakova V., Minkin A. ESG-transition as a new paradigm of global economy and sustainable finance. *Bulletin of SUSU. Series "Economics and Management"*. 2022;16(1):77–86. (In Russ.)
9. Blaug M. Methodology of economic science, or how economists explain. Moscow: "Journal of Economics", 2004. 416 p. (In Russ.)
10. Dementiev V. Institutional political economy: where to start? *Journal of Institutional Studies*. 2015;7(1):25–44. (In Russ.)
11. Kuzmin S. On reforming institutional structures in Russia. *Economic science in modern Russia*. 2003;(1):99–111. (In Russ.)
12. Krutov A. International practice of improving institutional structures of the water sector. *Water management in Russia: problems, technologies, management*. 2020;(3):19–38. (In Russ.)
13. Seleznev I. The role of institutional structures in the process of Eurasian integration. *Social and humanitarian knowledge*. 2016;(6):209–219. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27390477> (Accessed 10.05.2023). (In Russ.)
14. Ulyanov N. Rules need an edit. *Expert*. 2021;(37):24–26. (In Russ.)
15. Rating of sustainable development of Russian companies. *Expert*. 2021;(50):35–55. (In Russ.)
16. Ranking of sustainable development of Russian companies. *Expert*. 2022;(50):61–85. (In Russ.)
17. Koryttsev M. Institutional structure and mechanisms of functioning of quasi-markets in the public sector. Edited by Doctor of Economics, prof. O.S. Belokrylova. Rostov-on-Don; 2009. (In Russ.)
18. Skvortsova M., Tyaglov S. Formation and development of the Russian market of carbon units. *Journal of Economic Regulation (Issues of economic regulation)*. 2022;13(4):89–98. (In Russ.)
19. Korytsev M., Morozov S. Institutional development of sustainable finance: Its potential and current limits. *Journal of Economic Regulation (Issues of economic regulation)*. 2022;13(4):125–137.
20. Turuntsev A. Moscow "turned green". *Expert*. 2023;(30):38–40. (In Russ.)
21. Kotchenko K. Turned green in their own way. *Expert*. 2022;(3):59–61. (In Russ.)
22. Storchak S. Challenges of the global climate agenda. *Expert*. 2023;(13):60–62. (In Russ.)
23. Filippova A. Garbage stumbled over imports. *Expert*. 2022;(19):34–37. (In Russ.)
24. Ulyanov N. The garbage went to the trash. *Expert*. 2019;(50):28–31. (In Russ.)
25. Kudiyarov S. Money for the wind. *Expert*. 2023;(27):62–65. (In Russ.)
26. Roginko S. Sanctions and ecology. *Expert*. 2015;(38):53–56. (In Russ.)
27. Sustainable development. WEB.RF. Special report. *Expert*. 2023;(29):45–55. (In Russ.)
28. Kozlov V. Pragmatics of the ESG agenda: how the South of Russia turned out to be the center of sustainable business Thinking. *Expert South*. 2023;(6-7):38–40. (In Russ.)
29. Perov A., Bessonov A. The strategy of sustainability has resisted, now it would be better to implement it. *Expert South*. 2023;(4-5):46–47.

Информация об авторах

М. А. Корытцев – доктор экономических наук, профессор ЮФУ.

С. А. Морозов – аспирант ЮФУ.

Information about authors

M. A. Korytsev – Dr. Sci. (Econ.), Professor of Southern Federal University.

S. A. Morozov – Postgraduate of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 26.08.2023.

The article was submitted 11.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 26.08.2023.

Научная статья

УДК 330.322

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-97-103>

EDN OLTlWD

Факторы формирования дивидендной политики организации

Николай Яковлевич Леонтьев¹, Владислав Валерьевич Февралев²

^{1,2}Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

¹<https://orcid.org/0000-000300221-0733>

²<https://orcid.org/0000-007-3170-4261>

Аннотация. Формирование дивидендной политики является важным аспектом в распределении образовавшейся чистой прибыли организации. Противоречие интересов заинтересованных сторон, проявляющееся в процессе финансово-хозяйственной деятельности предприятия, ожидаемо обостряются в периоды распределения чистой прибыли. В своей деятельности организации могут формировать дивидендную политику на основе различных подходов. От этого зависит соотношение между инвестируемой частью чистой прибыли и частью, направляемой на выплату дивидендов акционерам. Кроме этого, на принятие финансовых стратегических решений влияют требования законодательства и различные существенные факторы, находящиеся как во внутренней, так и во внешней среде организации. Также на дивидендную политику влияют интересы и силы ряда стейкхолдеров (заинтересованных лиц), и портрет конкретного акционера/инвестора.

Ключевые слова: акции, акционеры, дивидендная политика, заинтересованные стороны (стейкхолдеры), концепция устойчивого развития, стратегические решения

Для цитирования: Леонтьев Н. Я., Февралев В. В. Факторы формирования дивидендной политики организации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 97–103. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-97-103>. EDN OLTlWD

Problems of Economics

Original article

Factors of formation of the organization's dividend policy

Nikolai Ya. Leontiev¹, Vladislav V. Fevraleev²

^{1,2}Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

¹<https://orcid.org/0000-000300221-0733>

²<https://orcid.org/0000-007-3170-4261>

Abstract. The formation of a dividend policy is an important aspect in the distribution of the resulting net profit of the organization. The conflict of interests of interested parties, manifested in the process of financial and economic activity of the enterprise, is expected to worsen during periods of distribution of net profit. In their activities, organizations can form a dividend policy based on various approaches. The ratio between the invested part of net profit and the part directed to the payment of dividends to shareholders depends on this. In addition, the adoption of financial strategic decisions is influenced by the requirements of legislation and various significant factors located both in the internal and external environment of the organization. The interests and strengths of a number of stakeholders (stakeholders) and the portrait of a particular shareholder/investor also influence the dividend policy.

Keywords: dividend policy, shares, shareholders, stakeholders, significant factors, the concept of sustainable development, strategic decisions

For citation: Leontiev N. Ya., Fevraleev V. V. Factors of formation of the organization's dividend policy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):97–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-97-103>. EDN OLTlWD

Дивидендная политика организации является важной составляющей финансовой политики современной организации, и с одной стороны является ее составной частью, с другой, ее необходимо рассматривать как самостоятельный фактор, влияющий на развитие организации.

В целом, дивидендная политика сама по себе может рассматриваться как система, комплекс инструментов, способствующий разделению чистой прибыли организации на потребляемую и капитализируемую составляющие. Также, она рассматривается, как элемент финансовой стратегии организации, задача которой формирование оптимальных пропорций между потреблением и капитализацией полученной прибыли для достижения стратегической цели – повышения рыночной стоимости акционерного капитала [1, с. 29].

При этом, основные направления распределения чистой прибыли можно дифференцировать по трем укрупненным направлениям (рис. 1) [2].

Рис. 1. Направления распределения чистой прибыли

Fig. 1. Directions of distribution of net profit

В связи с этим, дивидендная политика должна не просто найти баланс между дивидендными выплатами с одной стороны, и необходимостью финансирования операционной деятельности и перспективного инвестирования с другой стороны. Дивидендная политика отражает определенный паритет, компромисс, между всеми основными стейкхолдерами по поводу распределения чистой прибыли организации.

Классическая модель бизнеса предполагает, что развитие предприятия происходит последовательно, в каких-то случаях быстрее, в каких-то медленнее, используя различные комбинации органичного и синтетического роста. Такой подход предполагает, что личный доход собственника формируется прежде всего, исходя из результатов финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Исходя из этой логики, для долгосрочного периода владения бизнесом, его важно обеспечивать инвестиционными ресурсами, которые, предположительно, в будущем, будут давать свои положительные финансово-экономические результаты.

В теории и практике традиционно выделяют следующие типы дивидендной политики:

- умеренный;
- агрессивный;
- консервативный.

Крылов С. И. выделяет в своем исследовании 4 вида дивидендных политик [3]:

- политику стабильного дивиденда. Реализуется прежде всего, в интересах инвесторов и существенной части акционеров;
- постоянное значение дивидендного дохода;
- компромиссная политика. Есть невысокий постоянный дивиденд, возможно увеличение в случае значительных финансовых результатов. Степень неопределенности для инвесторов и акционеров снижается, но сохраняется;
- выплата дивидендов по остаточному принципу. Выплата дивидендов возможна после выполнения всех инвестиционных обязательств. На первый взгляд, не отвечает интересам инвесторов. Но в перспективе такая политика может привести к увеличению роста обыкновенных акций, в случае эффективного результата осуществленных инвестиций.

Выбор конкретного типа дивидендной политики зависит от реализуемой финансовой и общеорганизационной стратегий компании, соотношения сил среди заинтересованных сторон, глобальных изменений на рынках присутствия.

Каждый из этих подходов имеет свои достоинства и недостатки. Обобщенно основные характеристики отражены в табл. 1.

Таблица 1 – Основные характеристики типов дивидендной политики

Table 1 – Main characteristics of the types of dividend policy

Тип	Вариант	Возможности	Угрозы
Консервативный	По остаточному принципу	Увеличение стоимости организации. Повышение инвестиционного потенциала. Способствует быстрому росту организации. Возможно увеличение дохода акционеров через повышение стоимости ценных бумаг.	Скорее всего, низкие, не регулярные доходы для инвесторов/акционеров
	Стабильное соотношение		
Агрессивный	Постоянное увеличение дивидендов	Способствует быстрому привлечению большого количества неквалифицированных инвесторов. Подходит для стартап-проектов, ориентированных стать компаниями-единорогами.	Нехватка финансовых ресурсов для стратегических, перспективных инвестиций, необходимых для создания и поддержания конкурентных преимуществ в долгосрочном периоде.
Умеренный	Минимальный размер дивидендных выплат. Возможно увеличение в отдельных случаях.	Более гибкая политика, учитывающая среднесрочные изменения внешней рыночной и внутренней организационной ситуацией. Изменение курсовой стоимости ценных бумаг происходит менее волатильно. Появляется возможность оперативного изменения дивидендов в зависимости от трендов на рост/снижение показателей компании	Сложно обеспечить рост компании опережающими темпами, расти быстрее рынка в целом.

На наш взгляд, термин «умеренная» по отношению к дивидендной политике можно охарактеризовать как «ситуационная», используя терминологию подходов менеджмента. Ситуационная дивидендная политика укладывается в логику ситуационного управленческого подхода. В данном случае, принятие управленческих решений в вопросах дивидендной политики опирается не только на общую финансовую стратегию предприятия, но и на оценку ситуации его внешней и внутренней среды, мониторинга сигналов рынка и трендов, с горизонтом прогнозирования и планирования менее года (квартал, полугодие).

Такая управленческая «эклектика», не только не противоречит управленческой деятельности, но и во многом, практикуется средним и не всегда поворотливым, крупным бизнесом. В современных условиях, когда не всегда можно положиться даже на такие инструменты, как сценарный менеджмент и сценарное прогнозирование, стратегии не всегда носят долгосрочный характер, и даже крупные корпорации «на земле» руководствуются краткосрочными стратегиями, держа руку на пульсе отрасли/отраслей присутствия и экономики в целом.

Резюмируя данный тезис, представляем авторское видение на терминологию классификации дивидендных политик: Ситуационная дивидендная политика – комплекс мер по разработке финансовых управленческих решений в области распределения части чистой прибыли, направленной на выплату дивидендов, основанной на сочетании учета положений действующей финансовой стратегии организации и анализа изменений существенных факторов во внешней и внутренней среде организации за период до одного года.

Существенные факторы целесообразно рассматривать с точки зрения обязательных, нормируемых законодательством и рекомендуемых, на основе организационного практического опыта и предлагаемых отечественными исследователями рассматриваемой проблематики.

Так, согласно ФЗ от 26.12.1995 № ФЗ-208 «Об акционерных обществах», последнее не имеет право выплачивать дивиденды, в случаях, когда уставной капитал больше размера чистых активов.

Таблица 2 – Факторы, влияющие на существенные условия выплат/невыплат дивидендов и размеры самих выплат

Table 2 – Factors affecting the essential conditions of payment/non-payment of dividends and the size of the payments themselves

Формализованные существенные факторы, ограничивающие выплату дивидендов (ст. 43 ФЗ-208 «Об акционерных обществах»)¹	Формализованные существенные факторы, ограничивающие выплату дивидендов (ст.29 ФЗ-29 «Об обществах с ограниченной ответственностью»)²	Рекомендуемые существенные факторы [4]	Рекомендуемые существенные факторы [5]
Акционерное общество в момент выплаты дивидендов подпадает по признаки о несостоятельности (банкротстве)	При не полностью оплаченном уставном капитале ООО	Рентабельность деятельности общества	Правовые аспекты
Чистые активы меньше уставного капитала и резервного фонда	До выплаты действительной стоимости доли или части доли участника ООО	Степень прогнозируемости и стабильности выручки/чистой прибыли	Необходимость развития производства
Неполная оплата уставного капитала	Если на момент принятия такого решения ООО отвечает признакам несостоятельности (банкротства) или если указанные признаки появятся у ООО в результате принятия такого решения	Соотношение собственного и заемного капитала	Интересы акционеров
Иные случаи, предусмотренные федеральным законодательством	Если на момент принятия такого решения стоимость чистых активов ООО меньше его уставного капитала и резервного фонда или станет меньше их размера в результате принятия такого решения	Темпы развития	Ограничения по ликвидности
	В иных случаях, предусмотренных федеральными законами	Лимиты по дивидендам, в случае их фиксации в договорах	Финансово-рекламные аспекты
	При не полностью оплаченном уставном капитале ООО	Контрактные аспекты	
	До выплаты действительной стоимости доли или части доли участника ООО	Степень эффективности контроля над деятельностью предприятия	

Как видно из табл. 2, необходимо учитывать целый спектр факторов, влияющих на существенные условия выплат/ невыплат дивидендов и размеры самих выплат.

¹ <http://government.ru/docs/all/96063/?page=10>

² <http://government.ru/docs/all/96426/>

Тем не менее, данный перечень существенных условий не является исчерпывающим, учитывая многоаспектность деятельности предприятий. В целях более полного учета возможных факторов существенных условий представляется разумным расширить перечень за счет следующих:

- является ли основной рынок присутствия растущим, перспективным или это рынок с падающим спросом;
- какова реальная перспектива прихода новых сильных конкурентов;
- учет интересов заинтересованных лиц, находящихся во внешней среде организации;
- подпадает ли организация под действие антироссийских санкций;
- является ли предприятие с государственным участием;
- наличие/отсутствие противоречий среди крупных акционеров и членов Совета директоров/наблюдательного совета;
- портрет(аватар) основных инвесторов/групп инвесторов.

Отдельно заслуживает внимание такой существенный фактор, как учет заинтересованных лиц, находящихся во внешней среде организации. Особенно это касается крупных компаний, решения которых могут вызвать широкий общественный резонанс, затрагивать напрямую или косвенно, интересы различных групп влияния, стейкхолдеров. Это могут быть и профессиональные участники рынка ценных бумаг, стихийные инвесторы, контрагенты, конкуренты, поставщики. Значимость учета интересов заинтересованных сторон достаточно широко раскрыта во многих исследованиях отечественных исследователей: «...стейкхолдеры..., а не только акционеры и инвесторы...заслуживают ...внимания руководства, работы с их интересами» [6].

Создателем концепции стейкхолдеров (заинтересованных сторон), мировая научная общественность признает Р. Фримена, представившего ее в 1984 г. в работе *Strategic Management: A Stakeholder Approach*¹. Согласно его базовому определению, заинтересованные лица – это отдельные лица, группы лиц, влияющие на принимаемые организацией решения или ощущающие воздействие таких решений. К конкретным объектам заинтересованных лиц, Фримен отнес собственников, потребителей, группы защиты прав потребителей, конкурентов, средства массовой информации, работников, «группы по интересам», защитников окружающей среды (экологи, эоактивисты), поставщиков, правительственные агентства, местные сообщества [7, с. 110].

В зависимости от настройки системы принятия решений в области дивидендной политики, такой существенный фактор, как учет заинтересованных лиц, находящихся за контуром организации, необходимо учитывать при применении любого подхода/типа дивидендной политики. Уже отмечалось, что дивидендная политика формируется в логике общей финансовой стратегии. Последняя, в свою очередь, являясь функциональной стратегией, релевантна общей стратегии организации. В свою очередь, верхнеуровневая стратегия должна учитывать концепцию устойчивого развития. При этом, концепция устойчивого развития актуальна не только для классических процессных оргструктур, но и для проектных, матричных [6].

Портрет (аватар) основных инвесторов/групп инвесторов. Возвращаясь к классификации типов дивидендных политик, напомним, что дивидендная политика по остаточному принципу может быть поддержана инвесторами в случае успешных инвестиций, т.е. уже после акта капиталовложений. Встает вопрос, каким образом спрогнозировать реакцию инвесторов перед началом инвестирования. На этом моменте для инвесторов перспектива не очевидна, а снижение дивидендов в текущем горизонте, более чем очевидно. Изучение портрета инвесторов может дать определенный ответ на данный вопрос. Объектами изучения в данном случае, становятся следующие данные:

- является/не является ли инвестор квалифицированным инвестором, обладающим опытом и знаниями закономерностей работы системы фондовых рынков и финансово-хозяйственных процессов в организации;
- является/не является ли инвестор инвестором, специализирующимся на данном конкретном рынке. Тут необходимо пояснение. Даже если инвестор в целом является опытным и квалифицированным, он может не учесть ряд важных признаков и характеристик, присущих предприятиям новой для него отрасли;

¹ <https://research.monash.edu/en/publications/strategic-management-a-stakeholder-approach>

- наличие у инвестора аффилиции с другими заинтересованными лицами – топ-менеджментом, контрагентами и т.д.;

- общая финансовая стратегия инвестора, структура его консолидированного инвестиционного портфеля, роль принадлежащего ему инвестиционного пакета в рассматриваемой организации по отношению к его консолидированному инвестиционному портфелю;

- психологический портрет инвестора – его склонность к риску, степень толерантности к неопределенности [8] и т.д.

Особенностью учета вышеуказанных существенных факторов является то, что анализ некоторых из них основан на неявных знаниях, неформальных данных, неформализуемой информации. Это требует от лиц, определяющих дивидендную политику, наличие широкой неформальной коммуникационной сети, умение анализировать субъективные параметры, применение инструментов психодиагностики, компетенции в области эмоционального интеллекта. Все это выходит за рамки привычных, базовых компетенций в области финансового менеджмента. Совокупность таких компетенций называют «мягкими» компетенциями, надкомпетенциями.

В рамках рассматриваемой темы заслуживает внимание исследования Л. В. Алексеевой, И. В. Березинца, Ю. Б. Ильиной, выделяющих среди существенных факторов, влияющих на дивидендную политику, концентрацию и структуру собственности [9]. Среди прочего, было отмечено, что для многих отечественных предприятий характерна аморфная дивидендная политика, не имеющая четкой структурированности принципов и критериев (напомним, исследование проводилось в 2011 г.). А ее основой является некий симбиоз между требованиями законодательства, частными выгодами, необходимостью поддержки имиджа компании для более выгодных финансовых инструментов, необходимостью адаптации к быстроменяющимся правилам игры и изменениям на рынках. Также, вызывает интерес статистические выводы данного исследования: компании, имеющие в составе собственников, владеющих пакетом обыкновенных акций 15 % и более, в среднем выплачивают на 9,5 % меньше чистой прибыли в виде дивидендов в совокупности на оба типа акций, и на 7,5 % меньше в форме дивидендов на обыкновенные акции, по сравнению с компаниями, в которых нет таких крупных акционеров.

В заключение отметим, что выбор дивидендной политики зависит от совокупности различных факторов, находящихся как в самой организации, так и вовне нее. Одни из них поддаются количественному измерению, с применением инструментов финансового менеджмента, другие сложно формализуемы, и требуют от менеджмента предприятий неявных знаний, понимания психологии и интересов ключевых заинтересованных сторон. Сочетание таких компетенций способствует формированию сбалансированной дивидендной политики, наиболее эффективной для конкретной организации. В среднесрочном и долгосрочном горизонте это приводит к повышению конкурентоспособности организации, сохранению существующих и появлению новых конкурентных преимуществ.

Список источников

1. Шинкарева О.В., Данилова О.В. Дивидендная политика компании и подходы к ее формированию // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2017. № 3 (13). С. 29–40.
2. Алексеева А.И., Васильев Ю.В., Малеева А.В., Ушвицкий Л.И. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2006. 572 с.
3. Крылов С.И. Моделирование показателей дивидендной политики в условиях нейтрального подхода к ее осуществлению // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2019. Т. 18. № 3. 398 с. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.3.020
4. Кириченко Т.В. Финансовый менеджмент: учебник. М.: Дашков и Ко, 2013. 484 с.
5. Асаул А.Н., Войнаренко М.П., Пономарева Н.А., Фалтинский Р.А. Корпоративные ценные бумаги как инструмент инвестиционной привлекательности компаний / под ред. А.Н. Асаула. СПб.: АНО «ИПЭВ», 2008. 288 с.
6. Леонтьев Н.Я., Иванов А.А., Иванова Н.Д. Методологические аспекты устойчивого управления проектами в атомной отрасли // Управление проектами и программами. 2022. № 3. С. 220–229. DOI: 10.36627/2075-1214-2022-3-3-220-229
7. Благоев Ю.Е. Р. Эдвард Фримен и концепция заинтересованных сторон // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2012. № 1. С. 109–116.

8. Горлова Н.В. Толерантность к неопределенности как индивидуально-личностная предпосылка процесса самоопределения в подростковом возрасте, ранней и поздней юности // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70. С. 5. URL: <http://psystudy.ru>
9. Алексеева Л. В., Березинец И. В., Ильина Ю. Б. Влияние структуры собственности на дивидендную политику российских компаний // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2011. Вып. 3. С. 3–31.

References

1. Shinkareva O.V., Danilova O.V. The company's dividend policy and approaches to its formation. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Economics*. 2017;3(13):29–40. (In Russ.)
2. Alekseeva A.I., Vasiliev Yu.V., Maleeva A.V., Ushvitsky L.I. *Complex economic analysis of economic activity*. Moscow: Finance and Statistics; 2006. 572 p. (In Russ.)
3. Krylov S.I. Modeling of indicators of the dividend policy in the conditions of a neutral approach to its implementation. *Bulletin of UrFU. Economics and Management series*. 2019;18(3). 398 p. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.3.020. (In Russ.)
4. Kirichenko T.V. *Financial management: textbook*. Moscow: Dashkov and Co., 2013. 484 p. (In Russ.)
5. Asaul A.N., Voynarenko M.P., Ponomareva N.A., Faltinsky R.A. *Corporate securities as an instrument of investment attractiveness of companies* / ed. by A.N. Asaul. St. Petersburg: ANO "IPEV", 2008. 288 p. (In Russ.)
6. Leontiev N.Ya., Ivanov A.A., Ivanova N.D. Methodological aspects of sustainable project management in the nuclear industry. *Project and program management*. 2022;(3):220–229. DOI: 10.36627/2075-1214-2022-3-3-220-229. (In Russ.)
7. Blagov Y.E. R. Edward Freeman and the concept of stakeholders. *Bulletin of the Saint Petersburg University. Management*. 2012;(1):109–116. (In Russ.)
8. Gorlova N.V. Tolerance to uncertainty as an individual and personal prerequisite for the process of self-determination in adolescence, early and late adolescence. *Psychological research*. 2020;13(70):5. URL: <http://psystudy.ru>. (In Russ.)
9. Alekseeva L. V., Berezinets I. V., Ilyina Yu. B. The influence of the ownership structure on the dividend policy of Russian companies. *Bulletin of St. Petersburg University. Management*. 2011;(3):3–31. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. Я. Леонтьев – доктор экономических наук, профессор кафедры «Проектирование сложных инженерных объектов» образовательного-научного института ядерной энергетики и технической физики им. академика Ф.М. Митенкова Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева.

В. В. Февралев – аспирант кафедры «Проектирование сложных инженерных объектов» образовательного-научного института ядерной энергетики и технической физики им. академика Ф.М. Митенкова Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева.

Information about the authors

N. Ya. Leontiev – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department "Design of Complex Engineering Objects" of the Educational and Scientific Institute of Nuclear Energy and Technical Physics named after him. Academician F.M. Mitenkov of the Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev.

V. V. Fevraleev – Postgraduate at the Department "Design of Complex Engineering Objects" of the Educational and Scientific Institute of Nuclear Energy and Technical Physics named after Academician F.M. Mitenkov of the Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2023; одобрена после рецензирования 31.08.2023; принята к публикации 01.09.2023.

The article was submitted 22.08.2023; approved after reviewing 31.08.2023; accepted for publication 01.09.2023.

Научная статья

УДК 001.51+303.73

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-104-115>

EDN OMFEQQ

Перспективы развития производства компьютеров, электронных и оптических изделий в Южном федеральном округе в условиях экономических санкций

Татьяна Анатольевна Макареня¹, Алексей Игоревич Калининченко², Али Маннаа³, Светлана Владимировна Петренко⁴

^{1, 2, 3, 4}Южный федеральный университет, Таганрог, Россия

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Анатольевна Макареня, mta-76@inbox.ru

Аннотация. Южный федеральный округ обладает необходимыми ресурсами для развития такого вида промышленного производства, как производство компьютеров, электронных и оптических изделий: производственной базой, трудовыми ресурсами и капиталом. Особенно, необходимые для этого ресурсы представлены в Ростовской области, республики Крым и городе федерального значения Севастополь. В статье представлены возможные сценарии развития производства компьютеров, электронных и оптических средств в Южном федеральном округе в условиях введенных экономических санкций с использованием инструментария когнитивного моделирования. Дана оценка эффективности региональных программ промышленности или программ, имеющих разделы, связанные с промышленностью. Даны рекомендации по совершенствованию развития производства компьютеров, электронных и оптических средств путем корректировки региональных программ развития.

Ключевые слова: производство компьютеров, производство электронных и оптических изделий, сценарии развития, эффективность региональных программ, Южный федеральный округ

Финансирование: статья подготовлена при поддержке РФФ № 23-28-00537 «Моделирование развития промышленного комплекса Южного федерального округа в условиях введенных экономических санкций». <https://rscf.ru/project/23-28-00537/>

Для цитирования: Макареня Т. А., Калининченко А. И., Али Маннаа, Петренко С. В. Перспективы развития производства компьютеров, электронных и оптических изделий в Южном федеральном округе в условиях экономических санкций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 104–115. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-104-115>. EDN OMFEQQ

Problems of Economics

Original article

Prospects for the development of production of computers, electronic and optical products in the Southern federal district under economic sanctions

Tatyana A. Makarenya¹, Alexey I. Kalinichenko², Ali Mannaa³, Svetlana V. Petrenko⁴

^{1, 2, 3, 4} Southern Federal University, Taganrog, Russia

Corresponding author: Tatyana A. Makarenya, mta-76@inbox.ru

Abstract. The Southern Federal District has the necessary resources for the development of such a type of industrial production as the production of computers, electronic and optical products: the production base, labor resources and capital. Especially, the resources necessary for this are presented in the Rostov region, the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol. The article presents possible scenarios for the development of the production of computers, electronic and optical means in the Southern Federal District under the economic sanctions imposed using cognitive modeling tools. An assessment of the effectiveness of regional industry programs or programs that have sections related to industry is given. Recommendations are given for improving the development of the production of computers, electronic and optical means by adjusting regional development programs.

Financial Support: The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation № 23-28-00537 "Modeling the development of the industrial complex of the Southern Federal District under the imposed economic sanctions". <https://rscf.ru/project/23-28-00537/>

Keywords: production of computers, production of electronic and optical products, development scenarios, effectiveness of regional programs, Southern Federal District

For citation: Makarenya T. A., Kalinichenko A. I., Ali Manna, Petrenko S. V. Prospects for the development of production of computers, electronic and optical products in the Southern federal district under economic sanctions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):104–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-104-115>. EDN OMFEQQ

Введение. В настоящее время перед страной стоит задача развития всех видов промышленности, особенно важно развитие тех отраслей, которые обеспечивают обороноспособность и национальную независимость страны. Одними из таких производств является производство компьютеров, электронных и оптических изделий, так как готовая продукция данных видов промышленности используется и в производстве военных видов продукции. Анализ статистических данных показал, что данные виды производства присутствуют в Ростовской, Волгоградской областях, Краснодарском крае, в республиках Крым и Калмыкия, городе федерального значения Севастополе. По объемам выпускаемой продукции лидируют среди исследуемых видов производств лидируют Ростовская область, республика Крым и Севастополь. Проанализировать тенденции по исследуемому виду производства не представляется возможным в виду отсутствия статистического материала. Даже в сборнике Россия в цифрах, выпуск которого завершен в 2021 году, по пункту 12.2. Структура выпуска по отраслям экономики, статистические данные по данному виду производства отсутствуют.

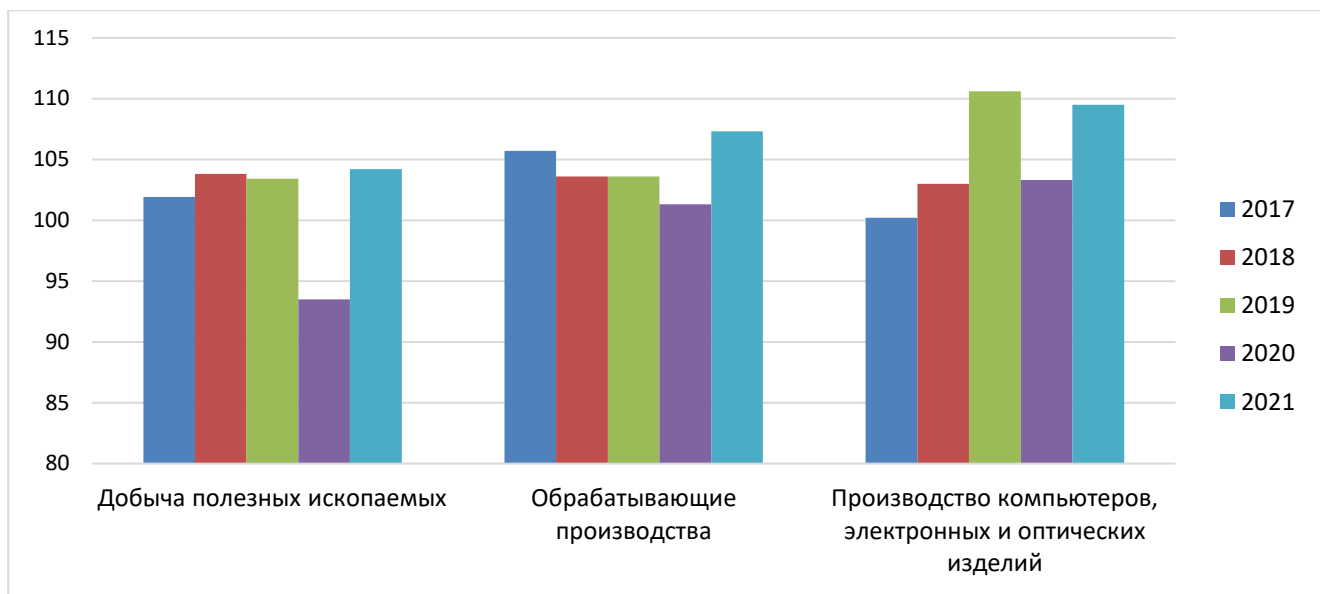

Рис. 1. Индексы производства по отдельным видам экономической деятельности¹

Fig. 1. Production indices for certain types of economic activity

На рис. 1 представлена динамика индексов производства по добывающим видам экономической деятельности, обрабатывающим производствам в целом и в частности по производству компьютеров, электронных и оптических изделий, из которого видно, что по данному производству индексы выше, чем в целом по промышленности.

¹ Составлено авторами с использованием Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993>. (дата обращения 27.05.2023).

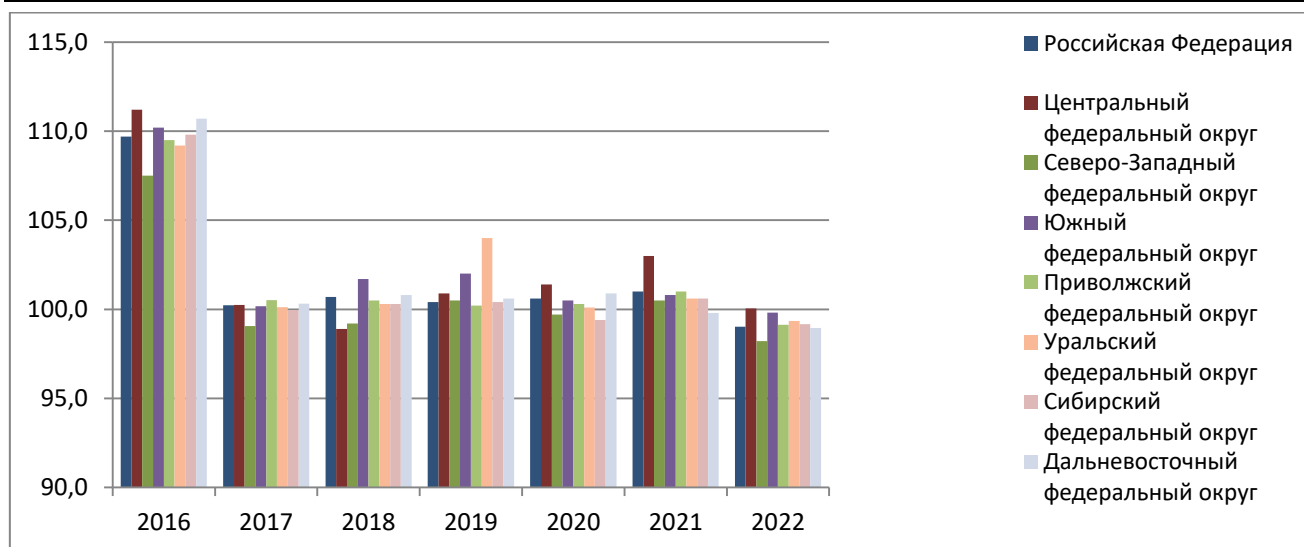

Рис. 2. Индексы промышленного производства по федеральным округам¹
Fig. 2. Indices of industrial production by federal districts

На рис. 2 представлена динамика индексов промышленного производства по федеральным округам, из которого видно, что в 2016 г. величина данного индекса была выше 105 % у всех федеральных округов, а с 2017 г. по 2022 г. в пределах 100 % за исключением: в 2018 году в ЮФО, в 2019 году в УФО и ЮФО, в 2020 году – в ЦФО и ДФО, в 2021 году – ЦФО. В 2022 году во всех федеральных округах индекс промышленного производства около 100 %. Таким образом, имеет место замедление темпов роста промышленного производства.

В настоящее время очень много делается для решения проблемы развития промышленности в условиях экономических санкций:

- правительство запускает льготный режим работы предприятий, которые занимаются импортозамещением в составе промышленных кластеров. С 1 января 2023 г. такие предприятия смогут возместить до 50 % затрат на приобретение стартовых партий комплектующих, произведенных другими участниками кластера;
- продление правительством до октября 2023 г. программы льготного кредитования закупок приоритетной импортной продукции (продовольственные товары, лекарства, фармацевтическая продукция, транспортные средства, строительные материалы, различные станки, сельскохозяйственные машины, электроника);
- внедрение примеров цифровых сервисов (Мой профиль, Мой экспорт, Фабрика прототипов и др.);
- упрощение таможенного оформления (тарифные льготы и нулевые ставки таможенных пошлин для продовольственной продукции, электронной продукции, продукции легкой промышленности, металлургической продукции) для импортеров критической значимой продукции;
- конкурсы по развитию и разработке систем искусственного интеллекта;
- правительственная программа на поддержку технопарков в сфере электронной промышленности (до 300 млн. руб. на регион на затраты на проектирование, строительство, модернизацию объектов инфраструктуры, приобретение оборудования, подключение к инженерным сетям);
- программа промышленной ипотеки на покупку производственной недвижимости, приобретение новых помещений;
- обнуление ставки налога на прибыль от реализации проекта по импортозамещению, создание механизма СПИК – долгосрочная закупка промышленной продукции, возмещение до 50 % затрат на приобретение пилотных партий продукции промышленных кластеров, механизм льготных займов на проекты по производству критической продукции по ставке 90 % от «ключа».

¹ Составлено авторами с использованием Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993>. (дата обращения 27.05.2023).

Ведутся научные исследования, так в Институте физики полупроводников им. А.В. Ржанова СО РАН¹ создают новые квантовые материалы для спинтроники и оптоэлектроники, квантовые точки, разрабатывают технологию синтеза кристаллических пленок на основе нитрида галлия алюминия для промышленных транспортных систем и линий связи.

Михаил Мишустин отметил: «Очень важно добиться того, чтобы новаторство позволяло предприятиям опережать конкурентов, ну и также сформировать инновационную модель экономического роста страны».

«Прежняя жизнь, которая давала возможность купить любые технологии и достижения, не вкладываясь в науку, подошла к концу. Все осознают, что страны, которые хотят быть независимыми, должны иметь свою фундаментальную науку», – заявил Геннадий Красников на совместном заседании президиумов РАН² и НАН Беларуси 26 мая в Минске.

Однако, существует и много проблем:

- отсутствие единой базы данных импортных комплектующих по видам промышленной продукции;
- отсутствие системной региональной поддержки промышленных предприятий;
- отсутствие системной информации о развитии промышленного комплекса Южного федерального округа в разрезе видов продукции и др.

Поэтому крайне важным становится вопрос долгосрочного планирования и разработки сценариев развития промышленного комплекса в стране в целом и регионе, так как во всех федеральных округах есть промышленные кластеры. Но развитие региональных промышленных кластеров будет затруднительно без наличия единой концепции промышленной политики в стране.

Анализ результатов предшествующих работ. В ходе исследования авторами были проанализированы статьи за последние 5 лет в ряде журналов: Российский экономический журнал, Проблемы управления, Вопросы экономики, Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, Национальные интересы: приоритеты и безопасность и другие. В результате выявилось, что проблемам эффективного планирования и разработки сценариев посвящено крайне мало работ. Авторами были проанализированы работы, связанные с когнитивным моделированием. Так в работе «Когнитивный анализ и моделирование устойчивого развития социально-экономических систем» авторами приводятся результаты моделирования республики Адыгея путем построения укрупненной когнитивной карты региональной социально-экономической системы [1].

Е. Ю. Хрусталева отмечает: «Когнитивное моделирование представляет собой отдельную разновидность метода семантического анализа. Данный вид моделирования позволяет эффективно исследовать поведение сложных, слабо формализуемых систем, не поддающихся точному математическому анализу, за счет использования лингвистических переменных и нечетких алгоритмов, чем и отличается от традиционного операционного вида моделирования. Нечеткая логика, теория графов и теория матриц – основной набор инструментов математической формализации и построения когнитивных моделей» [2]. Как отмечает Горелова Г.В., очевидна возможность многовариантности результатов моделирования такой системы, как промышленность [3], [4].

Горбанёва О. И., Мурзин А. Д., Угольницкий Г. А. показали сценарные модели развития на примерах моделей «хищник – жертва» и агрегированной модели национальной экономики. Указанные методологические положения детально рассмотрены на примере построения и исследования задачи оптимального управления на когнитивной модели университета [5].

Ряд авторов указывает на необходимость разработки и внедрения системы планирования в народнохозяйственном комплексе.

Высочина О. С., Данич В. Н., Пархоменко В. П. рассматривали моделирование производственных процессов на промышленном предприятии при помощи системы имитационного моделирования [6].

Профессор Орленко Л. П. пишет о необходимости восстановления системы индикативного планирования в народном хозяйстве, при этом можно использовать опыт Югославии [7].

Одним из инструментов, способствующего развитию промышленности, является кластерная политика. Федоров С. И. исследовал кластерную политику и инновационную активность промышленных предприятий. В результате была проверена гипотеза о том, что географическая концентрация

¹ Официальный телеграмм-канал Российской академии наук t.me/rasofficial

² Там же.

промышленных предприятий в кластере способствует интенсификации инновационных процессов при одинаковом уровне экономической активности [8].

Лексин В. Н. показал, что продолжается принцип региональной политики государства, основанный на закреплении в будущем начатого стягивания в крупногородские агломерации материальных, финансовых, человеческих и иных ресурсов, ориентацию на точечные очаги преференциально стимулируемой экономической активности [9].

В настоящее время предприятия работают в условиях экономических санкций, авторы нашли единственную работу, посвященную систематизации зарубежных санкций. Винслав Ю.Б. предложил классификацию экономических санкций, а также направления стратегического анализа в данной области, представил антикризисные мероприятия, планируемые для стабилизации российской экономики в условиях санкций, обосновал целесообразность использования мобилизационной экономической модели как технологии государственного управления в особых условиях, привел авторскую систематизацию действий государства по введению мобилизационного режима [10].

Таким образом, вопросам методологии и инструментов стратегического планирования, разработки сценариев развития промышленного комплекса в целом стране и регионе крайне мало работ. А ведь в настоящее время в условиях формирования мобилизационной экономики становление системы стратегического планирования и развития является залогом роста промышленного производства и безопасности страны.

Методы и материалы исследования. Авторами предлагается использовать когнитивное моделирование для разработки сценариев развития системы – производство компьютеров, электронных и оптических изделий в Южном федеральном округе. Данный инструментарий применяется для построения сценариев слабоструктурированных систем, к которым можно отнести систему промышленного комплекса Южного федерального округа и систему производство компьютеров, электронных и оптических изделий. Для разработки когнитивных карт, позволяющих определять сценарии развития, авторами был проведен Pest-анализ, в ходе которого были оценены региональные программы, способствующие развитию промышленности в ЮФО. Рассмотрим в статье более подробно программы трех субъектов – Ростовской области, республики Крым и г. Севастополя. Данные субъекты были выбраны, потому что по данным статистической отчетности в структуре промышленного производства представлен наиболее широкий перечень номенклатуры производства по виду экономической деятельности производство компьютеров, электронных и оптических средств, и обладающий высоким научным кадровым и производственным потенциалом. Также были проанализированы региональные программы по развитию промышленности (табл. 1).

Таблица 1. – Региональные программы по развитию промышленности

Table 1. – Regional programs for the development of industry

Субъект	Программа	Подпрограммы
Ростовская область	Программа «Энергоэффективность и развитие промышленности и энергетики»	Подпрограмма 2 «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»
Республика Крым	Государственная программа Республики Крым «Развитие промышленного комплекса»	Нет
Город федерального значения Севастополь	Государственная программа города Севастополя «Развитие промышленности города Севастополя»	Нет

Из данных табл. 1 можно видеть, что в Ростовской области нет отдельной программы, которая бы имела количественные показатели по развитию промышленного комплекса.

В Ростовской области действует программа «Энергоэффективность и развитие промышленности и энергетики», утвержденная постановлением Правительства Ростовской области от 29.11.2018 № 760, действующая с 2019 по 2030 гг.¹ Она состоит из 6 подпрограмм, одна из которых направлена на развитие

¹ Официальный портал Правительства Ростовской области. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.donland.ru/activity/1446/>. (дата обращения 20.05.2023).

промышленности и повышение ее конкурентоспособности. В качестве результатов не представлены количественные показатели работы промышленного комплекса. Также в Ростовской области создан Региональный фонд развития промышленности и, согласно данным, 2022 год стал самым продуктивным для Фонда. Было выдано 34 региональных займа на сумму более 790 млн рублей¹. Авторами были проведены расчеты выполнения показателей подпрограммы по Ростовской области, которые представлены в табл. 2.

Таблица 2 – Выполнение целевых показателей подпрограммы «Энергоэффективность и развитие промышленности и энергетики» Ростовской области [11]

Table 2 – Achievement of target indicators of the subprogram "Energy Efficiency and Development of Industry and Energy" of the Rostov Region

№	Наименование индикатора	Единицы измерения	Плановое значение показателя на отчетный год (2021)	Достигнутое значение показателя на отчетную дату (2021)	Отклонение (степень достижения)	Комментарии (обоснование отклонения)
1	2	3	4	5	6	7
1.1	Индекс производства Ростовской области по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по отношению к предыдущему году	%	103,00	108,40	● 105,24	отклонение от планового значения показателя связано с ростом объемов выпуска ведущими промышленными предприятиями региона в ведущие курорты Министрством промышленности и энергетики Ростовской области предприятия нарастили объем производства и вышли на запланированные показатели.
1.2	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» (за исключением пищевой промышленности)	млрд рублей	916,20	905,20	● 98,80	На отклонение от планового значения показателя могла повлиять деятельность организаций, осуществляющих производственную деятельность вне курируемых министерством отраслей
1.3	Удельный вес организаций по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций	%	39,80	39,80	● 100,00	*** Значение согласно предварительной оценке, показатель органами статистики будет сформирован после 15 июля 2022 г.
1.4	Темп роста объема инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» к предыдущему году в сопоставимых ценах	%	103,60	103,60	● 100,00	*** Значение согласно предварительной оценке, показатель органами статистики будет сформирован после 15 июля 2022 г.
1.5	Темп роста высокопроизводительных рабочих мест по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по отношению к предыдущему году	%	109,20	109,20	● 100,00	*** Значение согласно предварительной оценке, показатель органами статистики будет сформирован после 15 июля 2022 г.
1.6	Доля отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по высокотехнологичным и среднетехнологичным (высокого уровня) видам деятельности в общем объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства»	%	33,50	33,50	● 100,00	*** Значение согласно предварительной оценке, показатель органами статистики будет сформирован после 15 июля 2022 г.
1.7	Объем экспорта конкурентоспособной промышленной продукции	млрд долл. США	3,335	4,573	● 137,12	отклонение от планового значения показателя связано с увеличением экспортных поставок в 2022 году в связи со стабилизацией эпидемиологической ситуации в мире, заключением новых контрактов, а также курсовой разницей
1.8	Объем добычи угля в Ростовской области	тыс. тонн	5474,90	7300,00	● 133,34	отклонение от планового значения показателя связано с ростом спроса на уголь на мировых рынках, благоприятным горно-геологические условиями, приобретением высокопроизводительного горнодобывающего оборудования

Как видно из табл. 2, нет показателей, которые бы информировали о состоянии конкретных видов продукции.

В республике Крым действует программа, утвержденная Постановлением Совета министров Республики Крым от 24.12.2021 № 837 (ред. от 21.10.2022) «Об утверждении Государственной программы Республики Крым «Развитие промышленного комплекса» и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета министров Республики Крым»². Основной целью программы является создание конкурентоспособного и сбалансированного промышленного производства. Программа не имеет подпрограмм. Сроки реализации установлены с 2022 по 2025 г. Объем финансирования за счет всех источников составляет 6175762,29438 тыс. руб.

Программа по развитию промышленности города Севастополя утверждена Постановлением Правительства Севастополя от 29.12.2021 № 727-ПП «Об утверждении Государственной программы

¹ Новостная статья «В 2022 году Региональный фонд развития промышленности выдал льготные займы более чем на 790 млн рублей». [Электронный ресурс]. – URL: <https://frp61.ru/novosti/v-2022-godu-regionalnyj-fond-razvitiya-promyshlennosti-vyidal-lygotnyie-zajmyi-bolee-chem-na-790-mln-rublej> (дата обращения 15.05.2023).

² Официальный сайт Министерства экономического развития республики Крым. [Электронный ресурс]. – URL: <https://minek.rk.gov.ru/ru/structure/648/>. (дата обращения 20.05.2023).

города Севастополя «Развитие промышленности города Севастополя»¹. Постановлением Правительства Севастополя от 20.05.2022 г. № 200-ПП в программу были внесены корректировки². Изменения касались многих аспектов, в том числе сроков реализации программы (раннее была утверждена на период с 2020 по 2025 гг.).

Согласно Паспорту программы, основной целью является повышение конкурентоспособности промышленности города Севастополь, в том числе для повышения обороноспособности страны. Сама программа утверждена на период с 2022 по 2030 год и подпрограмм не имеет. Средства выделяемые из всех источников финансирования составляют 673 349,3 тыс. руб. Программа содержит 20 целевых показателей (индикаторов) достижения результата, а часть показателей разбита на еще несколько пунктов. По республике Крым и городу Севастополю выполнение расчетов по целевым показателям невозможно, так как в открытом доступе нет необходимых данных.

Таким образом, на уровне субъектов федерального округа не везде есть программы развития промышленности с точными количественными показателями достижения и, которые могли бы способствовать развитию территориальных промышленных кластеров. В той же Ростовской области на втором месте по объемам произведенной продукции является кластер информационно-коммуникационных технологий [12]. Поэтому для разработки сценариев развития конкретных производств можно использовать аппарат когнитивного моделирования.

Результаты исследований и их обсуждение. Анализ работ, посвященных использованию когнитивного моделирования для построения сценариев развития социально-экономических систем позволяет сделать вывод, что не может быть единственной когнитивной карты. Опыт исследований, накопленный за это время, показал эффективность такого моделирования социально-экономических, экологических, геополитических, социотехнических и других сложных систем. Часть результатов этих исследований опубликовано в работах [13], [3].

Для построения когнитивной карты, которая моделирует развития производства компьютеров, электронных и оптических средств были выбраны следующие вершины, которым была присвоены соответствующие коды:

Блоки – причины:

Региональные программы по развитию промышленности в регионе:

V₄₀ Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности. Ростовская область;

V₄₃ Развитие промышленного комплекса Республики Крым;

V₄₄ Развитие промышленности города Севастополя.

Мероприятия, направленные на развитие производственных предприятий в условиях зарубежных санкций:

V₄₈ Решение Правительства РФ о создании к 2030 году 100 центров проектирования электронной компонентной базы, комплексов и систем вычислительной техники, телекоммуникационного оборудования, медицинской техники, автомобильной электроники;

V₆₂ Правительство запускает льготный режим работы предприятий, которые занимаются импортозамещением в составе промышленных кластеров. С 1 января 2023 г. такие предприятия смогут возместить до 50 % затрат на приобретение стартовых партий комплектующих, произведенных другими участниками кластера.

Проблемы:

V₅₁ Наличие импортных комплектующих в условиях экономических санкций;

V₅₃ Отсутствие единой информации по импортным комплектующим, сырье, материалам, используемым в производственных процессах;

V₅₇ Отсутствие единого поддерживающего ситуационного центра поддержки производства.

¹ Постановление Правительства Севастополя от 29 декабря 2021 года № 727-ПП «Об утверждении Государственной программы города Севастополя «Развитие промышленности города Севастополя». Электронный фонд правовых и нормативных технических документов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/578052682> (дата обращения 20.05.2023).

² Постановление Правительства Севастополя от 20 мая 2022 года № 200-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Севастополя от 29.12.2021 № 727-ПП «Об утверждении государственной программы города Севастополя «Развитие промышленности города Севастополя». Электронный фонд правовых и нормативных технических документов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/406095883> (дата обращения 20.05.2023).

Блоки-индикаторы:

- V₃₆ Рост объемов производства;
- V₃₇ Рост количества предприятий;
- V₃₈ Увеличение числа рабочих мест;
- V₃₉ Увеличение выпуска продукции импортозамещения.

На рис. 3 представлена когнитивная карта развития производства компьютеров, электронных и оптических средств. Можно видеть, что граф имеет много положительных связей и вершин-причин, оказывающих воздействие на производство компьютеров, электронных и оптических средств.

Далее был проведен анализ устойчивости по возмущению и начальному значению.

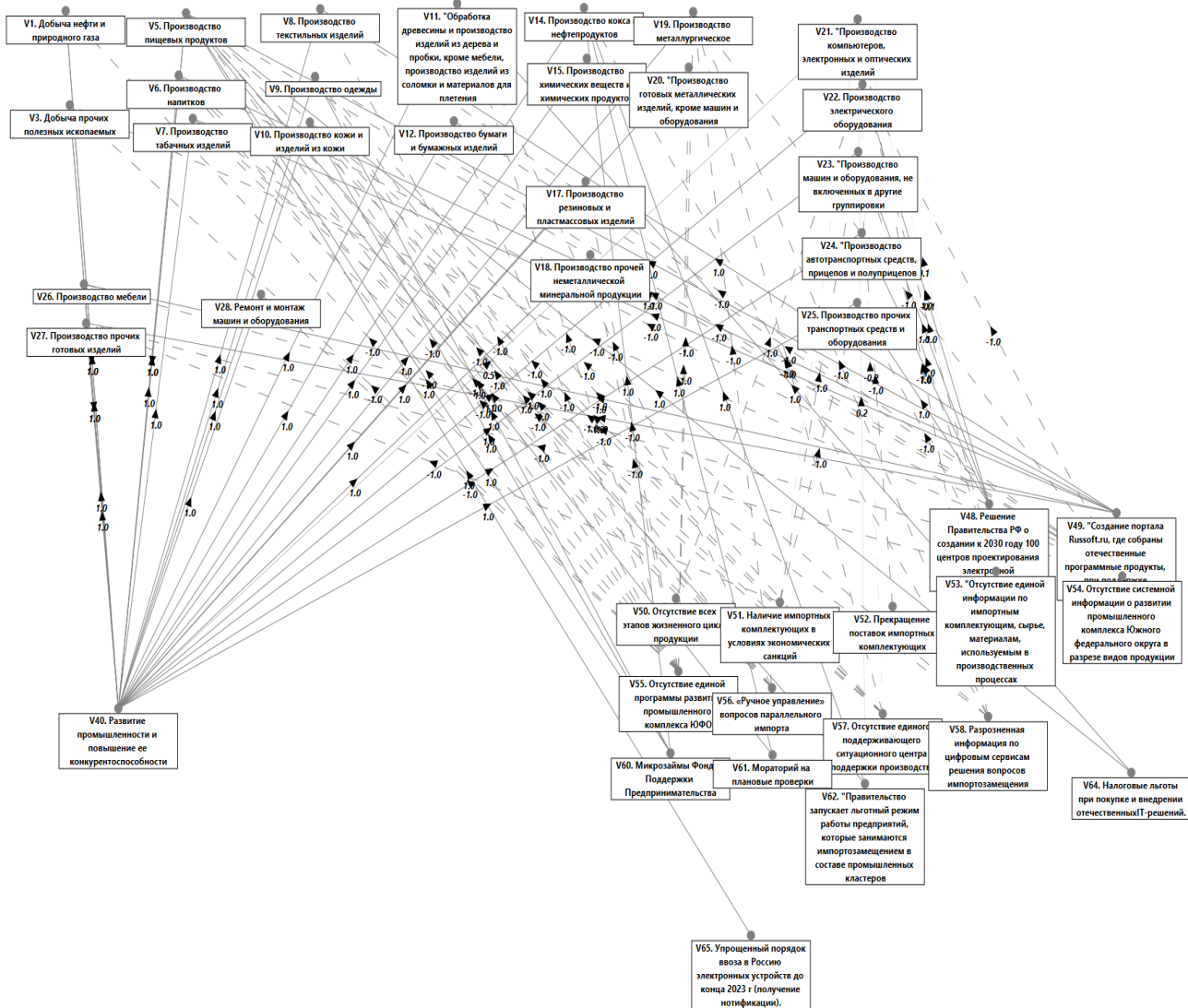

Рис. 3. Когнитивная карта G0 развития производства компьютеров, электронных и оптических средств

Fig. 3. Cognitive map G0 of the development of the production of computers, electronic and optical means

На рис. 4 изображены результаты расчета собственных чисел матрицы смежности модели G. Используется критерий устойчивости $M < 1$, где M – корень характеристического уравнения матрицы.

Для получения сценариев развития в исследовании используется метод с суммированием приращений факторов.

Собственные числа			
#	Действительная часть	Комплексная часть	Модуль (1.7321)
0	-1.7321	0.0	1.7321
1	1.7321	0.0	1.7321
2	0.0	0.0	0.0
3	0.0	0.0	0.0

Рис. 4. Результаты расчета собственных чисел матрицы смежности когнитивной карты G0
 Fig. 4. Results of calculating the eigenvalues of the adjacency matrix of the cognitive map G0

Проанализируем импульсные процессы в региональном и социально-экономическом механизме, отображенном на когнитивной карте на примере Ростовской области. Так как промышленный комплекс и, соответственно, виды промышленности, определяются на уровне субъекта округа, то построим сценарии, основанные на региональных программах развития промышленности.

Сценарий №1. Пусть программа по увеличению показателей промышленности Ростовской области реализуется, управляющий импульс $q_{40} = +1$; Вектор возмущений $Q = \{q_{40} = +1\}$. Результаты моделирования представлены рис. 5 и 6.

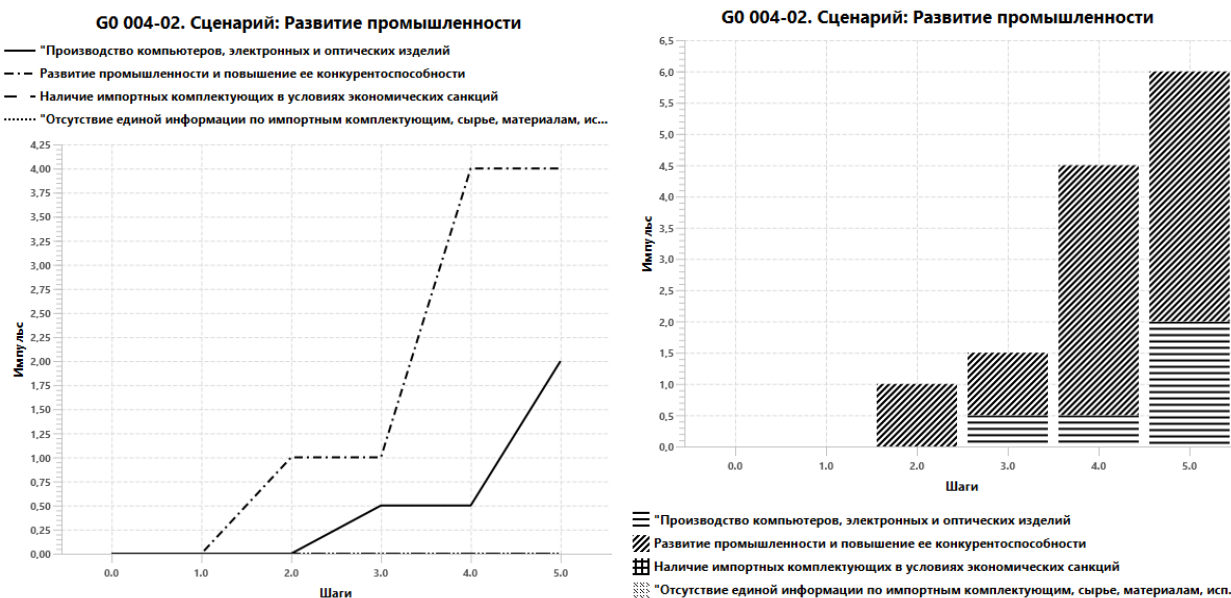
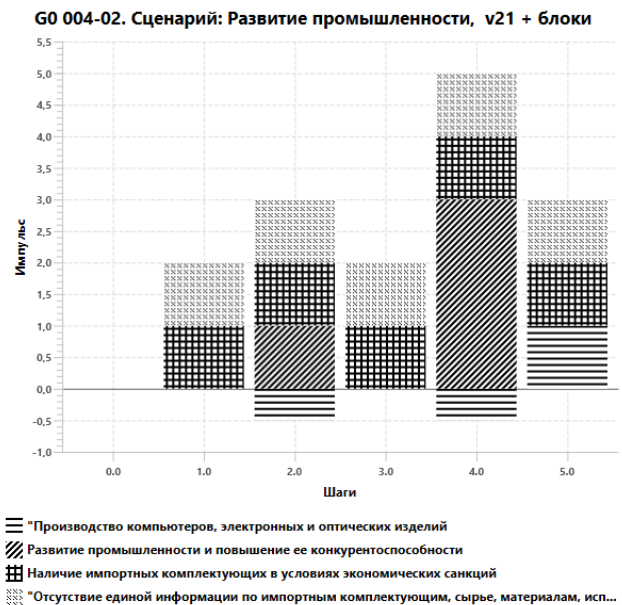
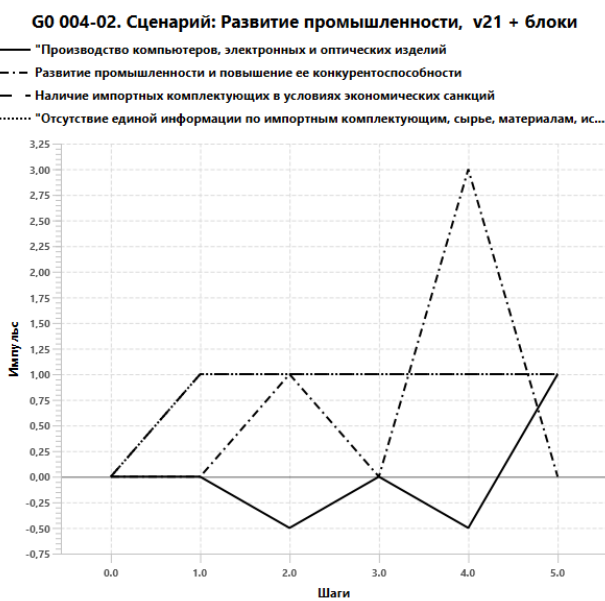

Рис. 5 и 6. Результаты моделирования по сценарию 1.
 Реализация программы промышленного производства Ростовской области
 Fig. 5 and 6. Modeling results for scenario 1.
 Implementation of the industrial production program in the Rostov region

Как видно из рис. 5 и 6, при реализации программ, направленных на улучшение промышленности, производство компьютеров и комплектующих начнет развиваться быстрыми темпами.

Сценарий №2. Пусть программа по увеличению показателей промышленности реализуется (управляющий импульс $q_{40} = +1$) после возникновения негативных условий на рынке импортных комплектующих (Блоки-проблемы) – управляющие импульсы $q_{51} = +1, q_{53} = +1, q_{57} = +1$. Вектор возмущений $Q = \{n=0: q_{51} = +0.5, q_{53} = +0.5, q_{57} = +0.5; n-1: q_{40} = +1\}$. Результаты моделирования представлены рис. 7 и 8.

*Рис. 7 и 8. Результаты моделирования по сценарию 2.
 Реализация программы промышленного производства Ростовской области
 Fig. 7 and 8. Modeling results for scenario 2.
 Implementation of the industrial production program in the Rostov region*

Как видно из рис. 7 и 8, несмотря на реализацию программ, направленных на улучшение промышленности, ее показатели снижаются из-за негативного влияния наличия импортных комплектующих, а затем увеличиваются благодаря компенсационному действию программ, в связи с чем можно сделать вывод о необходимости реализации соответствующих программ, а также снижения зависимости от импорта и увеличение производства собственных комплектующих.

Заключение. В современных условиях необходима возрождение системы планирования. Академик С. Ю. Глазьев говорил еще в 2019 г., «что рынок показал свою несостоятельность, так как обслуживает интересы крупного частного монополистического капитала» [14]. Одним из инструментов планирования слабоструктурированных систем, а к таким системам, к сожалению, можно отнести систему промышленного комплекса в виду отсутствия системы статистического учета в натуральных показателях производимой продукции.

Целью когнитивного моделирования является определение принципиальной возможности устойчивости развития промышленного производства, а именно компьютеров, электронных и оптических средств. Необходимо отметить, что не может быть единственной когнитивной карты для исследуемой системы. Сценарии развития производства компьютеров, электронных и оптических средств показал, что система находится в неустойчивом состоянии. Для стабилизации состояния системы необходим ряд мер. Такие меры должны быть указаны в стратегических и оперативных планах развития регионов, их промышленного комплекса и отраслей промышленности. В региональных программах необходимо указывать количественные показатели развития. Для стратегического и тактического планирования промышленного производства необходимо возрождать систему учета показателей в натуральных единицах измерения. Это позволит планировать достижение определенных показателей выпуска промышленной продукции, что особенно важно в условиях формирования мобилизационной экономики. Также в условиях введенных зарубежных санкций необходимы систематизация мер государственной и региональной поддержки, систематизация зарубежных санкций. Это позволит планировать управленческие решения ответного характера. Также создание базы выпускаемой продукции поможет принимать управленческие решения по развитию отраслей промышленности, в том числе таких важных, как производство компьютеров, электронных и оптических средств, которые обеспечивают обороноспособность страны.

Список источников

1. Горелова Г. В., Захарова Е. Н., Гинис Л. А. Когнитивный анализ и моделирование устойчивого развития социально-экономических систем. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2005. – 288 с.
2. Хрусталева Е. Ю. Семантические модели в управлении оборонно-промышленным комплексом России // Экономический анализ: теория и практика. 2010; № 21 (186). С. 18–24.
3. Горелова Г.В., Лифиренко А.В., Панченко М.А. Применение когнитивного моделирования к исследованиям развития промышленности. // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. науч. тр. XXIII Международной науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: Политех-Пресс. 2019. – С. 533–540.
4. Горелова Г.В., Розин М.Д., Рябцев В.Н., Чуший К.Ю. Когнитивные исследования проблем Юга России // Известия ЮФУ. Технические науки. 2011. № 3 (116). С. 78–93.
5. Горбанёва О. И., Мурзин А. Д., Угольницкий Г. А. Математическая постановка задач управления на когнитивных моделях // Проблемы управления. 2022. № 5. С. 25–39.
6. Высочина О. С., Данич В. Н., Пархоменко В. П. (2012). Моделирование производственных процессов на промышленном предприятии при помощи системы имитационного моделирования Arena // Радиоэлектроника, информатика, управление. 2012. № 1. С. 82–85.
7. Орленко Л. П. Советы новому президенту РФ о создании высокотехнологичной экономики и необходимой обороны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. Вып. 5. С. 808–823.
8. Федоров С. И. Кластерная политика и инновационная активность промышленных предприятий // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021. № 4. С. 161–185.
9. Лексин В. Н. Дороги, которые не мы выбирали (О правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года») // Российский экономический журнал. 2019. № 3. С. 32–44. doi: 10.33983/0130-9757-2019-3-3-3-24
10. Винслав Ю. Б. Мобилизационная экономика как технология государственного управления в условиях тотальных санкций // Российский экономический журнал. № 4. С. 4–29. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-4-4-29>.
11. Моделирование развития промышленного комплекса Южного федерального округа: монография / Т. А. Макареня, А. Маннаа, А. И. Калиниченко, С. В. Петренко; науч. ред.: Т. А. Макареня. Южный федеральный университет. Уфа: Аэтерна, 2023. 130 с.
12. Макареня Т. А., Андриенко Р. В. Инновационный потенциал Ростовской области как фактор развития промышленных инновационно-территориальных кластерных образований // Электронный научный журнал «Управление в экономических и социальных системах». 2020. № 3(5).
13. Горелова Г. В., Калиниченко А. И. Инструментарий когнитивного моделирования сложных систем // Сб. научн. трудов XXII Междун. научно-практ. конф. «Системный анализ в проектировании и управлении» (SAEC-2018), ч.1. – СПбГТУ: Санкт-Петербург. – 2018. – С. 399–413.
14. Глазьев С. Ю. Управление развитием экономики: курс лекций. М., 2019. – 759, [1] с., ил.

References

1. Gorelova G. V., Zakharova E. N., Ginis L. A. *Cognitive analysis and modeling of sustainable development of socio-economic systems*. Rostov-on-Don: Publishing house of RGU; 2005. 288 p. (In Russ.)
2. Khrustalev E. Yu. Semantic models in the management of the defense-industrial complex of Russia. *Economic analysis: theory and practice*. 2010;21(186):18–24. (In Russ.)
3. Gorelova G.V., Lifirenko A.V., Panchenko M.A. Application of cognitive modeling to the study of industrial development. *System analysis in design and management: collection of scientific papers XXIII International Scientific-Practical Conference*. St. Petersburg: Polytech-Press; 2019: 533–540. (In Russ.)
4. Gorelova G.V., Rozin M.D., Ryabtsev V.N., Chushy K.Y. Cognitive studies of the problems of the South of Russia. *Izvestia SFU. Technical Sciences*. 2011;3(116):78–93. (In Russ.)
5. Gorbaneva O. I., Murzin A. D., Ugolnitsky G. A. Mathematical formulation of control problems on cognitive models. *Control Sciences*. 2022;(5):21–33. (In Russ.)
6. Vysochina O. S., Danich V. N., Parkhomenko V. P. (2012). Modeling of production processes at an industrial enterprise by means of simulation modeling system Arena. *Радиоэлектроника, информатика, управление*. 2012;(1):82–85. (In Russ.)
7. Orlenko L. P. Advice to the New President of the Russian Federation on Creating a High-Tech Economy and Necessary Defense. *National Interests: Priorities and Security*. 2018;14(5):808–823. (In Russ.)

8. Fedorov S. I. Cluster Policy and Innovation Activity of Industrial Enterprises. *Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics*. 2021;(4):161–185 (In Russ.)
9. Leksin V. N. Roads that we did not choose (On the government "Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2025"). *Russian Economic Journal*. 2019;(3):32–44. doi: 10.33983/0130-9757-2019-3-3-3-24 (In Russ.)
10. Vinslav Yu. B. Mobilization economy as a technology of public administration under total sanctions // *Russian Economic Journal*. 2022;(4):4–29. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-4-4-29>. (In Russ.)
11. *Modeling of the development of the industrial complex of the Southern Federal District*: monograph. T. A. Makarenya, A. Manna, A. I. Kalinichenko, S. V. Petrenko; scientific ed.: T. A. Makarenya. Southern Federal University. Ufa: Aeterna; 2023. 130 p. (In Russ.)
12. Makarenya T. A., Andrienko R. V. Innovative Potential of the Rostov Region as a Factor in the Development of Industrial Innovative Territorial Cluster Formations. *Electronic Scientific Journal "Management in Economic and Social Systems"*. 2020;3(5). (In Russ.)
13. Gorelova G. V., Kalinichenko A. I. Toolkit of cognitive modeling of complex systems. In: *Proceedings of XXII International Scientific and Practical Conference "System Analysis in Engineering and Control" (SAEC-2018)*, part 1. St. Petersburg. 2018. Pp. 399–413. (In Russ.)
14. Glazhev S. Yu. *Management of economic development: a course of lectures*. Moscow; 2019. – 759, [1] p., ill. (In Russ.)

Информация об авторах

- Т. А. Макареня – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой инженерной экономики ЮФУ.
 А. И. Калиниченко – член научного коллектива гранта РФФ № 23-28-00537 «Моделирование развития промышленного комплекса Южного федерального округа в условиях введенных экономических санкций», ЮФУ.
 Али Маннаа – ассистент кафедры синергетики и процессов управления им. проф. А. А. Колесникова ЮФУ.
 С. В. Петренко – кандидат экономических наук, доцент кафедры инженерной экономики ЮФУ.

Information about the authors

- T. A. Makarenya – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of Department of Engineering Economics of Southern Federal University.
 A. I. Kalinichenko – Member of the scientific team of the Russian Science Foundation № 23-28-00537 "Modeling the development of the industrial complex of the Southern Federal District under the conditions of economic restrictions", Southern Federal University.
 Ali Manna – Assistant of the Department of Synergetics and Management Processes named after prof. A.A. Kolesnikov of Southern Federal University.
 S. V. Petrenko – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Engineering Economics of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 27.07.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Научная статья

УДК 336.7

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-116-121>

EDN OQTIEO

Особенности цифровизации казначейской функции финансового управления корпорации при реализации платежных технологий

Илья Анатольевич Ноженков

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, nozhenkovia@gmail.com

Аннотация. Трансформация процессов, сопровождающих реализацию товаров покупателям, и изменение характера взаимодействия с контрагентами посредством безналичных расчетов позволили оптимизировать решение ряда задач, связанных с организацией денежного оборота компаний. В отношении развития расчетов с покупателями в области цифровых технологий можно отметить следующие факторы, которые все больше проявляют себя на финансовом рынке, – межбанковская конкуренция; политика государства, направленная на сокращение денежного оборота теневой экономики; поведенческая активность покупателей; развитие платежной инфраструктуры. Данные предпосылки сформировали совокупность управленческих задач для специалистов компаний, заключающихся в оптимизации, внедрении и адаптации к этим изменениям.

Ключевые слова: денежный оборот, казначейская функция, платежные технологии, финансовое управление в корпорациях, цифровизация

Для цитирования: Ноженков И. А. Особенности цифровизации казначейской функции финансового управления корпорации при реализации платежных технологий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 116–121. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-116-121>. EDN OQTIEO

Problems of Economics

Original article

Features of digitalization of the treasury function of financial management of the corporation in the implementation of payment technologies

Ilya A. Nozhenkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, nozhenkovia@gmail.com

Abstract. The transformation of the processes accompanying the sale of goods to customers and the change in the nature of interaction with counterparties through non-cash payments have made it possible to optimize the solution of a number of tasks related to the organization of money turnover of companies. With regard to the development of settlements with customers in the field of digital technologies, the following factors can be noted, which are increasingly manifesting themselves in the financial market: interbank competition; government policy aimed at reducing the money turnover of the shadow economy; behavioral activity of buyers; development of payment infrastructure. These prerequisites have formed a set of management tasks for company specialists, which consist in optimization, implementation and adaptation to these changes.

Keywords: money turnover, treasury function, payment technologies, financial management in corporations, digitalization

For citation: Nozhenkov I. A. Features of digitalization of the treasury function of financial management of the corporation in the implementation of payment technologies. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):116–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-116-121>. EDN OQTIEO

Предпосылки цифровизации казначейской функции управления финансами

Отдельные вопросы цифровой трансформации финансовых услуг по мнению зарубежных и отечественных ученых затрагивают интеграцию технологий больших данных, искусственный интеллект, и технологии блокчейн в платежную индустрию [1, с. 153]. Использование биометрических данных при расчетах, формирование бизнес-экосистем (с соответствующим управленческими и финансовыми аспектами), развитие традиционных расчетов с помощью банковских карт и эквайринга, а также маршрутизация денежных потоков и техническая составляющая размещения краткосрочных депозитов, с целью получения дополнительной прибыли или сокращения издержек связанных с расчетами с покупателями характеризует собой направления финансовой политики компании по сокращению издержек и максимизации прибыли в рамках задачи по организации эффективного безналичного оборота компании. Таким образом, формируется вектор для потенциального развития казначейской функции управления финансами в части ее цифровой трансформации.

Цифровую трансформацию казначейской функции в розничной торговле со стороны платежных технологий и расчетов с контрагентами зарубежные консалтинговые агентства рассматривают в ключе направлений технологий Front-end и back-end, формирования цифровой экосистемы бизнеса, а также в части формирования стратегии развития компании на основе цифровой трансформации бизнес-процессов¹. В соответствии с этим в большинстве исследований прослеживается отождествление области «цифровых финансов» и «платежных технологий» во взаимосвязи с развитием цифровых технологий трансформирующих индустрию розничного бизнеса и банковских услуг.

Отдельно от вышеназванных особенностей финансов торговли стоит выделить структуру расходов компаний розничной торговли. Согласно отечественным исследованиям, наибольшая доля издержек обращения после отрасли общественного питания наблюдается в отрасли розничной торговли. В числе основных издержек выделяют: материальные затраты (22 %), расходы на оплату труда (35,7 %), отчисления на социальные нужды (13,2 %), амортизация основных средств (6,1 %), прочие затраты (22,5 %). При этом из наиболее значимых материальных издержек можно отметить аренду помещений (рис. 1).

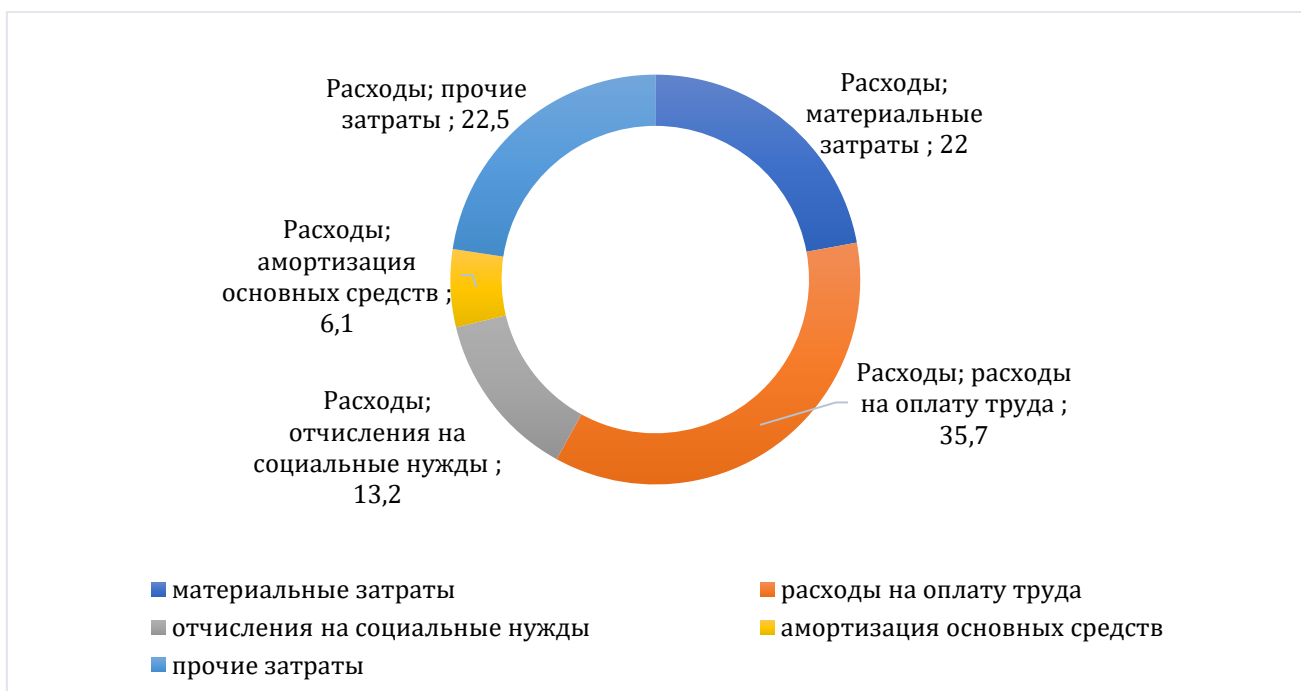

Рис. 1 – Структура расходов компаний розничной торговли
Fig. 1 – Structure of retail companies' expenses

¹ Disruptions in Retail through Digital Transformation, 2017. Deloitte Touche Tohmatsu India LLP. Member of Deloitte Touche Tohmatsu Limited, URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/in/Documents/CIP/in-cip-disruptions-in-retail-noexp.pdf> (дата обращения: 14.02. 2023)

В рамках тенденций сетизации розничных предприятий в виде экспансии на новые территории за счет открытия новых магазинов, вопросы расходов, связанных с арендой помещения, выходят на первый план [2]. Анализируя ключевые статьи расходов компаний розничного бизнеса, можно сделать заключение о наибольшей чувствительности розничных компаний к расходам, связанным с товарооборотом. Исходя из этого целесообразно внедрение элементов цифровизации с помощью банковских услуг в финансовый механизм компании, что позволит сократить расходы и получить дополнительную прибыль.

Направления совершенствования механизма управления финансами торговли

В работах российских исследователей систематизированы подходы к управлению финансами и адаптированы под отраслевые особенности торговли [3, с. 253]. В проекции исследуемой проблематики цифровизации розничной торговли за счет банковских услуг, по нашему мнению, стоит выделить несколько наиболее важных направлений развития:

- разработка системы ключевых показателей оценки эффективности;
- разработка системы контроля над состоянием расчетов с покупателями и заказчиками;
- разработка инвестиционных планов (по финансированию совершенствования платежных технологий);
- оптимизация расходов;
- оптимизация кредитного портфеля;
- управления финансовыми рисками.

Анализ особенностей финансов торговых компаний позволят детализировать и сегментировать исследуемое предприятие при рассмотрении подходов к управлению безналичным оборотом. Вместе с тем для анализа степени влияния безналичного оборота стоит отметить ряд анализируемых показателей:

- выручка от реализации товаров;
- валовая прибыль;
- прибыль от продаж;
- уровень маржинальности продаж по товарным группам или направлениям;
- сумма среднего чека (за период);
- аналитика по категориям банковских карт в общем объеме безналичных операций, при расчетах на торговых точках;
- объем и количество безналичных операций при расчетах с поставщиками и другими контрагентами;
- структура заемного капитала (в том числе инструменты краткосрочного финансирования);

Кроме того, в дополнение оценки финансового состояния стоит учитывать следующие факторы:

- уровень прочих расходов на продажу (расходов отличных от расходов, связанных с банковским обслуживанием или обслуживанием безналичного оборота);
- денежный поток;
- коэффициенты рентабельности;
- коэффициенты оборачиваемости;
- коэффициенты ликвидности.

Дополняя перечень вышеназванных элементов такими управленческими решениями как схема расчетов с заказчиками и покупателями, стратегия предприятия и бизнес-модель при рассмотрении вопроса эффективной организации безналичного оборота можно дополнить среду функционирования безналичного оборота компании группой внутренних факторов из вышеназванных показателей.

Оценка экономического эффекта от внедрения механизмов цифровизации при управлении финансами компании

Приведем в соответствие предоставляемые в текущий момент банковские услуги и направления цифровизации с ожидаемыми экономическими эффектами от мероприятий по внедрению их в торговые процессы. В текущий момент на основе опросов выявлены ключевые направления по внедрению цифровых инноваций [4, с. 57]. Исходя из предположения, что наиболее востребованным направлением в цифровизации розничного бизнеса являются технологии развития электронной коммерции, отметим, что именно сопутствующая деятельность банков по предоставлению платежных услуг, обеспечивает это направление.

Таблица 1 – Соответствие банковских услуг направлениям цифровизации розничной торговли

Table 1 – Compliance of banking services with the directions of digitalization of retail trade

Направления цифровизации бизнеса	Задачи, решаемые новыми направлениями	Банковские услуги, за счет которых достигается реализация направления цифровизации	Индикаторы эффективности внедрения цифровой технологии	Ожидаемый эффект (на что влияет)
Развитие текущей деятельности	Финансовое обеспечение текущей деятельности	РКО, депозитные услуги, кредитные услуги, Кэш-менеджмент, трастовые услуги, инвестиционные услуги, документарные услуги, ВЭД	Ликвидность, рентабельность, задолженность + метрики продаж	Прибыль, выручка, процентные расходы/доходы
Технологии развития электронной коммерции	Сокращение издержек и рисков, связанных с расчетами компании и оптимизация учета продаж	Платежные услуги (Торговый эквайринг, интернет-эквайринг, С2С расчеты, вендинг, онлайн-кассы и ОФД, СБП)	Анализ расходов, метрики продаж, выручки, денежных потоков	Прочие расходы, себестоимость
Приложения для мобильных устройств	Лояльность, привлечение новых клиентов	Интернет-эквайринг, ко-брендинг/совместные программы лояльности, API	Метрики анализа продаж, анализ выручки, денежных потоков	Выручка
Модернизация сетевой инфраструктуры	Совершенствование коммуникаций, моделей контроля продаж, отчетности	Информационные и консалтинговые услуги (аналитика данных), API	Анализ расходов	Операционные расходы, себестоимость
Смарт-контакт с поставщиками	Совершенствование коммуникаций	API, финансовые платформы	Метрики анализа продаж, анализ выручки, денежных потоков	Скорость оборачиваемости оборотных средств
Роботизация складов и сокращение издержек	Сокращение издержек и рисков, связанных с товарным учетом	Решения по автоматизации бизнеса	Анализ расходов	Выручка
Оmnikanальность	Лояльность, привлечение новых клиентов	Платежные услуги (Торговый эквайринг, интернет-эквайринг, С2С расчеты, вендинг, онлайн-кассы и ОФД, СБП)	Метрики анализа продаж, анализ выручки, денежных потоков	Выручка
Искусственный интеллект (чат-бот)	Лояльность, привлечение новых клиентов	API	Метрики анализа продаж, анализ выручки, денежных потоков	Выручка

Продолжение табл. 1
Continuation of Table 1

Направления цифровизации бизнеса	Задачи, решаемые новыми направлениями	Банковские услуги, за счет которых достигается реализация направления цифровизации	Индикаторы эффективности внедрения цифровой технологии	Ожидаемый эффект (на что влияет)
Персональный помощник	Лояльность, привлечение новых клиентов	Услуги содействия продаж	Метрики анализа продаж, анализ выручки, денежных потоков	Выручка
Big data (аналитика и изучение спроса)	Маркетинговые и экономические исследования отрасли	Информационные и консалтинговые услуги (аналитика данных)	Метрики анализа продаж, анализ выручки, денежных потоков	Информационное обеспечение
Виртуальная и дополненная реальность	Лояльность, привлечение новых клиентов	Информационные и консалтинговые услуги	Метрики анализа продаж, анализ выручки, денежных потоков	Информационное обеспечение
Инновационный маркетинг	Маркетинговые и экономические исследования отрасли	Кредитование покупателей (рассрочка), программы частичной оплаты товара, льготирование держателей банковских карт/ карт лояльности	Метрики анализа продаж, анализ выручки, денежных потоков	Информационное обеспечение

Цифровая трансформация бизнеса, на наш взгляд, характеризует систематизацию процессов, разработка которых несет в себе экономический смысл и требует определенных финансовых ресурсов для их реализации. Поэтому в рамках комплекса данных мероприятий, направленных на достижение целей цифровизации, расчет экономической целесообразности проектов отождествим с оценкой эффективности текущей деятельности розничной компании.

Таким образом, при значительной вариативности банковских услуг на современном рынке можно отметить их интеграцию как в процессы цифровой трансформации бизнеса, так и при формировании финансовых результатов компании. При этом стоит отметить, что интеграция банковских услуг в процессы цифровизации аналогичным образом сводится к формированию финансовых результатов. Поскольку мы предполагаем возможность цифровой трансформации казначейской функции управления финансами в розничном бизнесе за счет банковских услуг (цифровых и традиционных), то в этих целях необходима разработка методических основ по сбалансированному использованию банковских услуг в части цифровизации бизнеса [5, с. 54] и реализации текущих задач по обеспечению текущей финансово-хозяйственной деятельности. На основе определения факторной зависимости финансового управления безналичным оборотом торговой компании предоставляется возможным уточнение последовательности действий финансового менеджмента при выборе платёжных технологий, обеспечивающих движение денежных потоков в управлении финансами компаний розничной торговли.

Список источников

1. Schwertner K. The impact of digital transformation on social and business process // Social and Economic Systems. 2018. № 3. P. 149-166.
2. Ишханов А.В., Линкевич Е.Ф., Георгиева А.В. Развитие международных торговых сетей: теоретические и практические аспекты // Научный журнал КубГАУ. 2015. №111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mezhdunaro-dnyh-torgovyh-setey-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty> (дата обращения: 14.02. 2023).

3. Бджола В.Д., Лапоногова А.А. Совершенствование стратегии управления финансовыми ресурсами коммерческой организации с использованием механизмов антикризисного финансового управления // Финансовые исследования. 2016. №4 (53). С. 250–256.
4. Смотров Т.И., Наролина Т.С. Тенденции цифровизации в розничной торговле // ЭКОНОМИНФО. 2020. № 1. С. 55–60.
5. Тюрин Д.А., Крюкова А.А. Цифровизация бизнеса в России // Индустриальная экономика. 2023. № 1. С. 53–58.

References

1. Schwertner K. The impact of digital transformation on social and business process. *Social and Economic Systems*. 2018;(3):149–166.
2. Ishkhanov A. V., Linkevich E. F., Georgieva A. V. Development of international trade networks: theoretical and practical aspects. *Scientific journal KubGAU*. 2015;(111). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mezhdunaro-dnyh-torgovyh-setey-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty> [Accessed 14 February 2022]. (In Russ.)
3. Bjol V. D., Laponogova A. A. Improving the financial resources management strategy of commercial organizations using anti-crisis financial management mechanisms. *Financial Research*. 2016;4(53):250–256. (In Russ.)
4. Smotrova T. I., Narolina T. S. Trends of digitalization in retail trade. *EKONOMINFO*. 2020;(1):55–60. (In Russ.)
5. Tyurina D. A., Kryukova A. A. Digitalization of business in Russia. *Industrial Economy*. 2023;(1):53–58. (In Russ.)

Информация об авторе

И. А. Ноженков – преподаватель кафедры теории и технологий в менеджменте ЮФУ.

Information about the author

I. A. Nozhenkov – Lecturer at the Department of Theory and Technology in Management of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 19.07.2023; принята к публикации 20.07.2023.

The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 19.07.2023; accepted for publication 20.07.2023.

Научная статья

УДК 332.14

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-122-128>

EDN SVTLQN

Контурь факторов экономической безопасности региона

Руслан Константинович Талов¹, Юрий Николаевич Лапыгин²

^{1,2}Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимир, Россия

¹rustt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0622-8420>

²Lapygin.Y@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0173-0852>

Аннотация. Динамические изменения внешней и внутренней среды современных российских регионов все более требует отражения корректных фрагментов экономической безопасности в структуре стратегии развития указанных регионов и, в конечном итоге, становится актуальным формирование такой самостоятельной подсистемы как стратегия экономической безопасности. В основе разработки стратегии регионального развития традиционно лежат результаты комплексного анализа, в котором определение факторов, влияющих на развития, связано с применением значительного числа методов исследований, среди которых можно встретить и методы корреляционного и регрессионного анализа вторичной информации (на базе анализа широкого круга документов), и социологические методы сбора и обработки первичной информации (наблюдения, опросы), и методы структурирования и ранжирования (экспертных оценок, построения графов и морфологических матриц), и методы организации групповой работы (номинальных групп и прочих вариантов мозгового штурма). В работе показано, что в процессе стратегического анализа целесообразно выделить три контура определения факторов экономической безопасности, реализация которых позволяет в итоге выйти на наиболее значимые решения в части экономической безопасности региона.

Ключевые слова: алгоритм, анализ, консультанты, методы, регион, стейкхолдеры, стратегия, факторы, экономическая безопасность

Для цитирования: Талов Р. К., Лапыгин Ю. Н. Контурь факторов экономической безопасности региона // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 122–128. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-122-128>. EDN SVTLQN

Problems of Economics

Original article

Outlines of factors of economic security of the region

Ruslan K. Talov¹, Yury N. Lapygin²

^{1,2}Vladimir Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia

¹rustt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0622-8420>

²Lapygin.Y@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0173-0852>

Abstract. Dynamic changes in the external and internal environment of modern Russian regions increasingly require the reflection of the correct fragments of economic security in the structure of the development strategy of these regions and, ultimately, the formation of such an independent subsystem as the strategy of economic security becomes relevant. The development of a regional development strategy is traditionally based on the results of a comprehensive analysis, in which the identification of factors influencing development is associated with the use of a significant number of research methods, among which one can also find methods of correlation and regression analysis of secondary information (based on the analysis of a wide range of documents), and sociological methods of collecting and processing primary information (observations, surveys),

and methods of structuring and ranking (expert assessments, building graphs and morphological matrices), and methods of organizing group work (nominal groups and other brainstorming options). The paper shows that in the process of strategic analysis it is advisable to single out three contours for determining the factors of economic security, the implementation of which ultimately allows reaching the most significant decisions regarding the economic security of the region.

Keywords: algorithm, analysis, consultants, methods, region, stakeholders, strategy, factors, economic security

For citation: Talov R. K., Lapygin Yu. N. Outlines of factors of economic security of the region. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):122–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-122-128>. EDN SVTLQN

Введение

Озабоченность стейкхолдеров отражением экономической безопасности в стратегии развития региона требует прояснения соответствующих процедур выполнения анализа проблем, которые характеризуют состояние региона в период разработки стратегии. Начальным этапом разработки стратегии развития региона в соответствии с законом о стратегическом планировании выступает комплексный анализ¹, с учетом результатов которого определяются основные элементы стратегии.

Разработки практических и теоретических вопросов стратегического развития регионов в части обеспечения экономической безопасности свидетельствуют о том, что при определении движущих сил процесса построения стратегии необходима систематизация внешних и внутренних факторов [1], которые так или иначе отражают интересы стейкхолдеров [2] и позволяют увидеть перспективы развития [3], а также оценить риски.

Результативности разработчиков способствует метод парных сравнений, который в том числе позволяет «взвесить» потенциальные альтернативы [4]. В тоже время традиционные матричные методы анализа, пригодные в разработке бизнес-стратегий, в стратегическом анализе ситуации в регионе практически не пригодны, да и построение морфологических матриц решений отличается по своей сути от известных морфологических матриц Фрица Цвикки [5].

Упор в разработке стратегии развития региона делается не столько на традиционный корреляционный и регрессионный анализ вторичной информации, сколько на методы, позволяющие получить качественные оценки первичной информации, носителями которой выступают все те же стейкхолдеры. Однако последние нуждаются в методической поддержке в процессе анализа ситуации и выработке решений или каких-либо интегральных оценок [6–7]. При этом к числу заинтересованных сторон (стейкхолдеров) исследователи относят не только представителей органов власти (законодательной и исполнительной), но и представителей средств массовой информации, инвесторов [8], а также образовательные и общественные организации [9] региона.

Но, поскольку решаемые задачи относятся к числу слабоструктурированных, выявление и анализ факторов внешней и внутренней среды продуктивно выполняется методом экспертных оценок с участием не только стейкхолдеров, но и консультантов по управлению и организационному развитию. Групповая и межгрупповая работа, организованная консультантами, обеспечивает эффективность указанных процессов анализа и выработки решений [10].

Однако в структуре сил традиционного SWOT-анализа, если и учитываются отдельные факторы экономической безопасности региона, то на практике они затем «теряются» на этапе построения стратегически значимых решений, составляющих содержание стратегии развития региона, а стратегия экономической безопасности, как подсистема стратегии в целом, не формируется.

Отчасти такое положение обусловлено многофакторностью самой категории – экономическая безопасность. И здесь возникает вопрос о том, как поступить: учесть все или только главные факторы? С точки зрения системного подхода важно определить все факторы [11], влияющие на экономическую безопасность региона, а среди них выделить наиболее значимые. Поэтому необходимо учесть и специфику Стратегии экономической безопасности страны², и особенности стратегического планирования

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации / Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. N 26 (часть I) ст. 3378.

² Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 12.12.2022).

на уровне региона¹. Необходимость дополнительного исследования вопросов выявления и последующего вовлечения в процесс разработки стратегии факторов, отражающих отдельные стороны экономической безопасности региона, обусловлена и тем, что динамичные изменения внешнего окружения современных российских регионов требуют надлежащего представления в структуре стратегии проектов и программ, поддерживающих реализацию Стратегии экономической безопасности страны.

В силу отмеченного, среди задач настоящего исследования на первый план выходит определение комплекса факторов, которые существенным образом влияют на содержание стратегии экономической безопасности региона.

Методы и материалы

Среди методов выявления факторов экономической безопасности традиционно называют SWOT-анализ, хотя сам анализ подобного рода содержит совокупность методов как в части выявления факторов внешней и внутренней среды, так и методы их структурирования и ранжирования. Здесь уместно назвать методы анализа документов и наблюдений, интервью и проведения анкетных опросов [12, с. 257], а также большое количество методов группового анализа ситуации на базе методов мозгового штурма (как классического штурма, так и большого числа его модификаций) [13].

Наряду с отмеченными методами необходимо вовлечь в процесс анализа ситуации и способы, позволяющие получить дополнительную информацию от организации процедур сочетания таких блоков факторов, как установки, содержащиеся в Стратегии экономической безопасности страны (направления, цели и задачи, показатели), и сами факторы внешней и внутренней среды региона. Важно определить факторы безопасности, исходя из сочетания целей действующей стратегии региона и тех приоритетных направлений, которые заложены в рекомендациях Минэкономразвития РФ². Перебор подобных сочетаний хорошо выполняется методом построения морфологических матриц, с последующим упорядочением полученных результатов методом парных сравнений и построением иерархии решений (дерева решений).

Однако и применение указанных методов требует специальной организации работ и последовательности выполнения специальных процедур, которые без методов управленческого консультирования со стороны внешних консультантов трудно реализуемы.

Результаты

Несмотря на то, что в стратегиях развития регионов так или иначе отражены вопросы экономической безопасности, прямого указания на то, что такие вопросы должны присутствовать в структуре стратегии отсутствуют как в упомянутых рекомендациях Минэкономразвития РФ и законе о стратегическом планировании³, так и в Стратегии экономической безопасности страны.

Но в силу своей важности, оцениваемой экспертами, вопросы экономической безопасности в процессе стратегического анализа ситуации в регионе попадают в поле зрения стейкхолдеров и находят свое фрагментарное отражение в стратегии. Поэтому на практике методически важно в известных процедурах анализа расставить акценты в отношении экономической безопасности.

Таким акцентом могут быть показатели состояния экономической безопасности в регионе, задачи в рамках отдельных направлений по обеспечению экономической безопасности, ориентация на все те же цели и задачи экономической безопасности, предусмотренные Стратегией экономической безопасности страны⁴. И, поскольку в основе комплексного стратегического анализа лежит оценка вторичной информации и определение тенденций в результате работы со статистической информацией [14], постольку

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации / Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. N 26 (часть I) ст. 3378.

² Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации. Приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132. – URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minekonomrazvitiya-Rossii-ot-23.03.2017-N-132/> (дата обращения: 19.11.2022).

³ О стратегическом планировании в Российской Федерации / Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. N 26 (часть I) ст. 3378.

⁴ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 12.12.2022).

по результатам оценки и структурирования такой информации в дальнейшем может осуществляться сбор и обработка уже первичной информации, получаемой от экспертов в виде опросов или в процессе организации групповой работы стейкхолдеров.

Полученные таким образом результаты опроса обрабатываются методами экспертных оценок (методом парных сравнений, построения графов, методом номинальных групп и другими методами из разряда мозгового штурма) [13], что позволяет получить описание ситуации в части сильных и слабых сторон региона, а также возможностей и угроз [15] (характеризующих внешнюю среду в части экономической безопасности) и определить ядро характеристик, находящихся в области Парето.

С другой стороны, поскольку речь пойдет о стратегическом развитии, следует принять во внимание направленность действующей стратегии региона, а также рекомендации Минэкономразвития РФ в отношении направлений стратегического развития. Кроме того, в анализе не обойтись без экспертных оценок стейкхолдеров и в процессе анализа характеристик сложившейся с экономической безопасностью в регионе, и в процессе определения наиболее значимых характеристик внешней и внутренней среды, которые необходимо учесть в процессе разработки стратегии экономической безопасности региона.

Обозначенный процесс графически отражен в виде алгоритма на рис. 1, из которого следует, что выделяются три контура: контур факторов экономической безопасности, факторов стратегического развития и контур экспертных оценок.

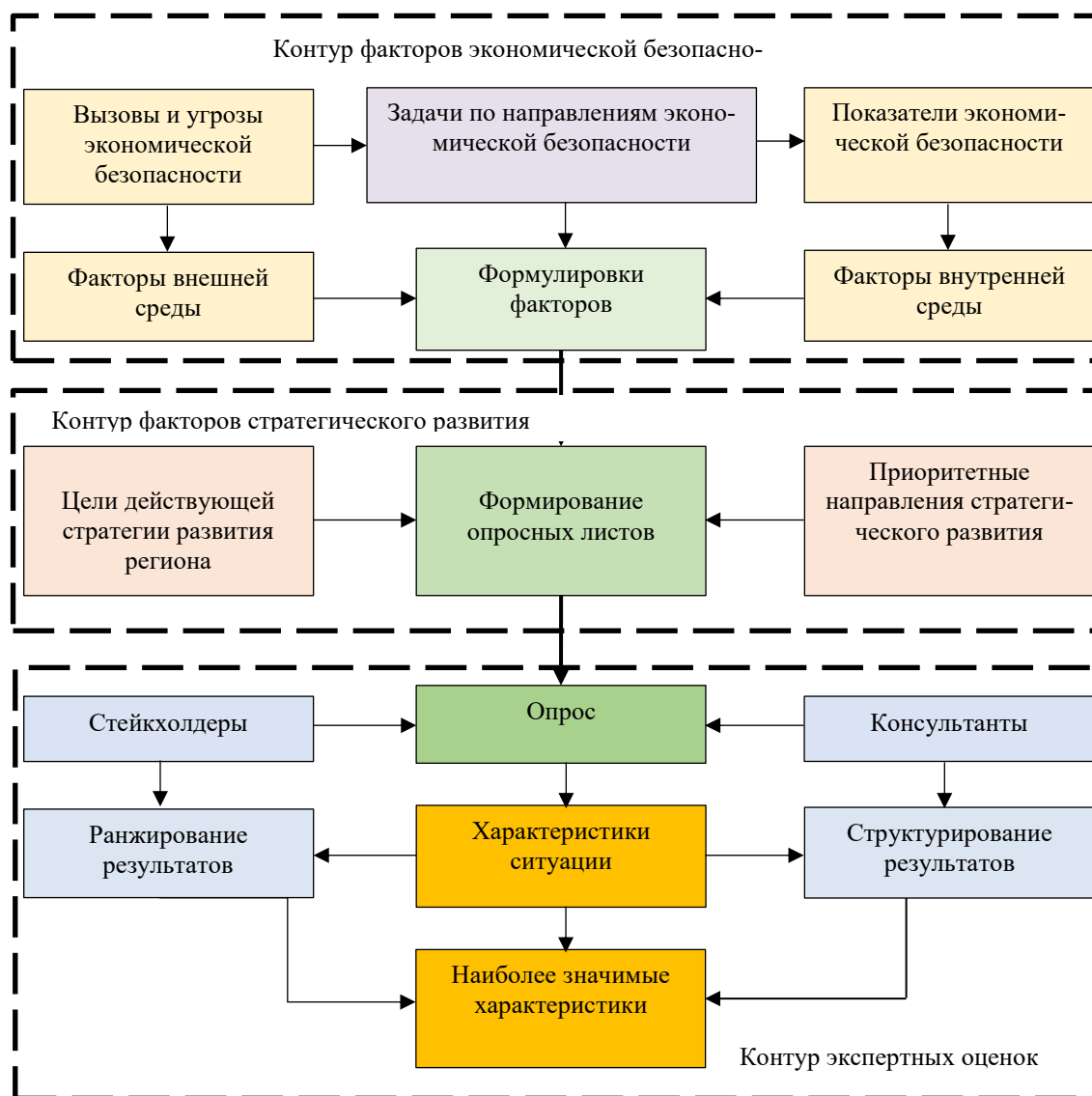

Рис. 1. Три контура определения факторов экономической безопасности

Fig. 1. Three contours of determining economic security factors

Обсуждение

Комментируя рисунок, следует отметить, что вызовы и угрозы проявляются в факторах внешней среды, а по показателям экономической безопасности (в рамках полномочий регионов¹) можно судить о потенциале региона и накопившихся проблемах в рассматриваемой сфере деятельности. Также, как и задачи экономической безопасности в рамках соответствующих направлений, отмеченные выше факторы определяют перечень формулировок, которые могут составить основу опросных листов по вопросам экономической безопасности в регионе.

Макеты опросных листов формируют консультанты по управлению и организационному развитию, при этом, наряду с контуром факторов экономической безопасности необходимо учитывать факторы стратегического развития, составляющие второй блок факторов. Так, при формировании опросных листов необходимо учесть рекомендуемые стратегические направления развития региона и причины успеха (неуспеха) в реализации действующей стратегии развития конкретного региона, так или иначе связанные с реализацией целей действующей стратегии развития региона.

Стейкхолдеры, в числе которых не только представители органов исполнительной и законодательной власти региона, но эксперты федеральных структур, коммерческих и некоммерческих организаций, а также жители региона в лице глав муниципальных образований, организованные консультантами по управлению и организационному развитию [16, с. 17], способны не только оценить характеристики ситуации в регионе и за его пределами, но и, как эксперты, способны выделить наиболее значимые среди них для последующего отражения в стратегии экономической безопасности региона.

В этом контуре консультанты обеспечивают организацию процесса структурирования и ранжирования полученных результатов, что позволяет выйти на наиболее значимые характеристики внешней и внутренней среды, дающее представление о факторах экономической безопасности конкретного региона.

Заключение

Предложенный алгоритм позволяет выполнить опрос стейкхолдеров по совокупности факторов экономической безопасности, отражающих как оценки результатов SWOT-анализа, так и направления стратегического развития региона, учитывающие специфику экономической безопасности. Репрезентативность стейкхолдеров при профессиональной поддержке консультантов обеспечивает достоверность получаемых результатов анализа, отражающих наиболее значимые характеристики экономической безопасности в регионе.

В качестве возможного варианта алгоритма можно предложить процедуру, в которой опрос проводится дважды. Первый раз опросные листы формируются на основе предварительных результатов SWOT-анализа, полученных путем ретроспективного анализа статистики, журнальных статей, стратегий конкретного региона и его соседей. А макет второго опросного листа базируется на результатах первого опроса с учетом корректировок, основанных на рекомендуемых Правительством РФ направлениях стратегического развития. Двухэтапный опрос может повысить точность определения факторов экономической безопасности региона.

Список источников

1. Домахина Ю. А. Систематизация факторов стратегического развития логистических комплексов горно-химических предприятий // Экономика промышленности. 2022. № 15(4). С. 466–472. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-4-466-472>.
2. Кириллова Е. А., Даниленко Н. А. Критический анализ факторов, определяющих устойчивое развитие территорий в стратегической перспективе // Вестник университета. 2021. № 11. С. 110-123. DOI 10.26425/1816-4277-2021-11-110-123.
3. Крыжановская О. А. Стратегические приоритеты развития регионов: компаративный анализ стратегий цифровой трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12. №5. С. 120–131. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-120-131>.

¹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47393> (дата обращения: 10.11.2022).

4. Паркаев П. С., Сафронова М. С., Никифоров М. С., Заречнев А. А., Ильинова Ю. М. Метод парных сравнений в SWOT анализе как инструмент выбора стратегических альтернатив // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 9А. С. 80-87. DOI: 10.34670/AR.2020.93.80.009.
5. Буренина А.М., Чумаченко А.П. Методы коллективного поиска вариантов стратегических решений: морфологический анализ (Ф. Цвикки). Возможности его использования в процессе планирования на муниципальном уровне управления // РосРег. 2022. №4. С. 15-21. EDN: UOLCWJ.
6. Кузнецов С. В., Свириденко М. В., Шамахов В. А. Стратегические приоритеты муниципального развития на основе выявления интересов стейкхолдеров: методологические подходы и практическая реализация // Управленческое консультирование. 2020. №11. С. 10-22. DOI 10.22394/1726-1139-2020-11-10-22.
7. Курганов М. А., Третьякова Е. А. (2020). Оценка устойчивого регионального развития с позиции реализации ценностей ключевых стейкхолдеров // Journal of New Economy. Т. 21. № 4. С. 104-130. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-4-6.
8. Куркова М. А. Определение ключевых стейкхолдеров стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2021. Т. 13. № 2. С. 236-259. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2236-259.
9. Попов Е. В. Дифференция воздействия стейкхолдеров на институты экосистемы // Journal of Institutional Studies. 2021. № 13 (4). С. 59–70. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.059-070.
10. Лебедев И. М. Межгрупповая работа консультанта по управлению в организациях: междисциплинарный подход // Мир науки, культуры, образования. 2017. №5 (66). С. 282–284. EDN: ZQTNEH.
11. Комплексный анализ в стратегическом развитии региона: монография / Под ред. Ю.Н. Лапыгин Ю. Н. Владимир: ВФ РАНХиГС, 2020. 254 с.
12. Пригожин А. И. Дезорганизация. Причины, виды, преодоление. М.: Альпина Паблшер, 2007. 408 с.
13. Панфилова А.П. Мозговые штурмы в коллективном принятии решений: Учебное пособие. СПб.: ИВЭСЭП, «Знание», 2005. 317 с.
14. Крылов В. Е., Лапыгин Ю. Н. Прогнозируемые результаты стратегического развития региона (монография). Владимир: ВФ РАНХиГС, 2019. 240 с.
15. Дженстер П., Хасси Д. Анализ сильных и слабых сторон компании: определение стратегических возможностей: Пер с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2003. 368 с.
16. Лапыгин Ю.Н. Управленческий консалтинг (учебное пособие). Владимир: Изд-во Владимирского филиал РАНХиГС, 2016. 316 с.

References

1. Domakhina Yu. A. Systematization of factors of strategic development of logistics complexes of mining and chemical enterprises. *Industrial economics*. 2022;15(4):466–472. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-4-466-472>. (In Russ.)
2. Kirillova E. A., Danilenko N. A. Critical analysis of factors determining the sustainable development of territories in a strategic perspective. *Bulletin of the University*. 2021;(11):110–123. DOI 10.26425/1816-4277-2021-11-110-123. (In Russ.)
3. Kryzhanovskaya O. A. Strategic priorities of regional development: comparative analysis of digital transformation strategies. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management*. 2022;12(5):120–131. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-120-131>. (In Russ.)
4. Parkaev P. S., Safronova M. S., Nikiforov M. S., Zarechnev A. A., Ilinova Yu. M. The method of paired comparisons in SWOT analysis as a tool for choosing strategic alternatives. *Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2020;10(9A):80–87. DOI: 10.34670/AR.2020.93.80.009. (In Russ.)
5. Burenina A. M., Chumachenko A. P. Methods of collective search for strategic solutions: morphological analysis (F. Zwicky). Possibilities of its use in the planning process at the municipal management level. *RosReg*. 2022;(4):15–21. EDN: UOLCWJ. (In Russ.)
6. Kuznetsov S. V., Sviridenko M. V., Shamakhov V. A. Strategic priorities of municipal development based on identification of stakeholders' interests: methodological approaches and practical implementation. *Managerial consulting*. 2020;(11):10–22. DOI 10.22394/1726-1139-2020-11-10-22. (In Russ.)
7. Kurganov M. A., Tretyakova E. A. Assessment of sustainable regional development from the perspective of the realization of the values of key stakeholders. *Journal of New Economy*. 2020;21(4):104–130. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-4-6. (In Russ.)

8. Kurkova M. A. Definition of key stakeholders strategies of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation. *Ars Administrandi (Art of Management)*. 2021;(13). No. 2. pp. 236-259. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-2236-259. (In Russ.)
9. Popov E. V. Differentiation of stakeholders' impact on ecosystem institutions. *Journal of Institutional Studies*. 2021;13(4):59–70. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.059-070. (In Russ.)
10. Lebedev I. M. Intergroup work of a management consultant in organizations: an interdisciplinary approach. *The world of science, culture, education*. 2017;5(66):282–284. EDN: ZQTNEH. (In Russ.)
11. *Complex analysis in the strategic development of the region*: monograph. Edited by Yu.N. Lapa-gin Yu. N. Vladimir: VF RANEPА; 2020. 254 p. (In Russ.)
12. Prigozhin A. I. *Disorganization. Causes, types, overcoming*. Moscow: Alpina Publisher; 2007. 408 p. (In Russ.)
13. Panfilova A.P. *Brainstorming in collective decision-making: A textbook*. St. Petersburg: IVESEP, "Knowledge"; 2005. 317 p. (In Russ.)
14. Krylov V. E., Lapygin Yu. N. *Projected results of strategic development of the region* (monograph). Vladimir: VF RANEPА; 2019. 240 p. (In Russ.)
15. Jenster P., Hassi D. *Analysis of the strengths and weaknesses of the company: identification of strategic opportunities*: Translated from English. Moscow: Publishing house "Williams"; 2003. 368 p. (In Russ.)
16. Lapygin Yu. N. *Management consulting* (textbook). Vladimir: Publishing House of the Vladimir branch of RANEPА; 2016. 316 p.

Информация об авторах

Р. К. Талов – аспирант кафедры менеджмента Владимирского филиала РАНХиГС.

Ю. Н. Лапыгин – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Владимирского филиала РАНХиГС.

Information about the authors

R. K. Talov – Postgraduate at the Department of Management of Vladimir Branch of RANEPА.

Yu.N. Lapygin – Dr. Sci. (Econ.), Professor at the Department of Management of Vladimir Branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.07.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 17.07.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-129-138>

EDN SZDHUF

К вопросу о развитии промышленности в России и об особенностях личности предпринимателя

Татьяна Георгиевна Философова¹, Дмитрий Николаевич Сыртцов²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, tphil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0116-9759>

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, dmitry_syrtsov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1342-668X>

Аннотация. Проблема о соотношении профессиональных компетенций личности, духовно-нравственных качеств и креативности не теряет своих актуальности и дискуссионности. На основе междисциплинарного подхода к вопросам предпринимательства исследуются процессы развития административно-хозяйственной территории, изменения структурно-функциональных характеристик национального хозяйства, культуры, а также биографии и дела конкретной личности, берущей на себя производственные и коммерческие риски, обладающей инициативностью, определенными компетенциями. Рассматриваются причины и предпосылки развития предпринимательства, показано, что предпринимательская деятельность в России во второй половине XIX в. протекала на фоне развития науки и промышленности, с одной стороны, и на фоне социального переустройства общества – с другой. Оценена значимость основания предприятия химической промышленности «Завода Философова и °К», а также дальнейшая предпринимательская и общественная деятельность основателя завода. На основе результатов междисциплинарного исследования предпринимательской деятельности в России в XIX в., особенностей личности предпринимателя, его биографии, содержания публицистической деятельности, сделан вывод о высокой мультипотенциальности, послужившей основой для успешной организации и управления предпринимательской деятельностью в последней четверти XIX в.

Ключевые слова: духовно-нравственные качества, инновационность, креативность, личность, мультипотенциальность, предпринимательская деятельность, промышленность

Для цитирования: Философова Т. Г., Сыртцов Д. Н. К вопросу о развитии промышленности в России и об особенностях личности предпринимателя // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 129–138. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-129-138>. EDN SZDHUF

Problems of Economics

Original article

To the question of the development of industry in Russia and the peculiarities of the entrepreneur's personality

Tatyana G. Filosofova¹, Dmitry N. Syrtsov²

¹National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia,
tphil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0116-9759>

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
dmitry_syrtsov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1342-668X>

Abstract: It is showed the relevance and debatability of the issue of the formation of a set of professional competencies of the individual, spiritual and moral qualities, and creativity. An interdisciplinary approach to the history of entrepreneurship is used. The authors explore the totality of the processes of development of the administrative and economic territory, the structural and functional characteristics of the national economy, culture, as well as the biography and deeds of a particular person who takes on industrial and commercial risks, has competencies. The reasons and prerequisites for the development of entrepreneurship in the chemical industry are considered. It is shown that entrepreneurial activity in Russia in the second half of

the XIX century proceeded on the one hand against the background of the development of science and industry, and on the other – against the background of the social reorganization of society. The significance of the founding of the chemical Plant by Filosofov and ^{OK}, as well as the entrepreneurial and social activities of the founder of the plant, are assessed. The results of an interdisciplinary study of various aspects of the development of entrepreneurial activity in Russia in the 19th century, as well as the characteristics of the personality of an entrepreneur, his education, and publicistic activity, form the basis for the conclusion about high multipotentiality, which served as the basis for the successful organization and management of entrepreneurial activity in the last quarter of the 19th century.

Keywords: entrepreneurial activity, industry, personality, spiritual and moral qualities, innovations, creativity, multipotentiality

For citation: Filosofova T. G., Syrtsov D.N. To the question of the development of industry in Russia and the peculiarities of the entrepreneur's personality. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):129–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-129-138>. EDN SZDHUF

Введение. Без знаний о прошлом, невозможно осмыслить настоящее и предвидеть будущее. И хотя, новое время всегда выдвигает новые сложные проблемы, вопрос о формировании не только профессиональных компетенций личности, но духовно-нравственных качествах и креативности не сходит с повестки дня. Во времена Древней Греции, эпохи Возрождения уделялось большое внимание всестороннему развитию личности. В те далекие времена как огромная ценность, рассматривалась разносторонность человека. Но были периоды, когда представление о ком-то, кто пробовал себя в нескольких областях, потеряло свою привлекательность, ценились специалисты узкой направленности, а собственно специализация рассматривалась как источник эффективности [1]. Шумпетер, отмечавший в своих работах важность способностей человека [2], рассматривая личность Ойген фон Бём-Баверка, известного государственного деятеля и ученого-экономиста второй половины XIX в. – нач. XX в., пишет, что общество не было благосклонно к нему, к человеку, обладавшему широкими взглядами, «интеллектуального уровня Риккардо и особенно к человеку, имеющему природную предрасположенность к занятиям точной теорией» [3, с. 211].

Представляется, что сложность этой проблемы требует междисциплинарного подхода, применение которого отражает уровень осознания представителями дисциплин, изучающих природу, общество и человека, системного характера их объектов, всеобщей связи, существующей между явлениями материального мира [4]. Ведь развитие предпринимательства связано не только с освоением земель государства, занятостью населения, укреплением административно-хозяйственной территории, совершенствованием структурно-функциональных характеристик хозяйства и пр., но и с развитием культуры, а также осмыслением всей системы сложных процессов и их элементов [5]. История предпринимательства ставит вопрос и о роли личности, о том, как и какие действия конкретных людей повлияли на изучаемые события. Известны разные точки зрения на роль личности в истории, на закономерности и случайности. Но мы оставим в стороне многочисленные дискуссии на эту тему и постараемся понять, какими качествами обладали внесшие свою лепту в развитие предпринимательства в стране и как эти качества можно сформировать.

Как известно, большая часть русских предпринимателей были купцами, вышла из крестьян, посадских людей, для которых характерна родовая преемственность, сословная сплоченность [6, с. 95]. Именно эти сословия рассматриваются в многочисленных публикациях о предпринимательстве [7-13].

В нашем исследовании мы обратимся к более редкому явлению в истории предпринимательства. Следуя подходу изучения предпринимательства не как обезличенной хозяйственной деятельности, мы исследовали предпринимательство, как совокупность дел, инициированных определенной личностью, представителем древнего потомственного дворянства.

Экономическая ситуации в России в XIX в. и предпосылки строительства нового химического завода. Годы царствования Александра II, Императора Всероссийского, Царя Польского, Великого князя Финляндского, Александр II Александра II (1855 по 1881 гг.) ознаменовались «великими реформами». Ликвидация военных поселений, освобождение крестьян, реформа высшего и среднего образования, земская и судебная реформа, реформы городского самоуправления – не полный перечень событий того времени. Не дискулируя о плюсах и минусах этих преобразований, отметим, что реформы были направлены на решение социально-экономических проблем, создание условий для развития экономики и не оставляли равнодушным общество, имея и сторонников, и противников.

Экономисты доказывают, что в 1830–1860 гг. в России начался промышленный переворот [14, с. 402–405]. Пришло время бурного развития производительных сил, науки и промышленности.

Промышленные революции, стремление к нововведениям периодически меняют существующую систему производства. Результаты многочисленных исследований, и прежде всего российского ученого Николая Дмитриевича Кондратьева, показывают, что химическое производство стало одной из отраслей – драйверов экономики того времени. Если в 1805 г. впервые в России под Москвой в Звенигородском уезде было организовано производство серной кислоты по технологии камерного производства, то через 25 лет в Москве и Московской области работали уже несколько химических предприятий. Фактически начали формироваться три крупных химических центра – московский, петербургский и казанский.

В течение следующих 30 лет, к 1861 г. в России появляются несколько новых химических заводов. Среди них наиболее значимый Кокшанский химический завод, основанный Капитоном Яковлевичем Ушковым в 1850 г. недалеко от поселка Новый Кокшан Елабужского уезда Вятской губернии (ныне – Менделеевский район, Республика Татарстан). Этот завод в последствии стал одним из крупнейших в стране. Специализировался на выпуске хромпика, кислотоупорной керамики, медного и железного купороса¹.

Отмена крепостного права в 1861 г. сформировала новый рынок труда. В экономике страны увеличивается доля тяжелой промышленности, появляются новые отрасли, кустарное производство сменяется более производительным – мануфактурным. Вместе с этим расширяется география размещения предприятий, усиливается их концентрация. Значимым событием в истории России 60-70-х годов XIX в. стало образование Иваново-Вознесенска², который превратился в быстрорастущий центр текстильной промышленности России.

Не только промышленные предприятия, но и сельское хозяйство испытывали потребность в продукции химических производств. Текстильная промышленность, кожевенное производство, а также металлургия остро нуждались в серной кислоте и соде. Однако, единственный в это время промышленный способ производства серной кислоты (так называемый «камерный») в силу своей малой производительности не мог обеспечить потребности. Увеличивающийся спрос удовлетворялся за счет импорта.

Ставшее величайшим открытием мировой науки – открытие в 1869 г. Дмитрием Ивановичем Менделеевым (1834–1907) периодического закона химических элементов и разработка Александром Михайловичем Бутлеровым (1828–1886) теории химического строения веществ в 1861–1870 гг. создали предпосылки для развития химической промышленности. Менделеев Д.И. много писал о развитии химического производства, в частности, в конце 60-х гг. он отмечал «пригодность» для развития химического производства Поволжья [15]. В 1868 г. начинает выпускать первую продукцию (серную кислоту) Бондюжский завод (ныне АО «Химический завод им. Л.Я.Карпова», Республика Татарстан, г. Менделеевск), основанный сыном Капитона Яковлевича Ушкова, купцом первой гильдии Петром Капитоновичем Ушковым недалеко от завода отца. Через два года производительность завода составляла уже 238 пудов химической продукции (серной кислоты, серноокислый глинозем, медный и железный купоросы)³.

В 1871 г. в восьмистах километров вверх по Волге от предприятия Ушкова, был построен и успешно проработал три десятилетия завод, новой для этих краев химической отрасли, значащийся в документах как «Завод Философова и °К». Основателями завода стали Василий Философов и его сестра Анна. В настоящее время завод после неоднократных модернизаций и реорганизации именуется «Заволжский химический завод им. М.В. Фрунзе»⁴.

¹ Завод был закрыт в 1925 г. в связи с переводом производства в г. Первоуральск.

² Путем объединения Вознесенского посада и села Иваново.

³ История: уникальный и неповторимый путь / Официальный сайт АО «Химический завод им Л.Я. Карпова». <http://www.karpovchem.ru/o-kompanii/istoriya/?ysclid=17byl5th5o866024775>

⁴ Официальный сайт ОАО «Заволжский химический завод им. М.В. Фрунзе» – <https://www.zhz.ru>.

Основные вехи жизни основателя завода. Новый завод был построен недалеко от Кинешмы, на левом берегу Волги на землях, пожалованных¹ роду Философовых [16] со времен царя Михаила Федоровича Романова². О красоте усадьбы можно судить по сохранившемуся описанию [17], которое оставил гостивший здесь, феноменальный музыкант, Антон Степанович Аренский. Антон Степанович, по словам Петра Чайковского, был «удивительно умен в музыке» [18]. Здесь он написал одну из своих опер «Сон на Волге», по пьесе Алексея Николаевича Островского, чья усадьба Щельково располагалась неподалеку.

Не будем подробно останавливаться на родственных связях хозяев (подробнее см.: [16, с. 28]). Скажем только, что будущие основатели химического завода родились в семье Аркадия Философова, служившего в Нейшлотском пехотном полку, по выходу в отставку в звании подпоручика, состоявшего заседателем Кинешемского земского суда³.

Основатель завода, Василий Философов, носящий имя деда, имел звание поручик. С юности был определен в Первый Московский императрицы Екатерины II кадетский корпус. Необходимую для поступления рекомендацию составил уважаемый при Императорском дворе дядюшка, известный как воспитатель великих князей, младших сыновей императора Николая I, генерал Алексей Илларионович Философов [16], жена которого приходилась близкой родственницей М.Ю. Лермонтову⁴.

Позднее Василий Аркадьевич обучался в Петровской сельскохозяйственной Академии⁵, состоял действительным членом Общества сельского хозяйства, почетным мировым судьей и гласным уездного земского собрания на протяжении почти 30 лет. Занимался благотворительностью, поддерживал культуру, образование, будучи страстным библиофилом, имел большую библиотеку, содержащую старинные книги⁶. Ко времени основания завода Василий Аркадьевич уже проявил себя и как активный общественный деятель.

Организация и хозяйственная деятельность химического завода Философова. Строительство нового химического завода не только отвечало потребностям экономики России XIX в. и было направлено на импортозамещение. Желание построить новый завод соответствовало личности предпринимателя, его стремлению к изменениям и преобразованиям.

Василий Философов, высокообразованный человек, прогрессивных для своего времени взглядов и разносторонних интересов, активный, энергичный, много путешествующий, стремящийся свои познания применить на благо своего народа и государства. Чувствовавший пульс времени и находясь на гребне общественной жизни, молодой дворянин-предприниматель имел желание поспособствовать развитию страны [19]. Ему было свойственно то, о чем позже напишет в своих трудах Иозеф Шумпетер – «экономическое новаторство». Экономическое новаторство требует креативности, предполагает отход от привычного хода событий, что напрямую связано с личностью предпринимателя [20]. И хотя, после реформ 1861 г. представители дворянского сословия основывали небольшие предприятия, дворянин, построивший крупный завод – не частое явление в России.

В поданном Василием Аркадьевичем на имя Императора прошении об устройстве завода, указывалось о планах производить серную кислоту, свинцовый сахар, древесный уксуса и прочие виды химической продукции⁷.

Реализация проекта строительства химического завода даже при наличии исполнителей, требует определенной подготовки для генерации общей идеи предприятия, выбора проекта, решения организационно-управленческих и технико-технологических задач, контроля за выполнением работ и,

¹ Вотчины были пожалованы после освобождения русской земли от чужеземных захватчиков и польско-литовской интервенции особо отличившимся в период «осадного сиденья в королевичев приход» верным государю приближенным.

² РГИА Ф. 213 оп. 1 Д. 2941.

³ Адрес-календарь, 1838–1842.

⁴ Сохранились документы, свидетельствующие о том, что генерал А.И.Философов сыграл большую роль не только в судьбе Василия, но и других своих родственников, в частности в судьбе племянника М.Ю. Лермонтова, а также первым издал поэму Лермонтова «Демон» и др.

⁵ Ныне Российский государственный аграрный университет им. К. А. Тимирязева.

⁶ Например, см. ОР Ф.342 к.41 ед.50.

⁷ Информация получена в 2011 г. от Минаевой О.А., сотрудника Заволжского художественно-краеведческого музея.

наконец, финансового обеспечения. Василий Философов, побывавший в европейских странах, свои знания вместе с инициативностью и организаторскими способностями применил на практике. В относительно короткие сроки строительство было закончено и химический завод запущен. Благодаря предварительному анализу рынка, понимая особенностей технологий и применения новейших теоретических знаний на практике, завод стал одним из передовых для своего времени предприятий.

Деятельности нынешнего Заволжского химического завода им М.В. Фрунзе¹ посвящено два юбилейных издания, содержащих несколько страничек дореволюционной истории. Ниже мы приводим данные об объемах производства продукции завода Философова через три года работы, которые приводит первое издание «Заволжский химический 1871–1971 г.» со ссылкой на описи, хранящиеся в канцелярии костромского генерал-губернатора (табл. 1). На предприятии выпускались серная, соляная и азотная кислоты, зелёный купорос, в меньших объемах нашатырный спирт, свинцовая и оловянная соль и железный сурик.

Таблица 1. Номенклатура и объем производства продукции «Завода Философова и ОК», 1874 г.

Table 1. Nomenclature and volume of production of the "Plant of Philosophov and OK", 1874

Продукция	Объем производства, т	Объем производства, руб.
Купоросное масло (серная кислота)	246,00	16 500
Зеленый купорос (серноокислая закись железа)	132,00	4 000
Соляная кислота	32,80	2 400
Крепкая водка (азотная кислота)	16,40	1 650
Нашатырный спирт	1,64	300
Свинцовая соль	0,82	350
Оловянная соль	0,82	750
Железный сурик	8,20	1000
Итого	438,68	26 950

Источник: [21]

При реализации проекта строительства завода в части оборудования были предусмотрены передовые технологии, в т.ч. приобретенные у известных зарубежных производителей промышленного оборудования. Функционировал водопровод. Было проведено электричество. Использовались очистные сооружения, для уменьшения воздействия на окружающую среду и людей. С ссылкой на данные проф. Федотьева отмечается использование на заводе башен Гей-Люссака. Согласно справочникам по производству серной кислоты башни Гей-Люссака стали новшеством в XIX в., которое позволяло, с одной стороны, повысить эффективность производственного процесса, а с другой – служили основой для сокращения вредного воздействия на окружающую среду. Если использовать современные термины, то речь идет о попытке создания системы «циркуляторной экономики» (или «зеленой экономики»)².

На предприятии Василия Философова внедрялись новые методы хозяйствования, в т.ч. начинавшие распространяться сделанная форма оплаты труда, система премирования, посменная работа с выходящими, были ограничения по возрасту рабочих (на работу не принимались дети и подростки).

¹ Первое издание вышло в свет в 1973 г., и посвящено столетнему юбилею предприятия. Второе издание увидело свет через 50 лет, в начале 20-х годов уже нового XXI века. К сожалению, оба издания крайне ограничено отражают тридцатилетний период функционирования завода с 1871 по нач. XX в. Вероятно это связано с тем, что во времена выхода первого издания (см.: [21]) господствовала концепция «жесткой эксплуатации рабочих капиталистами». Было не принято говорить о заслугах предпринимателей, а тем более давать положительнее характеристики делам дворянина-предпринимателя. Во втором издании (см.: [22]), вышедшем к 150-летию Заволжского химического завода, в части, рассматривающей период работу завода в первый тридцатилетний период текст в основном сохранен. Поэтому мы в своей работе обращаемся к оригиналу, к изданию 1973 г.

² Если старые технологии предусматривали в старых камерных системах протяжку газов через аппаратуру естественной тягой, создаваемой трубой, установленной в конце системы, то башни Гей-Люссака служили для адсорбирования и улавливания окислов азота, отходящих из камер, с последующим возвращением окислов азота обратно в камеры.

Одновременно со строительством завода строилось жилье для рабочих. Начали функционировать начальная школа и амбулатория, содержащиеся за счет хозяев предприятия¹.

Амбулатории создавались для оказания первой медицинской помощи, а также для сокращения риска распространения эпидемий. В XIX в. даже по не полным и не точным официальным данным [23] в России много болели сыпным тифом, малярией, оспой и др., были распространены детские инфекционные болезни – корь, дифтерит. Достаточно часто отмечали эпидемии холеры, которые шли, как правило с юга, вверх по Волге, из Астрахани.

Считая важной работу школы, Василий Аркадьевич сам принимает участие участвовал в образовательном процессе: составляет программы, закупает учебники. Эта позиция находит отражение и в его публицистических работах, о которых поговорим ниже. Такой подход соответствовал настроениям и в обществе, и в семье. На предприятии создавались условия для производительной работы: рабочий должен понимать стоящие задачи, иметь возможность вне работы отдохнуть, восстановиться.

Замыслы Василия Аркадьевича были широки: в интересах развития края организовать предприятие на базе новейших технологий и с учетом народных нужд. В современных терминах предприниматель следовал принципам «инновационности», «импортозамещения» и «социальной ответственности» бизнеса.

Недалеко от производственных цехов, по традиции того времени, располагался усадебный дом Философовых с хозяйственными постройками, садом, огородом и оранжереей. Садоводство было страстью Василия Аркадьевича. Новатор и исследователь, он изучал и внедрял новые методы агрономии в своем саду. Здесь всегда были овощи, фрукты, мед. В оранжерее выращивали и заморские фрукты, и цветы: ананас, лавр, лимон, померанец. Оранжерея – предмет любви: во второй половине XIX в. она уже не давала материальной выгоды и не была столь модна, как в XVIII в.

В скобках скажем, что садоводство и огородничество – это одна из традиций жизни русской дворянской усадьбы. Вспомните, как писал об этом Лев Николаевич Толстой: «...я часто ходил в огород или сад есть все те овощи и фрукты, которые поспевали. И это занятие доставляло мне одно из главных удовольствий» [24, с. 186].

Достаточно скоро химический завод Философова превратится в мощное предприятие, выпускающее конкурентоспособную не только на региональном рынке продукцию, о чем можно судить по данным региональных отчетов².

Менделеев писал о заводе Ушкова Петра Капитоновича: «...я, знавший немало западноевропейских химических заводов, с гордостью увидел, что может созданное русским деятелем не только не уступать, но во многом превосходить иноземное...»³. Думается, что слова великого русского ученого можно отнести и к заводу Философова.

За плечами Василия Философова два ведущих учебных заведения, что давало ему понимание роли науки в производстве, важность связки «наука-производство» и быстрого практического использования научного знания, о чем он и пишет в своих публикациях.

Помогали реализовывались идеи об инновациях на заводе приглашенные ученые-инженеры. Подтверждение наших слов содержится в документах Санкт-Петербургского практического технологического института. Например, в Юбилейном издании по истории института [25]. Выпускник Санкт-Петербургского Технологического Института Абрамович Владимир Болеславович (1847–1897) по окончании курса был оставлен лаборантом при технологической лаборатории Технологического института, где работал Менделеев. Одновременно Владимир Абрамович в 1871 г. занимался строительством завода Философова, а потом и управлял им. Не боясь экспериментов, разрабатывал новые технологические схемы процессов, осваивал и внедрял новые технологии и виды продукции, проводил работы по совершенствованию качества продукции, осуществляя контрольные, испытательные, научно-исследовательские работы.

¹ Информация получена в 2011 г. от Минаевой О.А., сотрудника Заволжского художественно-краеведческого музея.

² Более детальную информацию о работе завода можно найти в сборниках статистических отчетов и других официальных документах прежде всего по Костромской губернии, например, в «Систематическом своде постановлений Кинешемского уездного земского собрания».

³ История: уникальный и неповторимый путь / Официальный сайт АО «Химический завод им Л.Я.Карпова». <http://www.karpovchem.ru/o-kompanii/istoriya/?ysclid=17byl5th5o866024775>

Продукция завода участвовала в ежегодных промышленных выставках.

На Нижегородской выставке 1896 г. в числе экспонатов значилась «каменная посуда» для химической промышленности. В то время она изготовлялась на пяти заводах, один из них был Волжский химический завод Философова [26]. И хотя, в 1862 г. при химическом заводе Шлиппе в Московской губернии начал работать цех по изготовлению керамики, но изготовлял ее исключительно для собственных нужд [27], а керамические изделия в основном ввозились из-за границы.

География поставок завода Философова Василия Аркадьевича была широка, но поставлялась и местным потребителям. Об этом свидетельствует, например «Отчет Нерехтской уездной земской управы» [28, с. 83]. За высокое качество выпускаемой продукции завод трижды награждался «Большой серебряной медалью».

Любая фирма переживает разные периоды в своем развитии: рождение, быстрый или медленный рост, стагнация, возрождение, упадок и др. Как известно, экономическая функция предпринимателя, новатора не является постоянной. Она работает пока совокупность факторов не станет рутинной. Время берет свое.

Более, чем за четверть века работы завода поменялись и социально-экономические условия в стране. Кризис и депрессия в начале 20 в. не давали развиваться элементам, которые стали проявляться в это время в общехозяйственной конъюнктуре и могли бы оживить экономику. Свою роль сыграла и русско-японская война. В связи с изменениями в части ввозных тарифов химическое производство стало не рентабельным. Примеров по России много.

Василий Аркадьевич, проводит много времени в Москве, увлеченный другими проектами. Сестра Анна Аркадьевна стала вдовой и также подолгу жила в столице¹. Решено завод выставить на продажу. Быстро найти покупателя было сложно: завод дорог, военные расходы негативно сказывались на платежеспособном спросе, на системе кредитования и др. После небольшого периода ожидания покупателя, завод закладывают. Но только в 1907 г. завод будет продан. Начнется новый период в истории химического завода, основанного более 30 лет назад Философовым Василием и его сестрой Анной.

Занимавший активную предпринимательскую позицию, деятельный и энергичный Василий Аркадьевич, смолоду активно участвовавший в общественной жизни, выступавший за всеобщее образование, за труд и оплату по труду, с предложениями о решении местных проблем. Ряд предложений реализуется². Центральные и региональные издания публикуют его статьи по широкому кругу проблем. Мы не ставим в рамках этой публикации подробно останавливаться на содержании опубликованных статей. Их анализ - самостоятельный интересный вопрос: среди публикаций статьи посвященные выборам, положению крестьян, женскому труду, организации железнодорожного транспорта, необходимости просвещения и направлениях развития системы образования.

Среди публикаций обращают на себя внимание содержащие предложения автора, основывающиеся на результатах авторских исследований и расчетов. В их основу положены как социально-экономические, так технические характеристики конкретных видов хозяйственной деятельности, качественный и количественный анализ. Много публикаций и о сельском хозяйстве, необходимости его развития, применения новых агро-технологий. Так, например, Владимир Аркадьевич подробно анализирует качество различных сортов посевочного материала, показатели урожайности, особенности посадки и выращивания культур, часто обращается к химическому составу минеральных добавок и удобрений, особенности почв и пр. Важное место в его публицистической деятельности занимали вопросы, связанные с производством льна. Изучив особенности губернии, Василий Философов пишет о необходимости скорейшего совершенствования работ по выращиванию и первичной обработке льна, приводит статистические данные, объясняет, почему продуктивность земель в ряде европейских стран для этой культуры выше, дает рекомендации по использованию новых машин и удобрений, особенностям подготовки земли и обработки посевов. Публикует интересный материал о различиях в химическом составе воды рек вблизи г. Нерехты и предлагает вариант более эффективного использования вод этих рек и повышения качества работ при замачивании льна и др.

¹ ЦГАМ, ф.203, оп.776, д.40.

² Сборник постановлений Кинешемского земского уездного собрания очередной сессии 1894 г. города Кинешма. 1895. С.43-44

Заключение. Таким образом, предпринимательская деятельность в России во второй половине XIX в. протекала на фоне развития науки и промышленности с одной стороны, и на фоне социального переустройства общества – с другой. Реформы, в т. ч. отмена крепостного права, послужили определенным катализатором для развития предпринимательства в стране. Результаты междисциплинарного изучения некоторых аспектов развития предпринимательской деятельности в России в XIX в., а также особенностей личности предпринимателя, обладающего инициативностью, предпринимательским духом и необходимыми компетенциями, берущего на себя производственные и коммерческие риски, а также анализ его публицистической деятельности позволяет говорить о высокой мультипотенциальности Василия Аркадьевича, послужившей основой для успешной организации и ведения предпринимательской деятельностью.

Список источников

1. Champman J. Specialization, Polymaths and the Pareto Principle in Convergence Economy - https://techcrunch.com/2015/10/17/specialization-polymaths-and-the-pareto-principle-in-a-convergence-economy/?_ga=2.45222948.1467157632.1690631664-83370502.1690631664
2. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
3. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 440 с.
4. Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. 304 с.
5. Филоsofova Т. Г., Сырцов Д. Н. О развитии Нерехского края / В сб. материалов конференции «Нерехтская земля: история, памятники, люди», г. Нерехта, июль 2022 г.
6. Предпринимательство и предприниматели России: от истоков до начала XX века. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.
7. История предпринимательства в России Кн.1 От Средневековья до середины XIX век / В.И. Бovyкин, М.Л. Гавлин, Л.М. Епифанова и др.; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. М.: РОССПЭН, 2000.
8. Галаган А.А. История российского предпринимательства: от купца до банкира. М.: Ось-89, 1997.
9. Семенова А.В. Менталитет купечества в период становления российского предпринимательства // Отечественная история. 1998. № 6. С. 21–23.
10. Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей: Вторая половина XIX - начало XX в. Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 155 с.
11. Кротова Г. А. Купцы и предприниматели Уральского региона: XVII - нач. XX вв. : (краткий библиографический словарь-справочник). Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. 47 с.
12. Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей, 1860-1914: словарь купцов-благотворителей / Г. Н. Ульянова. 2-е изд. М. : Форум: Неолит, 2013. 494 с.
13. Осмианов А.И. Петербургское купечество в последней четверти VIII – начале XX века : СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 363 с.
14. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960.
15. Менделеев Д. И. О современном развитии некоторых химических производств, в применении к России и по поводу Всемирной выставки 1867 г. Санкт-Петербург : тип. т-ва "Обществ. польза", 1867. 179 с.
16. Филоsofova Т.Г. Несколько слов о Филоsoфовых / В сб. Первые Филоsoфовские чтения. 5-7 августа 2004 г. – Псков: Изд-во областн. центра народного творчества, 2005.
17. Балашов Л. М. Кинешма прежде и теперь. Кинешма, 1999. 56 с.
18. Русская духовная музыка XIX - начала XX века: страницы истории / Н. Плотникова. – М.: [б. и.], 2007.
19. Филоsofova Т. Г., Сырцов Д. Н., Сырцова О. Н. «Филоsoфовы: Путешествия из Костромы в Псков через Москву и Санкт-Петербург или Тысячелетняя история потомственного дворянского рода». М., 2022. 217 с.
20. Филоsofova Т. Г., Быков В. А. Конкуренция. Инновации. Конкурентоспособность / Под общ. ред.: Т. Г. Филоsoфовой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 295 с.
21. Заволжский химический 1871–1971 г. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1973. 232 с.

22. Заволжский химический завод: 150 лет сохраняя и развивая промышленные традиции. СПб: Политех-Пресс, 2021. 515 с.
23. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т. 1: Бюджет. Медицина. Общественное призрение. Народное образование. Систематический указатель литературы по земским вопросам. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909.
24. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 2: Отрочество. Юность. М.: Худож. лит., 1935.
25. Петербургский технол. ин-т. Пятидесятилетний юбилей С.-Петербургского практического технологического института: 28 ноября 1878 г. - Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1879. 508 с.
26. Технический сборник и вестник промышленности. 1897. № 2. С. 72–73.
27. Крупский А. К. О русских химических заводах в их домашней обстановке и внешних обстоятельствах. СПб: тип. В. Демакова, 1873.
28. Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1887 год. Кострома, Губернская Типография, 1888.

References

1. Champman J. *Specialization, Polymaths and the Pareto Principle in Convergence Economy* - https://techcrunch.com/2015/10/17/specialization-polymaths-and-the-pareto-principle-in-a-convergence-economy/?_ga=2.45222948.1467157632.1690631664-83370502.1690631664
2. Schumpeter J. *Theory of economic development*. Moscow: Eksmo; 2007. 864 p. (In Russ.)
3. Schumpeter J. *Ten Great economists from Marx to Keynes*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2011. 440 p. (In Russ.)
4. Mirsky E. M. *Interdisciplinary research and disciplinary organization of science*. Moscow: Nauka; 1980. 304 p. (In Russ.)
5. Filosofova T. G., Syrtsov D. N. On the development of the Nerekh region. *In the collection of materials of the conference "The Nerekht land: history, monuments, people"*, Nerekhta, July 2022. (In Russ.)
6. *Entrepreneurship and entrepreneurs of Russia: from the origins to the beginning of the twentieth century*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 1997. (In Russ.)
7. *The history of entrepreneurship in Russia Book 1 From the Middle Ages to the middle of the XIX century* / V.I. Bovykin, M.L. Gavlin, L.M. Epifanova, etc.; Russian Academy of Sciences. In-t Russian History. Moscow: ROSSPEN, 2000. (In Russ.)
8. Galagan A.A. *History of Russian entrepreneurship: from merchant to banker*. Moscow: Axis-89; 1997. (In Russ.)
9. Semenova A.V. Mentality of merchants in the period of formation of Russian entrepreneurship. *Domestic history*. 1998;(6):21–23. (In Russ.)
10. Meshalkin P.N. *Patronage and charity of Siberian merchants-entrepreneurs: The second half of the XIX - the beginning of the XX century*. Krasnoyarsk: Publishing house; 1995. 155 p. (In Russ.)
11. Krotova G. A. *Merchants and entrepreneurs of the Ural region: XVII - beginning. XX centuries: (a short bibliographic dictionary-reference)*. Yekaterinburg : Bank of Cultural Information, 2001. 47 p. (In Russ.)
12. Ulyanova G. N. *Charity of Moscow entrepreneurs, 1860-1914: dictionary of merchants-benefactors*. 2nd ed. Moscow : Forum: Neolithic, 2013. 494 p. (In Russ.)
13. Osmianov A.I. *St. Petersburg merchants in the last quarter of the VIII – early XX century* : St. Petersburg: Publishing House of the A. I. Herzen State Pedagogical University, 2005. 363 p. (In Russ.)
14. Strumilin S. G. *Essays on the economic history of Russia*. Moscow; 1960. (In Russ.)
15. Mendeleev D. I. *On the modern development of some chemical industries, as applied to Russia and on the occasion of the World Exhibition of 1867*. St. Petersburg : type. t-va "Societies. benefit", 1867. 179 p. (In Russ.)
16. Filosofova T.G. A few words about the Philosophers / In the collection. *The first Philosophical readings*. August 5-7, 2004 – Pskov: Publishing House of the Oblast. Center of Folk Art, 2005. (In Russ.)
17. Balashov L. M. *Kineshma before and now*. Kineshma, 1999. 56 p. (In Russ.)
18. *Russian spiritual music of the XIX - early XX century: pages of history* / N. Plotnikova. – Moscow; 2007. (In Russ.)
19. Filosofova T. G., Syrtsov D. N., Syrtsova O. N. "Filosofovi: Travels from Kostroma to Pskov via Moscow and St. Petersburg or a thousand-year history of a hereditary noble family". Moscow; 2022. 217 p. (In Russ.)
20. Filosofova T. G., Bykov V. A. *Competition. Innovation. Competitiveness* / Under the general ed.: T. G. Filosofova. Moscow: UNITY-DANA; 2008. 295 p. (In Russ.)
21. *Zavolzhsky Chemical 1871-1971*. Yaroslavl: Upper Volga Publishing House, 1973. 232 p. (In Russ.)

Problems of Economics

Filosofova T. G., Syrtsov D.N. To the question of the development of industry in Russia and the peculiarities ...

22. *Zavolzhsy Chemical Plant: 150 years preserving and developing industrial traditions*. St. Petersburg: Polytech-Press, 2021. 515 p. (In Russ.)
23. Veselovsky B. B. *History of the Zemstvo for forty years. Vol. 1: Budget. Medicine. Public award. Public education. Systematic index of literature on zemstvo issues*. St. Petersburg: Publishing house of O. N. Popova; 1909. (In Russ.)
24. Tolstoy L. N. *Complete works. Vol. 2: Adolescence*. Youth. Moscow: Art. lit., 1935. (In Russ.)
25. *Petersburg technol. in-T. Fiftieth anniversary of the St. Petersburg Practical Technological Institute: November 28, 1878* - St. Petersburg: type. Imp. Academy of Sciences, 1879. 508 p. (In Russ.)
26. *Technical collection and bulletin of industry*. 1897;(2):72–73. (In Russ.)
27. Krupsky A. K. *About Russian chemical plants in their home environment and external circumstances*. St. Petersburg: V. Demakov type, 1873. (In Russ.)
28. *Report of the Nerekhta county Zemstvo Council for 1887*. Kostroma, Provincial Printing House; 1888. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. Г. Филосоfoва – доктор экономических наук, профессор НИУ ВШЭ.

Д. Н. Сырцов – кандидат экономических наук, доцент РАНХиГС.

Information about the authors

T. G. Filosofova – Dr. Sci. (Econ.), Professor of National Research University “Higher School of Economics”.

D. N. Syrtsov – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 16.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Научная статья

УДК 336.02

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-139-146>

EDN TCKZOS

Регулирование вопросов финансирования «зеленых» проектов в странах ЕАЭС

Макар Гарирович Шадиан

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, shadiyan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0945-7971>

Аннотация. Статья посвящена проблеме регулирования вопросов устойчивого развития, перехода к низкоуглеродной экономике и финансирования «зеленых» проектов в государствах Евразийского экономического союза. Проанализирован уровень вовлеченности стран-участниц ЕАЭС в глобальную «зеленую» повестку, а также модельная таксономия ЕАЭС и национальные таксономии. Определены проблемы, требующие решения на государственном и межгосударственном уровнях для формирования общих подходов и синхронизации действующих практик в области финансирования «зеленых» проектов с странами ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, ЕАЭС, «зеленое» финансирование, «зеленые» проекты, нефинансовая отчетность, устойчивое развитие

Для цитирования: Шадиан М. Г. Регулирование вопросов финансирования «зеленых» проектов в странах ЕАЭС // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 139–146. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-139-146>. EDN TCKZOS

Problems of Economics

Original article

Regulation of financing issues «green» projects in the EAEU countries

Makar G. Shadiyan

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shadiyan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0945-7971>

Abstract. The article is devoted to the problem of regulation of issues of sustainable development, transition to a low-carbon economy and financing of "green" projects in the states of the Eurasian Economic Union. The level of implementation of the EAEU member countries in the global "green" agenda, as well as the model taxonomy of the EAEU and taxonomy, is analyzed. Specific problems that need to be addressed at the state and interstate levels in order to form common approaches and proposed practices in the field of financing "green" projects with the EAEU countries.

Keywords: Eurasian Economic Union, EAEU, sustainable development, green finance, green projects, non-financial reporting, ESG

For citation: Shadiyan M. G. Regulation of financing issues «green» projects in the EAEU countries. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):139–146.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-139-146>. EDN TCKZOS

Ни одна из Целей устойчивого развития ООН (ЦУР) не может быть эффективно реализована без полноценного, справедливого и взаимовыгодного сотрудничества стран мира. Авторы ЦУР фиксируют этот принцип в Цели № 17 – укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития¹. Однако, текущий кризис глобального диалога, нерешенность фундаментальных проблем международного сотрудничества нивелирует предыдущие достижения ООН, ОЭСР и других международных институтов по координации вопросов перехода к устойчивому развитию. По мнению Бобылева С.Н. важной проблемой для стабилизации экологической ситуации на планете, охраны глобальных общественных благ является отсутствие должной международной координации в этой области. Нужна кооперация государств для управления глобальным достоянием, координация международных действий с экологической политикой внутри стран [1, с. 634]. Во многом эта проблема связана с кризисом текущих экономических моделей и здесь сложно не согласиться с тезисом Глазьева С.Ю. о смене идеологии международного сотрудничества – «модель либеральной глобализации в интересах частного капитала ведущих стран мира сменяется парадигмой устойчивого развития в интересах всего человечества» [2, с. 99].

В сложных геополитических условиях необходимо поддерживать любые формы кооперации между государствами, направленными на решение общих для всех проблем климатической повестки, переходу к низкоуглеродной экономике и других, не менее важных, глобальных целей. Развитие «зеленой» повестки в рамках региональных союзов и объединений, продиктованное особенностями и спецификой спектра экономических и экологических условий, может стать важной основой для ускорения реализации глобальных целей ООН. Эта точка зрения прозвучала еще в 1987 году в известном докладе «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию под руководством Г.Х. Брундтланд: «Различные региональные организации также должны сделать больше для полного включения экологических аспектов в решение их задач и осуществление мероприятий. Особенно необходимо будет заключить новые региональные соглашения между развивающимися странами для решения трансграничных экологических проблем» [3, с. 17].

Для перехода к устойчивому развитию требуется изменение системы национального планирования и управления, которая должна обеспечивать комплексное решение социальных, экономических и экологических вопросов в их взаимосвязи [3, с. 235]. Активизация работы в этом направлении в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) демонстрирует актуальность данной проблематики для стран-участниц ЕАЭС (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Российская Федерация), зрелость и готовность национальных правительств к решению задач перехода к устойчивому развитию.

Проблематика устойчивого развития находит свое отражение в деятельности ЕАЭС не первый год. В 2021 году Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) опубликовала доклад, посвященный разработке и реализации принципов, механизмов и концептуальных подходов к «зеленой» повестке в странах ЕАЭС. В докладе отмечается, что «зеленая» повестка ЕАЭС должна рассматриваться как «инструмент перехода к новому технологическому и мирохозяйственному укладам, выходу экономик государств – членов ЕАЭС на траекторию низкоуглеродного и устойчивого развития».²

Следует отметить, что на международном уровне регуляторные требования в области устойчивого развития и ESG возрастают с каждым годом. Крупнейшие государства – центры мировой экономики в рамках национального законодательства формируют новые требования по снижению углеродных выбросов, негативного воздействия на окружающую среду, соблюдению гендерного и иного равенства, инклюзии, прозрачности корпоративной отчетности и т.д. Причем это касается как западных стран, так и ближайших соседей и торговых партнеров стран ЕАЭС на Востоке – Индии и Китая, которые уже активно реализуют принципы устойчивого развития и формируют систему требований к национальным и зарубежным субъектам экономических отношений. Так, правительство Китая за последние десятилетия демонстрирует настолько сильную приверженность принципам устойчивого развития и их реализации на практике, что многие эксперты говорят о его превращении в мирового «зеленого» лидера [3, с. 255].

¹ <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/globalpartnerships/>

² ЕАЭС необходима собственная зеленая повестка развития и система углеродного регулирования // <https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-dolzha-byt-sobstvennaya-zelenaya-povestka-razvitiya-i-sistema-uglerodnogo-regulirovaniya/>

На примере экспорта стран ЕАЭС в Китай (Армения – 13,2%, Беларусь – 4,7%, Казахстан – 18,7%, Кыргызстан – 2,8%, Россия – 13%) можно говорить о важности еще одного фактора – регуляторных требованиях со стороны ключевых торговых партнеров.

Важным фактором, подчеркивающим актуальность и приверженность стран ЕАЭС к реализации «зеленой» повестки является то, что всеобъемлющий характер ЦУР дает возможность государствам синхронизировать национальные цели развития¹ с целями глобальной повестки и выводить их на новый качественный уровень. Это хорошо прослеживается на примере реализации национальных проектов России, большинство из которых коррелируют с глобальными целями ООН (табл. 1).

Таблица 1. Корреляция национальных проектов РФ с ЦУР ООН²

Table 1. Correlation of national projects of the Russian Federation with the UN Sustainable Development Goals

Национальный проект/программа	№ ЦУР ООН
Здравоохранение	3
Образование	4, 10
Демография	1, 5, 10
Культура	10
Безопасные качественные дороги	9
Жильё и городская среда	11
Экология	6, 11, 12, 13, 14, 15
Наука и университеты	4
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	8
Производительность труда и занятость	1, 8
Международная кооперация и экспорт	17
Цифровая экономика	9, 10, 16
Туризм и индустрия гостеприимства	17
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	7

Аналогичные стратегические проекты и программы в других странах ЕАЭС также увязываются с глобальными целями устойчивого развития.

Финансирование зеленых проектов в странах ЕАЭС опирается, прежде всего, на регуляторную базу и инфраструктуру, уровень развития которых различается от страны к стране (табл. 2).

В части выпуска «зеленых» и ESG облигаций практически все страны ЕАЭС имеют определенный опыт. Так, в Армении в 2020 г. один из крупнейших банков страны – Ameriabank разместил зелёные облигации на сумму 50 млн долл. для финансирования проектов, способствующих экологической устойчивости³. Облигации выпущены в сотрудничестве с FMO – голландским банком развития предпринимательства.

Первый выпуск «зеленых» облигаций в Белоруссии состоялся в 2022 году на площадке Белорусской валютно-фондовой биржи. В 2023 году запланированы новые выпуски «зеленых государственных облигаций» как на внутреннем – белорусском, так и на российском рынке⁴.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

² Составлено автором.

³ Америабанк признан лучшим инвестиционным банком Армении по версии авторитетного журнала Global Finance // <https://www2.ameriabank.am/PressContent.aspx?id=6681&subcat=226&mt=image/jpeg&lang=4>

⁴ Минфин о развитии "зеленого финансирования" и выпуске государственных "зеленых облигаций" // https://www.belarus.by/ru/press-center/speeches-and-interviews/minfin-o-razvitii-zelenogo-finansirovaniya-i-vypuske-gosudarstvennykh-zelenykh-obligatsij_i_0000154996.html

Таблица 2 – Развитие ключевых инструментов перехода к низкоуглеродной экономике в странах ЕАЭС¹

Table 2 – Development of key instruments for the transition to a low-carbon economy in the EAEU countries

Инструмент	РА	РБ	РК	КР	РФ
зеленые/ESG облигации (млн долл.)	50	70	170	0,3	6563
зеленые/ESG кредиты (млн долл.)	10	-	62	-	23125
ESG-фонды	-	-	-	-	+
национальная стратегия по декарбонизации/ устойчивому развитию	+	+	+	+	+
обязательная отчетность	-	-	-	-	-
ESG-рейтинги	-	+	+	-	+
таксономия	-	-	+	-	+
углеродная биржа	-	-	+	-	+
расчет финансирования для достижения углеродной нейтральности (млрд долл.)	н/д	н/д	666,5	10	н/д

В Казахстане состоялось восемь эмиссий зелёных и социальных облигаций на 170 млн долл., основными эмитентами которых стали Азиатский и Евразийский банки развития. В 2022 г. объем новых размещений ESG-облигаций увеличился на 14 % и стал рекордным для устойчивых бондов за их недолгую трехлетнюю историю в республике².

Безусловным лидером в размещении «зеленых» облигаций среди стран ЕАЭС является Россия. За последние 5 лет были размещены 40 выпусков «зеленых» облигаций и облигаций, основанные на принципах устойчивого развития, в т.ч. 33 на Московской бирже, где с 2019 г. образован сектор устойчивого развития³, главной целью которого является финансирование проектов в области экологии, охраны окружающей среды и социально-ориентированных проектов. Стоит отметить, что даже в сложном для российской экономики 2022 году были размещены «зеленые» облигации более чем на 106 млрд руб.

Существенную роль в этом вопросе играет Банк России, который утвердил новые правила эмиссии «зеленых» ценных бумаг, описывающие цели, процедуры и особенности размещения указанных инструментов. Также сформулированы последствия в случае невыполнения условий о целевом использовании средств. Что характерно, эмитенты смогут определять свои облигации как «зеленые», если они направлены на финансирование проектов, являющихся «зелеными» не только в соответствии с международными принципами, но и в соответствии с таксономией РФ⁴.

Важнейшим показателем уровня регулирования является разработка и утверждение таксономий «зеленых» проектов ЕАЭС. Таксономию «зеленых» проектов определяют как систему классификации видов экономической деятельности, категорий проектов и активов, способствующих устойчивому развитию⁵.

¹ Составлено автором на основе информации сайтов правительственных, общественных и коммерческих организаций стран ЕАЭС по состоянию на 2022 г.

² Спрос на ESG-облигации восстанавливается в Казахстане // <https://kz.kursiv.media/2023-03-17/spros-na-esg-obligaczii-vosstanavlivaetsya-v-kazahstane/>

³ Сектор устойчивого развития Московской биржи // <https://www.moex.com/s3019>

⁴ Указание Банка России от 01.10.2021 N 5959-У "О внесении изменений в Положение Банка России от 19 декабря 2019 года N 706-П "О стандартах эмиссии ценных бумаг" (Зарегистрировано в Минюсте России 08.11.2021 N 65721) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400316/

⁵ Критерии зеленых проектов государств-членов Евразийского экономического союза // https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/df7/Kriterii-dlya-opublikovaniya-Modelnaya-taksonomiya_.pdf

Национальные таксономии во многом отражают особенности экономики той или иной страны и приоритеты ее движения в направлении устойчивого развития. В странах ЕАЭС работа над таксономией находится на разных этапах. Если в Армении, Белоруссии и Кыргызстане сегодня ведется работа только над проектами, то в Казахстане и России таксономии уже приняты и создали каркас для последующих регуляторных действий.

Россия из стран ЕАЭС в наибольшей степени продвинулась в создании регуляторной базы по вопросам перехода к устойчивому развитию и, в частности, инструментов «зеленого» финансирования. В 2021 г. Правительством РФ были сформулированы основные цели и направления устойчивого развития в России. Были определены понятия и содержание «зеленых» и «адаптационных» проектов¹.

Также Постановлением Правительства РФ от 21.09.2021 N 1587 были подробно определены качественные и количественные критерии проектов устойчивого развития и требования к системе верификации указанных проектов².

Основные направления «зеленых» проектов России сегодня связаны с девятью из семнадцати ЦУР ООН:

1. обращение с отходами;
2. энергетика;
3. строительство;
4. промышленность;
5. транспорт и промышленная техника;
6. водоснабжение и водоотведение;
7. природные ландшафты, реки, водоемы и биоразнообразие;
8. сельское хозяйство;
9. устойчивая инфраструктура.

Важной вехой в национальном регулировании стало принятие закона «Об ограничении выбросов парниковых газов», который обязывает юридические лица и индивидуальных предпринимателей с 2023 года предоставлять отчетность о выбросах в зависимости от их объемов.³ В соответствии с разрабатываемыми поправками к этому закону в 2023 году предлагается дополнить ответственность регулируемых организаций за:

1. непредоставление отчёта;
2. несвоевременное представление отчёта;
3. предоставление в отчёте заведомо недостоверной информации.

Таким образом, мы видим те самые ужесточения, о которых говорили многие эксперты в последние годы, касаясь размытости, нечеткости законодательной базы и отсутствия реальных административных рычагов.

Второе место по уровню развития регуляторной базы занимает Казахстан. К слову, два крупнейших государства ЕАЭС – Казахстан и Россию объединяет один показатель – высокий уровень выбросов углекислого газа, который превышает их вклад в мировую экономику. Именно в этих странах ЕАЭС наиболее высокие выбросы на душу населения по сравнению со среднемировыми значениями, что во многом обусловлено высокой долей сырьевого сектора, в т.ч. предприятий нефтегазовых и угольных отраслей.

В таксономии «зеленых» проектов Казахстана указано, что она направлена на формирование национальной политики и стратегии в области «зеленого» финансирования, которое в свою очередь состоит из «зеленых» облигаций и «зеленых» кредитов⁴. Среди задач казахстанского варианта таксономии:

¹ Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 N 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации»//

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390943/71a18961b6b3c84e10c0d8bc6a0797bad17f0ea2/

² Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 N 1587 (ред. от 11.03.2023) "Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации" URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396203/

³ Федеральный закон "Об ограничении выбросов парниковых газов" от 02.07.2021 N 296-ФЗ (последняя редакция) // URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/

⁴ Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2021 года № 996 «Об утверждении классификации (таксономии) «зеленых» проектов, подлежащих финансированию через «зеленые» облигации и «зеленые» кредиты» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37598502

- обеспечение общего понимания и общих подходов к «зеленому» финансированию;
- формирование стимулов «зеленых» проектов;
- предотвращение гринвошинга;
- построения системы отчетности и раскрытия информации.

Анализ таксономий России и Казахстана позволяет сделать вывод о схожести основных направлений и критериев «зеленых» проектов (табл. 3).

Таблица 3. Основные направления устойчивого развития России и Казахстана¹

Table 3. Main directions of sustainable development of Russia and Kazakhstan

Россия	Казахстан
1. Обращение с отходами	1. Устойчивое использование воды, отходов
2. Водоснабжение и водоотведение	2. Предотвращение и контроль загрязнения
3. Строительство	3. Зеленые здания
4. Транспорт	4. Чистый транспорт
5. Энергетика	5. Энергоэффективность
6. Промышленность	
7. Сельское хозяйство	6. Устойчивое сельское и лесное хозяйства, землепользование, биоразнообразии и экотуризм
8. Природные ландшафты	
9. Устойчивая инфраструктура	

Что касается других стран ЕАЭС, то в Белоруссии подготовлен проект постановления правительства о таксономии, которым регламентируются критерии и требования к системе верификации проектов и финансовых инструментов «зеленой направленности». Кстати, авторы отмечают, что проект основан на апробированных международных подходах, в том числе на опыте странах ЕАЭС. Ранее была принята «Концепция государственных «зеленых» облигаций Республики Беларусь»².

В Армении Министерством окружающей среды республики пока только ведется работа по проекту таксономии. Тем не менее, в стране приняты стратегические документы, способствующие развитию «зеленой» повестки:

- стратегическая программа перспективного развития на 2014–2025 годы;
- программа национальных действий по адаптации к изменению климата;
- стратегия трансформации до 2050 года.

В Кыргызстане была принята Стратегия устойчивого развития на период 2013–2017 гг., в которой сделана попытка консолидировать экономические, социальные и экологические аспекты устойчивого развития. Кроме того, в стране создан Национальный совет по устойчивому развитию под руководством президента и с участием правительства, бизнеса, гражданского общества. Сегодня в Кыргызстане, где также правительством ведется работа над проектом национальной таксономии³. Национальный банк Кыргызстана планирует создать подразделение, ответственное за устойчивое и инновационное финансирование, что также поможет ускорить разработку таксономии «зеленого» финансирования.

Крайне важно, что все страны ЕАЭС в тех или иных стратегических документах ставят амбициозные цели по достижению углеродной нейтральности на горизонте 2050-2060 годов.

На этом фоне в декабре 2022 года Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) подготовила модельную таксономию, направленную на формирование общих принципов и гармонизацию подходов финансирование «зеленых» проектов в странах ЕАЭС. Во многом этот документ основан на опыте России и Казахстана и, прежде всего, определяет общие критерии зеленых проектов стран-участниц ЕАЭС и подходы к регулированию инструментов зеленого финансирования и их верификации.

¹ Составлено автором.

² «Концепция государственных «зеленых» облигаций Республики Беларусь» // <https://www.minfin.gov.by/upload/obligacii/act/293/concept.pdf>

³ В Бишкеке презентован первый проект Таксономии устойчивых проектов Кыргызской Республики // <https://gfc.aifc.kz/ru/news/the-first-draft-taxonomy-of-sustainability-projects-of-the-kyrgyz-republic-was-presented-in-bishkek/>

Возвращаясь к вопросу нефинансовой отчетности, отметим, что раскрытие данной информации в ряде стран мира уже стала обязательной. В России обсуждение законопроекта «О публичной нефинансовой отчетности» ведется уже несколько лет и по мнению Президента РФ Путина В.В. необходимо внимательно изучить данный вопрос и «подумать о ежегодной публикации нефинансовой отчетности для крупных предприятий»¹.

Тесно связана с вопросом нефинансовой отчетности проблема разработки методологии ESG-рейтингов, нерешенность которой вносит путаницу и непонимание со стороны бизнеса и инвесторов как на национальном, так и на межгосударственном уровне. Сегодня в мире насчитывается около двух десятков рейтинговых агентств, финансовых и нефинансовых организаций, занимающихся расчетом и присвоением ESG-рейтингов, что серьезно усложняет оценку той или иной компании с учетом различий в методологии.

В январе 2023 г. Банк России опубликовал доклад «Модельная методология ESG-рейтингов»², целью которого является изучение возможностей гармонизации и сопоставимости методологий составления рейтингов внутри страны, а также ставит вопрос об актуальности для России методологии зарубежных рейтинговых агентств. Эта же проблема будет характерна и для других стран ЕАЭС с постепенным вовлечением в общую «зеленую» повестку.

Проведенный анализ национального законодательства и модельной таксономии показывает, что для синхронизации деятельности по финансированию «зеленых» проектов в каждой стране-участнице ЕАЭС следует принять меры законодательного и организационного характера, основанных на указанной выше модельной таксономии и направленных на общее понимание и единое трактование основных принципов и элементов системы перехода к устойчивому развитию, в том числе:

- принципы национальных таксономий стран ЕАЭС должны быть максимально синхронизированы;
- «зеленые» инструменты должны направляться на финансирование проектов, указанных в национальных таксономиях;
- построение прозрачной системы верификации «зеленых» проектов во избежание нецелевого использования, злоупотреблений и гринвошинга;
- поэтапное внедрение системы обязательной нефинансовой отчетности;
- учет требований международных институтов в исследуемой области не должен негативно отражаться на национальных планах развития;
- определение единых форм поддержки «зеленых» проектов через механизмы налогообложения, льгот и субсидий;
- доступ к «зеленому» финансированию должен максимально учитывать возможности среднего и малого бизнеса;
- сближение методологий национальных рейтинговых агентств в области ESG-рейтингов;
- системный подход к подготовке кадрового потенциала в области устойчивого развития и ESG;
- регулярное повышение квалификации и обмен лучшими практиками между странами ЕАЭС.

Подводя итог, можно констатировать, что «зеленая» повестка, ставшая, несмотря на все текущие потрясения, долгосрочным трендом развития мировой экономики, находится в фокусе внимания стран-участниц ЕАЭС как на национальном уровне, так и на межгосударственном уровне. С учетом специфики, экономических условий, ресурсов и стратегических целей развития страны-участницы ЕАЭС находятся на разном уровне реализации «зеленой повестки», однако в целом во всех государствах есть понимание, что игнорирование глобальной климатической повестки и промедление в переходе к низкоуглеродной экономике ведут к высоким рискам и издержкам. И, наоборот, своевременная трансформация несет много возможностей, в т.ч. в направлении повышения уровня и качества жизни населения, сохранения природных ресурсов, модернизации секторов экономики, повышения эффективности и производительности и т.д.

¹ Путин предложил ввести нефинансовую отчетность для компаний // Сайт Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/03/16/966815-putin-predlozhit-vvesti-nefinansovuyu-otchetnost>

² Модельная методология ESG-рейтингов. Доклад для общественных консультаций // http://www.cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf

Указанные выше меры должны повысить эффективность координации развития регуляторной базы и механизмов стимулирования перехода стран ЕАЭС к низкоуглеродной экономике и стать основой для построения единой платформы в области устойчивого развития ЕАЭС. Лучшие практики по итогам гармонизации регуляторной базы стран ЕАЭС могут впоследствии быть использованы в аналогичных региональных и международных объединениях (ШОС, БРИКС, СНГ).

Список источников

1. Бобылев С. Н. Экономика устойчивого развития: учебник. М.: КНОРУС, 2021. 672 с.
2. Глазьев С. Ю., Ткачук С. П.. О параметрах экономического развития в ЕАЭС до 2035 года // Международная торговля и торговая политика. 2023. Т. 9. № 1. С. 90–112.
3. Брундтланд Г. Х. Наше общее будущее: Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Пер. с англ.; под ред. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. 242 с.
4. Устойчивое развитие: Новые вызовы: Учебник для вузов/ Под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. 336 с.

References

1. Bobylev S. N. *Economics of sustainable development*. Moscow: KNORUS; 2021. 672 p. (In Russ.)
2. Glaziev S. Yu., S. P. Tkachuk. On the parameters of economic development in the EAEU until 2035. *International trade and trade policy*. 2023;9(1):90–112. (In Russ.)
3. Brundtland G. H. *Our Common Future: Report of the International Commission on Environment and Development (ICESD)*. Transl. from English; ed. S. A. Evteeva and R. A. Perelet. Moscow: Progress; 1989. 242 p. (In Russ.)
4. *Sustainable Development: New Challenges: A Textbook for High Schools*. V. I. Danilov-Danilyan, N. A. Piskulova (eds). Moscow: Publishing house "Aspect Press"; 2015. 336 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Г. Шадиан – кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения и бухгалтерского учета ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

M. G. Shadiyan – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Taxation and Accounting of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; одобрена после рецензирования 23.08.2023; принята к публикации 24.08.2023.

The article was submitted 08.08.2023; approved after reviewing 23.08.2023; accepted for publication 24.08.2023.

Современный вызовы системы продовольственной безопасности Российской Федерации

Рустам Валентинович Шхагошев¹, Рустам Владимирович Шхагошев²,
Шахим Викторович Тлябичев³

^{1,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²ПАО КБ «ЕВРОКОММЕРЦ», Москва, Россия

¹shhagoshev@mail.ru ²rustam_sch@mail.ru ³tlyabichevsv@mail.ru

Аннотация. Вопрос формирования в Российской Федерации действенной системы продовольственной безопасности является ключевым в политической повестке длительный период времени. В 2022 г. данная проблематика получила дополнительное развитие в связи с эскалацией российско-украинского конфликта, следствием которого стала интенсификация санкционного давления на нашу страну.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, импортозамещение, мобилизационная экономика, продовольственная безопасность, санкции, экспорт

Для цитирования: Шхагошев Р. Вал., Шхагошев Р. Влад., Тлябичев Ш. В. Современный вызовы системы продовольственной безопасности Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 147–152. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-147-152>. EDN TPUZGR

Problems of Economics

Original article

Modern challenges of the food security system of the Russian Federation

Rustam Val. Shkhagoshev¹, Rustam Vlad. Shkhagoshev², Shakhim V. Tlyabichev³

^{1,3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²PJSC KB Eurokommerz, Moscow, Russia

¹shhagoshev@mail.ru ²rustam_sch@mail.ru ³tlyabichevsv@mail.ru

Abstract. The issue of forming an effective food security system in the Russian Federation has been a key issue on the political agenda for a long period of time. In 2022, this issue received additional development due to the escalation of the Russian-Ukrainian conflict, which resulted in the intensification of sanctions pressure on our country.

Keywords: food security, agro-industrial complex, sanctions, import substitution, export, mobilization economy

For citation: Shkhagoshev R. Val., Shkhagoshev R. Vlad., Tlyabichev Sh. V. Modern challenges of the food security system of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(3):147–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-147-152>. EDN TPUZGR

Система продовольственной безопасности в России в силу историко-политических и социально-экономических особенностей развития страны прошла значительный путь своей трансформации от перестроения административно-командных институций в 90-е годы XX века до доктринального оформления и функционирования на современном этапе.

Базовым концептом реализуемой политики продовольственной безопасности является утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации¹. Среди основных отличий Доктрины от предыдущей версии документа 2010 года можно выделить следующие:

- корректировка «пороговых» значений в сторону увеличения по некоторым видам продукции: по рыбной продукции – с 80 % до 85 %, по сахару и растительному маслу уровень повышен с 80 % до 90 %;
- расширение перечня групп продуктов, самообеспеченность по которым влияет на продовольственную безопасность страны, – овощи и бахчевые (90 %), фрукты и ягоды (60 %), семена основных агрокультур (75 %);
- формирование государственного резерва сельскохозяйственной продукции на случай стихийного бедствия, непогоды или неурожая;
- определение интересов государства в области продовольственной безопасности на долгосрочный период;
- конкретизация перечня рисков и угроз в рассматриваемой сфере;
- определены институциональные акторы осуществления продовольственной безопасности, среди которых Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Совет Безопасности Российской Федерации и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Концептуальная модель системы продовольственной безопасности России, агрегирующая цель, задачи, функции, принципы, механизмы и инструменты, индикаторы и направления ее обеспечения на современном этапе представлена на рис. 1.

Сформированная система продовольственной безопасности в нашей стране демонстрирует достаточную степень своей действенности, что подтверждается международным индексом продовольственной безопасности, в соответствии с которым Россия занимает 43 место из 113 стран (рис. 2).

Вместе с тем, современный этап развития системы продовольственной безопасности Российской Федерации связан с возрастающим влиянием различного рода вызовов и угроз как внутреннего, так и внешнего характера.

Среди ключевых угроз внутреннего характера можно выделить:

- несамодостаточность АПК, выражающаяся в зависимости от иностранного сырья и технологий, высокой импортной зависимости по ключевым группам продовольственных товаров;
- недостаточный уровень конкурентоспособности продукции отечественного сельскохозяйственного машиностроения;
- низкий уровень развития производственной и социальной инфраструктуры на селе;
- дефицит квалифицированных кадров сельского хозяйства;
- институциональные ограничения, выражающиеся в оппортунистическом поведении акторов рынка;
- недостаточность темпов интенсификации инновационных процессов в АПК;
- активизация деструктивных проявлений «теневой экономики»;
- негативные последствия пандемии коронавируса и др.

Вместе с тем, в настоящий период времени значительное влияние на продовольственную безопасность страны оказывают внешние факторы.

Так, серьезным вызовом для системы продовольственной безопасности России стали экономические санкции иностранных государств, которые, имея, в основном точечный и секторальный характер, оказывают комплексное и системное влияние на всю продовольственную сферу страны (продовольственную независимость, организацию жизни сельских территорий, финансовое и технико-технологическое обеспечение АПК, институциональную сферу, экономическую и физическую доступность продовольствия населения и др.). Инициированные еще с 2014 года и получившие новый виток каскадирования в 2022 году после начала специальной военной операции, санкции своей целью имеют снижение продовольственной безопасности нашей страны, усиление зависимости от конъюнктуры мировых продовольственных рынков в целом, а также экспортной политики государств-инициаторов санкций и деятельности отдельных иностранных экономических акторов в частности.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106> (дата обращения: 05.11.2022).

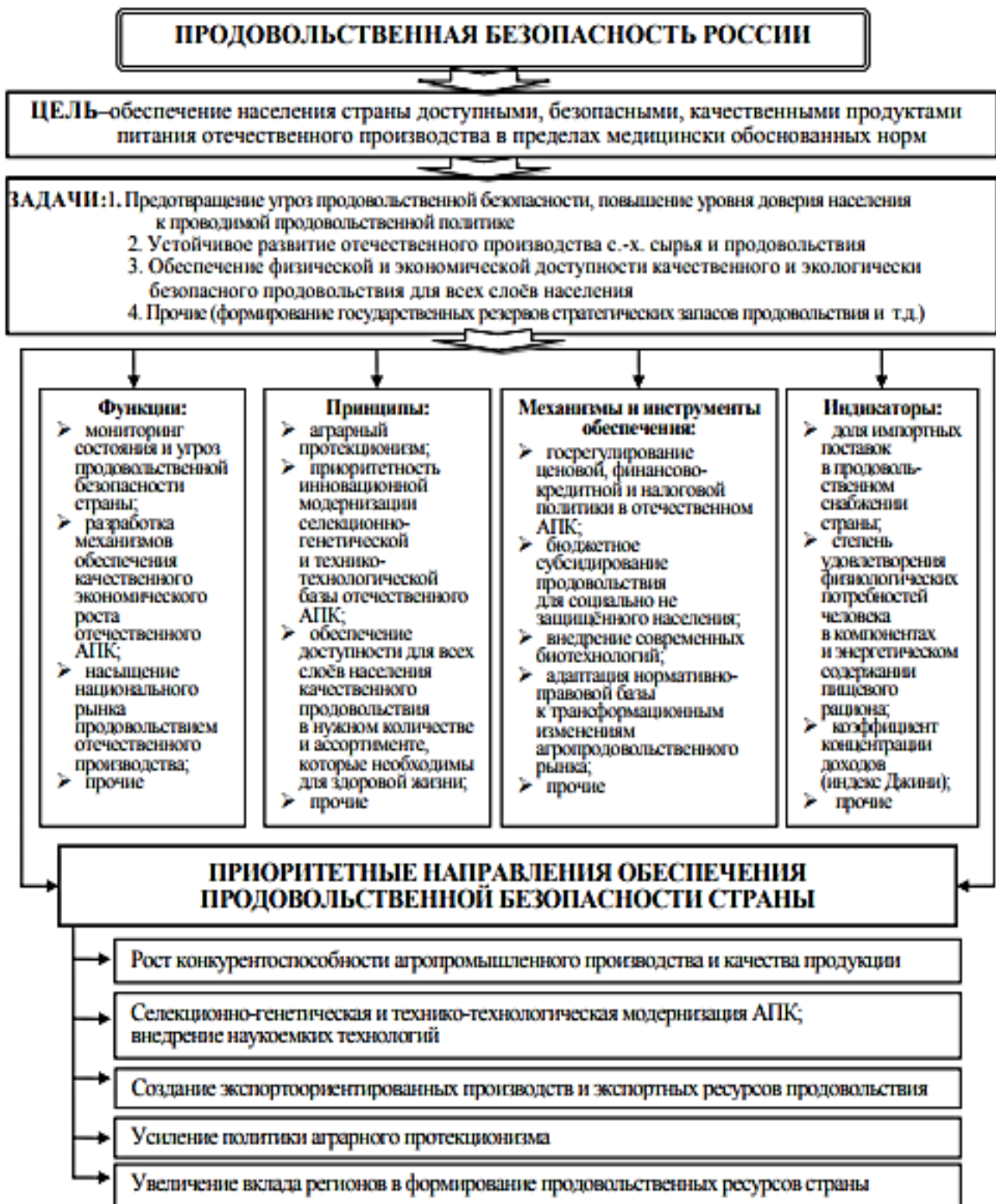

Рис. 1. Концептуальная модель системы продовольственной безопасности России [1, с. 14]

Fig. 1. Conceptual model of the Russian food security system

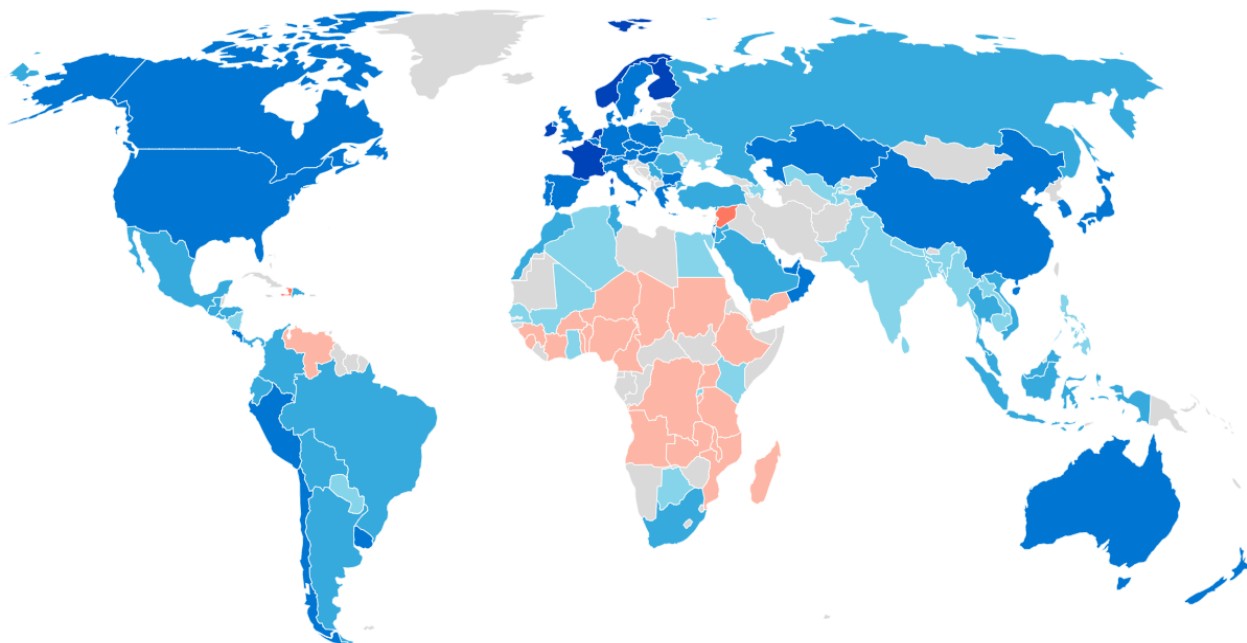
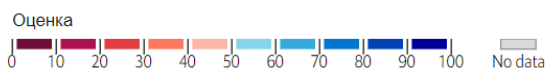

Рис. 2. Международный индекс продовольственной безопасности, 2022 год¹

Fig. 2. International Food Security Index, 2022

Среди основных негативных последствий санкционной политики иностранных государств в отношении России можно выделить следующие:

- снижение финансового и технико-технологического обеспечения российского аграрного рынка, связанного с ограничением и закрытием доступа к иностранным технологиям, техническим средствам и дешевым кредитным ресурсам, что делает затруднительным комплексное развитие АПК;
- снижение экономической и физической доступности продовольствия, вызванное имущественной дифференциацией населения, снижением доходов и платежеспособного спроса на продовольствие;
- ущерб сопутствующим АПК отраслям (нефтегазовый сектор, отрасли, связанные с транспортировкой, переработкой, хранением продовольствия, сельхозмашиностроение, химическая промышленность и др.);
- ухудшение качества продуктов питания снижение продуктового ассортимента, прежде всего за счет снижения уровня конкуренции на продовольственном рынке;
- рост цен на продовольственные товары;
- блокада логистических путей транспортировки продовольствия;
- сложности со страхованием грузов для российских отправителей и осуществлением платежей в долларах и евро и др.

Вместе с тем, «введенные против России санкции западных стран, в том числе после начала специальной военной операции на Украине, хоть и оказали определенное негативное влияние, но в целом не смогли затормозить те процессы, которые были запущены в аграрном секторе за последние годы, еще с момента начала реализации национальных проектов, а потом в результате продовольственного эмбарго 2014 года»².

¹ Международный индекс продовольственной безопасности, 2022 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://foodsecurityindex.eiu.com/Country> (дата обращения: 05.11.2022).

² Глава Минсельхоза заявил о скрытых санкциях на экспорт продовольствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/03/10/2022/6339675a9a794779a06116cd><https://www.rbc.ru/business/03/10/2022/6339675a9a794779a06116cd> (дата обращения: 05.11.2022)

Ключевыми инструментами политики обеспечения продовольственной безопасности страны на современном этапе выступают импортозамещение и поддержка экспорта отечественной продукции.

Стратегия импортозамещения в нашей стране выступает одним из приоритетных направлений государственного регулирования продовольственной безопасности в целом и АПК в частности и характеризуется ориентацией экономико-политической системы на протекционизм внутреннего производства посредством планомерного перехода к самообеспечению страны национальным продовольствием.

Импортозамещение делает возможным обеспечение экономического роста страны, упрочение позиций продукции АПК на внешних рынках, а также снижения роль сырьевого сектора и уменьшение уровня зависимости от иностранных товаров.

В современных условиях резко обострившейся геополитической обстановки проблематика импортозамещения получила статус дискуссионного вопроса. Двойственность данного инструмента проявляется следующим образом: импортозамещение подразумевает переориентацию внутреннего рынка на импорт из дружественных стран; импортозамещение должно обеспечивать собственное производство подпадающих под санкции продовольственных товаров [2, с. 205]. Будем придерживаться точки зрения, согласно которой необходимо использовать оба подхода в целях недопущения ситуации товарного дефицита на отечественном рынке продовольствия. Данный процесс сопряжен с определенными рисками, такими как ухудшение качественного состава продовольствия за счет искусственного снижения уровня конкуренции, что может негативно отразиться на эффективности всего народнохозяйственного комплекса страны.

В России программа реализации политики импортозамещения в АПК осуществляется в рамках двух основных направлений:

1. поддержка производства импортного продовольствия, уже осуществляемого в России, но в ограниченных объемах. В этих целях необходима модернизация существующей инфраструктурной базы, технико-технологический прорыв;

2. налаживание производства не производимых ранее продовольственных товаров, освоение которых возможно в краткосрочном периоде. Данное направление в условиях необходимости обеспечения продовольственной безопасности страны должно выйти на первостепенные позиции.

Вместе с тем, существует ряд препятствий для полноценной реализации программы импортозамещения в стране:

- ограниченность целевой государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, выражающаяся в недостаточности стимулов для отечественного импортозамещающего производства;

- недостаточная информированность производителей продовольствия о существующих мерах государственной поддержки;

- сложности в получении кредитов, противоречивый характер кредитования для представителей АПК;

- недостаточная ценовая поддержка государством предприятий сельского хозяйства.

В качестве перспективных мер по осуществлению и корректировке проводимой политики импортозамещения предлагаем следующие:

- создание кластеров агропромышленного характера для формирования новой структуры АПК в системе продовольственной безопасности страны;

- формирование системы специализации конкретных регионов по определенным направлениям функционирования АПК;

- активное внедрение и использование прогрессивных технологий и др.

Помимо осуществления активной политики импортозамещения, для нашей страны в сложившихся геополитических и экономических условиях большое значение для обеспечения продовольственной безопасности играет грамотная экспортная политика, а также активное наращивание экспортного потенциала продукции АПК.

При этом объективно необходимой является реализация Россией стратегии диверсификации экспорта сельскохозяйственных товаров, практическое осуществление которой позволяет распределять доходы между предприятиями АПК более равномерно, способствуя выравниванию их рентабельности, повышению эффективности экспортных операций за счет освоения новых рынков, притоку

валютных средств. Кроме того, становится возможным минимизация для АПК потенциальных рисков, возможных при интеграции в мировые торговые отношения.

На современном этапе наиболее большие шансы на успешную реализацию в рамках экспортных процедур имеет коммерциализация территориальных преимуществ страны. Территориальные возможности позволяют России пользоваться достаточной степенью свободы в определении международной специализации.

При этом практическое осуществление постулатов стратегии диверсифицированного экспорта невозможна без национальной системы поддержки, основанной на передовых зарубежных практиках и способной стимулировать занятие отечественными производителями необходимых ниш на внешних рынках. Грамотная реализация стратегии дифференцированного экспорта, позволит на практике осуществить переход к экспансионистскому характеру экспортной политики, делающим возможным эффективное функционирование отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей на внешних рынках. Как результат, произойдет увеличение количества экспортеров продовольствия, что позволит существенно улучшить экспортный потенциал АПК как один из элементов обеспечения продовольственной безопасности страны.

Таким образом, функционирование отечественной системы обеспечения продовольственной безопасности сопряжено с вызовами различной этиологии: внутрисистемные проблемы АПК, последствия пандемии коронавируса, санкционное давление, связанное в том числе с проведение специальной военной операции. В данных условиях ключевыми направлениями политики в области продовольственной безопасности должны выступать совершенствование программ импортозамещения, а также интенсификации мер поддержки экспорта продукции АПК.

Список источников

1. Мельников Б. А. Приоритетные направления обеспечения продовольственной безопасности России: диссертация ... к.э.н. Краснодар, 2018.
2. Цаголов Г. Н. Зажатые в тиски // Труды ВЭО. 2014. Т. 187.

References

1. Melnikov B. A. *Priority areas for ensuring food security in Russia: dissertation ... Ph.D. Krasnodar; 2018.* (In Russ.)
2. Tsagolov G. N. Clamped in a vise. *Proceedings of the VEO. 2014;(187).* (In Russ.)

Информация об авторах

Р. Вал. Шхагошев – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Р. Влад. Шхагошев – старший юрист ПАО КБ «ЕВРОКОММЕРЦ».

Ш. В. Тлябичев – аспирант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

R. Val. Shkhagoshev – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

R. Vlad. Shkhagoshev – Senior lawyer of PJSC KB Eurokommerz.

Sh. V. Tlyabichev – Postgraduate of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 28.06.2023; approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Партийная конкуренция и партийная иерархия: от классических интерпретаций до современных российских кейсов

Майя Арташесовна Аствацатурова¹, Лариса Хасановна Дзахова²,
Стаценко Иван Максимович³

^{1,3}Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

²Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

¹maya.astv@gmail.com

²ldzahova@mail.ru

³informivan@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению таких важнейших процессов партотгенеза, как партийная конкуренция и партийная иерархия, исходя из теоретико-методологических идей М. Дюверже и Р. Даля. Рассматриваются феноменологические и институциональные ресурсы конкуренции и иерархии, как в плане обще-объективных обстоятельств, так и в плане средовых факторов. Прослеживается выстраивание иерархии современных парламентских партий РФ. Проводится политический анализ трех партийно-конкурентных кейсов, которые осуществлены в современной партийной конкуренции и партийной иерархии. Номинируется «партийный патриотизм» как идейно-программный комплекс единства политических партий в поддержке государства и власти. Выявляются проблемные стороны партийной конкуренции и партийной иерархии и факторы их возможной трансформации.

Ключевые слова: «законы Дюверже», партийная иерархия, партийная конкуренция, партийно-конкурентные кейсы, «партийный патриотизм», полиархия

Для цитирования: Аствацатурова М. А., Дзахова Л. Х., Стаценко И. М. Партийная конкуренция и партийная иерархия: от классических интерпретаций до современных российских кейсов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 153–161. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-153-161>. EDN UOSLUC

Politology and ethnopolitics

Original article

Party competition and party hierarchy: from classical interpretations to modern Russian cases

Maya A. Astvatsaturova¹, Larisa Kh. Dzakhova², Ivan M. Statsenko³

^{1,3}Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

²North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

¹maya.astv@gmail.com

²ldzahova@mail.ru

³informivan@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to understanding such important processes of partogenesis as party competition and party hierarchy, based on the theoretical and methodological ideas of M. Duverger and R. Dahl. The phenomenological and institutional resources of competition and hierarchy are considered, both in terms of general objective circumstances and in terms of environmental factors. The alignment of the hierarchy of modern parliamentary parties of the Russian Federation is traced. A political analysis of three party-competitive cases, which are carried out in modern party competition and party hierarchy, is carried out.

«Party patriotism» is nominated as an ideological and program complex of the unity of political parties in support of the state and power. The problematic aspects of party competition and party hierarchy and factors of their possible transformation are revealed.

Keywords: party competition, party hierarchy, polyarchy, «Duverger's laws», party-competitive cases, «party patriotism»

For citation: Astvatsaturova M. A., Dzakhova L. Kh., Statsenko I. M. Party competition and party hierarchy: from classical interpretations to modern Russian cases. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):153–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-153-161>. EDN UOSLUC

Вводные позиции локального научного поиска

Конкуренция в любой сфере является объективно необходимой, так как в ее процессе участники: а) сравниваются друг с другом в результатах деятельности; б) определяют новые цели и ориентиры развития; в) стремятся найти новые методы лучших достижений. Конкуренция актуализирует позиции участников, которые периодически проводят самоаудит успехов и неудач [1–2]. Именно конкуренция заставляет участников соотносить свои действия и выработать выгодные для всех сторон условия совместного решения проблем, противоречий, конфликтов [3]. Такие формы согласия конкурентов, как концерны, корпорации, политические коалиции, межгосударственные союзы и альянсы, а также и криминальные и мафиозные союзы, говорят о том, что экономическая, социальная и политическая практика, накопленная человечеством, предусматривает технологии договоренностей, взаимного признания и многосторонней нормативно-правовой и организационной корректировки конкурентных действий.

Когда мы говорим о конкуренции, мы часто имеем в виду экономическую сферу. Здесь происходит жесткое соревнование производств, технологий, рынков, товаров, услуг, сервисов, капиталов, компетенций, кадров, человеческого потенциала и др. Не менее рельефной является политическая сфера. В ней конкурируют такие субъекты, как: политические лидеры, политические элиты, политические партии и их члены и сторонники, депутатские фракции, палаты парламентов, общественно-политические движения и др.

Политическая конкуренция – важнейший стимул установления, развития, а также и смены политических систем и политических режимов. На определенных этапах политической хронологии борьба противостоящих сил (классов, партий, групп, лидеров) настолько обостряется, что ее ценой становится не только потеря политических позиций, но и физическая смерть противника. Политическая конкуренция является естественным сегментом общего политического процесса. Без конкуренции в сфере политики невозможно развитие общества и государства.

С одной стороны, сам термин «политическая конкуренция», представляется понятным и прозрачным в смысле непримиримой и антагонистичной борьбы за власть [4]. С другой стороны, под термином «политическая конкуренция» в феноменологическом и, тем более, в институциональном смысле, имеется в виду чрезвычайно широкий процесс и широкое пространство. Они включают практически всех участников общественно-политических отношений, даже незаметно для них, и практически все аспекты взаимодействия между ними, в том числе и те, которые, на первый взгляд, не имеют отношения к политике.

Имманентным сегментом политической конкуренции является конкуренция политических партий, которая как необходимая и неизбежная происходит со дня их образования. Классики политической науки указывали на партийную конкуренцию как на обязательное свойство партогенеза и функционирования политических партий. По поводу конкуренции политических партий в партологии сложились многие теоретические идеи, которые в укрупненном виде можно сверстать в две группы.

Первая группа идей – необходимость, неизбежность, полезность, партийной конкуренции.

Эта группа формируется вокруг концептуальных обобщений М. Дюверже, который отмечал, что конкуренция – это значимый процесс. Он выливается в жесткую борьбу между партиями за электорат, группы сторонников и группы поддержки, а также за большинство в законодательном органе. В «законах Дюверже» подчеркивается непримиримость межпартийной борьбы, отражающей истинную сущность партий – борьбу за власть, в которой «победитель получает все», т.е. возможность применять власть, в том числе, для упрочения своего положения и для дальнейшей нейтрализации оппонентов и врагов. Классик партологии прослеживал партогенез следующим образом: пропорциональная

избирательная система по одномандатным округам ведет к двухпартийной политической системе, а мажоритарная избирательная система формирует многопартийность [5].

Партия преуспевает в конкуренции в том случае, если она чувствительна к интересам как можно большего числа граждан, а ее лозунги, программные цели отражают потребности разных социальных групп и страт, которые вместе составляют ее социальную базу и дают электоральную ренту. Отметим, что для успеха в партийной конкуренции политическая партия должна:

- отказаться от программной догматики и менять не только тактику, но и стратегию в связи с потребностями политического процесса;
- применять дифференцированные подходы к разным социодемографическим, социoproфессиональным группам населения с учетом их ситуативных и долговременных настроений;
- формировать свой партийно-политический, электорально-избирательный дискурс в привлекательных категориях, которые понятны широким кругам населения;
- осуществлять своевременную ротацию партийной элиты, не допуская ее физического, интеллектуального старения, архаизации методов партийно-политических действий;
- привлекать в свои ряды активную молодежь при соотношении ее социального престижа с программными позициями партии;
- сотрудничать эффективно со всеми иными субъектами политической системы и гражданского общества – органами власти и управления, другими политическими партиями (если нет принципиальных противоречий), общественно-политическими движениями, общественными организациями и активистами и др.;
- создавать выгодные для себя альянсы и коалиции на разные периоды политико-деятельностной хронологии для достижения целей и задач «длинной и короткой политики»;
- расширять информационные технологии и PR-технологии с учетом возможностей современного интернет-пространства, блогосферы, социальных сетей.

Этот список усилий политической партии, которая стремится быть успешной в партийной конкуренции, далеко не полон. Он отражает направления действий, которые имеют общий характер для всех политических партий. В то же время есть множество отдельных аспектов, которые важно учитывать, чтобы обойти своих конкурентов на дистанции межпартийной борьбы особенно в период избирательных кампаний. Для того, чтобы получить максимальную ренту от разных групп электората партии необходимо выстроить свою деятельность в соответствии с средовыми факторами, которые существенно влияют на политическую культуру и политическое поведение граждан. Эти факторы чаще всего проявляются на местном уровне, среди сообществ небольшого масштаба, которые образуют низовую часть электората. Например, это могут быть частные социокультурные, этнокультурные свойства местных сообществ, исторические сюжеты, локальные эксцессы политического и иного свойства. На местах избиратели часто ориентируются не на программы конкурирующих партий, а на конкретных людей, которые эти партии представляют. Здесь в конкуренции могут сыграть роль биографии кандидатов, их поступки, близость к интересам избирателей, сюжеты личной жизни. Также важен фактор личного знакомства с кандидатами от тех или иных партий, вес их общественного авторитета и признания. Значительную роль играет успешность кандидата как профессионала и как гражданского активиста, обладающего личной харизмой, доступностью, простотой в общении.

Вторая группа идей – необходимость партийно-политического плюрализма и взаимовыгодной согласительной иерархии.

Здесь большое значение имеют тезисы Р. Даля о том, что политика – это не столько борьба, сколько стремление к взаимовыгодному балансу сил и интересов. Такой баланс достигается путем сопоставления и соотношения интересов избирателей в программных позициях партий. Он ведет к упрочению подлинной демократии с честными выборами, плюрализмом мнений, активизмом населения, правом на доступ к альтернативной информации, выборности и сменяемости власти [6]. «Справедливая демократия» или полиархия, по Р. Далю, обеспечивает идеологический и политический плюрализм, высокий уровень конституционных гарантий, возможность оппозиционной деятельности, условия для общественного контроля за властью, а также для легитимной партийной конкуренции [7]. Здесь важна готовность и способность партийной элиты к переговорам, соглашению и компромиссам. Смысл партийно-политического плюрализма состоит в примирении оппонированных друг другу партий для поиска общей базы совместных действий.

Подчеркнем, что преимущества партийно-политического плюрализма состоят в следующем:

- снижение остроты межклассовых и межстратных противоречий и общей политической нестабильности в обществе;
- расширение электоральной базы партий при рациональном и договорном распределении избирателей между ними («дележ голосов»);
- сложение возможностей сильных и слабых политических партий в объединенный ресурс для решения социальных задач, осуществления национальных проектов и государственных программ развития;
- упрочение общественной демократии на идеологическом, мировоззренческом плюрализме, на общественном компромиссе и на рациональном выборе во взаимодействии государства и гражданского общества.

Партийно-политический плюрализм приводит к формированию **партийной иерархии**, которая во многом стабилизирует политическую систему и политический режим. Партийная иерархия, выстроенная на целевом электоральном законодательстве, а также и на общественном удовлетворении понятными правилами расстановки партийных сил, имеет большие ресурсы для оптимизации института многопартийности.

Конкуренция, как и иерархия политических партий, наблюдаются во все периоды их функционирования, обостряясь или меняясь в ходе выборов, ротации элит, проведения в законодательный массив и в жизнь значимых политических решений, а также в ситуациях внутренних и внешних вызовов. Среди этих вызовов выделяются экономические кризисы, социальные потрясения, революционные и реформационные трансформации, смены элит, политические транзиты, этнополитические и военно-политические конфликты, гибридные войны, акции терроризма и экстремизма, а также и «черные лебеди» непартийного происхождения. Отнесем к ним природные катастрофы, климатические коллизии, эпидемии, пандемии, голод и другие обстоятельства, которые требуют не только позиционирования партий, но и конкретных инициатив политических партий, и убедительных действий их лидеров.

Партийная конкуренция vs партийная иерархия: современный российский вариант

Современные российские политические партии прошли путь конкуренции, которая проявлялась в ходе электоральных циклов, выборов в Государственную Думу ФС РФ, в региональные законодательные органы, в органы местного самоуправления, а также и выборов Президента РФ [8]. Как отмечают исследователи, партийная конкуренция в РФ за последние 20 лет практически трансформировалась в партийную иерархию, в которой каждая из парламентских партий занимает определенное место [9]. Главной тенденцией от выборов к выборам стало усиление позиций «Единой России» и превращение ее в партию парламентского большинства – «партию власти» в силу общеизвестных причин и факторов. Используя терминологию, относящуюся к экономической конкуренции, можно применить к современной российской партийной конкуренции термин «несовершенная», при которой какой-либо участник имеет особые факторы и обстоятельства поддержки. «Несовершенство» современной российской партийной конкуренции имеет прямое следствие, предопределенное административным ресурсом и необходимое власти, а именно – правящее положение «Единой России».

Место каждой партии в партийной иерархии как закономерное признано партийно-политическим истеблишментом, и, вероятно, в большой степени устраивает элиту партий. Что касается избирателей, то они демонстрируют слабое внимание к деятельности политических партий, рейтинг которых невысок, особенно в сравнении с рейтингом таких институтов, как Вооруженные Силы РФ и Русская православная церковь¹.

Особо выделим стремление российского общества и российского политического класса к сохранению политического status quo, политической стабильности, которая была достигнута с большими усилиями и с большими потерями, и которая сегодня подвергается многим вызовам экономического, социального и в большей степени внешнего геополитического порядка.

Торможение партийной конкуренции в современной РФ обусловлено и тем, что период социальных и политических ожиданий от многопартийности – «иллюзий многопартийности» и у граждан,

¹ См.: ВЦИОМ. ВЦИОМ НОВОСТИ. Рейтинг политических партий. URL: <https://wciom.ru/ratings/reiting-politicheskikh-partii> (дата обращения: 10.07.2023).

и у политиков, и у политологов остался в прошлом. Однако и сегодня в партийной системе РФ происходят системные и структурные изменения – некие **партийно-конкурентные кейсы**, субъекты которых стремятся обрести или улучшить свое место в партийной конкуренции.

Первый партийно-конкурентный кейс

Объединение трех политических партий – «Справедливой России», «За правду», «Патриоты России» в одну – «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» (сокращенно – «Справедливая Россия – За правду») на съезде «Справедливой России» 22 февраля 2021 г. Такое объединение – конкурентная новация, имеющая коалиционное содержание. Удачным стратегическим ходом является то, что «локомотивом» объединения стала парламентская партия, имеющая долгую и успешную политическую биографию. Председателем «Справедливая Россия – За правду» остался С. Миронов, а в качестве сопредседателей выступают Г. Семигин («Патриоты России») и З. Прилепин («За правду»)¹. Партия в качестве социально-политического идеала декларирует солидарную социально-ориентированную экономику, социальную справедливость при усилении роли государства. Идейной платформой объединения стал совместный «Манифест», провозглашающий левые патриотические и левые консервативные идеи в эмоциональных категориях «правда-истина», «правда-справедливость», «образец лучшего общества на земле», «человек русской культуры», «уникальная российская цивилизация» и др.²

Примечательно, что «Справедливая Россия – За правду» озабочена не программными подвижками, а только институциональным и организационным усилением на федеральном уровне и в регионах. С. Миронов подтвердил верность объединенной партии прежнему курсу: «У нас есть абсолютно четкое понимание, что все наши партии – это лево-патриотические партии»³. Целями усиленной партии было второе место в федеральном законодательном органе на выборах сентября 2021 г. и борьба с либеральными идеями и практиками. Также новая партия стремится к прекращению монополии одной партии в стране и построению современного общества на идеях социализма в его советском выражении⁴. Усиленная партия может в дальнейшем составить конкуренцию КПРФ и ЛДПР, которые пока не готовы к вхождению в партийную коалицию левых сил.

Эксперты разноречиво оценивают коалиционный проект, усматривая в нем предложение от «Единой России», «от которого нельзя было отказаться». С одной стороны, объединение партий в одну в отсутствие законодательной возможности идти на выборы партийными блоками, усиливает позиции «Справедливой России – За правду» в партийной конкуренции и в партийной иерархии. С другой стороны, объединение оппонентов и конкурентов удобно «Единой России» для оптимизации тактик взаимодействия с ними и концентрации целевого воздействия на них⁵.

Второй партийно-конкурентный кейс

Образование и вхождение в Государственную Думу ФС РФ VIII созыва в сентябре 2021 г. новой партии. Выборы в Государственную Думу ФС РФ привели в состав законодательного органа партию «Новые люди», которая в 2020 г. прошла по партийным спискам в четыре региональных органа, и вошла в состав парламентских партий, воспользовавшись льготой (без сбора подписей), увеличив их число до пяти (5,3 % голосов, 13 депутатских мандатов). Особенность партии состоит в том, что она создана одним из известных и успешных командиров сетевого маркетинга – кампании Faberlic – предпринимателем А. Нечаевым. Стоит подчеркнуть, что А. Нечаев, имея широкие бизнес-возможности, привнес в современный российский политический ландшафт приемы сетевого маркетинга. Он организовал Федеральную образовательную программу «Школа Новой Политики», каждый участник которой должен собрать вокруг себя еще десять активистов и т.д. Также А. Нечаев создал фонд «Капитаны»

¹ Партия «Справедливая Россия» объединилась с двумя партиями // ИнтерФакс. 22 февраля 2021 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/752106> (дата обращения: 2.07.2023)

² «Справедливая Россия – Патриоты – За правду». Манифест. 28 января 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/10981210> (дата обращения: 12.07.2023).

³ Герейханова А. «Справедливая Россия» начала процесс объединения с двумя партиями // Российская газета. 2021 г. 21 февраля.

⁴ Юрченко Н. Прилепин и Миронов: для чего была создана новая политическая сила? // Life. 2021 г. 26 февраля. URL: <https://life.ru/p/1370138> (дата обращения: 12.07.2023).

⁵ Корякин И. «Левые набирают массу». Кому выгодно слияние партий «Справедливая Россия», «Патриоты России» и «За правду» // Коммерсантъ. 2021 г. 21 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4654276> (дата обращения: 11.07.2023).

для поддержки и вовлечения в политическую деятельность талантливой молодежи – выпускников вузов, молодых специалистов. Кроме того, партия существенно укрепляется в информационном поле, используя не только рекламу, растяжки, билборды, но и снимая мини-сериалы¹.

Присутствие в новой партии референтных лиц, имеющих узнаваемый бекграунд (С. Авксентьева, С. Жигунов, Т. Канделаки, А. Красовский, Е. Летучая, С. Минаев, Д. Певцов и др.), давало надежду на формирование нового конкурентного программного дискурса. Он включал внедрение новых политических инициатив, поддержку «малых политических сил» и введение «новой экономической политики»². Также по декларациям А. Нечаева новая партия как *партия людей развития* хотела бы потеснить на политическом Олимпе *партию людей стабильности и ренты* (нефтяной, металлургической, административной, силовой и др.). Образование партии продемонстрировало слияние нескольких благоприятных обстоятельств: во-первых, «старые люди старых партий» не вызывают электорального энтузиазма граждан; во-вторых, узнаваемые члены новой партии подают молодежи пример жизненного успеха и рационального участия в политике; в-третьих, программные установки партии сочетают принципы социальной справедливости с принципами свободной конкуренции, что, вызывает вопросы, но звучит привлекательно.

В оценках экспертов характер партии первоначально трактовался как либеральный, далее как центристский и далее с учетом эволюции поведения партии как правоцентристский. Это неудивительно с учетом того, что основатель партии А. Нечаев входил в штаб Общероссийского народного фронта, являлся членом Совета по конкурентоспособности и предпринимательству при Правительстве РФ и создал патриотическую программу «Время – вперед», а один из политтехнологов партии Е. Островский известен взаимодействием с С. Кириенко – первым заместителем руководителя Администрации Президента РФ.

Несмотря на новационные программные идеи, индивидуальный функциональный портрет партии пока остался нераскрытым. Некоторые эксперты оценивают ее не как партию нового призыва (и даже может быть, партию креативного класса) и, тем более, не как оппозиционную партию, а как «спойлерскую партию», предназначенную для сохранения позиций «Единой России» в Государственной Думе ФС РФ и на российской политической арене³.

Третий партийно-конкурентный кейс

Смена лидера ЛДПР в связи со смертью В. Жириновского. Смена лидера партии в любом случае является акцентированным содержательным и организационным событием, которое существенно, если не решающе может повлиять на место партии в партийной конкуренции и в партийной иерархии. Тем более это значимо для российских парламентских партий, которые в течение десятков лет возглавляются одними и теми же вождями, без перспектив их сменяемости. В. Жириновский на протяжении всей своей политической биографии был, пожалуй, самой яркой фигурой российского партийного пространства. Утрата незаурядного и авторитетного лидера наносит ущерб позициям ЛДПР в партийной иерархии, и тем более, в партийной конкуренции.

На внеочередном XXXIV съезде партии 27 мая 2022 г. принято решение об избрании лидером партии Л. Слуцкого – председателя комитета Государственной Думы ФС РФ по международным делам, известного своими категоричными высказываниями и непримиримой патриотической позицией. Избрание Л. Слуцкого как «активного жириновца», имеющего опыт аппаратной работы еще в период РСФСР, прошло практически единогласно. Губернатор Хабаровского края М. Дегтярев заметил, что Л. Слуцкий – «гуру в международной политике и отстаивании национальных интересов России за рубежом, а в партийном строительстве и пропаганде мы поможем»⁴. Сам новый лидер ЛДПР

¹ «Мы – Новые люди». Партия «Новые люди». Идеология. Онтология нового мира. URL: <https://newpeople.ru/newonthology> (дата обращения: 1.07.2023).

² «Мы пришли в российскую политику надолго». Руководитель исполкома партии «Новые люди» о целях и планах в политике. Lenta.ru (9 сентября 2020). URL: <https://lenta.ru/articles/2020/09/09/nl/> (дата обращения: 18.06.2023); Основные положения программы Политической партии Новые люди // Российская газета. 2020 г. 26 июня.

³ См.: Эксперты оценили перспективы партии Нечаева на политической арене // Газета.Ru, 2020 г. 28 июля; Заполнить вакуум. Партия Алексея Нечаева «Новые люди» предлагает избирателям надежду на будущее // Новая газета. 2020 г. 11 августа; «Новые люди» позвали «старых». Партия президента Faberlic готова слушать советы либеральных экспертов // Коммерсантъ. № 141/П. 2020 г. 10 августа. - С.3.

⁴ Дмитров И. Слуцкий избран новым лидером ЛДПР после смерти Жириновского // Lenta.RU/ 2022 г. 27 мая.

подчеркнул, что партия «была и останется партией Жириновского. Мы остаемся не менее резкими и абсолютно четкими»¹. ЛДПР продолжит идти программным курсом как партия «конструктивной оппозиции» однако с модификацией социальной политики. Также новым руководителем партии была подтверждена поддержка политики Президента РФ, что, собственно, более всего объединяет российские политические партии в пределах «справедливой» (по Р. Далю) и «суверенной» (по В. Суркову) российской демократии. В любом случае Л. Слуцкий сыграл положительную роль, уже одним тем, что получил поддержку 86 голосовавших за него из 87. Это голосование продемонстрировало политическое здравомыслие партии, которая, потеряв авторитетного лидера, не могла позволить себе внутреннего раскола.

Эксперты отмечают, что при всей политической включенности Л. Слуцкого его ресурсы, как и стиль поведения, несравнимы с имиджем и образом первого лидера партии. ЛДПР, как и все прочие российские партии, во многом является «партией одного лидера», о котором знают избиратели, при практически полной неизвестности его ближайшего окружения и, тем более, возможного преемника. Так, «по опросу ВЦИОМа от августа 2021 г., Жириновский был самым узнаваемым из партийных лидеров (96 %)», в то время как, Л. Слуцкий населению неизвестен². Оценивая ЛДПР как классическую вождистскую партию, эксперты выражают сомнения в возможностях нового лидера обеспечить и наращивать достойное публичности партии. В активе Л. Слуцкого – большой опыт педалирования международной проблематики; в пассиве – практическое отсутствие навыков партийной конкуренции за накопление и использование электоральной ренты. Также обращается внимание, что в ЛДПР, как и в других партиях, наблюдается кадровый голод, не осуществляется ротация партийной элиты, и выбор Л. Слуцкого как «первого среди равных» был вынужденным³.

Итоговые тезисы

Трансформация партийной конкуренции в партийную иерархию в современной РФ имела объективный характер и комплекс причин. Среди них назовем, прежде всего, отождествление программных установок политических партий по таким проблемам, как:

- социальные потребности российского общества (пенсии, заработные платы, уровень и качество жизни, смертность и рождаемость, медицинское обслуживание и др.);
- национальная безопасность, территориальная целостность государства, упрочение роли и места России на международной арене;
- солидарное противостояние с коллективным Западом и поиск собственно российской парадигмы политики, власти и управления;
- героическая история и героическая современность Российской армии, продолжающей славное военно-патриотическое наследие защитников Отечества;
- цивилизационная значимость российской истории, российской культуры, а также традиционных российских духовных ценностей;
- экзистенциальная самость России как государства – гаранта справедливого миропорядка и борца с неофашизмом, неонацизмом, «темными силами современности».

Оценивая риски и вызовы, а также прямые угрозы и ущербы государству и обществу, политические партии РФ занимают общую позицию, которую мы можем назвать позицией **партийного патриотизма**. В упрочении этого патриотизма прослеживаются некоторые симптоматичные, на наш взгляд, тенденции, среди которых мы выделяем:

- заметную стабилизацию системы партийного строительства при обюрокращивании хода партотгенеза;
- очевидную предопределённость итогов голосования на выборах в силу широкого использования «Единой Россией» административного ресурса;

¹ Председателем ЛДПР стал Леонид Слуцкий // Российская газета. Власть. 2022 г. 29 мая.

² Гробман Е. Новым лидером ЛДПР стал проработавший с Жириновским почти 30 лет депутат Слуцкий. Голосование по его кандидатуре было безальтернативным // Ведомости. Политика. 2022. 29 мая.

³ Башлыкова Н. Долгожданный вождь: почему Слуцкого единогласно избрали лидером ЛДПР. И что ждет партию во главе с ним // Известия. IZ. Политика. 2022 г. 27 мая. URL: <https://iz.ru/1341039/natalia-bashlykova/dolgozhdanniy-vozhd-pochemu-slutckogo-edinoglasno-izbrali-liderom-ldpr> (дата обращения: 5 июля 2023).

- известное разочарование граждан в необходимости и целесообразности многопартийной системы;
- постепенное снижение «градуса харизматичности» партийных лидеров на всех уровнях партийного структурирования;
- заметное огосударствление гражданского общества, снижение политического активизма и дисциплинирование политической культуры;
- практическое отсутствие социальной среды, которая могла бы продуцировать новых политических лидеров, их сторонников, противников, протаганистов и антагонистов;
- равнодушие наиболее социально зрелой молодежи – молодежи крупных городов европейской части страны – к политической программатике и к политическому функционированию.

Существенными рубежами возможной реанимации партийной конкуренции и изменения положения партий в партийной иерархии могут стать выборы Президента РФ 2024 г. и выборы в Государственную Думу ФС РФ 2026 г. Сегодня с учетом общей геополитической нестабильности трудно говорить с большой степенью вероятности, в какой политической ситуации пройдут выборы, как состоится партийная конкуренция, насколько сохранится партийная иерархия. Предположим, что с учетом очевидных длящихся рисков и вызовов, а также негативной политической памяти о 90-х-2000-х гг. население скорее предпочтет не обострение партийной борьбы, а продолжение консервации партийно-политического процесса в целом.

В то же время партии уже начали подготовку к выборам, обращая внимание на слабые стороны прошлой кампании. Дефициты партийной деятельности в отношении «Единой России» были указаны еще в начале 2022 г. на закрытой стратегической сессии «Партия-2026»¹. В качестве недостатков назывались: слабость агитационно-мобилизационной работы на местах; низкий электоральный рейтинг; недостаточность работы в социальных сетях; слабый само аудит эффективности и др. Думается, что эти проблемы есть у всех партий, однако не все партии имеют заинтересованную поддержку Администрации Президента РФ.

Определенное разнообразие в предстоящую думскую кампанию может добавить верхушечный властно-административный проект образования новых партий, например, партии современных российских яппи – молодых российских успешных и состоятельных профессионалов – «Лидеры России» на основе проекта АНО «Россия – страна возможностей» или партии военных активистов «Патриоты – участники СВО». Однако некоторые обстоятельства позволяют судить, что российские политические партии останутся на своих иерархических ступенях, и для их сохранения будут и далее консолидироваться на позиции **партийного патриотизма**.

Список источников

1. Хайек Ф фон. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 6–14.
2. Портер М. Конкуренция: конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер. 2016. 947 с.
3. Юданов А. Ю. Конкуренция. Теория и практика. Финансовая акад. при Правительстве РФ. 3-е изд., испр. и доп. М.: Гном и Д, 2001. 304 с.
4. Кашпур В. В. Понятие «конкуренция» в исследованиях системы образования: методологические основания применения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 42–44.
5. Дюверже М. Политические партии / Пер. с фр. Л.А. Зиминной. М.: Академический проект. 2002. 560 с.
6. Даль Р. Демократия и ее критики / Пер. с англ. Под ред. М.В. Ильина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2003. 576 с.
7. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/dal/pol_pl.php (дата обращения: 20.06.2023).

¹ См.: Единороссы определили установки на выборы 2024 и 2026 годов // Выбор народа. Информационный портал о выборах. 2022 г. 24 января; Прекрасная «Единая Россия» будущего. Партия обсудит свои стратегические цели и задачи на период до 2026 года // Коммерсантъ. 2022 г. 21 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5173526> (дата обращения: 27. 06. 2023).

8. Либман А. М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация // *Общественные науки и современность*. 2006. № 6. С. 53–64.
9. Вишнеvский Б. Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2007. Том 3. № 2. С. 286–295.

References

1. Hayek F. Competition as an opening procedure. *World Economy and International Relations*. 1989;(12):6–14. (In Russ.)
2. Porter M. *Competition: competitive advantages of countries*: Moscow: Alpina Publisher. 2016. 947 p. (In Russ.)
3. Yudanov A. Yu. *Competition. Theory and practice*. Financial Academy. under the Government of the Russian Federation. 3rd ed. Moscow: Gnome and D; 2001. 304 p.
4. Kashpur V.V. The concept of "competition" in the research of the education system: methodological grounds for application. *Bulletin of Tomsk State University*. 2007;(298):42–44. (In Russ.)
5. Duverger M. *Political parties*. Trans. with fr. L.A. Zimina. Moscow: Academic project; 2002. 560 p. (In Russ.)
6. Dahl R. *Democracy and its critics*. Transl. from English. Edited by M.V. Ilyin. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN); 2003. 576 p. (In Russ.)
7. Dahl R. *Polyarchy, pluralism and space*. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/dal/pol_pl.php [Accessed 20 June 2023]. (In Russ.)
8. Libman A. M. Institutional competition and post-Soviet transformation. *Social sciences and modernity*. 2006;(6):53–64. (In Russ.)
9. Vishnevsky B. L. Political competition in Russia: chronicle of decline. *Political expertise: POLITEX*. 2007;3(2):286–295. (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Аствацатурова – доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований ПГУ.

Л. Х. Дзахова – доктор политических наук, заведующий кафедрой философии и социальных наук СОГУ им. К. Л. Хетагурова.

И.М. Стаценко – аспирант Института подготовки кадров высшей квалификации ПГУ, член политического совета Железноводского местного отделения партии «Единая Россия».

Information about the authors

M. A. Astvatsaturova – Doct. Sci. (Polit.), Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Political and Ethnopolitical Research of Pyatigorsk State University.

L. Kh. Dzakhova – Doct. Sci. (Polit.), Head of the Department of Philosophy and Social Sciences of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov.

I. M. Statsenko – Postgraduate of the Institute of Training of Highly Qualified Personnel of Pyatigorsk State University, a member of the political council of the Zheleznovodsk local branch of the United Russia Party.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023; одобрена после рецензирования 14.08.2023; принята к публикации 15.08.2023.

The article was submitted 27.07.2023; approved after reviewing 14.08.2023; accepted for publication 15.08.2023.

Современный российский парламент: специфика формирования и элитарный состав

Давид Кромвелович Григорян^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ становления и развития института парламентаризма в современной России. Рассмотрены процесс и результаты парламентских выборов постсоветской России, качественный и количественный состав депутатского корпуса. Выявлено, что российская правящая элита формировалась в непростых условиях, не смотря на это, наблюдается последовательное укрепление вертикали власти в современной России.

Ключевые слова: бюрократия, депутаты, массовое сознание, парламент, политическая элита, парламентские выборы, политическая борьба

Для цитирования: Григорян Д. К. Современный российский парламент: специфика формирования и элитарный состав // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 162–168. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-162-168>. EDN URXTAO

Politology and ethnopolitics

Original article

The modern Russian parliament: specifics of formation and elite composition

David K. Grigoryan^{1, 2}

¹South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article analyzes the formation and development of the institution of parliamentarism in modern Russia. The process and results of parliamentary elections in post-Soviet Russia, qualitative and quantitative composition of the deputy corps are considered. It is revealed that the Russian ruling elite was formed in difficult conditions, despite this, there is a consistent strengthening of the vertical of power in modern Russia.

Keywords: parliament, political elite, mass consciousness, bureaucracy, parliamentary elections, political struggle, deputies

For citation: Grigoryan D. K. The modern Russian parliament: specifics of formation and elite composition. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):162–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-162-168>. EDN URXTAO

Необходимость и важность изучения вопросов формирования парламента и специфики партийного контингента не вызывает сомнения, т.к. от принятых решений парламентариями зависит дальнейший путь развития нашей страны. Российская правящая элита формируется в непростых, противоречиво развивающихся политических, экономических и этнонациональных условиях. Негативно сказывалось соперничество между президентскими структурами и парламентом в лице Государственной Думы (такого мнения придерживалось 57,9 % из 475 опрошенных в марте 1999 г. в качестве экспертов депутатов и государственных служащих государственных органов федерального и регионального

уровней). И далее – отсутствие прочных традиций парламентаризма (53,5 %); недостаточность конституционных полномочий парламента (30,5 %); неразвитость партийно-политических движений (30 %) [1, с. 41]. В деятельности парламента политическая функция нередко доминировала над законотворческой и контрольной. Это вольно или невольно превращало парламента в арену идеологических дискуссий и бесплодных политических столкновений. Срабатывал также закон бумеранга: парламентские инициативы воспринимались в обществе с недоверием, наталкивались на противодействие со стороны не только оппозиции, но и исполнительной власти.

В массовом сознании сложилось стереотипное восприятие парламентариев не как конструктивной, а скорее обременительной для общества и государственного бюджета надстройки. Даже не смотря на то, что выборы существенно изменили структуру парламента. Самую многочисленную группу в Верховном совете образца 1989 г. составляла не партийная номенклатура недавнего советского прошлого, а критически настроенная против бюрократических порядков советских времен и жаждущая реформ интеллигенция (увеличение в пять раз – с 7 % до 35 %). Доля хозяйственных руководителей увеличилась в три раза. Советы перестали быть марионеточными и однозначно послушными воле партии. Центр управления и общественного внимания уверенно перемещался из ЦК КПСС в Верховный Совет страны. Соответствующим образом менялся качественный состав депутатов других уровней. В составе Верховного Совета РСФСР созыва 1991 г. было 61,2 % представителей творческой интеллигенции, научного сообщества и СМИ, 12,9 % хозяйственных руководителей крупных госпредприятий и лишь 7,9 % представителей рабочего класса. Не говоря уже о мизерном представительстве колхозного крестьянства [2, с. 96–97]. Такая кадровая структура задавала соответствующее позиционирование депутатской элиты и как следствие отражалась на качестве ее законотворческой деятельности.

В подавляющем большинстве в демократизирующемся отечественном парламенте, таким образом, были представлены профессиональные группы, статусно и профессионально далекие от реальной политики и проблем общественного развития, от правотворчества и социально заинтересованного публичного управления. Среди депутатов не было представителей частного сектора. Отчуждение сохранилось и в последующем, когда в составе российского парламента, например, формата 1993 г. представительство рабочих и крестьян сократилось вдвое. Партактив не превышал двухпроцентной прослойки. Каждый десятый мандат оказался в руках бизнеса. Каждый третий (32,4 %) член Совета Федерации – руководитель или крупный менеджер государственного предприятия [3, с. 16].

Именно в такой достаточно радикальной переориентации состояла главная трудность становления демократической системы элитообразования в девяностые годы – трудность воспитания, инкорпорации, профессионализации, ротации и национализации элит. В том числе в ее пространственном сочетании институтов президентства, парламентаризма, губернаторства, разделения власти, публичного контроля. Трудности были серьезные. Законы демократии в рамках новой конституции действовали, с трудом, но все-таки побеждали. Перестроечные годы стали началом нового этапа в истории реализации отечественного избирательного права и освоения новых форм функционирования законодательно-представительных органов государственной власти, а значит, и новой системы позиционирования и функционирования политических элит. Избирательный процесс как «школа демократии», способная противостоять авторитарным тенденциям, постепенно сокращала расстояние между властью и обществом, помогала гражданам понять стратегическую пользу идеологического компромисса, политического сотрудничества и социального консенсуса.

Страна, как говорится, «вживалась» в демократию, стремилась к консолидированной власти и к высокопрофессиональной элите. Даже в драматических условиях 1993 г., когда под сомнением была поставлена возможность общественной стабильности, территориального единства и российской государственности в целом. Политико-идеологическое противостояние в высших эшелонах власти, серьезные сбои в управлении, социальные негативы радикальных реформ и активные сепаратистские устремления требовали не просто выборов, а решительных их трансформаций. В том числе с точки зрения изменения избирательного законодательства – отказа от института съезда народных депутатов, создания двухпалатного российского парламента, перехода от мажоритарной к смешанной избирательной системе. Политическая борьба продолжалась, но не силовыми, а все более цивилизованными методами. Более заметную роль стал играть Совет Федерации [4, с. 4–6].

Парламентские выборы 12 декабря 1993 г. с учетом известных сложностей и чрезвычайности социально-политической ситуации проводились по «укороченному регламенту», различались

по продолжительности и напряженности избирательных мероприятий. Впервые в отечественной практике осуществлялось государственное финансирование избирательных объединений. Право на участие в выборах получило 13 из 140 зарегистрированных в Минюсте России политических объединений. Победителями, как известно, оказалось восемь партий: ЛДПР – 64 мандата, «Выбор России» – 64, КПРФ – 42, «Аграрная партия России» – 37, «Женщины России» – 23, «Яблоко» – 27, «Партия российского единства и согласия» – 22, «Демократическая партия России» – 14.

Выборы позволили сформировать парламент нового формата и затем исполнительную власть. Более понятными стали политические позиции и реальные возможности ведущих политических акторов, в том числе претендующих на элитно-лидерские позиции: первые места заняли выдвиженцы ЛДПР и КПРФ. Средний возраст депутатского корпуса – 47 лет. Среди депутатов нижней палаты нового парламента было 46 женщин – 10,1 %. На выборах победило девять представителей СМИ, семь профессиональных работников правоохранительных структур, пять военнослужащих. В составе Думы было представлено 46% законодателей разных уровней, 6 % ответственных работников исполнительной ветви власти, 7% представителей государственной экономической сферы и частного бизнеса, рабочих – 1,5 %¹.

Выборы показали, что в стране многое изменилось, причем изменилось кардинальным образом. Политические партии оказались не только готовыми к выдвижению вполне достойных кандидатов, но и способных к активной политической борьбе с учетом трудностей в экономике, падения уровня жизни, роста недовольства людей и их нежелания поддерживать кого бы то ни было [5, с. 380]. Именно в этот период на обновленной политической платформе были заложены основы новой системы политического элитообразования и элитно-лидерского позиционирования – нового парламентаризма, новой системы статусных требований к главе государства, новой системы местного самоуправления, новой судебной системы. Элитно-лидерские позиции стали определяться президентскими и парламентскими выборами, поиском нового порядка формирования губернаторского корпуса и властных структур на уровне муниципального управления.

Весьма неожиданный характер носили парламентские выборы 1995 г. Пятипроцентный барьер (порог представительства) преодолели только четыре из 43 блоков и объединений, участвовавших в предвыборном марафоне, результатом стало то, что при всей многовариантности выбора избиратели распределились на несколько относительно устойчивых групп: «демократы», «консерваторы», левотрадиционалисты», «державники», «центристы». Остальные – «болото» в состоянии броуновского движения с бесконечными сменами своих политических предпочтений. После подсчета голосов и соответствующего распределения мест по общефедеральному округу 99 мандатов получила КПРФ (по одномандатным округам 53); 50 + 1 соответственно – ЛДПР; 45 + 10 – «Наш дом – Россия»; 31+14 – «Яблоко». Активизировалась Аграрная партия. На лидерские позиции вышла КПРФ: число голосов избирателей 15,4 млн (22,3 %), суммарное число мест в Государственной думе – 157. По одномандатным округам 34,2 % мандатов получили «независимые кандидаты». Кандидаты от партии «Наш дом – Россия!» победили лишь в 10 избирательных округах. Можно сказать, что в итоге проявилась биполярность российского электорального пространства: сторонники нынешней «партии власти» – сторонники «прошлого» в лице коммунистов. Все остальные оказались в осадке. Фактом также стала устойчивая ниспадающая авторитета КПСС.

В нижнюю палату было избрано 10,3 % женщин, 15,7 % депутатов (каждый шестой) в возрасте до 30 лет, с высшим образованием – 94,7 %. Ведущее место заняли депутаты, получившие естественнонаучное и инженерно-техническое образование (33,3 %), второе место – экономисты (14,6 %). Далее расположились депутаты с гуманитарным образованием – историки, политологи, писатели, журналисты (13,7 %). Юристы составляли 13,1 % от общего состава депутатского корпуса. Каждый третий – кандидат или доктор наук. Каждый пятый с научной степенью по юридическим наукам. Причем уровень образования депутатского корпуса неуклонно возрастал: с 93,4 % в 1993 г. до 98,2 % в 2003 г. и практически 100% в последующем. Многие (24,5 %) до этого избирались депутатами областных, краевых и республиканских советов. 17,6 % (т.е. каждый шестой) ранее были депутатами Верховных Советов РСФСР и СССР. Немало (18,0 %) до избрания замещали должности руководителей коммерческих структур, каждый четвертый работал в партийных, советских или комсомольских органах. А вот представители

¹ 1993: Russian legislative election // en.wikipedia.org/wiki/1993_Russian_legislative_election (дата обращения 11.12. 2022 г.).

рабочего класса завоевали лишь 6 % депутатских мандатов – чуть больше, чем это было в парламенте предыдущего созыва. Среди них один заводской мастер и один фермер. Сейчас в Государственной Думе депутатов-рабочих нет. Как и практически нет представителей творческой интеллигенции и журналистского сообщества. Наиболее значима динамика роста по трем категориям – военные, управленцы и предприниматели. Доля военных с 1993 г. до 2003 г. возросла – с 3,9 % до 11,1 %, т.е. почти в три раза [6].

В парламентской предвыборной гонке 1999 г. участвовало 26 партий, движений и блоков, пятипроцентный барьер преодолело шесть. Парламентское большинство составили представители КПРФ (113 мандатов), движения «Единство» (73) и блока «Отечество – Вся Россия» (68). Нижняя палата обновилась на две трети своего состава. Среди депутатов стало больше независимых депутатов. Также был развеян миф о полевении российского общества после кризиса 17 августа 1998 г. – количество депутатских мандатов у КПРФ уменьшилось на 28 %. Относительное поражение потерпела партия «Яблоко» (5,9 % голосов – на 25 мандатов меньше, чем в Государственной думе предыдущего созыва). Обращает на себя внимание большое число избирателей, проголосовавших «против всех». В депутатском составе стала четко просматриваться тенденция сокращения доли представителей государственного сектора экономики, науки и образования. В дальнейшем направленность и динамика изменений по указанным параметрам сохранилась. Если главной неожиданностью выборов в Государственную Думу 1993 г. была победа ЛДПР, в 1995 г. – партии коммунистов, то сенсацией избирательного процесса 1999 г. стал выход на передовые позиции межрегионального блока «Единство» (73 мандата) и движения «Союз Правых Сил» (29 мандатов). Существенно были потеснены КПРФ (44 мандата), ЛДПР (34 мандата), Яблоко (25 мандатов)¹. Не менее впечатляющим было также то, что 8,3 % голосов СПС были добыты не в результате эмоциональной наступательно-популистской пропаганды, не путем компрометации политических соперников, а в результате того, что избирателям была предложена более привлекательная по сравнению с другими программа праволиберальной направленности.

Страна и ее политический класс на практике убедились как быстро меняются политические идеалы и предпочтения элит. Общество поняло как легко можно растерять элитно-лидерский капитал в динамично меняющемся политическом пространстве. Сыграл свою роль также фактор «частного интереса». Избиратели понимали, что после государственного переворота 1991г. с каждым годом во власть, а значит, и в ряды правящей элиты стало проникать все больше субъектов, которых «не особенно заботил государственный интерес». Более того, постсоветская политическая реальность, сформировавшаяся в результате реформ 1990-х годов, стала фактором закрепления во власти «неономеклатурной элиты», т.е. элиты обновленного формата, формирующейся в условиях глубоких политических потрясений [7]. В элитном слое «мирно уживались» представители самых разных корпоративных интересов, политических воззрений и ценностных ориентаций.

Депутаты объединялись не только по партийной принадлежности, но и в неформальном порядке по профессиональному признаку и территориальным землячествам. В структурном составе делегатов Первого Съезда народных депутатов РСФСР (16 мая – 22 июня 1990 г.) насчитывалось 25 такого рода групп – «Военнослужащие», «Организаторы народного хозяйства», «Продовольствие и здоровье», «Чернобыль», «Дальний Восток и Забайкалье», «Экология», «За возвращение гражданства Солженицыну». Фактически происходила интеграция политических сил через размежевание, что было своего рода защитной реакцией политического пространства в условиях социального кризиса, когда традиционные методы преодоления конфликтов часто оказывались неадекватными новой исторической ситуации [8, с. 255]. Усилил свои позиции бизнес, сохранилась тенденция сокращения в составе депутатской элиты представителей творческой интеллигенции, работников госаппарата и СМИ. В ускоренном режиме теряли свои лидерские позиции даже самые уважаемые ранее партийные функционеры, в том числе первые секретари крайкомов и обкомов партии.

Соответствующим образом в 1999 году сработал административный ресурс – противоправная и в подавляющем большинстве случаев аморальная форма обеспечения искомого результата. Административный ресурс позволил подключить необходимые бюджетно-финансовые и сугубо бюрократические возможности. Не исключался психологический шантаж, коррупционный подкуп, манипуляция общественным сознанием, фальсификации в процессе подсчета голосов и подведения итогов голосования.

¹ Выборы в Государственную думу (1999) – Википедия // ru.wikipedia.org/Выборы в Государственную думу (1999) (дата обращения 11.12. 2022 г.).

Таким образом, «организовывалось нужное воздействие». Обеспечивался нужный накал поддержки, с одной стороны, и нужная активность оппозиционного сопротивления, с другой. Именно таким образом избирательный процесс направлялся в «нужное» русло.

А теперь проанализируем данные, представленные О.В. Крыштановской в монографии «Анатомия российской элиты» [2] и дополненные современной государственной статистикой (см. табл. 1)¹:

Таблица 1 - Стартовый социальный статус при входе в парламентскую элиту

Table 1 – Starting social status at the entrance to the parliamentary elite

	ВС РСФСР	Гос- дума	Совет Федерации	Гос- дума	Совет Федерации	Гос- дума
	1991	1993		1999		2016
Рабочие, крестьяне	7,9	4,4	2,4	6,2	3,0	0,2
Представители творческой интеллигенции	53,5	37,2	31,8	28,1	22,4	0,5
Учащиеся вузов, техникумов, колледжей, спортсмены	4,6	2,3	5,3	1,4	3,6	4,0
Партийный и профсоюзный актив	4,6	1,9	2,9	4,3	4,7	2,3
Хозяйственные руководители предприятий, ИТР	12,9	12,3	32,4	10,7	16,4	7,2
Руководители и ведущие ученые НИИ, КБ, вузов, педагоги	1,2	4,4	3,5	4,5	3,0	8,0
Работники органов исполнительной власти	6,2	4,9	0,6	1,9	6,7	15,3
Представители СМИ, специалисты по связям с общественностью	1,7	2,1	0,0	0,5	0,0	5,3
Представители хозяйствующих субъектов, в том числе аграрии, медики, экономисты	0,4	2,3	0,6	4,1	0,6	14,2
Управленцы, руководители и служащий региональных администраций	1,7	4,2	7,6	6,2	10,4	12,6
Военные и офицеры спецслужб	4,1	5,3	1,8	8,8	10,3	4,5
Сотрудники правоохранительных органов	1,2	2,2	2,3	1,9	1,8	7,3
Представители бизнеса	0,0	9,8	6,5	17,9	14,7	13,3

Представленные в таблице данные свидетельствуют, что основным источником формирования государственного элитного политико-управленческого слоя на начальном этапе становления постсоветской России была творческая интеллигенция (53,5 %). А если к этому добавить представителей науки, вузовских специалистов и СМИ, то получается, что в системе народного представительства (61,2 % депутатского корпуса, да еще плюс 3-4 % учащихся и студентов) подавляющее большинство составляли представители социальных групп, объективно далеких от политики и профессионального государственного управления. Они то и задавали политический позиционный тренд и определяли итоговое качество нового российского парламентаризма.

¹ Госдума 7 созыв. Статистика депутатов. Часть 3 // pikabu.ru/story/gosduma_7_sozyiv...deputatov_chast... (Дата обращения 12.12. 2022 г.).

Прослойка депутатов, имеющих опыт работы в органах исполнительной власти и профессионального партийного актива, не превышала 10–12 %. Правда, более половины депутатов на момент избрания находились в оптимальном интеллектуально-творческом возрасте – средний возраст депутатов составлял 53,7 года. Все с высшим образованием, 55 депутатов с учеными степенями доктора наук, 105 – кандидаты (преимущественно экономических и юридических) наук. Существенные позиции в правящей среде занимали выходцы из правоохранительных органов и силовых ведомств – примерно 12–14 %. Постепенно росло количество представителей региональных органов власти. Работники производственно-экономической сферы составляли 20,8%, из них 11–16% представители частного бизнеса. В персональном составе Верховного Совета СССР созыва 1991 г. таких насчитывалось лишь 21,2 %. Частный бизнес, естественно, отсутствовал.

Лишь в последующем ситуация существенным образом изменилась - наступал период олигархизации власти, ее распределения и контроля. Заметно уменьшилось число «профессиональных политиков», зато количество представителей крупного бизнеса за первых десять лет существования новой России выросло в 15 раз. Рабочие и крестьяне в российском парламенте практически исчезли – два мандата в Государственной Думе V созыва. А вот бывшие губернаторы, главы муниципальных администраций, председатели региональных парламентов и профсоюзные активисты в Государственной Думе VII созыва получили 112 мандатов. Региональная номенклатура была представлена 45 депутатами. Заметно убавилось представительство сферы культуры и медиа бизнеса – всего 17 мандатов[13].

Постепенно развеиваются многие мифы. В частности, миф о том, что «Единая Россия» – партия чиновников – в ее парламентской фракции представителей из органов исполнительной власти всего 10 %; миф о том, что КППРФ представляет пенсионеров и деревенский электорат – депутатов-коммунистов из села только 2 %; миф о том, что «Справедливая Россия» имеет качественно иной («новый») профессиональный и социальный состав – статистика показывает, что среди депутатов-эсеров самая большая доля чиновников (11 %) и еще больше представителей коммерческих структур (24 %)¹.

Аналогичные тенденции характерны для верхней палаты – практическое отсутствие представителей рабочих и крестьянства, резкое сокращение творческой интеллигенции при параллельном увеличении количества отставных руководителей государственных организаций. Не особенно высоки и рейтинги одобрения парламента. Рейтинг Государственной думы к концу 2019 г. закрепился на уровне 33–38 %, а Совета Федерации – 39–41 %². Общее число членов Совета Федерации – 187 человек (состояние на начало 2020 г.), из которых 170 – представители субъектов Российской Федерации (по два представителя от каждого из 85 субъектов) и 17 сенаторов, которые назначались президентом страны. После введения поправок 1 июля 2020 г. президентская квота увеличена до 30 человек. Сенаторы обладают неприкосновенностью, они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей. До 2002 г. в Совете Федерации заседали губернаторы и главы законодательных собраний регионов. В ходе реформы их заменили на региональных представителей.

В результате, как показал опыт, роль региональных элит в федеральной политике заметно снизилась, и наоборот, наблюдалось последовательное укрепление так называемой вертикали власти.

Список источников

1. Оценки политической ситуации и институтов государственной власти // Социология власти. Информационно аналитический бюллетень РАГС. 1999. № 2-3.
2. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. Монография. М.: Захаров, 2005. 384 с.
3. Парламентская демократия и федерализм в России и Германии : Опыт совместного исследования российских и германских ученых. Монография / Под общ. ред. А. Мацнева, М. Момзен. Москва-Мюнхен-Вюрцбург: Фонд Ханнса Зайделя, 1999.
4. Емельянов А. М. Государство и демократия / Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений. Тезисы докладов и сообщений на Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 10-11 сентября 1996 г. Вып. 1. Ростов-н/Д.: СКАГС, 1996.

¹ Половина депутатов Госдумы до избрания работала... // rg.ru/2008/08/25/gosduma.html (дата обращения 12.12. 2022 г.).

² ВЦИОМ: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/ (дата обращения 12.12. 2022 г.).

5. Краснов Ю. К. Государственное право России. История и современность. М.: Юристъ. 2002. 733 с.
6. Гаман-Голутвина О. В. Государственная дума ФС РФ 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава // Власть. 2006. № 4. С. 27–34.
7. Григорян Д. К. Элитарно-избирательные технологии как инструмент легитимации элитно-лидерского позиционирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 167–173. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-167-173>
8. Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Издательский сервис, 2004. 542 с.
9. Кынев А. В. Государственная Дума РФ VII созыва: между «спящим потенциалом» и партийной дисциплиной // Полития. 2017. № 4. С. 69–70.

References

1. Assessment of the political situation and institutions of state power. *Sociology of power. Informational and Analytical Bulletin of the RAGS*. 1999;(2-3). (In Russ.)
2. Kryshantovskaya O. V. *Anatomy of the Russian elite*. Monograph. Moscow: Publisher Zaharov; 2003. 384 p. (In Russ.)
3. *Parliamentary democracy and federalism in Russia and Germany: The experience of joint research of Russian and German scientists*. Monograph / Under the general editorship of A. Matsnev, M. Momzen. Moscow-Munich-Würzburg: The Hanns Seidel Foundation; 1999. (In Russ.)
4. Emelyanov A. M. State and democracy. In: *Political and administrative elite and public service in the system of power relations. Abstracts of reports and reports at the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Rostov-on-Don, September 10-11, 1996. Issue 1. Rostov-on-Don: SKAGS; 1996. (In Russ.)
5. Krasnov Yu. K. *State Law of Russia. History and modernity*. Moscow: Jurist; 2002. 733 p. (In Russ.)
6. Gaman-Golutvina O. V. The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 1993-2003: the evolution of the personnel. *Vlast'*. 2006;(4):27–34. (In Russ.)
7. Grigoryan D. K. Elite-electoral technologies as a tool for legitimizing elite-leadership positioning. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):167–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-167-173>
8. Biryukov N. I., Sergeev V. M. The formation of institutions of representative power in modern Russia. Moscow: Publishing Service, 2004. 542 p. (In Russ.)
9. Kynev A. V. The State Duma of the Russian Federation of the VII convocation: between the "sleeping potential" and party discipline. *Politiya*. 2017;(4):69–70. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. К. Григорян – кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности РЮИ МВД России.

Information about the author

D. K. Grigoryan – Cand. Sci. (Polit.), Professor at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – Branch of RANEPА; Associate Professor at the Department of Criminalistics and Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 27.07.2023; принята к публикации 28.08.2023.

The article was submitted 10.07.2023; approved after reviewing 27.07.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Поиск направлений устойчивого развития Республики Адыгея

Зуриет Анзауровна Жаде¹, Азамат Мухамчериевич Шадже²,
Инна Николаевна Гайдарева³

^{1, 2, 3}Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

¹zhadezura@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7888-8885>

²shadzhe65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6377-5036>

³alay_1968@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2398-7592>

Аннотация. В статье анализируются основные векторы устойчивого развития Адыгеи, которые занимают важное место в Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года. Подчеркивается, что интегральной частью устойчивого развития региона является решение проблем, связанных с экономической, социальной и экологической сферами. Особое внимание уделяется анализу развития туристического кластера и тенденций брендинга территории. Отмечается вклад ученых региона в разработку концепции устойчивого развития. Делается вывод о необходимости дальнейшего гармоничного сотрудничества органов региональной власти, институтов гражданского общества и представителей научного сообщества в достижении целей устойчивого развития республики.

Ключевые слова: брендинг территории, индикаторы устойчивого развития, Республика Адыгея, концепция устойчивого развития, научное сообщество, туристический кластер, устойчивое развитие региона

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2023-0004 «Потенциал брендинга регионов в укреплении российской национальной идентичности: традиции и инновации».

Для цитирования: Жаде З. А., Шадже А. М., Гайдарева И. Н. Поиск направлений устойчивого развития Республики Адыгея // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 169–175. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-169-175>. EDN USKKAS

Politology and ethnopolitics

Original article

Search for directions of sustainable development of the Republic of Adygea

Zuriet A. Zhade¹, Azamat M. Shadzhe², Inna N. Gaidareva³

^{1, 2, 3}Adyghe State University, Maykop, Russia

¹zhadezura@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7888-8885>

²shadzhe65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6377-5036>

³alay_1968@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2398-7592>

Abstract: The article analyzes the main vectors of sustainable development of Adygea, which occupy an important place in the Strategy of socio-economic development of the Republic of Adygea until 2030. It is emphasized that an integral part of the sustainable development of the region is the solution of problems related to the economic, social and environmental spheres. Special attention is paid to the analysis of the development of the tourism cluster and the trends of the branding of the territory. The contribution of scientists of the region to the development of the concept of sustainable development is noted. The conclusion is made about the need for further harmonious cooperation of regional authorities, civil society institutions and representatives of the scientific community in achieving the goals of sustainable development of the republic.

Keywords: sustainable development of the region, the concept of sustainable development, Republic of Adygea, indicators of sustainable development, branding of the territory, tourist cluster, scientific community

Financial Support: The research was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as part of the state assignment for ASU research under project № FENZ-2023-0004 "The potential of branding regions in strengthening Russian national identity: traditions and innovations".

For citation: Zhade Z. A., Shadzhe A. M., Gaidareva I. N. Search for directions of sustainable development of the Republic of Adygea. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):169–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-169-175>. EDN USKKAS

В условиях, когда мировидение, мироустройство и миропорядок стремительно теряют устойчивость, в современном научном дискурсе одно из ведущих положений занимает концепция устойчивого развития как парадигма для поиска ответов на глобальные угрозы и вызовы, стоящие перед человечеством. Настало время, когда «мировое сообщество должно задуматься над выработкой новой модели развития человечества, построенной на принципах устойчивого развития человечества и бережного отношения к планете» [1, с. 18]. Данная проблема отличается многообразием подходов и тяготеет к междисциплинарности: экономические, философские и социологические вопросы переплетаются с различными аспектами правового и политологического анализа. Мы разделяем концептуальные суждения известного специалиста в области права устойчивого развития М. В. Мажориной, согласно которым «в современном мире устойчивое развитие приобрело статус наиболее важного и влиятельного правового и во многом политического принципа во всех сферах деятельности» [2, с. 118].

Неуклонно растущий интерес к концепту устойчивого развития подтверждается созданием национальных исследовательских структур (Центр компетенций «Право устойчивого развития. ESG-стандарты» в МГЮА им. О. Е. Кутафина, Центр устойчивого развития МГИМО); обсуждением релевантных проблем на площадках ведущих форумов (Международный форум по устойчивому развитию в МГИМО); X Московский юридический форум «Устойчивое развитие России: правовое измерение» в МГЮА им. О. Е. Кутафина, Ежегодная конференция «Устойчивое развитие городов и регионов: вызовы долгосрочного планирования» в НИУ ВШЭ, Всероссийская конференция «Устойчивое развитие России: вызовы, угрозы, возможности» в РГГУ); принятием концепций¹ и разработкой стандартов в области устойчивого развития².

В Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года обозначено, что «целью пространственного развития Российской Федерации является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны³».

Исследователь, приступающий к изучению императивов устойчивого развития, сталкивается с научной дилеммой, связанной с разнородностью исследовательских подходов. С одной стороны, устойчивое развитие понимается как «всеобъемлющая парадигма Организации Объединенных Наций, основанная на развитии, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [3, с. 148]; с другой – как «общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества» [4, с. 39]. Специалисты обращают внимание и на то, что «концепция устойчивого развития – процесс экономических и социальных изменений, при котором природные ресурсы, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие

¹ Постановление N 53-16 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О Концепции устойчивого развития для государств – участников СНГ» (Принято в г. Санкт-Петербурге 26.11.2021). URL: <https://e-ecolog.ru/docs/YmE6AgliaqRFn0A0HgVI6> (дата обращения: 1 августа 2023).

² Введены в действие национальные стандарты в области устойчивого развития, разработанные Русским Регистром. URL: <https://rusregister.ru/sustainable-development/natsionalnye-standarty-rr/> (дата обращения: 1 августа 2023).

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/#0> (дата обращения: 1 августа 2023).

личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений» [5, с. 20].

Исследователи солидарны в том, что концепт «устойчивое развитие» базируется на триаде: экономическая составляющая (процессы производства, распределения, перераспределения и потребления благ), социальная составляющая (сохранение стабильности социокультурных систем), экологическая составляющая (сохранение окружающей среды, рациональное природопользование, переработка отходов и пр.).

Не вдаваясь в суть дискуссий по этому поводу, обратимся к анализу направлений устойчивого развития на уровне субъектов РФ, к которым относится Республика Адыгея. Во-первых, данная проблема находится в центре внимания ученых региона с начала 2000-х годов. Интерес представляют труды экономистов, в которых обоснованы стратегические направления повышения социально-экономической устойчивости региона (Ф. Р. Азашикова); проведен динамический анализ устойчивости социально-экономического развития республики (Э. Б. Бабалян, С. А. Хатукай); исследованы факторы и инструменты устойчивого развития региона (Е. Н. Захарова, А. А. Керашев, А. А. Мокрушин); разработаны подходы и рекомендации по формированию экономического механизма обеспечения устойчивого развития региональной экономики и АПК (А. Ш. Хуажева, С. Ю. Хут); разработан алгоритм формирования стратегии социально-экономического развития региона (В. В. Шалатов). Следует согласиться с экономистами в том, что для выявления уровня устойчивости развития «региона, и в частности, Республики Адыгея, необходимо использовать показатели, которые учитывают экономическое развитие, степень социальной напряженности, оценку экологического состояния территории» [6, с. 16].

Во-вторых, поиск векторов устойчивого развития республики занимает важное место в Стратегии социально-экономического развития Адыгеи до 2030 года, доминирующим контекстом которой является слоган «Адыгея – регион устойчивого развития на базе природы, климата и экологии», и подчеркивается, что «обязательным условием дальнейшей активизации экономического развития региона является соблюдение принципов устойчивого развития»¹.

В-третьих, в Адыгее в 2020 году создана Комиссия по обеспечению устойчивого развития экономики, основная цель которой заключается во взаимодействии в экономической сфере органов власти, а также научного и предпринимательского сообществ. В задачи Комиссии входит разработка предложений по обеспечению устойчивого развития отдельных отраслей экономики, контроль за их исполнением, проведение комплексного анализа и определение направлений дальнейшего развития экономики региона. Также комиссия призвана рассматривать вопросы поддержки реального сектора экономики, малого и среднего бизнеса, импортозамещения, усиления мер социальной защиты населения и т.д.²

По данным ESG-рейтинга российских регионов, в ЮФО с ESG-рисками лучше остальных справляется Адыгея, занявшая в 2022 году 15-е место в рейтинге, для составления которого анализировались следующие индикаторы: «экологическая составляющая (объем выбросов вредных веществ), социальная сфера (доходы населения, затраты бюджета на «социалку», уровень младенческой смертности и т.д.) и управление (уровень коррупции, прозрачность данных о доходах госслужащих и т.д.)»³. Согласно данным агентства РИА Рейтинг, Адыгея по качеству жизни в 2022 году сохранила 22-е место среди всех субъектов РФ, при этом рейтинговый балл повысился до 58⁴.

Анализируя векторы устойчивого развития региона, следует отметить, что Президент России в ходе встречи с Главой республики дал положительную оценку проводимой в Адыгее работе и отметил, что есть «много позитивных и очень устойчивых тенденций в развитии региона»⁵.

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года. URL:

<https://base.garant.ru/43636318/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 1 августа 2023).

² Распоряжение Главы Республики Адыгея от 1 апреля 2020 года № 62-рг О Комиссии по обеспечению устойчивого развития экономики в Республике Адыгея. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570752808> (дата обращения: 1 августа 2023).

³ Адыгея оказалась лидером в ЮФО по формированию устойчивого развития. URL: <https://expertsouth.ru/articles/adygeya-okazalas-liderom-v-yufo-po-formirovaniyu-ustoychivogo-razvitiya/> (дата обращения: 1 августа 2023).

⁴ Рейтинг регионов по качеству жизни – 2022. URL: <https://riarating.ru/infografika/20230213/630236602.html> (дата обращения: 1 августа 2023).

⁵ Встреча с Главой Республики Адыгея Муратом Кумпиловым. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68490> (дата обращения: 1 августа 2023).

Устойчивое развитие региона предполагает кардинальную модификацию сложившейся системы взаимоотношений общества и природы. К факторам устойчивого развития следует отнести экологические, финансово-экономические и промышленно-производственные параметры; наличие в регионе развитой инфраструктуры; продовольственную безопасность региона; региональный брэндинг; социальную сферу и многонациональную культуру.

Развитие Адыгеи направлено на реализацию стратегических целей по обеспечению устойчивости региона с достижением высокого уровня и качества жизни населения (рис. 1). Об этом многократно говорится в выступлениях руководителя региона, подтверждением чего является контент-анализ аккаунтов @muratkumpilov в социальных сетях и отчета Главы Республики Адыгея Государственному Совету – Хасэ Республики Адыгея от 23 марта 2023 г., который позволяет утверждать, что интегральной частью устойчивого развития региона являются туризм и брэндинг территории. В тексте отчета обозначены эффективные инструменты устойчивого экономического роста, многократно повествуется о направлениях устойчивого развития, особенно в части, касающейся основных тенденций в развитии региона: «расширение внешнеэкономических связей и выстраивание новых логистических коридоров; форсирование развития инфраструктуры, включая телекоммуникации, связь и дороги; качественное улучшение школьных и вузовских учебных курсов для укрепления общих для народов России ценностей; повышение престижа рабочих профессий и подготовка большого числа специалистов среднего звена; улучшение системы поддержки частной инициативы; обеспечение ощутимого роста реальных заработных плат»¹.

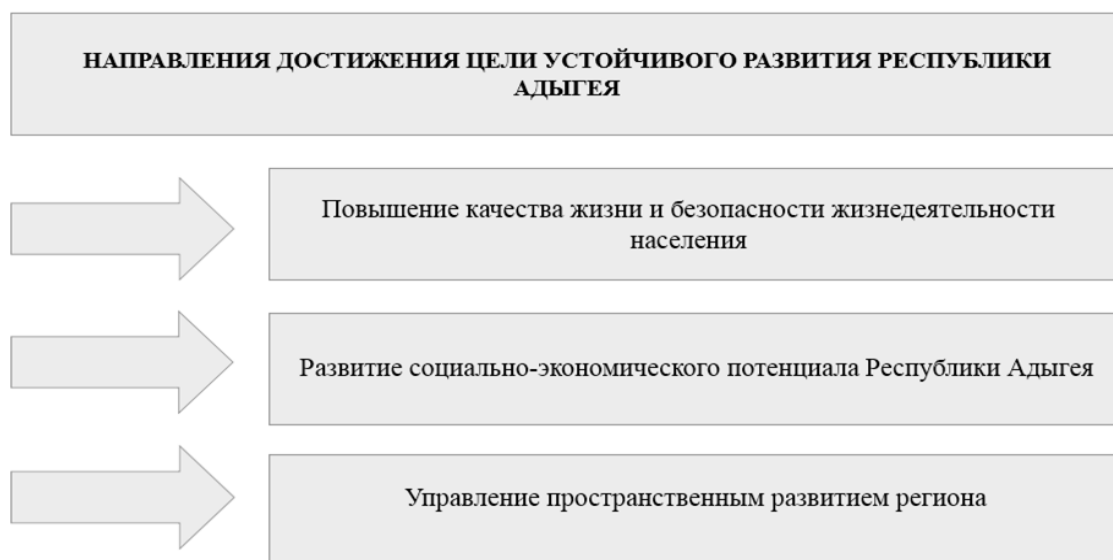

Рис. 1. Элементы обеспечения устойчивого развития Республики Адыгея
Fig.1. Elements for ensuring sustainable development of the Republic of Adygea

Источник: разработано авторами

На наш взгляд, интегральной частью устойчивого развития является политика идентичности, включающая символическую политику, политику памяти и брэндинг территории. Известно, что концепт устойчивости основан на необходимости сохранения природных и иных ресурсов для будущих поколений. С другой стороны, он относится к развитию идентичности, которая играет ключевую роль в формировании как благополучия человека, так и идентичности регионального сообщества. Концепция устойчивости связана с понятиями долговечности и постоянства, а также с динамическими изменениями, связанными с политикой идентичности, находящейся в постоянном развитии [7].

¹ Отчет Главы Республики Адыгея перед депутатами Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея о результатах деятельности Кабинета Министров Республики Адыгея в 2022 году.
 URL: <https://www.gshra.ru/documents/otchet-2022.pdf> (дата обращения: 1 августа 2023).

Рассматривая брендинг территории как инструмент устойчивого развития, следует обозначить, что Адыгея – один из первых субъектов РФ, включившихся в национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», и ставший участником федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в России». В рамках этого реализуется инвестиционный проект «Туристско-рекреационный кластер “Ворота Лаго-Наки” Республики Адыгея», который представляется точкой роста для туризма, и повлияет, с одной стороны, на развитие инвестиционной привлекательности и повышение положительного имиджа Адыгеи, с другой – на устойчивое развитие республики.

Важным показателем усиливающегося интереса к данной тематике является то, что республика является постоянным участником конкурса «Регионы – устойчивое развитие». В настоящее время активно готовится к выставке-форуму «Россия», которая будет открыта на ВДНХ в ноябре 2023 г. Планируется представить такие региональные бренды как адыгейский сыр, адыгейская соль, адыгейский чай, адыгский национальный костюм, а также презентовать аутентичные проекты и событийные мероприятия: фестиваль адыгейского сыра, Золотую Кладовую Аси Еутых, сохранение черкесских садов, республиканскую естественно-математическую школу, школу самбо и дзюдо¹. Проведение событийных мероприятий способствует инновационному развитию, росту туристического потока и популяризации туристического комплекса республики. К примеру, Фестиваль адыгейского сыра в 2022 году посетило около 35 тыс. человек. XII Фестиваль состоится 16-17 сентября 2023 г. в Майкопском районе на Даховской поляне у хребта Уна-Коз. Как отметил Глава республики, «опыт его проведения у нас большой. Сделаем все необходимое, чтобы фестиваль адыгейского сыра стал ярким и вкусным, а отдых в республике был комфортным и запоминающимся, чтобы гости Адыгеи получили море впечатлений, познакомились с нашей уникальной культурой, национальной кухней, традициями, увезли с собой приятные воспоминания и вкусные подарки»².

В то же время научное сообщество и бизнес-структуры также активно разрабатывают проекты развития рекреационного потенциала региона в целях устойчивого развития. Одной из точек роста регионального туристического кластера стал стратегический проект Адыгейского государственного университета «Адыгея – территория здоровья», реализуемый в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», включающий флагманские проекты «Адыгея без границ», «Развитие туристско-рекреационного комплекса Республики Адыгея» и «Здоровая Адыгея»³.

Свидетельством повышенного внимания к анализируемой проблеме является проведение 1-2 августа 2023 г. в Адыгее форума горных субъектов Российской Федерации «Устойчивое развитие горных территорий», на котором обсуждены вопросы, касающиеся политико-правового обеспечения устойчивого развития горных и предгорных территорий, социально-культурных факторов их развития, защиты и сохранения традиционной среды обитания горцев, российский и международный опыт устойчивого развития горных и предгорных территорий⁴.

Институт права Адыгейского государственного университета представил на форуме предложения по нормативно-правовому обеспечению устойчивого развития горных территорий в рамках реализации научного проекта, не имеющего аналогов в России, ориентированного на развитие Республики Адыгея и способного к масштабированию на уровень других субъектов Российской Федерации «Право устойчивого развития и региональная безопасность». Данный проект предполагается осуществить по двум направлениям: «Устойчивое развитие Республики Адыгея: политико-правовое измерение» и «Региональные аспекты национальной безопасности в контексте правовой модели устойчивого развития Республики Адыгея». В рамках реализации проекта в октябре-ноябре 2023 года планируется проведение, во-первых, Всероссийской научно-практической конференции «Приоритеты и перспективы устойчивого развития российских регионов: правовое измерение»; во-вторых, совместного пленарного

¹ Адыгея готовится к участию в выставке «Россия» на ВДНХ. URL: <https://sovetskaya-adygeya.ru/2023/05/03/adygeya-gotovitsya-k-uchastiju-v-vystavke-rossiya-na-vdnh/> (дата обращения: 1 августа 2023).

² Фестиваль адыгейского сыра пройдет 16 и 17 сентября в Майкопском районе. URL: <https://rg.ru/2023/07/17/reg-ufo/festival-adygejskogo-syra-projdet-16-i-17-sentiabria-v-majkopskom-rajone.html> (дата обращения: 1 августа 2023).

³ Программа «Приоритет 2030» Адыгейский государственный университет. URL: <https://prioritet.adygnet.ru/> (дата обращения: 1 августа 2023).

⁴ В Адыгее проходит двухдневное заседание Альянса горных субъектов России. URL: <https://adigeatoday.ru/news/47155.html> (дата обращения: 1 августа 2023).

заседания Общественной палаты Республики Адыгея и Адыгейского регионального отделения Общероссийской общественно-государственной просветительской организации «Российское общество «Знание» по теме «ESG-повестка: роль гражданского общества» с целью выработки системы индикаторов устойчивого развития Республики Адыгея; в-третьих, научно-практического семинара с участием представителей региональных органов власти «Устойчивое развитие Республики Адыгея: университет, общество, власть». Итогом этих мероприятий станет подготовка аналитических докладов для региональных органов государственной власти: «О стратегическом планировании в области устойчивого развития Республики Адыгея в контексте развития регионального нормотворчества» и «О потенциале региональной политики идентичности в целях устойчивого развития (на примере Республики Адыгея)».

Эффектом от реализации данного проекта станет активное вовлечение Института права АГУ в процесс выработки новых нормативных моделей в области регионального развития Республики Адыгея; создание нового регионального экспертного Центра в области права устойчивого развития; закрепление за Институтом права АГУ статуса уникальной региональной исследовательской площадки по проблемам права устойчивого развития в контексте регионального развития; создание масштабируемой модели регионального Центра; выстраивание новой модели взаимодействия университета с региональными и муниципальными органами власти в передовых областях общественных отношений; использование передовых юридических проектов Института права АГУ для формирования фронтальных региональных практик в области устойчивого развития для поднятия престижа и имиджа Республики Адыгея на национальном уровне.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что республика активно включена в работу по обеспечению устойчивого развития и целенаправленно продвигается к достижению главной цели Стратегии Адыгея-2030 – «регион гармоничного устойчивого развития с высоким уровнем качества жизни населения, расположенный в центре Южного полюса роста»¹. В достижении целей устойчивого развития республики важным представляется дальнейшая интеграция, гармоничное сотрудничество и взаимодействие органов региональной власти, институтов гражданского общества, научного сообщества и бизнес-структур. Именно на основе их социального партнерства могут быть реализованы приоритетные направления устойчивого развития Адыгеи.

Список источников

1. Пандемия COVID-19 как вызов власти и обществу: политико-социологический взгляд / руководитель авторского коллектива и ответственный редактор З. А. Жаде. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2022. 218 с.
2. Мажорина М. В. Право устойчивого развития: сущность, предмет и методология // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 5. С. 117-126. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.117-126
3. Глоссарий основных понятий устойчивого развития с комментариями / под ред. М. В. Мажориной, И. Е. Михеевой, Б. А. Шахназарова. М.: Проспект, 2022. 168 с.
4. Устойчивое развитие: Новые вызовы / Под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. 336 с.
5. Устойчивое развитие в неустойчивом мире: объединяя усилия регионов, городов и компаний: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / под науч. ред. Т. А. Колобашкиной. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023. 161 с.
6. Бабалян Э. Б., Хатукай С. А. Оценка устойчивости социально-экономического развития Республики Адыгея // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 5: Экономика. 2018. № 2. С. 15–22.
7. Жаде З. А. Политика идентичности в региональном измерении: кейс Республики Адыгея // *Общество: политика, экономика, право*. 2022. № 8. С. 13–18. <https://doi.org/10.24158/per.2022.8.1>

References

1. *The COVID-19 pandemic as a challenge to the authorities and society: a political and sociological view* / head of the author's team and responsible editor Z. A. Zhade. Maykop: Adygea State University; 2022. 218 p. (In Russ.)

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года. URL: <https://base.garant.ru/43636318/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 1 августа 2023).

2. Mazhorina M. V. Sustainable Development Law: Essence, Subject and Methodology. *Lex russica*. 2022;75(5):117–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.117-126 (In Russ.)
3. *Glossary of the main concepts of sustainable development with comments* / ed. M. V. Majorina, I. E. Mikhcheeva, B.A. Shakhnazarov. Moscow: Prospekt; 2022. 168 p. (In Russ.)
4. *Sustainable Development: New Challenges*. V.I. Danilov-Danilyan, N.A. Piskulova (eds.). Moscow: Aspect Press Publishing House; 2015. 336 p. (In Russ.)
5. *Sustainable development in an unstable world: combining the efforts of regions, cities and companies: Reports to the XXIV Yasinskaya (April) International Scientific Conference on problems of economic and Social development / under the scientific editorship of T. A. Kolobashkina*. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics; 2023. 161 p. (In Russ.)
6. Babalyan E. B., Khatukai S. A. Assessment of the sustainability of the socio-economic development of the Republic of Adygea. *Bulletin of the Adygei State University. Series 5: Economy*. 2018;(2):15–22. (In Russ.)
7. Zhade Z. A. Identity politics in the regional dimension: the case of the Republic of Adygea. *Society: politics, economics, law*. 2022;(8):13–18. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.8.1> (In Russ.)

Информация об авторах

З. А. Жаде – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ.
 А. М. Шадже – доктор юридических наук, профессор, директор Института права АГУ.
 И. Н. Гайдарева – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии АГУ.

Information about the authors

Z. A. Zhade – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Engineering and Political Science of Adyghe State University.
 A. M. Shadzhe – Dr. Sci. (Law), Professor, Director of the Institute of Law of Adyghe State University.
 I. N. Gaidareva – Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Engineering and Political Science of Adyghe State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 13.06.2023; одобрена после рецензирования 07.08.2023; принята к публикации 08.08.2023.

The article was submitted 13.06.2023; approved after reviewing 07.08.2023; accepted for publication 08.08.2023.

Социально-технологическая парадигма: особенности теоретической репрезентации модернизационных процессов

Олег Юрьевич Керимов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики теоретической репрезентации модернизационных процессов в рамках социально-технологической парадигмы. Автор подробно останавливается на концептуальных и методологических истоках теорий модернизации и неомодернизации, показывая их единство в понимании модернизационных изменений как процессов рационализации в области производственных технологий, управления производством и экономикой, политики и социокультурной сфере. Отмечается, что в социально-технологической парадигме социально-политическая модернизация репрезентируется как сопутствующий технико-технологическим и экономико-управленческим изменениям процесс.

Ключевые слова: интеллектуальные технологии, информационная экономика, креативные качества, модернизация, рационализация, социально-технологическая парадигма, теоретическая репрезентация модернизационных процессов, человеческий потенциал

Для цитирования: Керимов О. Ю. Социально-технологическая парадигма: особенности теоретической репрезентации модернизационных процессов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 176–182. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-176-182>. EDN UUNKQA

Politology and ethnopolitics

Original article

Socio-technological paradigm: features of the theoretical representation of modernization processes

Oleg Yu. Kerimov

South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the specifics of the theoretical representation of modernization processes within the socio-technological paradigm. The author dwells in detail on the conceptual and methodological origins of the theories of modernization and neo-modernization, showing their unity in understanding modernization changes as processes of rationalization in the field of production technologies, production management and economics, politics and socio-cultural sphere. It is noted that in the socio-technological paradigm, socio-political modernization is represented as a process accompanying technical, technological, economic and managerial changes.

Keywords: creative qualities, information economy, intellectual technologies, human potential, modernization, rationalization, socio-technological paradigm, theoretical representation of modernization processes

For citation: Kerimov O. Yu. Socio-technological paradigm: features of the theoretical representation of modernization processes. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):176–182.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-176-182>. EDN UUNKQA

Введение. В настоящее время сохраняется социальная и научно-теоретическая актуальность проблем, связанных с модернизацией российского общества, в том числе и теоретико-методологических. В частности, исследовательский интерес представляет анализ социально-технологической парадигмы как одной из методологических платформ теоретической репрезентации модернизационных процессов в России. Социально-технологическая парадигма, сложившаяся как платформа изучения модернизации прежде всего в качестве процесса формирования инновационной экономики, фокусируется на анализе управленческо-экономических изменений, имеющих место в современном обществе, где движущей силой развития экономики становится креативность и информация. Тем не менее модернизационные процессы эффективны, когда не ограничиваются экономикой и технологиями, а распространяются на все сферы общественной жизнедеятельности.

Технологическое и экономико-управленческое развитие требует сложившихся социально-политических и социокультурных предпосылок для формирования креативных качеств человеческого потенциала социума. Ввиду того, что модернизационные процессы в экономике, социокультурной и социально-политической сфере взаимосвязаны, но могут происходить не синхронно, а правящие элиты заинтересованы в том, чтобы модернизация ограничивалась технологиями и экономикой, ее социокультурные и политические аспекты часто остаются за гранью рассмотрения исследователей, работающих в социально-экономической парадигме. Поэтому актуальным остается анализ соотношения экономических, социокультурных и политических компонентов модернизационных процессов в их взаимном влиянии и взаимной обусловленности, в частности, в рамках их теоретической репрезентации в социально-технологической парадигме.

Специфика социально-технологической парадигмы. Модернизационные процессы в производственно-технологической и экономической сфере многими исследователями рассматриваются как обладающие первостепенной важностью, поскольку связаны с повышением экономической конкурентоспособности и материального благосостояния населения. Эти концепции подкрепляются устоявшимися в рамках формационного подхода теоретическими представлениями о «первичности» материально-производственных и институциональных факторов общественного развития и «второстепенности» факторов, связанных с культурой и политическими отношениями. В современной социально-технологической парадигме основной упор делается и делается на технико-технологических и экономических преобразованиях, которые должны образовать базу модернизационного процесса и являются приоритетной сферой реализации модернизационного проекта в целом.

В последние десятилетия произошли очень существенные, практически революционные изменения в области производственных технологий, открывшие перед человечеством широчайшие новые возможности. В свете этих возможностей изменилось и общество в целом. Экономическая модернизация рассматривается в контексте идущих процессов цифровизации экономики, внедрения высоких технологий и искусственного интеллекта, позволяющих перевести экономику на качественно другой уровень. Современная – постмодерная – экономика предстает как информационная и цифровая, и тем самым четко обозначается демаркационная линия между современностью и индустриальной эпохой.

Характеризуя отличие информационной экономики современного типа от индустриальной, исследователи отмечают: «На этапе постиндустриальной цивилизации и информационной революции компьютерные и телекоммуникационные технологии, современные средства связи резко ускоряют общемировую интеграцию по всем направлениям, наделяя процессы предшествующей индустриальной цивилизации новыми качествами и динамикой. Формируется коммуникационное единство мира, в котором скорость распространения невиданных объемов информации намного больше скорости передвижения людей и товаров. Глобальное информационное пространство преобразует экономическую, политическую, общественную, культурную деятельность. Информационные технологии многократно повышают интенсивность связей между людьми, народами и цивилизациями. Техносфера определяет жизнь людей, расширяет возможности развития человека, а интеллектуальная деятельность приобретает большую власть» [1].

Что касается обществ, находящихся в фазе незавершенной модернизации, и в том числе российского, то перед ними стоит задача обеспечить технологическую и экономическую конкурентоспособность, завершая модернизацию в условиях изменившегося современного мира. Меняется содержательная сторона модернизационных процессов: в теориях модернизации первого поколения акцентировалось различие между аграрным и индустриальным типами общества, причем под модерным

понималось именно индустриализованное, урбанизированное общество. В настоящее время модернизация ассоциируется с переходом к широкому применению высоких интеллектуальных технологий, что присуще фазе высокой модернизации и обществу постмодерного типа, существенно отличающемуся от индустриального.

Высокая модернизация связана с новым, ранее принципиально недостижимым уровнем социальной рациональности и организации общества в соответствии с возросшими возможностями интеллекта, помноженными на новые технологические возможности. В современном информационном обществе происходит технологическая и сопряженная с ней ментально-информационная революция, в результате которой бескровно складывается новая социальная формация, в которой капитал – основная экономическая сила и фактор производства индустриального социума – становится гораздо менее значимым в сравнении с обладанием информационными, знаниевыми, интеллектуальными ресурсами. Этому сопутствует, как указывают исследователи, ускорение времени, уплотнение пространства человеческой жизнедеятельности, размывание границ, интенсификация всех социальных процессов [1]. Иными словами, социальная реальность в изменившихся условиях становится качественно иной.

Революционные по масштабу и интенсивности изменения детерминированы глобальными процессами, активно идущими в двадцать первом веке. Это продолжающаяся глобализация экономики, в ходе которой интенсифицируется перетекание через национальные границы экономических, природных, финансовых, человеческих ресурсов, расширение рынков не только продукции, услуг и ресурсов, но и технологий, рост экономической конкуренции. Наряду с глобализационными изменениями значимым фактором в этом смысле является и переход к рыночной экономике в различных моделях ее совмещения с планированием в странах бывшего социалистического лагеря, которые развивают эндогенные траектории модернизации, соответствующие их культурной и хозяйственной специфике. В качестве третьего процесса исследователи называют когнитивизацию, определяемую ими как осознание обществом значимости знаний и информации как важнейшего ресурса, обеспечивающего в современных условиях устойчивый экономический рост [2].

Совокупность революционных изменений, происшедших за последние несколько десятилетий в сфере высоких технологий, цифровизация экономики и управленческих процессов, резко возросшая роль человеческого капитала – креативных способностей и знаний, потребовали соответствующих изменений и в теоретических представлениях о модернизации, которые и сами по себе за полвека претерпели значительную эволюцию. На фоне концептуальной плюрализации теорий модернизации сложился подход, получивший название социально-технологической парадигмы, в рамках которого модернизация предстает как преимущественно экономико-управленческий процесс трансформации традиционных для индустриальной фазы модерна экономических и управленческих методов и траекторий развития. И действительно, происшедшие в сфере производственных технологий и управления экономикой революционные изменения настолько масштабны, что тянут за собой обновление всех других сторон общественной жизнедеятельности.

Как подчеркивает Л.М. Борщ, «технологическая парадигма позволяет применять новые концептуальные решения и формировать теоретико-методологические подходы, что является началом новой модели экономического развития, или переходной в категорию цифровой экономической теории» [3]. При этом речь идет о новой экономической модели, имеющей характеристики новой парадигмы экономической теории, которую можно назвать технологической. Она предполагает фундаментальные изменения не только на уровне внедрения высоких технологий в производство и экономику, но и на уровне философии экономического развития.

Так, в новой технологической парадигме приоритетное место отводится человеческому капиталу: «Именно новая технологическая парадигма экономической мысли превращает человеческий капитал в доминанту экономического развития, способного обеспечить независимый переход технологических процессов. Совместно с институтами, которые формируют социально-экономические отношения в трансформационной экономике с переходом на платформы, имеющие необратимые процессы, создадутся условия «созидательного разрушения», которые определяют начало наступательного прогресса» [3].

Таким образом, идея перехода экономики на технологические платформы является своего рода неошумпетерианской. Она предполагает продуктивное соединение креативного человеческого капитала с новыми, возникшими в эпоху цифровизации, направлениями интеллектуально-технологических инноваций: блокчейн-технологиями, использованием искусственного интеллекта, Big Data, 3D-печатанием и т.п.

Как подчеркивает Д. Костень, такое комплексное продвижение инноваций с человеческими креативными усилиями способно привести к быстрому и радикальному изменению социально-экономической реальности. Отсутствие широкого внедрения инновационных технологий в производство, экономику, управление приведет к необратимому технико-экономическому отставанию и сделает невостребованными имеющиеся современные производственные мощности [4].

Согласно социально-технологической парадигме, в своих общих чертах наследующей материалистически ориентированные концепции модерна, отводящие определяющую роль экономике и производству как наиболее «материально привязанным» сферам общественного развития, без скачка в развитии и внедрении интеллектуальных технологий в настоящее время модернизация невозможна, в том числе и в непродуцированных сферах – политической, социокультурной. В последние десятилетия был пройден технологический рубеж, не пройдя который, никакая экономика не может обеспечивать современное развитие. Исходя из теории цикличности существования экономической системы, исследователи делают вывод о неизбежности трансформационных процессов в экономике, вызванных прохождением границ одних фаз и переходом к другим. Иначе говоря, экономические системы и уклады могут переживать «естественное старение», в рамках которого они уже не могут интенсивно развиваться и обеспечивать экономический рост. В такие периоды, как отмечает Л. М. Борщ, и «наступает точка трансформации перехода от традиционной к более современной экономике с другим технологическим укладом» [5]. При этом возникновение дисбаланса и кризисных процессов в какой-то одной сфере экономики влияет одновременно на все ее подсистемы.

Для выхода из кризиса экономической системы необходим своевременный переход к новейшим технологиям, требующий вложения не только экономического, но социального, человеческого капитала. Вхождение экономики в трансформационный кризис представляет собой реализацию противоречия между имеющей место социально-экономической системой и новыми тенденциями в развитии глобальной рыночной экономики.

Состояние трансформационного кризиса проявляется в возникновении или интенсификации рисков и угроз для сохранения экономической системы, причем системе всё труднее сосуществовать с этими рисками и требуется всё больше времени на реактивное осуществление необходимых изменений. Выход из кризиса требует перехода к экономике нового типа.

В этих условиях, по мнению исследователей, именно трансформационные процессы перезагружают экономику, поскольку в ходе трансформации создается новый технологический уклад. Экономика обновляется и приобретает новые типологические характеристики благодаря тому, что с внедрением инновационных технологий стимулируется рост экономической конкуренции в различных сферах, а «повышение конкурентоспособности ведет к устойчивости экономики, начинается новый эволюционный процесс формирования нового типа экономики» [5].

При этом трансформация затрагивает не только производство и экономику, но и принципиальное обновление технологии и методов управления в производственной сфере и экономике. Старые управленческие методы не могут быть достаточно эффективными в обновленном экономическом пространстве. Экономика, основанная на знаниях, наукоемких производствах, инновационных технологиях, составляет необходимую предпосылку для модернизации сферы управления, переходу к инновационным управленческим методам, и тем самым осуществляется выход на социальный уровень, поскольку управленческие процессы, основанные на взаимодействии людей, являются социальными по своей сути, даже социокультурными, поскольку речь идет и о новой культуре управления. Именно поэтому под «инновационной модернизацией экономики» понимается не чисто экономическая трансформация, а более всеобъемлющее преобразование, предполагающее изменения во всех сферах жизнедеятельности общества, такое, которое не может происходить изолированно от масштабных социокультурных изменений. Таким образом, социально-технологическая парадигма становится платформой для современного модернизационного дискурса. Несмотря на наличие определенного противоречия между стремлением к формированию сильной современной экономики и одновременным стремлением сохранить статус-кво в сфере управления трансформация экономической сферы на основе широкого внедрения инновационных технологий неизбежно имеет своим следствием модернизацию не только управления, но и всей системы общественных отношений [6].

Необходимость перевода экономики на инновационные технологии в совокупности с про-инновационной перестройкой системы управления обусловлена потребностью самосохранения общества

в условиях возросшей глобальной конкуренции и геополитических вызовов. Для того чтобы экономика обладала конкурентоспособностью, она должна основываться на соответствующих задачам современности управленческих концепциях и методах. Однако решение этих задач требует совершенствования качеств креативности человеческого капитала, формирования широкой прослойки новых управленцев, изобретателей, специалистов в сфере ИТ, а это означает изменения в стратификационной структуре общества, формирование новых страт, включающих высокооплачиваемых и, следовательно, достаточно состоятельных и независимых людей с высокоразвитым интеллектом.

В то же время социокультурные и политические компоненты модернизации рассматриваются с позиций социально-технологической парадигмы как вторичные, менее значимые на фоне тектонических сдвигов в технологической и когнитивно-информационной сферах. Однако это не означает, что социально-технологическая парадигма предлагает своего рода экономико-технологический редукционизм. Социокультурные и политические компоненты модернизации рассматриваются здесь как ее неотъемлемые аспекты, поскольку они оказывают влияние на состояние человеческого капитала социума.

Так, согласно известной теории «креативного класса» Р. Флориды, развитие креативных качеств личности и трансформация человеческого капитала на основе про-креативного развития является существенным фактором, влияющим на становление про-инновационной экономики. Разработанная Флоридой исследовательская модель позволила выявить влияние состояния региональной социокультурной среды – состояния культуры и институциональных факторов, таких как уровень инфраструктуры, системы университетского и иного высшего профессионального образования, социальной открытости – на возможности развития у индивидов креативных качеств и способностей. По мнению Флориды, наличие сети университетов не оказывает непосредственного влияния на формирование креативного человеческого потенциала в данной стране, так как высокообразованные люди могут в условиях глобализации активно мигрировать. В то же время Флорида обосновывает наличие прямого и сильного влияния на креативный человеческий капитал общества со стороны «артистической и культурной инфраструктуры» («индекс богемы»), стимулирующей развитие творческих способностей. Кроме того, он отмечает позитивное влияние высокого уровня толерантности и открытости на креативность человеческого капитала [7].

Согласно Р. Флориде, формирование креативного класса является необходимым компонентом модернизации в современных условиях. Речь идет о фазе модернизационного процесса, которую принято называть фазой высокой модернизации. Креативный класс образует социальную базу высокого модерна и постмодерна аналогично тому, как рабочий класс выступал базой советской индустриализации. Флорида связывает успех модернизации, т.е. эффективность экономики и в целом социальной организации, соответствующей современной модели, с наличием сильного креативного класса, объединяющего людей, способных к технологическим и управленческим прорывам, умеющих принимать нестандартные решения. Этот класс обладает и другими характеристиками – мобильностью, оригинальностью мышления, инициативностью, способностью ставить и решать проблемы, т.е. проблемным видением ситуаций.

Такие характеристики креативного класса возможны и востребованы в условиях глобализованного экономического и социокультурного пространства. В условиях современной России, как полагают некоторые исследователи, креативный класс еще не сформирован, но процесс выделения групповых солидарностей на основе вовлеченности в креативную деятельность уже имеет место. Так, например, по мнению Ю. Г. Волкова, в социологическом понимании креативный класс уже обнаруживает признаки существования в России в том, что характер общественных практик постепенно сдвигается от адаптации к социальной активности. Действительно, если в первое перестроечное десятилетие акцент в социальных практиках делался четко на адаптацию к сложным для индивида меняющимся условиям, то в настоящее время происходит консолидация социально активных, самостоятельных и проблемно мыслящих групп и слоев [8]. Данный исследователь полагает, что креативный класс окажется способным выполнять функцию интеграции и консолидации общества на базе ценностей творчества и общественного развития. Однако речь здесь идет главным образом о творческом подходе в социальном управлении к решению накопившихся социально-экономических проблем, а также о возникновении общественного запроса не на индивидуалистические адаптивные поведенческие стратегии, а на коллективные практики и социальную инициативу [8].

В то же время многие отечественные исследователи указывают на недостаточную представленность креативно-ориентированных групп в современной России и отсутствие необходимых условий для их расширения, а также востребованности их в сфере формальной занятости.

Выводы. Социально-технологическая парадигма позиционирует происходящие производственно-технологические и экономико-управленческие изменения как определяющие и образующие базу модернизации в современную эпоху. Однако этим изменениям необходим и сформированный соответствующий социокультурный контекст, который обеспечивал бы высокий уровень креативности человеческого потенциала, развитие самостоятельного проблемного мышления, способности принимать рискованные и оригинальные управленческие решения.

Создание социокультурных и социально-политических предпосылок для формирования креативного человеческого потенциала рассматривается в социально-технологической парадигме как основная задача модернизирующегося социума в политической и социокультурной сферах. Следовательно, они неизбежно должны быть преобразованы в направлении достижения достаточного уровня рационализации и осознанности, чтобы обеспечить благоприятную для развития креативных личностных качеств атмосферу.

Необходимо отметить, что социально-технологическая парадигма репрезентирует модернизацию как преимущественно социально-экономический и управленческо-экономический процесс, состоящий в радикальной или постепенной замене производственной инфраструктуры, технологий и принципов управления экономикой индустриального типа на современные цифровые технологии, соответствующую им инфраструктуру и инновационные технологии управления. Осуществление подобных преобразований рассматривается как необходимый реактивный ответ на вызовы современного постиндустриального социума, развитие которого давно вышло далеко за рамки индустриализма. Социально-технологическая парадигма предполагает взгляд на общество и управление им с точки зрения технологического подхода, который состоит в представлении о социальных отношениях и процессах как о технологически управляемых на основе определенного разработанного алгоритма.

Список источников

1. Кадомцева С. В., Манахова И. В. Современная парадигма социально-экономического развития. Часть I. информационная революция // *Промышленность: экономика, управление, технологии*. 2017. №5 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-paradigma-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-chast-i-informatsionnaya-revolyutsiya> (дата обращения: 09.02.2023).
2. Макаров В. Л., Клейнер Г. Б. Микроэкономика знаний. М: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. 204 с.
3. Борщ Л. М. Модернизация экономики: технологии vs человек // *Journal of new economy*. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-ekonomiki-tehnologii-vs-chelovek> (дата обращения: 05.02.2023).
4. Костень Д. Биткоин как новая форма товарно-денежных отношений. Блокчейн как новая форма инфраструктуры. Платформа как первая форма управления // *Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф.* (Новосибирск, 27 октября 2016 г.). Новосибирск: Новосибирский государственный аграрный университет, 2016. С. 46–52.
5. Борщ Л. М. Инновационная модернизация: формирование нового типа экономики, основанной на знаниях // *Креативная экономика*. 2019. Том 13. № 4. С.633-650. doi:10.18334/ce.13.4.40524
6. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКМО, 2007.
7. Хакимова Е. Р. Теория креативного класса Ричарда Флориды // *Актуальные вопросы экономических наук*. 2010. № 15-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kreativnogo-klassa-richarda-floridy> (дата обращения: 08.02.2023).
8. Волков Ю. Г. Креативный класс как интегрирующее ядро российского общества // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-klass-kak-integriruyushee-yadro-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 27.05.2023).

Reference

1. Kadomtseva S. V., Manakhova I. V. Modern paradigm of socio-economic development. Part I. The information revolution. *Industry: economics, management, technology*. 2017;5(69). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-paradigma-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-chast-i-informatsionnaya-revolyutsiya> [Accessed 09 February 2023]. (In Russ.)
2. Makarov V. L., Kleiner G. B. *Microeconomics of knowledge*. Moscow: CJSC "Publishing House "Ekonomika"; 2007 (In Russ.)
3. Borsch L. M. Modernization of the economy: technologies vs man. *Journal of new economy*. 2018;(3). Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-ekonomiki-tehnologii-vs-chelovek> [Accessed 05 February 2023]. (In Russ.)
4. Kosten D. Bitcoin as a new form of commodity-money relations. Blockchain as a new form of infrastructure. Platform as the first form of management. In: *Problems of formation of a legal social state in modern Russia: Materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference* (Novosibirsk, October 27, 2016). Novosibirsk: Novosibirsk State Agrarian University; 2016:46–52. (In Russ.)
5. Borsch L. M. Innovative modernization: formation of a new type of economy based on knowledge. *Creative Economy*. 2019;13(4):633–650. doi:10.18334/ce.13.4.40524. (In Russ.)
6. Schumpete J. *Theory of economic development. Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: EKSMO; 2007 (In Russ.)
7. Khakimova E. R. Theory of Richard Florida's creative class. *Actual issues of economic sciences*. 2010; (15–1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kreativnogo-klassa-richarda-floridy> [Accessed 08 February 2023]. (In Russ.)
8. Volkov Yu. G. The creative class as the integrating core of Russian society. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2013;(2):76–92. (In Russ.)

Информация об авторе

О. Ю. Керимов – соискатель ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

O. Yu. Kerimov – Applicant-Researcher of South-Russia Institute of Management – Branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 26.08.2023.

The article was submitted 10.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 26.08.2023.

Политизация национально-государственной идентичности в спорте как фактор деструкции спортивных традиций и принципов

Светлана Ивановна Кузина¹, Ольга Сергеевна Руденко²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹svivk@yandex.ru

²Olgarud24@icloud.com

Аннотация. Формирование национально-государственной идентичности в спортивной сфере является эффективным инструментарием представительства государств и развития международного сотрудничества через использование спорта в качестве «мягкой силы». Однако агрессивная политизация механизмов спортивных соревнований ведет к политической стигматизации спортсменов и национальных сборных относительно их гражданства в ущерб традиционным принципам и ценностям спорта вне политики. Авторы, опираясь на ретроспективный, а также институциональный и структурно-функциональный подходы, исследуют феномен политизации механизмов выработки национально-государственной идентичности в спортивной сфере, доказывают, что агрессивная политизация спорта заменяет национально-государственную идентичность политической, грань между которыми легко стирается акторами политики. В целях нивелирования деструктивной политизации процессов генерации национально-государственной идентичности в спортивной сфере, авторами предлагаются комплексные шаги по решению указанной проблемы.

Ключевые слова: дискриминация, национально-государственная идентичность, политизация, политическая идентичность, спорт, спортивные традиции, ценности и принципы

Для цитирования: Кузина С. И., Руденко О. С. Политизация национально-государственной идентичности в спорте как фактор деструкции спортивных традиций и принципов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 183–190. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-183-190>. EDN UWAEKE

Politology and ethnopolitics

Original article

Politicization of national-state identity in sports as a factor of destruction of sports traditions and principles

Svetlana I. Kuzina¹, Olga S. Rudenko²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹svivk@yandex.ru

²Olgarud24@icloud.com

Abstract. The formation of a national-state identity in the sports field is an effective tool for the representation of states and the development of international cooperation through the use of sports as a "soft power". However, the aggressive politicization of the mechanisms of sports competitions leads to the political stigmatization of athletes and national teams regarding their citizenship to the detriment of the traditional principles and values of sport outside of politics. The authors, relying on retrospective, as well as institutional and structural-functional approaches, explore the phenomenon of politicization of the mechanisms for developing

a national-state identity in the sports sphere, prove that the aggressive politicization of sports replaces the national-state identity with a political one, the line between which is easily erased by political actors. In order to level the destructive politicization of the processes of generation of national-state identity in the sports field, the authors propose comprehensive steps to solve this problem.

Keywords: national-state identity, politicization, sport, political identity, discrimination, sports traditions, values and principles

For citation: Kuzina S. I., Rudenko O. S. Politicization of national-state identity in sports as a factor of destruction of sports traditions and principles. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(3):183–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-183-190>. EDN UWAEKE

Характерной чертой современного мира, преобразующим трендом которого все еще остается глобализация, является потеря уникальности, повсеместная унификация, размывание принадлежности субъектов к той или иной культуре, к тому или иному государству. Эти процессы вызывают закономерную реакцию, отражающуюся в попытках приобрести или же вернуть определенную идентичность, особенно, если речь идет о национально-государственной идентичности.

Актуальные геополитические вызовы, тенденции к разрушению политического суверенитета заставляют современные государства искать, как институциональные основания идентичности, так и выработать механизмы политико-психологического, социокультурного и иного воспроизводства национально-государственной идентичности [1]. Происходит активный поиск сфер деятельности, подлежащих внедрению нарративов идентификации. В данном контексте спорт как исконно созидательная, пацифистская и преобразующая сфера, выступает сегодня в качестве пространства, в котором воспроизводство идентичности является уже не просто неотъемлемым, но и, в некоторой степени, институционально, и геостратегически необходимым, особенно для Российской Федерации.

Проблема заключается в том, что попытки имплементации механизмов национально-государственной идентификации в спортивные события различного масштаба, так или иначе, основаны на политических причинах, вызванных противоречиями глобализации и геополитикой, что фактически демонстрирует процесс политизации спорта не просто как сферы, а как социального феномена. Спортивные мероприятия становятся ареной не только для состязаний между спортсменами, но и для имплицитного политико-идеологического и социокультурного противостояния. И является ли подобная политизация полезной – не просто актуальный методологический, но и практический вопрос.

С одной стороны, мощное давление на Россию со стороны западных держав, а также рост национального самосознания, патриотических настроений и достижение реальных побед в спортивных соревнованиях высшего международного уровня, фактически диктуют политическую необходимость выработки национально-государственной идентичности в спорте в рамках утверждения РФ в качестве одной из ведущих спортивных держав современности. С другой стороны, чрезмерное влияние политики (а именно политика является главным инструментом воспроизводства какой-либо идентичности, что обусловлено глубинными смыслами децизионизма в коннотации К. Шмитта) ведет к практической деструкции спортивных традиций, берущих свое начало еще в Древнем мире с экехейрии (олимпийского перемирия) в Греции, превращая спорт в очередное, наполненное политическими нарративами и антагонизмами пространство, теряющее свое изначальное, созидательное предназначение.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы на основе политологического анализа понять, чем является и какой, собственно, эффект оказывает политизация национально-государственной идентичности в спорте.

С точки зрения теоретико-методологической основы, заинтересованность государства в использовании спорта в качестве одного из политических инструментов для достижения разнообразных целей (в том числе индоктринации идеологических и идентификационных оснований) обусловлена тем, что спортивную сферу можно легко использовать в рамках распространения «мягкой силы» – концептуальной формы политической власти, разработанной когда-то рядом теоретиков, самым видным из которых является американский политолог Дж. Най. По мнению ученого [2], спортивные мероприятия могут быть использованы в качестве «мягкой силы» для достижения политических целей или укрепления дипломатических отношений между странами, что не раз подтверждалось в практике взаимоотношений между бывшим СССР и США в период холодной войны, или между США и Китаем в 1970-х гг. (так называемая, «пинг-понговая дипломатия»).

Действительно, когда национальная команда соревнуется в международных состязаниях, таких, как, например, Чемпионат мира или же эпохальные Олимпийские игры, она становится объектом пристального наблюдения и полноценным символом нации, привлекая внимание со всего мира. Еще К. Л. Стивенсон считал, что национальные сборные часто выполняют функцию объединения нации, независимо от социально-политических различий, ведь когда болельщики и фанаты поддерживают своих спортсменов, они чувствуют себя частью одной большой общности [3, с. 60–61]. При этом национальные команды, спортивная инфраструктура, представление открытия и закрытия спортивного мероприятия могут привлечь заинтересованность в конкретной стране, ее культурных традициях и историческом опыте. Это также стимулирует туризм и экономическое развитие, множит привлекательность и спортивную популярность отдельных чемпионов, способствует укреплению национальных институтов спорта, социализацию молодежи [4], что так или иначе конвертируется в форм-фактор политического влияния.

В связи с этим, спорт действительно может выступать элементом «мягкой силы», направленным не только вовне, но и внутрь политической конъюнктуры ввиду того, что его «гибкая феноменальность» позволяет вырабатывать те или иные (необходимые государству) составные части политизированной идентичности и ее производные эффекты, среди которых можно выделить следующие:

1. Патриотизм и гордость – спорт объединяет людей и создает ощущение принадлежности к определенной стране или нации. Болельщики поддерживают своих спортсменов и команды, проявляя любовь, уважение, преданность к своей стране через переживание за национальные сборные, за победы и поражения.

2. Международное представительство – спорт позволяет странам представлять и позиционировать себя на глобальном уровне. Участие спортсменов в различных международных состязаниях и турнирах может дать возможность тем или иным государствам продемонстрировать качество человеческого капитала, таланты и достижения отдельных спортсменов, что автоматически вызывает интерес со стороны, как других держав, так и международных спортивных организаций (межправительственных и частных). Вырабатывая индикаторы национально-государственной идентичности, спортивные мероприятия могут строить имидж страны за ее пределами.

3. Развитие индустрии спорта – генерация национальной идентичности в спорте является сильным мотиватором для дальнейшего развития спортивной индустрии в стране. Успехи спортсменов на международной арене вносят значительный вклад в привлечение инвестиций в области строительства спортивной инфраструктуры, поддержки наиболее талантливых спортсменов, развития массового спорта и физической культуры, создания условий для благоприятного роста показателей национальной спортивной политики.

4. Интеграция и сотрудничество – те или иные индикаторы национально-государственной идентичности не только создают конкуренцию между державами, но и способствуют сотрудничеству и политической интеграции. Спортивные соревнования и турниры становятся платформой для встреч, обмена опытом между спортсменами разных наций. Это помогает развивать международные и культурные связи, выстраивать межнациональный диалог, снижать политические различия и т.д.

Исходя из выделенных эффектов, предоставляемых спортивной сферой в процессе конструирования национально-государственной идентичности, можно заключить, что подобная методология идентификации важна для единения, привлечения внимания к стране, развития инфраструктуры спортивных объектов, сплочения нации вокруг общей цели созидательного характера. Она стимулирует гордость, сотрудничество и международное представительство, что, в совокупности, является положительной стороной использования спорта в данном процессе.

Однако не все столь позитивно и созидательно в отношениях политики и спорта, так как природа политического, в сущности, не всегда направлена на созидание; она заключается в фундаментальном распределении ресурсов власти и захвате объектов подчинения, стратегическом определении союзников и врагов, дифференциации на «своих» и «чужих». Исходя из этого, закономерным является автоматическое формулирование назревающего вопроса: не является ли выработка национально-государственной идентичности в спорте одновременным построением идентичности политической через агрессивные виды политизации спортивных мероприятий и существует ли грань между национально-государственной и политической идентичностями? Ведь история знает немало примеров того, как проявление национально-государственной принадлежности в спортивных состязаниях, по сути, являлось

открытой стигматизацией по политическим взглядам и идеологиям (по формуле: *спортсмен = нация = государство = политическая позиция*).

Опыт Третьего Рейха демонстрирует контрастный пример, когда национальная принадлежность в спортивных состязаниях строилась с параллельным позиционированием политической идентификации национал-социалистов и одновременной дискриминацией на основе национальности и биологического происхождения. Во время проведения Олимпийских игр 1936 г. в Берлине нацистский режим активно использовал Игры для пропаганды национал-социалистической идеологии, а также предвзятого отношения к спортсменам еврейского происхождения. Одновременно с организацией состязаний германское правительство внимательно следило за участниками соревнований и дисквалифицировало несогласных с идеологией НСДАП представителей национальной сборной. Этот прецедент стал фактом практического злоупотребления генерацией национально-государственной идентичности в целях формирования политической, основанной на радикальных фашистских интенциях, ксенофобии и антисемитизме [5].

На примере советского кейса можно рассмотреть иной механизм использования национально-государственной идентичности в целях формирования идентичности политической. Соревнования и тренировки воспринимались советским руководством как способ продемонстрировать превосходство советской системы и коммунистической идеологии, поэтому спортивное достижение ставилось на службу политическому интересу [6]. Государство активно использовало спортивную деятельность для продвижения догматических основ советского мировоззрения (лозунги, прохождение ГТО, программы физической подготовки с внушительной долей политинформации). Сама структура спортивных отношений в СССР была пронизана элементами и агентами политической индоктринации. В спортклубах работали партийные организации, отделы агитации и пропаганды, что способствовало управляемому формированию политической сознательности атлетов, их идентичности как представителей советской системы. Однако при этом исключались любые формы национальной дискриминации и, в некотором смысле, реализовывался курс на спортивный мультикультурализм социалистической супердержавы, что никак нельзя назвать негативным фактором.

Приведенные нами примеры не единственные в мировой спортивной практике, но, на наш взгляд, наиболее ярко отражающие процессы синтезирования и создания одной идентичности через другую, в первом случае, в качестве жестокой генерации системы национального превосходства, обретенной в ущербную политическую доктрину нацизма, во-втором, в виде попытки культивирования «неразрывности» национально-государственной и политической форм идентичностей, которые были призваны доказать миру превалирующую мощь социализма над капитализмом не только в политико-экономических отношениях, но и в области спортивных достижений.

Считаем необходимым проанализировать также то, что национально-государственная идентичность в современных реалиях превращается в элемент открытой дискриминации со стороны других государств, так как автоматически воспринимается в качестве идентичности политической. Данный феномен можно рассмотреть на примере сравнительно недавних Зимних Олимпийских Игр в Пхенчхане 2018 г. [7], на которых, ссылаясь на якобы допинговые нарушения со стороны российских спортсменов, Международный олимпийский комитет (МОК) отстранил от участия в Играх Олимпийский комитет России, что, по сути, было равнозначно отстранению команды. При этом спортсмены из РФ сохранили за собой возможность участвовать в состязаниях на индивидуальной основе, но под нейтральным флагом (олимпийским). Позиционирование отечественных спортсменов в качестве «олимпийских спортсменов из России» без возможности демонстрации национально-государственной символики явилось первым в истории спорта отстранением от Олимпиады страны-участницы за допинг и крупным ударом по международному спортивному имиджу российских атлетов [8], ранее демонстрировавших впечатляющие результаты в зимних видах спорта.

Был задействован принцип субсидиарной ответственности: за применение допинга отдельными спортсменами (что еще надо было доказать в суде) понесли наказание остальные, честные спортсмены, и, в конечном итоге, была униженно наказана Россия, которую на международных соревнованиях лишили демонстрации ее государственных символов – символов национально-государственной идентичности россиян.

При этом, так называемый Доклад Макларена до сих пор не имеет под собой существенных доказательств тех обвинений, которые были адресованы российским спортсменам. На деле же ситуация

с недопуском России к Олимпийским играм связана с политической позицией РФ относительно протекавших в тот период событий на востоке Украины, а также перехода полуострова Крым под российскую юрисдикцию. Позиция и действия России в Украине вызвали бурное недовольство на Западе, чьим геополитическим императивом в достаточной степени была ангажирована Южная Корея. Именно против российских спортсменов было инициировано расследование, и только представители РФ были обвинены в нарушении допинговых норм. И, несмотря на решение Спортивного арбитражного суда, россияне не могли выступать на соревнованиях с национальной символикой до середины декабря 2022 г., что отразилось на последующих Летних Олимпийских играх в Токио, по сути, повторив политический прецедент 2018 г. с новым витком агрессивной политизации спортивных мероприятий и медийными скандалами.

Отметим отдельно, что на данный момент участие России в Летних Олимпийских играх в Париже в 2024 г. все еще остается в достаточной степени неопределенным в силу ровно тех же обстоятельств, обусловленных эскалацией геополитической обстановки в Украине и в связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операции по нивелированию угроз национальной безопасности. Политика РФ сегодня также вызывает агрессивные настроения в международных спортивных организациях, ангажированных некоторыми субъективными политизмами и односторонними взглядами на международную политику (чего в принципе не должно быть в области спорта).

Подобные эксцессы, безусловно, являются негативными и по отношению к спорту, и по отношению к самой идее национально-государственной идентичности, так как последняя может использоваться в качестве довлеющего или подлежащего политической дискриминации фактора. Важно понимать, что национально-государственная идентичность в спорте не должна быть механизмом для разделения и поляризации государств и участников спортивных мероприятий. По нашему мнению, национально-государственная идентичность является не формой политической идентичности, образуемой через агрессивную политизацию спорта, а естественным проявлением патриотизма и любви к своей стране, которое может вдохновлять атлетов и болельщиков к достижению большего результата, продвигать национальную культуру и расширять привлекательность того или иного государства.

В свою очередь, грань между национально-государственной и политической идентичностью является очень тонкой и эфемерной, подверженной «стиранию» со стороны политических субъектов. В некоторых случаях политическое влияние, властные амбиции, желание реваншизма, акты репутационных ударов проникают в спорт и искажают его изначальную, исключительно созидательную функцию. Честность и нейтральность соревнований, а также атлетическое единство устремлений и фокус на спортивные достижения подвергаются сомнению, уступая место геополитическому и межэлитному противостоянию, что ведет ни к чему иному, кроме как к деструкции спортивных принципов и традиций.

Политизация спортивных событий в целях поиска, генерации и укрепления национально-государственной идентичности, так или иначе, трансформирует современную природу спорта и подвергает мутации те духовные, нравственные, состязательные установки, которые составляют традиционный фундаментализм спортивной деятельности как одной из важнейших социальных институций. Так, агрессивная политизация национально-государственной идентичности, помимо формирования политической дифференциации участников тех или иных состязаний, приводит к следующим деструктивным последствиям:

1. Изменение правил и норм: политическое вмешательство приводит к радикальному изменению правил и норм спортивных состязаний, что сегодня может проследиваться в распространении гендерной повестки и в последующем разрешении участвовать в сугубо женских состязаниях мужчинам, совершившим трансгендерный переход (прецедент выступления новозеландской тяжелоатлетки Лорел Хаббард, бывшего Гэвина Хаббарда, на Летних Олимпийских играх в Токио в 2021 г.). Стремление МОК к внедрению политических повесток, различных форм идентичности и инклюзии вызывает возмущение не только у биологических женщин-спортсменок, но и у медиков, наблюдающих явное игнорирование научных данных о различии между полами и последствий гормональной терапии. Подобные «спортивные реформы» оказывают негативный эффект на межнациональные отношения, так как для многих спортсменов гендерная инклюзия является неприемлемой, как исходя из профессиональных, так и из этических соображений. Естественным образом такие практики приводят к деструкции традиционных спортивных стилей и методов тренировок, а также подрывают принцип объективности и честности соревнований.

2. Утрата спортивных ценностей: вытекающий из предыдущего фактор приводит к постепенной утрате спортивных ценностей, таких, как справедливость, солидарность, уважение, этика. Если политизация начинает превалировать над спортивными принципами, то сам спорт теряет связь со своими ценностными основаниями, а методология политического позиционирования приводит к негативным последствиям роста националистических настроений, этнической и расовой нетерпимости, дискриминации и «отмене» спортсменов по их национальности и гражданству (как в случае с российскими атлетами) и т.д.

3. Отток спортсменов: утрированные форматы построения национально-государственной идентичности могут привести к уходу спортсменов, особенно тех, кто не согласен с принимаемыми политическими решениями, противопоставляет себя любой политической позиции и не желает связывать свою национальную идентичность с профессиональной карьерой. Это снижает качество и состоятельность спортивных событий, разрушает национальные сборные и целые спортивные федерации, строит барьеры для социальной мобильности спортсменов.

Несмотря на то, что в зарубежной науке спорт активно рассматривается в качестве эффективного механизма конструирования национальной идентичности уже не одно десятилетие (в работах Д. Мэйола, А. Байрнера, Э. Хобсбаума и др.), все же считаем необходимым отметить, что использование этого социального института в качестве инструмента национально-государственного строительства является весьма противоречивым, как показывает проделанный анализ. Количество позитивных возможностей, которые спортивная сфера генерирует для государственной политики, должно превалировать над перечнем деструктивных факторов. Для этого важно находить правильный баланс между национальной идентичностью и политической нейтральностью в спорте, чтобы сохранить его фокус на спортивных аспектах и использовать как средство для создания международного сотрудничества, взаимопонимания и мира.

Для того, чтобы нивелировать угрозы, которые может нести в себе генерация национально-государственной идентичности в радикальных форматах в сфере спорта, по нашему мнению, необходимым является процесс онтологической «пересборки» системы взаимоотношений спортивного и политического миров. Он может состоять из следующих шагов:

1. Дифференциация спорта и политики – спорт должен быть освобожден от «политической вирулентности», способности политики влиять на конъюнктуру, социальные послылы и результаты спортивных мероприятий. Международные спортивные организации должны поставить своей целью поддерживать проводимые состязания лишь на спортивных основаниях, на ценностных парадигмах, выработанных на протяжении истории, а не с учетом политических повесток и эфемерных установок сегодняшнего дня.

2. Обеспечение независимости спортивных организаций – субъекты управления спортивными мероприятиями обязаны оперировать независимо от политических партий или правительств. Это поможет обеспечить объективный выбор спортсменов и гарантировать справедливость в соревнованиях.

3. Пропаганда традиционных спортивных ценностей – необходимо акцентировать внимание на таких аксиологических основаниях, как справедливость, уважение, спортивная честность и дисциплина. Пропагандировать нужно не яростные фобии против отдельных государств и культур, а значимость спортивных достижений и вклада каждого индивидуального спортсмена, по достоинству оценивая его заслуги с учетом уважения к нации без политической стигматизации.

4. Развитие адекватной формы толерантности и чувства взаимоуважения – создание атмосферы не переходящей рамки здравого смысла толерантности является важным шагом для предотвращения чрезмерной политизации спорта. Спортивные организации могут проводить обучающие программы и мероприятия, направленные на расширение понимания, преодоление стереотипов, уважение к различным культурам и народам. Самому спорту необходимо вернуть смысл международного праздника, а не продолжения политического противостояния на спортивной арене.

5. Контроль со стороны спортивных организаций – организаторы и администраторы мероприятий обязаны тщательно контролировать любые проявления политической активности в процессе состязаний и принимать меры против нарушителей фундаментального древнего закона экехейрии. Это поможет защитить чистоту спортивных соревнований от деструктивной политизации.

6. Вовлечение общественности – важно включать социум в диалог посредством пресс-конференций, форумов, консультаций со стороны самих спортивных организаций, так как именно они являются

первыми, кто попадает под удар политического давления. Включение общественности позволит создать транспарентную систему организации мероприятий, достаточно прозрачную для того, чтобы не возникало сомнений в политической предвзятости.

7. Поиск новых и расширение прежних векторов спортивного взаимодействия – применительно к России, полезным представляется поиск новых направлений спортивного сотрудничества с государствами и регионами (например, с Евразийской макрорегионом) [9], реализующих дружественную и партнерскую к РФ внешнюю политику. Это возможно, например, в рамках интеграционных объединений (уже запланированы спортивные игры стран-участниц БРИКС в Казани летом 2024 г.).

Все эти шаги в едином комплексе действий могли бы предотвратить чрезмерную политизацию механизмов выработки национально-государственной идентичности в спорте и сохранить его как площадку объединения и взаимного уважения участников всех стран.

Таким образом, сохранение чистоты, объективности и независимости спорта от политических влияний является залогом соблюдения принципов и ценностей спорта, возможностью оставить пространство созидания физики и духа без воздействия политических нарративов и дискурсов. Спорт должен оставаться средством для объединения людей, преодоления различий и строительства международной дружбы. Это важно для сохранения спортивной честности, интеграции, сотрудничества и достижения общих целей. При этом сама национально-государственная идентичность, без агрессивной ее политизации, является важным составным компонентом национальной политики любого государства, которая реализуется, в том числе, через спортивную сферу, и в «чистом» виде представляет собой истинное чувство неподдельного патриотизма и гордости за страну, сопричастности к эпохальным победам.

Список источников

1. Титов В. В., Хаметов Э. Ш. Спорт как инструмент формирования национально-государственной идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 213–220.
2. Най Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Н.: ФСПИ «Тренды». 2006. 224 с.
3. Стивенсон К. Л. Спорт как современный функциональный феномен: функциональный подход. М., 1979. С. 60–61.
4. Ладыгина О. В. Спорт как средство формирования национальной идентичности у молодежи / Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование. Сб. научных трудов. Екатеринбург, 2022. С. 36–42.
5. Савельева Е. В., Котов Б. С., Календарева К. Б. Олимпизм под диктатурой: борьба спортинтерна против Берлинской олимпиады в 1936 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 1 (24). С. 138–158.
6. Огородов Д. А., Добрынина М. В. Спорт высоких достижений в контексте советской политики и идеологии // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 4 (32). С. 89–98.
7. Асташкина П. Г. Олимпиада 2018 как тематическая доминанта репрезентации национальной идентичности // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/olimpiada-2018-kak-tematicheskaya-dominanta-reprezentatsii-natsionalnoy-identichnosti> (дата обращения 06.07.2023).
8. Казанцева Н. В., Амосова Т. В. Допинг в российском спорте: технологии формирования негативно-оценочной медиаповестки // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 375–379.
9. Зароднюк Г. В., Григорьев В. И., Смирнов А. С., Кобелева С. В. Стратегия развития российского спорта в Евразийской макрорегионе // Теория и практика физической культуры. 2023. № 3. С. 109–111.

References

1. Titov V. V., Khamitov E. S. Sport as a tool for the formation of national and state identity. *Social and humanitarian knowledge*. 2019;(3): 213–220. (In Russ.)
2. Nye J. *Flexible Power: how to succeed in world politics*. Novosibirsk; 2006. 224 p. (In Russ.)
3. Stevenson K. L. *Sport as a modern functional phenomenon: a functional approach*. Moscow; 1979. (In Russ.)
4. Ladygina O. V. Sport as a means of forming national identity among young people. In: *Innovative potential of youth: sport, culture, education. Collection of scientific papers*. Ekaterinburg; 2022: 36–42. (In Russ.)

5. Savelyeva E. V., Kotov B. S., Kalendareva K. B. Olympism under dictatorship: the struggle of the Sports International against the Berlin Olympics in 1936. *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*. 2021;1(24):138–158. (In Russ.)

6. Ogorodov D. A., Dobrynina M. V. Sport of high achievements in the context of Soviet politics and ideology. *Economic and socio-humanitarian studies*. 2021;4(32):89–98. (In Russ.)

7. Astashkina P. G. The 2018 Olympiad as a thematic dominant of the representation of national identity. *Scientific notes of Novgorod State University*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/olimpiada-2018-kak-tematicheskaya-dominanta-reprezentatsii-natsionalnoy-identichnosti> [Accessed 06 July 2023]. (In Russ.)

8. Kazantseva N. V., Amosova T. V. Doping in Russian sports: technologies for the formation of a negative evaluation media report. *Scientific notes of Novgorod State University*. 2022;4(43):375–379. (In Russ.)

9. Zarodnyuk G. V., Grigoriev V. I., Smirnov A. S., Kobeleva S. V. Strategy of development of Russian sports in the Eurasian macro zone. *Theory and practice of physical culture*. 2023;(3):109–111. (In Russ.)

Информация об авторах

С. И. Кузина – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» ДГТУ.

О. С. Руденко – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

S. I. Kuzina – Dr. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South Russian Institute of Management – branch of RANEPА; Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of Don State Technical University

O. S. Rudenko – Postgraduate at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South Russian Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 29.08.2023.

The article was submitted 14.08.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 29.08.2023.

Политические инновации: от институционального анализа к исследованию ценностно-мотивационной и поведенческой сферы трансфера и рецепции инноваций

Дмитрий Александрович Ленков

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, lenkov_dmitrii@mail.ru

Аннотация. Поскольку ценностно-целевая компонента инноваций становится определяющей при исследовании и решении проблем легитимности власти, консенсуса власти и общества, консолидации элит и общества, общенациональной и общегражданской идентичности, в статье обосновывается, что институциональный подход должен компенсироваться развитием исследований ценностно-мотивационной и поведенческой сферы трансфера и рецепции инноваций. В последнем случае акцент должен ставиться на моделях межэлитного взаимодействия, ценностно-мотивационной составляющей запроса элит и населения на инновации, а также на исследованиях и целенаправленном формировании политической культуры, культуры активного гражданского участия, которая играет существенную роль в рецепции и претворении в жизнь политических инноваций.

Ключевые слова: гражданское общество, политическая культура, политические инновации, социально-гуманитарная инноватика, традиционные ценности, цивилизационный код России, человеческий капитал

Для цитирования: Ленков Д. А. Политические инновации: от институционального анализа к исследованию ценностно-мотивационной и поведенческой сферы трансфера и рецепции инноваций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 191–197. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-191-197>. EDN VMAWWK

Politology and ethnopolitics

Original article

Political innovations: from institutional analysis to the study of value-motivational and behavioral sphere of transfer and reception of innovations

Dmitry A. Lenkov

South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lenkov_dmitrii@mail.ru

Abstract. Since the value-target component of innovation becomes decisive in the study and solution of problems of legitimacy of power, consensus of power and society, consolidation of elites and society, national and general civil identity, the article substantiates that the institutional approach should be compensated by the development of research on value-motivational and behavioral spheres of transfer and reception of innovations. In the latter case, the emphasis should be placed on models of inter-elite interaction, the value-motivational component of the demand of elites and the population for innovation, as well as on research and purposeful formation of a political culture, a culture of active civic participation, which plays an essential role in the reception and implementation of political innovations.

Keywords: socio-humanitarian innovation, political innovation, civil society, the civilizational code of Russia, traditional values, political culture, human capital

For citation: Lenkov D. A. Political innovations: from institutional analysis to the study of value-motivational and behavioral sphere of transfer and reception of innovations. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(3):191–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-191-197>. EDN VMAWWK

В современной политологии справедливо отмечается, что доминирование институционального аспекта рассмотрения проблемы инноваций приводило к многочисленным реформам социально-политических институтов. Как показывает актуальный анализ результатов проводимых социально-политических реформ, данный подход должен компенсироваться развитием исследований ценностно-мотивационной и поведенческой сферы трансфера и рецепции инноваций. В последнем случае акцент должен ставиться на моделях межэлитного взаимодействия, ценностно-мотивационной составляющей запроса элит и населения на инновации, а также на исследованиях и целенаправленном формировании политической культуры, культуры активного гражданского участия, которая играет существенную роль в рецепции и претворении в жизнь политических инноваций.

Следует отметить, что ценностно-целевая компонента инноваций становится определяющей при исследовании и решении проблем легитимности власти, консенсуса власти и общества, консолидации элит и общества, общенациональной и общегражданской идентичности.

Согласно теории национальных инновационных систем, институциональный и структурно-функциональный уровень решения проблем модернизации страны посредством создания и формирования институтов инновационного развития оказывается недостаточным, поскольку необходимым условием осуществления инноваций выступает человеческий капитал, его ценностно-мотивационные параметры и культурный код [1]. То есть, наряду с запросом государства и общества на инновации, наличием соответствующих институтов (мета институтов) инновационного развития, инфраструктуры, связей и т.д., позволяющих выстраивать инновационные циклы, для успеха инноваций нужен класс профессионалов, творцов, благодаря работе которых и происходит прирост знания и качественный скачок опережающего развития.

Согласно теории постиндустриального общества и теории человеческого капитала, успех инноваций зависит от наличия в обществе инновационно-реформаторского класса. Наряду с высоким профессионализмом и постденежной мотивацией, значимой характеристикой человеческого капитала, адекватной задачам инновационного развития является высокая политическая акторность. Профессионалы должны выступать реальными участниками, соучастниками политического управления и принимаемых в их областях знания решений. Несмотря на высокий процент образованных россиян, их политическая акторность остается на достаточно невысоком уровне, как считают специалисты¹.

Итак, на уровне общества в целом, и на уровне научно-образовательных и политических элит должен быть сформирован соответствующий запрос на научное творчество, самореализацию, создание принципиально новых высокотехнологичных продуктов в контексте общенациональных интересов и ценности общего блага. Более широкий ценностно-мотивационный контекст, заинтересованность в процветании страны и достижении ее стратегических целей должны выступать платформой для консолидации инновационных усилий. Соответственно в отсутствии генерализирующей общенациональной идеи в ходе проводимых ранее в России реформ и инновационных преобразований, рассогласования реальных ценностей и интересов государства, элит и общества, можно усмотреть одну из существенных причин, по которым долгие годы реформ не вывели Россию на передовые рубежи социально-технического лидерства.

Помимо проводимых в целях модернизации политической системы России административных реформ, к социально-гуманитарным инновациям, имеющим социально-политический и ценностно-мотивационный контекст следует отнести, например, концепцию социального государства, сервисного госуправления, связанного с реализацией идеи «электронной демократии», «мягкой силы», государства-медиатора, мультикультурализма и толерантного отношения к меньшинствам, концепции ненасильственных действий и т.д. [2]

Следует отметить, что идеология инноваций, инновационный запрос должен быть сформирован и поддержан на уровне как минимум трех основных политических субъектов и акторов: государство; элиты (политические, интеллектуальные, научно-образовательные, творческие, бизнес-элиты и т.д.); общество. В последнем случае следует особое внимание обратить на структуры гражданского общества и социально ориентированные НКО, поскольку с развитием полиархических структур и конфигураций власти, глобализации информационных пространств, расширения сферы публичной политики и возможностей

¹ XII международная Грушинская социологическая конференция. Секция «Человеческий капитал в условиях новых вызовов: ключевой ресурс или старая иллюзия?» URL: https://event.wciom.ru/file/stenogramma_2022/chelovecheskij%20kapital_Latov_Tihonova.pdf (дата обращения: 13. 01.2023).

политического участия и т.д., структуры гражданского общества и социально ориентированные НКО во многом замещают традиционные политические структуры представительской демократии прошлого, к которым, например, можно отнести массовые мажоритарные партии. В то же время нельзя отрицать наличие тесной взаимосвязи между акторами. Зачастую, наиболее активными представителями гражданского общества, в силу объективных причин, становятся представители элит. В дальнейшем, представляющие интересы определенных групп гражданского общества, представители элит начинают участвовать в исполнении определенных, чаще всего законодательских, функций государства. «Особая роль в формировании общественного мировоззрения отводится ярким представителям науки, культуры и искусства, а также общественным деятелям. С одной стороны, они формируют актуальную социально-политическую повестку общества, с другой – представляют точку зрения определенных научных, культурных, или общественных групп. Для обозначения этой передовой и наиболее яркой части общества введен термин «Элита». Именно лидеры общественного мнения транслируют запросы и проблематику возглавляемых групп, становятся проводниками идей в органах власти.

Наиболее влиятельные лидеры общественного мнения, представляющие значимые общественные группы, ожидаемо становятся частью политической элиты. Они генерируют передовые взгляды государства и общества. Именно прогрессивным представителям элиты свойственен поиск новаторских путей решения возникающих проблемных вопросов» [3].

Атрибутивная способность инноваций приводить к качественным скачкам, значительным, иногда радикальным переменам в обществе, обеспечивает инновациям политический контекст и ценностно-целевую компоненту, наделяя политических субъектов социальной ответственностью за последствия радикальных нововведений. Соответственно, в зависимости от желаемого предполагаемого результата инновационных преобразований, оказываются востребованными концепты социального государства, правового государства и демократического общества. Ценностно-целевая компонента инноваций предполагает, что общественный запрос на перемены это запрос на перемены к лучшему, общенациональное благоденствие и процветание, которое можно создавать совместными усилиями всех политических акторов на единой ценностно-мотивационной платформе, посредством политического соучастия, партнерства, а не только методами политической борьбы и конкуренции.

Вместе с тем, способность нового знания радикально менять социально-политические расстановки и конфигурации приводит к постоянной политической борьбе за возможность контроля над новым знанием и технологиям, которые во многих случаях равнозначны возможности контроля над переменами, версиями будущего и возможностью обеспечить себя ресурсами и властью в этом новом будущем. Соответственно, возрастает значимость демократических механизмов, посредством которых отдельные политические силы и субъекты будут ограничивать монополию на инновационное знание и прибыль от внедрения инноваций важной функцией институтов гражданского общества в новейшей истории. В то же время, демократические механизмы должны обеспечить именно конструктивное взаимодействие власти и общества. Особенно важной в этой связи становится совместная работа по публичному выявлению причин возможных протестных проявлений и решению проблемных вопросов. По мнению ряда отечественных ученых «... органы власти должны устанавливать с населением отношения солидарности и сотрудничества, путем проведения последовательной государственной информационной политики... Цель коммуникации между властью, обществом и средствами массовой информации в сфере профилактики экстремистских взглядов можно определить, как формирование в сознании населения негативного образа экстремистов, призывающих решать социально-политические проблемы путем насилия» [2].

Принимая во внимание исторические особенности пройденного Россией пути, который в 90-е гг. XX века был тесно связан с западным демократическим транзитом, попытками применения в России западных моделей управления без учета российской специфики, а также реальные отрицательные результаты осуществленных политических реформ, следует предположить, что современный этап отечественной социально-политической истории должен быть ориентирован на инновации с учетом российской специфики и ее культурно-цивилизационный типа, общенациональную и общегражданскую идентичность. Результатом данного этапа инноваций должны стать уже не имитационные, подражательные вторичные продукты и технологии, а оригинальный самостоятельный инновационный отечественный продукт, разработанный на российской почве специально для России.

Что касается государства как основополагающего субъекта инноваций, то основополагающие документы, определяющие общенациональные стратегические интересы страны, цели и перспективы ее развития, например, Концепция национальной безопасности РФ, положения, определяющие направления современной инновационной политики, свидетельствуют о том, что политическое руководство страны осознает всю важность и необходимость обеспечения опережающего инновационного развития страны и ее технико-технологической независимости, политико-экономического суверенитета страны [3]. Немаловажно, что в программных документах цели экономического благополучия и процветания тесно связаны с целями защиты и развития человеческого капитала. Поэтому задачи развития наукоемких технологий и производств тесно связаны с задачами повышения качества образования, развития патриотического самосознания молодежи с опорой на традиционные для России ценности, расширения возможностей политического участия для граждан.

Что касается запроса на инновации со стороны элит, то он так же имеет место в современной России. Как среди политической элиты, так и среди интеллектуальной и бизнес-элиты есть понимание, что возможности западного демократического и технологического транзита исчерпаны. В условиях изоляции и политико-экономического давления со стороны Запада, Россия вынуждена решить задачу импортозамещения и поиска аутентичных форм демократического политического управления.

Вместе с тем, политические инновации по отношению к политической элите всегда носят двойственный характер, который определяется самим двойственным положением политико-административной элиты в качестве одновременно субъекта и объекта инноваций. С одной стороны, политико-административная элита, за исключением представителей транснациональной элиты, заинтересована в процветании страны и нарастании ее ресурса и потенциала, поскольку это, как минимум, основа и залог восполнения ресурсов и возможности этими ресурсами распоряжаться в политических целях. А, с другой стороны, модернизация политической сферы требует от определенных групп элит отказаться от монополии контроля над инновациями, ограничивает их полномочия и возможности политического влияния в пользу других акторов политических процессов. В последнем случае элита занимает позицию самосохранения собственных должностей, привилегий, ресурсов, трансформирует и консервирует инновационные процессы в свою пользу.

Иначе говоря, элиты как субъекты и объекты политических инноваций могут иметь запрос на инновации, который не предполагает принципиальных изменений их собственных властных позиций и полномочий. Соответственно, административные политические реформы могут саботироваться элитой, развиваться в рамках теневых коррупционных схем, финансово-экономических откатов и т.д. Это не только не позволяет инновациям выйти на декларируемые цели и результаты, но и отрицательно сказывается на элитогенезе, качестве, прежде всего административных властных элит, которые обладают достаточным административным ресурсом для лоббирования и воспроизводства собственных интересов и привилегий.

Вместе с тем, следует отметить, что результаты опросов общественного мнения, аналитические итоги 2022 г. свидетельствуют о тенденции обновления бизнес-элиты. На фоне политики импортзамещения, ухода с российских рынков крупных компаний и брендов наиболее успешно адаптируется к современной ситуации малый и средний бизнес, представители которого могут стать действующими политическими акторами в составе бизнес-элит [4, с. 7].

Что касается запроса на инновации и политическую модернизацию страны со стороны общества, то ряд проведенных ВЦИОМ и другими аналитическими социологическими центрами опросов общественного мнения позволяют выделить его основные параметры.

Исследования по проблеме запроса населения на инновации выявили положительную статистику и динамику формирования идеологии инноваций за последние несколько лет. Так, например, 67 % опрошенных россиян считают инновации залогом технико-технологического лидерства и благополучия России. Более четверти опрошенных готовы стать активными участниками инноваций при поддержке государства¹. 27 апреля 2021 г.: «82 % россиян считают важным условием независимости государства технологическое лидерство»².

¹ Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности РФ». № 400 от 02.07.2021.

² Гендиректор ВЦИОМ Валерий Федоров в интервью «РГ» – о «четырёх Россиях» и трендах 2023-го. <https://wciom.ru/sobytie/gendirektor-wciom-valerii-fedorov-v-intervju-rg-o-chetyrekh-rossijakh-i-trendakh-2023-go>

С точки зрения исследования ценностно-целевого компонента инноваций, важно представить результаты актуального мониторинга общественного мнения по оценке общенациональных целей России и результативности действия властей по повышению качества жизни россиян посредством реализации приоритетных нацпроектов. «Каждый второй отметил в этом году повышение доступности интернета (51 %) и создание условий для воспитания на основе исторических и национальных культурных традиций (51 %). Последнее направление деятельности не только стало одним из наиболее результативных, но и показало наибольший прирост в сравнении с мартом-апрелем 2021 г. (+17 п.п.)»¹.

Из приведенных результатов опроса общественного мнения следует акцентировать внимание на общественной оценке цели создания условий для воспитания россиян в контексте общенациональных культурных традиций и ценностей, результативность достижения которой отметили больше половины россиян, и которая имеет положительную тенденцию роста, а также факт улучшения коммуникаций власти и общества, доступность госуслуг, в том числе посредством доступности и расширения возможностей электронных интеракций, которые положительно отметили больше половины респондентов. То есть, и абсолютное большинство опрошенного населения (99 %), и власть выделяют ценностно-целевую, морально-нравственную, патриотическую компоненту инновационной политики как приоритетную, согласны по ключевым вопросам построения социально ответственного государства и государственной социальной политики, которая носит патронажный характер. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» связывает воедино задачи сохранения традиционных для России ценностей и защиты России от социокультурных угроз, подчеркивая стратегическую важность сохранения Россией традиционной общегражданской идентичности и культурно-цивилизационного кода. При этом одним из приоритетных моральных и социальных ориентиров является патриотизм.

Результаты мониторинга 2022 г. показывают, что в России традиционные коллективистские ценности играют значимую роль. Соответственно попытки перенять западные образцы демократии и модернизации, сформированные и функционирующие на основе западных индивидуалистических ориентиров вступают в противоречие не только на структурно-функциональном, но и ценностно-мотивационном уровне с культурно-цивилизационным кодом россиян.

Итак, среди факторов, способствующих трансферу, диффузии и рецепции инноваций в современной России, следует выделить:

- Наличие у основных субъектов и акторов политических процессов в России (в обществе, на уровне элит и государства) актуального запроса на инновации и модернизацию, в том числе политическую, на фоне стратегической задачи обеспечения технико-технологического и социально-политического суверенитета и лидерства России.

- Наличие государственной инновационной политики, обеспеченной ресурсами и правовой поддержкой.

- Становление новой бизнес-элиты в условиях санкционного ограничения деятельности крупных компаний, расширения возможностей для малого и среднего бизнеса и возможностей для диалога с обществом и властью.

- Высокий уровень поддержки населением президента и правительства, одобрения внутренней и внешней политики. «Уровень одобрения деятельности президента в декабре 2022 г. составил 74 % (+10 п.п. к январскому данным). Уровень доверия Владимиру Путину с января 2022 г. вырос на 11 п.п. (с 67 % до 78 %). Индекс удовлетворенности внешней политикой властей вырос за год на 5 пунктов, внутренней – почти вдвое»².

- Возросший уровень национального согласия по ключевым моментам, связанным с пониманием места и роли России, ее традиционного мотивационно-ценностного фундамента и культурно-цивилизационного своеобразия.

- Присутствие на уровне ценностно-мотивационного ядра россиян приоритетных ценностей общего блага, взаимопомощи, патриотизма и т.д., которые являются благоприятной почвой для развития

¹ Инновации в России: от идей – к практике. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/innovacii-v-rossii-ot-idej-k-praktike> (дата обращения: 10.11.2022).

² Технологическое лидерство: актуальные вызовы. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologicheskoe-liderstvo-aktualnye-vyzovy> (дата обращения: 13. 01.2023).

гражданского активизма, формирования гражданского общества. Наличие в качестве социального идеала, героя современности образа добровольца, волонтера, социального работника, защитника отечества и т.д.¹

Вместе с тем, среди факторов, препятствующих трансферу и рецепции инноваций, следует выделить:

- Недостаточно высокие параметры развития человеческого капитала. Согласно актуальным социально-политическим исследованиям, проводимых с начала 2000-х годов, только 2-6 % населения России соответствует параметрам человеческого капитала (постденежная мотивация, высокая политическая акторность, уровень образования и доходность от него и т.д.), необходимым для инициации инноваций и последовательного проведения их в жизнь. Страты, на которые может реально опираться инновационная политика составляют порядка 20–25 % от всего населения, что недостаточно для успеха инноваций².

- Наличие у основных субъектов и акторов политических процессов в России узкокорпоративных интересов (прежде всего у политико-административных элит), потенциала сопротивления инновациям в целях самосохранения и воспроизводства существующих социально-политических привилегий. Замкнутость инновационных циклов, механизмов контроля за результатами реализации инновационной политики на административно-политические элиты.

- Использование теневых коррупционных схем и непрозрачных недемократических процедур при реализации инновационной политики и оценке ее результатов, распределения прибыли от реализации инновационных продуктов и т.д.

- Относительная пассивность населения, доминирование запроса на стабильность и порядок, материальное благополучие (вызванное затяжным социально-экономическим кризисом на фоне пандемии, падением доход населения, ограничения социальной мобильности, сужением прогнозного горизонта и т.д.) над запросом на перемены, инновационные преобразования, активное социально-политическое строительство и участие. Согласно статистике и выводам ВЦИОМ, ключевым определяющим словом 2022 года является слово «неопределенность»³.

- Расхождения в обществе по актуальным социально-политическим вопросам в зависимости от уровня благосостояния, положения в обществе, оценкам действий государства, в том числе по событиям спецоперации на Украине.

Указанные результаты опросов общественного мнения и аналитических исследований актуализируют проблему выбора модели гражданского общества, направления социально-политической модернизации, адекватных истории, реалиям и менталитету современной России.

Список источников

1. Freeman, C. *The Economics of Industrial Innovation – 3rd Edition*, The MIT Press, 1997.
2. Воронцов С. А., Шарков Ф. И., Понеделков А. В. Проблемы коммуникации между властью, обществом и СМИ в сфере профилактики экстремизма. // *Коммуникология*. 2021. Том 9. № 1. С. 99–111.
3. Ленков Д. А. Роль региональных элит в процессе формирования институтов гражданского общества и реализации социальных функций государства // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2021. № 3. С. 191–195. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-191-195>.
4. Старостин А. М. *Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели // Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики: Сб. трудов Международной научной конференции*. Ростов н/Д.: Донское книжное издательство, 2013.

¹ Национальные цели: что сделано, что впереди? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-celi-chto-sdelano-chto-vpered> (дата обращения: 13. 01.2023).

² XII международная Грушинская социологическая конференция. Секция «Человеческий капитал в условиях новых вызовов: ключевой ресурс или старая иллюзия?» URL: https://event.wciom.ru/file/stenogramma_2022/chelovecheskij%20kapital_Latov_Tihonova.pdf (дата обращения: 13. 01.2023).

³ Итоги 2022: события, герои, планы на новогодние праздники. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogi-2022-sobytiya-geroi-planu-na-novogodnie-prazdniki> (дата обращения: 13. 01.2023).

References

1. Freeman C. The Economics of Industrial Innovation. – 3rd Edition, The MIT Press, 1997.
2. Vorontsov S. A., Sharkov F. I., Ponedelkov A.V. Problems of communication between the government, society and the media in the field of extremism prevention. *Communicology*. 2021;9(1):99–111. (In Russ.)
3. Lenkov D. A. The role of regional elites in the formation of civil society institutions and the implementation of social functions of the state. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):191–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-191-195>.
4. Starostin A. M. Philosophy of social and humanitarian sciences and innovations: basic models. In: *Social and humanitarian cognition in the context of philosophical innovation*: Proceedings of the International Scientific Conference. Rostov-on-Don: Don Book Publishing House; 2013.

Информация об авторе

Д. А. Леньков – старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. A. Lenkov – Senior Lecturer at the Department of Civil and Business Law of South-Russia Institute of Management – Branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 26.08.2023.

The article was submitted 10.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 26.08.2023.

Гностические корни идеологии германского национал-социализма: философско-политический аспект

Владислав Алексеевич Лихотинский

Многофункциональный учебный центр «Evoland», Ростов-на-Дону, Россия, lva1000@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0211-2674>

Аннотация. В статье исследуется германский национал-социализм как феномен, имеющий глубокие религиозно-философские корни. Опираясь на подход Л. Гумилёва, а также задействуя исторический материал, автор рассматривает генезис и суть идеологии германского нацизма как политико-антропологического и идеологического явления. В статье подчёркивается разрушительный характер нацизма, его деструктивное воздействие на этнос, в среде которого этот политический феномен получил развитие.

Ключевые слова: антисистема, ариософия, германский национал-социализм, гностицизм, метафизический расизм, негативное мировоззрение, негативное мироощущение, теософия

Для цитирования: Лихотинский В. А. Гностические корни идеологии германского национал-социализма: философско-политический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 198–204. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-198-204>. EDN FSSZKP

Politology and ethnopolitics

Original article

Gnostic roots of the ideology of German National Socialism: philosophical and political aspect

Vladislav A. Likhotinsky

Multifunctional training Center "Evoland", Rostov-on-Don, Russia, lva1000@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0211-2674>

Abstract. The article examines German National Socialism as a phenomenon with deep religious and philosophical roots. Relying on L. Gumilev's approach, as well as using historical material, the author examines the genesis and essence of the ideology of German National Socialism as a political, anthropological and ideological phenomenon. The article emphasizes the destructive nature of Nazism, its destructive impact on the ethnic group in which this political phenomenon was developed.

Keywords: gnosticism, negative attitude, negative worldview, anti-system, theosophy, ariosophy, metaphysical racism, German national socialism

For citation: Likhotinsky V. A. Gnostic roots of the ideology of German National Socialism: philosophical and political aspect. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):198–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-198-204>. EDN FSSZKP

Введение. Крах СССР, социалистического лагеря и резкое падение влияния коммунистической идеологии неизбежно освободили «жизненное пространство» для правого радикализма вообще и нацизма в частности. В последние тридцать лет наблюдается рост влияния праворадикальных организаций не только в Западной Европе, но в пространстве бывшего СССР. Нынешние события на Украине отчётливо демонстрируют опасность нацизма, его жизнеспособность и востребованность в современном мире как политического оружия. Наиболее ярким, «классическим», примером нацистской идеологии, демонстрирующим особенности зарождения и общую логику развития этого феномена, на наш взгляд, является германский нацизм первой половины XX века. Корни германского нацизма отчасти

уходят в Средневековье, когда на основе позднеантичной религиозно-философской парадигмы – гностицизма получили развитие некоторые христианские ереси, содержавшие в себе идею метафизического неравенства людей. Цель данной статьи – выявить этническую природу, религиозно-философские корни, идеологические характеристики германского национал-социализма как политического феномена.

Антисистема как источник негативного мировоззрения. Ответ на вопрос, что такое гностицизм, какова его глубинная природа, даёт выдающийся российский этнолог Л. Гумилёв. По его мнению, взаимодействие этносов с разным уровнем пассионарности может стать причиной формирования мировоззрений разрушительных по своему характеру. Отрицательное мироощущение становится здесь основой для развития негативного мировоззрения.

Неприемлемые для этноса условия окружающей среды, а также тяжелые условия жизни вообще, согласно Гумилёву, также могут стать причиной существования антисистемы. Негативные мировоззренческие системы всегда оправдывали зло. Согласно таким взглядам на жизнь, смерть – это благо, спасающее от страдания, зла и несправедливости. При этом Гумилёв отмечает, что возможно формирование антисистем как обычных этносов, отличающихся особым мировоззрением [1, с. 492]. Антисистемам присуща устремлённость в будущее. Здесь прошлое, вместе с его наследием, считается не имеющим значения, а настоящее считается важным только как пролог к будущему. Антисистема неизбежно входит в противоречие с уже существующей этнической (религиозной) традицией оценивая её как пагубное заблуждение. Специфической особенностью антисистемы является то, что она экстерриториальна. Негативный характер идеологии антисистемы делает её агрессивной в отношении окружающего мира. Требования совести руководят поведением нормального этноса. В антисистеме каждый её член в этом смысле становится свободным, так как здесь провозглашается свобода от морали. В ситуации, когда снимаются внутренние ограничения, антисистема опирается на репрессивные средства для регулирования поведения своих членов.

Немецкая антисистема и нацистская идеология. Четырнадцать лет существования Веймарской республики были для немцев очень тяжёлым временем. Поражение в Первой мировой войне переживалось ими болезненно. Версальский мир, заключённый в 1919 году, документально зафиксировал фактическую утрату государственного суверенитета и означал национальное унижение. Позднее агрессивная политика Франции по отношению к немецкому государству усиливала негодование немцев. Правые радикалы говорили о том, что война продолжается политическими и экономическими средствами. Речи о необходимости реванша сделали политическую фигуру Гитлера очень привлекательной не только для ветеранов прошедшей войны, но и для патристически воспитанной молодёжи [2].

По нашему мнению, условия жизни, сложившиеся в Германии после Первой мировой войны, способствовали формированию этнической антисистемы с присущим ей негативным мировоззрением на базе которого сформировалась разрушительная нацистская идеология.

Германский нацизм был эклектичной идеологией. Он включал в себя элементы социального дарвинизма, нищезанства, восточной мистики и средневековых учений гностического толка. Взяв у Ницше идею сверхчеловека, нацизм приступил к расовой и национальной сегрегации, что стало новшеством в истории антисистем.

Естественным для антисистемы было наличие сакральной фигуры харизматического вождя и чёткой иерархической организации (нацистские ритуалы имели средневековые прототипы).

Германские нацисты преследовали цель уничтожения одних этносов и порабощение других, что вызвало логичную защитную реакцию у здоровых этнических систем. Это обстоятельство стало причиной перерастания борьбы с нацизмом во Вторую мировую войну. Результатом войны стала ликвидация германской и иных союзных ей антисистем того времени.

Существенной характеристикой германской нацистской антисистемы было то, что она овладела ресурсами нескольких государств, задействовала в реализации своих политических планов науку и промышленность. Однако, достичь своих целей гитлеровская Германия не смогла. Это доказывает неспособность антисистем победить преобладающее в мире позитивное мироощущение [3].

Гностическое мировоззрение. Гностицизм – своеобразная религиозная философия первых веков нашей эры. Включив в себя элементы иудейских, христианских и языческих верований он основывался на языческом толковании библейских текстов. Гностицизм отверг библейский монотеизм, аллегорически трактовал евангельские события. Центральной религиозной задачей, которую ставили себе адепты гностицизма было спасение при помощи умозрительного знания. Гностики серьёзно размышляли

над тем, как и почему дух человека оказался помещённым в «злую» материю и как можно его высвободить. Создавая экспериментальное христианство, они понимали его как сакральное знание [4].

Гностицизм всегда был представлен множеством сект, верования которых были основаны на общей идее. По мнению гностиков, материя является результатом творческого акта низшего божества Иалдаваофа, отождествляемого с библейским Яхве. Он якобы воспрепятствовал получению Адамом и Евой тайного знания от змея в райском саду, а в последствии дал человечеству десять «вредных» заповедей [5, с. 113]. Материальный мир, созданный «низшим божеством», предельно удалён от верховного Бога, поэтому рассматривается как воплощённое зло. Гностики, практикуя магию, верили, что ставятся хозяевами окружавшего их мира.

Гностицизм никогда не был единым учением, это скорее парадигма на базе которой строились различные учения, однако можно выявить его основу, состоящую из нескольких базовых положений.

Во-первых, это резкое противопоставление духовного мира материальному. Причём, если духовный мир оценивается как мир добра, света и знания, то материальный мир считается злом и тьмой.

Согласно мировоззрению гностиков, мир света является порождением безличного Верховного Бога. Этот мир населён духовными силами-эонами. Один из этих эонов под именем София породил демиурга – ущербное существо, создателя материального мира. Отсюда следует вывод, что сам факт существования материального мира – печальное недоразумение, а творец такого мира – бог-неудачник сотворивший зло. Дух человека, будучи частицей божественной Плеромы, совершенен и безгрешен. Его целью является высвобождение из темницы материи и растворение в высшем, духовном бытии.

Во-вторых, путь к духовному освобождению – это путь выявления человеком в себе высшей сущности при помощи сокровенного знания – гнозиса, принесённого в мир людей одним из эонов – Христом. Спасительным здесь является не достижение добродетели через преодоление греха, а поиск сокровенного знания. Оно рассматривается как сверхъестественная сила, приносящая своему обладателю могущество.

В-третьих, идея метафизического неравенства. Гностики были убеждены, в духовном неравенстве людей, в том, что тайны гнозиса в принципе не доступны всем. Гностическое видение человечества предполагает его деление на три «касты». Низшая «ступень» в этой конструкции – «гилики» (hylikoi) – индивиды у которых духовное начало отсутствует. Они существуют в плоскости материальных интересов, придерживаются массовых стереотипов, у них отсутствует самостоятельное мышление. Выше располагаются «психики» (psichikoi) – это люди, обладающие некоторыми способностями к познанию, но ограниченные в своих возможностях привязанностью к материи. На самом веру в гностической иерархии находятся «пневматики» (pneumaticoi) – совершенные «духовные» личности, носители гнозиса. Такие среди людей встречаются крайне редко. Они являются высшей «кастой» не благодаря личным заслугам, а исключительно в силу врождённых качеств. Пневматики не ограничены какой-либо моралью и в этом смысле совершенно свободны. Спасутся они только потому, что души их проникли в этот мир из высшего царства света и только они в состоянии обрести гнозис, дающий силы вернуться «домой». Такой взгляд на человечество, по нашему мнению, фактически является своеобразным «метафизическим расизмом», возникшим в специфических условиях позднеантичного Средиземноморья, где происходило тесное взаимодействие очень разных культур и этносов.

В-четвёртых, так как творец материи в воззрениях гностиков это «бог-неудачник», создания которого крайне несовершенны, а его заповеди бессмысленны и вредны, убийство и самоубийство является вполне приемлемым актом. Спаситься, освободив свой дух из пут гнетущей материи могут лишь пневматики, в то время как психики и гилики не способны на это. Сокровенное знание обретается через «трансцендентное пробуждение», которое в свою очередь, которое достигается в процессе использования магических практик. Носитель такого знания становится обладателем сверхчеловеческих способностей и бессмертия.

В-пятых, это неморальность гностицизма. Зло живёт в материи, а человеческий дух к нему не причастен. По этой причине духовное начало в человеке не несёт ответственности за зло и не повреждается им. У гностика отсутствуют моральные ориентиры и нормы. Главное – это сила, возникающая из знания, которое и есть добро.

В-шестых, это засекречивание магического знания, которое предполагает несколько «уровней допуска» к нему для адептов разных степеней посвящения. Рядовым членам гностической общины внушается чувство долга в отношении «духовного» лидера, который вместе со своим ближайшим окружением

осуществляет циничную эксплуатацию всех остальных. Кроме того, гностическая доктрина не является чем-то цельным. В верхушке «иерархии» провозглашаются «истины», которые противоречат тому, во что верят низы [5, с. 12-15]. Гностицизм почти прекратил своё существование уже в поздней античности, но в средние века получил новую жизнь, в рамках верований катаров, тамплиеров и богомилов. По мнению Гумилёва, в IX-XII вв. существовало множество подобного рода учений на землях от Тибета до территории нынешней Франции [6, с. 85].

Таким образом, параллельно с генезисом ортодоксальной христианской теологии, во времена поздней античности зародилась и позднее получила развитие религиозно-философская парадигма, ставшая основой для негативного мировоззрения [7, с. 36].

Гностицизм в Средние века и Новое время. Главным носителем гностицизма на закате Средневековья был орден розенкрейцеров, которые вынашивали план создания глобальной власти «просвещённых». В качестве базового ресурса этой власти рассматривалась экуменистическая всемирная религия. Позднее, XVIII веке, единомышленниками розенкрейцеров стали масоны. Розенкрейцеры, в свою очередь, превратились в «гностическую лабораторию» как часть масонства, действующую с целью разрушения христианства.

Руководствуясь такими же соображениями, позже теория эволюции была фактически превращена в религиозный догмат, не доступный для научной критики и ставший основой для социального дарвинизма. Изобретением масонства стала также евгеника, впоследствии получившая развитие в нацистской Германии [5, с. 18-60]. Во второй половине XIX века гностический образ мышления стал доминировать в политических элитах стран Западной Европы вообще и в элите Германии в частности. В дальнейшем гностические изыскания немецких интеллектуалов стали значимым фактором формирования идеологии германского национал-социализма.

Поиски нацистских интеллектуалов. Первые попытки соединить гностицизм с расизмом были осуществлены за пределами Германии одним из крупнейших гностических авторов XIX века – гражданкой США Еленой Блаватской. Блаватская создала собственное теософское гностическое учение, которое объединило в себе элементы христианского, индуистского и буддийского мистицизма, а также языческих мифов древней Европы [8, с. 536].

В своём главном труде «Тайная доктрина» она изложила собственное оккультное учение о расах. Согласно этому учению, человечество как вид не имеет общего происхождения. Блаватская писала о семи последовательно возникших в разных регионах мира «коренных» расах, часть из которых поныне существует параллельно друг другу. Среди этих рас она выделяет пятую коренную, «благородную» арийскую расу [9].

К «исследовательским достижениям» Блаватской можно также отнести то, что она соединила предание об Атлантиде с расовой теорией. Атлантидо-арийские племена здесь рассматриваются как основатели египетской цивилизации возникшей после гибели Атлантиды, которая отождествляется с мифической Гипербореей. С Севера же, по мнению Блаватской, происходят все боги, древние религиозные верования и мифы [10, с. 70–71]. В последствии, это учение оказало значительное влияние на взгляды Генриха Гиммлера и не только его.

Очередным этапом в развитии гностицизма стала ариософия Йорга Ланца фон Либенфельса. Его, на наш взгляд, вполне можно считать последователем Блаватской. Либенфельс выдвинул собственную версию генезиса рас, основанную на германских мифах. Исследователь писал о том, как бог неба Ринг от трёх женщин произвёл на свет три человеческие расы. Первая из них – Эдда, родила расу животных-слуг. Другая – Эмма расу крепостных крестьян. Третья – Мортир, породила белокурую знать и героев. Вариация на тему троичного гностического деления человечества, но на это раз на базе расового а не духовного принципа. Точнее сказать «внутренний свет» «высшей расы» пневматиков здесь превратился в физические признаки. Либенфельс настаивал на стерилизации евреев – людей «низшей расы» и высылке их на Мадагаскар, а также на использовании таковых в качестве вьючных животных. В отдельных высказываниях он ратовал за их сожжение в качестве жертвоприношения во имя «расовой чистоты» нового мира. Важно отметить, что свои описания Либенфельс публиковал в журнале «Остара» – одном из любимых журналов Гитлера [11, с. 61–62].

Один из основоположников «арийской» теории, англо-немецкий писатель Хьюстон Стюарт Чемберлен в своём труде «Основы XIX века», вышедшем в свет в 1899 г., объяснял борьбу между христианством и гностицизмом как борьбу между евреями и индогерманцами. Чемберлен выстраивал свою

картину мира на основе противопоставления дух полюсов. С одной стороны – иудео-христианство, евреи и мировая власть, а с другой – греческое языческое познание, метафизика, индогерманцы.

Заметным гностическим автором в среде нацистских интеллектуалов был особый уполномоченным по вопросам общего и мировоззренческого обучения и воспитания в НСДАП Альфред Розенберг. В своей книге «Миф XX века», ссылаясь на зороастрийские тексты, он писал о северной Атлантиде. Оттуда, по его словам, начинали свои походы отряды арийских воинов, движимые «нордической тягой» к завоеваниям. Термин «плерома», означавший у ранних гностиков божественную полноту, Розенберг трактует как реально существовавшее доисторическое государство арийцев-протогерманцев. Искра духа, сосредоточенная в крови, здесь становится материальной субстанцией наследуемой биологически. Потеря изначального состояния произошла из-за смешения с представителями низших рас, не имевших в себе света. Розенберг писал о зарождении новой религии способной защитить божественную сущность высшей расы. Основанная на особом «светлом» знании и «нордической крови» она способна заменить старое христианское таинство Евхаристии.

Приверженец ариософии Гвидо фон Лист был уверен, что древние германцы являлись носителями гностической религии, которая открывала доступ к тайнам бытия. По его словам, в Эдде бог Вotan фигурирует не только как бог воинов, но как могущественный маг. Акцент в рассуждениях Листа постоянно делался на могущество человеческого духа и его единство с высшей силой в котором и выражается гностический характер вотанизма. Исследователь разделяет древнегерманскую религию на вотанизм и арминизм. Это две формы одного и того же учения. Арминизм здесь отличается от вотанизма более глубоким, таинственным и мистическим характером. По мнению Листа, он давал древнегерманским вождям огромную власть над своим народом. Лист постоянно ссылался на «Тайную доктрину» Блаватской, не используя привычный термин «немцы», а употребляя слово «ариогерманцы». Учение «Тайной доктрины» о семи «корневых расах» Лист истолковал по-своему. Он полагал, что ариогерманцы являются пятой расой в нынешнем историческом периоде, а имена легендарных тевтонских исполинов дал четырём расам, которые существовали ранее. Две первые расы – астральную и гиперборейскую Лист связывал с именами титанов Имира и Оргельмира. Третью расу с титаном Трудгельмиром. Пережившему всемирный потоп Титану Бергельмиру, в этой схеме родственны дилювиальные атланты – четвёртая раса [12].

Идеология германского нацизма. Логичным следствием сумбурности гностических измышлений нацистских авторов стало то, что идеология, основанная на таких взглядах, стала аморфной и неясной. Об этом неоднократно писали отечественные и зарубежные исследователи германского нацизма. Кроме того, имела место подмена одних политических принципов другими вызванная меняющейся политической конъюнктурой. Можно определённо сказать, что не существует стройной нацистской доктрины. Идеология германского национал-социализма скорее представляет из себя нагромождение политических мифов, что естественно вытекает из гностического представления о примате мифологии над философией. Иррациональное и инстинктивное нацизм однозначно ставит выше рационального. Этой идеологии присущ метафизический взгляд на мир, наличие абстрактных догм, вера в особую харизму политического лидера.

Ядром идеологии Третьего рейха являлся принцип «расово чистой» нации. Здесь именно нация, а не класс или конфессия рассматривается как главная ценность, фундамент государства. Государство, согласно нацистской идеологии, имеет второстепенное, служебное значение. Соответственно интересы нации выше интересов всех остальных социальных групп. Нацистская власть интересами нации обосновывает все решения и действия в области внутренней и внешней политики. Расовая сегрегация, геноцид и захватнические войны в данном случае выступают как совершенно оправданные и даже необходимые действия. Деление наций на расово «полноценные» и «неполноценные» здесь является совершенно логичным и неизбежным [13].

Как уже было сказано, гностицизм утверждал онтологическую разделённость человечества на три категории – пневматиков, психиков и гиликов. Такого рода деление, по нашему мнению, в XX веке стало одной из основ для нацистской идеи о существовании «культуросозидающих» наций, народов «поддерживающих культуру» и народов «культуроразрушающих». К первым нацисты относили так называемых «арийцев» - немцев, англичан, североευропейские народы; ко вторым причислялись славяне и жители некоторых государств Латинской Америки и Азии; к третьей категории по мнению нацистов принадлежат евреи, цигане и негры [14, с. 233].

Германский национал-социализм, определяя понятие «нация» задействовал подход отличный от культурно-исторического или правового. Этот подход можно определить, как расово-биологический, с явным мистико-гностическим оттенком. Нация трактуется здесь не как совокупность субъектов права, граждан единого государства и не как исторически сформировавшаяся общность с рядом единых культурных характеристик. Нация – это общность крови, фактически наделяемой сверхъестественными свойствами. Конечно представителей нации объединяет ряд общих фенотипических признаков. Так проявляет себя иррациональное, гностическое начало придающее расизму метафизический характер. Нацистские теоретики, придавая понятию народ как биологическое, так и метафизическое значение, рассматривали его вне социального содержания [13].

Резюмируем сказанное выше. В кризисные эпохи, вызванные экономическими и политическими катаклизмами, формируются общности называемые в этнологии антисистемами. Их специфической характеристикой является наличие негативного жизнеотрицающего мироощущения. К таким общностям можно отнести гностические секты Античности и Средневековья. Несмотря на доктринальные отличия, их объединяло наличие общей религиозно- философской парадигмы, в рамках которой материальный мир как таковой оценивался отрицательно. Мораль, защищающая жизнь, считалась бессмысленной, а человечество рассматривалось как нечто метафизически неоднородное и потому предрасположенное к особой иерархической организованности. Важное место в гностическом мировоззрении занимало представление о магическом знании как средстве достижения безграничной власти. Гностическая парадигма, не смотря на свою маргинальность, получила новую жизнь в изысканиях немецких интеллектуалов первой половины XX века.

Идеи, выдвинутые нацистскими авторами, несмотря на всё их разнообразие объединяет несколько характерных черт. Во-первых, попытка выработать учение о генезисе рас на основе германской мифологии. Во-вторых, обосновать идею троичного гностического деления человечества расовым принципом. В-третьих, связать духовные качества «пневматиков»-«ариогерманцев» с наследуемыми расовыми признаками и доказать духовную и физическую ущербность «низших рас» – «гиликов». В-четвёртых, обосновать важность древнегерманской гностической религии как мощнейшего ресурса власти немецких вождей. Образ мышления и взгляды нацистских интеллектуалов отличает с одной стороны разрыв с христианской теологией, а с другой – полнейшая ненаучность. Подобные воззрения, на наш взгляд, в качестве маргинального философско-политического явления могут существовать всегда. В благополучном и стабильном обществе они воспринимаются как «странности» чудаковатых одинок. В ситуации, когда общество находится в состоянии затяжного кризиса популярность таких идей может резко возрасти и тогда они превращаются в значимый фактор формирования деструктивных политических режимов.

Список источников

1. Гумилёв Л., Этногенез и биосфера земли. М.: Айрис-пресс, 2011. 560 с.
2. Котельников К. Веймарская республика – мертворожденная демократия и жертва случая <https://diletant.media/articles/45319735/>
3. Корявцев М. Философия антисистем: опыт приложения теории этногенеза. <https://www.gumilev-center.ru/filosofiya-antisistem-opyt-prilozheniya-teorii-ethnogeneza/>
4. Лопухин А. Гностицизм. <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaia-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskij-slovar-tom-4-gaaga-donatisty/219>
5. Четверикова О. Диктатура «просвещённых»: дух и цели трансгуманизма. СПб.: Издатель Геннадий Маркелов, 2018. 146 с.
6. Гумилёв Л. От Руси к России. М.: АСТ МОСКВА, 2008. 559 с.
7. Хёллер С., Гностицизм. М.: Клуб Касталия, 2013. 280 с.
8. Современный философский словарь. Под ред. Кемерова В. М., 1996. 608 с.
9. Sheridan V. Блаватская Е. П. «Тайная доктрина». Семь коренных рас человечества https://www.liveinternet.ru/users/venera_sheridan/post2861834/
10. Блаватская Е. Тайная доктрина. Книга золотых правил. Из пещер и дебрей Индостана. М.: Эксмо, 2021. 704 с.
11. Васильченко А. Мистика СС. М.: Яуза, 2005. 448 с.
12. Гудрик-Кларк Н. Окультизм корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. <https://history.wikireading.ru/248677>

13. Лукьянов В. К теме «Идеология германского фашизма» (основные характеристики и тенденции развития). <https://cyberleninka.ru/article/n/k-teme-ideologiya-germanskogo-fashizma-osnovnye-harakteristiki-i-tendentsii-razvitiya>

14. Hasler M.B. *Schwarze Sonne. Gottliches Licht der Erkenntnis*. Schleswig, 2002.

References

1. Gumilev L. *Ethnogenesis and the biosphere of the earth*. Moscow: Iris-press; 2011. 560 p. (In Russ.)
2. Kotelnikov K. *The Weimar Republic is a stillborn democracy and a victim of chance*. Available from: <https://diletant.media/articles/45319735>. (In Russ.)
3. Koryavtsev M. *Philosophy of antisystems: the experience of applying the theory of ethnogenesis*. Available from: <https://www.gumilev-center.ru/filosofiya-antisistem-opyt-prilozheniya-teorii-ethnogeneza>. (In Russ.)
4. Lopukhin A. *Gnosticism*. <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaia-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskij-slovar-tom-4-gaaga-donatisty/219>. (In Russ.)
5. Chetverikova O. *The dictatorship of the "enlightened": the spirit and goals of transhumanism*. St. Petersburg: Publisher Gennady Markelov; 2018. 146 c. (In Russ.)
6. Gumilev L. *From Russia to Russia*. Moscow: AST MOSCOW; 2008. 559 p. (In Russ.)
7. Heller S. *Gnosticism*. Moscow: Castalia Club; 2013. 280 p. (In Russ.)
8. *Modern Philosophical Dictionary*. Kemerov V. (ed.). Moscow; 1996. 608 p. (In Russ.)
9. Sheridan V. E.P. *Blavatsky "Secret Doctrine". The Seven indigenous Races of humanity*. Available from: https://www.liveinternet.ru/users/venera_sheridan/post2861834/
10. Blavatsky E. *The Secret Doctrine. The Book of Golden Rules. From the caves and wilds of Hindustan*. Moscow: Eksmo; 2021. 704 p. (In Russ.)
11. Vasilchenko A. *Mystique SS*. Moscow: Yauza; 2005. 448 p. (In Russ.)
12. Goodrick-Clark N. *Occult roots of Nazism. Secret Aryan cults and their influence on Nazi ideology*. Available from: <https://history.wikireading.ru/248677>
13. Lukyanov V. *To the topic "Ideology of German fascism" (main characteristics and development trends)*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-teme-ideologiya-germanskogo-fashizma-osnovnye-harakteristiki-i-tendentsii-razvitiya>
14. Hasler M. B. *Black Sun. The Divine Light of knowledge*. Schleswig; 2002.

Информация об авторе

В. А. Лихотинский – кандидат политических наук, преподаватель, Многофункциональный учебный центр «Evoland».

Information about the author

V. A. Likhotinsky – Cand. Sci. (Polit.), tutor of Multifunctional training Center "Evoland".

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 29.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 15.08.2023; approved after reviewing 29.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

PR-технологии как практический инструментарий политического управления нового формата

Галина Геннадьевна Уварова¹, Алексей Владимирович Поляков²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹uvarova-gg@ranepa.ru

²alexey.polyakov.business@gmail.com

Аннотация. В настоящем исследовании раскрывается сущность применения современных PR-технологий в условиях формирования нового формата политического управления, способного влиять на ход политических изменений через явное, либо имплицитное воздействие на индивида сразу в двух уровнях его существования – реальном и виртуальном. Авторская позиция заключается в том, что упор на виртуальные уровни индивидуального существования обусловлен процессами позиционирования цифровых данных в качестве максимально значимых ресурсов нынешней эпохи, а также стремлением политических акторов к цифровому надзору над обществом и поиском механизмов контроля над общественным мнением. В связи с этим, политическое управление во многом ориентируется на встраиваемые в инфраструктуру сетевого социума PR-технологии, которые, к сожалению, ведут к постепенному свертыванию демократических основ и генерации восприятия информации в характеристиках эпохи постправды, где PR становится полноформатным инструментом глубокой манипуляции.

Ключевые слова: инструменты манипуляции, медиатехнологии, общественное мнение, политический PR, политическое управление, цифровой надзор, цифровые данные, эпоха постправды

Для цитирования: Уварова Г. Г., Поляков А. В. PR-технологии как практический инструментарий политического управления нового формата // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 205–210. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-205-210>. EDN ILQFIS

Politology and ethnopolitics

Original article

PR technologies as a practical tool for political management of a new format

Galina G. Uvarova¹, Alexey V. Polyakov²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹uvarova-gg@ranepa.ru

²alexey.polyakov.business@gmail.com

Abstract. The present study reveals the essence of the use of modern PR technologies in the conditions of the formation of a new format of political governance that can influence the course of political changes through explicit or implicit influence on an individual at once at two levels of his existence - real and virtual. The author's position is that the emphasis on virtual levels of individual existence is due to the processes of positioning digital data as the most significant resources of the current era, as well as the desire of political actors for digital surveillance of society and the search for mechanisms to control public opinion. In this regard, political management largely focuses on PR technologies embedded in the infrastructure of the network society, which, unfortunately, lead to the gradual curtailment of democratic foundations and the generation of information perception in the characteristics of the post-truth era, where PR becomes a full-fledged tool of deep manipulation.

Keywords: political PR, political governance, public opinion, digital data, media technologies, digital surveillance, the post-truth era, manipulation tools

For citation: Uvarova G. G., Polyakov A. V. PR technologies as a practical tool for political management of a new format. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):205–210. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-205-210>. EDN ILQFIS

PR-технологии уже достаточно давно занимают важное место в процессе публичной коммуникации, особенно в политической сфере. Проследить использование «протопиара», зачатков современных стратегий персоналистского или группового продвижения, формирования необходимого общественного мнения в том или ином виде можно еще со времен политических дебатов в Древней Греции или в Риме. Однако интенсификация применения PR-технологий в политическом управлении в качестве невероятно эффективного инструментария началась сравнительно недавно – в разгар генерации параллелизма процессов масштабной революции в информационно-коммуникационных технологиях и институционализации публичной политики в качестве неотъемлемого «феноменального» института мира политического. Эта чрезвычайная эффективность обусловлена принципиальной «тотальностью покрытия» индоктринации, которая необходима политическим субъектам в эпоху сетевого общества для оптимального управления любыми видами и ритмами политических изменений [1].

Исследование пиара как практического инструмента политического управления нового формата представляется нам крайне актуальным потому, что современные форм-факторы политического пространства [2], постоянно находящегося в противостоянии ангажированности и агрегируемости, подвергаются ретрансляции, переносу или клонированию их реальной конъюнктуры в виртуальную, где возникают дополнительные возможности по усилению идеологического, имиджевого, репутационного, дискриминационного и иного состава распространяемых идиом и пиар-стратегий. Новый формат политического управления при этом характеризуется не только мейнстримными тенденциями цифровизации или сетевизации политики, но и возможностью влиять определенным набором медийных и нейропсихологических инструментов на ход политических изменений через явное, либо имплицитное воздействие на индивида сразу в двух уровнях его существования – реальном и виртуальном. Такой формат политического управления предполагает возможность создания персонализированных *real/veb*-технологий коммуникации и манипуляции, позволяющих действительно убеждать, мобилизовывать, вербовать, дестабилизировать людей, институты и целые государства на массовом уровне. Это ставит под угрозу традиционную демократическую систему, так как акторы, обладающие достаточными ресурсами и компетенциями в области применения реального и виртуального пиара могут занимать и укреплять свои позиции, используя манипулятивные методы влияния на ход политического процесса, вектор общественного мнения или потребительный тренд спроса на политическом рынке (последнее наиболее широко распространено среди современных популистов как правого, так и левого толка, максимально упрощающих идеологические нарративы до удобных коротких фраз и лозунгов в рамках скандальных PR-акций).

Новый формат политического управления, в целях формирования «политического сомнамбулизма», всеми силами пытается использовать сетевую структуру современных социумов для эффективной имплементации необходимых нейроустановок и стимулов, влекущих к тем или иным действиям таким образом, чтобы индивид, или, рассматриваемый в политологических категориях, гражданин не замечал имплицитной манипуляции, а политический процесс казался ему естественным и состоящим из строго детерминированных причинно-следственных связей. Для этого пиар «встраивают» в инфраструктуру социальных сетей, мессенджеров, потоковых сервисов, хостинговых площадок, новостных порталов [3], которая возможным способом сверхбыстрого и легкоусвояемого распространения информации генерирует заранее ожидаемые общественные мнение/поведение/реакцию. Благодаря продвинутым алгоритмам работы Интернет-ресурсов, можно сверхточно определять целевую аудиторию и доносить до нее нужные послы через целый инструментальный ряд: от таргетированной рекламы, инфоповодов, опросов и мемов, до нейросетевого дискурсивного анализа и сложных систем измерения индивидуальных предпочтений через аналитику скроллинга новостных лент.

Пиар, формирующий персонализированные real/veb-технологии, направляющие индивидов в политическом пространстве, по сути, становится сегодня инноватизирующим фактором политического управления и контроля. Сетевая структура современности, описанная М. Кастельсом, как основательная морфология актуального бытия [4], буквально, создана для ловких политических стратегий, применяющихся для нахождения и вовлечения новых аудиторий. Однако, по нашему мнению, инноватизация политических медиа-технологий, составляющих основу любой PR-деятельности – это не просто расширение традиционных каналов связи политического класса и народа. Цифровизация и сетевизация, стирая грань между реальным и виртуальным, формируют новую амбивалентную культуру коммуникаций, явными чертами которой становятся открытость, личная идентификация, транспарентность, персональное взаимодействие на высокой коммуникативной скорости и, в то же время, парадоксальная закрытость, анонимность, непрозрачность и навязанное действие. В этом ключе пиар выполняет тройственную роль в политическом управлении: во-первых, является технологией явной/скрытой ретрансляции политических дискурсов и идеологий, во-вторых, представляется эффективным механизмом превентивного контроля над политическими изменениями и, в-третьих, выполняет функцию надзора и анализа социальной реакции на принимаемые решения (например, через инфоповоды, что часто можно заметить в процессе работы парламента при апробации общественной реакции на те или иные законопроекты).

Не вызывает сомнений, что из всего многообразия политических процессов, PR-технологии в качестве инструмента управления, чаще всего применяются в электоральных процессах. Именно в ходе предвыборной гонки раскрывается мощный манипулятивный потенциал медийных механизмов взаимодействия. Общение в онлайн-режиме (через Telegram, Twitter, а также ряд других популярных платформ), всевозможные интервью, взаимодействие с известными лидерами мнений (в основном с блогерами, журналистами, культовыми представителями шоу-бизнеса), организация стримов на потоковых видеосервисах, системное ведение политической кампании в онлайн-формате и т.д. – это лишь малый спектр возможностей по совершенствованию коммуникаций с избирателями и достижению доминантных позиций в коммуникативном поле среди соперников.

Одним из самых ярких примеров PR-технологий в качестве инструмента политического управления в данном контексте является предвыборная кампания Д. Трампа в 2016 г. в рамках выборов президента США. Политтехнологи Трампа активно применяли микротаргетинг, аналитику данных и социально-демографические опросы для выявления, как лояльных, так и уязвимых групп, и нацеливания на них политизированных рекламных материалов. Так, микротаргетинг позволил определить фокус-группы базовых избирателей, потенциальных избирателей, а также избирателей, предпочитавших отдать голос за демократов и, учитывая интересы, потребности и поведенческие архетипы, предложить каждой из групп специализированный контент. Вообще избирательная стратегия республиканцев в тот год породила сам феномен «вычисляемого и контролируемого голоса», а многие эксперты [5] отмечают ее инновационный, высокотехнологичный подход к достижению электоральных целей.

Другим наглядным примером уже геополитического масштаба может выступить кампания «Brexit» по выходу Великобритании из членского состава Европейского Союза. В медийном скандале вокруг дезинтеграции была замешана британская консалтинговая политтехнологическая фирма Cambridge Analytica [6], создавшая электронную экосистему, собирающую избыточную информацию о поведении пользователей в интернете. Именно использование социальной сети Марка Цукерберга позволило компании, на основе психологических портретов юзеров, убедить людей поддержать выход из Евросоюза и принять заведомо неочевидные перспективы пользы преодоления своего членства в организации. Пиар-стратегия «Brexit», начатая Соединенным Королевством с откровенного «правого» популизма, явилась производным (в технологическом смысле) от президентских выборов в США предприятием, так как Cambridge Analytica ранее также была замечена в постэлекторальном разбирательстве результатов предвыборной гонки Х. Клинтон и Д. Трампа.

Новый формат политического управления, буквально рожденный во временной промежуток с 2010 по 2020-е гг. (в темпоральный период протекания описанных кейсов) обусловил формирование тренда на цифровой надзор в силу максимизации влияния в производстве больших массивов цифровых данных. Рост значимости данных, информации и цифровых наблюдений за поведением пользователей сети, а также анализа их повседневной жизни на основе скрытого мониторинга обозначен Ш. Зубофф [7, с. 87–132] как процесс поиска «поведенческого излишка». И если для корпораций «поведенческий

излишек» является объектом присвоения и дальнейшей коммерциализации, то для политических акторов, обращающихся к тем же корпорациям за аналитикой «поведенческого излишка», данные, собираемые с пользователей, представляются в качестве прямых рычагов управления, осуществляемого, в том числе, через PR-кампании.

Для качественного и эффективного цифрового надзора над обществом, политическое управление прибегает к пиару по следующим причинам:

1. PR-технологии позволяют создавать новые, в некоторых случаях, эксклюзивные каналы взаимодействия между государством и гражданином/политиком и избирателем в электронных пространствах, упрощающих процессы распространения и усвоения нужной информации;

2. Digital-аналитика и Big-Data становятся комплексной основой инновационных методов политических стратегий, требующих в современных условиях учета большого числа переменных. Эти инструменты позволяют обрабатывать данные в режиме реального времени и быстро реагировать на изменения в социальной среде;

3. В некотором смысле PR становится неформальным институтом социально-политической инженерии, когда многочисленные технологии продвижения и взаимодействия между субъектами и объектами позволяют воздействовать на сознание и поведение граждан через распространение и диффузию информации, дискурсивных кампаний, акций и hashtags в социальных медиа;

4. Мощность цифровых вычислений позволяет с легкостью проводить манипуляцию над массами и моделировать общественные настроения и векторы социального мнения.

Революция в ИКТ и переход к цифровой основе современности открывает для политических субъектов широкий простор для социально-политических манипуляций. Пиар помогает осуществлять эти манипуляции не только посредством скрытых механизмов, но и достаточно явных и агрессивных средств пиар-пропаганды. Цифровые пространства, состоящие из технических актантов, профилей и медийных совокупностей позволяют осуществлять массивный вброс фейковых новостей, заниматься информационно-психологическим терроризмом, транслировать радикальные идеологемы конкретным капсулизирующимся группам, которые, гипотетически, могут стать необходимой мобилизованной массой. Помимо этого, дискурсы, которые формируются PR-технологиями, зачастую, пытаются сократить полноту получаемой информации и ограничить граждан от целостной и критичной картины происходящего.

По сути своей, современный пиар в политике выполняет ту же основную функцию, что и в коммерческой сфере – он является мощной маркетинговой технологией. PR-инструментарий нынешних политических сил видит целью своего применения генерацию политического бренда и тренда, завоевание разных аудиторий и удержание над ними контроля. Разница лишь в том, что коммерческий пиар основан на фундаменте собственности, а политический – на фундаменте власти. Контрольной точкой пиара в современном политическом управлении является власть над социумом и искусственное создание ее политических предпочтений. В этом ключе наиболее опасными представляются практики киберсистемной пропаганды национальной розни, разжигания войны, имплементации социально-деструктивных дискурсов, способствующих маргинализации, атомизации и аномии общества. Подобные феномены часто прослеживаются сегодня в рамках проводимых информационных войн, попыток политической и социально-экономической дестабилизации отдельных государств и целых географических регионов через государственные перевороты, цветные революции, прокси-войны, призывы к экстремизму и преемственные методы борьбы.

Контрастирующим примером подобных феноменов, на наш взгляд, является нынешний российско-украинский конфликт и освещение специальной военной операции [8] в сети Интернет различными субъектами (как представителями властей и несистемной оппозиции Российской Федерации, Украины и западных держав, так и всевозможными политически ангажированными СМИ). В данном кейсе комплексный пиар выступает в качестве внутривнутриполитической и международной повестки, которую стороны конфликта пытаются отстаивать в процессе информационного противоборства.

Логическим заключением из этого вытекает необходимость формулирования задач противодействия разнообразным видам PR-кампаний деструктивного характера (например, информационным нападениям, направленным против Российской Федерации и попыток отстаивания ею национальных интересов, «отмены» российской культуры и т.д.) в целях укрепления систем государственной безопасности, однако, здесь мы сталкиваемся с неочевидной проблемой. Она заключается в том, что противостоять

эффективному механизму ведения политики всеми ее акторами, даже открыто осуждающими тот или иной вид индоктринации через PR – практически, невозможно, потому что каждый из акторов активно этот механизм применяет. Это прослеживается, как в политике «двойных стандартов», так и в умышленном ограничении свободной и независимой информации и в попытке навязать унифицированное видение реальности. Созидательное просвещение и обучение людей информационной культуре через более открытую и прозрачную политику и коммуникацию со стороны политических деятелей вряд ли окажется полезным и эффективным методом. Это просто невозможно в эпоху, так называемой, постправды.

Политическое управление в эпоху постправды руководствуется не фактами, а их эмоциональной переработкой, утрированными убеждениями и представлениями о случившемся. Политический пиар направляется на эксплуатацию этих эмоций и часто оказывается более эффективным, нежели чем предоставление реальных фактов и доказательств. Люди становятся склонны верить тому, что подтверждает истинность их убеждений, вместо того, чтобы опираться в своей деятельности на логическое мышление и рациональный анализ фактических прецедентов (иными словами, они видят то, что хотят видеть и слышат то, что хотят слышать). И в условиях, когда вся цифровая и сетевая инфраструктура современности выглядит как схема переработки информации многочисленными актантами сети, до конечного потребителя будет доходить лишь небольшое количество «исходного» содержания информационного продукта, а большая часть его наполнения будет состоять из политизмов, властного субъективизма и искажения реальности.

Чтобы извлечь максимальную пользу от PR-технологий, необходимо использовать их в строгом соответствии с этическими и юридическими принципами, с учетом интересов и потребностей самого общества, а не отдельных политических сил; необходимо уважать культурные различия и правовые нормы, развивать и переосмысливать системы ценностей в соответствии с вызовами высокотехнологичной эпохи, современниками которой мы являемся.

Подводя итог настоящему исследованию, необходимо еще раз подчеркнуть, что использование PR-технологий в политическом управлении является неизменным средством взаимодействия государства и отдельных политических субъектов с обществом в конъюнктуре новой цифровой эпохи. Тем не менее, нужно понимать, что пиар в политическом управлении может иметь как позитивный, так и негативный эффекты, и тенденции современности вынуждают нас констатировать, что PR-технологии становятся полноформатными инструментами общественного контроля и сворачивания массовой демократии в силу факторов цифрового надзора и особенностей эпохи постправды. В этих условиях все чаще, вместо демократических выборов и соблюдения конституционных норм, мы наблюдаем создание ложных идеологий, пропаганду деструктивных философий, повсеместные нарушения прав человека и несанкционированный доступ к персональным данным и «сетевому следу».

Список источников

1. Мехдиева У. М. Политический пиар как средство влияния на общественное сознание // *Juvenis scientia*. СПб. 2017. № 1. С. 36–39.
2. Попова Е. А., Мартемьянова З. С. Особенности цифрового взаимодействия в экосистеме политического пространства // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2023. № 1. С. 191–196.
3. Поляков А. В. О роли digital-PR в современном политическом пространстве / Сборник докладов II Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции «Государство, политика, право и экономика в условиях цифровой трансформации». Ростов н/Д., 2023. С. 144–148.
4. Кастельс М. Власть коммуникаций. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 73–77.
5. Керимов А. А., Попцов Д. А. Имидж политического лидера в эпоху цифровых медиа-технологий: особенности формирования // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия социология. Политология*. 2020. Т. 20. С. 366–370.
6. Гришина Н. Ю., Болдырева Е. Л., Дуйсембина Е. О. Влияние интернет-технологий на процесс принятия решений как новый политический тренд (на примере компании «Кембридж Аналитика») // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2019. Т. 10. № 1. С. 69-80.
7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2022.

8. Шатилов А. Б. Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (4). С. 71–76.

References

1. Mehdieva U. M. Political PR as a means of influencing public consciousness. *Juvenis scientia*. 2017;(1):36–39. (In Russ.)
2. Popova E.A., Martemyanova Z.S. Features of digital interaction in the ecosystem of the political space. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(1):191–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-191-196>.
3. Polyakov A. V. On the role of digital-PR in the modern political space. *Collection of reports of the II All-Russian (National) Scientific and practical conference "State, politics, law and economics in the context of digital transformation"*. 2023: 144–148. (In Russ.)
4. Castels M. *The power of communications*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016:73–77. (In Russ.)
5. Kerimov A. A., Poptsov D. A. The image of a political leader in the era of digital media technologies: features of formation. *News of Saratov University. A new series. Sociology series. Political science*. 2020;(20):366–370. (In Russ.)
6. Grishina N. Yu., Boldyreva E. L., Duisembina E. O. The influence of Internet technologies on the decision-making process as a new political trend (on the example of Cambridge Analytica). *Scientific and technical bulletin of SPbGPU. Humanities and social sciences*. 2019;(1):69–80. (In Russ.)
7. Zuboff Sh. *The Era of Supervisory Capitalism*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2022:87–132. (In Russ.)
8. Shatilov A. B. Informational and PR support of Russia's special military operation in Ukraine: main trends and lessons of the first stage. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;(4):71–76. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. Г. Уварова – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

А. В. Поляков – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

G. G. Uvarova – Doct. Sci. (Polit), Professor at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South Russian Institute of Management – Branch of RANEPA.

A. V. Polyakov – Postgraduate at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South Russian Institute of Management – Branch of the RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 24.07.2023; принята к публикации 25.07.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 24.07.2023; accepted for publication 25.07.2023.

Политика акселерации как трансформационный драйвер политических процессов в позднем капитализме

Черкасова Татьяна Павловна¹, Айрапетян Давид Армикович²

^{1, 2} Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹Cherkasova-t@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6315-8943>

²ayrapetyan-da@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5192-7904>

Аннотация. В представленной статье авторским коллективом предпринимается попытка рассмотрения политики акселерации в качестве трансформационного драйвера политических процессов в условиях позднего капитализма. На основе систематизации концептуальных подходов в рамках новой политической теории ускорения и критических теорий современной капиталистической системы, авторы анализируют глобальный кризис современности через призму неолиберальных политических процессов, генерирующих определенные барьеры социально-политического и технико-экономического развития. Опираясь на работы известных акселерационистов, формулируется вывод о двух основных векторах акселерационистской политики – собственно, векторе «ускорения» и векторе «линейной скорости». Политика акселерации представляется драйвером лишь в первом случае. Авторами формулируется гипотеза, что акселерация может трансформировать политический процесс на преодоление неолиберальных рамок, во-первых, путем форсированного формирования глобальных дискурсов ускорения «левыми» политическими силами и, во-вторых, посредством создания и внедрения блокчейн платформ и ИИ в политическое управление для проактивного планирования и прогноза макроэкономических изменений. При верной реализации акселерационных векторов трансформация политического процесса способна помочь плавно привести общество, исходя из марксистской парадигмы, к новой общественно-экономической формации – посткапитализму.

Ключевые слова: акселерационизм, кризис неолиберализма, общественно-экономическая формация, политические институты, посткапитализм, телеоплексия, технологический прогресс, трансформация политического процесса, ускорение

Для цитирования: Черкасова Т. П., Айрапетян Д. А. Политика акселерации как трансформационный драйвер политических процессов в позднем капитализме // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 211–220. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-211-220>. EDN KZRPKF

Politology and ethnopolitics

Original article

Acceleration policy as a transformational driver of political processes in late capitalism

Tatiana P. Cherkasova¹, David A. Ayrapetyan²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹Cherkasova-t@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6315-8943>

²ayrapetyan-da@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5192-7904>

Abstract. In the presented article, the author's team attempts to consider the acceleration policy as a transformational driver of political processes in the conditions of late capitalism. Based on the systematization of conceptual approaches within the framework of the new political theory of acceleration and critical theories of the modern capitalist system, the authors analyze the global crisis of modernity through the prism of neoliberal

political processes that generate certain barriers to socio-political and techno-economic development. Based on the works of well-known accelerationists, a conclusion is formulated about two main vectors of accelerationist policy – in fact, the vector of "acceleration" and the vector of "linear velocity". The acceleration policy appears to be the driver only in the first case. The authors formulate a hypothesis that acceleration can transform the political process to overcome the neoliberal framework, firstly, by forcing the formation of global acceleration discourses by "left" political forces and, secondly, through the creation and implementation of blockchain platforms and AI in political management for proactive planning and forecasting of macroeconomic changes. With the correct implementation of acceleration vectors, the transformation of the political process can help smoothly bring society, based on the Marxist paradigm, to a new socio-economic formation – post-capitalism.

Keywords: accelerationism, crisis of neoliberalism, transformation of the political process, political institutions, socio-economic formation, teleoplexy, acceleration, technological progress, post-capitalism

For citation: Cherkasova T. P., Ayrapetyan D. A. Acceleration policy as a transformational driver of political processes in late capitalism. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):211–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-211-220>. EDN KZRPKF

Не вызывает сомнения то, что современная реальность в целом и ее цивилизационный, техносоциальный, и, особенно, политический срезы находятся в состоянии кризиса. Глобальный социум переживает кардинальные изменения. Несмотря на множественность парадигмальных подходов, политическая, социальная, экономическая теория и философия, культурология и психология определяют кризис современной цивилизации в системной коннотации относительно той конфигурации субъектов-объектов и сред реальности, которая является фундаментальной для актуальной нам темпоральности. Логично, что данной конфигурацией сегодня является поздний капитализм, одновременно как абстрактная, так и конкретная основа человеческой деятельности.

Капиталистическая система в общем, как совокупность цивилизационных конфигураций, и в частности, как общественно-экономическая формация, безусловно, переформатировала базис развития социума. Возникновение цифровых технологий подвергло трансцендентной мутации саму техносоциальную структуру, а ее дискурсивная составляющая в постмодернистских терминах стала стигматизировать современность и наступление нового тысячелетия как информационный миллениум, постмодерн. Капитализм породил особую политико-экономическую среду, подчинив себе все потоки индивидуальной предприимчивости, что, конечно же, отразилось на тех форматах общественных отношений, которые мы имеем сегодня [1, с. 93]. Однако, именно эта же капиталистическая система является генератором комплексного кризиса современности, что на протяжении нескольких десятилетий пытались доказать приверженцы технологического детерминизма, постструктуралисты, нео- и постмарксисты, выдвигая, как рациональные, так и экстраординарные теории, содержащие в себе научную и популистскую рефлексию на власть капитала и политический процесс, обусловленный этой властью.

Собственно, именно политика, как системная концентрация производственных отношений, и ее процессуальные аспекты являются одной из главных дисфункций позднего капитализма ввиду того, что политическое медленно начинает превалировать над экономическим, синтезируясь с базисом в единый, уже не отделимый симбиоз, тем самым политизируя и дискредитируя сам капитализм, искусственно сдерживая таким образом развитие производительных сил и входя с ними в противоречие. Всеохватывающая системность политического процесса последних десятилетий указывает на то, что действия политических институтов и структур оказывают решающее воздействие на имплицитное управление экономикой внеэкономическими инструментами, а также на социальную стратификацию современных обществ. О системной коннотации политического процесса говорил еще Д. Истон [2, с. 630], однако в рамках нашего исследования, более логичной является интерпретация политического процесса с точки зрения марксистской парадигмы. Под политическим процессом, в данном случае, мы понимаем качественные структурные и институциональные изменения в производственных отношениях, критически зависящие от социальных и технологических инноваций и форм распределения политической власти, вытекающие из диалектического развития мировой истории и имеющие способность к становлению и утверждению новых цивилизационных конъюнктур при наличии определенных драйверов.

«Кризис современности» не мог не вызвать, как было отмечено выше, рефлексии в социальных науках на тему того, почему он происходит и как его преодолеть. Справедливым будет признать, что самым интересным, а в дальнейшем и мейнстримным направлением, явившимся продуктом плюралистической рефлексии как «левых», так и, отчасти, «правых» интеллектуалов, стал акселерационизм, зародившийся, примерно, в начале 1990-х гг. [3, с. 140]. Однако первые идейные и теоретические наработки «концепт ускорения» берет из трудов континентального философа-постструктуралиста Ж. Делеза и психоаналитика Ф. Гваттари, например, из «Анти-Эдипа» 1972 г. [4, с. 378], где социальная мутация рассматривается в сложных терминах детерриториализации и ретерриториализации, а сам капитализм подвергается, т.н. политическому *шизоанализу*, стигматизирующему реальность в социологической коннотации категорий «*шизофрения*» и «*безумие*» по отношению к политическому времени.

Если не вдаваться в глубокий теоретический анализ, акселерационизм можно определить, как сложную социально-политическую теорию, которая ориентирована на суперинтенсификацию, переориентацию сложившейся системы капитализма, сопутствующих ей процессов, компонентов и научно-технического прогресса в целях генерирования радикальных техносоциальных и политических перемен. Это своеобразная теоретическая и методологическая попытка предложить революционную идею форсированного углубления и распространения капиталистических отношений вплоть до технологической сингулярности, например, как у Н. Ланда¹, или усиленной стимуляции рынка, промышленного производства и повсеместного внедрения цифровых технологий в надежде на то, что подобные действия приведут к возникновению самодеструктивных тенденций капитализма и, следовательно, к его слому за счет внутренних возможностей капиталистической системы, сдерживающихся рамками неолиберальной политики, как у Н. Срничека и А. Уильямса [5, с. 206]. Помимо вышеупомянутых авторов, разработкой акселерационистских теорий идеологического, практического и критического характера, в той или иной мере, занимался и занимается целый ряд ученых (Б. Нойс, А. Негри, М. Пасквинелли, П. Маккормак, Ф. Берарди, Й. Регев, К. Иванов, А. Павлов, А. Аванесян, В.О. Мельников и др.).

Систематизация теоретико-методологических подходов к акселерационизму позволяет заключить, что, практически, каждый из них опирается на векторную трансформацию политических процессов и видит будущее некапиталистическим; что инновационные формы капитала, знаний, культурных трендов, социально-политических структур и действий приведут к формированию несуществующей ранее общественно-экономической формации, способной вывести цивилизацию из комплексного кризиса. Что это будет за формация, какой станет ее производительная и производственная основа, какие политические институты сгенерируются в результате акселерации, какую реконфигурацию субъектов, объектов и сред произведет посткапитализм – эти и другие контекстуальные вопросы закономерно возникают в результате знакомства с трудами акселерационистов.

Цель данной статьи заключается в попытке осмысления политики акселерации в качестве драйвера, влияющего на трансформацию политических процессов, способного перевести капитализм в инверсионное или же в совершенно новое формационное состояние.

Практически любая критическая теория позднего капитализма, так или иначе, сконцентрирована на представлении о кризисе неолиберальной политики и ее экономических последствиях, креатирующих некоторые политические, антропологические, технологические, экзистенциальные противоречия, которые уже сегодня существуют в виде некапиталистических тенденций, но в будущем могут стать новыми фундаментальными отношениями. Это может быть разнообразная научная критика сложившейся политики и формации, трактовку которой можно наблюдать в совершенно разных дескриптивных вариациях: цифровой и коммуникативный капитализм (Ш. Зубофф, Дж. Динн), капитализм платформ (Н. Срничек), когнитивный капитализм (А. Фумагалли; К. Верчеллоне; Б. Польрэ; Д. Форей, А. Горц и др.), капитализм стейкхолдеров (К. Шваб); символический капитализм (С. Деменок), постиндустриальный капитализм (Р. Арон, Д. Белл, Э. Тоффлер и др.), капитализм 24/7 (Дж. Крэри), либерально-меритократический и политический капитализм (Б. Миланович), гик-экономика (К. Крауч) а также всевозможные теории технократизма, постэкономизма, ноономики, рентного общества и т.д. Рассмотрение капиталистической системы в названных концептах (не только с марксистских основ) будет базироваться на том, что ее гомеостатическая функция постепенно иссякает и приводит общество

¹ «Фрагментация – вот единственная стратегия». Интервью с Ником Ландом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://logosjournal.ru/articles/387242/> (дата обращения 25.07.2023).

к антиутопическому состоянию жестокого неравенства, экономии, тотального управления и надзора через симуляции, цифровые технологии и потоки данных, подобно паноптикуму и вплоть до монопольного контроля в лице концептуальных регион-экономик, разработанных когда-то К. Омаэ [6, с. 32], биологически уничтожающих менее платежеспособные регионы в условиях ограниченности ресурсов и перенаселения планеты. Поверх этого мы, в той или иной форме, прослеживаем дискурс о неолиберализме как рамочной политической идеологии, умышленно генерирующей экономическое неравенство и социальное расслоение, мешающей гармоничному развитию трудящихся и проведению справедливой национальной и глобальной политики.

Неолиберализм вообще является краеугольным камнем любой капиталистической критики. Если систематизировать и обобщить точки зрения, прежде всего, «левых» (*как наиболее заинтересованных*), мы можем выделить несколько основных проблемных кластеров:

1. Реванш капитала над трудом, отход от социал-демократических принципов в пользу рыночного фундаментализма, а позже и скрытных рентных отношений через известную политику М. Тэтчер, Р. Рейгана и последующих западных правительств, что привело к ряду антисоциальных реформ, например, деконструкции профсоюзов, постепенному снижению заработных плат и пособий в развитых странах, а затем, практически, по всему миру, за исключением Австралии и некоторых государств Северной Европы (*иными словами, происходит стремительное падение модели социального государства*).

2. Неспособность капитализма справляться со все более серьезными кризисами. Вопреки теории Н.Д. Кондратьева, современная рыночная конъюнктура не демонстрирует больше реального развития экономики после спада 2007–2008 гг., а наступление нового технологического уклада не решает насущных социальных задач, тянущихся еще из XX столетия. Хотя это положение является, достаточно, спорным, стоит отметить, что классические для капитализма кризисы перепроизводства и инфляции, действительно, участились, но, возможно, они стали менее ощутимыми. Однако феномен перенакопления капитала, который акторы рынка зачастую вкладывают в военный сектор с целью модернизации своих национальных ВПК за неимением возможности или, что вероятнее, в связи с нежеланием инвестировать в альтернативные сферы ввиду роста угроз национальной безопасности, стал наиболее отчетлив. Неолиберализм сформировал механизмы сверхнакопления, что породило иллюзорное самовосприятие о собственном могуществе и непревзойденности, исключительной возможности решать политические проблемы силовыми мерами и желание самоутверждать устойчивость и легитимность за счет военно-политических актов, так как имеющиеся средства располагают к приведению геополитических амбиций в жизнь. Иными словами, ленинский неоимпериализм в коннотации жесткого гиперполитического выражения.

3. Созданная всего за несколько десятилетий пара десятков глобальных картелей, состоящих из крупнейших ТНК, теперь контролирует, практически, всю мировую экономику, оказывая весомое влияние на национальные рынки, вмешиваясь во внутреннюю политику и уничтожая ценность капиталистической конкуренции путем невиданной ранее концентрации капитала, а результатами их деятельности являются повышенные отрицательные экстерналии в странах с дешевой рабочей силой, обретение ТНК политических потенциалов [7, с. 523] в поразительном по масштабам лоббировании, завоевание новых неиссякаемых эквивалентов нефти и газа – больших массивов данных, борьба за которые ведет к цифровому неокOLONIALИЗМУ. Неолиберальное управление государством привело к тому, что первое явилось, по сути, верным патроном корпораций, вследствие чего неолиберализм, по словам британского политолога К. Крауча, «не столь верен открытым рынкам..., он предан гигантской корпорации, определяющей общественную жизнь» [8, с. 13].

4. Непонятным для привычной субъектности становится процесс обретения, удержания и реализации политической власти. Она рассеивается среди акторов рынка, больше не принадлежит в полной мере политическим элитам, не концентрируется в руках государственных институтов. Генерация сетевой структуры социума заставляет власть транслироваться и предоставлять к себе доступ одновременно у каждого субъекта сети и, в то же время, ни у кого. Если ранее обладание значительным капиталом гарантировало сопричастность к правящему классу, а значит и доступ к политической власти, то сегодня сами источники власти мутируют таким образом, что она все менее зависит от каких-либо материальных оснований. Все чаще способность влиять на другого и навязывать свою волю перетекает в область нематериальную – творческую, личностную, интеллектуальную.

5. То же касается и института собственности. Непоколебимость и гарантия частной собственности, характерные для капитализма, сегодня размываются и подтачиваются неоднозначной оценкой и слабой защищенностью интеллектуальных, патентных, творческих прав, способностью анонимно копировать чужие данные и персональную информацию, овладевать трудами и богатствами других людей посредством использования новых технологий. Сегодня представляется возможным присвоить себе личность другого человека при помощи взлома его аккаунтов в социальных сетях, покупки или кражи личной информации на цифровых платформах и маркетплейсах, совершение любых действий с внешним видом человека через технологии Deepfake, через алгоритмы машинного обучения и нейросети. Да и само понятие частной собственности как фундамента капитализма сформировано лишь в некоторых развитых странах; до сих пор на постсоветском пространстве, а также в периферийных государствах не существует устойчивых институтов экономической демократии, имплементирующей в массовое сознание ценность частной собственности, ведущей к политической автономии отдельного налогоплательщика. Это нивелирует возможности развития политически активных наций и транспарентных политико-правовых и экономических систем.

6. Когнитивный капитализм и информационная экономика, построенные на цифровой архитектуре, отнюдь, не ведут к «коммунизму знаний». Они чреватые тем, что огромное количество работающих на предприятиях и иных занятых в скором времени рискуют остаться без работы, так как тенденции к автоматизации и роботизации производства растут, а креативный и высокотехнологичный сектор обесценивает квалифицированного рабочего, несмотря на искусственно создаваемые государством рабочие места в попытках решить проблему возникающей из-за этого прекаризации и безработицы (*именно об этих внутренних противоречиях позднего капитализма говорят приверженцы акселерации*). При этом возрастает роль класса креаторов или когнитариата, интеллектуальный и творческий потенциал которых невероятно ценен в процессе научно-технического прогресса. Отчуждение же от труда рабочих и прекариатов ведет к новому классовому расслоению и антагонизму, поиску всевозможных нетрудовых идентичностей.

7. Критики современного капитализма выделяют и экологические проблемы, пророча неминуемые техногенные и климатические катастрофы, истощение природных ресурсов ввиду перенаселения, непрерывной добычи ископаемых, загрязнения мирового океана, депопуляцию биологических видов, выбросы CO₂ в атмосферу, глобальное потепление, рост онкологических заболеваний из-за радиоактивных материалов и токсичного сырья, используемых на промышленных производствах, в оборонной и энергетической сферах.

Описанные выше проблемы современного «дифференциально множественного капитализма», будь они рационально объективны по отношению к актуальной политико-экономической конъюнктуре, или же радикальны, так или иначе свидетельствуют о том, что в долгосрочной перспективе неолиберализм не может предложить ничего конкретно нового и способен привести лишь к архаичным системам господства-подчинения и ресурсного перераспределения.

Современная ситуация практически идентична той, которая происходила во время формационной смены феодализма капитализмом, когда ручной труд и ремесленные инструменты максимально долго использовались крестьянами и примитивными мануфактурщиками, а феодалы и крупные землевладельцы не спешили применять новые для того времени технологии «промышленной революции» в целях качественного и количественного преобразования производства, осознавая, что возникновение класса промышленников подвергнет действующий социально-экономический строй опасности, так как сформирует иную стадию производственных отношений, определяющих политическую систему и способ формирования буржуазной элиты. Это привело к стагнации позднего феодализма и неравномерному во времени и географии зарождению капитализма.

Экстраполируя эту ситуацию на современные реалии, мы видим, что вместо того, чтобы быстрыми темпами максимально автоматизировать труд и параллельно заниматься реформативным человеком в посттрудовом, национальные правительства и корпорации продолжают создавать низкооплачиваемые рабочие места, что приводит многие локальные экономики к жесткой стагнации. Ведь избегая того, чтобы инвестировать в технологии, легче нанять дешевого работника, что стимулирует экономику и сохранение капитала (*т.к. создание высокотехнологичных рабочих мест обходится очень дорого*). Это объясняет закономерность кратковременного роста в неолиберальной модели экономической политики, однако это же медленно ее приводит в тупик ввиду неизбежности тотальной автоматизации

и обесценивания труда. Таковы основные критические замечания к неолиберальному капиталистическому концепту.

По мнению главных акселерационистов – канадских политологов Н. Срничека и А. Уильямса, по сути, идеологов нового «левого» политического фронта, подобная критика объясняется тем, что «современная политика скована неспособностью производить новые идеи и новые способы организации, необходимые для трансформации нашего общества таким образом, чтобы оно смогло решить данные проблемы и устранить угрозы уничтожения» [9]. В нашумевшем в середине 2010-х гг. «Манифесте акселерационистской политики» авторы, конъюнктурно описав кризис неолиберализма, приходят к выводу, что капитализм должен совершить самодеструктивный взрыв путем высвобождения научного и технологического потенциала из оков капитала и постепенно привести общество к формированию новой социально-экономической формации – посткапитализму с пост-постфордистской системой производства-потребления, в которой власть капитала минимизируется в связи с роботизацией, выплатой безусловного базового дохода и доступностью сетевых технологий, что переводит человечество в состояние непрерывного саморазвития и творческого поиска путей самопрезентации при условии наличия нормативно обеспеченной финансовой подушки безопасности (*так как этика труда подлежит отмиранию вместе с капиталом*). При этом авторы уклончиво избегают понятия «социализм», хотя и намекают на будущую необходимость планирования и иных социалистических институций.

Действительно, учитывая все положительные постулаты неолибералов, современная экономическая модель (*в глобальном измерении*) все же не производит товары для удовлетворения массовых потребностей, наоборот, она искусственно создает новые потребности, занимается накоплением капитала, а товарообмен уходит на второй план. В то же время, политическая модель, именуемая демократической, по факту характеризуется манипулятивными воздействиями элит на электорат с целью формирования политических потребностей и мнений, выгодных для самой элиты. Если этого недостаточно для рефлексии о несостоятельности неолиберальных политических процессов, то, по-нашему мнению, рефлексировать необходимо хотя бы потому, что капитализм, действительно, находится в фазе, если не технологического кризиса, то резкой политической турбулентности и экономической стагнации с тенденциями к социальному регрессу. Это обусловлено как вырождением класса профессиональных политиков и множющимися конфликтами, так и повсеместным ростом неравенства и цен, замедлением темпов производительности, деградацией окружающей среды. Эту особенность современного капитализма К. Шваб назвал «Проклятием Саймона Кузнеца» [10, с. 41].

Однако отметим, что флагманский проект политики акселерации, ориентированной на преодоление этого кризиса, как таковой отсутствует. Н. Срничек и А. Уильямс были правы, утверждая, что у «левых» нет глобального проекта для человечества и прямой альтернативы капитализму. Авторы, а также ряд других ученых, предлагают лишь абстрактное радикальное «ускорение» социально-технологического и политического развития, источники которого выработаны самим капитализмом и присущи ему. По их мнению, необходимо высвободить все сдерживаемые и латентные производительные силы, при этом не уничтожая материальную инфраструктуру неолибералов, а перенаправляя ее работу на общественные нужды. Но одного техноутопизма недостаточно. Необходимы социально-политические действия, которые нельзя ограничивать локальными формированиями некапиталистических отношений, это должны быть национальные и глобальные политические программы. Сторонники же локалистской политики сталкиваются с неолиберальными режимами как абстрактными и всемогущими, поэтому капитализм даже не почувствует территориальные коммуны свободного от капитала общества, которые (*если их попытаются создать*) просуществуют очень недолго. Локализм, по мнению авторов, является зародышем неудач, он не способен выстроить основу институциональной архитектуры будущей политической системы, и как реакционный процесс, локализм заведомо подвержен проигрышу.

«Правый» английский философ-акселерационист Н. Ланд также апеллирует к безудержному техническому развитию и представляет, что капитализм превратится в систему, характеризуемую технико-экономической сингулярностью или техноэкономикой, итогом которой станут динамические платформы самопроизводства (*машинное бессознательное*), формирующие гиперреальность и гиперсознание. Однако любые программы капиталистического ускорения будут восприняты правительствами как опасные в социально-политическом и коммерческом планах, поэтому борьба между ускорением и «компенсаторами», как противостояние телеологий (*революционных и тормозящих мер, отвечающих на вопросы о целеполагании происходящего*) названа Ландом телеоплексией [11, с. 21].

Проанализировав теорию Н. Ланда, можно прийти к выводу, что если его левые коллеги Срничек и Уильямс предлагают действительное «ускорение» капитализма с «открытой концовкой», то сам Ланд все же находится в противоречии: его трактовка капитала как саморазвивающейся субстанции подразумевает ускорение лишь до тех пор, пока не наступит та самая сингулярность, после которой все качественные преобразования закончатся, останется техноразум, способный сам себя конструировать количественно, но не качественно, так как в отсутствии человека технология не может кастомизироваться, развиваться без нововведений и инноваций, она лишь способна производить саморепликации. Следовательно, Н. Ланд не разделит понятия *неолиберальной скорости* и *политической акселерации*. Это свидетельствует о концепте не «ускорения», а, если выразаться точнее, «движения». Поэтому «правые» взгляды на акселерацию являются научным обоснованием антиутопических футурологических сценариев, основанных на киберпанке и машинизме, что может внушить массам некоторый футуришок, так как подобный политический процесс способен сформировать ни что иное, как киберкратию.

Следовательно, если рассматривать капитализм как саморазвивающуюся сложную систему с точки зрения синергетики, возникает четкое требование разделять акселерацию как «ускорение» и как «линейную скорость» функционирования этой системы. Акселерационистская политика должна заключаться не просто в телеоплексии Ланда (*чего избежать, к слову, невозможно, так как реакционеров будет предостаточно и со стороны политических сил, и со стороны крупного бизнеса*), она должна иметь характеристики динамического ускорения, имеющего политическую основу и политическое понимание необходимости управленческих мер по интенсификации «технополитики» и социальных изменений во избежание капиталистического тупика. Начало подобных мер, перенаправляющих капитализм в русло самодеструкции, будет являться намеренной флуктуацией: оно введет нынешнюю формацию в состояние неравновесия, выведет политико-экономическую конъюнктуру из инерции и приблизит капитализм к точке бифуркации, после которой последует либо наступление посткапитализма, либо контрреволюция и откат к тотальной власти капитала.

Если обратиться к интеллектуальным трудам прошлого, можно выявить следующее: классический марксизм определял акселерацию как интенсивную радикальную революцию. В «Принципах коммунизма» Ф. Энгельс подробно описывает ход пролетарской революции в 12 радикальных мероприятиях, которые нужно предпринять, чтобы капитализм как формация прекратил свое существование [12, с. 36]. Но даже он отмечает, что наступление коммунистического общества невозможно в кратчайшие сроки, так как его основания должны переродиться из капиталистического потенциала. Возможно, приверженцы классического марксизма не назовут это планом акселерации, а современные философы возмутятся, что каноническое наследие Маркса и Энгельса воспринимают как постмодернистский интеллектуальный мейнстрим, они дословно будут продолжать называть эти мероприятия революционными мерами.

На наш взгляд, описанные Энгельсом мероприятия, так или иначе, представляется возможным переработать в конкретную программу политики акселерации, что требует серьезной аналитической и интеллектуальной работы. Некоторые из них, с точки зрения актуальных технологических и социально-политических особенностей требуют модернизации в рамках современных условий. Например, пункт 5, содержащий в себе необходимость обязанности труда для всего общества и создание промышленных армий, сегодня абсолютно не вписывается в ту конфигурацию субъектов, объектов и сред, и в ту качественную составляющую производительных сил, которую мы имеем. Исходя из положений акселерационистов следует, что труд необходимо уничтожить как потребительную ценность капитализма – это значит, что нужным является поэтапное сокращение рутинного труда как такового (*до состояния, близкого к нулю*) с постепенным сокращением рабочей недели и часов, которые необходимо отрабатывать. А промышленная армия пролетариев должна быть заменена автоматическими конвейерными системами и роботами, сам пролетариат трансформирован на посттрудовое существование в когнитивных и творческих изысканиях, а дилемма с выделением безусловного базового дохода в плане его финансовой основы и принципов ее формирования во избежание резких инфляционных скачков должна быть решена на политическом уровне. Однако, когда марксисты или другие «левые» заводят разговор о пролетариате, возникает большой когнитивный диссонанс в попытке выявить и подсчитать этот самый пролетариат, который в XXI веке растворился в безработных, прекариате, когнитариате и в иных, только еще зарождающихся классовых прослойках.

Некоторые принципы политики акселерации как трансформационного драйвера, реализация которых может быть осуществлена на практике, с гипотетической точки зрения, могут также заключаться в ряде мер, решающих конкретные барьерные преграды капиталистического ускорения, на которые чаще всего указывают акселерационисты. Однако даже эти меры должным образом невозможно максимально конкретизировать, так как не существует прикладного социально-политического и технико-экономического опыта их разработки и использования.

Во-первых, для того, чтобы разрушить идейные основания неолиберализма и сдерживающих рамок, необходимо воспользоваться той же методологией, которая возвела неолибералов к власти. Создание мощных научно-исследовательских центров и международных организаций, главными целями которых являлись бы разработка и дискурсивная пропаганда акселерационистских политических и экономических программ, основанных на новых прочтениях, например, социал-демократических ценностей, влияние на современные научные доктрины, постепенное внедрение концептов ускорения в политические круги и интенсивное взаимодействие с политиками развитых стран в попытках предложить новые «пределы» и «точки» роста с наименьшими экстерналиями и опорой на устойчивое развитие. Другими словами, это должно быть начало борьбы за власть над дискурсом, которое позволило бы «левым» завладеть частью медиакратического ресурса и продать свою идею на политическом рынке.

Во-вторых, учитывая вычислительные мощности современных компьютеров, ИИ и нейросетей, а также технологию блокчейн, вполне возможным видится создание ПО, способного на основе гиперпотребления данных, создавать наиболее вероятностные сценарии будущих изменений и моделировать те или иные выходы из глобальной рыночной стагнации, а затем выдавать дорожные карты для правительственных субъектов в целях реализации более рациональной и социально (*a ne корпоративно*) ориентированной макроэкономической политики. Это позволит сгенерировать виртуальную экспериментальную базу, способную собирать эмпирический материал и анализировать всевозможные исходы до реального принятия управленческих решений. Подобное ПО также может стать реальной основой для эффективной стабилизационной политики и проведения оценки регулирующего воздействия (ОРВ) как комплексного анализа административно-хозяйственной деятельности и функционирования правительств в форм-факторе бесшовных, проактивных, интегрированных платформ, что позволит избегать серьезных кризисов при помощи высокотехнологичных систем. Похожие проекты, сутью которых является непрерывный сбор данных и анализ миллионов переменных, постепенно реализуются в цифровых экосистемах компаний Apple, Amazon, Google LLC и могут быть разработаны и адаптированы для государства. Однако необходимо помнить об этических, юридических и политических барьерах использования подобных систем.

Рациональное зерно присутствует и в «пяти принципах перехода» к посткапитализму у П. Мейсона, а также в описываемых им «целях высшего уровня» [13, с. 364], хоть Мейсон и не называет их принципами акселерационистской политики. Однако они требуют концептуальной и теоретической доработки и должной проверки на эмпирическом материале, так как являются исключительно социально-экономическими, практически, игнорируя политические барьеры и «компенсаторы» в неизбежном процессе ландовской телеоплексии. Прочтение концепции Мейсона вызывает некоторое затруднение: не совсем понятно, идет ли речь о будущей формации или качественном реформировании нынешней и ее сохранении посредством внедрения некоторых институций цифрового социализма. Однако авторская теория является весьма конкурентоспособной в дискурсе посткапиталистических трансформаций.

Практическое отражение политики акселерации является сегодня большим стратегическим и интеллектуальным вызовом для всех политических сил, недовольных комплексным кризисом цивилизации и, так или иначе, симпатизирующим марксизму или черпающим из него фундаментальные положения. Однако не стоит упускать возможность стадийного и медленного вызревания внутреннего взрыва капиталистической системы в результате глобального военного конфликта или очередного экономического кризиса, или вероятности постепенного замедления капиталистической динамики перед эволюционным, а не революционным переходом в посткапитализм. Но несмотря на альтернативные ускорению сценарии настоящего-будущего, разработка проекта прикладной акселерации – очень актуальная область междисциплинарных исследований и практических, однако рискованных управленческих мер.

Подведем итоги. Современная капиталистическая система, действительно, находится в состоянии комплексного кризиса, о чем свидетельствуют печальные события последних лет, включая политические последствия краха социалистического лагеря, финансовый кризис конца 2000-х гг., пандемию COVID-19, военные конфликты, растущее неравенство, свертывание модели социального государства. Ее фундаментальные основания, лежащие в русле экономических законов, постепенно разрушаются или переходят в состояние медленных изменений. Однако медлительность и роль общества в качестве пассивного наблюдателя может стать причиной полного институционального паралича и дальнейшего социального регресса, который будет тормозить развитие человечества и архаизировать цивилизацию.

Акселерационисты одними из первых начали рефлексировать и реагировать на происходящее, считая современность терминальной стадией капитализма, а политический процесс умышленно замедленным правящими классами. Их проекты будущего, основанные на деструкции рамок неолиберальной политики, видят общество на совершенно ином уровне политической и производственной эволюции. Факторы движения истории теперь заключаются не только во власти и собственности, но и в синтетическом техносоциальном организме, в котором техногенное синтезировалось с социогенным до невозможности обратного разрыва, и который способен создавать иные реальности. Однако проект политики акселерации как таковой еще не создан, отсутствуют конкретные аттракторы ускорения, существует большое количество противников подобных процессов, а сами векторы суперинтенсификации капитализма являются достаточно рискованными, чтобы опасаться подобных действий. Но несмотря на это, акселерационизм, при всей его футуристичности, и те меры, которые предлагаются сегодня учеными, действительно, могут являться драйвером трансформации политических процессов и последующей смены общественной формации потому, что они способны минимизировать власть капитала и создать новую цивилизационную архитектуру с иными потребительными ценностями и с иным набором социальных действий. Однако этому должна предшествовать тяжелая работа по формированию конкретных политических мер, самого посткапиталистического дискурса, которая, по нашему мнению, уже началась в академической сфере, а также верное понимание акселерации и стратегического выбора между векторами «ускорения» и «линейного движения».

Учитывая возрастающий интерес к теме посткапитализма, а также появление данного понятия в научном и публицистическом дискурсе последних 10 лет, исследования о драйверах формационной смены, трансформации политических процессов, экономических законов, социальных структур и технологических оснований становятся наиболее актуальными в рамках междисциплинарного политико-экономического концепта. Это дает повод и возможность проложить линии научного тренда для будущих исследований.

Список источников

1. Айрапетян Д. А., Черкасова Т. П. Концепция посткапитализма и анализ современных предпосылок к изменению цифрового социума / Сборник докладов научно-практической с международным участием «Цифровизация публичного администрирования, экономики, политики и социальной сферы: проблемы и перспективы». Ростов н/Д., 2021. С. 93-103.
2. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. М. 1997. С. 630-634.
3. Мельников В.О. Преодоление кризиса цивилизации через его ускорение: акселерационизм // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1 (3). С. 140-150.
4. Делез Ж. Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екб.: У-Фактория. 2008. С. 378-379.
5. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press. 2019. С. 206-225.
6. Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. L.1995. P. 32-35.
7. Айрапетян Д. А., Черкасова Т. П. Политический потенциал транснациональных корпораций в системе динамических изменений глобальной эры / Сборник трудов III международной научно-практической конференции «SOCIAL SCIENCE». Ростов н/Д., 2021. С. 523-535.
8. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. 272 с.
9. Williams A., Srnicek N. Accelerate manifesto for an accelerationist politics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://criticallegalthinking.com/2013/05/14/accelerate-manifesto-for-an-accelerationist-politics/> (дата обращения 25.07.2023).

10. Шваб К., Ванхэм П. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики. М.: Эксмо, 2022. 348 с.
11. Ланд, Н. Телеоплексия: заметки об акселерации // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 21–30.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Принципы коммунизма. М.: АСТ, 2022.
13. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.

References

1. Ayrapetyan D. A., Cherkasova T. P. The concept of post-capitalism and analysis of modern prerequisites for changing digital society. *Collection of scientific and practical reports with international participation "Digitalization of public administration, economics, politics and social sphere: problems and prospects"*. Rostov-on-Don; 2021:93-103. (In Russ.)
2. Easton D. Categories of systemic policy analysis. In: *Anthology of World Political Thought: In 5 vols. Vol. II. Foreign Political Thought of the twentieth century*. Moscow, 1997: 630-634. (In Russ.)
3. Melnikov V.O. Overcoming the crisis of civilization through its acceleration: accelerationism. *Social and humanitarian sciences: theory and practice*. 2019;(3):140–150. (In Russ.)
4. Deleuze J. Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia*. Ekaterinburg: U-Factoria; 2008. (In Russ.)
5. Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Post-Capitalism and the World without Labor*. Moscow: Strelka Press, 2019: 206–225. (In Russ.)
6. Ohmae K. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. L., 1995. P. 32–35.
7. Ayrapetyan D.A., Cherkasova T.P. The political potential of transnational corporations in the system of dynamic changes of the global era. *Proceedings of the III International scientific and practical conference "SOCIAL SCIENCE"*. 2021: 523–535. (In Russ.)
8. Crouch K. *The strange non-death of neoliberalism*. Moscow: Publishing House "Delo" RANEPА, 2012. (In Russ.)
9. Williams A., Srnicek N. Accelerate manifesto for an accelerationist politics. Available from: <https://criticallegalthinking.com/2013/05/14/accelerate-manifesto-for-an-accelerationist-politics/> (Accessed 25 June 2023). (In Russ.)
10. Schwab K., Venham P. *Capitalism of the common good: a new model of the world economy*. Moscow: Eksmo, 2022: 41–81. (In Russ.)
11. Land. N. Teleoplexia: notes on acceleration. *Logos*. 2018;(2):21–30. (In Russ.)
12. Marx K., Engels F. *Manifesto of the Communist Party. Principles of Communism*. Moscow: AST, 2022. (In Russ.)
13. Mason P. *Postcapitalism: a guide to our Future*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 416 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. П. Черкасова – доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС.

Д. А. Айрапетян – преподаватель кафедры политологии и этнополитики, аспирант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. P. Cherkasova – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Dean of the Faculty of Political Science of South-Russian Institute of Management – Branch of RANEPА.

D. A. Ayrapetyan – Lecturer at the Department of Political Science and Ethnopolitics, Postgraduate of South Russian Institute of Management – Branch of the RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 27.07.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 221–226
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):221–226

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 316.4

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-221-226>

EDN LHYKCG

Метавселенная как новый медиафеномен социума: перспективы создания и социальные последствия

Ольга Юрьевна Ангел

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия,
Kornienko00@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3457-5729>

Аннотация. В статье автор рассматривает один из наиболее глобальных и смелых проектов общест-венности, направленный на создание цифрового пространства будущего «нового социального человека». Метавселенная обещает дать широкие возможности онлайн-пользователям не только в сфере коммуникации, проведения досуга, но и он должен стать максимально реалистичным. Анализируются социальные риски реализации проекта, в первую очередь связанные с обеспечением безопасности пользователей, приведены возможные перспективы развития данной платформы. Формулируется актуальность создания новой моральной парадигмы для будущего цифрового пространства. Рассматриваются потенциальные социальные последствия широкого внедрения метавселенной в условиях развития новых технологий в ключевых сферах общественной жизни.

Ключевые слова: виртуальная реальность, информация, искусственный интеллект, киберпространство, медиафеномен, метавселенная, социум, цифровая платформа, цифровой аватар

Для цитирования: Ангел О. Ю. Метавселенная как новый медиафеномен социума: перспективы создания и социальные последствия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 221–226. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-221-226>. EDN LHYKCG

Sociology Problems

Original article

The metaverse as a new media phenomenon of society: prospects for creation and social consequences

Olga Yu. Angel

Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Rostov-on-Don, Russia, Kornienko00@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3457-5729>

Abstract. In this article, the author examines one of the most global and ambitious public projects aimed at creating a digital space of the future "new social person". The metaverse should provide ample opportunities for online users not only in the field of communication, leisure activities, but also this digital world should become as realistic as possible. The social risks of the project implementation are analyzed, primarily related to ensuring the safety of users, and possible prospects for the development of this platform are given. The urgency of creating a new moral paradigm for the future digital space is formulated. The potential social consequences of the widespread introduction of the metaverse in the context of the development of new technologies in key areas of public life are considered.

Keywords: metaverse, information, virtual reality, society, artificial intelligence, cyberspace, digital platform, cif

For citation: Angel O. Yu. The metaverse as a new media phenomenon of society: prospects for creation and social consequences. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):221–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-221-226>. EDN LHYKCG

Для современного мира характерно доминирование информации абсолютно во всем. Это нас не удивляет, так как наступает эпоха информационного общества. Для такого типа общества характерна скорость и доступность практически любой информации. Век информационных технологий предоставляет для общества большие возможности, способствующие реализации контактов между людьми. Так, исходя из этого, следует упомянуть про существование различных социальных систем и удобных цифровых платформ, которые осуществляют удобство и скорость передачи информации, быстрые контакты, а также публикации и просмотр различного контента, опираясь на интересы пользователей.

В настоящий момент мало кто может легко отказаться от использования смартфона и Интернета в повседневной жизни. Безусловно, появление подобных средств связи не могло не отразиться на современном обществе. По словам известного медиамагната Марка Цукерберга: «основная история технологий в нашей жизни заключается в том, как они дают нам возможность выражать себя и воспринимать мир с его большим богатством» [1]. Развитие информационных технологий усиливается с каждым днем. Это легко объяснить, приводя в пример изобретение текстовой информации, которая впоследствии эволюционировала в фотографии и видео, что значительно облегчило ее восприятие и понимание. Это еще не конец очереди. Следующая платформа будет куда интереснее и захватывающе. Интернет-среда станет не только более наглядной, но еще и в некой степени осязаемой. Человек сможет находиться в опыте, а не просто смотреть на него. Данная платформа является метавселенной. Это пространство с большим многообразием возможностей.

Актуальность феномена метавселенной заключается в том, что она может предоставить человеку абсолютно все. Это сочетание физической и виртуальной реальности, в которой человек может выбрать для себя все, что он пожелает. Это может быть создание своей личной окружающей среды, своего пространства, наполненного различными предметами, какие только может представить человек. Метавселенная – это преемник мобильного Интернета [2].

Для более детального и углубленного исследования данной темы необходимо изучить понятие метавселенных, перспективы их становления и развития в современном обществе, а также определить степень влияния на социум в целом.

Целью данной статьи является определение степени влияния такого развивающегося технологического направления, как метавселенная, на различные сферы социума.

Основным методом, применяемым при проведении исследования, является системно-структурный подход, который позволяет выявить взаимосвязи между различными элементами общества, рассматривая его как сложную систему. В дополнение к этому используются формально-логический, сравнительный, а также метод прогнозирования.

Научная новизна данного исследования заключается в системном анализе изменений, вызванных развитием технологического направления метавселенных в различных сферах современного общества. Это исследование вносит оригинальный вклад в понимание последствий развития метавселенных и помогает определить ключевые области, которые нуждаются в большом внимании.

Метавселенная – это цифровая платформа, созданная на основе смешанной реальности (Mixed Reality), которая объединяет виртуальные и реальные элементы в единое пространство. В отличие от виртуальной реальности (VR) которая погружает пользователя полностью в виртуальное окружение, и дополненной реальности (AR) метавселенная предоставляет возможность взаимодействовать с виртуальными объектами и другими пользователями в настоящем времени. Метавселенная позволит не просто зрительно воспринимать экран, она даст возможность побывать в другом мире, ощутить все воображаемое пространство. Это смело можно назвать воплощенным Интернетом. Суть этого феномена заключается не в обычном просмотре контента, а полном его ощущении. Экран не может передать весь спектр человеческого выражения и связи. Он также не может передать глубокое чувство присутствия. Для следующей версии Интернета это по силам. Это некая построенная вокруг людей технология и то, как мы на самом деле воспринимаем мир и взаимодействуем друг с другом. В этом и заключается суть метавселенной.

Создание метавселенной ассоциируется с чем-то фантастическим. На данный момент существует определенное количество компаний и заинтересованных людей в создании данного медиафеномена. В 2021 году Марк Цукерберг переименовал свою компанию в Meta и серьезно заявил о намерениях развивать и инвестировать на технологии расширенной реальности. Концепция виртуальных миров берет свое начало гораздо раньше заявления Цукерберга. Впервые о ней упомянул в своей книге «Snow Crash»

Нил Стивенсон в 1992 г. В книге было упомянуто о двух реальностях: обычной (физической) и некоем городе Metaverse, который представлял собой иной мир. Данная концепция обрела популярность благодаря пандемии коронавирусной инфекции, которая способствовала распространению локдауна во всем мире. Во время ограничений люди вынуждены были искать иные способы взаимодействия между собой. Распространилось дистанционное обучение, онлайн покупки и, конечно же, постоянное времяпровождение в интернет-пространстве. На тот период новость о метавселенной потрясла многих. Но с постепенным возвращением людей к обычной и привычной им жизни интерес к данной концепции снизился. Важно отметить, что с падением интереса к данному медиафеномену его финансирование может прекратиться, и идея рискует остаться всего лишь утопией. Как действия будут развиваться в будущем, остается только догадываться.

В настоящее время уже существуют и развиваются платформы виртуальной реальности. Среди которых можно выделить Sansar, разработанная компанией Linden Lab. Sansar предоставляла возможность пользователям создавать и делиться своими виртуальными мирами и контентом. Как и многие другие проекты виртуальной реальности и метавселенных, Sansar представлял собой платформу, которая стремилась совместить интерактивность, социальные возможности и творчество пользователей в единый цифровой мир.

К перспективам развития метавселенной следует отнести интерактивный контент. Цифровое пространство предоставляет возможность создания интерактивного контента, где пользователи не просто пассивно наблюдают за событиями, но также активно взаимодействуют с другими людьми и окружающим миром. Следует выделить и социальное взаимодействие. Возможности метавселенной позволят людям тесно и быстро общаться между собой, а также заводить новые полезные знакомства. Все это способствует некоему быстрому сплочению общества. Новая реальность предоставит людям возможность испытать огромный набор эмоций, который бы они не смогли испытать в реальной жизни или сделали это гораздо медленнее. Также метавселенная предоставляет людям новый досуг в виде игр, которые создаются на основе потребностей пользователей метавселенной. Такой досуг – это новый интересный опыт для пользователей виртуального пространства. На наш взгляд, метавселенная также поможет в развитии образовательного пространства. Можно полагать, что доступность образования с метавселенной возрастет, а также метавселенная сможет повлиять на качественную сторону образования. Высока вероятность того, что метавселенная может положительным образом оказать влияние на экономическое развитие путем создания виртуальных площадок для бизнеса. Также метавселенная позволяет людям спланировать в зависимости от своих интересов, что позволит, например, ученым образовывать научные коллаборации над совместными исследованиями [3].

Особого рассмотрения требует вопрос об успешном становлении метавселенных в качестве нового медиафеномена. Для реализации данной концепции необходимо решить ряд определенных социокультурных и этических вопросов. Следует обратить внимание на такие проблемы, как безопасность и защита данных пользователя, а также контроль над виртуальным пространством и уровень доверия пользователей к этой технологии. Детальное рассмотрение и решение этих проблем позволит метавселенной успешно влиться в массы [4].

По последним данным о развитии медиафеномена метавселенной следует определить то, что актуальность данного явления немного снизилась. Это объясняется тем, что за последние два года обычная жизнь людей нормализовалась и стабилизировалась. Локдаун и ограничения позади, а вместе с этим и активное использование технологий для работы и обучения. Люди реализуют свою деятельность в реальном пространстве и времени. Нельзя не сказать, что технологии, позволяющие работать удаленно, совсем ушли из нашей жизни. Определенная масса людей по-прежнему заинтересована в их использовании. Падение интереса вовсе не является серьезным препятствием для дальнейшего развития метавселенной. Данный проект не может остаться без внимания. Возможно, сведения, имеющиеся об этом явлении в настоящий момент, еще не окончательные. Такая концепция интересует великие умы современности, которые гарантированно найдут ей применение и поспособствуют развитию и воплощению в настоящем.

Активное использование метавселенной способно оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на общество. Что характерно для положительного, так это удобство взаимодействия людей между собой. Общение станет наиболее легким и доступным, что позволит упрочить социальные контакты. Люди смогут стать наиболее сплоченными посредством общих целей и интересов.

Метавселенная также способна предоставить возможность виртуального туризма. Это будет одним из наиболее значимых плюсов. Виртуальное путешествие позволит людям побывать в тех или иных местах, которые в реальной жизни им посетить не удастся. Результатом использования данной возможности можно считать испытание наиболее ярких эмоций и чувств, которые невозможны в реальной жизни. Использование этого нового технического явления способно привести также к расширению глобального сознания и культурного понимания.

Говоря о позитивных возможных влияниях, нельзя не упомянуть и о негативных. Первым, что следует выделить, так это угрозу цифровой изоляции. Возникновение такой угрозы связана с чрезмерным злоупотреблением пребывания в мирах метавселенной. При таких обстоятельства люди попросту забудут о реальном мире. Такой результат способен повлечь за собой еще один ряд проблем, связанных с социальными и психологическими аспектами жизни человека. Вопросы безопасности и приватности также требуют акцентированного внимания. Это можно аргументировать тем, что законы настоящей действительности могут не применяться или не соблюдаться в виртуальной.

Выше упоминалось о положительном влиянии метавселенной на социум и взаимоотношения в нем. Но так ли все хорошо? Важно отметить, что полное погружение в виртуальные миры может оказывать значительное влияние на реальные взаимоотношения. Человек может буквально «раствориться» в своем придуманном идеальном мире и забыть о своей настоящей семье и близких ему людях. Все это может также привести к целому ряду отрицательных последствий [5].

Как известно, молодое поколение приспосабливается к современным технологиям и Интернету гораздо быстрее взрослых, что также может способствовать появлению положительного и отрицательного влияния. Молодое поколение, а именно дети и подростки, в силу своего возраста являются наивными и малоопытными, что создает угрозу отрицательного влияния цифрового пространства. Большинство представителей молодого поколения проявляют интерес к видеоиграм, в которых допускаются сцены убийства и насилия. Подобные игры способны отрицательно влиять на детскую психику и сознание, что может привести к неправильному формированию настоящей картины мира. К сожалению, в современном мире есть немало примеров такового влияния. В последние годы распространились случаи скулшутинга. Скулшутинг означает стрельбу в школах и других образовательных учреждениях. Данные явления могут быть связаны не только с влиянием игр определенного характера, но также и с информацией, размещенной в сети Интернет. Информация в сети Интернет не всегда является правдивой, но наивные дети и подростки склонны все воспринимать за истину. Из этого следует, что молодое поколение легко поддается негативному воздействию цифрового пространства. С развитием метавселенной ситуация способна куда более усугубиться и привести к более серьезным последствиям, как социальным, так и психологическим.

С развитием метавселенной и активном ее использовании дети и подростки рискуют нарушить свой процесс социализации. Находясь постоянно в придуманной и идеальной реальности, у ребенка может развиваться целый набор комплексов, который способствует появлению социальных и психологических отклонений. Если люди начнут злоупотреблять использованием метавселенной, то это может привести к снижению реальных социальных процессов и взаимоотношений между членами общества. Вербальное общение рискует вовсе исчезнуть. Чтобы этого не произошло, необходим контроль и размеренное использование данного цифрового ресурса. Также необходимо теоретическое обоснование и толкование метавселенной со всеми ее вытекающими последствиями во избежание ее отрицательного влияния.

Прогресс в создании контента для метавселенной уже позволил достичь уровня гиперреальности, где симуляции становятся практически неотличимыми от реального мира. Ранее сложный и дорогостоящий процесс создания контента теперь становится доступным благодаря искусственному интеллекту, который способен генерировать реалистичный «синтетический контент».

В ближайшие годы развитие метавселенной будет сосредоточено на создании иммерсивного опыта в гиперреальных виртуальных средах, населенных аватарами, которые будут выглядеть и звучать так же, как реальные люди. Такие технологии позволят привлечь миллиарды людей в метавселенную, а искусственный интеллект будет использовать данные из реального мира для создания персонализированного контента для каждого пользователя.

Социальное взаимодействие также изменится в метавселенной. Люди будут общаться не только с аватарами других людей, но также с аватарами-агентами, созданными искусственным интеллектом.

Возможности искусственного интеллекта изменятся и станут идеальной средой для развития как виртуальных, так и киберфизических ИИ-систем. В киберфизических системах искусственный интеллект заключен в физическую оболочку, в то время как виртуальные ИИ-системы не привязаны к конкретному физическому объекту. В условиях метавселенной киберфизические ИИ-системы теряют преимущества своей физической оболочки, но они всё ещё могут подключаться к виртуальному миру без использования специальных устройств, как это делают люди.

Современное общество уже вступило в гибридный социум, перенося часть своих взаимодействий в искусственно созданное виртуальное пространство. В будущем люди будут относиться к цифровым коммуникациям так же, как к реальным, возможно, даже проецируя реальные человеческие взаимодействия на цифровых аватаров. Искусственный интеллект все более становится социальным, и его агенты принимают участие в человеческих взаимодействиях.

Проводимые социологические исследования показывают, что дети и взрослые могут воспринимать виртуальных ИИ-ассистентов как живых существ. Создание «полноценной» метавселенной может даже позволить «оживить» умерших творцов, позволяя им продолжать творчество в новой гибридной среде.

Однако с ростом роли метавселенной возникает вопрос о том, может ли она стать новой основной человеческой реальностью, которая расширит границы взаимодействий и ощущений ее участников? Важно отметить, что этот вопрос вызывает интерес и обсуждения среди социологов и других экспертов.

К социальным проблемам, возникающим посредством развития феномена метавселенной, следует отнести появление новых потребностей у членов общества. Это можно аргументировать тем, что виртуальные услуги станут актуальны и востребованы не только среди любителей компьютерных игр, но также и среди обычных людей, для которых это может стать неотъемлемой частью их повседневной жизни. Следующей проблемой стоит выделить неравный доступ. Далеко не каждый человек в силу своих доходов может позволить себе дорогостоящие и качественные гаджеты, позволяющие получить доступ к метавселенной. Уровень цифровой грамотности и доступ к глобальной сети также могут стать подобным препятствием. Проблема конфиденциальности также имеет шансы на активное проявление. Частое использование виртуальных инструментов может привести попросту к утрате конфиденциальности. Подобные технологии способны фиксировать данные о пользователе, включая его местоположение и др. Активные пользователи метавселенной, создавая свои цифровые аватары могут спровоцировать появление проблемы идентичности. Ну и к наиболее актуальным проблемам стоит отнести проблемы со здоровьем и деградацией моральных ценностей. Частое использование виртуальной реальности способно привести к киберзависимости и другим серьезным проблемам. Деградация моральных ценностей представляет собой наиболее худшее явление, которое способно отразиться на поведении людей в реальном мире.

Вышеперечисленные проблемы требуют к себе большого и особого внимания. Из этого следует, что для решения данных проблем необходимо разработать комплекс соответствующих регулирований и мер для борьбы с негативными последствиями. Данные меры позволят минимизировать рост возможных угроз, а также привести к максимизации извлечения пользы от развития метавселенной.

Необходимо также акцентировать внимание на определенные различия последствий настоящего медиафеномена. Последствия могут различаться по способу использования технологии виртуальной реальности. То, с какой ответственностью относятся разработчики и сами пользователи, зависит непосредственно от возникновения определенных последствий. Для того чтобы успешно справляться с подобными последствиями, необходимы соответствующие правила и законы, которые позволят предотвратить отрицательное влияние. Любая сфера и отрасль общественной жизни нуждается в правовом регулировании, так как это необходимо для успешного функционирования общества в целом.

Успешная реализация концепции метавселенной в реальной жизни способна открыть для человечества новые возможности. Данные возможности проявляются не только в социальной сфере общества, но и в других. Например, экономика также способна столкнуться с рядом масштабных изменений. В данном случае следует упомянуть о виртуальной экономике, а именно о возрастании ее значения в условиях метавселенной. Посредством этого изменения могут достигнуть сферу занятости и производства. Мировые компании и малоизвестные не упустят такой шанс. Экономические лидеры будут заинтересованы в разработке и активном применении соответствующих приложений для распространения своих товаров и услуг. Вместе с этим не исключены изменения и на рынке труда.

Однако важно отметить, что подобные масштабные изменения требуют разработки соответствующей политики. Европейская парламентская исследовательская служба обратила внимание на возможные последствия для конкуренции, защиты данных, финансовых сделок, кибербезопасности, здоровья и доступности. В настоящее время правительствующие органы занимаются постановкой определенных задач для правоведов с целью достижения результатов по обеспечению соблюдения определенных требований компаниями, реализующих свою деятельность в метавселенной.

Таким образом, развитие метавселенной вызывает не только целый ряд изменений в различных сферах общества, но также является поводом для обсуждения рисков и последствий для политики и правового регулирования.

Рассуждения и подсчеты, проведенные в этой области, привели к следующим выводам: феномен метавселенной представляет собой нечто фантастическое, что можно назвать неким шагом в будущее. Миры метавселенной позволят не просто видеть, но и ощущать в полной мере виртуальное пространство. Появление такого феномена сулит большие изменения во многих сферах общества. В настоящий момент остается актуальным тема того, как же будет развиваться и применяться данная технология в будущем. В настоящее время использование технологий и сети Интернет является неотъемлемой частью жизни практически каждого члена общества. Активное развитие концепции данного медиафеномена способно привести к новому шагу в эволюции. Стоит отметить, что при появлении каких-либо новых технологий важно учитывать их потенциал как позитивного, так и негативного влияния. Необходимо проявлять одновременно бдительность и ответственность, что позволит уменьшить риск отрицательных влияний.

Список источников

1. Андонов А. А. Метавселенная Цукерберга // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 44. С. 81–85.
2. Корнев М. С. Метавселенная: что будет после интернета? // *Журналист*. 2021. № 11. С. 16–19.
3. Юхно А. С. Понятие, особенности и перспективы развития концепции метавселенной // *Мир новой экономики*. 2022. № 16(4). С. 6–19.
4. Гуров О. Н. Метавселенные – из сумерек во тьму перелетая? // *Наука и телевидение*. 2022. № 18(1). С. 11–46.
5. Худайбергенов А., Музафаров М. Метавселенная и искусственный интеллект: законы реального мира порождают проблемы виртуального мира // *Общество и инновации*. 2022. № 3 (2). С. 273–288.

References

1. Andonov A. A. Zuckerberg's metaverse. *Innovation. The science. Education*. 2021;(44):81–85. (In Russ.)
2. Kornev M. S. Metaverse: what will happen after the Internet? *Journalist*. 2021;(11):16–19. (In Russ.)
3. Yukhno A. S. The concept, features and prospects for the development of the concept of the metaverse. *The world of the new economy*. 2022;16(4):6–19. (In Russ.)
4. Gurov O. N. Metaverses – flying from twilight into darkness? *Science and television*. 2022;18(1):11-46. (In Russ.)
5. Khudaibergenov A., Muzafarov M. Metaverse and artificial intelligence: the laws of the real world generate problems of the virtual world. *Society and innovation*. 2022;3(2):273–288. (In Russ.)

Информация об авторе

О. Ю. Ангел – кандидат социологических наук, доцент, Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Information about the author

O. Yu. Angel – Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.08.2023; одобрена после рецензирования 31.08.2023; принята к публикации 01.09.2023.

The article was submitted 17.08.2023; approved after reviewing 31.08.2023; accepted for publication 01.09.2023.

Научная статья

УДК 316+32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-227-237>

EDN VUJVOM

Электоральный процесс в институциональном политико-социальном поле как объект научного исследования: понятие, сущность, структура, функции

Яков Андреевич Асланов

Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия,
aslanov@sfedu.ru

Аннотация. Цель исследования – охарактеризовать понятие, сущность, структуру и функции электорального процесса как объекта научного исследования в институциональном политико-социальном поле. Объектом исследования являются процессы удовлетворения социальных запросов с помощью политических механизмов. Предметом исследования – социальные основания эффективности электоральных процессов в современных политических системах. Исследование социологических аспектов институционализации электорального процесса в современной России, проведенные в рамках данной научно-исследовательской работы позволяют сделать следующие выводы. Разделение общественных процессов на политические и социальные является формой существования современной науки. В реальной жизни общество является цельным организмом, в котором социальная и политическая сферы тесно связаны. В едином институциональном механизме эта связь воспроизводится в рамках электорального процесса, основная функция которого заключается в транслировании электоральных запросов со стороны общества в сферу реальной политики. При этом сам механизм электорального процесса представляет собой совокупность осуществляемых на четырех уровнях (фазах) социально-политических, организационно-административных, политических и политико-социальных процессов, конечный результат которых должен заключаться в максимально полном удовлетворении электоральных запросов общества средствами реальной политики. Подобная обусловленность реальной политики электоральными запросами со стороны общества в значительной мере характеризует социологический аспект электорального процесса в структуре политической системы. Важным результатом возможной концептуализации подобной деятельности стал тезис о том, что электоральные процессы, как в конечной цели своего функционирования (удовлетворения запросов общества средствами реальной политики), так и на каждой из фаз электорального процесса могут зависеть преимущественно от одной из двух важнейших задач, обуславливающих функционирование всей политической системы. Этими задачами является либо установка на перспективное социально-экономическое развитие, либо на решение актуальных задач в сфере безопасности.

Ключевые слова: институционализация электорального процесса, институциональное политико-социальное поле, объект научного исследования, политическая система, политический механизм, социальный запрос

Для цитирования: Асланов Я. А. Электоральный процесс в институциональном политико-социальном поле как объект научного исследования: понятие, сущность, структура, функции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 227–237. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-227-237>. EDN VUJVOM

Electoral process in the institutional political and social field as an object of scientific research: concept, essence, structure, functions

Yakov A. Aslanov

Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, aslanov@sfedu.ru

Abstract. The purpose of the study is to characterize the concept, essence, structure and functions of the electoral process as an object of scientific research in the institutional political and social field. The object of the study is the processes of satisfying social demands with the help of political mechanisms. The subject of the study is the social foundations of the effectiveness of electoral processes in modern political systems. The study of the sociological aspects of the institutionalization of the electoral process in modern Russia, carried out within the framework of this research work, allows us to draw the following conclusions. The division of social processes into political and social is a form of existence of modern science. In real life, society is a whole organism in which the social and political spheres are closely connected. In a single institutional mechanism, this connection is reproduced within the framework of the electoral process, the main function of which is to translate electoral requests from society into the sphere of real politics. At the same time, the mechanism of the electoral process itself is a set of socio-political, organizational-administrative, political and political-social processes carried out at four levels (phases), the final result of which should be the fullest possible satisfaction of electoral demands of society by means of real politics. Such conditionality of real politics by electoral demands on the part of society largely characterizes the sociological aspect of the electoral process in the structure of the political system. An important result of the possible conceptualization of such activities was the thesis that electoral processes, both in the ultimate goal of their functioning (meeting the needs of society by means of real politics), and at each of the phases of the electoral process can depend mainly on one of the two most important tasks that determine the functioning of the entire political system. These tasks are either aimed at promising socio-economic development, or at solving urgent problems in the field of security.

Keywords: institutionalization of the electoral process, object of scientific research, social inquiry, political mechanism, political system, institutional political and social field

For citation: Aslanov Ya. A. Electoral process in the institutional political and social field as an object of scientific research: concept, essence, structure, functions. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(3):227–236. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-227-236>. EDN VUJYOM

Электоральный процесс представляется одним из важнейших элементов механизма политических систем, основанных на демократических (в самом широком смысле слова) принципах. Если для изучения данного феномена использовать метод аналогий, то, в первом приближении, он может быть охарактеризован как «передаточный механизм», расположенный между социальной и политической сферами общественной жизни. Можно сказать, что в самом общем виде его функции сводятся к передаче импульсов, присущих современному обществу (в идеале) во всем спектре потребностей его субъектов, к политическому механизму, который посредством властно-правовых инструментов призван координировать жизнедеятельность общества.

По нашему мнению, достаточно важно указать на тот факт, что и социальная, и политическая сферы, которые часто рассматриваются наукой как относительно самостоятельные (и в определенном смысле – независимые) аспекты общественной жизни, вследствие функций, выполняемых электоральным процессом, должны восприниматься как единый организм. С философско-теоретической точки зрения данный, почти очевидный, вывод позволяет преодолеть одну из фундаментальных «родовых травм» науки, связанную с фрагментарным (в соответствии с объектно-предметной характеристикой) восприятием действительности.

Если попытаться визуализировать идею модели передаточного механизма применительно к функциям, выполняемым электоральным процессом в системе общественных отношений, то, по нашему мнению, в большей степени для этого подойдет известная всем из школьного курса физики модель сообщающихся сосудов. При этом для иллюстрации функций электорального процесса должна использоваться модель не с жестким, а с гибким соединением между сосудами. В нашем случае эти

«сосуды» иллюстрируют социальную и политическую сферы общественной жизни. Как известно, в физической модели сообщающихся сосудов формируется одинаковый (общий) уровень помещенной туда жидкости. Практически то же происходит и в общественной жизни между социальной и политической сферами, соединенными между собой механизмом электорального процесса. При этом для нас принципиально важно, что в данной физической модели точно также, как и в реальной жизни, в отношении как социальной, так и политической сферы, положение каждого элемента (правого или левого сосуда) может быть произвольно изменено. В реальной жизни это является целью и/или следствием реализации соответствующей политики (политического действия, политического процесса, политической технологии) [1, с. 160].

Пользуясь приведенной в качестве аналогии моделью сообщающихся сосудов, принципиально важно, по нашему мнению, понимать, что на практике, как исследователям, так и субъектам политической жизни следует отдавать себе ясный отчет в том, какое действие (процесс или технология) привели к изменению уровня соответствующей «жидкости» (конкретного параметра социальной или политической сферы). Также, несмотря на то, что, как можно видеть, сам факт динамической связи между социальной и политической сферами позволяет характеризовать эту связь как сложный функциональный механизм, на данном этапе наших рассуждений целесообразно зафиксировать факт того, что благодаря именно электоральному процессу социально-политическая сфера общественной жизни может (и должна) восприниматься как целостный феномен [2, с. 14].

Для последующих рассуждений о сущности, структуре и функциях электорального процесса в политико-социальном поле нам важно констатировать следующие его важнейшие параметры как объекта исследования. Речь, прежде всего, идет о генетической связи электорального процесса с социальной сферой, а также о его функциональной природе. В качестве третьей важнейшей характеристики, безусловно, должно рассматриваться влияние электорального процесса на соответствующую политическую систему. Четвертым аспектом электорального процесса как сложного социально-политического феномена и самостоятельного объекта исследования являются вопросы обратного влияния политической сферы на электоральный процесс, опосредованные механизмами социальной сферы. Визуально такое разделение представлено на рисунке 1.

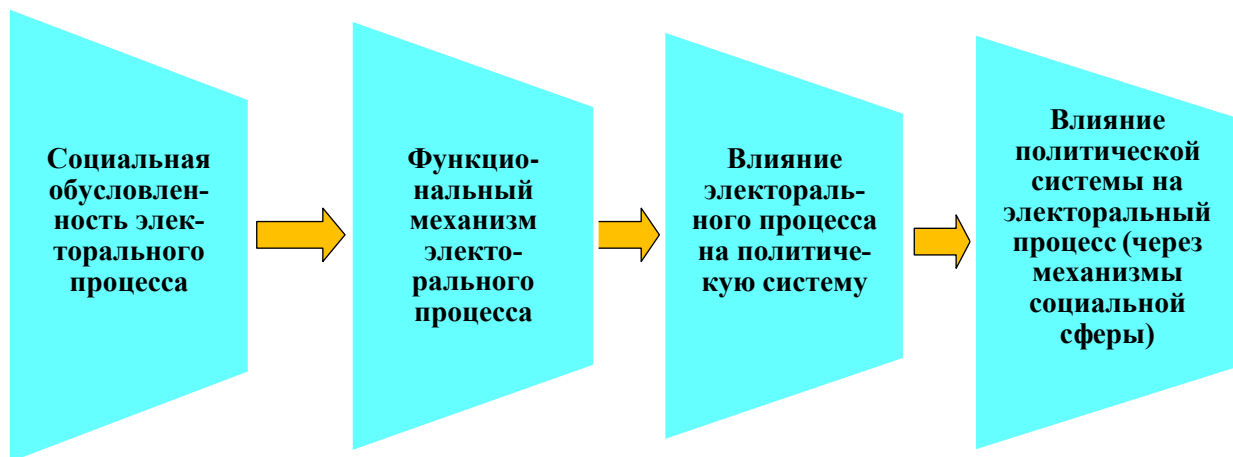

Рис. 1. Элементы электорального процесса как объекта исследования в социально-политическом контуре

Fig. 1. Elements of the electoral process as an object of research in the socio-political contour

Рассмотрение электорального процесса как цельного объекта исследования в контуре социальной и политической сфер, по нашему мнению, позволяет рассматривать его в логике циклического механизма, расширив, таким образом, традиционную трактовку электорального цикла. Действуя таким образом, термин «электоральный цикл» можно использовать не только в организационном и/или функционально-технологическом смысле, но и в соответствующем теоретико-методическом понимании. Если рассматривать электоральный процесс как соответствующий электоральный цикл (в контексте четырех фаз, представленных на рис. 1), становится еще более очевидно, что в таком понимании

электоральный процесс является одним из центральных механизмов политических систем демократического типа.

Естественно, в логике объектно-предметных взаимосвязей каждый из представленных на рис. 1 аспектов электорального процесса может рассматриваться как соответствующий предмет исследования, хотя, как уже говорилось выше, из-за внутренней сложности каждого из них, во многих случаях также и эти четыре аспекта электорального процесса могут выступать как самостоятельные объекты исследования. Для нас также важно, что элементы, процессы и механизмы, характерные для каждой из четырех представленных выше фаз электорального процесса как циклического явления (в широком, теоретико-методологическом контексте) могут влиять на соответствующие параметры его институционализации (институциональной трансформации) в реальной политической жизни.

Первая характеристика электорального процесса – принципиальная связь и функциональная зависимость, между его механизмами (на второй фазе охарактеризованного выше цикла) и наиболее актуальными социальными процессами важна для нас и в контексте темы данной работы, и с точки зрения важности признания ее объективного первенства в системе механизмов демократического общества. В предметно-содержательном аспекте она в значительной мере выводит нас в проблемное поле политической социологии, как ее понимают современные специалисты.

Одним из самых важных следствий, к которым, по нашему мнению, приводит использование в исследовании политических институтов и процессов методологии современной социологии (в нашем случае – политической социологии) является «подтягивание» их до общенаучных (для социально-гуманитарных дисциплин) стандартов, как в самих исследованиях, так и в представлении их результатов [3, с. 29]. Политическая теория и практика в таком случае для целей конкретных исследований (а также системы политического управления) обогащается целым набором устоявшихся в научно-аналитическом обороте терминов, характеризующих как важнейшие элементы социального поля, так и социально-политические процессы, к которым они принадлежат. Наиболее важными категориями, непосредственному введению которых в понятийный аппарат политологии способствует учет социального контекста политических процессов, по нашему мнению являются категории гражданского общества, социальных групп, социальной структуры, социальной стратификации и социальной дифференциации. Эти и другие, характерные для методологии современной социологии термины, понятия и подходы сегодня широко используются в политических исследованиях.

Раскрывая содержание социального контекста электоральных процессов, мы можем говорить, прежде всего, о том многообразии подходов к дифференциации общественных отношений, которые так свойственны богатейшему инструментарию современной социологии и совсем не исчерпываются только что перечисленными. Далее мы постараемся охарактеризовать некоторые, наиболее важные, по нашему мнению. Однако уже сейчас понятно, что в контексте социологического ракурса рассмотрения электорального процесса мы можем рассчитывать на более точную характеристику групп его ключевых субъектов.

В самом общем виде дифференциация общества как естественной социальной основы электорального процесса позволяет характеризовать его акторов в самых разных ракурсах. При таком подходе это становится возможным исходя из этнокультурных, гендерных и возрастных признаков, на основе выделения в общей массе граждан субъектов с чертами политических лидеров, формирующих вместе со своими единомышленниками и политические партии, и политическую элиту. Более того, именно социологии представители всех социально-гуманитарных наук, включая политологию, обязаны возможностью использования в собственном анализе подхода, характеризуемого как «идентичность» [4, с. 15]. Представляется очевидным, что именно для проблем, связанных с электоральными процессами, концепт идентичности является одним из основополагающих. Также социологический ракурс позволяет более детально исследовать механизмы политических коммуникаций, которые являются чрезвычайно важными в рамках описанной выше модели электорального процесса. Представляется, что только благодаря последствиям разного рода коммуникаций и осуществляется то взаимное влияние социальной сферы на функциональный механизм электорального процесса (переход от первой ко второй фазе электорального цикла), а далее – на политическую сферу и в обратном порядке – на социум.

Таким образом, можно видеть, что социологический аспект исследования электорального процесса (как в научно-теоретических, так и практических целях) позволяет по разным признакам дифференцировать его социальные основания и вследствие этого значительно повысить эффективность

применения результатов подобных исследований в системе политического консультирования и политического управления. Посмотрим детальнее, что из себя представляет этот социологический аспект электорального процесса.

В такой многонациональной стране, как Россия, справедливо одними из важнейших характеристик представителей отечественного электората считаются этнокультурные характеристики. «Национальный вопрос», как часто «в народе» называют этнополитические факторы, был актуален в России всегда. Представляется, что как фактор политического процесса (в том числе в электоральном ракурсе) этнополитические аспекты общественной жизни были впервые наибольшим образом использованы большевиками.

Характеристика содержания их национальной политики далеко выходит за пределы данной работы, однако, даже сейчас при проведении спецоперации на Украине мы видим важность этого фактора, в том числе и на основе ошибок и «перегибов», допущенных в свое время вождями молодой Советской Республики. Широко известно высказывание Ленина о России, как тюрьме народов. Не менее важным представляется и работа современных специалистов и политиков по искоренению подобных «мифов».

Подобные аспекты деятельности «интеллектуалов» (даже безотносительно того, что они являлись или являются крупными политическими деятелями), на наш взгляд, убедительно подтверждается практикой. Чрезвычайная актуальность этнокультурной проблематики в советский период подтверждается хотя бы тем, что советское государство по типу своей организации было многонациональным – Союз Советских Социалистических республик. И то, что СССР распался, прежде всего, по национальному признаку (несмотря на многонациональный характер советских республик, преемницами СССР стали государства, образованные на базе пятнадцати республик, составлявших Союз), подтверждает, что этот вопрос в стране решался неэффективно [4, с. 15].

В новейшей истории России этнокультурная проблематика также была чрезвычайно актуальна. Причем в самом прямом для вопросов государственного строительства смысле. Достаточно вспомнить «парад суверенитетов» начала 1990-х гг., а также этнорелигиозные факторы в кавказских войнах конца XX столетия. Этнокультурные факторы принципиально важны в составе концепта «русского мира» как одного из инструментов «мягкой» силы российской внешней политики.

Упомянутые аспекты этнокультурной проблематики достаточно широко известны, однако, есть и те, в которые посвящен, по разным причинам, достаточно узкий круг людей. Так, мы практически уверены, что, к примеру, даже у нас на Дону не все знают об очень важных для современного казачества запросах в этнокультурной сфере. Их эффективное или неэффективное разрешение при определенных обстоятельствах может быть актуальным как для наших внешнеполитических «партнеров» (не зря, ведь, во многих существующих на Западе проектах разделения России одним из возможных самостоятельных государств на территории России значится «Казакция»), так и в рамках электоральных запросов. Механизм влияния этих запросов на государственную политику, в том числе и в рамках электорального процесса, может быть объяснен на основании теории политических рынков, представленных С. А. Афонцевым в его достаточно известной монографии.

Подобная теория выглядит весьма логичной, и, к тому же, подтверждается современной практикой политических процессов, в том числе за рубежом. Методологическим обоснованием социологических оснований подобных запросов достаточно глубоко занимается современная социология. В рамках социологической проблематики, имеющей политические аспекты, выделяют вопросы, связанные с обоснованием таких сложных этнокультурных понятий как «этнос», «этничность», «народность», «народ» и «нация». Мы уверены, что грамотное теоретико-методическое обоснование этих понятий важно для эффективного решения всех обозначенных выше этнокультурных проблем в их связи с политическими процессами, в том числе и в электоральной сфере.

Следующим важным направлением социологических исследований, которые также сопряжены с большим спектром политических, в том числе и электоральных процессов, является «гендерная проблематика» современной социологии. Значимость гендерной проблематики для современных политических, в том числе и электоральных процессов, чрезвычайно интенсивно педалируется «прогрессивным» западом. Одной из самых «безобидных» проблем, которые в этой связи поднимаются, являются права женщин в социальных общностях. Например, их представительность на руководящих должностях в государственных и бизнес-структурах. Второй, но уже более «чувствительной» (в негативном

ключе), по крайней для российского общества, является проблематика, связанная с правами сексуальных меньшинств.

По нашему мнению, актуализация этих вопросов в политическом поле вообще, и российского общества в частности, является почти в полной мере «импортным продуктом» представителей Западной цивилизации. В условиях же роста недоверия к Западу, с одной стороны, а также актуализации более «привычных» для общества проблем, гендерные аспекты не называются как актуальные. В то же время, можно предположить, что семена симпатий к западным «ценностям» могут прорасти при изменении внешнеполитической конъюнктуры и гендерная проблематика может актуализироваться, в том числе и в электоральном процессе [5, с. 119]. Такая логика событий может стать для страны новым этапом испытаний и чтобы их либо предотвратить совсем, либо пережить с меньшими издержками, требуется достаточно глубокое понимание той логики, которая может быть актуализирована Западом в политической жизни России. И в этой связи следует признать, что современные отечественные социологи достаточно глубоко погружены в исследование гендерной проблематики. Не вдаваясь в содержание «продвинутых» исследований в этой области, можно констатировать, что даже в российских университетах изучаются такие направления современной науки, как теория социального конструирования гендера, где гендер (как это принято в современном западном обществе) рассматривается как стратификационная категория, как метафора философских и постмодернистских концепций.

Продолжая характеризовать социальные основания политических (в том числе и электоральных) процессов, нельзя не сказать об изучении социологами таких классических именно для политологии тем как политическое лидерство, партийное строительство или элитологические аспекты политической деятельности. Причиной такой «экспансии», по всей видимости, можно назвать уже упоминавшуюся выше естественную ущербность любой науки, проявляющуюся в разделении цельного в естественной жизни объекта исследования на отдельные фрагменты. Такой подход, естественно, позволяет ученым сконцентрироваться на важнейших свойствах изучаемого объекта, однако, особенно когда такой объект имеет сложную структуру, является слишком ярким, либо значимым, например, в общественной жизни, безусловно, остаются его черты, которые требуют для своего понимания подходов, отличных от тех, что приняты в конкретной науке. Очевидно, что феномены элитогенеза, политического лидерства и партийного строительства чрезвычайно важны для общественной жизни. Социологические аспекты этих явлений проявляются в следующем.

Простой констатации того, что лидерство проявляется в обладании властью, для действительного понимания этого важнейшего феномена представляется недостаточно. Социологические исследования позволяют понять действительное место и роль конкретной личности в функционировании социальных общностей [6, с. 1100]. В рамках электорального процесса грамотное понимание запросов на лидерство можно использовать для формирования, например, в рамках предвыборных кампаний социально привлекательного образа политического лидера. Социологами также установлено, что среди факторов, обуславливающих успешность политического лидерства, проявляющегося, в том числе и в рамках электорального процесса (особенно, если смотреть на него в «расширенном» формате, как это предлагалось выше) наиболее важными являются:

- степень озабоченности политической общности проблемами, которые сформулировал политический лидер;
- объективность характеристики ситуации, которая представляется лидером электорату;
- степень личного участия лидера в устанавливаемой власти и т.д. Соблюдение подобных принципов делает политических лидеров социально легитимными. В общественном сознании их образы ассоциируются с эпитетами «спаситель», «реформатор», «защитник», «справедливый», «хозяйственник» и т.п.

Очевидно, что феномен политического лидерства, в том числе с учетом охарактеризованных выше его социологических оснований, в значительной мере определяет вектор и динамику процессов элитогенеза и политического строительства. Политическую элиту социологи характеризуют, прежде всего, как специфическую социальную общность. Исходя из такого подхода к характеристике политической элиты, в социологии сформировалось и особое представление о других важнейших категориях современной элитологии – политическом классе, каналах рекрутирования элиты и других. Во многом, действуя, руководствуясь собственной логикой, социологи «препарируют» в своем анализе и такие «традиционные» для политологов направления исследований как феномен политических партий.

При этом социологи воспринимают их как специфические организации, имеющие следующие отличительные характеристики:

- относительно длительный период деятельности по сравнению со многими другими типами организаций в политической сфере;
- достаточно сложная управленческая иерархия и т.п.

Названные социологические характеристики политических партий в значительной мере обуславливают не только стабильность своего функционирования, но и относительно долгосрочный характер политических запросов электората, многие из которых могут институционально вводиться в политическое поле и на основе деятельности других типов политических организаций.

Совершенно особое место среди примеров социологического анализа участников политических процессов занимает молодежь. При этом социологи характеризуют не только организационные способы вовлечения молодежи в политические процессы (молодежные общественно-политические организации и движения), но и разрабатывают теоретические подходы к изучению этих проблем, имеющих важное значение для политической системы, в том числе в контексте функционирования ее электоральных механизмов.

Если характеризовать ценность социологического подхода к характеристике молодежи как важного участника политических процессов, в том числе занимающего большой сегмент электората практически в любой стране мира, то, как можно видеть, имеет место как ее влияние на электоральный процесс, так и влияние политической системы на молодежь, как представителей электората. В представленной выше модели электорального процесса сказанное характеризует взаимодействие между собой практически всех четырех (см. рис. 1) элементов электорального механизма.

Если следовать логике дальнейшей характеристики подходов к стратификации социальных основ политического поля, присущих современной социологии, то следует указать и на такие нехарактерные для других наук направления исследований, как исследование неклассических социальных общностей в современной политике, а также феномена «других» политических поколений. По нашему мнению, политические исследования, сконцентрированные в основном вокруг изучения околостатусных механизмов, просто не способны адекватно отразить «поколенческие» изменения, касающиеся, в том числе, и электоральных запросов, а также то новое, что естественным образом, появляется в обществе и отражается в его электоральных слоях [7, с. 325].

Научный термин «других» поколений не только в социологическом, но и в политологическом измерении призван служить целям естественных трансформаций в социальном базисе политических и, в том числе, электоральных процессов. Он призван помочь с характеристикой отличий не только «сегодняшней», но и «вчерашней», и «позавчерашней» молодежи с прежними поколениями политиков и граждан, составлявших костяк электората в разные годы политических циклов. Основными направлениями социологических исследований в этой области «смежной» с политологией проблематики, касающейся временных (поколенческих) изменений в социальной основе политических процессов являются исследования, касающиеся таких феноменов, как «демографические поколения», «антропологические поколения», «исторические поколения», «хронологические поколения», «символические поколения» и др.

Понятие неклассических социальных общностей в современной политике связано с социальными образованиями, появляющимися под влиянием социально значимых экономических или политических процессов, вызывающих социальную неудовлетворенность или другие формы массовых настроений. В качестве наиболее значимых феноменов неклассических социальных общностей социологами исследуется феномен толпы, а также механизмы политического канализирования настроений широких масс социума. Охарактеризованные выше примеры социологических исследований политических процессов касались, как это уже и говорилось выше, главным образом, характеристики различных подходов в социальной стратификации, которые позволяют более точно понять и впоследствии использовать параметры субъектов электоральных процессов в целях политического управления. Однако кроме параметров электоральных процессов, касающихся различных типов их субъектов, «социологический аспект» позволяет сформулировать механизмы социально-политической идентичности, а также социологические основания политических коммуникаций.

Социологические подходы в исследованиях политической идентичности в целом позволяют сформировать методологическую основу для определения политической идентичности, которая,

в свою очередь, является основой для оперирования такой важнейшей для электорального процесса категорией, как «электорат». Следует отметить, что, как и многие другие аспекты социально-политического знания, категория политической идентичности динамично изменяется вследствие изменений ее понимания учеными. Исследования феномена идентичности, начавшиеся после 1950-х гг., в 90-х гг. XX столетия получили новый импульс. Причиной этого стали мощнейшие процессы глобальной и социально-политической трансформации, а также необходимость совершенствования механизмов социально-политической коммуникации.

Все охарактеризованное выше многообразие социологических инструментов к исследованию различных элементов структуры электората, их мотивов, способов организации и взаимодействия в политическом процессе в обобщенном виде представлено в табл. 1.

Таблица 1 – Обобщенная характеристика социологических исследований социальных оснований электорального процесса

Table 1 – Generalized characteristics of sociological studies of the social foundations of the electoral process

№ п/п	Направление исследований	Проблематика исследований	Приложение к электоральным проблемам
1	Этнокультурная проблематика	Изучение категорий: «этнос», «этничность», «народность», «народ» и «нация»	Создает предпосылки более эффективного участия в электоральном процессе различных этнокультурных общностей
2	Гендерные аспекты политических процессов	Теория социального конструирования гендера (логика рассмотрения гендера как стратификационной категории)	Позволяет управлять электоральным поведением лиц, для которых значимы гендерные факторы
3	Исследование «других» политических поколений	Изучение таких явлений, как «демографические поколения», «антропологические поколения», «исторические поколения», «хронологические поколения», «символические поколения» и т.п.	Позволяет совершенствовать политические (в т.ч. и электоральные) технологии применительно к новым поколениям политических субъектов, в том числе – представителям электората.
4	Неклассические социальные общности в современной политике	Социальные образования (например, толпа), появляющиеся под влиянием процессов, вызывающих социальную неудовлетворенность или другие формы массовых настроений.	Позволяет расширить применение политических, в том числе и электоральных технологий на социальные общности, возникающие под влиянием изменения настроения больших масс общества
5.	Молодежь как участник политических процессов	Исследование механизмов функционирования молодежных общественно-политических организаций и движений, а также различных механизмов электорального процесса в молодежной среде	Расширяет понимание молодежи как части электората за счет понимания способов ее мотивов нахождения в электоральном поле, а также организации в реальных политических (в т.ч. электоральных процессах).
6.	Проблемы социально-политической идентичности	Методологическая основа определения политической идентичности, являющегося незаменимым для конкретизации термина «электорат».	Позволяет в каждом конкретном случае содержательно наполнить

Продолжение табл. 1
Continuation of Table 1

№ п/п	Направление исследований	Проблематика исследований	Приложение к электоральным проблемам
7.	Социологические основания политических коммуникаций	Исследование природы различных социальных общностей расширяет представление об их мотивах, структуре организации и наиболее удобных способах взаимодействия	Понимание природы, мотивов, системы организации и способов взаимодействия повышает эффективность вовлечения различных социальных групп в электоральный процесс и результаты соответствующего правления.
8.	Политическое лидерство, элиты и партии в социологическом ракурсе	Организационные конструкции формирования и проявления политического лидерства, процессы политического строительства	Исследование политического лидерства используется для формирования, например, в рамках предвыборных кампаний социально привлекательного образа политического лидера
			Организационные основы элитогенеза
			Организационные механизмы партийного строительства

Можно видеть, что охарактеризованная выше проблематика современной социологии, сопряженная с возможностью использования результатов соответствующих социологических исследований для управления электоральным процессом, позволяет понять его сущность, структуру и функции с точки зрения субъектных характеристик. Благодаря социологам ученые-политологи, политтехнологи и действующие политики могут иметь дифференцированное представление о различных сегментах электорального поля. Субъектные отличия социальных групп, формирующих электорат на каждом этапе политического цикла, во многом и обуславливают сущность и структуру электорального процесса, а его функции (как конечные, так и промежуточные), в значительной мере, остаются неизменными, хотя также зависят от целого ряда факторов. В такой ситуации очевидно, что для достижения конечных целей диссертационного исследования помимо чисто социологического важным является также и более детальное понимание институционально-функциональных механизмов проявления социальных факторов в электоральном процессе.

Выше говорилось, что особенности социальных факторов электорального процесса в значительной мере формируют спрос на политику, в которой действующие политики должны учитывать запросы представителей каждого сегмента электората. В последствие политики также своими действиями формируют новые потребности электорального спроса. Таким образом выглядит механизм электорального процесса, представленный на рис. 1, в его крайних, наиболее важных сегментах. Несмотря на достигнутое понимание механизмов электорального процесса (особенно с учетом влияния социальных факторов), важно детализировать его сущность и функции с точки зрения логики функционирования политической системы, а потом для достижения цели данной диссертации нужно будет охарактеризовать механизм его институционализации.

Обобщая рассмотрение важнейших характеристик электорального процесса как объекта в системе цельного политико-социального поля, по нашему мнению, следует акцентироваться на следующих выводах. Несмотря на относительную независимость и социальной, и политической сфер общественной жизни, именно функциональная сущность электорального процесса позволяет говорить о социально-политическом поле как едином механизме, системном элементе и важнейшем социальном институте, сложное устройство которого позволяет классифицировать его как самостоятельный объект исследования. В то же время, все три его составных элемента (социальная сфера, электоральный процесс и политическая система) также имеют весьма сложную структуру, что позволяет и каждый из них рассматривать в качестве объекта научного исследования.

Если говорить о сущности, структуре и функциях электорального процесса как объекта научного исследования, то они не только раскрывают сложность его организации, но в большинстве случаев сами могут иметь характеристики объекта исследования. Для конкретизации содержательных характеристик электорального процесса как объекта научных исследований, по нашему мнению, следует констатировать, что его сущность заключается в трансляции всего спектра социальных импульсов (паттернов спроса на конкретную политику) из социальной сферы в поле политического процесса. В такой ситуации, учитывая сложность организации практически любого социума, можно сказать, что качественные характеристики, структура и содержание электорального процесса в значительной мере определяются социологическими параметрами, которые обуславливают и содержание описанных выше фаз электорального процесса.

Принципиально важно отметить, что описанное выше «расширенное» понимание электорального процесса не только «связывает» социальную и политическую сферы в категориях спроса и предложения мер конкретной политики. Функциональная характеристика этой модели позволяет детально охарактеризовать содержание политико-социальных процессов в рамках электорального цикла на каждом из его этапов: социальном, функциональном, этапе реальной политики, а также в рамках фазы обратного влияния процессов, характерных для политической сферы на все элементы социума [8, с. 330].

На данном этапе исследования нами было обосновано принципиальное значение электорального процесса, как для политической сферы, так и в качестве одного из важнейших механизмов функционирования всего социального организма. В своих рассуждениях мы пытались также обосновать объективную ценность и инструментария, характерного для современной социологии, который позволяет уже в режиме политического процесса учитывать функциональную роль любой социальной группы, течения или класса, способных выступать в качестве субъектов политической жизни. Мы постарались также обосновать вывод о том, что без использования подобного инструментария нельзя сформировать привлекательные черты политического лидера и социально привлекательной программы политической партии. Далее мы планируем расширить и конкретизировать высказанные тезисы, а также приложить их к реальным политическим процессам.

Список источников

1. Власова Т. А. Особенности формирования советского парламентаризма в 1960-70 гг. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 10. С. 59–62.
2. Бакушев В. В. Эволюционирование института «избирательные комиссии» в российских условиях // Право и современные государства. 2019. № 3. С. 12–25.
3. Еремина В. С. Особенности электоральной практики избирательного процесса в Канаде / В сборнике: Наука. Исследования. Практика. Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции. СПб., 2020. С. 28-31.
4. Вельмисова Д. В. Ценностно-смысловые предпосылки развития инновационности работников // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2021. № 3. С. 13–20.
5. Волкова А. Е. Этническое и гражданское в процессах формирования государственной идентичности граждан на территориях России // Среднерусский вестник общественных наук. Том 16. 2021. № 6. С. 93–121.
6. Дурасов А. В. Цифровизация политического процесса России // Вопросы политологии. 2020. Выпуск 4(56). Том 10. С.1100–1109.
7. Дельгадо А. А., Гриценко Р. А., Прокопчук Д. Д. Контент-анализ как метод исследования политических текстов // Вопросы политологии. 2020. Выпуск 1(53). Том 10. С. 320–327.
8. Донцов Н. В. Образ будущего в политическом дискурсе // Вопросы политологии. 2020. Выпуск 1(53). Том 10. С. 328–333.

References

1. Vlasova T. A. Features of the formation of Soviet parliamentarism in 1960-70. *Society: philosophy, history, culture*. 2020;(10):59–62. (In Russ.)
2. Bakushev V. V. Evolution of the institute of "election commissions" in Russian conditions. *Law and modern States*. 2019;(3):12–25. (In Russ.)
3. Eremina V. S. Features of electoral practice of the electoral process in Canada. In: *Science. Researches. Practice. Collection of selected articles based on the materials of the International Scientific Conference*. Saint Petersburg; 2020:28–31. (In Russ.)
4. Velmisova D. V. Value-semantic prerequisites for the development of innovativeness of employees. *Russian scientific journal "Telescope: Journal of sociological and marketing research"*. 2021;(3):13–20. (In Russ.)
5. Volkova A. E. Ethnic and civil in the processes of formation of the state identity of citizens in the territories of Russia. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2021;16(6):93–121. (In Russ.)
6. Durasov A. V. Digitalization of the political process of Russia. *Questions of political science*. 2020;(4(56)10):1100–1109. (In Russ.)
7. Delgado A. A., Gritsenko R. A., Prokopchuk D. D. Content analysis as a method of research of political texts. *Questions of political science*. 2020;(1(53)10):320–327. (In Russ.)
8. Dontsov N. V. The image of the future in political discourse. *Questions of Political Science*. 2020;(1(53)10):328–333. (In Russ.)

Информация об авторе

Я. А. Асланов – кандидат социологических наук, проректор по воспитательной работе и реализации молодёжных программ, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Information about the author

Ya. A. Aslanov – Cand. Sci. (Sociol.), Vice-Rector for Educational Work and Implementation of Youth Programs, Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.07.2023; одобрена после рецензирования 07.08.2023; принята к публикации 08.08.2023.

The article was submitted 13.07.2023; approved after reviewing 07.08.2023; accepted for publication 08.08.2023.

Внутрипрофессиональная стратификация военнослужащих контрактной службы

Таисия Михайловна Баландина¹, Вадим Эдуардович Алексеенко²

^{1, 2}Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов, Россия

¹balandinatm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7577-4826>

²wadmac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2407-6379>

Аннотация. Рассматривается содержание внутрипрофессиональной стратификации военнослужащих. Выявлены критерии стратификации военнослужащих как специфической профессиональной группы: 1) воинское звание; 2) образование; 3) доход семьи; 3) престиж военной профессии. В результате анализа результатов эмпирического анализа представляется внутрипрофессиональная стратификация военных акторов, включающая три базовые страты: 1) высшие военные специалисты (офицеры, осуществляющие военную службу по контракту – 20–25 % от состава военнослужащих); 2) младшие военные специалисты (прапорщики, сержанты, рядовые, осуществляющие военную службу по контракту – 60–65 % от состава военнослужащих); 3) обучающиеся военные специалисты (курсанты высших военных институтов России, осуществляющие военную службу по контракту – 10 % от состава военнослужащих). Обоснована необходимость конструирования механизма роста качества жизни военнослужащих, который должен обеспечить не только их устойчивое образовательное развитие, но и повышение материального содержания, возможность расширенного потребления не только им, но и членам их семей.

Ключевые слова: внутрипрофессиональная стратификация, воинский коллектив, военнослужащий, военный институт, офицер, прапорщик, рядовой, сержант

Для цитирования: Баландина Т. М., Алексеенко В. Э. Внутрипрофессиональная стратификация военнослужащих контрактной службы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 238–243. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-238-243>. EDN WGPDOO

Sociology Problems

Original article

Intraprofessional stratification of military personnel of contract service

Taisiya M. Balandina¹, Vadim E. Alekseenko²

^{1, 2}Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russia

¹balandinatm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7577-4826>

²wadmac@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2407-6379>

Abstract. The content of the intraprofessional stratification of military personnel is considered. The criteria for the stratification of military personnel as a specific professional group are revealed: 1) military rank; 2) education; 3) family income; 3) prestige of the military profession. As a result of the analysis of the results of the empirical analysis, an intraprofessional stratification of military authors is presented, including three basic strata: 1) senior military specialists (officers performing military service under contract – 20–25 % of the military personnel); 2) junior military specialists (warrant officers, sergeants, privates performing military service under a contract – 60–65 % of the military personnel); 3) trained military specialists (cadets of higher military

institutes of Russia performing military service under a contract – 10% of the military personnel). The necessity of developing a mechanism for constructing an increase in the quality of life of military personnel is justified, which should ensure not only their sustainable educational development, but also an increase in material content, ensuring the possibility of expanded consumption not only for them, but also for their family members.

Keywords: intraprofessional stratification, military collective, serviceman, military institute, officer, private, ensign, sergeant

For citation: Balandina T. M., Alekseenko V. E. Intraprofessional stratification of military personnel of contract service. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):238–243. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-238-243>. EDN WGPDOO

Введение. Современный этап реформ военной организации России приводит к некоторым социальным структурным диспропорциям, формируются противоречия, отражающие неравенство в структуре социальной системы воинских подразделений, усиливается несоответствие между ростом напряженности служебно-трудовой нагрузки военнослужащих и уровнем их денежного довольствия. Основным акцентом системного реформирования военной организации по-прежнему связывается с достижением роста эффективности осуществляемых профессиональных действий военных акторов, обеспечением условий для повышения результативности решения военных задач. При этом остается вне поля зрения реформаторов диспропорции в профессиональной структуре военнослужащих, не рассматриваются субъективные оценки военнослужащих относительно их статусных позиций в военной организации и обществе в целом.

В новых условиях проявляется некоторое расхождение декларируемых государственных целей, определяющих совершенствование социальной структуры военнослужащих, и реальных проектов и планов, направленных на рост статусных позиций военнослужащих. На практике целевые программы социального развития семей военнослужащих в настоящее время не обновляются, их реализация осуществляется только по ряду разрозненных разделов, они осуществляются статично и финансируются периодически, преимущественно по остаточному принципу. Военной администрацией не анализируется внутрипрофессиональная структура военнослужащих России. В данной статье представляется попытка рассмотрения субъективной оценки внутрипрофессиональной стратификации военнослужащих России, представить некоторые ее противоречия.

Теоретическое обоснование исследования внутрипрофессиональной стратификации военнослужащих. Данная проблема в научной литературе представлена на уровне нескольких концептуальных направлений: 1) теоретических доктрин социологии; 2) военно-социологических системных доктрин. Рассмотрим важнейшие подходы данных научных направлений.

В рамках общей социологической теории представляются принципы социальной стратификации общества, а также его отдельных профессиональных групп. О. Шкаратан представляет несколько моделей, объясняющих социальную структуру современного общества. Он доказывает, что разнообразие социальных отношений, профессиональных ролей, ценностей, позиций, интересов, доходов представляет собой основной фактор различий между социальными группами, как в обществе в целом, так и в его отдельных профессиональных подсистемах [1, с. 5–8]. П. Сорокин раскрывает принципы профессиональной стратификации общества. Обосновывает содержание внутрипрофессиональной и межпрофессиональной структур социальных систем [2]. Доказывает, что явление профессиональной структуры обнаруживается как во внешней, так и во внутренней среде любой профессиональной системы. В этой связи занятое население всегда стратифицировано на несколько рангов, а также уровней.

На основе уточнения общих теоретических постановок Т. Заславская разрабатывает стратификационную модель российского общества, уточняет механизм трансформации социальных структур [3], выделяет наиболее значимые четыре социальных слоя: верхний (5–6 % населения: элитные группы, занятые в системе социального управления, экономике, военных организациях), средний (18–20 % населения: предприниматели, средние менеджеры предприятий, административного аппарата, офицеры, наиболее квалифицированные работники), базовый (60–66 % населения: квалифицированные рабочие и крестьяне, интеллигенция, служащие, не офицерский состав военнослужащих), нижний (10 % населения: неквалифицированные рабочие и крестьяне, субъекты с низким профессиональным потенциалом) [4, с. 12–13]. Отметим, в рамках других исследований стратификации российского общества профессиональные группы военнослужащих относят к среднему слою общества [5].

Таким образом, в рамках общих теоретических доктрин социологии представляются общие принципы профессиональной стратификации, раскрывается сущность и содержание данного социологического явления.

Военно-социологические исследования определяют специфику внутрипрофессиональной стратификации военнослужащих. Так, Е. Карлова, А. Милохин рассматривают военную организацию как особую социальную систему, стратифицированную на основе показателей социального неравенства, дохода, профессионального статуса военнослужащих [6, с. 8].

В рамках военно-социологических исследований военнослужащие характеризуются как многослойная сословная профессиональная группа, неклассовый компонент структуры общества [7, с. 29–30]. При этом предлагается в состав структур военнослужащих включать две базовые подсистемы [8, с. 7]: 1) офицерский корпус; 2) иные группы военнослужащих. Обосновываются статусные преимущества офицерского корпуса: повышенная доходность, высокое гражданское и военное образование, наделение управленческими полномочиями, устойчивые перспективы карьерного роста. О. Быстряков конкретизирует критерии выявления структурных компонентов социальной стратификации военнослужащих [9, с. 44], указывает на необходимость учитывать специфику профессиональных действий военнослужащих: мобильность, возможность в процессе реализации службы получать новую военную профессию, дополнительную образовательную подготовку, осуществлять непрерывный карьерный рост. Данная специфика позволяет рассматривать военнослужащих как основную группу среднего слоя российского общества.

Таким образом, на основе разработок военных социологов можно выделить основные критерии, по которым необходимо стратифицировать военнослужащих как профессиональную группу российского общества.

Первый критерий: воинское звание. Последнее присваивается военному субъекту при зачислении на военную государственную службу. Повышение звания необходимо рассматривать как карьерный рост в процессе выслуги лет. Именно переход военнослужащего на новую ступень воинского звания позволяет ему не только иметь новое положение в социальной среде военной организации, но и получать возможность занимать более высокую служебную должность, расширять состав имеющихся должностных обязанностей, расширять собственный состав управленческих функций.

Второй критерий: образование. Формирование образовательного потенциала представляет собой не только фактор развития профессионализма военных, но и механизм трансформации качественных черт структуры военной организации. Получение нового уровня образовательного потенциала необходимо рассматривать как фактор роста профессиональных компетенций, возможность перехода из одного на другой, более высокий уровень профессионального статуса. Последнее меняет уровень функциональных возможностей и потребностей, расширяет потенциал доступа к социальным и экономическим благам. Это и представляет собой критерий трансформации структурной принадлежности военной организации. Отметим, что результатом формирования образовательного потенциала является прогресс социальной мобильности военнослужащего, то есть действия, направленного на перемещение военных субъектов от одного профессионально-статусного уровня к другому. Поэтому уместно рассматривать образование как универсальный механизм преобразования социальной структуры военной организации.

Третий критерий: доход семьи военнослужащего. Последний в основном включает в себя денежное довольствие военных акторов. Не все жены военнослужащих могут осуществлять формальную трудовую деятельность. В данном контексте можно констатировать, что денежное довольствие военнослужащего, как правило, является не только базовым средством материального, а также социального обеспечения их семей, но и основным фактором стимулирования выполнения ими служебных обязанностей в процессе прохождения военной службы. Необходимо отметить, что доход семьи военнослужащего меняется в зависимости от ряда факторов, основные из которых следующие: характер служебно-трудовых обязанностей, место осуществления военной службы, период и необходимость боевой готовности и действия в боевых условиях.

Четвертый критерий: престижность военной профессии. Данный показатель является субъективным, он самостоятельно определяется военнослужащими в результате процесса их самоидентификации. Можно отметить, что данная субъективная оценка престижности включает переоценку всех вышепредставленных критериев: воинского звания, образования, дохода семьи военнослужащего.

Эмпирические данные исследования. Для получения обоснованных результатов проанализируем некоторые данные социологического эмпирического исследования, посвященного субъективной оценке внутривнутрипрофессиональной стратификации военнослужащих. Исследование проведено В.Э. Алексеенко методом социологического опроса в 2023 г. Опрошено 630 военнослужащих в воинских частях г. Озёрска Челябинской области, а также г. Саратова. Выборка случайная.

Обсуждение результатов эмпирического исследования. В результате проведенного социологического опроса военнослужащие дифференцированы на несколько групп.

Первая группа (20–25 % военнослужащих). Высшие военные специалисты, включающие офицеров военных организаций России. Данная профессиональная группа включает в себя две подгруппы: 1) младший офицерский состав (младший лейтенант – капитан), а также старший офицерский состав (майор – полковник). Отметим, что офицерские должностные обязанности связаны с решением задач непосредственной государственной военной службы, а также стратегического, тактического, смешанного управления социальными субъектами. Последнее предполагает проектное регулирование и управление процессами профессионального развития, осуществление социального контроля функционирования воинских коллективов, отдельных подразделений, групп, личностей, взаимодействие с внешней и внутренней средой военной организации. 96,9 % данного состава военнослужащих в целом знают, а также разделяют военные ценности, правила, нормы, традиции военной организации. Они стремятся по возможности поддерживать результативность реализации служебной деятельности. Все имеют высшее гражданское образование. Треть имеют академическое военное образование. Более 40 % опрошенных офицеров считают свой доход высоким. 23 % оценивают доход как хороший, 26 % определяют его как удовлетворительный. Практически все офицеры обеспечены жильем. Более 90 % офицеров не отрицают возможность неограниченного карьерного продвижения по службе.

Вторая группа (60–65 % военнослужащих). В данную группу входят младшие специалисты военнослужащие: прапорщики, сержанты, а также рядовые. Важно учитывать, что должностные обязанности второй группы преимущественно связаны с реализацией функций непосредственной военной службы. Они решают только частные вопросы тактического управления на уровне отдельного подразделения, занимаются обеспечением образовательной подготовки, им поручается реализация отдельных функций контроля поведенческих действий подчиненных. 77,1 % от состава этой группы военнослужащих не только знают и разделяют, но и принимают к действию ценности, а также принципы культуры военной организации. Они стремятся поддерживать результативность подразделений, где проходят военную службу. 40 % из состава группы имеют диплом о высшем образовании. Большинство этих военнослужащих удовлетворены своим уровнем денежного довольствия (16 % считают собственный доход высоким, 23 % в целом хорошим, 32 % удовлетворительным). Отметим: 30 % военнослужащих от состава данной группы полагают, что имеют низкий уровень материального обеспечения. Практически все они считают, что уровень их дохода не соответствует уровню напряженности и интенсивности осуществляемой военной службы. Только 88 % из данной группы имеют собственное жилье или обеспечены государством необходимой жилплощадью.

Предсказуемо, что только 70 % военнослужащих группы младших военных специалистов заявляют, что они материально обеспечены в полном объеме и имеют возможность удовлетворения потребностей членов собственной семьи. Карьерный рост у данных военнослужащих существенно ограничен. При этом по мере продвижения по карьерной лестнице профессиональный престиж возрастает только частично.

Третья группа (10 % военнослужащих контрактной службы). В данную группу входят курсанты военных учреждений – очно обучающиеся и одновременно осуществляющие военную службу по контракту. Данную группу необходимо отнести к наиболее сложной и противоречивой группе военнослужащих. Все курсанты не имеют высшего гражданского образования. 93 % курсантов знают и разделяют, а также принимают к действию ценности, а также принципы культуры военной организации. Они осуществляют в полном объеме функции военной службы. При этом практически все курсанты неудовлетворены собственным материальным положением. Можно констатировать, что военным курсантам не созданы возможности для удовлетворения основных социально-экономических потребностей, позволяющие заводить и содержать собственную семью.

Выводы и рекомендации. Таким образом, не только воинское звание и характер службы, но и образование, потенциальные условия карьерного роста, уровень экономического неравенства являются базовыми критериями внутривоенного расслоения военнослужащих. Поэтому динамика инвестиций в профессиональный потенциал военнослужащих определяет возможность реализации внутривоенного контекста социальной стратификации воинских коллективов. Воспроизводство структуры военнослужащих, а также формирование и накопление профессионального потенциала военных акторов представляют собой смежные процессы. Последние осуществляются, с одной стороны, в системах профессиональной подготовки, определяющих карьерный рост, с другой стороны, в комплексе формирования доходов семей военнослужащих, которые создают условия расширенного потребления и являются фактором преодоления социально-экономического неравенства в воинских подразделениях.

Современные военнослужащие дифференцированы на несколько групп. Важнейшие из которых две: 1) высшие военные специалисты, включающие офицеров военных организаций России (20–25 % от состава военнослужащих); 2) младшие специалисты военнослужащие: прапорщики, сержанты, а также рядовые (60–65 % от состава военнослужащих).

В современных условиях выделяется еще одна группа военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, – это обучающиеся военные специалисты, включающие курсантов высших военных институтов (10 % от состава военнослужащих). Данная группа имеет низкий уровень материального обеспечения, не имеет жилья вне военных учебных заведений, им не созданы условия для содержания собственной семьи.

Сегодня необходимо разработать механизм конструирования роста качества жизни военнослужащих, который должен обеспечить не только их устойчивое образовательное развитие, но и повышение материального содержания, возможность расширенного потребления не только им, но и членам их семей. Получение военной профессии должно обеспечивать автоматическое признание статусных привилегий акторов, существенный рост социального статуса военного индивида. Профессиональная мобильность военнослужащего, должна не только изменять социальную структуру военной организации, но и являться результатом качественных трансформаций его социально-экономического потребления, обеспечивающего условия расширенного воспроизводства качественных характеристик всех членов его семьи.

Список источников

1. Шкаратан О. И. Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества // Мир России. 2004. № 1. С. 3–48.
2. Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. М., 1993. Том 2. 688 с.
3. Заславская Т. И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 5–21.
4. Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.
5. Андреев А. И. Средний класс в России: социологический прогноз. СПб., 2007. С. 34–36.
6. Карлова Е. Н., Милохин А. В. Военнослужащие в системе социальной стратификации: обзор теоретических подходов // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2021. № 73. С. 6–8.
7. Быченко Ю. Г., Передумов М. А. Социокультурная среда военнослужащих: основные характеристики // Primo Aspectu. 2022. № 4 (52). С. 22–31.
8. Передумов М. А. Социальное взаимодействие военнослужащих как предмет исследования социологии // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 5–7.
9. Быстряков О. Ю. Военнослужащие в социальной структуре современного российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2011. Том 11. № 1. С. 42–45.

References

1. Shkaratan O. I. Social stratification in modern Russia: drama of a split society. *World of Russia*. 2004;(1):3–48. (In Russ.)
2. Sorokin P. A. *The system of sociology: in 2 Volume*. Moscow; 1993. 2: 688 p. (In Russ.)

3. Zaslavskaya T. I. Social mechanism of transformation of Russian society. *Sociological journal*. 1995;(3):5–21. (In Russ.)
4. Zaslavskaya T. I. Social structure of modern Russian society. *Social sciences and modernity*. 1997;(2):5–23. (In Russ.)
5. Andreev A. I. *Middle class in Russia: sociological forecast*. Sankt-Peterburg; 2007:34–36. (In Russ.)
6. Karlova E. N., Milokhin A. V. Military personnel in the system of social stratification: a review of theoretical approaches. *National Association of Scientists (NAU)*. 2021;(73):6–8. (In Russ.)
7. Bychenko Yu. G., Peredumov M. A. Sociocultural environment of military personnel: main characteristics. *Primo Aspectu*. 2022;4(52):22–31. (In Russ.)
8. Peredumov M. A. Social interaction of military personnel as a subject of sociology research. *Social and humanitarian knowledge*. 2022;(5):5–7. (In Russ.)
9. Bystryakov O. Y. Military personnel in the social structure of modern Russian society. *Proceedings of the Saratov University. New series. Sociology Series. Political science*. 2011;11(1):42–45. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. М. Баландина – доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук СВКИ ВНГ РФ.

В. Э. Алексеенко – преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук СВКИ ВНГ РФ.

Information about the authors

T. M. Balandina – Dr. Sci. (Sociol.), Professor of the Department of Humanities and Social Sciences of the Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

V. E. Alekseenko – Lecturer at the Department of Humanities and Social Sciences of the Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023; одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 11.07.2023.

The article was submitted 30.06.2023; approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 11.07.2023.

Научная статья
УДК 316

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-244-251>

EDN XPPAKN

Практические исследования роли инноваций в концепции «построения счастливого общества» в Китае (на примере Цинпу, Шанхай)

Ван Сяоян

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, КНР, xywang1999@163.com

Аннотация. В отчетном докладе XIX съезда КПК отмечалась необходимость усиления построения системы управления сообществом, обновления концепции управления сообществом, ориентированной на людей, продвижения смещения акцента в социальном управлении на низовой уровень, реализации положительного взаимодействия между административным управлением, социальным урегулированием и автономией жителей, а также необходимость создания структуры социального управления совместного строительства, совместного управления и совместного пользования. Сообщество является важной составной частью построения гармоничного общества. Уровень модернизации системы государственного управления и возможностей управления в значительной степени отражается на низовых сообществах. Район Цинпу в городе Шанхае стремится усилить чувство принадлежности, удовлетворенности и счастья жителей сообщества, построить счастливое сообщество в новую эпоху и проводит позитивные и полезные исследования в целях содействия модернизации системы управления сообществом и возможностей управления.

Ключевые слова: инновации социального управления, Китай, низовые сообщества, новая эпоха, счастливое сообщество, социальные и экономические преобразования

Для цитирования: Ван Сяоян. Практические исследования роли инноваций в концепции «построения счастливого общества» в Китае (на примере Цинпу, Шанхай) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 244–251. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-244-251>. EDN XPPAKN

Sociology Problems

Original article

Practical studies of the role of innovation in the concept of "building a happy society" in China (using the example of Qingpu, Shanghai)

Wang Xiaoyan

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, People's Republic of China, xywang1999@163.com

Abstract. The report of the Nineteenth National Congress of the Communist Party of China pointed out that it is necessary to strengthen the construction of the community governance system, innovate the concept of social governance centered on the people, promote the shift of the focus of social governance to the grassroots, realize the positive interaction between public governance, social adjustment, and residents' autonomy, and create a social governance pattern of co-construction, co-governance and sharing. Communities are important part of building a harmonious society. The level of modernization of a country's governance system and governance capabilities is largely reflected in grassroots communities. Qingpu District, Shanghai aims to enhance the sense of belonging, satisfaction and happiness of community residents, build a happy society in the new era, and has made positive and constructive explorations to promote the modernization of the community governance system and governance capabilities.

© Ван Сяоян, 2023

Keywords: social management innovations, china, grassroots communities, new era, happy community, social and economic transformation

For citation: Wang Xiaoyan. Practical studies of the role of innovation in the concept of "building a happy society" in China (using the example of Qingpu, Shanghai). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):244–251. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-244-251>. EDN XPPAKN

1. Развитие и инновационная практика социального управления на низовом уровне в Китае

Будучи низовой единицей социального управления в нашей стране, сообщество является каналом для взаимных контактов и общения жителей, а также важной составляющей частью построения гармоничного общества. Генеральный секретарь Си Цзиньпин отмечал, что «Центр тяжести социального управления должны приходиться на городские и сельские сообщества. Если возможности обслуживания и управления сообщества укрепятся, то и фундамент социального управления станет прочным». Уровень модернизации системы управления государством и возможностей управления в значительной степени отражается на низовых сообществах [1]. С момента основания Нового Китая общественное управление на низовом уровне в нашей стране претерпело эпоху трансформации от социального контроля к социальному администрированию, а затем и к социальному управлению. Оно воплощает в себе ценностную концепцию всестороннего продвижения в нашей стране совместного управления, находящегося между государством, обществом и рынком в социальной сфере, и знаменует собой новые изменения в концепции управления нашей страной [2].

С вступлением на новый этап новой эпохи, люди стали стремиться к более высокому качеству жизни и более качественному развитию. Наряду с модернизацией социальных и экономических преобразований в нашей стране и преобразованием основных социальных противоречий, постоянно продолжается реформирование и внедрение инноваций в построение системы управления низовыми сообществами, а также продолжается продвижение модернизации и научного исследования возможностей управления низовыми сообществами в новую эпоху. Это уже стало важной гарантией повышения ощущения принадлежности и счастья жителей низовых сообществ и содействия развитию основных низовых сообществ [3], что благоприятствует рациональному распределению различных социальных ресурсов и новым механизмам совершенствования построения и развития системы управления общиной. Это способствует тому, чтобы исходя из реальных потребностей людей, наилучшим образом охранять жизненные интересы людей и способствовать гармоничному и стабильному развитию низовых сообществ.

Инновации являются мощной движущей силой социального управления на низовом уровне. Целью инновационного социального управления на низовом уровне является повышение уровня автономии сообщества, стимулирование чувства ответственности и жизненной активности людей, а также реализация позитивного взаимодействия между государственным управлением, общественным саморегулированием и автономией жителей [4]. Будучи инновацией низового социального управления, муниципальное социальное управление проявляется в смене понятий, которая ломает инерцию традиционного мышления «контроля» и «управления» в социальном управлении, и избавляет от традиционных концепций и методов управления, которыми правительство управляет обществом, и интегрирует инновации в управление сообществами и общественное обслуживание. Инновация муниципального социального управления – это инновация модели социального управления на низовом уровне. В сочетании с практикой обнаруживаются новые методы и пути, и принимаются общие меры с точки зрения систем, механизмов, инструментов и методов, в целях продвижения научного, конкретизированного и модернизированного управления сообществом в целом [5].

Инновации в муниципальном социальном управлении требуют, чтобы правительство всегда играло ведущую роль в инновациях, продолжало создавать институциональную среду, способствующую стимулированию инновационной деятельности, и формировало жизнеспособность государственных инноваций, инноваций предприятий и социальных инноваций. Поскольку концепция «модернизации муниципального социального управления» была выдвинута и включена в центральные программные документы партии, во всех регионах страны были обобщены региональные характерные особенности. Были проведены различные формы практического исследования в области повышения уровня обслуживания, внедрения новаторских методов управления, снижения уровня управленческих услуг, улучшения систем и механизмов, усиления надзора и инспекции, а также усиления управления общинами, что принесло явные и очевидные результаты [6].

II. Пути и эффективность построения счастливого сообщества в Цинпу

Вступая в новую эпоху, шанхайский район Цинпу стоит на позициях инноваций в управлении низовыми сообществами, постоянно находится в процессе исследований и практики, а также активно создает и продвигает строительство счастливого сообщества в новую эпоху. Принимая в качестве основной концепции строительство безопасного, гармоничного и прекрасного счастливого дома и теплой гавани, рассматривая в качестве основной стратегии повышение возможностей и уровня партийного организационного руководства, Цинпу способствует преобразованию управления сообществом в сторону прецизионности и стандартизации, обслуживания сообщества – в сторону улучшенного общего использования, и рассматривает преобразование развития сообщества в уточнение и модернизацию – как направление приложения усилий¹.

(1) Пути построения счастливого сообщества в районе Цинпу

Построение счастливого сообщества в районе Цинпу начинается с первоначальной миссии поиска счастья для людей, что укрепляется всесторонним партийным руководством. Осуществляется совместное строительство, управление и использование, что расширяет возможности, увеличивает возможности и снижает нагрузку. При этом повышается эффективность обслуживания сообщества, решаются острые вопросы, углубляется реформирование улиц и поселений, а также укрепляется управление сельскими районами и создание узловых платформ для координации и продвижения строительства счастливого сообщества.

1. Укрепление всестороннего партийного руководства и координация продвижения строительства счастливых сообществ

Коренная сущность высококачественного продвижения строительства счастливого сообщества в Цинпу в новую эпоху заключается в укреплении организационной руководящей роли партии, создании диверсифицированной команды совместного строительства сообщества, а также в непрерывном повышении возможностей и уровня партийных организаций и партийных лидеров на всех уровнях в деле управления сообществом в таких аспектах как создание практических инструментов нового типа для управления сообществом и т.д. Цинпу рассматривает построение счастливого сообщества и развитие пилотных проектов городского социального управления как два колеса автомобиля или как два крылышка бабочки, дабы Цинпу продолжал укреплять и обновлять социальное управление в настоящее время и в будущем. Будет создана ведущая группа по укреплению и внедрению инноваций в социальное управление, что укрепит всестороннее руководство партии в управлении сообществом. Будет создан платформенный механизм, который сверху донизу соединит районы, улицы, поселки и поселения (села) вверх и вниз, скоординирует работу различных смежных департаментов, объединит различные ресурсы управления сообществом, решая практические дела для масс и обеспечивая организационные гарантии для улучшения возможностей и уровней управления сообществом.

2. Конкретизация рабочих мер и активное продвижение создания счастливого сообщества

Необходимы оздоровление институциональной системы, конкретизация показателей работы, уплотнение распределение ответственности, уточнение стандартов строительства и обеспечение унификации действий. Весь район сверху донизу будет действовать в полной согласованности намерений и сил и сообщая продвигаться вперед, тесно сочетая проект «народных сердец» и практические проекты, такие как строительство прекрасного дома, прекрасной улицы и прекрасной деревни. Необходимо осуществлять «военные операции по настенным картам» с обратным отсчетом времени, чтобы реализовать координацию и содействие построению счастливого сообщества. Конкретно, это включает в себя следующее: во-первых, определение стратегии работы. Ориентируясь на общую цель построения счастливого сообщества, исходя из реалий управления сообществом, и в соответствии со стратегией работы «трех шагов», следует уточнить основные задачи и ключевые меры для качественного продвижения построения счастливого сообщества в новую эпоху в Цинпу. Во-вторых, в продвижении вперед нужно твердо придерживаться образцов. Построение счастливых сообществ подразделяется на переходные, стандартные

¹ 打造共建共治共享的社会治理共同体，建设新时代青浦幸福社区。绿色青浦，2020-11-17 19:31 https://www.sohu.com/a/432494023_205643.

Создание сообщества социального управления для совместного строительства, управления и использования, построение счастливого сообщества в Цинпу в новую эру. Зеленый Цинпу, 17.11.2020 19:31 https://www.sohu.com/a/432494023_205643.

и образцовые модели, которые продвигаются отдельными очередями. В первую очередь для пилотного продвижения вперед отбираются центры сообществ с выраженной собственной спецификой, и будут предприняты усилия по созданию демонстрационного образца продвигаемого вперед счастливого общества. На основе обобщения и уточнения этот образец копируется и распространяется на другие сообщества (поселения). В-третьих, следует твердо придерживаться классифицированного руководства. Общее рассмотрение различий в стратегической планировке и развитии для разных типов сообществ обобщает фактический опыт строительства, который адаптируется к развитию городских и сельских сообществ, коммерческих зданий и промышленных парков в различных районах, а также классифицирует планы и реализует политику. На основе «унифицированного управления одной сетью», «одного сетевого кабинета» и полного охвата общественных центров нужно внедрять дифференцированную политику, такую как государственные услуги, управление ресурсами, инфраструктура, промышленное развитие и вознаграждения вместо ассигнований в соответствии с местными условиями, тем самым формируя модель управления сообществом, которая обладает как общностью, так и характеристиками. При этом следует стремиться создать счастливое сообщество с собственной спецификой и могущее удовлетворить потребности людей.

3. Твердо придерживаться принципов совместного строительства, совместного управления и совместного использования, неуклонно продвигать строительство счастливого сообщества

Конкретное содержание включает в себя:

Во-первых, укрепление координации онлайн- и офлайн-ресурсов, а также создание узловой платформы для построения счастливого сообщества. В соответствии с характеристиками различных сообществ, таких как старые сообщества, возрождение сельских деревень, крупномасштабные жилые районы и международные сообщества, следует активно исследовать реальную композицию и планировку различных по форме счастливых сообществ, таких как производственные и коммерческие сообщества. Следует формировать реальную композицию счастливого района «поселение + здания» с дополнительными функциями, взаимной интеграцией и всесторонним охватом.

Во-вторых, нужно сосредоточиться на продвижении «четырёх модернизационных реформ»: рациональное создание операционной основы для централизованного приема на стойке регистрации, скоординированное управление на центральной платформе и рабочие рамки эффективного функционирования в бэк-офисе, а также ускорение деадминистрирование моделей функционирования сообщества. Необходимо усилить интеграцию функций обслуживания сообщества и комплексного использования пространства, а также ускорить продвижение высокой интеграции функций обслуживания сообщества. Опираясь на интеллектуальную систему панорамных приложений сообщества «Облако счастья», внедряется компоновка системы, инновационный полностью автоматический офис сообщества, автоматический ввод управленческой информации, удаленная обработка государственных услуг, онлайн-обсуждение управления сообществом и беспрепятственное подключение социальных услуг, ускоряется продвижение общей интеллектуализации образа жизни сообщества. Требуется ускорить стандартизированную профессионализацию кадров сообщества, включив их во всерайонный план подготовки талантов, а также создать профессиональную и высококачественную команду кадров сообщества.

В-третьих, нужно сосредоточиться на создании восьми следующих крупных функций: партийное строительство, культура пропаганды, комплексное обслуживание, управление безопасностью, экономическое развитие, строительство деревни, управление материальными благами и посредничество в противоречиях. Необходимо создать шесть крупных механизмов, включая механизм комплексного обслуживания, механизм освоения ресурсов, механизм планирования мероприятий, механизм промышленного развития, механизм централизованной аттестации и механизм координации управления. На основе повышения эффективности обслуживания в целом городские сообщества укрепляют управление материальной собственностью, а сельские сообщества усиливают свое экономическое развитие.

В-четвертых, требуется усилить общее планирование ресурсов обслуживания и повышать уровень обслуживания людей. Нужно создавать новые механизмы совместного строительства для привлечения предприятий, общественных организаций и других сторон в целях предоставления сообществу высококачественных ресурсов обслуживания.

В-пятых, необходимо усилить общее планирование ресурсов платформы и создать сообщество управления на низовом уровне, занимающееся совместным строительством, управлением и использованием ресурсов. Сосредоточив внимание на создании модели управления совместного продвижения,

совместного управления и использования, прежде всего будут запущены шесть основных планов «совместного строительства счастья», в полной мере раскрывающих роль нескольких субъектов и постепенно формирующих низовое сообщество управления совместным строительством, управлением и использованием.

(2) Эффективность строительства счастливого сообщества в Цинпу

С момента утверждения годового пилотного плана в марте 2021 года и вслед за всесторонним развертыванием пилотной работы по созданию счастливого сообщества в Цинпу, был сформирован список размещения ресурсов для распределения между центрами сообществ (первая очередь) для различных функциональных подразделений районного уровня. Была осуществлена серия планов построения счастливого сообщества, и постоянно разрабатываются более интеллектуальные, удобные и интегрированные сценарии приложений жизни сообщества, отчего постоянно повышается ощущение приобретения, счастья и безопасности у людей. На данный момент строительство первой очереди экспериментальных общественных центров в основном завершено с выдающимися результатами, которые выражаются в основном в следующем:

1. Значительный прогресс и развитие достигнуты в создании узловых платформ.

В целях активного продвижения создания счастливого сообщества в новую эпоху, район Цинпу всемерно продвигает строительство автономного общественного центра и онлайн-«Облака счастья», стремясь создать бренд «Счастливый Цинпу». Одновременно было построено 20 пилотных общественных центров, ориентированных на решение ключевых проблем. В настоящее время завершена общая структура платформы «Облако счастья» и построена структура базы данных по теме управления сообществом. Четыре основные системы: полностью автоматический офис, популяризованное совместное управление, полнофакторное управление и панорамные услуги, завершили компоновку функциональных модулей. Продолжается углубление мобилизации сообщества, резервирования пространства, развития автоматического офиса и других функций.

2. Постепенно создается модель совместного строительства, совместного управления и совместного использования.

Благодаря реализации плана «Совместное строительство счастья» большое количество молодых партийцев, волонтеров сообщества, высококлассные общественные организации, предприятия, вузы, научно-исследовательские структуры, общественные эксперты, интеллектуалы из всех слоев общества и другие разнообразные субъекты участвуют в совместном строительстве счастливого сообщества. Постоянно появляются целые группы носителей механизмов совершенного нового типа, таких как план подготовки «Счастливый партнер», тематические мероприятия «Счастливая аудитория», действующие члены группы, обслуживающие сообщество, а также план «Искра счастья».

3. Эффективно повышен уровень обслуживания населения.

Руководствуясь потребностями масс, в целях проникновения в сообщество были продвинуты 31 пункт в 4 категориях управления ведомствами и сервисными ресурсами районного уровня. В том числе в центре сообщества был реализован целый ряд видов удобного и полезного обслуживания населения, таких как пункт-станция самообслуживания «Единый сетевой кабинет», интеллектуальный набор инструментов, смарт-устройство для покупок «Благотворительность и счастье», робот экспресс-доставки, станция здоровья и т. д. С учетом различных потребностей в групповых услугах и сочетая характеристики местоположения, пространственное расположение и структуру спроса общественного центра, район Цинпу изучил различные функции счастливого сообщества и сценарии применения с их собственными характеристиками в соответствии с местными условиями. Все это в значительной мере усилилось ощущение счастья, приобретения и безопасности у людей.

III. Опыт и уроки строительства счастливого сообщества в Цинпу

Счастливая жизнь начинается в сообществе. Главный объект «счастливого сообщества» – это люди. Для того чтобы построить «счастливое сообщество», необходимо материально обеспечить каждую семью и жителя сообщества. Район Цинпу твердо придерживается множества мер, рассматривая граждан в качестве основного объекта, сообщество – в качестве платформы, а создание «безопасного, гармоничного, красивого» счастливого дома и теплой гавани – в качестве основной концепции. Сосредоточившись на расширении пространства для общественной деятельности, Цинпу постоянно удовлетворяет стремление людей к лучшей жизни, эффективно повышает ощущение счастья у жителей сообщества и твердо содействует построению счастливого сообщества в новую эпоху.

1. Твердо придерживаться ведущей роли в партийном строительстве и поливариативном участии

Ключевым элементом в деле повышения эффективности управления сообществом является укрепление ведущей роли партии. набросок плана построения счастливого сообщества в Цинпу в новую эпоху требует, чтобы партийные организации на всех уровнях продвигались вперед и проявляли смелость в инновациях, и только таким образом возможно преобразование к эффективности управления сообществом. Ключ к эффективному продвижению строительства счастливого сообщества лежит в том, чтобы твердо следовать за локомотивом партийного строительства. Самым большим преимуществом партийной организации является то, что она может полностью держать в руках общую обстановку и всесторонне координировать действия. Цинпу всегда рассматривало ведущую роль в партийном строительстве как главную осевую линию, проходящую сквозь все построение счастливого сообщества. Поэтому Цинпу твердо придерживается продвижения на высоком уровне, скоординированной стимуляции с высоким коэффициентом, продвигая объединение сил в различных направлениях и расходование ресурсов для обеспечения того, что везде, где продвинется строительство счастливого сообщества в новую эру, поддерживающая политика, проектные фонды и руководящие услуги соответствующих департаментов будут согласованы, а усилия будут приложены так, чтобы политические преимущества партии превратились в силу кинетической энергии управления сообществом.

Необходимо в полной мере задействовать роль региональной платформы партийного строительства и продолжать продвигать совместное строительство и управление улицами, поселками, деревнями и районными единицами. Путем показательных примеров в руководстве партийным строительством и среди членов партии, следует воедино сложить силы функциональных подразделений, общественных организаций, предприятий (учреждений), молодых партийцев, гражданских масс, общественных экспертов и т.д., чтобы поспособствовать формированию новой структуры управления сообществом «руководство партийного комитета, ответственность правительства, общественное согласие, общее участие масс, правовые гарантии», что активизирует «нервные окончания» управления на низовом уровне, а также преобразует «театр одного актера» в «общий хор». Практика показывает, что только придерживаясь руководства партийным строительством и осознавая благотворное взаимодействие между государственным управлением, общественным регулированием и гражданским самоуправлением, можно аккумулировать чрезвычайно мощные совместные силы для работы [7].

2. Твердо придерживаться реформ и инноваций, непрерывно улучшать механизм работы

Отладка механизма работы и осуществление реформ и инноваций являются важным чудодейственным средством в деле построения счастливого сообщества в Цинпу в новую эпоху. В ходе содействия построению счастливого сообщества, благодаря совершенствованию механизма работы, определению субъектной ответственности и инновациям в рабочих мероприятиях, Цинпу сформировала высокоэффективный и прецизионный механизм содействия координации работы. Различные функциональные отделы берут на себя инициативу по установлению связи с улицами и поселками, а также по усилению руководства и помощи улицам и поселкам. Все улицы, поселки и сообщества активно обновляют свои методы работы и адаптируют меры к местным условиям, создавая благоприятную ситуацию, где расцветают сотни цветов и все учатся друг у друга. Это в огромной мере обогащает внутреннее содержание построения счастливого сообщества и расширяет влияние управления сообществом. Цинпу твердо придерживается внедрения инноваций в механизм на протяжении всего процесса построения счастливого сообщества, твердо придерживается приоритетного запуска пилотных проектов и постепенно запускает их.

Благодаря концептуальным инновациям, системным инновациям и инновациям в методах работы, всесторонне стимулируется жизнеспособность реформ и инноваций на низовом уровне, а также происходит углубленное изучение возможных путей и комплексных систем построения счастливого сообщества в новую эпоху. Все это формирует целый ряд навыков в опыте управления сообществом со своей спецификой, что способствует углублению и упрочнению работы по построению счастливых сообществ в новую эпоху. Практика демонстрирует, что только путем отладки механизма, установлению ответственности, смелости в инновациях и совершении прорывов, приоритетном запуске пилотных точек, точно и комплексно, всемерного стимулирования, продвижения формирования нормализованного и инновационного рабочего механизма, мы сможем дать гарантию, что вся работа идет по правилам и соблюдаемому порядку, а также имеет полное обоснование.

3. Твердо придерживаться верховенства народа и действовать на благо и пользу народа

Сердца народа – это самая великая политика. Счастливое сообщество – это объект «народных сердец» в Цинпу. Цинпу рассматривает построение счастливого сообщества в новую эпоху в качестве основного направления главного применения сил, а решение вопросов повышения благосостояния каждой семьи народных масс – в качестве важного рычага и приема в работе. Цинпу твердо придерживается ориентации на спрос, проблемы и эффективность, продолжает создавать «надежное управление материальными ценностями» и планомерно продвигает прекрасные жилые районы, красивые дома, строительство прекрасных деревень и создание безопасного Цинпу, ускоренное строительство третьей очереди парка водных систем вокруг города, полный запуск лифтов в 40 уже существующих жилых домах, неуклонный прогресс в модернизации помещений для 180 домохозяйств без препятствий для людей с ограниченными возможностями и т. д. Подобные большие и маленькие дела связаны с ощущением счастья и безопасности у людей. В первую очередь забота, прежде всего – решение проблем. Все это безостановочно несет «счастье» простым людям, и по-настоящему наделяет данный проект «народных сердец» народной поддержкой, чтобы еще больше народных масс смогли сообща наслаждаться плодами реформ и развития.

Практика доказывает, что для того, чтобы хорошо работать для построения счастливого сообщества в новую эпоху, мы должны активно адаптироваться к изменениям основных противоречий общества, должны твердо придерживаться народа как центра внимания, рассматривать удовлетворение требований общественных масс в качестве первой своей цели, непрерывно осуществлять инновации в методах обслуживания, изменить стиль обслуживания и повысить его уровень, сочетая управления с обслуживанием, и переходя от пассивности к активности. Лишь так возможно постоянно улучшать способность и уровень обслуживания масс, лишь так возможно добиться поддержки и одобрения со стороны народных масс.

IV. Заключение и перспективы развития

Исходя из изучения моделей социального управления на низовом уровне и путей управления, основанных на построении счастливых сообществ в Цинпу в новую эпоху, они в определенной степени отражают новый этап государственной интеграционной политики нашей страны, а также ее согласованность и инфильтрацию в низовое общество. Эта политика не только интегрирует низовое общество в общую картину стратегии развития государственного управления, но и предпринимает различные меры по обеспечению народноого благосостояния в стратегии интеграции города и деревни, а также включает низовое управление в современное государственное строительство и общий процесс государственного управления. Благодаря усилению интеграционных связей между низовыми массами и государством, а также благодаря постоянному укреплению государственного, политического и эмоционального признания у низовых масс, управление на низовом уровне проявляется в плюралистическом общественном управлении и обстановке общественной коллегиальности [8].

Для построения счастливого сообщества требуется направлять широкие гражданские массы к утверждению концепции счастья, которая соответствовала бы требованиям эпохи, активно участвовать и вносить свой вклад, постоянно способствовать строительству сообщества, активно создавать среду и условия. Лишь постоянно удовлетворяя растущие потребности людей в хорошей жизни, мы сможем улучшить индекс счастья жителей и построить счастливое сообщество, гармоничное и приятное для человека. Это также является ключевым моментом в содействии гармоничному городскому развитию и повышению его качества.

Создание счастливого сообщества также требует, чтобы сообщество твердо установило и полностью реализовало научный взгляд на развитие, изучило передовые концепции управления и практиковало научные методы управления, создало более оптимизированную и удобную модель управления, а также непрерывно находилось в исследовании и практике. Твердо придерживаясь курса на потребности жителей в услугах, принимая поливариативное участие в поиске путей и принимая признание и удовлетворенность жителей в качестве стандарта, а также активно и всесторонне содействуя построению счастливых сообществ, – только таким образом мы можем создать счастливое сообщество для общей пользы и совместного управления и по-настоящему осуществить счастье людей, а также гармонию и общественную стабильность.

Список источников

1. Си Цзиньпин. Центр тяжести социального управления – на низовом уровне [N], Цзефан Жибао, 2014;03-09: 3.
2. Гу Цзюнь, Синь Фанкунь, Чжан Хуаньхуань, Ян Цзе, Сюй Лина. Ценностный поворот и пути реализации общественного управления в новую эпоху – на примере строительства счастливого сообщества Цинпу, Коллекция модернизации муниципального социального управления Шанхая, сборник «Шанхайские юридические исследования» (том 15 за 2021 г., общий том 63).
3. Чжу Кайвэнь, Ван Юнъи. Эмоциональный «возврат»: выбор пути управления городским сообществом [J], Океан знаний, 2021 (06).
4. Чжэн Ханшэн. О двойной дилемме общественного управления и аспектах инноваций в нашей стране [J] , Сборник статей "Дунъюэ", 2012 (1): 23-29.
5. Хэ Лицзюнь. Изучение и обсуждение теоретических и практических вопросов инноваций в области социального управления в Китае в новую эпоху – Обзор точек зрения Пятого китайского форума социального управления с участием 50 человек, Исследования социальной политики, 2019. (4).
6. Тан Жолань. Инновации в управлении сообществами и реконструкция модели социального управления на низовом уровне [J], Поиск, 2015 (6): 150-153.
7. Вэй Чжиминь. Создание и инновации китайской модели совместного управления городскими сообществами [J] , Китайское административное управление, 2014 (3): 58-61.
8. Хэ Лицзюнь. «Исследование Пиншаня» «Четырех обществ», совместно внедряющих инновации в общественное управление на низовом уровне [J] , Гражданские дела Китая, 2016 (6): 32-35[8].

References

1. Xi Jinping. The focus of social governance is at the grassroots level [N]. *Jiefang Daily*. 2014;03-09: 3. (In Chinese)
2. Gu Jun, Xin Fangkun, Zhang Huanhuan, Yang Jie, Xu Lina. The Value Turn and Realization Path of Community Governance in the New Era – Based on the Case of Qingpu Happy Community Construction, *Shanghai Municipal Social Governance Modernization Collection "Shanghai Law Research" Collection* (2021). Volume 15, total volume 63. (In Chinese)
3. Zhu Kaiwen, Wang Yongyi. Emotional "Return": The Path Selection of Urban Community Governance, *Xuehai*. 2021; (06). (In Chinese)
4. Zheng Hangsheng. On the Double Dilemma of Community Governance in my country and the Dimension of Innovation. *Dong yue Lun cong*. 2012; (1). (In Chinese)
5. He Lijun. Discussion on Theoretical and Practical Issues of China's Social Governance Innovation in the New Era – A Summary of the Viewpoints of the Fifth China Social Governance Forum of 50 People. *Social Policy Research*. 2019; (04). (In Chinese)
6. Tang Ruolan. Community Governance Innovation and Reconstruction of Grassroots Social Governance Model. *Exploration*. 2015 ;(06). (In Chinese)
7. Wei Zhimin. The Construction and Innovation of China's Urban Community Collaborative Governance Model. *Chinese Administration*, 2014; (03). (In Chinese)
8. He Lijun. "Pingshan Exploration" of "Four Society" Jointly Innovating Grassroots Social Governance. *China Civil Affairs*. 2016; (06). (In Chinese)

Информация об авторе

Ван Сяоян – доктор юридических наук, доцент Школы государственного управления, Шанхайский политико-юридический университет.

Information about the author

Wang Xiaoyan – Dr. Sci. (Law), Associate Professor at the School of the Government Administration, Shanghai University of Politics Science and Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; одобрена после рецензирования 04.08.2023; принята к публикации 07.08.2023.

The article was submitted 26.06.2023; approved after reviewing 04.08.2023; accepted for publication 07.08.2023.

Пути и механизмы совершенствования патриотического воспитания молодежи в образовательном пространстве

Виктория Николаевна Власова¹, Иван Михайлович Вакула²,
Татьяна Михайловна Чапурко³

¹ Ростовский государственный медицинский университет Минздрава России, Ростов-на-Дону, Россия, oip08@mail.ru

² Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, mvakula@gmail.ru

³ Краснодарский университет МВД России, Россия, chapurko@mail.ru

Аннотация. В настоящее время лейтмотивом публикаций СМИ, социальных сетей, выступлений государственных деятелей и научных исследований становится вопрос патриотического воспитания молодежи. Авторы статьи обращают внимание на то, что активное участие в формировании патриотического сознания молодежи принимают высшие учебные заведения. Серьезная нагрузка по воспитательной деятельности возложена не только на проректоров по молодежной политике и воспитательной работе, но и на преподавателей вузов, которые активно способствуют формированию ценностных установок современных студентов. Как отмечают авторы, наряду с существующими дисциплинами гуманитарного блока в учебных планах 2023 года набора предусмотрены такие дисциплины, как «Основы российской государственности» и «Обучение служением». Также авторами работы отмечено, что важную роль в формировании патриотического сознания играют патриотические клубы, а самое главное, социальная активность в деятельности патриотических клубов со стороны самих студентов.

Ключевые слова: воспитание, высшая школа, высшее образование, гражданственность, образование, патриотизм, социальная активность, студенческая молодежь

Для цитирования: Власова В. Н., Вакула И. М., Чапурко Т. М. Пути и механизмы совершенствования патриотического воспитания молодежи в образовательном пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 252–256. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-252-256>. EDN YAUYVY

Sociology Problems

Original article

Ways and mechanisms of improving patriotic education of young people in the educational space

Victoria N. Vlasova¹, Ivan M. Vakula², Tatyana M. Chapurko³

¹Rostov State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Rostov-on-Don, Russia, oip08@mail.ru

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia, mvakula@gmail.ru

³Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, chapurko@mail.ru

Abstract. Currently, the leitmotif of mass media publications, social networks, speeches of statesmen and scientific research is the issue of patriotic education of young people. The authors of the article draw attention to the fact that higher educational institutions take an active part in the formation of patriotic consciousness of young people. A serious burden on educational activities is placed not only on vice-rectors for youth policy and educational work, but also on university teachers who actively contribute to the formation of value attitudes of modern students. According to the authors, along with the existing disciplines of the humanities block, the curricula of the 2023 set include such disciplines as "Fundamentals of Russian Statehood" and "Teaching by Ministry". The authors also noted that patriotic clubs play an important role in the formation of patriotic consciousness, and most importantly, social activity in the activities of patriotic clubs on the part of the students themselves.

Keywords: upbringing, education, higher education, higher school, patriotism, citizenship, social activity, student youth

For citation: Vlasova V. N., Vakula I. M., Chapurko T. M. Ways and mechanisms of improving patriotic education of young people in the educational space. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):252–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-252-256>. EDN YAUYVY

Современная молодежь является той социально-демографической когортой населения, на которую со стороны общества и государства возложены серьезные надежды для активного участия в динамическом развитии всех сфер жизнедеятельности. Молодежь, интегрируясь в социальную структуру общества, выстраивает множественные связи, «направленные на поддержание и воспроизводство устойчивых общественных отношений и целостности общества» [1, с. 15].

Современным молодым людям в процессе своей интеграции в социальную структуру приходится взаимодействовать с различными социальными институтами: семья, образование, государство, армия, церковь, производство. Влияние каждого из перечисленных социальных институтов на жизнь молодежи очень высоко: каждый из институтов транслирует приемлемые для данного общества ориентиры, позволяя молодым людям сформировать свои собственные ценностные ориентации и установки.

В современной отечественной научной литературе существует множество трудов, посвященных роли каждого института в жизнедеятельности молодежи. В рамках данной статьи мы не будем останавливаться подробно на функциях каждого института, а коснемся наиболее интересного в социально-исследовательском плане для нас института образования.

Как среди работ отечественных ученых, так и среди трудов наших зарубежных коллег, институту образования посвящено огромное количество научных публикаций. Исследователей интересуют различные направления, касающиеся как самого образовательного пространства и изменений, которые в нем происходят, так и непосредственного влияния института на жизнь молодежи.

Если мы обратимся к наукометрической базе Российского индекса научных цитирований (eLibrary), где хранятся основные публикации отечественных авторов, то мы увидим, что за последние пять лет отечественные исследователи обращались к анализу развития института образования в России с древнейших времен до начала XX века [2]; к проблемам института дополнительного профессионального образования [3; 4]; к вопросам инклюзивного образования [5; 6]; рискам получения онлайн-образования и социальному поведению студентов и преподавателей в процессе дистанционного обучения [7; 8; 9].

Отдельный блок публикаций касается одной из важных функций института образования – воспитательной [10; 11; 12]. Исследователями и исследовательскими коллективами освещаются вопросы воспитательной деятельности, проводимой университетами для формирования пула компетенций будущих выпускников. Особой значимостью в воспитательном процессе для формирования мировоззрения молодежи, по мнению ученых, обладает патриотическое воспитание. Исследователи прибегают к анализу имеющихся в регионах практик патриотического воспитания [13], а также рассматривают технологии, применяемые в рамках патриотического воспитания молодежи [14; 15].

Как мы видим, исследовательский интерес научного сообщества к вопросам образования и патриотического воспитания очень высок.

В связи с актуальностью выбранного предметного поля исследования, на наш взгляд, весьма логично выявить механизмы воспитательной деятельности молодежи, реализуемые современными российскими высшими учебными заведениями и обратиться к имеющимся у университетов практикам патриотического воспитания студенческой молодежи.

Воспитание – это деятельность, которая способствует всестороннему развитию личности, формированию у личности чувств патриотизма, гражданственности и уважения. Одной из составных частей воспитания является патриотическое – целенаправленная деятельность администрации вуза и профессорско-преподавательского состава, а также студенческих объединений для конструирования патриотического сознания студенческой аудитории.

В России с 2015 г. действует Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., основной целью которой является «развитие высококонвальной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями,

способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины»¹.

Отметим, что в настоящее время при формировании основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) бакалавриата, специалитета, магистратуры учебные заведения высшего образования закладывают дисциплины гуманитарного, естественно-научного, социально-экономического профилей, обладающих воспитательным потенциалом. Помимо таких дисциплин в учебные планы бакалавриата и специалитета набора 2023 г. обучения будет включена дисциплина «Основы российской государственности»², тематические блоки которой будут направлены на более широкую гуманитарно-просветительскую академическую подготовку будущих специалистов всех направлений подготовки. Цель данного учебного модуля в рамках ОПОП – развитие цельной духовно-нравственной личности. Для достижения поставленной цели студентов первокурсников будут знакомить с Россией как государство-цивилизацией в ее непрерывном развитии. На лекционных и семинарских занятиях данного образовательного модуля/дисциплины преподаватели будут рассказывать о деятельности России и подвигах великих граждан страны, что способствует формированию у студентов чувств гордости за свою страну и свой народ.

Помимо введения в учебные планы вузов образовательного модуля/дисциплины «Основы российской государственности», в университетах планируется реализовывать новую дисциплину «Обучение служением»³. Идея реализации данной учебной дисциплины состоит в том, чтобы обучающиеся учебных заведений были активно вовлечены в развитие социальных инициатив, направленных на помощь людям. Посредством реализации дисциплины «Обучение служением» студенты смогут участвовать в проектах патриотических клубов #ЯГоржусь. В настоящее время в России осуществляет свою работу Ассоциация патриотических клубов⁴, в рамках которой проводятся мероприятия, нацеленные на формирование привлекательности и востребованности образа патриота нашей страны. В Ростовской области в настоящее время действуют патриотические клубы в таких учебных заведениях высшего образования, как РостГМУ, ЮФУ, ДГТУ, РГЭУ РИНХ, Ростовская государственная консерватория им. С. В. Рахманинова, Ростовский институт защиты предпринимателя. На территории Республики Коми патриотические клубы организованы в Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина и Ухтинском государственном техническом университете. Мероприятия, которые проводят или в которых участвуют члены патриотических клубов, направлены на сохранение исторической памяти студенческой молодежи, поиск, а также популяризацию современных выдающихся личностей и их достижений для развития современной России. Вовлеченное участие студентов в проектах патриотических клубов позволяет современной студенческой молодежи активно включаться в культурно-массовые мероприятия, а также изучать историю страны, организовывая, например, дни культуры народов России.

Также стоит отметить, что в высших учебных заведениях сами преподаватели уделяют патриотическому воспитанию углубленное внимание, стараясь в рамках второй половины дня провести специальные беседы со студентами на тему ценностных ориентаций современной молодежи.

Поскольку современные студенты – это активные участники взаимодействия в социальных сетях, то вузы стремятся максимально эффективно использовать данный механизм для формирования патриотического сознания. Например, публикация рассказов о жизни университетов и деятельности его работников в годы Великой Отечественной войны. Посредством яркого и емкого контента современные молодые люди смогут быстрее и нагляднее понять предоставляемый для них материал.

¹ Сайт «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов». Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://https://docs.cntd.ru/document/420277810>

² Сайт Министерства науки и высшего образования. В подготовке курса «Основы российской государственности» для вузов приняли участие 3 тысячи преподавателей [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/66405/>

³ Сайт Министерства науки и высшего образования. Более 180 представителей вузов завершили программу повышения квалификации для внедрения курса «Обучение служением». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/obrazovanie/70234/?ref=svtv.org>

⁴ Сайт Ассоциации патриотических клубов. URL: <https://я-горжусь.рф/about/>

Таким образом, на основе анализа нормативных документов, сайтов высших учебных заведений в России, мы считаем, что основным механизмом совершенствования патриотического воспитания в вузе является гуманитарно-просветительская составляющая академической подготовки. То есть, профессорско-преподавательскому составу вуза необходимо осуществлять не только деятельность по формированию профессиональных и личностных компетенций, но и развивать у студентов общекультурные и общечеловеческие ценности. Продвигая и популяризируя среди студентов идеи сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, преподаватели и административный корпус университета побуждают студенческую молодежь к активному созданию патриотических клубов и непосредственному участию в их деятельности. В процессе патриотического воспитания студенческой молодежи при помощи перечисленных механизмов формируется патриотическое сознание молодежи.

Список источников

1. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.
2. Васильев А. М., Сидорова Е. З. Исторический анализ развития института образования в России с древнейших времен до начала XX века // Право и образование. 2022. № 8. С. 101–108.
3. Нор-Аревян О. А., Тарасенко Л. В., Угольницкий Г. А. Математическое моделирование социального партнерства: методология междисциплинарного исследования (на примере системы дополнительного профессионального образования) // Социологические исследования. 2018. № 4(408). С. 15–24.
4. Вейдт В. П. Реализация принципа вариативности в системе дополнительного профессионального образования: опыт Калининградского областного института развития образования // Калининградский вестник образования. 2021. № 2(10). С. 20–28.
5. Серебренникова Ю. В. Модуль «Инклюзивное образование» в динамической кластерной модели взаимодействия педагогического вуза и института развития образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12(92). С. 317–321.
6. Астоянц М. С., Тарасенко Л. В., Красножон А. Г. Образовательная инклюзия и профессиональное самоопределение выпускников школ с инвалидностью: по материалам регионального социологического исследования // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5, № 2(16). С. 108–120.
7. Гафиатулина Н. Х., Лугинина А. Г., Сизова Н. М. Институт образования: социокультурные риски в сфере онлайн- и онлайн-образования молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 21–25.
8. Васьков М. А., Ковалев В. В. Онлайн-образование в высшей школе России: основные акторы институционализации и социальные последствия // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 3. С. 45–57.
9. Власова В. Н., Волошин Р. Н., Проценко Т. В. Дистанционное обучение в высшей школе: вызовы, риски и переосмысление ролей // Торсуевские чтения: научно-практический журнал по дерматологии, венерологии и косметологии. 2021. № 4(34). С. 44–48.
10. Кокаева И. Ю. Потенциал образовательной среды вуза в формировании культуры здорового и безопасного образа жизни // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69-2. С. 93–96.
11. Макарова И. А., Петрученя Н. В., Дорожкина Е. С. Особенности воспитывающей среды вуза в структуре профессиональной подготовки будущего педагога (на примере Волгоградского государственного социально-педагогического университета) // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 6. С. 11.
12. Смирнов В. А. Молодёжная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 5. С. 9–20.
13. Богданов И. В. Современные аспекты патриотического воспитания молодежи: опыт Кольского региона // Человек и образование. 2021. №2 (67). С. 65–69.
14. Кузнецов А. С. проблематика методов патриотического воспитания современной молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2020. №6 (85). С. 337–339.
15. Ильченко Л. П. Значение туристско-рекреационной деятельности в системе патриотического воспитания молодежи // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69-2. С. 84–87.

References

1. Zubok Yu. A. *The Phenomenon of Risk in Sociology: The Experience of Youth Research*. Moscow; 2007. (In Russ.)
2. Vasiliev A. M., Sidorova E. Z. Historical Analysis of the Development of the Institute of Education in Russia from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century. *Law and Education*. 2022;(8):101–108. (In Russ.)
3. Nor-Arevyan O. A., Tarasenko L. V., Ugolnitsky G. A. Mathematical modeling of social partnership: methodology of interdisciplinary research (on the example of the system of additional professional education). *Sociological research*. 2018; 4(408): 15–24. (In Russ.)
4. Veidt V.P. Implementation of the principle of variability in the system of additional professional education: the experience of the Kaliningrad Regional Institute for the Development of Education. *Kaliningrad Bulletin of Education*. 2021; 2(10): 20–28. (In Russ.)
5. Serebrennikova Yu.V. Module "Inclusive education" in a dynamic cluster model of interaction between a pedagogical university and an institute for the development of education. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2021,12(92): 17–321. (In Russ.)
6. Astoyants M.S., Tarsenko L.V., Krasnozhon A.G. Educational inclusion and professional self-determination of school graduates with disabilities: based on materials from a regional sociological study. *Caucasian Science Bridge*. 2022;5(2(16)):108-120. (In Russ.)
7. Gafiatulina N.Kh., Luginina A.G., Sizova N.M. Institute of Education: Sociocultural Risks in the Sphere of Offline and Online Education of Youth. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2021;(9):21–25. (In Russ.)
8. Vaskov M.A., Kovalev V.V. Online education in higher education in Russia: the main actors of institution-ization and social consequences. *Humanitarian of the South of Russia*. 2020;9(3):45–57. (In Russ.)
9. Vlasova V. N., Voloshin R. N., Protsenko T. V. Distance learning in higher education: challenges, risks and role rethinking. *Torsuev readings: scientific and practical journal on dermatology, venereology and cosmetology*. 2021;4(34):44–48. (In Russ.)
10. Kokaeva I. Yu. The potential of the educational environment of the university in the formation of a culture of a healthy and safe lifestyle. *Problems of modern pedagogical education*. 2020;69-2:93–96. (In Russ.)
11. Makarova I. A., Petruchenya N. V., Dorozhkina E. S. Features of the educational environment of the university in the structure of professional training of the future teacher (on the example of the Volgograd State Social and Pedagogical University). *Modern problems of science and education*. 2021;(6):11. (In Russ.)
12. Smirnov V. A. Youth policy and educational activities in Russian universities: stages of development and key contradictions. *Higher education in Russia*. 2023; 32, 5: 9–20. (In Russ.)
13. Bogdanov I.V. Modern aspects of patriotic education of youth: the experience of the Kola region. *Man and education*. 2021;2 (67):65–69. (In Russ.)
14. Kuznetsov A. S. Problems of methods of patriotic education of modern youth. *The world of science, culture, education*. 2020;6(85):337–339. (In Russ.)
15. Ilchenko L.P. The significance of tourist and recreational activities in the system of patriotic education of youth. *Problems of modern pedagogical education*. 2020;69-2:84–87. (In Russ.)

Информация об авторах

В. Н. Власова – доктор философских наук, профессор, РГМУ Минздрава России.

И. М. Вакула – доктор философских наук, профессо, РЮИ МВД России.

Т. М. Чапурко – доктор политических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России.

Information about the authors

V. N. Vlasova – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Rostov State Medical University of the Ministry of Health of Russia.

I. M. Vakula – Dr. Sci. (Philos.), Professor, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

T. M. Chapurko – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 31.08.2023; принята к публикации 01.09.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 31.08.2023; accepted for publication 01.09.2023.

Научная статья

УДК 316.477

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-257-263>

EDN YSTJRL

Институт молодой семьи: экспликация детерминирующих факторов

Наталья Халиловна Гафиатулина¹, Яна Викторовна Артамонова²,
Дарья Николаевна Брайко³

^{1, 2, 3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹gafiatulina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7548-1350>

²janaserduchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

³das-brajko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3454-3823>

Аннотация. В настоящее время в мире прослеживаются тенденции, связанные с увеличением брачного возраста при вступлении в первый брак и роста числа разводов. В России также фиксируются указанные тенденции. Нормы и ценности института семьи трансформируются, делая его все более нестабильным, что вызывает интерес со стороны демографов, психологов, экономистов, социологов. Авторы в рамках данной работы анализируют подходы к определению «молодая семья», рассматривают меры государственной и региональной поддержки семьи, а также факторы риска распада семьи относительно её жизненных циклов. Помимо этого, авторы обращают внимание на результаты всероссийских исследований, иллюстрирующих мнение россиян относительно брачно-семейных отношений. Изученные материалы подтверждают, что молодая семья должна закрепить свой особенный статус в государственной политике, так как она больше всего нуждается в материальной, социальной и ценностной поддержке. Государство и общество обязаны разделить ответственность за развитие и благополучие молодых семей.

Ключевые слова: брак, брачно-семейные отношения, брачное поведение, государственная поддержка, детерминирующие факторы, институт семьи, молодая семья, развод, российское общество

Для цитирования: Гафиатулина Н. Х., Артамонова Я. В., Брайко Д. Н. Институт молодой семьи: экспликация детерминирующих факторов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 257–263. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-257-263>. EDN YSTJRL

Sociology Problems

Original article

Institute of young family: explication of determinating factors

Natalya Kh. Gafiatulina¹, Yana V. Artamonova², Daria N. Braiko³

^{1, 2, 3}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹gafiatulina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7548-1350>

²janaserduchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

³das-brajko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3454-3823>

Abstract. Currently, there are trends in the world associated with an increase in the age of marriage at first marriage and an increase in the number of divorces. These trends are also observed in Russia. The norms and values of the family institution are being transformed, making it more and more unstable, which arouses interest from demographers, psychologists, economists, and sociologists. Within the framework of this work, the author's analyze approaches to the definition of "young family", consider measures of state and regional support for the family, as well as risk factors for family breakdown relative to its life cycles. In addition, the author's attention is paid to the results of all-Russian studies illustrating the opinion of Russians regarding

marriage and family relations. The materials studied confirm that a young family must consolidate its special status in state policy, since it most of all needs material, social and value support. The state and society are obliged to share responsibility for the development and well-being of young families.

Keywords: Russian society, family institution, young family, state support, determining factors, marital behavior, marriage, divorce, marital relations

For citation: Gafiatulina N. Kh., Artamonova Ya. V., Braiko D. N. Institute of young family: explication of determinating factors. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):257–263. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-257-263>. EDN YSTJRL

Под влиянием глобальных и локальных социальных процессов современный институт семьи значительно видоизменяется [1; 2]. Общемировыми тенденциями, также характерными для России, являются: повышение возраста вступления в брак; откладывание рождения первого ребенка или добровольный отказ от деторождения; изменение карьерных предпочтений женщины; трансформация статусно-ролевых распределений между супругами; материальные и региональные особенности семейного быта.

В современной науке ученые выделяют институт молодой семьи, как наиболее подверженный различного рода вызовам и рискам.

Согласно «Домашней правовой энциклопедии» в современной государственной политике молодой семьей считается полная семья, состоящая из супругов (с детьми или без детей), или же неполная – состоящая из одного родителя и ребёнка / детей. Важным критерием является возрастной порог, который не должен превышать 35 лет, ибо как только один из супругов выходит за данную возрастную границу, семья теряет статус «молодой» и, соответственно, не может участвовать в социальных программах, предназначенных для поддержки граждан данной категории, что иногда может стать отрицательным фактором развития семьи [3]. Обратим внимание, что согласно классификации, молодая семья может состоять из двух родителей и детей, а также одного родителя и ребенка, но в рамках данной статьи мы рассмотрим первый вариант – полную нуклеарную семью.

Государство все больше акцентирует фокус внимания на молодую семью и предлагает федеральные и региональные программы поддержки, особенно эти меры развиты в сфере субсидирования жилищных вопросов¹. Для категории молодых семей также существует поддержка в виде различных выплат и пособий: для малообеспеченных беременных, пособие по беременности и родам, отдельная выплата при рождении ребенка и для его ухода до полутора лет, материнский капитал, социальный налоговый вычет на обучение и лечение ребенка. Несмотря на эти немаловажные меры, молодая семья остается уязвимым социальным институтом. В рамках данной работы мы предлагаем эксплицировать детерминирующие факторы, влияющие на мнение россиян относительно создания и воспроизводства брачно-семейных отношений в сфере института семьи.

Среди факторов, влияющих на создание и развитие семьи, следует обратить внимание на те проблемы, которые изучаются учеными сегодня. Сюда можно отнести несоответствие функционирования семьи и брака общественным потребностям (снижение рождаемости, нестабильные брачные отношения, снижение престижа зарегистрированного брака, снижение воспитательного потенциала семьи и др.); переосмысление гендерных стереотипов в брачно-семейных отношениях; тенденции в изменении семьи как социального института, в том числе изменчивость функционального облика семьи; изменения внутрисемейного взаимодействия; социальный потенциал молодых семей, экзогенные и эндогенные факторы и т.д.).

Также можно обратиться к факторам риска распада семьи относительно жизненного цикла семьи [4; 5].

Первая стадия – «семейная пара до рождения детей». На данном этапе происходит первичное закрепление социальных ролей и статусов. В качестве факторов риска распада семьи в этот период

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2017 № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/docs/all/129247/> (дата обращения: 28.07.2023); «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Территориальное планирование и обеспечение доступным и комфортным жильем населения Ростовской области» [Электронный ресурс] URL: <https://www.donland.ru/activity/1454/> (дата обращения: 01.08.2023).

следует обратить внимание на: влияние родительской семьи супругов, несовпадение ценностных установок, краткосрочный (менее 6 месяцев) или долгосрочный (более 5 лет) период добрых отношений. Вторая стадия – «семейная пара с маленьким ребёнком». На данном этапе происходит освоение новых статусов, институциональное закрепление ценностной ориентации семьи. В качестве факторов риска данного этапа следует выделить: с внешней стороны – это материальные трудности, условия и локация проживания семьи (урбанистический и региональный фактор); с внутренней стороны – это ролевая перегрузка супругов, на фоне которой снижается субъективная удовлетворенность браком. Третья стадия – «семейная пара с детьми подросткового возраста». Данный этап приходится, как правило, на ценностный кризис «среднего возраста» родителей, их потребности в самореализации, материальной стабильности, увеличения ответственности за своих детей и одновременно своих родителей.

Согласно всероссийскому опросу, проведенному ВЦИОМ в 2021 году, большинство россиян соглашались с тем, что необходимо вступать в брак и жить в семье: так думает 71% всех опрошенных. Стоит отметить, что среди молодежи данный вариант ответа остается самым популярным, но среди респондентов в возрасте от 18 до 24 лет доля ответивших составляет 60%, относительно самой старшей возрастной категории, где данный вариант выбирают 79% опрошенных. Фиктивный брак как форма закрепления социального статуса молодым людям не интересен, результаты находятся в интервале статистической погрешности¹.

Таблица 1 – Распределение ответов о статусе брачно-семейных отношений, закрытые вопросы, один ответ, (в %), в зависимости от пола и возрастной группы (составлено авторами на основе данных опроса ВЦИОМ)

Table 1 – Distribution of answers on the status of marriage and family relations, closed questions, one answer, in %), depending on gender and age group (compiled by the authors based on the data of the VTSIOM survey)

Варианты ответов	Пол респондента		Сколько полных лет Вам исполнилось?				
	Мужской	Женский	18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Вступить в брак и жить семьей	69	72	60	67	66	71	79
Жить семьей, но официально брак не регистрировать	12	9	14	13	14	8	6
Вступить в фиктивный брак и жить одному (одной)	3	1	0	4	2	1	1
В брак не вступать и жить одному (одной)	9	12	16	11	12	12	7
Затрудняюсь ответить	8	5	10	5	7	7	6

Помимо общего и половозрастного распределения, стоит обратить внимание на желание создать семью в зависимости от материального положения и типа населённого пункта, в котором проживают респонденты.

Согласно анализу данных опроса, финансовое благополучие влияет на тенденцию брачного поведения. Так, например, те, кто оценивают свой достаток как «очень хороший и хороший», чаще остальных не только готовы вступить в официальный брак, но и проживать с семьей (76 %). Респонденты, которые оценили свой достаток как «очень плохой» и «плохой» реже остальных выбирали вышеупомянутый ответ (60 %). Одновременно самая «малоимущая группа» чаще остальных высказалась о намерении в брак не вступать и жить одному (17 %)².

¹ Опрос ВЦИОМ «Празднование Дня семьи, любви и верности» [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-voznrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli> (дата обращения: 30.07.2023).

² Там же.

Таблица 2 – Распределение ответов о статусе брачно-семейных отношений, закрытые вопросы, один ответ, (в %), в зависимости от оценки собственного материального положения (составлено авторами на основе данных опроса ВЦИОМ)

Table 2 – Distribution of answers about the status of marital and family relations, closed questions, one answer, (in %), depending on the assessment of their own financial situation (compiled by the authors based on the data of the VTSIOM survey)

Варианты ответов	Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?			
	Очень хорошее, хорошее	Среднее	Очень плохое, плохое	Затрудняюсь ответить
Вступить в брак и жить семьей	76	73	60	64
Жить семьей, но официально брак не регистрировать	8	9	14	6
Вступить в фиктивный брак, и жить одному (одной)	4	1	2	0
В брак не вступать и жить одному (одной)	6	10	17	2
Затрудняюсь ответить	5	6	7	27

Дополнительное подтверждение того, что материальный фактор является значительным для создания и развития института семьи, отображается в другом исследовании ВЦИОМ 2021 г., посвящённом отношению россиян к разводам¹. Так, среди причин развода респонденты в первую очередь указывали финансовый фактор – бедность (33 %). Также в этом опросе более пятой части респондентов (21 %) высказались, что именно материальная созависимость супругов может помешать разводу. Общий вывод исследователей состоял в том, что с 1990 г. по 2021 г. терпимость россиян к разводам продолжает расти.

Таблица 3 – Первые 10 самых популярных ответов о причине разводов, открытый вопрос, до трех ответов, (в %) от всех опрошенных (составлено авторами на основе данных опроса ВЦИОМ)

Table 3 – The top 10 most popular answers about the cause of divorce, an open question, up to three answers, (in%) from all respondents (compiled by the authors based on VTSIOM survey data)

	Варианты ответов	%
1.	Нет денег/бедность/низкий доход семьи/недостаточное материальное благополучие	33
2.	Непонимание друг друга	15
3.	Измена/неверность одного из партнеров	14
4.	Бытовые проблемы/быт	10
5.	Алкоголизм/пьянство/наркомания	8
6.	Несовместимость характеров	8
7.	Неуважение к друг другу/нетерпимость к друг другу	6
8.	Нет своей жилплощади/жилищные проблемы/квартирный вопрос	5
9.	Безответственность/инфантильность /эмоциональная незрелость	4
10.	Отсутствие института брака/искажение ценностей семьи/нет понимания ролей в семейной жизни	4

Как подчёркивают А. В. Романова и Г. М. Цинченко, взаимоотношения молодых супругов не редуцируются исключительно «к межполовым взаимодействиям, браку, родительству, они также состоят из соотношения работы, политической и экономической сфер» [6, с. 205].

¹ Опрос ВЦИОМ «От брака до развода: 1990-2021» [Электронный ресурс]. URL: <https://inlnk.ru/57pwGy/> (дата обращения: 01.08.2023).

Вернёмся к анализу распределения семейных предпочтений россиян относительно типа населённого пункта и региона проживания. Желают вступить в брак и жить с семьей в сельских населённых пунктах респонденты чаще, чем в остальных типах населённых пунктов. Так, в селе – данный вариант ответа выбрали 74 % респондентов, в Москве и Санкт-Петербурге – 66 %, суммарно в городах миллионниках – 58 %. Жить, не вступая в брак, чаще всего готовы жители Москвы и Санкт-Петербурга и других городов с количеством населения от 100 до 500 тысяч человек (14 % и 13 % соответственно)¹.

В 2000 г. Указом Президента были утверждены особые административно-территориальные единицы – федеральные округа для осуществления координации работы федеральных органов исполнительной власти, в том числе по вопросам семейной политики. Согласно последним изменениям, в Российской Федерации насчитывается 8 федеральных округов – Центральный (ЦФО), Северо-Западный (СЗФО), Северо-Кавказский (СКФО), Приволжский (ПФО), Уральский (УФО), Сибирский (СФО), Дальневосточный (ДФО), Южный (ЮФО)².

Вариант ответа «Вступить в брак и жить с семьей» чаще всего указали жители Северо-Кавказского федерального округа (79 %), чуть реже данный вариант выбирали в Сибирском федеральном округе (65 %) и Приволжском федеральном округе (66 %)³. Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Распределение ответов о статусе брачно-семейных отношений, закрытые вопросы, один ответ, (в %) в зависимости от распределения по федеральным округам (составлено авторами на основе данных опроса ВЦИОМ)

Table 4 – Distribution of answers on the status of marital and family relations, closed questions, one answer, (in %) depending on the distribution by federal districts (compiled by the authors based on the VTSIOM survey data)

Варианты ответов	Федеральные округа							
	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Вступить в брак и жить семьей	72	74	76	79	66	69	65	72
Жить семьей, но официально брак не регистрировать	9	10	11	4	12	10	13	9
Вступить в фиктивный брак, и жить одному (одной)	2	1	1	1	4	1	3	0
В брак не вступать и жить одному (одной)	12	11	4	5	11	13	14	14
Затрудняюсь ответить	6	5	8	11	8	8	4	5

Современное общество наполнено различными группами рискогенных факторов, которые встречаются во всех областях жизни. Так, при создании молодой семьи можно говорить о типичных практиках брачного поведения, которые со временем укрепляются и переходят в статус институциональных. Но важно, чтобы эти практики поведения не разбились об эндогенные и экзогенные проблемы социально-экономической сферы, чтобы молодые люди, чувствовали не только поддержку друг друга и ближайшего окружения, государству необходимо анализировать, дополнять и воспроизводить нормы

¹ Опрос ВЦИОМ «Празднование Дня семьи, любви и верности» [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-voznrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli> (дата обращения: 30.07.2023).

² Указ Президента РФ от 19 января 2010 № 82 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 № 849» и Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30507> / (дата обращения: 02.08.2023); Указ Президента РФ от 28 июля 2016 № 375 «О Южном федеральном округе» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41161> / (дата обращения: 28.07.2023).

³ Опрос ВЦИОМ «Празднование Дня семьи, любви и верности» [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-voznrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli> (дата обращения: 30.07.2023).

государственной поддержки института молодой семьи, так как именно молодая семья определяет демографические перспективы развития общества [7; 8; 9; 10].

Таким образом, нестабильное, рискогенное положение в социуме как результат социально-психологических, социокультурных, жилищно-бытовых, социально-экономических и политических проблем дополняется демографическим кризисом: поздним вступлением в брак, увеличением числа разводов, появлением монородительских семей, значительным снижением рождаемости.

Изучив данные социологических исследований, посвящённых выявлению мнений россиян о перспективах вступления в официальный брак и проживание внутри семьи, мы выявили, что ценность создания семьи в молодёжном сообществе достаточно высока. Россияне чаще стремятся создать семью в деревнях, а не в городах-миллиониках. Как показывает практика, финансовое благополучие влияет на тенденцию брачного поведения. Чем беднее человек, тем в большей степени он избегает создания семьи, при этом деньги становятся своеобразным препятствием для разводов.

Список источников

1. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Ценность семьи глазами россиян: социологический анализ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 59–71.
2. Егорова Н.Ю., Янак А.Л., Рябинская Е.С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2(156). С. 233–251.
3. Домашняя правовая энциклопедия. Семья и дети. Социальная поддержка молодых семей. [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/77670715/> (дата обращения: 25.07.2023).
4. Артамонова Я.В., Барсуков С.С. Стратегии преодоления рисков распада жизненного мира молодой семьи в условиях поликультурного региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 18–21.
5. Свечкарев В.П., Артамонова Я.В. Модель преодоления рисков разрушения жизненного мира молодой семьи (на материалах Ростовской области) // Инженерный вестник Дона. 2019. № 8(59). С. 20.
6. Романова А.В., Цинченко Г.М. Молодая семья: современные проблемы // Вопросы управления. 2019. №3 (39). С. 204–214.
7. Захарова Т.Ю., Гафиатулина Н.Х. Conceptualising social health of the Russian young family and models of parental behaviour in a risk society // State and Municipal Management. Scholar Notes. 2019. № 4. С. 230–235.
8. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Золотарева О.А. Информационные ресурсы как инструмент повышения доступности государственных механизмов поддержки молодой семьи // Информационное общество. 2023. № 1. С. 18–27.
9. Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Государственная политика в отношении молодой семьи: экспертный обзор // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 22–31.
10. Гафиатулина Н.Х., Сизова Н.М., Шолудченко И.Е. Детерминанты деструктивного поведения в молодой семье: социально-психологическое осмысление // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 33–37.

References

1. Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Zolotareva O. A. The value of family through the eyes of Russians: sociological analysis. *DEMIS. Demographic studies*. 2021;(4):59–71. (In Russ.)
2. Egorova N.Yu., Yanak A.L., Ryabinskaya E.S. Parental roles in the modern Russian family: the boundaries of the “male”. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2020;2(156):233–251. (In Russ.)
3. Home legal encyclopedia. Family and Children. Social support for young families. Available from: <http://ivo.garant.ru/#/document/77670715/> [Accessed 25 July 2023]. (In Russ.)
4. Artamonova Ya. V., Barsukov S. S. Strategies for overcoming the risks of the collapse of the life world of a young family in a multicultural region. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2020;(4):18–21. (In Russ.)
5. Svechkarev V. P., Artamonova Ya. V. Model for overcoming the risks of destruction of the life world of a young family (based on materials from the Rostov region). *Engineering Bulletin of the Don*. 2019;8(59):20. (In Russ.)
6. Romanova A. V., Tsinchenko G.M. Young family: modern problems. *Management issues*. 2019;3(390): 204–214. (In Russ.)

7. Zakharova T. Yu., Gafiatulina N. Kh. . Conceptualising social health of the Russian young family and models of parental behaviour in a risk society. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2019;(4): 230-235. (In Russ.)

8. Rostovskaya T. K., Vasilyeva E. N., Zolotareva O. A. Information resources as a tool for increasing the availability of government mechanisms for supporting young families. *Information Society*. 2023;(1):18–27. (In Russ.)

9. Rostovskaya T. K., Knyazkova E. A. State policy towards young families: expert review. *Woman in Russian society*. 2022;(1):22–31. (In Russ.)

10. Gafiatulina N. Kh., Sizova N. M., Sholudchenko I. E. Determinants of destructive behavior in a young family: socio-psychological understanding. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2022;(5):33–37. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. Х. Гафиатулина – кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения ЮФУ.

Я. В. Артамонова – кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения ЮФУ.

Д. Н. Брайко – преподаватель, Институт социологии и регионоведения ЮФУ.

Information about the authors

N. Kh. Gafiatulina – Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Institute of sociology and regional studies of Southern Federal University.

Ya. V. Artamonova – Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Institute of sociology and regional studies of Southern Federal University.

D. N. Braiko – Lecturer, Institute of sociology and regional studies of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 31.08.2023; принята к публикации 01.09.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 31.08.2023; accepted for publication 01.09.2023.

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-264-272>

EDN ZYSZWR

Управление обучением технике безопасности иностранных студентов в вузах КНР

Чжоу И

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, КНР, elvazhouyi@shupl.edu.cn,
<https://orcid.org/0000-0002-3744-3636>

Аннотация. На фоне интернационализации образования и культурной диверсификации, транснациональная мобильность все больше становится основной формой социально-экономического и культурного обмена между странами. С непрерывным углублением интернационализации вузов масштабы иностранных студентов как культурных посланников, соединяющих Китай и зарубежные страны, также из года в год увеличиваются. Вследствие этого значительно возросла вероятность возникновения различных чрезвычайных ситуаций, а широкое внимание общества к урегулированию чрезвычайных ситуаций, связанных с иностранными студентами, поставило перед руководством вузов новые задачи. В данной статье проводится углубленный анализ текущей ситуации и причин управления обучением технике безопасности для иностранных студентов, выявления и классификации рисков безопасности для них и т.д., предлагаются меры для построения системы управления обучением технике безопасности для таких студентов.

Ключевые слова: иностранные студенты, интернационализация образования, Китай, управление обучением технике безопасности, чрезвычайные ситуации

Для цитирования: Чжоу И. Управление обучением технике безопасности иностранных студентов в вузах КНР // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 264–272. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-264-272>. EDN ZYSZWR

Sociology Problems

Original article

Management of safety training of foreign students in universities of the People's Republic of China

Zhou Yi

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China, elvazhouyi@shupl.edu.cn,
<https://orcid.org/0000-0002-3744-3636>

Abstract. Under the background of internationalization of education and cultural diversification, transnational mobility is increasingly becoming the main form of socio-economic and cultural exchange between countries. With the continuous deepening of the internationalization of universities, the scale of foreign students as cultural messengers connecting China and foreign countries is also increasing from year to year. As a result, the probability of various emergencies has significantly increased, and the broad attention of society to the settlement of emergencies related to foreign students has set new tasks for the leadership of universities. This article provides an in-depth analysis of the current situation and the reasons for managing safety training for foreign students, identifying and classifying safety risks for them, etc., and suggests measures to build a safety training management system for such students.

Keywords: international students, internationalization of education, China, safety training management, emergencies

For citation: Zhou Yi. Management of safety training of foreign students in universities of the People's Republic of China. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):264–272.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-264-272>. EDN ZYSZWR

I. Постановка проблемы – важность и актуальность управления обучением технике безопасности для зарубежных студентов

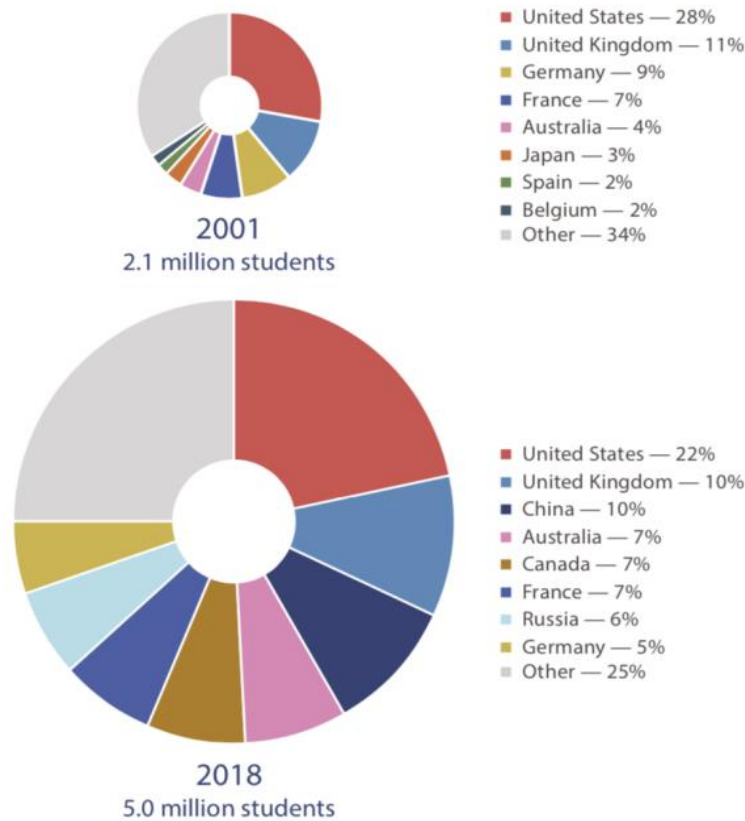
В июле 2010 года Центральный комитет КПК и Госсовет обнародовали «Тезисы государственного среднесрочного и долгосрочного плана реформы и развития образования (2010–2020 гг.)» (далее именуемый «Тезисы») [1]. В «Тезисах» четко говорится, что следует «укреплять международные обмены и сотрудничество, настаивать на продвижении реформ и развития посредством открытости, осуществлять многоуровневые и широкомасштабные образовательные обмены и сотрудничество, а также повышать уровень интернационализации образования в нашей стране». В целях реализации духа «Тезисов», укрепления образовательных обменов и сотрудничества между Китаем и зарубежными странами, а также содействия устойчивому и здоровому развитию дела образования в Китае, Министерство образования в сентябре 2010 года издало «План обучения иностранных студентов в Китае» (далее именуемый «План»), предполагая, что «к 2020 году ежегодное количество иностранных студентов, обучающихся в материковых университетах и начальных и средних школах, достигнет 500 000 человеко-часов, из которых 150 000 иностранных студентов получают высшее образование. В соответствии с государственной стратегией и потребностями развития количество китайских государственных стипендий будет постепенно увеличиваться; источник студентов, обучающихся в Китае, выбор категорий стран и уровня станет более сбалансированным и рациональным» [2]. «План» четко выдвигает политику обучения иностранных студентов в Китае, состоящую из следующих шестнадцати иероглифов: «расширение масштаба, оптимизация структуры, стандартизация управления и обеспечение качества».

В декабре 2019 года Аналитический центр по вопросам глобализации, Всемирный саммит по инновациям в области образования и Международная ассоциация образования совместно опубликовали в Пекине «Глобальный конкурс талантов: сравнение государственных стратегий привлечения иностранных студентов». В статье говорится, что в 2018 году в 1004 высших учебных заведениях 31 провинции (автономной области, города) по всей стране обучалось 492 185 зарубежных студентов различного профиля из 196 стран и регионов, что на 3013 человек больше, чем в 2017 году, темп роста составил 0,62 % (приведенные данные не включают регионы Гонконг, Макао и Тайвань) [3]. В 2018 году 10 % зарубежных студентов в мире обучаются в Китае, и наша страна стала крупнейшей страной конечного назначения в Азии и третьей страной конечного назначения в мире.

Обучение иностранных студентов является важной работой в области иностранных дел, имеющей ярко выраженный политический характер и затрагивающей разнообразные сферы. Эта работа часто затрагивает общую ситуацию в государственной политике, дипломатии и безопасности.

В связи с непрерывным увеличением числа зарубежных студентов в последние годы, наряду с открытием возможностей для развития, она также и выдвигает на первый план ряд вопросов безопасности. В частности, различия в культурном происхождении, религиозных верованиях и обычаях разных стран неизбежно приведут к конфликтам в межкультурной адаптации. В результате этого время от времени будут происходить такие инциденты, как дорожно-транспортные происшествия, незаконный сбыт наркотиков, нарушение вузовской дисциплины и учебного распорядка, драки и стычки. В случае небрежности при устранении инцидентов с участием зарубежных студентов, в самом легком случае это нарушит нормальный распорядок преподавания и управления в вузе, а в самом серьезном случае приведет к брожению мнений в Интернете, что повлияет на стабильность в вузе и обществе, а также неблагоприятным образом повлияет на международную репутацию Китая. Поэтому большое практическое значение имеет рассмотрение специфики образовательных объектов в процессе воспитания зарубежных студентов в вузах, изучение типов и причин чрезвычайных ситуаций среди таких студентов.

TOP HOST DESTINATIONS, 2001 & 2018

Source: Project Atlas, 2018; UNESCO, 2018

Figure 1: TOP HOST DESTINATIONS OF GLOBALLY MOBILE STUDENTS, 2001 & 2018

Рис. 1. Основные места назначения мобильности иностранных студентов в 2001 и 2018 годах [4]

Fig. 1. The main destinations of foreign students' mobility in 2001 and 2018

II. Идентификация и классификация рисков безопасности для иностранных студентов в вузах

(1) Чрезвычайные ситуации из категории распространения в Интернете

Наряду с непрерывным развитием сетевых технологий, инструментарий самостоятельных СМИ становится все более и более разнообразным, а их масштабы постепенно расширяются, формируя ведущие платформы коротких видео на основе Вэйбо, официальной учетной записи WeChat и Jinri Toutiao, а также ведущие платформы коротких видео на основе TikTok и Kuaishou; ведущие социальные платформы на основе WeChat и QQ, ведущие музыкальные платформы на основе QQ Music и NetEase Cloud Music, ведущие платформы сообщества знаний на основе Zhihu и Douban [5].

Чрезвычайно скоростной характер инструментария самостоятельных СМИ изменил традиционные способы передачи информации. Вследствие значительной свободы слова и анонимности Интернет стал центром распространения информации по социальным или вузовским вопросам. Однако источники иностранных студентов отличаются широкой структурой и неравномерным распределением, а также обладают разным культурным происхождением, религиозными верованиями и обычаями, что приводит к определенной степени культурных конфликтов между иностранными студенческими группами, иностранными студентами и преподавателями.

Оказавшись перед лицом культурных конфликтов, некоторые зарубежные студенты могут активно адаптироваться, в то время как некоторые студенты не могут активно адаптироваться из-за

таких факторов, как характер и способность к обучению. Если самостоятельные СМИ подводят к интерпретации, вырванной из контекста, то это легко может привести к горячим дискуссиям в Интернете. А любые высказывания, опубликованные на самостоятельных СМИ, могут спровоцировать широкое распространение в Интернете, и даже во многих случаях бурные дебаты в Интернете стали «флюгером» и «вожаком» общественного мнения. В частности, вследствие влияния какой-либо экстремальной и эмоциональной речи, негативно заряженное общественное мнение или распространение горячего контента с большей вероятностью вызовет кризис общественного мнения [6].

(2) Чрезвычайные ситуации из категории несчастных случаев в кампусе

1. Скрытые опасности противопожарной безопасности в кампусе. Наряду с непрерывным расширением масштабов набора студентов в университет, вспомогательное программное и аппаратное обеспечение школы постоянно оптимизируется, а также соответственно улучшаются условия проживания студентов. На каждом этаже общежития установлены кулеры с водой, а в каждом общежитии – кондиционеры и электровентиляторы, подключены сетевые кабели. Но из-за этого возрастает и угроза безопасности в студенческих общежитиях, например, учащиеся как попало подсоединяют провода, с нарушением правил используют такие мощные электроприборы, как индукционные плиты, незаконно используют открытый огонь. Одежда валится в одну кучу, выброшенные бумажные бутылки из-под фруктов и другие легковоспламеняющиеся предметы не убираются вовремя, учащиеся не обладают необходимыми знаниями в области пожаротушения, навыками самостоятельной помощи и спасения и т. д.

2. Скрытые опасности для транспортной безопасности кампуса. Наряду с непрерывным расширением масштабов приема студентов многие вузы расширяют свое учебное пространство за счет различных форм, таких как слияние колледжей. А вслед за развитием парков и кварталов открытого типа, с развитием и требованиями социальной экономики пространство кампуса также изменилось с закрытого и полузакрытого на открытое. Расширение территории кампуса и увеличение расстояния между кампусами значительно увеличили частоту использования студентами транспортных средств для поездок внутри и за пределами кампуса. В то же время открытие территории кампуса также увеличило движение общественных транспортных средств на территории кампуса, а смешение людей и транспортных средств увеличивает вероятность дорожно-транспортных происшествий. Кроме того, вследствие влияния культурных различий, зарубежные студенты, как правило, в качестве средства передвижения предпочитают использовать мощные электромотоциклы, скорость движения которых очень высока, что может легко привести к несчастным случаям, связанным с безопасностью.

(3) Чрезвычайные ситуации из категории психических заболеваний

С точки зрения основной массы иностранных студентов, только что попавших в незнакомую среду, в сочетании с большой сложностью китайского языка, языковым барьером и нахождением вдали от родных и друзей, очень трудно наладить хорошее общение с внешним миром, и процесс физической и психической адаптации будет неизбежен. В частности, у некоторых студентов имеется недостаток жизненного опыта, у них слабые способности к самообслуживанию, и при возникновении неразрешимых трудностей они психологически испытывают беспокойство, нервозность, тревогу, нерешительность и растерянность, что приводит к большому психологическому напряжению. В то же время усвоение модели обучения китайских и иностранных студентов также вызывает у некоторых студентов проблемы в профессиональной адаптации: если они не могут получить своевременную и эффективную психологическую помощь, то это может легко вызвать тревогу, депрессию и другие психические заболевания. Кроме того, внешняя среда включает в себя политические беспорядки в странах проживания иностранных студентов, непрекращающиеся войны и глобальные события в области общественного здравоохранения, такие как новая эпидемия коронавируса в последние годы. В результате этого из-за влияния войны, безработицы или экономического кризиса семьи студентов могут оказывать большое влияние на психологию учащихся. Это вызывает у них эмоциональную неустойчивость, и, таким образом, создает психологические барьеры. В особо тяжелых случаях такие люди склонны к самоизоляции, постоянно сокращая или вовсе отказываясь от возможности нормального общения с внешним миром, а затем отказываются и от учебы [7].

(4) Чрезвычайные ситуации из категории общественной безопасности

Вследствие разницы в культурных традициях и ценностных систем, среди иностранных студентов, представляющих разные страны и этносы, неизбежно будут возникать конфликты. Например, студенты с относительно слабыми возможностями в кросс-культурной адаптации, легко вступают в споры и конфликты с другими людьми. Кроме того, некоторые иностранные студенты не понимают или не обращают внимания на китайские законы и правила, вузовскую дисциплину и распорядок учебы, что также приводит к нарушениям правил или даже законодательства.

В последние годы постепенно демонстрируют тенденцию к росту уголовные дела, связанные с общественной безопасностью, которые произошли в кампусе и прилегающих районах или в отношении иностранных студентов в качестве субъекта дела. Общие инциденты безопасности в основном включают в себя поздние возвращения иностранных студентов, пьяные драки, незаконное проживание, употребление и незаконный сбыт наркотиков, религиозные собрания, мошенничество и другие нарушения законов, правил, вузовской дисциплины и учебного распорядка. Некоторые иностранные студенты любят путешествовать, но у них слабо выражено чувство собственной безопасности, поэтому при выезде в туристическую поездку с ними очень часто происходят дорожно-транспортные происшествия. В то же время, у иностранных студентов широкий спектр деятельности и дружеских связей, поэтому различные дела и нарушения дисциплины и правил будут расширяться и усложняться, что станет фактором социальной нестабильности и дисгармонии. За последние годы среди иностранных студентов вузов участились случаи насильственных конфликтов, дорожно-транспортных происшествий, несчастных случаев и отчислений за нарушение вузовской дисциплины и учебного распорядка [8].

По этим причинам, вслед за непрерывным углублением интернационализации вузов, количество иностранных студентов резко увеличивается. В процессе взаимного проникновения и интеграции между вузами и обществом, а также частых контактов между ними, также увеличивается на глазах и число различных неопределенных факторов, влияющих на кампус безопасность и стабильность. Необходимо срочно создать систему управления обучением техники безопасности для иностранных студентов.

III. Теоретическое обоснование построения системы управления обучением технике безопасности для иностранных студентов

Научная теория является важной направляющей основой для осуществления образовательной практики, и при исследовании и решении задач, стоящих перед обучением техники безопасности для иностранных студентов, она должна быть взята в качестве отправной и опорной точки. В процессе построения международной системы управления обучения технике безопасности студентов руководящая роль отводится практическому проявлению научной теории.

(1) Теория причинно-следственной связи несчастных случаев

В начале XX века известный американский инженер по технике безопасности Генрих впервые выдвинул данную теорию в целях выяснения различных причин несчастных случаев с человеческими жертвами и их связи с авариями и травмами. Данная теория утверждает, что возникновение дорожно-транспортного происшествия не является изолированным событием, хотя травма может произойти внезапно в определенный момент, она является результатом ряда последовательно происходящих событий [9].

Конечная цель построения системы управления обучением технике безопасности для иностранных студентов состоит в том, чтобы с помощью многоканальных, многоуровневых и многоуровневых методов и средств постоянно повышать уровень знаний иностранных студентов о предотвращении рисков, обогащать эти знания и улучшать способность решать вопросы безопасности. Также целью является снижение числа человеческих жертв и имущественного ущерба, вызванных несчастными случаями, обеспечение нормального порядка обучения и управления учебным заведением, а также обеспечение безопасности и стабильность в кампусе.

(2) Теория управления короткой доской в бочке

Принцип бочки – это то, что мы обычно называем «эффектом короткой доски». Он был предложен американским исследователем менеджмента Лоуренсом Питером. Основное содержание данной теории звучит так: деревянная бочка для воды собрана из множества досок, и ее объем вместимости воды также определяется совместно этими досками. Если одна из досок очень короткая, то вместимость воды будет ограничиваться этой короткой доской, и она становится «ограничивающим фактором» для объема вместимости воды в бочке [10].

На самом деле, в нашем руководстве повседневным обучением иностранных студентов также в большей или меньшей степени присутствует проявления признаков «короткой доски». Например, мы можем уделять большое внимание популяризации знаний о безопасности среди иностранных студентов, но мы можем и пренебрегать подготовкой их навыков безопасности. Зачастую в непредвиденных случаях это происходит вследствие отсутствия возможностей реагирования на чрезвычайные ситуации и самоспасения, что приводит к несоизмеримым потерям. В отношении системы управления обучением технике безопасности для иностранных студентов, если игнорируются характеристики одного из элементов, то это ограничивает функционирование всей системы. Поэтому при построении системы управления обучением технике безопасности для иностранных студентов необходимо своевременно обнаруживать «короткие доски», чтобы избежать неблагоприятных последствий, вызванных этими «короткими досками».

(3) Теория систем

Системное мышление имеет давнюю историю. Однако если мы говорим о ней как об академической теории систем, то общепризнано, что она была основана американским биологом-теоретиком австрийского происхождения Берталанфи. Основная идея теории систем заключается в том, чтобы рассматривать объект исследования и обработки как целостную систему, принимая систему за объект и начиная с общего изучать взаимосвязь между системой в целом и элементами, из которых состоит вся система. С субстантивной точки зрения, это делается для разъяснения ее структуры, функций, поведения и динамики, в целях понимания всей системы и достижения оптимальной цели [11].

Система управления обучением технике безопасности для иностранных студентов – это систематический проект по обучению безопасности иностранных студентов. Различные элементы, составляющие систему управления обучением технике безопасности, являются взаимозависимыми, взаимосвязанными, а также взаимно сдерживающими. Это также напоминает нам о том, что в процессе построения системы управления обучением технике безопасности для иностранных студентов все задействованные ведомства и звенья совершенно незаменимы. Лишь путем координации отношений между различными элементами можно добиться общего эффекта системы.

(4) Теория антикризисного управления

Теория антикризисного управления 4R была впервые выдвинута американским специалистом по кризисному менеджменту Робертом Хитом в книге «Управление кризисами». Иными словами, модель антикризисного управления 4R состоит из четырех этапов: сокращения (Reduction), готовности (Readiness), реагирования (Response) и восстановления (Recovery). Отмечается, что на каждом этапе возникновения и развития кризиса разрабатываются соответствующие стратегии. Они снижают силу удара и влияние кризисных ситуаций, заранее подготавливают к преодолению кризисных ситуаций, предпринимают все возможное для того чтобы справиться с возникшим кризисом и как можно скорее оправиться от него [12].

В последние годы кризисные инциденты в кампусе возникали достаточно часто, однако большинство вузовских администраторов при разрешении кризисных инцидентов в целом полагаются именно на опыт, и не включают кризисное управление кампусом в нормальную и систематическую управленческую работу. Сосредоточив внимание на повышении общей квалификации студентов, вузы при этом зачастую пренебрегают соответствующей подготовкой вузовских администраторов по управлению кризисными ситуациями. Тем не менее, повышение уровня управления кризисными ситуациями в кампусе как раз и является важной частью построения научной и эффективной системы управления обучением технике безопасности для иностранных студентов. Поэтому чрезвычайно

необходимым является усиливать изучение теории кризисного управления, организовывать регулярную профессиональную подготовку, повышать общее качество персонала, заведующего иностранными студентами, создавать и усовершенствовать механизмы раннего предупреждения кризисов в кампусе, разрабатывать практические планы действий в чрезвычайных ситуациях, принципиально устранять потенциальные угрозы безопасности, а также снижать ущерб от несчастных случаев [13].

IV. Структура и элементы системы управления обучением технике безопасности для иностранных студентов

(1) Основной субъект реализации системы управления обучением технике безопасности для иностранных студентов

Основная часть системы обучения технике безопасности, упомянутая в данной статье, предназначена для иностранных студентов. С индивидуальной студенческой точки зрения, поскольку возраст таких студентов, как правило, достаточно молод, при этом некоторые студенты впервые начинают жить отдельно от родителей, им не хватает базовой психологической подготовки, а также обучения знаниям и навыкам в области безопасности. При этом большинство иностранных студентов обладают достаточно мощной индивидуальностью и самосознанием. Это сопровождается поверхностной осведомленности о рисках, кризисах и безопасности, слабым пониманием и способностью к самозащите, недостаточной психологической подготовкой к действиям в чрезвычайных ситуациях при невероятной легкости возникновения непредвиденных случаев и недобрых ситуаций. Являясь одним из важных составляющих высшего образования, обучение технике безопасности воплощает в себе не только онтологическую функцию образования, но и его социальную функцию. Благодаря созданию системы управления обучением технике безопасности большое значение имеет повышение уровня подготовки иностранных студентов в области безопасности, расширение их возможностей по предотвращению чрезвычайных ситуаций как социальных личностей, а также обеспечение безопасности и стабильности в студенческом кампусе.

(2) Звенья контроля международной системой управления обучением безопасности для иностранных студентов

В настоящее время при управлении иностранными студентами в вузах распространено наличие следующих проблем: Во-первых, работе не достает системности и инициативности. Несмотря на то, что различные вузы разработали соответствующие правила управления обучения технике безопасности, в обучении безопасности для иностранных студентов сплошь и рядом отсутствует общий план действий в кризисных ситуациях и эффективная система реализации работ по управлению кризисными ситуациями. При конкретной реализации не хватает эффективных методов, что легко приводит к хаотичной суматохе. Если мы сможем постоянно повышать наши знания о кризисе и больше работать над «профилактическим лечением до возникновения болезни», мы сможем свести к минимуму потенциальные угрозы безопасности, и не будем дожидаться возникновения кризиса, чтобы потом «махать кулаками после драки». Во-вторых, отсутствует взаимодействие между различными ведомствами. Распространено общее мнение, что обучение иностранных студентов технике безопасности – это дело, касающееся лишь персонала, заведующего иностранными студентами, а другие отделы принимают в этом участие в меньшей степени или вообще не участвуют. В системном плане так и не сформировалась совместная сила, отсутствует долгосрочный механизм функционирования и не возникла та позитивная атмосфера, когда все в учебном заведении от мала до велика проявляют заботу и участие. В-третьих, преподавательскому составу не хватает профессионализма.

В настоящее время обучение технике безопасности в большинстве вузов проводится только персоналом, заведующим иностранными студентами, либо наставниками групп на основе опыта при зачислении абитуриентов или перед крупными мероприятиями. При этом преподавательскому составу не хватает профессиональной подготовки и руководства. Поэтому вузы должны соблюдать концепцию правовой нормы, постоянно стандартизировать процесс управления обучением технике безопасности для иностранных студентов, совершенствовать систему и механизм управления, укреплять структуру управленческих команд, повышать качество и эффективность образования в Китае, а также неустанно повышать уровень международного влияния высшего образования в нашей стране.

(3) Рабочие носители системы управления обучением технике безопасности для иностранных студентов

Обучение технике безопасности носит достаточно ярко выраженный комплексный и практический характер и должно быть сосредоточено на сочетании теории и практики. То есть, оно требует как систематических аудиторных лекций, так и подготовки по отработке навыков и практических занятий. Однако в ходе нашего исследования и посещения некоторых иностранных студентов мы обнаружили, что большинство колледжей и университетов в настоящее время при преподавании техники безопасности для иностранных студентов делают больший акцент на преподавании знаний по безопасности. С формальной точки зрения, в основном это выражается в поучениях и резонерстве с использованием достаточно примитивных средств. Опытного восприятия здесь очень мало, и очень слаба целенаправленность обучения. Степень практической и опытной боевой подготовки студентов недостаточна, а энтузиазм участия также достаточно низок. По этим причинам, для создания надежной системы обучения технике безопасности для иностранных студентов необходимо постоянно обогащать содержание обучения безопасности, включать обучение безопасности в общий учебный план для иностранных студентов, предоставлять обязательные учебные кредиты, укреплять основные гарантии и создавать среду управления обучением иностранных студентов, в которой принимают участие все. Например, при вопросах кризисов психологического здоровья необходимо проводить регулярные консультации по психологическому здоровью и работу по популяризации знаний для повышения осведомленности иностранных студентов о психологическом здоровье; по вопросам безопасности при чрезвычайных ситуациях, обучении в чрезвычайных ситуациях и тушении пожаров, стихийных бедствиях, инцидентах в области общественного здравоохранения. Также следует регулярно проводить другие учения по чрезвычайным ситуациям и повышать уровень осведомленности о мерах безопасности и предотвращения среди иностранных студентов.

V. Заключение

Итак, уровень управления образованием иностранных студентов, как важной составной части высшего образования, напрямую влияет на качество и эффективность их подготовки. Вузы действуют в соответствии с нормами права, выстраивая систему управления обучением технике безопасности для иностранных студентов, а также в соответствии с законодательством подходят к стандартизации и внедрению инновации в работе по управлению обучением технике безопасности для иностранных студентов. Это закладывает прочный фундамент для разрешения трудных проблем на практике и непрерывного повышения уровня интернационализации и международного влияния высшего образования в Китае.

Список источников

1. Тезисы государственного среднесрочного и долгосрочного плана реформы и развития образования (2010-2020 гг.) [ЕВ/ОЛ]. Министерство образования Китайской Народной Республики. http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6052/moe_838/201008/t20100802_93704.html, дата обращения 8 августа 2022 г.
2. Программа «Обучение в Китае» [ЕВ/ОЛ], Министерство образования Китайской Народной Республики, http://www.moe.gov.cn/srcsite/A20/moe_850/201009/t20100921_108815.html, дата обращения 8 августа 2022 г.
3. Статистика обучения в Китае в 2018 году [ЕВ/ОЛ]. Министерство образования КНР. http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html, дата обращения 12 августа 2022 г.
4. Глобальный конкурс талантов: сравнение национальных стратегий привлечения иностранных студентов [R], 2019 г.
5. Хуан Чусинь. Состояние развития собственных СМИ в нашей стране, проблемы и меры для противодействия им [N], Народный форум, выпуск 07, 30 ноября 2022 г.
6. Чжоу Жуй. Исследование поведения при сетевых отклонениях и меры предосторожности при угрозе общественному порядку [D], Пекин: Народный университет общественной безопасности Китая, 2020.

7. Лю Сянсинь, Исследование механизма экстренного реагирования на чрезвычайные ситуации в вузах [М], Издательство общественно-научной литературы, 2009.
8. Юй Шучэн, Во Гочэн, Гу Цзяньчжэн (гл.ред.). Устранение и предотвращение чрезвычайных ситуаций у иностранных студентов, обучающихся в Китае [М], Тяньцзинь: Издательство Тяньцзиньского университета, 2019.
9. Суй Пэнчэн, Чэнь Баочжи, Суй Сюй. Принципы безопасности [М], Пекин: Издательство химической промышленности, 2005.
10. [США] Лоуренс Дж. Питер, [США] Рэймонд Халл, Лу Цзя и др. (перевод) Принцип Питера (первое издание) [М], Пекин: Машиностроительное издание, 2007.
11. [США] Фон Берталанфи, Лин Канъи, Вэй Хунсен и др. (перевод). Теория общих систем: основа, развитие и применение [М]. Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 1987.
12. [Австралия] Роберт Хит, Ван Чэн (перевод). Кризисное управление [М], Пекин: Издательство CITIC, 2001.
13. Чэнь Цян, Ван Эньлинь, Юй Шучэн, (гл.ред.). Практика управления образованием международных студентов [М], Тяньцзинь: Издательство Тяньцзиньского университета, 2015.

References

1. *Program of the National Medium – and Long-Term Plan for Educational Reform and Development (2010–2020)* [EB /OL]. The Ministry of Education of the PRC. http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6052/moe_838/201008/t20100802_93704.html, on August 8, 2022. (In Chinese)
2. *Study in China Plan* [EB/OL], the Ministry of Education of the PRC. http://www.moe.gov.cn/srcsite/A20/moe_850/201009/t20100921_108815.html, August 8, 2022. (In Chinese)
3. Statistics of students studying in China in 2018 [EB /OL]. Ministry of Education of the People's Republic of China. http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt-gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html, accessed August 12, 2022. (In Chinese)
4. *Global Competition for Talents: A Comparison of National Strategies to Attract International Students* [R], 2019.
5. Huang Chuxin. Current Situation, Problems and Countermeasures of the development of "We Media" in China [N]. *People's Forum*, 07th edition, November 30, 2022. (In Chinese)
6. Zhou Rui. *Research on Network Deviant Behavior and Security Risk Prevention* [D]. Beijing: People's Public Security University of China, 2020. (In Chinese)
7. Liu Xiangxin. *Research on Emergency Mechanism of Universities* [M]. Social Sciences Academic Press, 2009. (In Chinese)
8. Yu Shucheng, Wu Guocheng, Gu Jianzheng. *Emergency Treatment and Prevention for International Students* [M]. Tianjin: Tianjin University Press, 2019. (In Chinese)
9. Sui Pengcheng, Chen Baozhi, Sui Xu. *Safety Principles* [M]. Beijing: Chemical Industry Press, 2005. (In Chinese)
10. Lawrence J. Peter, Raymond Herr, Lu Jia et al. (Trans.). *Peter's Principle (First Edition)* [M]. Beijing: China Machine Press, 2007. (In Chinese)
11. Von Bertalanffy, Lin Kangyi, Wei Hongsen, et al. *General System Theory: Foundation, Development and Application* [M]. Beijing: Tsinghua University Press, 1987. (In Chinese)
12. Robert Heath, Wang Cheng (Trans.). *Crisis Management* [M]. Beijing: Citic Press, 2001. (In Chinese)
13. Chen Qiang, Wang Enlin, Yu Shucheng. *Practices of International Student Education Management* [M]. Tianjin: Tianjin University Press, 2015. (In Chinese)

Информация об авторе

Чжоу И – заместитель начальника отдела по работе с иностранными студентами, Шанхайский политико-юридический университет.

Information about the author

Zhou Yi – Deputy director of International Students Office, Shanghai University of Political Science and Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; одобрена после рецензирования 25.06.2023; принята к публикации 27.07.2023.

The article was submitted 30.05.2023; approved after reviewing 25.06.2023; accepted for publication 27.07.2023.

Социокультурные детерминанты радикально настроенной молодежи

Тамара Саранговна Очирова¹, Татьяна Манджиевна Болтырова²,
Людмила Александровна Дорджиева³

^{1,3}Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия

²Институт комплексных исследований аридных территорий, Элиста, Россия

¹tschazikova@yandex.ru

²tat-boltyrova@yandex.ru

³dordz-lyudmila@yandex.ru

Аннотация. В современных средствах массовой информации, медиапространстве и научных исследованиях очень часто рассматривается активизм молодежи. Социальный активизм молодых людей очень часто является междисциплинарным исследованием и рассматривается учеными на стыке с такими проблемами, как девиация, радикализация, экстремистское поведение. Авторы данной работы обращаются к социокультурным детерминантам радикально настроенной молодежи. Радикализм молодежи, по мнению авторов статьи, связан с возрастными особенностями различных групп молодежи, психоэмоциональным состоянием молодежи различной возрастной категории, экономической нестабильностью, ценностными установками и ориентациями, активным влиянием информационной среды, отсутствием социального опыта, несформированными социальными связями, а также несконструированной идентичностью. Понимание детерминант, влияющих на радикализацию сознания молодежи, дает возможность выстраивать наиболее успешные стратегии противодействия и профилактики радикальных явлений в молодежной среде.

Ключевые слова: деструктивное поведение, молодежь, радикализм, радикальное сознание, студенческая молодежь, терроризм, ценностные установки, экстремизм

Для цитирования: Очирова Т. С., Болтырова Т. М., Дорджиева Л. А. Социокультурные детерминанты радикально настроенной молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 273–277. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-273-277>. EDN QFJ1HU

Sociology Problems

Original article

Sociocultural determinants of radical youth

Tamara S. Ochirova¹, Tatiana M. Boltyrova², Lyudmila A. Dordzhieva³

^{1,3}Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia

²Institute of Complex Studies of Arid Territories, Elista, Russia

¹tschazikova@yandex.ru

²tat-boltyrova@yandex.ru

³dordz-lyudmila@yandex.ru

Abstract. In today's media, media space and scientific research, youth activism is very often considered. The social activism of young people is very often an interdisciplinary study and is considered by scientists at the intersection with such problems as deviation, radicalization, extremist behavior. The authors of this work address the socio-cultural determinants of radical youth. The radicalism of young people, according to the authors of the article, is associated with the age characteristics of various groups of young people, the psycho-emotional state of young people of different age categories, economic instability, value attitudes and orientations, the active influence of the information environment, lack of social experience, unformed social ties,

as well as unconstructed identity. Understanding the determinants that influence the radicalization of youth consciousness makes it possible to build the most successful strategies for countering and preventing radical phenomena in the youth environment.

Keywords: youth, student youth, values, destructive behavior, radicalism, radical consciousness, extremism, terrorism

For citation: Ochirova T. S., Boltyrova T. M., Dordzhieva L. A. Sociocultural determinants of radical youth. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):273–277. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-273-277>. EDN QFJINU

Молодежной проблематике в России уделяется огромное внимание как со стороны общественности, так и со стороны государственных органов и научного сообщества, которые по праву считают, что в неблагоприятных условиях среды самоопределение молодежи может носить характер протестной активности и радикализации в установках и поведенческих практиках, связанных с девиантными формами поведения.

Если мы обратимся к статистическим данным, а именно к численности населения Российской Федерации по полу и возрасту, то мы увидим, что на сегодняшний день в России проживает 39,7 млн молодых людей¹. Данные цифры указывают на то, что эта социально-демографическая группа населения является одной из многочисленных групп в нашей стране, что делает такое направление государственной политики, как молодежное, одним из значимых в нашей стране. О реализации государственной молодежной политики активно рассуждают многие отечественные исследователи. И. С. Шаповалова и Е. В. Маликова в своей статье указывают на региональный аспект молодежной политики, подчеркивая, что данное направление политики государства, реализуемое на уровне региона, должно быть уникально для конкретной территории [1]. О.В. Леонова посредством политического анализа прибегает к исследованию влияния поправок в Конституцию РФ на разработку новых законодательных основ молодежной политики России [2].

Для анализа молодежной политики, понимания ее эффективности и успешности для дальнейшего развития государства, а также внесения определенных поправок в саму молодежную политику, необходимо понимать, как выглядит социальный портрет современной молодежи, чем она живет и интересуется, какие ценности разделяет, какие паттерны поведения выбирает, как выстраивает свои жизненные стратегии, какие факторы оказывают влияние на ее социальное поведение. Именно эти вопросы интересуют современных ученых [3–5].

Рассматривая молодежь, ее образ, ценностные ориентации и социальное поведение, мы не можем не указать на такой весьма волнующий многих вопрос – проблему радикализации молодежи.

Специалисты Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет в рамках своего исследования посредством проведения фокус-групп попытались выявить причины распространения радикализма в молодежной среде: социально-экономические проблемы, доступность запрещенных материалов в информационной среде, агрессия, существующая в интернет-коммуникации, подверженность молодых людей к манипуляциям со стороны радикальных организаций [6]. Также исследователи указывают на определенные факторы, влияющие на формирование радикальных настроений молодежи, среди которых популярен видеохостинг YouTube [7]. Говоря о протестных настроениях молодежи, исследователи касаются и механизмов противодействия радикализации этой категории населения [8–9].

Российская молодежь, как мы видим, довольно активно выступает в качестве объекта научных исследований. Связано это с тем, что молодежь обладает специфическими чертами, которые в настоящее время под влиянием факторов социальной среды трансформируются, что, в свою очередь, вызывает существенные изменения в социальном поведении молодых людей. Изменения социального поведения молодежи не всегда связано с негативными трансформациями, но очень часто может вести к формированию радикальных взглядов в молодежной среде.

На наш взгляд, чтобы понять причины радикализации и проводить профилактические меры распространения радикализма в молодежной среде, очень важно определить социокультурные детерминанты радикально настроенной молодежи.

¹ Официальный сайт Федеральная служба государственной статистики. Информационно-аналитические материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>.

Социокультурные детерминанты – это условия, которые влияют на жизнь, в нашем случае – на настроения молодежи. К социокультурным детерминантам могут относиться социальные, экономические и мировоззренческие факторы.

Необходимо определиться с тем, кто относится к категории молодежь. Опираясь на определение, данное в ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежь – это «социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации»¹. Данная социально-демографическая группа обладает специфическими особенностями, которые отличаются внутри разных возрастных групп молодежи. В каждом из возрастных периодов отмечаются свои доминирующие виды социальной активности и потребности. Не вдаваясь в тонкости психологического характера, мы можем отметить, что главными потребностями школьников (14-18 лет) являются: самопознание, самооценка, самоопределение, самовоспитание, независимость. Данный период является периодом дружбы со сверстниками, первых любовных переживаний, временем, когда начинается выбор выстраивания жизненной траектории. Мы можем отметить, что в этом возрасте молодые люди более реактивны, нежели, например, в возрастной группе 25-35 лет, где со временем вырабатывается проактивность и умение брать на себя ответственность и делать осознанный выбор. В возрасте от 18 до 25 лет молодежь сконцентрирована на получение профессиональных навыков и компетенций для построения успешной карьеры. Здесь мы также наблюдаем некую реактивность: потеря самообладания и обвинение других в своих неудачах, но в возрасте от 18 до 25 лет начинается наработка проактивных навыков, которые помогают сохранять спокойствие и принимать разумные решения. В этот возрастной период начинается активный поиск любовных отношений для развития устойчивых межполовых связей и дальнейшего построения семьи. Помимо выстраивания межполовых взаимодействий, молодежь в этот возрастной период выходит на рынок труда для реализации полученных профессиональных компетенций. В возрасте 25-30 лет молодые люди начинают активнее искать брачных партнеров для создания семьи и реализации репродуктивных функций. Также в данный период времени молодые люди приобретают трудовой опыт и устраиваются на постоянную работу для выстраивания успешных карьерных стратегий. Молодежь в возрасте 30-35 лет – это люди, которые смогли укрепиться на карьерном пути, стать опытными родителями, а порой даже и вступить в новые семейно-брачные отношения. Безусловно, такое описание жизненных этапов, которые проходит молодежь, является весьма условным, но именно оно позволяет нам подчеркнуть, что на каждом возрастном этапе молодежь имеет свои социальные потребности и особенности, а значит, и социальное поведение в разных возрастных группах молодежи будет отличаться.

На наш взгляд, например, молодые люди от 14 до 25 лет в связи со своей реактивностью и менее устойчивым психоэмоциональным состоянием более подвержены изменениям в сторону радикализма – нежеланием жить по принятым в обществе нормам. Именно в этот период времени молодежь познает себя и учится выражать свои чувства, поэтому очень болезненно и остро реагирует на определенные неудачи, что может оборачиваться тем, что молодые люди хотят идти против всех, стремятся нарушать правила. Безусловно, это не означает, что стремление к радикализму наблюдается только в этой возрастной группе молодежи. Порой череда жизненных разочарований и нарушение планов или же усталость от постоянной профессиональной гонки заставляют молодых людей в возрасте 30-35 лет прибегать к радикальным настроениям, пытаясь кардинально и бескомпромиссно изменить существующее социальное, политическое и культурное положение.

Помимо психологического состояния и социальных потребностей различных групп молодежи на радикальные настроения молодежи могут влиять социально-экономические факторы. Неустойчивое экономическое положение молодежи, которая очень часто до определенного возраста зависит от финансовых возможностей родителей, а также трудности, с которыми встречаются молодые люди при поиске работы, вынуждают некоторых молодых людей принимать участие в проектах экстремистского и радикального толка [10].

Молодежь в силу своего возраста является той социальной группой, которая стремится активно заводить социальные связи. Некоторым молодым людям трудно дается живое взаимодействие, поэтому они не могут сформировать крепкие социальные связи, стремятся компенсировать недостаток

¹ Информационно-правовой портал Гарант.Ру. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>

общения посредством онлайн-общения, что может приводить к онлайн-радикализации. Связано это с тем, что на просторах социальных медиа молодежь может очень активно подвергаться информационно-психологическому воздействию со стороны ультрарадикальных сообществ [11]. Также необходимо отметить, что ценностные ориентации молодежи, связанные с индивидуализмом, направленностью на успех, материальную обеспеченность способствуют росту недоверия социальным институтам со стороны молодых людей, а также делают молодежь более готовой поддерживать радикальные доктрины.

Помимо всего перечисленного, к еще одной социокультурной детерминанте мы можем отнести мозаичную идентичность молодежи. Вопросу формирования и укрепления единой общероссийской государственной идентичности уделяется особое внимание со стороны исследователей [12–13].

Итак, на наш взгляд, радикальные настроения молодежи связаны с такими детерминантами, как снижение нравственных ценностей, примитивизация духовно-идеологических потребностей общества, распространением индивидуализма, социокультурной фрагментации социума, мозаичной идентичностью, специфическим экономическим положением молодежи, отсутствием должного социального и политического опыта, неразвитостью социальных связей, активным участием в медиапотреблении. Именно данные социокультурные детерминанты делают рассматриваемую социальную группу наиболее подверженной к участию в радикальных проектах.

Список источников

1. Шаповалова И. С., Маликова Е. В. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-v-rossii-regionalnyy-aspekt> (дата обращения: 15.08.2023).
2. Леонова О. В. Государственная молодежная политика российской федерации: практика формирования и новые законодательные парадигмы // Власть. 2020. № 6. С. 122–129.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2020. 688 с.
4. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / Государственный университет управления; [под общ. ред. С. В. Чуева]. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. 131 с.
5. Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Религиозная идентичность в смысловой саморегуляции молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 127–144.
6. Ильченко А. Б., Валитова Е. Р., Куценко М. В. Результаты фокус-группового исследования со специалистами в сфере профилактики «Радикализм в молодежной среде: роль противоправного контента и место субкультуры в этом процессе» // Обзор. НЦПТИ. 2021. № 3(26). С. 46–52.
7. Бареев М. Ю., Качурина И. О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионология. 2019. №3 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/youtube-kak-faktor-formirovaniya-protestnogo-potentsiala-molodezhi> (дата обращения: 15.08.2023).
8. Гедугошев Р. Р., Корсаков Ю. В., Абазова М. В. Основные направления противодействия терроризму и экстремизму в современных условиях // Журнал прикладных исследований. 2021. № 5. С. 185–189.
9. Селезнева И. Г., Воробьева Г. В., Сухова А. С., Наумов И. Н., Овсянникова И. Г. Правовые технологии профилактики радикализации современной молодежи // Право и государство: теория и практика. 2022. №7 (211). С. 66–69.
10. Великая Н. М. Российская молодежь в поле современной политики: между традиционализмом и оппозиционностью // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 2 (21). С. 57–68.
11. Карпова А. Ю., Савельев А. О. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг. 2020. №3 (157). С. 159–181.
12. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий Юга России. 2022. Том. 11. № 2. С. 15–26.
13. Гафиатулина Н. Х. Террористическая деятельность: сущностные признаки и факторы детерминации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018;(3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terroristicheskaya-deyatelnost-suschnostnye-priznaki-i-factory> (дата обращения: 16.10.2022).

References

1. Shapovalova I. S., Malikova E. V. Implementation of the state youth policy in Russia: regional aspect. *Theory and practice of social development*. 2018;(6). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-v-rossii-regionalnyy-aspekt> [Accessed 15 August 2022]. (In Russ.)
2. Leonova O. V. State youth policy of the Russian Federation: the practice of formation and new legislative paradigms. *Vlast'*. 2020;(6):122–129. (In Russ.)
3. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *The youth of Russia in the mirror of sociology: to the results of many years of research*. Moscow: Federal Research Sociological Center of the RAS; 2020. 688 p. (In Russ.)
4. Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: research results: monograph / State University of Management; [under the general ed. S.V. Chueva]. Moscow: GUU Publishing House; 2017. 131 p. (In Russ.)
5. Seliverstova N. A., Zubok Yu. A. Religious identity in semantic self-regulation of youth. *Scientific result. Sociology and Management*. 2023,(2):127–144. (In Russ.)
6. Ilchenko A. B., Valitova E. R., Kutsenko M. V. Results of a focus group study with specialists in the field of prevention "Radicalism in the youth environment: the role of illegal content and the place of subculture in this process". *Review NCPTI*. 2021;3(26):46–52. (In Russ.)
7. Bareev M. Yu., Kachurina I. O. YouTube as a factor in the formation of the protest potential of youth. *Regionology*. 2019;3(108). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/youtube-kak-faktor-formirovaniya-protestnogo-potentsiala-molodezhi> [Accessed 15 August 2023]. (In Russ.)
8. Gedugoshev R. R., Korsakov Yu. V., Abazova M. V. The main directions of countering terrorism and extremism in modern conditions. *Journal of Applied Research*. 2021;(5):185–189. (In Russ.)
9. Selezneva I. G., Vorobyeva G. V., Sukhova A. S., Naumov I. N., Ovsyannikova I. G. Legal technologies of prevention of radicalization of modern youth. *Law and the state: theory and practice*. 2022;7(211):66–69. (In Russ.)
10. Velikaya N. M. Russian youth in the field of modern politics: between traditionalism and opposition. *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Philosophy. Sociology. Art Criticism"*. 2020;2(21):57–68. (In Russ.)
11. Karpova A. Yu., Savelyev A. O. Studying the process of online radicalization of youth in social media (interdisciplinary approach). *Monitoring*. 2020;3(157):159–181. (In Russ.)
12. Volkov Yu. G., Kurbatov V. I. Hybrid identity: factors of formation and forms of manifestation. *Humanist of the South of Russia*. 2022;(11.2):15–26. (In Russ.)
13. Gafiatulina N. Kh. Terrorist activity: essential signs and factors of determination. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2018;(3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terroristicheskaya-deyatelnost-suschnostnye-priznaki-i-factory> [Accessed 16 October 2022]. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. С. Очирова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии и менеджмента профессионального образования, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.

Т. М. Болтырова – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Институт комплексных исследований аридных территорий.

Л. А. Дорджиева – кандидат педагогических наук, старший преподаватель факультета среднего профессионального образования, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.

Information about the authors

T. S. Ochirova – Cand. Sci. (Pedagog.), Associate Professor at the Department of Technology and Management of Vocational Education, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov.

T. M. Boltzyrova – Cand. Sci. (Pedagog.), Senior Researcher, Institute of Complex Studies of Arid Territories.

L. A. Dordjjeva – Cand. Sci. (Pedagog.), Senior lecturer at the Faculty of Secondary Vocational Education, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию 16.08.2023; одобрена после рецензирования 31.08.2023; принята к публикации 01.09.2023.

The article was submitted 16.08.2023; approved after reviewing 31.08.2023; accepted for publication 01.09.2023.

Социальные последствия применения систем искусственного интеллекта в образовании

Галина Васильевна Ярошенко¹, Иван Андреевич Савушкин²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹yaroshenko@uriu@ranepa.ru

²Wildwitcher5@mail.ru

Аннотация. Влияние инновационных технологий, а особенно программ искусственного интеллекта на образовательный процесс, в настоящее время все больше возрастает и вызывает неопределенные оценки и последствия. Несмотря на сохранение лидерства у обучающихся и преподавателей классического формата учебного процесса, внедрение цифровых дистанционных технологий существенно повлияло на рынок образования, а проекты, связанные с интеграцией искусственного интеллекта через использование нейросетей и технологий машинного обучения, имеют серьезную капитализацию. Феномен использования программ с искусственным интеллектом влияет на научную деятельность и качественное изменение образования. Известные кейсы применения данной технологии оказывают социальные последствия и неоднозначность регулирования данных программ, а также инициируют дискуссию о преимуществах и недостатках данной технологии.

Ключевые слова: инновационные технологии, искусственный интеллект, нейронные сети, образование, образовательная система, социальная среда, цифровизация

Для цитирования: Ярошенко Г. В., Савушкин И. А. Социальные последствия применения систем искусственного интеллекта в образовании // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 278–284. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-278-284>. EDN QWUVMZ

Sociology Problems

Original article

Social consequences of application artificial intelligence system in education

Galina V. Yaroshenko¹, Ivan A. Savushkin²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹yaroshenko@uriu@ranepa.ru

²Wildwitcher5@mail.ru

Abstract. The influence of innovative technologies, and especially artificial intelligence programs on the educational process, is currently increasing and causing uncertain estimates and consequences. Despite the retention of leadership by students and teachers of the classical format of the educational process, the introduction of digital distance technologies has significantly affected the education market, and projects related to the integration of artificial intelligence through the use of neural networks and machine learning technologies have serious capitalization. The phenomenon of using programs with artificial intelligence affects scientific activity and a qualitative change in education. The well-known cases of the application of this technology have social consequences and ambiguity in the regulation of these programs, as well as initiate a discussion about the advantages and disadvantages of this technology.

Keywords: education, educational system, social environment, neural networks, innovative technologies, digitalization, artificial intelligence

For citation: Yaroshenko G. V., Savushkin I. A. Social consequences of application artificial intelligence system in education. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):278–284. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-278-284>. EDN QWUVMZ

В настоящее время мир сталкивается с тотальным переустройством человеческого сознания, связанным с влиянием информационных технологий. Вычислительные мощности современных компьютеров развиваются в быстром темпе и можно наблюдать процессы, позволяющие внедрять технологичные решения в широкие социальные практики. Экспертами в области образования исследуются проблемы цифровизации и многоаспектное использование цифровых технологий в повседневном обучении. Электронное обучение уже не кажется, чем-то «неполноценным» и популяризируется как новая «веха» образования. В зарубежных исследованиях говорится о том, что интернет и электронное обучение применяется большинством обучающихся: так, например 83 % школьников с 6 по 11 классы используют «Google» для решения заданий домашней работы. А 22 из 25 лучших американских вузов предоставляют бесплатные онлайн курсы для студентов¹. Однако, не стоит отрицать, что школы и учебные заведения в сельской местности меньше используют инновационные технологии, что связано с технологическим разрывом. Решающим фактором развития и внедрения обучающихся в среду новейших технологий являются доход и уровень образования в семье. Готовность продвигать инновационные методы обучения в школьном образовании детей выше среди тех родителей, которые имеют степень магистра или кандидата наук (21 %), по сравнению с родителями, принадлежащими к другому уровню образования (16–18 %). Семьи же с высоким доходом чаще обладают возможностью онлайн-образования (49 %), чем семьи с низким уровнем дохода (45 %).

Цифровизация и актуальные цифровые технологии затрагивают все сферы жизни и все более широкие слои населения, но, по словам эксперта государственной корпорации, российская действительность сталкивается с асимметричным развитием цифровых технологий: «В столице, например, действует официальный портал Мэра и Правительства Москвы Mos.ru. Это единое веб-пространство столичного мегаполиса, с помощью которого москвичи могут «в одном окне» найти нужные им городские площадки и онлайн-сервисы. В других же городах, например, даже в таких крупных мегаполисах, как Санкт-Петербург, таких платформ нет, то есть налицо неритмичная цифровизация удаленных от центра регионов. Необходимо создать унифицированную информационную платформу в каждом регионе» [1].

В образовании же эти процессы происходят динамичнее и уже сейчас значительно улучшают качество и объем данных. Электронное обучение постепенно становится одним из векторов развития и может отвечать современным требованиям и предоставлять достаточные компетенции в становлении профессионального работника. Можно отметить и постепенный перенос из традиционной институциональной образовательной сферы в корпоративное, а затем и быденное обучение.

По данной тематике было написано достаточно много работ и, подытоживая их, социолог Rogozin Д. М. говорит о двух распространенных точках зрения на природу цифровой революции – технократической и гуманистической, которые, как правило, стимулируют анализ ИТ-методик обучения с позиций общественного или студенческого блага, часто оставляя за скобками мнение «академии» как заранее ангажированного и заинтересованного в сохранении статус-кво сообщества [2].

Одной из самых перспективных и значимых технологий современного мира можно назвать искусственный интеллект (далее – ИИ). Актуальность технологий, основанных на ИИ, стремительно растёт, они обладают потрясающей эффективностью, но текущая социальная реальность не успевает проследить все тренды активно развивающегося ИИ. Рынок технологий для образования продолжает активно развиваться, и искусственный интеллект – значимый фактор этого развития.

Исследования экспертов из Кембриджского университета показывают что, размер рынка образования составил около 2 126 млн долл. США в 2022 г., и ожидается, что он продвинется с совокупными годовыми темпами роста в 36,6 % в 2022–2030 гг. и достигнет 25 772 млн долл. к 2030 г. Это в первую очередь связано с увеличением инвестиций в технологию ИИ, растущим спросом на персонализированное

¹ Будущее образования: Обучающие технологические тренды в 2023. <https://elearningindustry.com/the-future-of-learning-educational-technology-trends-to-watch-in-2023>

образование на основе ИИ и растущей потребностью в автоматизации административных задач¹. Из этого следует, что растущая потребность в персонализированных образовательных решениях, поддерживаемых ИИ, является ключевым фактором, способствующим росту рынка. Эти решения помогают лучше понять студентов, их образовательные потребности, интересы и академические цели, что, в свою очередь, помогает в создании индивидуального опыта. Увеличивающийся интерес к использованию технологичных помощников для преподавателей является еще одной ключевой возможностью для игроков данного рынка. С помощью помощников преподавателей на основе ИИ, такие рутинные задачи преподавателей как оценка работ, мониторинг вовлеченности учащихся и анализ поведения в аудитории могут быть сведены к минимуму.

Исходя из вышеперечисленного, можно говорить об увеличении монетизации в связи с востребованностью данных технологий, но пока остаётся неясным, в какой форме сотрудничества будут находиться компании-разработчики и учебные заведения. При большом спросе такая инновационная технология будет обходиться дорого для ведущих вузов и останется недостижимой для других, в силу необходимости высокооплачиваемых специалистов способных обслуживать и интегрировать ИИ в учебный процесс.

Дискуссии в социуме по поводу ИИ известны уже долгое время. Одним из значимых толчков к пересмотру отношения к ИИ – это победа суперкомпьютера «Deep Blue» 11 мая 1997 в шахматной партии у чемпиона мира по шахматам Каспарова. Уже тогда стало ясно, что развитие компьютерных технологий в том числе и искусственного интеллекта довольно перспективно и может вызвать существенные социальные сдвиги. Также нужно упомянуть и влияние ИИ в культуре, было создано множество художественных произведений, так или иначе, рассматривающих потенциальные угрозы и социальные последствия использования и расширения ИИ.

Актуальность тематики связанной с искусственным интеллектом прослеживается и в увеличении объема статей, посвященных ему. Согласно базе данных Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук в 2016 г. представлена 171 научная статья, в 2017 г. – 130 научных работ, в 2018 г. – 317 публикаций, в 2019 г. – 649 статей, в 2020 г. – 584 работы, в 2021 г. – 997 научных трудов [3]. Эта прогрессия говорит об увеличении роли таких технологий во всех социально-значимых сферах жизни.

Для массового внедрения и использования искусственного интеллекта в большинстве образовательных процессов еще необходимо время, но уже сейчас активно используются программы и технологии, основанные на ИИ, существенно помогающие не только студентам, но и преподавателям. ИИ может существенно облегчить и ускорить процесс образования путем гуманизации и полного погружения в среду обучения, увеличить число учащихся и при этом подобрать индивидуальный подход к каждому. Благодаря машинному обучению ИИ анализирует данные о производительности студентов и имеет возможность сгенерировать индивидуальные программы обучения, учитывая их сильные и слабые стороны. Это позволяет студентам обучаться в соответствии с их индивидуальными потребностями и способностями, что улучшает их успеваемость и уменьшает вероятность отставания.

Одной из главных нагрузок на педагога является проверка заданий. Примером программы, решающей эту проблему, может служить МООС (Massive Open Online Courses), где искусственный интеллект оценивает задания и даёт ответ на вопросы студентов в автоматическом режиме. Также отметим большой потенциал ИИ, который в данный момент развития может исключить фактор субъективности при проверке эссе и других творческих заданий.

Можно говорить о применении ИИ, в том числе и на занятиях, конспект лекции можно организовать на моделях *opensource*, технология состоит из двух этапов, первый переводит речь в текст, а второй выделяет предложения, представляющие информативную часть лекции.

Также существуют программы с внедренным ИИ, которые могут диагностировать коммуникативные навыки. Известен кейс применения ИИ при адаптивном обучении «Московской электронной школы».

¹ Отчет об исследовании рынка искусственного интеллекта в сфере образования: по компонентам (решение, услуга), развертыванию (облако, локально), технологиям (NLP, ML), приложениям (системы доставки контента, учебные платформы, виртуальные фасилитаторы, интеллектуальные системы обучения), конечному использованию. (Образование К-12, высшее образование, академические исследования, корпоративное обучение). – Оценка доходов отрасли и прогноз роста до 2030 г.: <https://www.psmarketresearch.com/market-analysis/ai-in-education-market>.

Технология использует адаптивный фейдинг (adaptive fading) – систему, которая направляет обучающегося, но со временем уменьшает взаимодействие с ним, давая возможность самостоятельного развития, благодаря огромному массиву информации, которую способна обрабатывать нейросеть. По оценкам спикеров, технология помогает 90 % школьникам успешно завершать блоки и развиваться индивидуально.

Существенный толчок к развитию современных программ машинного интеллекта произвела технология нейросетей, которые, постоянно обучаясь, могут быстрее собирать информацию или же «проигрывать» различные сценарии любого действия, проводя достаточно четкие подсчеты. В случае человеческого фактора данное действие заняло бы довольно длительный период времени, нейросети же способны выполнять такие функции в разы быстрее. Одна из лидирующих в этой отрасли – это Midjourney – исследовательская компания и разрабатываемое ею одноименное программное обеспечение искусственного интеллекта, создающее изображения по текстовым описаниям. Данное ПО достаточно сильно повлияло на профессиональный корпус дизайнеров и художников. Умея создавать быстро и качественно изображение, данная программа может привести к ощутимым последствиям, таким как безработица и упадок творческого равновесия. В образовании же применение инструмента по созданию почти любого изображения критично сказывается на оригинальности и востребованности данной отрасли. Но нельзя не отметить плюсы, действительно, данное ПО в будущих обновлениях может дать достаточную базу и информацию по созданию качественных изображений в визуальном искусстве, дизайне и маркетинге.

Одной из важных проблем в обучении нейросетей является информация, дискриминирующая различные социальные группы, из-за обучения на источниках, содержащих стереотипные предрассудки, и ведущие к социальному неравенству. Тем не менее, источник проблемы кроется не в самом принципе работы нейросетей, а в тех данных, на которых они обучаются [4].

Сейчас самым важным проектом в сфере Искусственного интеллекта является чат-бот с искусственным интеллектом, разработанный компанией OpenAI и способный работать в диалоговом режиме, поддерживающий запросы на естественных языках – ChatGPT (англ. Generative Pre-trained Transformer или рус. генеративный предварительно обученный трансформер). Имея множество сфер применения, данная программа позволяет эффективно справляться с различными задачами. Использование данной программы в рамках обучения существенно помогает облегчить работу не только студентам, но и преподавателям. Проблема в том, что сгенерированный текст или задача, данная чат-боту, будет выполнена достаточно быстро, при этом качественно, представляя собой оригинальный текст. Четвертая версия ChatGPT генерирует текст, который практически не отличить от написанного человеком, отсюда и вытекают различные социальные последствия, как позитивные и негативные. Одной из значимых является проблема авторского права и оригинальности, что может сказываться на обучении в долгосрочном периоде, ведь имея такой инструмент для обучения и генерации ответов, можно существенно уменьшить объем изучаемого материала и фокусироваться на конкретных действиях, тогда как базовые задачи будет выполнять ИИ, но в тоже время это может негативно повлиять на подготовку профессиональных кадров. Важно отметить и возникающие проблемы безработицы, а также интеллектуальной инфляции, поскольку ИИ может выполнять функции вместо человека и заменить его на рынке труда, тем самым увеличив порог входа в любую социальную сферу, связанную с гуманитарными и творческими науками.

Логично предположить, что применение таких программ может повлечь за собой проблемы не только в развитии познания обучающихся, но и в социализации, в овладении навыками коммуникации. По сути, можно говорить о том, что ИИ перенимает на себя некоторые части социума, где индивид может заменять общение с коллегами и преподавателями чат-ботом, не теряя при этом эффективности.

Из известных кейсов применения ChatGPT-3 в образовании, является написание дипломной работы студентом РГГУ при помощи данной программы. Александр Жданов использовал данный инструмент и подробно описал в Twitter¹ процесс подготовки и как это помогло ему сэкономить несколько десятков часов. Он использовал данную программу для написания вводной и теоретической части, потратив около 23 часов. Формулируя правильные и точные запросы, ему удавалось получать текст с источниками литературы и впоследствии расширять его. Сам текст машинного написания получился

¹ Запрещен на территории Российской Федерации.

практически неотличимым от человеческого, первую версию диплома при помощи ChatGPT-3 собрал всего за 11 часов. Она была отправлена на проверку научному руководителю, которая вернула ее на доработку с незначительными правками. При этом, после нескольких часов корректировок, текст, написанный искусственным интеллектом, имел оригинальность в 82 % и был успешно защищен, создав прецедент в российской системе образования. После случившегося РГГУ выступил с предложением по ограничению доступа к ChatGPT в российских учебных заведениях. «Из-за опасений по поводу негативного воздействия на обучение, а также опасений по поводу безопасности и точности генерируемого системой контента, может быть целесообразно ограничить доступ к ChatGPT в образовательных организациях», – говорится в заявлении вуза¹.

Ещё одним прецедентом является написание статей испанским химиком Рафаэлем Лука. Он успевал писать одну статью за 37 часов, успешно повышая себе процент цитируемости. Руководство университета Кордова в конечном счёте отстранило ученого от работы с запретом на трудоустройство в течении 13 лет.

Тут может и сказываться существенный минус ChatGPT – это его работа с недостоверными источниками, чаще всего алгоритм берёт информацию из возникшей реальности интернета, вследствие чего и может ссылаться на несуществующие публикации и авторов.

Также случаем, отражающим сдвиги с восприятием образования с использованием ChatGPT, можно считать кейс Дэна Гиллмора, профессора журналистики Университета штата Аризона. Он попросил искусственный интеллект выполнить одно из заданий, которые дает своим студентам: написать письмо родственнику с рекомендациями относительно онлайн-безопасности и конфиденциальности.

«Я бы поставил ему хорошую оценку», – сказал Гиллмор. «Академическим кругам предстоит столкнуться с некоторыми очень серьезными проблемами»².

Данные кейсы отражают то, что процесс интеграции в образовательную систему ИИ не просто начался, а идет с ускорением. Конечно, для общества эта сфера ещё не настолько прозрачна и понятна, чтобы просчитать последствия внедрения ИИ, но на опыте цифровизации, можно говорить о том, что ИИ станет не только необходимой, но и удобной технологией в обучении. Но ChatGPT 4.5 имеет множество ограничений, сама модель вознаграждения программы, разработанная с учетом надзора со стороны человека, вследствие чрезмерной оптимизации, может снижать производительность, представляя закон Гудхарта.

В ситуации, когда общество входит в новую веху использования информационных технологий, поднимается вопрос об устойчивости развития в новых образовательных рамках, куда можно включать ИИ, как один из важнейших факторов таких преобразований. По мнению Ю. А. Чернавина: «Человек информационный», реализующий свою активность одновременно в двух измерениях – виртуальном и реальном – оказывается в ситуации кратно возросшей неопределенности, а постоянная погруженность в цифровую среду с ее погоней за «сетевым успехом» блокирует трансляцию традиционных культурных ценностей» [5], что говорит о недостаточной готовности социума интегрировать инновационные технологии в традиционную культуру, тем самым оставляя такие технологии как ИИ и машинное обучение не используемыми в массовом обучении.

На данный момент нельзя говорить, что ИИ полностью заменяет и автоматизирует человеческую интеллектуальную работу, сейчас это инструмент, которым нужно научиться пользоваться и применять в конкретных ситуациях. Тексты с высокой оригинальностью генерируются ботом не с первого раза, а требуют внимания и корректировки пользователя, что не ставит ИИ в ультимативную ситуацию со способностью заменить человека. Антиплагиат может распознать текст, сгенерированный ИИ с пометкой – «подозрительный текст», но это не значит, что нейросеть не справляется со своей задачей составления оригинального текста, нужно задать определенные параметры и корректировать программу для создания уникального текста, то есть нужно ещё и обучить нейросеть, чтобы она генерировала конкретные тексты. Но недостатки данной системы нивелируются плюсами и возможностью экономить время на базовых задачах и алгоритмах.

Тем не менее, в ряде стран имеются опасения по поводу развития искусственного интеллекта, так Испания стала первой западной страной, запретившей ChatGPT.

¹ https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/02/2023/63da66c19a7947f79e7c2d54

² <https://www.theguardian.com/technology/2022/dec/04/ai-bot-chatgpt-stuns-academics-with-essay-writing-skills-and-usability>.

В то же время есть интересный кейс внедрения ChatGPT в административную работу в Японии городе Йокосука. Около половины персонала использовали ChatGPT 3.5 и около 80% респондентов были удовлетворены и хотели бы продолжать использовать ИИ. Но были и отрицательные моменты использования, такие как использование ChatGPT в поисковых целях (30 %) и неподходящие ответы (около 6 % сотрудников говорят, что получают неуместный ответ)¹. Данный кейс подтверждает тенденцию на искусственный интеллект, который может применяться в интеллектуальной работе и имеет все больше сфер, где он востребован.

Конечно, возникает этический вопрос об использовании ИИ в научных работах и образовательных программах. С точки зрения формационного подхода, технологии ИИ не разрушат образование, а изменят его. Применение таких систем позволяет сохранить индивидуальный подход с научной новизной, а также сократить трудовые ресурсы на рутинной интеллектуальной работе. С другой стороны, внедрение технологий искусственного интеллекта предполагает внеаудиторную работу в неклассической схеме и это повлияет на интеллектуальное развитие. Согласно исследованию Ковалева, Дятлова и Лацвеевой: «Большая часть преподавателей (75 %) исходит из того, что аудиторный формат является единственно возможным инструментом для создания интеллектуальной площадки, обеспечивающей совместное развитие учителей и учеников. Отказ от этого фактически приравнивается к потере основных видов образовательных ресурсов, необходимых для развития личности. Кроме того, значительная часть (39,9 %) дополнительно указала на снижение мотивации к профессиональной деятельности» [6].

Подводя итог, можно отметить существенное влияние искусственного интеллекта на социальную среду и систему образования. Мощный инструмент в виде ИИ порождает феномен генерирования учебных и научных работ, имеющих высокий процент оригинальности, а это может негативно сказываться на уровне образования населения и технологическом развитии хозяйства. ИИ изменяет социальную среду и образовывает проблемное поле для изучения. На момент релиза ChatGPT-4, искусственный интеллект не имеет негативных социальных последствий, но дальнейший анализ данной проблематики поможет понять закономерности его развития и влияния на социальную действительность.

Список источников

1. Боев Е. И., Зотов В. В., Василенко Л. А. Цифровизация публичного управления: экспертная рефлексия проблем и вызовов // *Цифровая социология*. 2023. Т. 6. № 1. С. 4–12.
2. Рогозин Д. М., Солодовникова О. Б., Ипатова А. А. Как преподаватели вузов воспринимают цифровую трансформацию высшего образования // *Вопросы образования*. 2022. № 1. С. 271–300. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-271-300>.
3. Тимохович А.Н., Самоходкина Е.Г., Самоходкин Е.В., Эльзон А.А. Проблематика цифровых технологий и искусственного интеллекта в научных работах // *Цифровая социология*. 2023. Т. 6. № 1. С. 13–20.
4. Тертышникова А. Г., Павлова У. О., Цимбал М. В. Социальное исключение как побочный эффект механизмов нейрообучения // *Цифровая социология*. 2022. Т. 5. № 4. С. 23–30.
5. Чернавин Ю. А. Единство традиции и новации как фактор устойчивого развития цифрового общества // *Цифровая социология*. 2023. Т. 6. № 1. С. 21–28.
6. Ковалев В. В., Дятлов А. В., Лацвеева А. В. Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы онлайн-обучения // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28. № 2. С. 57–69. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.5. EDN GUCHUU.

References

1. Boev E. I., Zotov V. V., Vasilenko L. A. Digitalization of public administration: expert reflection on problems and challenges. *Digital Sociology*. 2023;6(1):4–12. DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-1-4-12. (In Russ.)
2. Rogozin D. M., Solodovnikova O. B., Ipatova A. A. How University Teachers View the Digital Transformation of Higher Education. *Educational Studies*. 2022;(1):271–300. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-271-300>. (In Russ.)

¹ https://www.city.yokosuka.kanagawa.jp/0835/nagekomi/20230605_chatgpt2.html.

Reviews

Yaroshenko G. V., Savushkin I. A. *Social consequences of application artificial intelligence system in education*

3. Timokhov A. N., Samokhodkina E. G., Samokhodkin E. V., Elzon A. A. Digital technology and artificial intelligence issues in scientific works. *Digital Sociology*. 2023;6(1):13–20. DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-1-13-20. (In Russ.)

4. Tertyshnikova A. G., Pavlova U. O., Cimbali M. V. Social exclusion as a side effect of machine learning mechanisms. *Digital Sociology*. 2022;5(4):23–30. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-5-4-23-30. (In Russ.)

5. Chernavin Yu. A. Unity of tradition and innovation as a factor of sustainable development of digital society. *Digital Sociology*. 2023;6(1):21–28. (In Russ.)

6. Kovalev V. V., Diatlov A. V., Latsveeva A. V. Quality of higher education in Russia: cognitive resources of online-learning. *Science. Culture. Society*. 2022;28(2):57–69. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.5. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. В. Ярошенко – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

И. А. Савушкин – студент факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС, победитель в номинации: «Футурологическая перспектива: год двадцать третий» Конкурса студенческих работ III Майских социологических чтений памяти Заслуженного деятеля науки РФ, профессора Зинченко Геннадия Павловича.

Information about the authors

G. V. Yaroshenko – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – Branch of RANEPА.

I. A. Savushkin – Student of the Faculty of Political Science of South-Russia Institute of Management – Branch of RANEPА, Winner in the nomination: “Futurological perspectives: twenty third year” among student works competition of the III May Sociological Readings, memory Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor Zinchenko Gennady Pavlovich.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.08.2023; одобрена после рецензирования 31.08.2023; принята к публикации 01.09.2023.

The article was submitted 16.08.2023; approved after reviewing 31.08.2023; accepted for publication 01.09.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 285–291
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):285–291

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 37.07

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-285-291>

EDN HGYDJR

Совершенствование механизмов управления развитием общеобразовательных организаций Тульской области

Ксения Дмитриевна Борисова

Тульский государственный университет, Тула, Россия, borisova.ksuu@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются текущее состояние управления образовательными организациями и образовательным процессом в Тульской области, анализируются результаты исследования по вопросам совершенствования механизмов управления развитием общеобразовательных организаций региона, предлагается ряд рекомендаций по совершенствованию механизмов управления развитием общеобразовательных организаций региона.

Ключевые слова: качество подготовки обучающихся, Министерство образования Тульской области, общеобразовательные организации, повышение профессионального уровня педагогических кадров, руководители общеобразовательных организаций, совершенствование управления качеством образования, социологическое исследование, Тульская область, управление образованием в регионе, управление образовательными организациями

Для цитирования: Борисова К. Д. Совершенствование механизмов управления развитием общеобразовательных организаций Тульской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 285–291. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-285-291>. EDN HGYDJR

Young scientists

Original article

Improvement of management mechanisms for the development of educational organizations of the Tula region

Kseniya D. Borisova

Tula State University, Tula, Russia, borisova.ksuu@gmail.com

Abstract. The article examines the current state of management of educational organizations and the educational process in the Tula region, analyzes the results of a study on improving the management mechanisms for the development of educational organizations in the region, offers a number of recommendations for improving the management mechanisms for the development of educational organizations in the region.

Keywords: management of educational organizations, Tula region, education management in the region, improvement of education quality management, professional development of teaching staff, educational organizations, quality of training of students, heads of educational organizations, Ministry of Education of the Tula region, sociological research

For citation: Borisova Ks. D. Improvement of management mechanisms for the development of educational organizations of the Tula region. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(3):285–291. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-285-291>. EDN HGYDJR

Современные тенденции развития образования, детерминированные целями национального проекта «Образование», дифференцированы во многих направлениях, основополагающими из которых являются возможности для самореализации и развития талантов как обучающихся по основным образовательным программам, так и педагогических работников. Содержание мероприятий национального проекта «Образование» включает в себя работу по направлениям, обеспечивающим совершенствование образовательной инфраструктуры и развитие содержания образования, повышение профессионального мастерства педагогических работников и управленческих кадров системы образования. По проблематике развития сферы образования, проведено достаточное количество исследований [1], ведущими экспертами в этой сфере подготовлены содержательные монографии, раскрывающие ключевые вопросы данного предмета [2–3]. Результаты исследований рассмотрены на тематических научно-практических конференциях [4–6].

Поставленные цели и задачи национального проекта «Образование» реализуются в Тульской области в соответствии с государственной программой «Развитие образования Тульской области», утвержденной постановлением правительства Тульской области от 1 февраля 2019 года №39, основными целями которой выступают повышение качества и доступности образования всех уровней¹.

Важными направлениями реализации программы развития образования Тульской области являются не только модернизация и совершенствование образовательного процесса, но и формирование принципиально нового уровня качества и профессионализма административного и преподавательского состава образовательных организаций, а также формирование современной многоуровневой системы управления качеством образования [7]. Указанные направления влияют, в первую очередь, на эффективность управления общеобразовательными организациями региона.

Первое из указанных направлений – повышение профессионального уровня педагогических кадров образовательных организаций, расширение возможностей для их самореализации, выработка новых форматов профессионального роста – реализуется в Тульской области за счет следующих мероприятий [8]:

- реализация региональным Центром непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников города Тулы программ федерального проекта «Учитель будущего»², таких как «Школа профессионального мастерства», «Молодой педагог в системе образования», наставничество и др.;

- реализация Институтом повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области проекта Адресной методической помощи (проект «500+»)³ в 14 образовательных организациях из 11 муниципальных образований региона (в 2022 г.);

- вовлечение педагогических кадров в реализацию федерального проекта «Современная школа» посредством осуществления ими преподавательской деятельности в рамках центров образования цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста», технопарков «Кванториум» и центров цифрового образования «IT-куб»;

- реализация программы «Земский учитель», позволяющей восполнять дефицит квалифицированных кадров общеобразовательных организаций, расположенных в сельской местности и городах с населением до 50 тыс. чел.;

- реализация мероприятий по предоставлению учителям общеобразовательных организаций в возрасте до 35 лет из бюджета Тульской области субсидии на возмещение части затрат на погашение первоначального взноса при приобретении жилья на территории Тульской области;

- осуществление финансовой поддержки педагогических кадров региона за счет выплаты ежемесячного денежного вознаграждения за классное руководство педагогическим работникам региона и др.

¹ Постановление Правительства Тульской области от 1.02.2019 г. №39 «Об утверждении Государственной программы Тульской области «Развитие образования Тульской области» (с изм. от 28.04.2022г.)

² Учитель будущего / Официальный сайт Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников г. Тулы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cnppm71.ru/uchitel-budushhego/> (дата обращения: 16.07.2022).

³ Приказ Министерства образования Тульской области от 16.03.2021г. N 299 «О реализации проекта Адресной методической помощи 500+ на территории Тульской области»

Второе из указанных направлений – формирование современной многоуровневой системы управления качеством образования – реализуется в Тульской области за счет осуществления мероприятий в следующих направлениях:

1) Управление качеством образовательных результатов:

- система оценки качества подготовки обучающихся;
- формирование и оценка функциональной грамотности обучающихся;
- система работы со школами с низкими результатами обучения и/или школами, функционирующими в неблагоприятных социальных условиях;
- система выявления поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи;
- система работы по самоопределению и профессиональной ориентации обучающихся.

2) Управление качеством образовательной деятельности:

- система мониторинга эффективности руководителей образовательных организаций;
- система обеспечения профессионального развития педагогических работников [9–10];
- система организации воспитания обучающихся;
- система мониторинга качества дошкольного образования.

3) Адресная методическая помощь образовательным организациям с низкими образовательными результатами (проект «500+»).

Мероприятия, направленные на совершенствование управления качеством образования в регионе, осуществляются в соответствии с «Концепцией региональной системы оценки качества образования в образовательных организациях, расположенных на территории Тульской области, на 2020–2023 гг.»¹. Министерством образования Тульской области, Институтом повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Тульской области, органами местного самоуправления, осуществляющими управление в сфере образования, государственными и частными образовательными организациями. Главная задача Министерства образования Тульской области, как высшего исполнителя государственных функций образования и приоритетов национального проекта – это обеспечение достижения условий для эффективного управления образовательными организациями и образовательным процессом.

В целях рассмотрения эффективности осуществления мероприятий по совершенствованию механизмов управления общеобразовательными организациями среди работников министерства образования Тульской области, руководителей и педагогических работников общеобразовательных организаций Тульской области был проведен социологический опрос.

Комплекс вопросов для респондентов включал оценку эффективности региональной системы управления образованием в части совершенствования организации управления образовательным процессом, а также вопросы формирования и развития административного и преподавательского состава общеобразовательных организаций региона.

Исследование степени бюрократизации системы управления образовательным процессом и самого образовательного процесса, а также эффективности мер, направленных на сокращение степени бюрократической нагрузки на общеобразовательные организации и педагогических работников, дало следующие результаты.

Большинство респондентов – 60,2 % (195 чел.) – оценивают уровень административной нагрузки как значительный, затрудняющий качественное исполнение прямых должностных обязанностей; еще треть респондентов – 33,6% (109 чел.) – считает нагрузку средней, не влияющей на качественное исполнение прямых должностных обязанностей, но требующей дополнительного внимания во внеурочное время. Незначительным же уровень административной нагрузки считают лишь 3,7 % (12 чел.) респондентов (см. рис.1).

Стоит также отметить, что значительная часть респондентов не ощущает результативности проводимого федеральными и региональными органами власти и управления в сфере образования комплекса мероприятий по де бюрократизации образовательных организаций общего образования.

¹ Приказ Министерства образования Тульской области от 12.08.2020 г. № 974 «Об утверждении Концепции региональной системы оценки качества образования в образовательных организациях, расположенных на территории Тульской области, на 2020–2023 гг.».

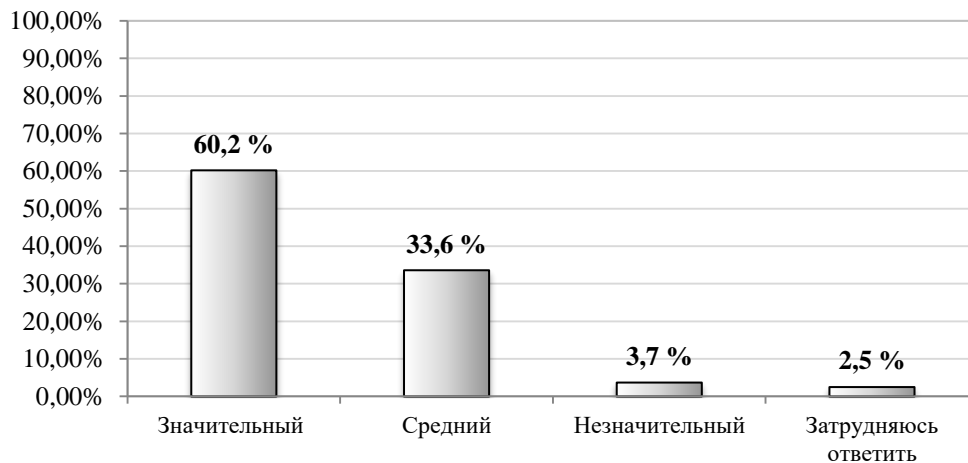

Рис. 1. Уровень административной нагрузки на общеобразовательные организации и педагогических работников¹

Fig. 1. The level of administrative burden on educational organizations and teaching staff

Значительная часть респондентов – 68,2 % (221 чел.) – считает, что результат не ощущается и «бумажной» работы стало больше, при этом не могут оценить степень результативности проводимых мероприятий (затрудняются ответить) еще 20,4 % опрошенных (66 чел.). Лишь малая доля респондентов – 11,4 % (37 чел.) – считает, что проводимая органами власти политика дебюрократизации позволила освободить достаточное количество рабочего времени для уделения его непосредственно образовательному процессу (см. рис. 2).

Рис. 2. Результат проводимой федеральными и региональными органами власти политики дебюрократизации образовательных организаций²

Fig. 2. The result of the policy of de-bureaucratization of educational organizations carried out by federal and regional authorities

При этом стоит отметить, что подавляющее большинство респондентов – 79,3 % (257 чел.) – считают, что в общеобразовательных организациях региона обеспечена возможность профессионального роста и развития педагогических работников, еще 17 % (55 чел.) считают, что такая возможность обеспечена не в полной мере, а необеспеченной возможность развития считают менее 1 % (3 чел.). Отметим, что возможность профессионального развития в регионе обеспечивается не только общеобразовательными

¹ Составлено автором.

² Составлено автором.

организациями самостоятельно, но и посредством единых центров профессионального роста и развития на основании Концепции непрерывного профессионального развития педагогических работников, утвержденной Министерством образования Тульской области¹.

Кроме того, респонденты в качестве одного из факторов творческого и профессионального развития педагогического состава отмечают также признание общеобразовательной организации инновационной площадкой. Отметим, что на территории Тульской области реализованы 9 региональных инновационных площадок, сформированных Министерством образования Тульской области², а также региональная инновационная площадка «УчимЗнаем», сформированная совместно Министерством образования Тульской области и Министерством здравоохранения Тульской области с экспертами проектного офиса «УчимЗнаем»³.

На основании вышесказанного можно предположить, что обеспеченная общеобразовательными организациями возможность профессионального роста и развития хоть и доступна большинству педагогов, используется не в полной мере или не используется вовсе в силу недостаточности времени, обусловленной значительной административной и бюрократической нагрузкой.

Среди мер, предложенных респондентам в качестве возможных способов повышения качества управления образовательными организациями региона, наиболее предпочтительными стали:

1. Создание и использование типового комплекта локальных актов, связанных с организацией учебного процесса – данный вариант выбрали 67,6 % респондентов (219 чел.).

2. Применение дополнительной системы поощрения педагогических работников – 56,8 % (184 чел.).

3. Разработка и внедрение единых критериев оценивания образовательных результатов – 54,9 % (178 чел.).

Почти столь же важными мерами, по мнению респондентов, являются разработка и применение конструктора образовательных программ (40,7 %) и приведение к единообразию внутришкольной системы оценивания (40,3 %). Отметим, что вопрос разработки и применения единых общеобразовательных программ в регионе уже имеет веские основания. Так, в 2021 г. Центр оценки качества образования Тульской области выявил ряд нарушений, связанных с формированием и предоставлением для общего доступа основных образовательных программ общеобразовательных организаций региона. Среди таких нарушений неутвержденная руководителем общеобразовательной организации образовательная программа, несоответствие наименований, составляющих учебного плана требованиям ФГОС, отсутствие в учебном плане обязательных учебных предметов или обязательных предметных областей, а в некоторых случаях размещение на сайте образовательной организации программ, срок которых истек, или их полное отсутствие на сайте общеобразовательной организации⁴.

Высокая степень необходимости формирования определенных стандартизированных механизмов создания образовательных программ, отмеченная респондентами, свидетельствует о сохранении выявленных и нескорректированных недочетов и нарушений.

Рассматривая применение дополнительной системы поощрения педагогических работников в качестве одной из мер по повышению эффективности управления образовательными организациями региона, отметим, что на территории Тульской области уже действует комплекс мероприятий соответствующей поддержки, о которых уже упоминалось ранее. Расширить и дополнить данный комплекс смогла бы система поощрения педагогических работников, основанная на эффективности преподавания, оцениваемой в соответствии с качеством усвоения обучающимися образовательных программ.

¹ Приказ Министерства образования Тульской области от 10.10.2020г. N1419 «Об утверждении Концепции непрерывного профессионального развития педагогических работников Тульской области».

² Приказ Министерства образования Тульской области от 21.09.2020г. N 1185 «Об организации деятельности региональных инновационных площадок»

³ Официальный сайт проекта «УчимЗнаем» / региональная инновационная площадка «УчимЗнаем – Тульская область» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://uchimznaem.ru/rp/tulskaya-oblast/> (дата обращения: 16.07.2022).

⁴ Результаты мониторинга основных образовательных программ 2021г. / Центр оценки качества образования ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ipk-tula.ru/napravleniya-deyatelnosti/otsenka-kachestva-obrazovaniya/doc/500/monitoring2021.pdf> (дата обращения: 16.07.2022).

Немаловажными факторами эффективного управления образовательной организацией являются, как уже было указано, меры поддержки, оказываемые региональным министерством. С утверждением новых целей национального проекта «Образование» и появлением системы адресной поддержки образовательных организаций с низкими результатами образования такую поддержку стали получать, в первую очередь, образовательные организации, остро в ней нуждающиеся. В ходе социологического опроса респондентам были предложены возможные меры адресной помощи, способные повысить качество образования в таких школах. По мнению респондентов, наиболее эффективными являются разработка и реализация «дорожной карты» адресной помощи конкретной общеобразовательной организации – так считают 57,7 % респондентов (187 чел.). Еще 45,7 % респондентов считают, что повышению качества образования посредством оказания адресной поддержки способствует закрепление за образовательной организацией куратора из числа опытных методистов или руководителей общеобразовательных организаций с высокими показателями.

По данным Управления образованием администрации города Тулы в 2021 г. «дорожные карты» адресной методической помощи и кураторы были утверждены для 14 образовательных организаций из 14 муниципальных образований региона, в 2022 г. – для 14 общеобразовательных организаций из 11 муниципальных образований региона¹. Таким образом, меры, выбранные респондентами в качестве наиболее эффективных, на данный момент успешно реализуются в регионе.

Все вышеуказанные меры повышения качества управления образовательными организациями – непосредственные компетенции высшего исполнительного органа региона, уполномоченного по вопросам управления образованием, т.е. Министерства образования Тульской области.

На основании проведенного исследования сформируем ряд рекомендаций по совершенствованию механизмов управления развитием общеобразовательных организаций региона:

- обеспечить всестороннюю и адресную материально-техническую и методическую поддержку перехода общеобразовательных организаций региона на электронный документооборот, который рекомендован федеральным законом от 14 июля 2022 года № 298-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»;

- сформировать единые методические рекомендации по разработке и реализации основных образовательных программ в регионе, установить меры контроля за исполнением указанных рекомендаций и меры ответственности за их неисполнение, сформировать систему предупреждения неисполнения разработанных рекомендаций;

- сформировать единый стандартизированный и унифицированный пакет нормативных локальных актов по организации образовательного процесса, оказывать всестороннюю и адресную методическую и материально-техническую поддержку по внедрению и исполнению таких актов;

- сформировать единую стандартизированную и унифицированную систему оценивания образовательных результатов, строго регламентированную и понятную всем участникам образовательного процесса, обеспечить формирование мер контроля за ее соблюдением, оказывать всестороннюю поддержку внедрения такой системы в образовательные организации региона;

- сформировать единую систему мер дополнительного материально стимулирования педагогических работников по результатам усвоения обучающимися основных образовательных программ, разработать единую методику контроля реального, а не номинального уровня усвоения обучающимися образовательных программ.

Список источников

1. Волков В. Н. Тенденции развития инновационной инфраструктуры системы общего образования в России // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2020. № 174. С. 17–25.
2. Бордовский Г. А., Нестеров А. А., Трапицын С. Ю. Управление качеством образовательного процесса: Монография. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 169 с.
3. Баранова И. И., Гоголева И. В., Дмитриенко Н. А., Захарова Т. В., Золотарева Л. Р., Куцова Э. Л., Моисеева А. А., Полозенко О. В., Саблин Д. А., Стародуб В. В., Юрина Е. Н., Якушева С. Д. Актуальные проблемы отечественного образования: теория и практика: Монография [под ред. С.Д. Якушевой]. Новосибирск: Изд. СибАК, 2014. 160 с.

¹ Проект 500+ / Официальный сайт Управления образования администрации г. Тулы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://uotula.ru/i-r1/proekt-500/> (дата обращения: 16.07.2022).

4. Горева О. М., Осипова Л. Б. Управление системой образования в условиях повышения качества обучения // *Современные проблемы науки и образования*. 2019. № 1.
5. Баранова Г. А. Подготовка учителя к применению в образовательном процессе интерактивных технологий и цифровых образовательных ресурсов (в условиях реализации федерального государственного стандарта) // *Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК И ППРО ТО»*. Тульское образовательное пространство, 2022. С. 103–106.
6. Корчинская Т. И. Особенности управления современным учреждением образования: методы управления и виды управленческих функций / *Проблемы и перспективы развития экономики и управления*. Новосибирск: Изд. «Априори», 2019. 228 с. С. 206–211.
7. Медведева Н. В. Инновационный подход к управлению системой образования // *Материалы Ивановских чтений*. 2018. Т. 1. № 2. С. 96–100.
8. Волков В. Н. Кадровая политика общеобразовательного учреждения как основа достижения нового качества общего образования / *Кадровая политика школы: сборник* / сост. В.Н. Волков; под ред. И.В. Гришиной. СПб.: СПб АППО, 2019. С. 10–37.
9. Клячко Т. Л. Образование в России: основные проблемы и возможные решения. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 48 с.
10. Попова Н. А. Инновационная школа: управленческие аспекты деятельности в условиях изменения парадигмы образования // *Современная высшая школа: инновационный аспект*. 2018. № 2. С. 97–101.

References

1. Volkov V. N. Trends in the development of innovative infrastructure of the general education system in Russia. *Izvestia of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen University*. 2020;(174):17–25. (In Russ.)
2. Bordovsky G. A., Nesterov A. A., Trapitsyn S. Yu. *Quality management of the educational process*: Monograph. St. Petersburg: A.I. Herzen State Pedagogical University; 2019. 169 p. (In Russ.)
3. Baranova I. I., Gogoleva I. V., Dmitrienko N. A., Zakharova T. V., Zolotareva L. R., Kutsova E. L., Moiseeva A. A., Polozenko O.V., Sablin D. A., Starodub V. V., Yurina E. N., Yakusheva S. D. *Actual problems of domestic education: theory and practice*: Monograph. S.D. Yakusheva (ed.). Novosibirsk: SibAK Publishing House; 2014. 160 p. (In Russ.)
4. Goreva O. M., Osipova L. B. Management of the education system in terms of improving the quality of education. *Modern problems of science and education*. 2019;(1). (In Russ.)
5. Baranova G.A. Teacher training for the use of interactive technologies and digital educational resources in the educational process (in the context of the implementation of the federal state standard). *Bulletin of GO DPO TO "IPK And PPRO TO"*. Tula Educational space, 2022: 103–106. (In Russ.)
6. Korchinskaya T. I. Management features of a modern educational institution: management methods and types of managerial functions. In: *Problems and prospects of economic and management development*. Novosibirsk: Publishing House "A Priori"; 2019. 228 p. P. 206–211. (In Russ.)
7. Medvedeva N. V. *Innovative approach to the management of the education system*. Materials of the Iva-novo readings. 2018;1(2):96–100. (In Russ.)
8. Volkov V. N. Personnel policy of a general education institution as a basis for achieving a new quality of general education. In: *Personnel policy of the school: a collection* / comp. V. N. Volkov; edited by I. V. Grishina. St. Petersburg: SPb APPO; 2019:10–37. (In Russ.)
9. Klyachko T. L. Education in Russia: the main problems and possible solutions. Moscow: Publishing House "Delo" of RANEPa; 2019. 48 p. (In Russ.)
10. Popova N. A. Innovative school: managerial aspects of activity in the context of changing the paradigm of education. *Modern Higher school: innovative aspect*. 2018;(2):97–101. (In Russ.)

Информация об авторе

К. Д. Борисова – аспирант, Тульский государственный университет.

Information about the author

Ks. D. Borisova – Postgraduate, Tula State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 20.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 07.09.2023.

Научная статья

УДК 316.444.5

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-292-296>

EDN LUETYC

«Занятость» как базовая категория когнитивных практик восприятия новой социальной реальности

Андрей Михайлович Гуревич

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, gurew@mail.ru

Аннотация: В статье посредством операционализации понятийно-категориального аппарата, наработанного в социально-гуманитарном знании, а также вторичного анализа эмпирических социологических данных, представлены научные и внеаучные когнитивные практики восприятия новой социальной реальности сквозь призму категории «занятость». Сформулированы особенности правового, экономического и социологического подходов к занятости населения. Охарактеризованы основные направления социально-гуманитарного научного дискурса последних лет о перспективах занятости в российском обществе.

Ключевые слова: безработица, гендерное равноправие, государственная социальная политика, занятость, миграция, прекаризация, рынок труда, самозанятость, труд

Для цитирования: Гуревич А. М. «Занятость» как базовая категория когнитивных практик восприятия новой социальной реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 292–296. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-292-296>. EDN LUETYC

Young scientists

Original article

«Employment» as a basic category of cognitive practices for perceiving a new social reality

Andrej M. Gurevich

South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, gurew@mail.ru

Abstract. Through the operationalization of the conceptual and categorical apparatus developed in social and humanitarian knowledge, as well as a secondary analysis of empirical sociological data, the article presents scientific and non-scientific cognitive practices of perceiving a new social reality through the prism of the “employment” category. The features of the legal, economic and sociological approaches to employment of the population are formulated. The main directions of the social and humanitarian scientific discourse of recent years on the prospects for employment in Russian society are characterized.

Keywords: employment, labor, labor market, unemployment, gender equality, self-employment, precarization, migration, state social policy

For citation: Gurevich A. M. «Employment» as a basic category of cognitive practices for perceiving a new social reality. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):292–296. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-292-296>. EDN LUETYC

Тенденции последних трех лет – ограничения на трудовую и бизнес-активность в период пандемии коронавируса, увеличение санкционного давления, уход компаний с иностранным капиталом из России – придают все большее значение исследованию проблем занятости населения, причем в рамках социологического подхода, обращаясь и к вопросам когнитивного восприятия общественным сознанием данного явления.

В научном дискурсе занятость, в основном, определяется как правовая, экономическая и социологическая категория.

Глобальный регулятор – Международная организация труда со времени своего создания в 1919 г. работает над определением различных контекстов занятости населения в мире, не признавая ее товаром, а считая правом любого человека на осуществление своего материального благосостояния и духовного развития в условиях свободы и достоинства, экономической устойчивости и равных возможностей. При этом занятость за годы работы МОТ над восемью основополагающими и четырьмя приоритетными международными конвенциями и декларациями приобретает сегодня следующие ключевые характеристики: полная, продуктивная, достойная и свободно избранная.

Национальный регулятор трактует занятость как деятельность граждан, связанную с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащую законодательству Российской Федерации и приносящую, как правило, им заработок, трудовой доход¹.

Расширительная трактовка вызывает попытки ученых-правоведов, специализирующихся на трудовом праве, уточнить данное понятие. Единства на сегодняшний день в его определении нет, в основном это связано с тем, что одни ученые исходят из позиции, что занятость – есть деятельность гражданина, влекущая за собой приобретение им особого правового статуса, а другие – что занятость является широкой сферой общественных отношений, нуждающейся в регулировании государством посредством правовых норм. Имеются и мнения, которые подчеркивают необходимость сосуществования этих смыслов.

В российской экономической науке также наблюдается двойная смысловая трактовка данной категории. Занятость предстает как жизненная потребность и форма участия человека в производственном процессе, а также как сфера экономических отношений, связанных с обеспечением рабочими местами трудоспособного населения и основная производительная сила общества.

Стоит отметить, что активизация научного дискурса юридической и экономической наук фиксируется в девяностые годы прошлого столетия в связи с изменением государственного и общественного строя, переходу к рыночной форме экономики страны и появлению новых инструментов правового регулирования. Далее, до середины второго десятилетия нового века данная тематика прослеживается скорее в теоретико-методологических частях научных квалификационных работ.

С развитием процессов расширения сферы услуг, изменения принципов закупочной деятельности для государственных и муниципальных заказов, цифровизации и дистанционных форм работы, появлялись новые, нетипичные формы занятости, увеличивалось число самозанятых граждан. В этой связи возникла необходимость с одной стороны – институционализации и регулирования различных практик инициативной экономической деятельности граждан, а с другой – научного осмысления происходящих в обществе и хозяйстве страны процессов, что повлекло за собой новый виток публикаций правоведов и экономистов.

Занятость с точки зрения социологического подхода играет социализирующую роль, определяющую самореализацию каждого индивида, развитие его профессиональных возможностей, актуализацию его важнейших социальных потребностей в уважении, признании, сопричастности, в полноценном раскрытии его личности. Трудовые же усилия общественных масс создают основное богатство общества, являются источником национального и мирового прогрессивного развития.

Социальные функции занятости, ее влияние на изменение структуры общества, миграционные процессы, гендерные диспропорции в оплате труда, престижность профессий и их перспективность в будущем, раскрытие в трудовой деятельности образовательного потенциала, развитие семейного института, направления государственной социальной политики, прекаризация – основные векторы социологического дискурса трех последних десятилетий.

Начиная с 2020 г., в стране и мире происходят серьезные трансформационные процессы, связанные со становлением новой социальной реальности (усилением не всегда конструктивной и созидательной деятельности активности правозащитных движений, особенно женских, появлением культуры отмены, локдауном, разрывом социальных связей, неопосредованных коммуникаций, самоизоляцией) и нового мирового порядка (поляризацией и конфронтацией интересов мировых держав, санкционным давлением, разрывом международных хозяйственных связей).

¹ Закон РФ от 19.04.1991 N 1032-1 (ред. от 28.12.2022) "О занятости населения в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422038&dst=100009#Hcl9AoTUN40YUXJL1>

Вся совокупность указанных неблагоприятных трендов вызвала серьезную рефлексию представителей академического сообщества, публичных интеллектуалов, журналистов, политических и общественных деятелей, медиаперсон и обывателей. Эта рефлексия активизировала многочисленные когнитивные практики, генерируемые сообществами людей, заинтересованных в познавательной деятельности.

Когнитивные практики – есть совокупность познавательных средств, направленных как на обновление методологии познания, так и обращающихся к человеческой личности и социальной реальности как целостности в текущем моменте. Когнитивные практики могут быть научными и вненаучными. По мнению А.В. Майкова научная когнитивная практика отличается тем, что предполагает специализированность и эмпириоскопичность, а вненаучная – представлена различными формами обыденного и профессионального познания и может концентрироваться в пространствах многочисленных публичных текстов [1].

Хорошим обобщением результатов вненаучных когнитивных практик является анализ общественного мнения по наиболее волнующим население вопросам. Чем же является занятость в общественном сознании сегодня и как эта категория отражается в общественном мнении?

Прежде всего, для россиян занятость – это основной источник средств к существованию, который в трудные времена страшно потерять. При этом страх безработицы перманентен для российского общества, особенно он силен в кризисных обстоятельствах. Так было во время валютного кризиса в середине десятилетия, а также в период пика пандемии коронавируса.

Согласно Национальному индексу тревожностей россиян в 2020 г. потеря работы стала главной фобией во втором квартале и сохранила лидирующие позиции в третьем, видоизменившись в последующие периоды в страх перед падением уровня доходов и жизни¹.

При этом данные страхи распространены среди сотрудников частных компаний. В докладе, представленном Фондом Общественного Мнения в 2022 г. на Грушинской конференции, 27 % таких работников выступают в качестве респондентов, высказывающих опасения о потере работы. При этом только 17% работников госсектора солидарны с ними. Это разделение заметно и в отношении сокращения зарплаты (34 % против 25 %), закрытия предприятия (24 % против 12 %), ухудшения материального положения (42 % против 35 %) и наличия разнообразных проблем на своем предприятии (57 % против 27 %) [2].

Люди на многое готовы идти ради сохранения собственной занятости, при том, что 74 % не довольны размером своей зарплаты. Это такие стратегии как обучение и повышение квалификации (71 %), готовность работать по другой специальности (46 %), соглашаться на меньшую зарплату (47 %) или больший объём работы (48 %)². При этом большинство россиян удовлетворены характером своей работы (73 %), ее графиком (83 %) и уровнем загрузки (66 %), отношениями с коллективом (90 %) и начальством (77 %) [2].

Соответственно, занятость и труд – являются ведущими ценностями и целевыми установками россиян. В прошлом году Президент РФ утвердил своим Указом «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей» список традиционных ценностей, в числе которых упоминается и «созидательный труд», а ранее – в 2020 г. Глава государства утвердил национальные цели, которые регулярно становятся предметом мониторингового исследования ВЦИОМ. По данным апрельского опроса, россияне высоко оценивают важность национальных целей, а первое место они отдают цели «Достойный и эффективный труд и успешное предпринимательство» – средний индекс важности по ней составил 84,5 п. из 100 возможных³. Опросы ФОМ подтверждают приведенные выше данные – 64 % россиян считают, что все трудоспособные люди должны работать⁴.

Характерно, что россияне не стремятся присвоить себе все ресурсные возможности рынка труда. Как показали опросы этого года, 47 % граждан убеждены, что трудовая миграция – это положительное явление для нашей страны, а показатель этого года в разы превышает предыдущие замеры.

¹ Основные тревожности в II квартале 2020 года // <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/1206/>;
Основные тревожности в III квартале 2020 года // <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/1231/>

² Что российские работники думают о своих трудовых перспективах в условиях кризисов // <https://fom.ru/Экономика/14728>

³ Национальные цели – 2023 // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-celi-2023>

⁴ Отношение к своей работе // <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14472>.

Причем такое мнение распространено и в городской, и в сельской среде. Более лояльны к мигрантам молодежь и люди с хорошими доходами¹.

Нужно отметить, что и сами россияне готовы в поисках работы менять свое место жительства. Более трети наших сограждан рассматривают возможность переезда в другой регион для трудоустройства при наличии интересных предложений (38 %), еще 27 % допускают переезд только при исключительных обстоятельствах. В общей сложности 65 % опрошенных в той или иной степени открыты к смене региона проживания ради занятости².

Почти половина населения – 47 % так же решительно настроена и в отношении смены своей сферы деятельности/специальности. Очевидно, что присутствует корреляция с данными о том, что большая часть занятых – 54 % работают не по специальности, полученной в вузе или ССУЗе, то есть не могут капитализировать свои знания и навыки³. Да и видение будущего рынка труда и занятости корректируется сегодня представлениями о развитии научно-технического прогресса, автоматизации и роботизации труда. 36 % населения уверены в том, что многие профессии в будущем отомрут и с большей вероятностью это будут рабочие профессии, несмотря на их сегодняшнюю востребованность⁴.

Занятость на удаленке после локдауна позитивно оценивается 82 % респондентов. 65 % трудящихся из тех, кто в настоящее время работает в дистанционном формате, говорят о том, что сами его инициировали. Причем комфортность такого формата подчеркивают представители всех возрастных групп, особенно отмечая возможность совместить рабочие и домашние дела⁵.

Связка занятость и гендерное равенство также претерпела некоторые изменения. Мнение о том, что и мужчины, и женщины в равной степени бывают хорошими руководителями уже разделяют 47 % россиян, то есть каждый второй, а 73 % наших сограждан полагают, что представители обоих полов в равной степени могут быть хорошими работниками⁶.

Для молодежи занятость и возможность трудиться – сложная задача, причем трудоустройство возглавляет перечень основных трудностей молодых людей, об этом заявляют 39 % опрошенных. Причем актуальность этой проблемы в 2023 г. в сравнении с 1991 г. стала выше в два раза (18 %)⁷.

Связь поколений в отношении занятости прослеживается при ответах на вопросы, связанные с неофициальными выплатами заработной платы, так называемыми «серыми» зарплатами. 67 % россиян не одобряют такие практики работодателей, считая (27 % ответов), что в перспективе это осложнит ситуацию с пенсионными накоплениями⁸.

Самозанятость – практика, к которой наши граждане относятся с пониманием и лояльностью. Половина населения считают важным заключить официальный договор с работающим исполнителем, даже если это увеличит стоимость его услуг. А в отношении платежей самозанятых в государственные фонды та же половина считает необходимым предоставить им право самостоятельного решения⁹.

Обращение к репрезентации в общественном сознании проблемы занятости дает возможность заключить, что занятость – есть ценность скорее материального порядка, а также основная фобия россиянина в кризисные периоды. Нельзя сказать, что занятость у россиян в полной мере преломляется в представления о реализации личностного потенциала, профессиональном деле жизни. Однако эта ценность диктует россиянам необходимость гибкости и адаптивности, лояльности, выхода из зоны комфорта, мобильности в случае необходимости.

¹ Иммигранты в России: за и против // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv>.

² На Севере работать, на Севере жить! // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/na-severe-rabotat-na-severe-zhit>.

³ Отношение к своей работе // <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14472>.

⁴ Работа в будущем // <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14537>.

⁵ Один из дома: удаленка в постпандемической жизни // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odin-iz-doma-udalenka-v-postpandemicheskoi-zhizni>.

⁶ Мужчина и женщина: мониторинг // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/muzhchina-i-zhenshchina-monitoring>.

⁷ Образ российской молодежи: мониторинг // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring>.

⁸ Отношение к практике неофициальной зарплаты // <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14454>.

⁹ Самозанятые в России: как защитить их социальные права? // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/samozanjatye-v-rossii>

Научные когнитивные практики дают такой спектр перспектив занятости населения:

- межотраслевые сдвиги, связанные с выходом на пенсию работников физического труда, автоматизацией тяжелого и вредного производства, а также большим выбором молодежью профессий, связанных со сферой обслуживания и не требующих высокого уровня образования;
- высвобождение иностранной рабочей силы, в том числе в связи с внешнеполитической ситуацией;
- дефицит работников по отдельным видам профессий, требующих средней и низкой квалификации, как например: средний медицинский персонал, рабочие в сфере строительства, технические специалисты на промышленных производствах [3].

Наконец, в глобальном масштабе перспективы занятости из нынешнего 2023 года выглядят следующим образом:

- переоценка после пандемии коронавируса национальными правительствами роли труда «ключевых» работников, к которым относятся работники продовольственной системы, здравоохранения, розничной торговли, служб безопасности, физического труда, уборки и санитарии, транспортной системы, а также технические и конторские работники;
- борьба с проблемами указанных работников: повышенными рисками по охране труда, зависимостью от временных контрактов, продолжительным и ненормированным рабочим днем, низкой оплатой труда, недостаточным представительством интересов через объединение в профсоюзы, дефицитом социальной защиты и недостаточной профессиональной подготовкой;
- регулирование посредством правовых инструментов защиты безопасности и здоровья, рабочего времени, уровня заработной платы, объема социальной защиты, своевременности обучения ключевого персонала;
- усилия национальных правительств сосредоточатся на инвестициях в институты рынка труда, в здравоохранение и долгосрочный уход, в устойчивые продовольственные системы и предприятия¹.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует многослойность и взаимосвязанность дискурсивных ракурсов осмысления проблем занятости, значимость всего многообразия когнитивных практик и необходимость расширения стратегического социального диалога между всеми заинтересованными сторонами в рамках совместной экспертизы и разработки дорожных карт, позволяющих выявлять и устранять недостатки кадрового обеспечения ключевых секторов народного хозяйства и повышать социально-экономическую и политическую стабильность общественного и государственного организмов в текущей ситуации и в перспективе.

Список источников

1. Майков А.В. Наука и внеаучные когнитивные практики. Автореф. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2006.
2. Преснякова Л. Работник и рынок труда: страхи, установки, поведение // https://media.fom.ru/fom-static/инФОМ_Груша_22_рынок_труда.pdf
3. Кашепов А.В. ПОСТ-СССР: экономика, занятость и демография : монография. М.: МАКС Пресс, 2023. 360 с.

References

1. Maikov A. V. *Science and extra-scientific cognitive practices*. Autoref. ... cand. philos. sciences'. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)
2. Presnyakova L. *Employee and labor market: fears, attitudes, behavior*. Available from: https://media.fom.ru/fom-static/инФОМ_Груша_22_рынок_труда.pdf (In Russ.)
3. Kshepov A. V. *POST-USSR: economics, employment and demography*: monograph. Moscow: MAK Press, 2023. 360 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. М. Гуревич – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. M. Gurevich – Postgraduate at the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – Branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 07.09.2023. The article was submitted 20.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 07.09.2023.

¹ World employment and social outlook 2023: The value of essential work. ILO; Geneva; 2023 // <https://www.ilo.org/digitalguides/en-gb/story/weso2023-key-workers#home>

Научная статья

УДК 323+324

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-297-304>

EDN VSEECG

Влияние сетевых инструментов коммуникации на отношение избирателей к выборам как социально-политическому институту

Михаил Александрович Роговенко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматривается влияние сетевых инструментов коммуникации на отношение избирателей к выборам как социально-политическому институту, переход гражданской активности в сетевые структуры, наращивание соответствующего участия в данном процессе различных социально-политических институтов и государственных структур, отношение граждан к дистанционному электронному голосованию, способы и методы распространения информации о выборах посредством сетевых коммуникаций и воздействие данного процесса на гражданскую активность населения.

Ключевые слова: выборы, гражданская активность, дистанционное электронное голосование, избирательный процесс, избиратели, информация, органы власти и управления, сетевые институты, сетевые инструменты коммуникации, социально-политические институты, социальные сети

Для цитирования: Роговенко М. А. Влияние сетевых инструментов коммуникации на отношение избирателей к выборам как социально-политическому институту // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 297–304. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-297-304>. EDN VSEECG

Young scientists

Original article

Impact of network communication tools on the attitude of voters to the elections as social and political institute

Mikhail A. Rogovenko

South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article examines the influence of network communication tools on the attitude of voters towards elections as a socio-political institution, the transition of civic activity to network structures, increasing the appropriate participation in this process of various socio-political institutions and government structures, the attitude of citizens towards electronic voting, methods and methods of dissemination information about elections through network communications and the impact of this process on the civic activity of the population.

Keywords: network institutions, socio-political institutions, civic engagement, elections, electoral process, electronic voting, information, social networks, network communication tools, voters, authorities and management

For citation: Rogovenko M. A. Impact of network communication tools on the attitude of voters to the elections as social and political institute. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):297–304.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-297-304>. EDN VSEECG

Государственные органы и структуры активно увеличивают свое присутствие в цифровой среде при одновременном наращивании верификации граждан в соответствующих информационных системах, например, таких как: Госуслуги (<https://www.gosuslugi.ru>), Госуслуги Москвы (<https://www.mos.ru>), ФНС (<https://www.nalog.gov.ru>) и др.

Точек соприкосновения государственных структур с населением, в том числе по вопросам, являющимся важными и необходимыми как для государства, так и для отдельных категорий граждан, очевидно, становится все больше¹. И если дистанционная коммуникация на бытовом уровне с бюджетными учреждениями, например, сферы здравоохранения или образования, уже давно не вызывает удивления – запись к врачу или направление заявления в районный отдел образования – уже привычное дело, то подача заявления через Госуслуги о желании проголосовать на соответствующем избирательном участке, а тем более проголосовать дистанционно – для части населения в новинку. Вследствие чего в среде экспертного сообщества возникает ожидаемая полемика [2–3]. С одной стороны, проголосовать на выборах дистанционно через личный кабинет удобно для всех: и для избирателей, которым не нужно идти на избирательный участок, и для организаторов выборов – сокращение организационных издержек, простота и оперативность подсчета результатов голосования, да и сам избирательный процесс становится технологичнее. С другой – с каждым годом все больше людей становятся пользователями сетевых инструментов коммуникации при одновременном их упрощении и расширении технологического функционала. Простые мессенджеры получают элементы социальных сетей и новостных агрегаторов, и, наоборот, казалось бы, привычные социальные сети активно внедряют коммуникационные принципы с возможностью формирования всеми желающими новостного контента на около-профессиональной основе. Активное присутствие государственных органов в таких сетевых сообществах в глазах пользователей во многом легитимизирует размещаемую там информацию [4–6]. Получается такой мощный, со всеми своими плюсами и минусами, «симбиоз» сетевых информационно-коммуникационных структур, потребностей людей и функций государства. Более того, переход гражданской активности в сетевые структуры логичным образом, но с небольшой задержкой, стимулирует и соответствующую трансформацию различных социально-политических институтов, в том числе и такого важного, как выборы. То есть наблюдаются очевидные преобразования главной точки соприкосновения государства и населения – момент выдачи от избирателей мандата для органов власти на осуществление властно-управленческих функций, что является основой системы функционирования государства².

С целью изучения вышеуказанных вопросов с участием автора осуществлено социологическое исследование электорального состояния избирателей, проживающих на территории Ростовской области. Исследование проводилось в динамике в 2021, 2022, 2023 гг.

Предметом исследования являлось, в том числе, изучение источников получения информации респондентами о выборах, направлений информационно-разъяснительной деятельности избирательных комиссий, отношения жителей к дистанционному электронному голосованию, а также открытости и прозрачности проведения выборов. В качестве основного методологического подхода исследования применялись стандартизированные личные («лицом к лицу») интервью на улицах населенных пунктов в следующих городских округах и муниципальных районах Ростовской области: город Азов, город Батайск, город Волгодонск, город Гуково, город Каменск-Шахтинский, город Новочеркасск, город Новошахтинск, город Ростов-на-Дону, город Таганрог, город Шахты, город Донецк, город Зверево, Азовский район, Аксайский район, Багаевский район, Белокалитвинский район, Волгодонской район, Егорлыкский район, Зерноградский район, Зимовниковский район, Кагальницкий район, Константиновский район, Красносулинский район, Мартыновский район, Матвеево-Курганский район, Миллеровский район, Мясниковский район, Неклиновский район, Орловский район, Пролетарский район, Сальский район, Семикаракорский района, а также районах (внутригородских административно-территориальных единицах) города Ростова-на-Дону. Общее количество опрошенных за весь период исследования составило более 6000 респондентов.

¹ См.: Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ; [1].

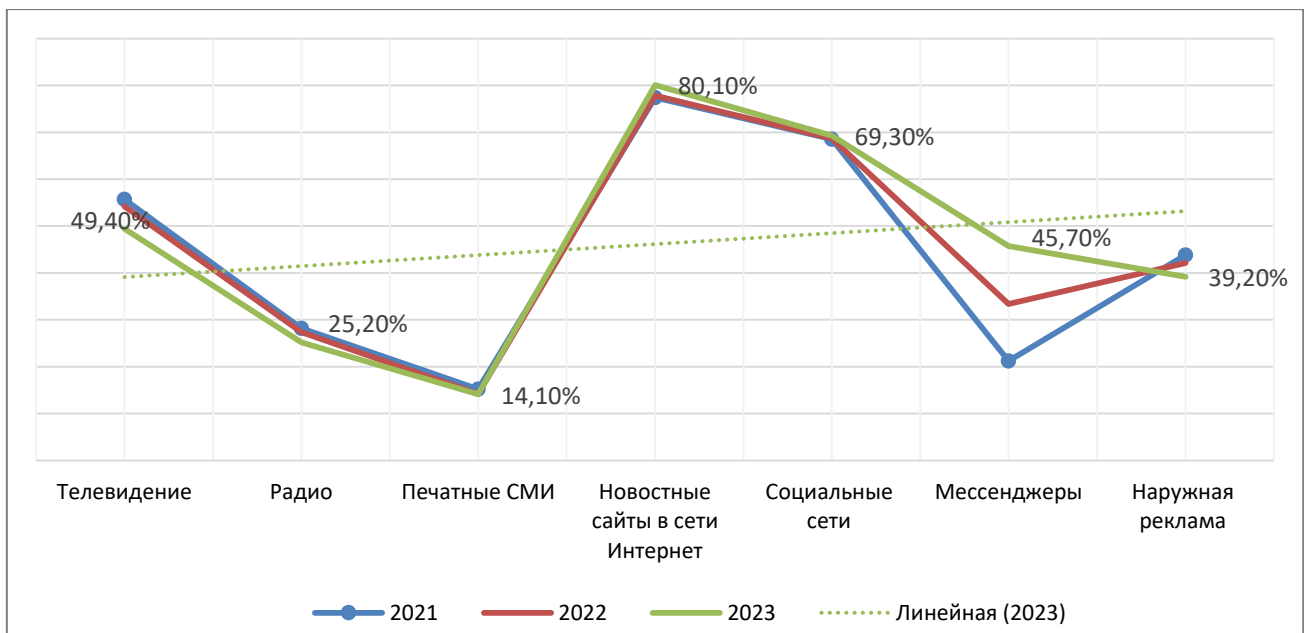
² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), статья 3.

Рассмотрим некоторые результаты данного опроса. В качестве выяснения базовой характеристики – источников информирования, респондентам было предложено ответить на следующий вопрос: «Из каких источников Вы обычно получаете новости и информацию?» (табл. 1).

**Таблица 1 – Из каких источников Вы обычно получаете новости и информацию?
(можно выбрать несколько вариантов ответов)**

Table 1 – From which sources do you usually receive news and information?
(you can choose several answers)

	2021	2022	2023
Телевидение	55,7 %	54,2 %	49,4 %
Радио	28,2 %	27,4 %	25,2 %
Печатные СМИ	15,2 %	14,2 %	14,1 %
Новостные сайты в сети Интернет	77,4 %	77,8 %	80,1 %
Социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники и т.п.)	68,5 %	68,7 %	69,3 %
Информационные каналы в мессенджерах (Телеграм и т.п.)	21,2 %	33,4 %	45,7 %
Наружная реклама	43,8 %	42,1 %	39,2 %

*Рис. 1. Из каких источников Вы обычно получаете новости и информацию?
(можно выбрать несколько вариантов ответов)*

*Fig. 1. From which sources do you usually receive news and information?
(you can choose several answers)*

Как видно из представленных данных четко прослеживается тренд на увеличение доли респондентов, получающих информацию и новости из социальных сетей, в особенности мессенджеров (рост за три года составил более чем 24 п.п.).

Далее респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Из каких источников Вы обычно получаете информацию о выборах?» (табл. 2).

Самыми распространенными источниками получения информации о выборах участники опроса назвали наружную рекламу, Интернет и телевидение.

Распределение результатов ответов на вопрос «Какие направления информационно-разъяснительной деятельности избирательных комиссий для Вас были бы наиболее интересны и полезны?» представлено в табл. 3.

**Таблица 2 – Из каких источников Вы обычно получаете информацию о выборах?
(можно выбрать несколько вариантов ответов)**

Table 2 – From which sources do you usually get information about elections?
(you can choose several answers)

	2021	2022	2023
Телевидение	55,8 %	54,3 %	55,12 %
Газеты	13,2 %	13,3 %	12,9 %
Радио	28,3 %	27,4 %	28,1 %
Информационные мероприятия избирательных комиссий	38,4 %	38,2 %	39,3 %
Интернет	55,3 %	58,1 %	62,5 %
Беседы с коллегами, друзьями, родственниками	12,2 %	13,4 %	13,2 %
Случайные источники	7,1 %	7,5 %	8,1 %
Наружная реклама	67,4 %	68,2 %	67,7 %
Видеоролики	16,9 %	15,4 %	16,0 %

**Таблица 3 – Какие направления информационно-разъяснительной деятельности избирательных комиссий для Вас были бы наиболее интересны и полезны?
(можно выбрать несколько вариантов ответов)**

Table 3 – Which areas of information and explanatory activities of election commissions would be most interesting and useful for you? (you can choose several answers)

	2021	2022	2023
Информирование через телевидение	44,2 %	42,1 %	37,4 %
Информирование через печатные СМИ (газеты, журналы и т.п.)	14,2 %	12,2 %	9,8 %
Информирование через социальные сети	63,3%	66,3 %	74,5 %
Информирование через информационные каналы в мессенджерах (Телеграм и т.п.)	39,7 %	48,2 %	59,4 %
Информирование через видеохостинги (Ютуб, Рутуб, и т.п.)	55,2 %	55,8 %	57,4 %
Проведение выставочных мероприятий	18,1 %	15,3 %	12,2 %
Использование наружных средств информирования	62,4 %	60,2 %	55,4 %
Распространение листовок, буклетов	31,3 %	27,2 %	21,4 %

Рис. 2. Какие направления информационно-разъяснительной деятельности избирательных комиссий для Вас были бы наиболее интересны и полезны? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

Fig. 2. Which areas of information and explanatory activity of election commissions would be most interesting and useful for you? (you can choose several answers)

Сопоставление результатов ответов избирателей на данный вопрос свидетельствует о существенном интересе респондентов к получению соответствующей информации от избирательных комиссий по таким каналам коммуникации, как социальные сети (74,5 %) и информационные каналы в мессенджерах (59,4 %). При этом положительная динамика за три года по данным направлениям составила 11,2 п.п. и 19,7 п.п. соответственно.

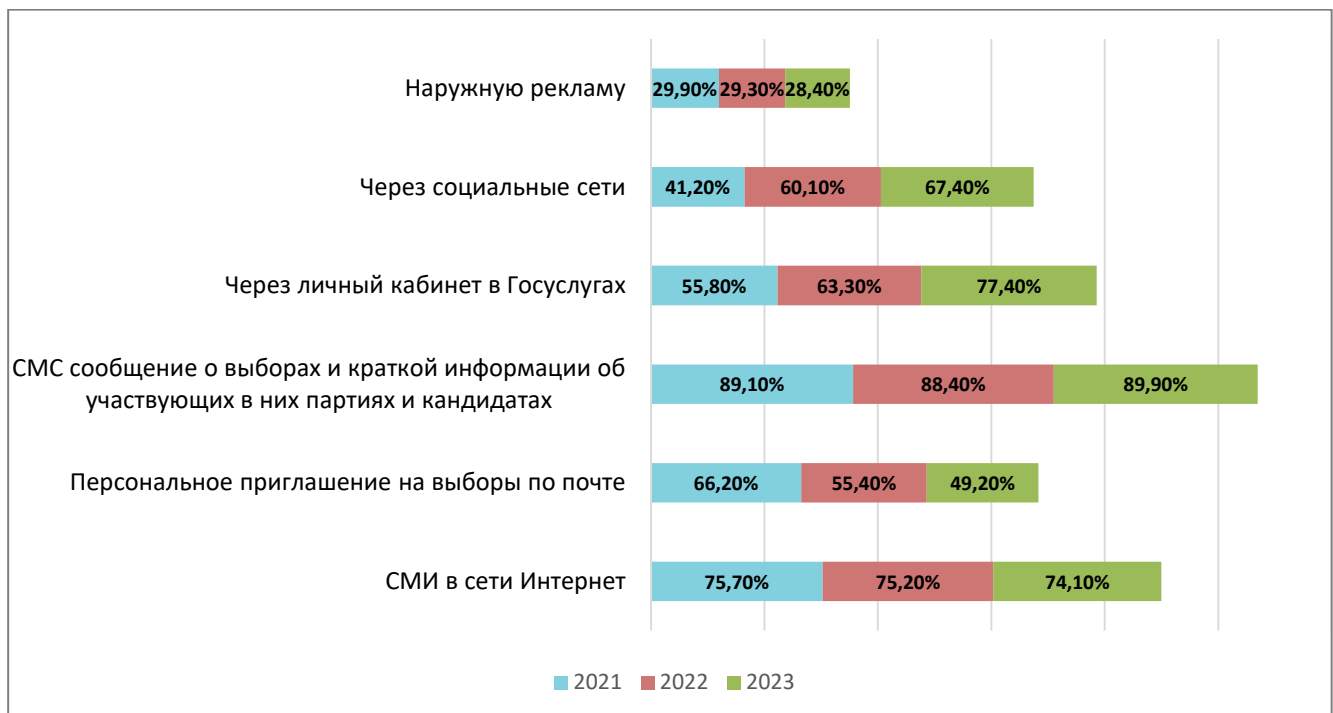
Интересно распределились ответы респондентов на вопрос о форме получения приглашения на выборы (табл. 4):

**Таблица 4. В какой форме Вам бы хотелось получать приглашение на выборы?
(можно выбрать несколько вариантов ответов)**

*Table 4. In what form would you like to receive an invitation to the elections?
(you can choose several answers)*

	2021	2022	2023
СМИ в сети Интернет	75,7 %	75,2 %	74,1 %
Персональное приглашение на выборы по почте	66,2 %	55,4 %	49,2 %
СМС сообщение о выборах и краткой информации об участвующих в них партиях и кандидатах	89,1 %	88,4 %	89,9 %
Через личный кабинет в Госуслугах	55,8 %	63,3 %	77,4 %
Через социальные сети	41,2 %	60,1 %	67,4 %
Наружную рекламу	29,9 %	29,3 %	28,4 %

Из табличных данных видно, что существенной динамике также подвержены такие формы приглашения на выборы как: «Через личный кабинет в Госуслугах» (рост за три года составил 21,6 п.п.) и «Через социальные сети» (рост за три года составил 26,2 п.п.).

*Рис 3. В какой форме Вам бы хотелось получать приглашение на выборы?
(можно выбрать несколько вариантов ответов)*

*Fig. 3. In what form would you like to receive an invitation to the elections?
(you can choose several answers)*

Блок вопросов, относящихся к возможности дистанционного электронного голосования, показал следующие результаты (табл. 5):

Таблица 5 – Как вы относитесь к возможности дистанционного электронного голосования?

Table 5 – How do you feel about the possibility of remote electronic voting?

	2021	2022	2023
Положительно	46,2 %	55,1 %	61,1 %
Отрицательно	42,3 %	36,2 %	28,5 %
Затрудняюсь ответить	11,5 %	12,3 %	10,4 %

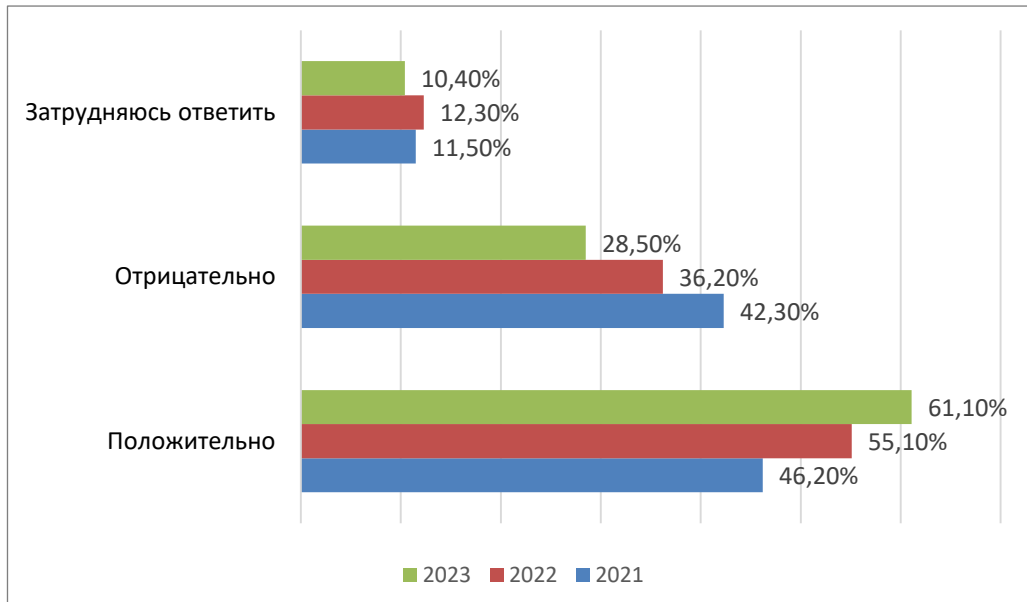

Рис. 4. Как вы относитесь к возможности дистанционного электронного голосования?

Fig. 4. How do you feel about the possibility of remote electronic voting?

Отметим, что зафиксирован рост положительных оценок со стороны респондентов о возможности дистанционного электронного голосования (+14,9 п.п.). А в качестве преимуществ такой формы голосования избиратели выделяют: простоту голосования (62,1%); возможность подведения итогов голосования в «режиме реального времени» (58,2 %), а также прозрачность и объективность при подсчете голосов (36,2 %).

Таблица 6. Какие, на ваш Взгляд, преимущества дает дистанционное электронное голосование? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

Table 6. What advantages do you think remote electronic voting provides? (you can choose several answers)

	2021	2022	2023
Простота в голосовании	44,8 %	53,4 %	62,1 %
Прозрачность и объективность при подсчете голосов	32,1 %	33,7 %	36,2 %
Возможность подведения итогов голосования в режиме «реального времени»	36,4 %	44,2 %	58,2 %
Персональная ответственность избирателей за результат	6,0 %	12,0 %	18,4 %

При этом, по мнению опрошенных избирателей, способствовать открытости и прозрачности проведения выборов могут такие факторы как: использование современных информационных технологий контроля хода выборов и передачи данных (68,2 %), а также подсчет результатов голосования и подведение итогов выборов в режиме «реального времени» (61,7 %) (табл.7).

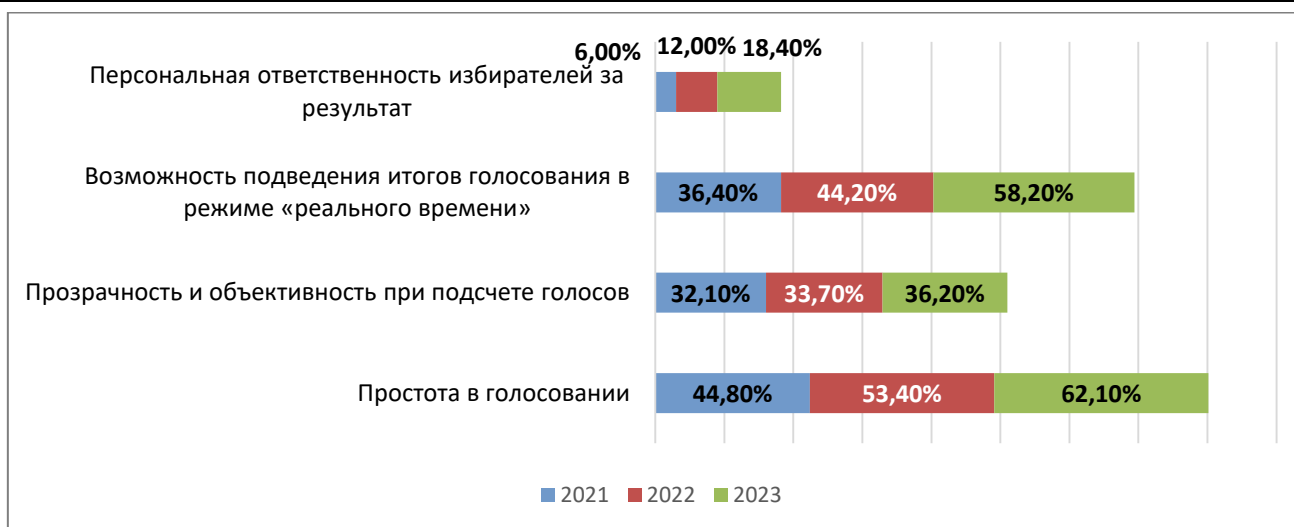

Рис. 5. Какие, на ваш Взгляд, преимущества дает дистанционное электронное голосование? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

Fig. 5. What advantages do you think remote electronic voting provides? (you can choose several answers)

Таблица 7 – Что, по Вашему мнению, будет способствовать открытости, прозрачности проведения выборов? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

Table 7 – What, in your opinion, will contribute to the openness and transparency of the elections? (you can choose several answers)

	2021	2022	2023
Упрощение способа регистрации в качестве кандидатов, предоставление такой возможности всем желающим	55,2 %	57,3 %	63,4 %
Усиление реального общественного контроля за процессом выборов и подведения их результатов	22,8 %	36,3 %	47,3 %
Использование современных информационных технологий контроля хода выборов и передачи данных	52,4,5 %	59,3 %	68,2 %
Подсчет результатов голосования и подведение итогов выборов в режиме «реального времени»	39,4 %	44,2 %	61,7 %

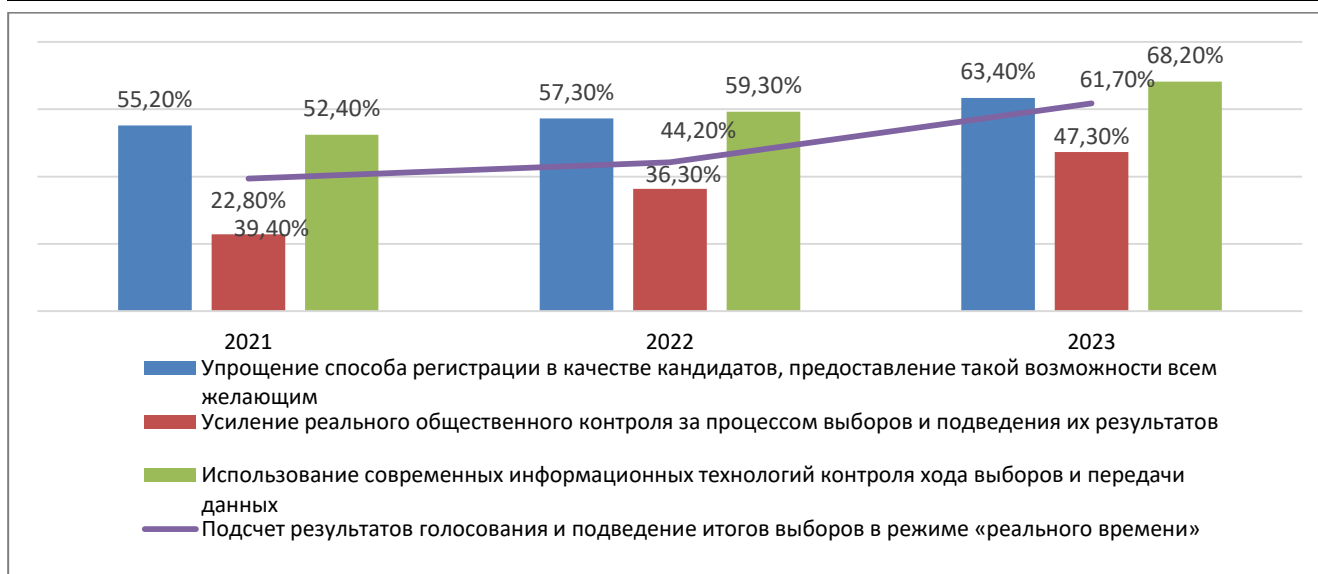

Рис. 6. Что, по Вашему мнению, будет способствовать открытости, прозрачности проведения выборов? (можно выбрать несколько вариантов ответов)

Fig. 6. What, in your opinion, will contribute to the openness and transparency of the elections? (you can choose several answers)

На основании проведенного исследования представляется возможным сделать ряд промежуточных выводов:

- переход гражданской активности в сетевые структуры логичным образом стимулирует соответствующую трансформацию различных социально-политических институтов, в том числе и такого важного института – как выборы. Наблюдаются очевидные преобразования ключевой точки соприкосновения государства и населения – момент выдачи от избирателей мандата для органов власти на осуществление властно-управленческих функций;

- влияние сетевых инструментов коммуникации на отношение избирателей к выборам как социально-политическому институту существенно и претерпевает соответствующие изменения. Данный факт требует более персонифицированного и дифференцированного подхода к информированию избирателей о выборах, в том числе о возможностях и технологических особенностях федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (Госуслуги)¹;

- в целом, положительное отношение избирателей к дистанционному электронному голосованию свидетельствует о готовности граждан участвовать в подобного рода экспериментах и тестировать соответствующую систему. Вместе с тем, на наш взгляд, такой подход сопровождается определенными рисками и наличием узких мест, на которые органам власти, организаторам выборов, активным представителям гражданского общества и исследовательскому сообществу следует обратить самое непосредственное внимание.

Список источников

1. Волков М. А. «Госуслуги» – инструмент развития цифрового общества или игрушка на миллионы? // Финансовая экономика. 2023. № 3. С. 108–112.
2. Алексеев А. А., Белоцеркович Д. В. Понятие, сущность и значение дистанционного электронного голосования // Современное право. 2023. № 5. С. 39–43.
3. Белоногова М. А. Дистанционное электронное голосование в России: современные вызовы и ответы на них. Интернаука. 2023. № 20-4 (290). С. 15–17.
4. Дюсенова Р. Б., Сабыров Н. Б. Гражданские инициативы в социальных сетях как коммуникативные действия между обществом и государством // Сб. конференций НИЦ Социосфера. 2021. № 6. С. 30–38.
5. Тешлек В. Социальные сети и новые медиа как средство продвижения информационной политики государства // Обществознание и социальная психология. 2022. № 7-2 (37). С. 340–346.
6. Григорьева В. В., Аверин А. В. Социальные сети как инструмент коммуникации государства и граждан / Управленческие науки в современном мире. Сборник докладов научной конференции. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М., 2020. С. 442–448.

References

1. Volkov M. A. "Public services" – a tool for the development of a digital society or a toy for millions? *Financial Economics*. 2023;(3):108–112. (In Russ.)
2. Alekseev A. A., Belotserkovich D. V. The concept, essence and meaning of remote electronic voting. *Modern law*. 2023;(5):39–43. (In Russ.)
3. Belonogova M. A. Remote electronic voting in Russia: modern challenges and answers to them. *Internauka*. 2023;20-4(290):15–17. (In Russ.)
4. Dyusenova R. B., Sabyrov N. B. Civil initiatives in social networks as communicative actions between society and the state. *Collections of conferences of SIC Sociosphere*. 2021;(6):30–38. (In Russ.)
5. Teshlek V. Social networks and new media as a means of promoting the information policy of the state. *Social studies and social psychology*. 2022;7-2(37):340–346. (In Russ.)
6. Grigorieva V. V., Averin A.V. Social networks as a communication tool of the state and citizens. In: *Managerial sciences in the modern world. Collection of reports of the scientific conference*. Moscow; 2020:442–448. (In Russ.)

Информация об авторе

М. А. Роговенко – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

M. A. Rogovenko – Postgraduate at the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – Branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 07.09.2023. The article was submitted 20.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 07.09.2023.

¹ Федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (Госуслуги) <https://www.gosuslugi.ru>.

Проектные особенности функционирования региональных отделений партии «Единая Россия» в контексте избирательного цикла 2021 года

Алексей Сергеевич Ярошенко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
alexeyaro46@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7359-2025>

Аннотация. В статье приводится анализ проектной деятельности региональных отделений партии «Единая Россия» в Ростовской области и Ставропольском крае в электоральном цикле 2021 г. Цели исследования заключаются в анализе влияния проектной деятельности «Единой России» на её функционирование в регионах и концептуализации имиджевых и электоральных проектов «Единой России». Исследование проведено на материалах выборов 2021 г. в Ростовской области и Ставропольском крае. Основным инструментом исследования выступили методы прикладного политического анализа. Результатами исследования стали: теоретическая концептуализация имиджевых и электоральных проектов «Единой России», описание конкретных проектов региональных отделений «Единой России» в рамках электорального цикла 2021 г., а также раскрытие функциональной значимости каждого из описанных проектов. Основные выводы исследования заключаются в следующем. Во-первых, различие между имиджевыми и электоральными проектами заключается в целях проектов и периодах их реализации. Во-вторых, электоральные проекты «Единой России» имеют потенциал качественной трансформации в имиджевые, в качестве примера приведен проект «Народная программа». В-третьих, имиджевые проекты зачастую связаны с выполнением «Единой Россией» важных для политической системы страны функций.

Ключевые слова: выборы 2021 года, «Единая Россия», имидж партии, имиджевые проекты, партийные проекты, Ростовская область, Ставропольский край, электоральные проекты

Для цитирования: Ярошенко А. С. Проектные особенности функционирования региональных отделений партии «Единая Россия» в контексте избирательного цикла 2021 года // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 305–311. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-305-311>. EDN PNEJDY

Young scientists

Original article

Design features of the functioning of the regional branches of the «United Russia» party in the context of the 2021 election cycle

Alexey S. Yaroshenko

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
alexeyaro46@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7359-2025>

Abstract. The article provides an analysis of the project activities of the regional branches of the «United Russia» party in the Rostov region and the Stavropol region in the 2021 electoral cycle. The purpose of the study is to analyze the impact of «United Russia's» project activities on its functioning in the regions and the conceptualization of «United Russia's» image and electoral projects. The study was conducted on the materials of the 2021 elections in the Rostov region and the Stavropol region. The main research tool was the methods

of applied political analysis. The results of the study: theoretical conceptualization of the image and electoral projects of «United Russia», a description of specific projects of the regional branches of «United Russia» in the electoral cycle of 2021, disclosure of the functional significance of each of the described projects. The main conclusions of the study are as follows. First, the difference between image and electoral projects lies in the goals of the projects and the periods of their implementation. Secondly, the electoral projects of «United Russia» have the potential for qualitative transformation into image projects, as an example, the project «People's Program» is given. Thirdly, image projects are often associated with the fulfillment by «United Russia» of important functions for the country's political system.

Keywords: «United Russia», electoral projects, image projects, elections in 2021, party image, party projects, Rostov region, Stavropol region

For citation: Yaroshenko A. S. Design features of the functioning of the regional branches of the «United Russia» party in the context of the 2021 election cycle. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):305–311. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-305-311>. EDN PNEJDY

В единый день голосования 19 сентября 2021 г. в Ростовской области и Ставропольском крае прошли выборы федерального, регионального и местного уровней. Это, во-первых, выборы депутатов Государственной Думы VIII созыва. Во-вторых, выборы депутатов Думы Ставропольского края VII созыва, а в Ростовской области – это выборы в Законодательное Собрание VI созыва по одномандатному округу № 20. В-третьих, в Ставропольском крае – это выборы депутатов городских дум Ставрополя, Пятигорска, Кисловодска, Железноводска и Невинномысска. В Ростовской области – это местные выборы в 405 из 463 муниципальных образованиях.

В указанный период Ростовское и Ставропольское региональные отделения «Единой России» реализовывали проекты, которые могут быть отнесены к имиджевым и электоральным. Эти проекты схожи с выделяемыми отечественными исследователями типами политических проектов: процессуальными и технологическими. «Процессуальные проекты ориентированы на конструирование и реализацию электоральных траекторий партиями и кандидатами, технологические проекты нацелены на формирование или изменение имиджей кандидатов, партий, общественных и государственных институтов» [1, с. 10]. С этой точки зрения, имиджевые проекты партии можно соотнести с «технологическими», а электоральные с «процессуальными».

Имиджевые проекты партия реализуют в течении нескольких избирательных циклов, их реализация в целом не привязана к конкретным выборам. Поэтому главная функция имиджевых проектов партии не достижение электоральных результатов, а перманентное формирование и поддержание устойчивого имиджа «Единой России». Отечественные исследователи на примере Московского областного отделения «Единой России» уже доказали, что «реализация партийных проектов – это значимый инструмент формирования имиджа политических организаций» [2, с.31]. Партийные проекты «Единой России» с этой точки зрения важная составная часть имиджевых проектов.

Формирование имиджа партии является составным процессом общего партийного брендинга. «Технология брендинга для политической партии необходима для формирования собственной аудитории будущего политического продукта, товара или услуги» [3, с. 149]. Таким образом, имиджевые проекты – это совокупность последовательных действий, объединенных внутренней логикой, по формированию имиджа, не детерминированная временными рамками конкретных избирательных кампаний, осуществляемых для достижения и удержания власти в целом. К имиджевым проектам партии «Единая Россия» относятся предварительное голосование, конкурс «ПолитСтартап», штабы общественной поддержки (ШОП), партийные проекты, волонтерство. С помощью имиджевых проектов «Единая Россия» не только формирует собственный имидж, который на выборах конвертируется в голоса, но и выполняет важные для политической системы функции.

Напротив, электоральные проекты партии строго детерминированы временными рамками избирательных кампаний и целями по достижению электоральных результатов на конкретных выборах и, как правило, не связаны с выполнением важных для политической системы функций. Важно отметить две особенности электоральных проектов партии. Во-первых, они имеют потенциал качественной

трансформации. Это значит, что электоральные проекты могут становиться долгосрочными имиджевыми механизмами и системными функциями партии «Единая Россия». Во-вторых, электоральные проекты, как и имиджевые, могут быть регулярными. Это значит, что электоральный проект без качественной трансформации в имиджевый может повторяться партией в каждом избирательном цикле. Электоральными проектами «Единой России» в 2021 г. стали отчетная кампания и кампания «Народной программы».

Одним из главных имиджевых проектов «Единой России» является процедура предварительного голосования (ПГ) или «праймериз». Это обязательная в соответствии с уставом процедура определения кандидатов, которых партия будет выдвигать на выборах¹. По сути, праймериз – это внутривнутрипартийные выборы. Как отмечают российские исследователи, «праймериз «Единой России» – это шаг в направлении консолидации партийно-политической системы, важный акт, позволяющий улучшить кадровый состав структур действующей власти, а также поддержать все здоровые политические силы страны» [4, с. 87].

Для «Единой России» ПГ представляет собой инструмент достижения имиджевых, технологических и внутривнутрипартийных задач. Сам факт регулярного проведения ПГ и закрепление в уставе нормы о его обязательности, а также освещение праймериз в СМИ формируют имидж партии «Единая Россия», как открытой и транспарентной политической силы. С помощью ПГ «Единая Россия» мобилизует свой аппарат и проводит ревизию ресурсов перед пиковыми точками избирательных кампаний, а также осуществляет конвекцию партийного электората. ПГ служит партийному управлению – праймериз канализирует внутривнутрипартийное недовольство, легитимизируя результат внутренней борьбы.

В 2020 г. в рамках процедуры ПГ стартовал кадровый конкурс «Федеральный «ПолитСтартап» для поиска кандидатов от партии на выборы в Государственную Думу VIII созыва. Проведение конкурса «ПолитСтартап» свидетельствует о том, что «Единая Россия» учитывает повестку обновления при формировании идеологического дискурса. «ПолитСтартап», как и ПГ формирует имидж партии «Единая Россия», как открытой и транспарентной политической силы, а также удовлетворяет запрос граждан на обновление власти. Конкурс за время проведения зарекомендовал себя, как действительно работающий кадровый лифт [5, с. 110].

Успешным имиджевым проектом «Единой России» стали штабы общественной поддержки (ШОП). Летом 2021 года по всей стране были сформированы площадки для, как было заявлено, обсуждения предложений в народную программу «Единой России». Но ШОП, как объединения лидеров общественного мнения вокруг кандидатов от партии, существовали и ранее в отдельных регионах и муниципалитетах. В федеральный и региональные ШОП вошли ломы и представители более 30 некоммерческих организаций, в том числе Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, ОНФ, «Волонтеры-медики», МГЕР, российское общество «Знание», АНО «Сад памяти», благотворительный фонд «Память поколений», волонтерское движение #МыВместе, «Опора России».

Включение в партийные площадки лидеров общественного мнения, которые зачастую являются лидерами отраслевых или локальных сообществ или руководителями крупных предприятий позволяет «Единой России» «расширять «досягаемость» для партийных элит того пространства, которое находится за границей их собственной организации. Такое взаимодействие облегчает двухстороннюю коммуникацию между партийными элитами и группами избирателей, установленную через организационные каналы и основанную на обмене электоральной мобилизации на политическую отзывчивость» [6, с. 8].

Важными имиджевыми проектами «Единой России» являются партийные проекты, которые были запущены в 2006 г. Партийные проекты представляют собой, с одной стороны, инструмент повышения уровня рейтинга и поддержки партии с помощью её включения в повестку позитивных социально-экономических изменений, осуществляемых органами государственной власти. С другой стороны, партийные проекты выступают компенсационным механизмом, с помощью которых партия «Единая Россия» участвует в решении социально-экономических проблем.

¹ Устав Всероссийской политической партии «Единая Россия» URL: <https://er.ru/party/rule> (дата обращения: 22.04.2023). П. 8.1.

Как указывает Шелипова Н. В., партийные проекты стали «эффективным механизмом взаимодействия государственной власти и институтов гражданского общества» [7, с. 100].

Каждый партийный проект – это комплекс мероприятий, направленных на достижение главной цели – улучшение качества жизни людей. В 2021 г. партия «Единая Россия» в Ставропольском крае и Ростовской области реализовывала 15 федеральных партийных проектов: «Чистая страна», «Безопасные дороги», «Городская среда», «Детский спорт», «Единая страна-доступная среда», «Здоровое будущее», «Историческая память», «Крепкая семья», «Культура малой родины», «Локомотивы роста», «Народный контроль», «Новая школа», «Российское село», «Старшее поколение», «Школа грамотного потребителя». Активное использование «Единой Россией» партийных проектов для формирования имиджа позволяет отечественным исследователям считать, что «наиболее ярким примером деятельности компоненты имиджа политической партии может служить проектный подход, принятый в партии «Единая Россия» [8, с. 326].

Важным органическим нововведением в электоральном цикле 2021 г. с точки зрения имиджевых проектов стала для «Единой России» волонтерская деятельность. Волонтерство стало для региональных отделений способом прямой легальной коммуникации в условиях ограничений, а также репутационным и социальным инструментом. Пандемия стала объективным фактором ухудшения социально-экономических тенденций, что, как следствие, отразилось на качестве и уровне жизни. Как показывают исследования: рейтинг партий власти по всему миру, к которым относится «Единая Россия», в период пандемии зависел не столько от непосредственно «ковидных» ограничений, сколько от складывающихся социально-экономических тенденций, обуславливающих уровень и качество жизни граждан» [9, с. 117].

«Единая Россия», будучи партией власти стала механизмом компенсации и нейтрализации этого ухудшения. Её помощь позволила сохранить уровень и качество жизни наиболее уязвимых социальных групп граждан. Это минимизировало репутационные издержки всей системы публичной власти. Практическое включение «Единой России» в решение социальных вопросов, последовавшее за её многолетним участием в этом путём законотворческой деятельности, в период пандемии укладывается в глобальный тренд COVID-субсидиарности «как практики перевода экстраординарных чрезвычайных полномочий на уровень субнациональных и локальных сообществ» [10, с. 122].

В качестве электоральных проектов «Единая Россия» в избирательном цикле 2021 г. использовала отчётную кампанию и кампанию по сбору предложений в «Народную программу». Отчётная кампания стала механизмом внутрипартийной консолидации – она объединила не только кандидатов, для которых участие в отчётной кампании имело важное электоральное значение, но и членов партии, которые в 2021 г. не избирались. Отчётная кампания реализовывалась в четырёх направлениях: это публикации в СМИ, публикации в социальных сетях, встречи с гражданами и распространение печатных материалов. Результатом внутрипартийной консолидации для проведения отчётной кампании стала технологическая сшивка отчётных кампаний депутатов разных уровней.

Сшивка представляет собой взаимную интеграцию параллельных электоральных кампаний кандидатов от одной политической силы, но в представительные органы разных уровней. Как указывают Малкин Е. Б. и Сучков Е. Б., сшивка не должна сводиться исключительно к общему брендингованию или ивенту [11, с. 505]. В ходе отчётной кампании «Единой России» удалось этого избежать. Сшивка проводилась по двум направлениям – это общие встречи с избирателями и общие печатные материалы. На отчётных встречах с избирателями депутаты федерального, регионального и местного уровней отчитывались о проведённой работе на каждом уровне. Важно, что акцент делался, как на персонализированных результатах конкретного депутата, так и на работе партийного отделения и фракции в представительном органе каждого уровня. В печатные и информационные материалы также включалась информация о работе трёх уровней партийной организации.

Следующим электоральным проектом в рамках избирательной кампании 2021 г. стал сбор предложений граждан в Народную программу «Единой России». Народная программа – это политический манифест о намерениях в изменении социально-экономической ситуации, сформированный на основе предложений граждан. По сути, «Единая Россия» абсолютизировала популизм, как политическую практику, заменив необходимость предугадывать ожидания широких масс на аккумуляцию этих

ожиданий. Это позволило технологизировать популизм. При этом «Единая Россия» увеличила свой потенциал, как политической силы, потому что сумела выстроить канал прямой коммуникации с широкими массами для агрегирования их интересов и использовала весь свой политический и информационный ресурс для артикуляции этих интересов.

Электоральный проект «Народная программа» позволил «Единой России» решить электорально-мобилизационные, партийно-мобилизационные и информационные задачи.

Во-первых, сбор предложений в Народную программу стал дополнительным агитационным воздействием на избирателя – так называемым «касанием». Существует эмпирически подтвержденное предположение, что каждое касание должно обладать уникальным смыслом, то есть быть обоснованным с точки зрения избирателя [11, с. 252]. Агитационное воздействие на избирателя с уже использованными в отношении него смыслами и материалами не только неэффективно, но и вредно. Народная программа позволила «Единой России» не только увеличить охват агитационного воздействия, но и мобилизовать собственных избирателей, которые были вовлечены в процесс формирования программы. Сбор предложений осуществлялся двумя способами: это электронный и очный. Для первого способа был запущен специальный интернет-портал. Второй способ был организован традиционным образом и заключался в очной коммуникации партийных агитаторов с гражданами. За месяц «Единая Россия» собрала порядка 2.5 млн предложений граждан.

Во-вторых, Народная программа стала инструментом мобилизации депутатского корпуса. Сбор предложений в Народную программу был экстраполирован на кандидатов по одномандатным округам федерального и регионального уровней, что заменило практику сбора наказов и предложений и поставило партийных кандидатов в гораздо более жесткие условия, чем были. Практика наказов и предложений не обязывала депутата их реализовывать. При этом практически отсутствовал партийный контроль за тем, что пообещал депутат, будучи кандидатом и как он это реализовал. Внедрение Народной программы как централизованного и брендированного сбора наказов и предложений лишило кандидатов возможности автономной коммуникации с избирателями в части агрегирования их интересов. Жесткие рамки Народной программы сделали невозможным безнаказанное неисполнение наказов, потому что неисполнение Народной программы – это действия, подпадающие под нормы устава о дискредитации партии, которые служат основанием, как для исключения из партии, так и для лишения мандата¹. В Ставропольском крае было собрано более 190 тыс. предложений, 60 тыс. из которых поступили электронным способом, а 130 тыс. – очным². В Ростовской области порядка 230 тысяч жителей внесли свои предложения в Народную программу³.

Использование для сбора предложений в «Народную программу» электронных сервисов и масштабное освещение этого процесса в Интернете позволили «Единой России» расширить своё присутствие в цифровой среде, что «в перспективе для партии может означать дальнейшее развитие партийного актива, а также формирование положительного имиджа в массовом сознании» [12, с. 126]. Таким образом, можно констатировать потенциал качественной трансформации проекта «Народная программа» из электорального в имиджевый. В целом можно согласиться, что применение «Единой Россией» в избирательном цикле 2021 г. новых электоральных проектов с точки зрения политического менеджмента позволяют рассматривать избирательную кампанию партии в 2021 году, как одну из самых успешных за всё время [13, с. 99].

¹ Устав Всероссийской политической партии «Единая Россия» URL: <https://er.ru/party/rule> (дата обращения: 22.04.2023). П.4.3.2.

² «Принята народная программа «Единой России» на Ставрополье» [Электронный ресурс] // «Единая Россия» в Ставропольском крае [сайт]. URL: <https://stavropol.er.ru/activity/news/prinyata-narodnaya-programma-edinoj-rossii-na-stavropole> (дата обращения: 20.04.2023).

³ «По народной программе партии в Шахтах обновляют дорожное покрытие по улице Шоссейная» [Электронный ресурс] // «Единая Россия» в Ростовской области [сайт]. URL: <https://rostov.er.ru/activity/news/po-narodnoj-programme-partii-v-shahtah-obnovlyayut-dorozhnoe-pokrytie-po-ulice-shossejnaya> (дата обращения: 20.04.2023).

Список источников

1. Горбачев М. В. Типологии политических проектов: уровни, измерения, виды // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2019. Т. 30. С. 6–17. DOI: 10.26516/2073-3380.2019.30.6.
2. Евстратова Т. А., Кабанова Е. Е., Ветрова Е. А. Имидж политической партии Московского областного регионального отделения «Единой России» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №8. С. 27–32. DOI: 10.23672/v7779-5336-2058-z.
3. Гришин О. Е. Партийный брендинг и политическая символика // Дискурс-Пи. 2007. № 1 (7). С. 147–149.
4. Слинко А. А., Дякина Е. О. Поиски новой модели политического участия в регионах: праймериз «Единой России» и политические процессы в Европе // Регион: системы, экономика, управление. 2021. № 2 (53). С. 87–92. DOI: 10.22394/1997-4469-2021-53-2-87-92.
5. Назаров И.И. Праймериз «Единой России» как механизм обновления политической элиты (2007-2016 гг.) // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2016. № 1 (16). С. 102–121.
6. Погунтке Т. Партии без устойчивой социальной опоры? Партийная организационная взаимосвязь (Реферат) // Партии и выборы: Хрестоматия. Ч.2. М.: 2004. С. 53–60.
7. Шелипова Н. В. Партийные проекты «Единой России» как механизм взаимодействия политической партии и государства в реализации жилищной политики в Российской Федерации // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2011. № 2. С. 94–101.
8. Чижов Д. В. Формирование имиджа российских политических партий в сети Интернет // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 313–338. DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.15
9. Туровский Р.Ф., Иохим Е.А. Выборы во время чумы: анализ электоральной поддержки правящих партий в период пандемии // Политическая наука. 2022. №2. С. 95–121. DOI: 10.31249/poln/2022.02.05.
10. Артеев С. П. Covid-субсидиарность как новый политический феномен // Вестник МГИМО. 2022. №1. С. 111–125. DOI 10.24833/2071-8160-2022-1-82-111-125.
11. Малкин Е. Б., Сучков Е. Б. Политические технологии. М.: «Русская панорама», 2006. 680 с.
12. Махрин А.В. Имидж политических партий в цифровую эпоху развития российского общества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. №3. С. 114–128. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-114-128.
13. Невская Т.А. Сравнительный анализ эффективности парламентских избирательных кампаний «Единой России» за период 2011–2021 гг. // Социология. 2021. №5. С. 95–101.

References

1. Gorbachev M. V. Typologies of political projects: levels, dimensions, types. *Izvestiya Irkutsk State University. Political Science series. Religious studies*. 2019;30(6-17). DOI: 10.26516/2073-3380.2019.30.6. (In Russ.)
2. Evstratova T. A., Kabanova E. E., Vetrova E. A. The image of the political party of the Moscow regional regional branch of United Russia. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021;(8):27–32. DOI: 10.23672/v7779-5336-2058-z. (In Russ.)
3. Grishin O. E. Party branding and political symbolism. *Discourse-Pi*. 2007;1(7):147–149. (In Russ.)
4. Slinko A. A., Dyakina E. O. The search for a new model of political participation in the regions: primaries of United Russia and political processes in Europe. *Region: systems, economics, management*. 2021;2(53):87–92. DOI: 10.22394/1997-4469-2021-53-2-87-92. (In Russ.)
5. Nazarov I. I. Primaries of "United Russia" as a mechanism for updating the political elite (2007-2016). *Pro Nunc. Modern political processes*. 2016;1(16):102–121. (In Russ.)
6. Poguntke T. Parties without a stable social support? Party organizational relationship (Abstract). *Parties and elections: Textbook. Part 2. Moscow; 2004:53–60*. (In Russ.)

7. Shelipova N. V. Party projects of United Russia as a mechanism of interaction between a political party and the state in the implementation of housing policy in the Russian Federation. *Izvestiya Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*. 2011;(2):94–101. (In Russ.)
8. Chizhov D. V. Formation of the image of Russian political parties on the Internet. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2016;(1):313–338. DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.15. (In Russ.)
9. Turovsky R. F., Johim E. A. Elections during the plague: an analysis of electoral support for ruling parties during the pandemic. *Political science*. 2022;(2):95–121. DOI: 10.31249/poln/2022.02.05. (In Russ.)
10. Arteev S. P. Covid-subsidiarity as a new political phenomenon. *Bulletin of MGIMO*. 2022;(1):111–125. DOI 10.24833/2071-8160-2022-1-82-111-125. (In Russ.)
11. Malkin E. B., Suchkov E. B. *Political technologies*. Moscow: "Russian Panorama", 2006; 680 p. (In Russ.)
12. Makhurin A. V. The image of political parties in the digital era of the development of Russian society. *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations*. 2022;(3):114–128. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-114-128. (In Russ.)
13. Nevskaya T. A. Comparative analysis of the effectiveness of the parliamentary election campaigns of United Russia for the period 2011-2021. *Sociology*. 2021;(5):95–101. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Ярошенко – аспирант РАНХиГС.

Information about the author

A. S. Yaroshenko – Postgraduate of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 26.08.2023.

The article was submitted 10.08.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 26.08.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 312–316
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(3):312–316

Рецензии

Рецензия на книгу

УДК 1+316.6

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-312-316>

EDN FNKUWP

Рецензия на книги: Мелас В. Б., Золотухина-Аболина Е. В. Переживание и действие: феноменологический и экзистенциальный подходы. СПб: Владимир Даль, 2020. 253 с.; Золотухина-Аболина Е. В., Мелас В. Б. Переживание: философский анализ. СПб.: Владимир Даль, 2022. 351 с.

Лариса Владимировна Рябова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В рецензии рассматривается феномен переживания, исследованный в социально-гуманитарном плане в совместных работах двух авторов: известного специалиста по этике и философской антропологии Е. В. Золотухиной-Аболиной (доктор философских наук, профессор ЮФУ, Ростов-на-Дону) и математика, философа В. Б. Меласа (доктор физико-математических наук, профессор СПбГУ, Санкт-Петербург). Феномен переживания проанализирован авторами комплексно, рецензируемые книги включают в себя переплетение исторических, психологических, антропологических, социологических, философских идей, содержат ссылки на художественные тексты. В. Мелас излагает оригинальную версию переживания в русле феноменологического подхода, а Е. Золотухина-Аболина подхватывает идеи своего соавтора, развивает тему в экзистенциально-антропологическом и психологическом ключе.

Произведения написаны ясным, доходчивым языком и предназначены всем, кто занимается исследованием проблемы сознания, – философам, психологам, социологам, литературоведам, другим специалистам-гуманитариям, но могут быть интересны любому читателю, интересующемуся человеческими чувствами и переживаниями.

Ключевые слова: влюбленность, интервал, мистический опыт, настроение, ожидание, переживание, подозрительность, смысл, созерцание, сознание, сон, феноменологический подход, экзистенциально-антропологический подход

Для цитирования: Рябова Л. В. Рецензия на книги: Мелас В. Б., Золотухина-Аболина Е. В. Переживание и действие: феноменологический и экзистенциальный подходы. СПб: Владимир Даль, 2020. 253 с.; Золотухина-Аболина Е. В., Мелас В. Б. Переживание: философский анализ. СПб.: Владимир Даль, 2022. 351 с. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 312–316. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-312-316>. EDN FNKUWP

Reviews

Book review

Book review: Melas V. B., Zolotukhina-Abolina E. V. Experience and action: phenomenological and existential approaches. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2020. 253 p.; Zolotukhina-Abolina E. V., Melas V. B. Experience: philosophical analysis. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2022. 351 p.

Larisa V. Ryabova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The review examines the phenomenon of experience, investigated in the social-humanitarian terms, in the joint works of two authors: the famous expert on ethics and philosophical anthropology E. V. Zolotukhina-Abolina (Doctor of Philosophy, Professor of the Southern Federal University, Rostov-on-Don) and mathematician, philosopher V.B. Melas (Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of St. Petersburg State University, St. Petersburg). The phenomenon of experience is analyzed by the authors comprehensively, the reviewed books include an interweaving of historical, psychological, anthropological, sociological, philosophical ideas, contain references to literary texts. V. Melas presents the original version of the experience in line with the phenomenological approach, and E. Zolotukhina-Abolina picks up the ideas of his co-author, develops the topic in an existential-anthropological and psychological way. The works are written in a clear, intelligible language and are intended for everyone who is engaged in the study of the problem of consciousness - philosophers, psychologists, sociologists, literary critics, other specialists in the humanities, but may be of interest to any reader interested in human feelings and experiences.

Keywords: falling in love, interval, mystical experience, mood, expectation, experience, suspicion, meaning, contemplation, consciousness, sleep, phenomenological approach, existential-anthropological approach

For citation: Ryabova L. V. Book review: Melas V. B., Zolotukhina-Abolina E. V. Experience and action: phenomenological and existential approaches. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2020. 253 p.; Zolotukhina-Abolina E. V., Melas V. B. Experience: philosophical analysis. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2022. 351 p. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(3):312-316. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-312-316>. EDN FNKUWP

Не так давно в Санкт-Петербурге в издательстве «Владимир Даль» были опубликованы интересные книги, написанные двумя соавторами – математиком и философом В.Б. Меласом и философом Е.В. Золотухиной-Аболиной и посвященные теме переживания. Это «Переживание и действие: феноменологический и экзистенциальный подходы» (СПб., 2020) и «Переживание: философский анализ» (СПб., 2022).

В первой книге доктор физико-математических наук, профессор СПбГУ В.Б. Мелас в русле феноменологического подхода предлагает оригинальную версию описания сознания, которая состоит в выделении конкретных интервалов переживания, различных по способу отношения к миру и протекающих во времени (сон, воспоминание, проектирование и т.п.), а доктор философских наук, профессор ЮФУ, специалист по этике и философской антропологии Е.В. Золотухина-Аболина развивает идеи своего соавтора в экзистенциально-антропологическом направлении, привлекая к рассмотрению разнообразный материал – художественные произведения и исследования в области философии, психологии, истории и культуры. Поэтому текст книги представляет собой переключку двух подходов, рисующих сложную картину человеческих переживаний [1].

Вторая книга тех же авторов – «Переживание: философский анализ» (СПб., 2022) – также, как и первая, представляет собой совместную работу, в которой раскрываются различные аспекты темы переживания, которое предстает то с позиций своих мерных характеристик, то как состояние готовности, то через соотношение с фактами культуры, а, с другой стороны, – авторы рассматривают конкретные виды переживаний: созерцания, влюбленности, мистического опыта, доверия, недоверия, подозрительности, радости [2].

Обе книги написаны ясным и красивым литературным языком и могут быть интересны как специалистам-гуманитариям – философам, социологам, психологам, литературоведам, так и любым читателям, которых интересует человек и его переживания, представленные, исследованные и показанные с самых разных позиций.

Почему проблема переживания занимает современных исследователей социально-гуманитарной сферы? В чем ее актуальность, важность, интересность для сегодняшнего читателя, живущего в сложном, неопределенном, изменчивом, а порой и трагическом мире? Заметим сразу, человеку интересен человек как в своем собственном лице, так и в лице другого, иного, незнакомого. Как когда-то писал Пьер Тейяр де Шардэн, человек – самый загадочный из всех сбивающих с толку объектов. И, в конечном счете, все гуманитарное познание – попытка понять, объяснить и осмыслить – что такое человек с точки зрения его духовно-душевного и интеллектуального устройства. Об этом горы книг именно потому, что проблема неисчерпаема, и любому исследованию на эту тему всегда найдется место.

Актуальность темы переживания обусловлена тем, что это одна из фундаментальных проблем философии, включенных в вечную тему отношений чувства и разума, опыта и интеллекта, действия и его осмысленного анализа. Вопрос об отношении чувства и разума обсуждается в философии со времен античности. Этот вопрос сложен, имеет множество граней, слоев и оттенков, которые актуализируются и обсуждаются в зависимости от потребностей времени и социокультурного контекста. Так, в античности разум всегда выше чувства, он – источник истины, в то время как чувство – основа мнения и сиюминутных повседневных иллюзий и заблуждений.

Для средневековой христианской культуры чувство выше разума, так как оно – источник веры, а вера – это некий духовный абсолют. В новое время и чувственный опыт (в эмпиризме), и разумное теоретизирование (в рационализме) рассматриваются как возможные источники истины. В XX веке философия обращается к взаимосвязи чувственного и рационального, у Фрейда мы читаем о психоанализе, то есть о рациональном анализе инстинктов и страстей, который должен привести человека к катарсису, духовному освобождению и исцелению от страданий.

Переживание – сложный феномен, вполне синтетический, так как имеет и эмоциональную, и рациональную стороны. В современной психологии переживание рассматривается как имеющий большое значение опыт, обогащающий личность, как процесс духовного присвоения, совершающийся при встрече с миром, как все содержание сознания, при том, что человек весь, целиком участвует в переживании как телесно-духовная целостность.

Заметим, что проблему переживания можно анализировать не только с гносеологических, теоретико-познавательных и эпистемологических позиций, но для сегодняшнего читателя, которому интересен внутренний мир личности и мировоззренческая проблематика (а эта проблематика для повседневного человека всегда интересна более, чем теория познания) проблему переживания можно рассмотреть и показать с позиций феноменологических и экзистенциально-психологических. Такое удовольствие читателям и доставил соавторы – математик и философ В.Б. Мелас и философ Е.В. Золотухина-Аболина.

Обе рецензируемые книги представляют собой диалог двух авторов по поводу одной интересующей их проблемы. Для обсуждения и изложения проблемы переживания авторы выбирают диалог. Диалог органичен для философского исследования. Этот подход и способ изложения создает объемность взгляда. Заметим, что в древности форме диалога всегда отдавалось предпочтение при обсуждении философских проблем.

Соавторы – наблюдатели и исследователи внутреннего мира собственного (Ну кто же ближе ко мне, чем я сам?). А соавторство – это счастливый случай обсудить свой мир с доверенным, тонким и понимающим соавтором.

В результате этого диалога соавторам удалось сформировать объемное и глубинное видение проблемы и предложить это видение третьему участнику – читателю, который с интересом наблюдает этот творческий диалог.

Роли участников диалога и соавторов различны. В первой книге «Переживание и действие» В.Б. Мелас в русле феноменологического подхода предлагает оригинальную версию описания сознания, состоящую в выделении интервалов переживания, разных по длительности во времени и по способу отношения к миру; В.Б. Мелас заявляет теоретическую позицию и последовательно ее раскрывает.

Е.В. Золотухина-Аболина – другой соавтор – выступает как заинтересованный критик, рецензент, оппонент, читатель, отталкиваясь от идей В.Б. Меласа предлагает свои, которые возникают в результате экзистенциально-антропологического подхода к проблеме переживания.

В первой книге «Переживание и действие» В.Б. Мелас выступает как теоретик и методолог. Он определяет и анализирует структуру сознания, связывая эту структуру с разнородными по содержанию и длительности переживаниями; определяет место переживания в структуре сознания и обозначает его характеристики; В.Б. Мелас предлагает метод исследования переживания, описывает характеристики переживания, пространство и время переживания, проводит классификацию переживания. Все эти идеи представлены в книге «Переживание и действие», в которой В.Б. Мелас написал часть первую «Переживание и действие: феноменологический подход».

Вторая часть книги «Переживание и действие» написана Е.В. Золотухиной-Аболиной в жанре свободного комментирования и названа «Переживание и действие: экзистенциальный анализ». Соавтор выбирает возможность «полетать» и «потанцевать» над мыслями и идеями своего коллеги, дополнить их, посмотреть на них с неожиданной собственной позиции и сочинить совершенно оригинальный и неожиданный комментарий. При этом Е.В. Золотухина-Аболина очень аккуратно и точно цитирует своего соавтора, опираясь на сформулированные им идеи.

Заметим, не любой текст позволяет такое соучастие, проникновение. Не любой текст позволяет вступить с ним в диалог. Существуют тексты стройные, выверенные, строго организованные, даже совершенные, но не дающие никакой возможности не только диалога, дополнения, осмысления, дописывания, но даже простого анализа. Такие тексты совершенны как шар, куб или пирамида. Такой текст читатель либо принимает полностью, либо отвергает абсолютно, но диалог, комментарий и, тем более, взаимопроникновение и дополнение невозможны.

Но не в нашем случае. У соавтора есть счастливая возможность размышления, комментария, проникновения, из которого рождается вполне оригинальный авторский текст второй части книги. Здесь мы читаем о таких глубинных состояниях сознания, представленных в виде переживания, как переживание прошлого; сон как особая реальность внутреннего мира и погружение в «неочищенное» переживание; переживание настоящего как жизненный миг, сиюминутность, происходящая и воспринимаемая здесь и сейчас и открытая в будущее; переживание настоящего как переживание времени; автор исследует единство переживания и действия, обращает внимание читателя на такое интересное состояние сознания, как ожидание, и, разумеется, показывает, как происходит переживание ожидания. В этой же главе мы встречаем подробный разбор структуры переживания, в которую входят ценностные установки, социокультурные эталоны чувств, архетипы, мотивы, биографический опыт. В этой же главе Е. В. Золотухина-Аболина подробно разбирает тему настроения, понимая настроение как переживание, охватывающее нас целиком, придающее нашей жизни смысл или отнимающее его. При этом рассматривается эмоционально-чувственная природа настроения и анализируются его возможные и различные виды: светлое и темное, радостное и трагичное, хорошее и плохое, пессимистическое и оптимистическое.

Таким образом, первая книга двух авторов, ведущих философский диалог по поводу проблемы переживания, – «Переживание и действие», предлагает читателям феномен переживания, рассмотренный с теоретико-концептуальной и методологической точек зрения; в книге предложена феноменологическая концепция переживания и экзистенциально-антропологический комментарий к ней, то вторая книга Е. В. Золотухиной-Аболиной и В. Б. Меласа – «Переживание: философский анализ» – раскрывает перед читателем разные ракурсы переживания, – такие, как сила, мера, амбивалентность; анализируется связь переживания и гуманитарного поиска; выясняется особенность предварительного переживания; рассматривается связь переживания и артефакта; переживания и события; переживание как воспоминание и «вечное возвращение». Это все мы читаем в первой части второй книги. Эта первая часть называется: «Переживание: разные ракурсы».

Во второй части книги под названием «Проблемы конкретных переживаний» перед читателем проследуют созерцание как особое переживание; переживание в мистическом опыте; переживание влюбленности; переживание безответной любви; переживание смысла; переживание недоверия и подозрения.

У автора рецензии есть огромный соблазн пуститься в пересказ этих интересных, глубоких, а порой просто обворожительных текстов, но оставим это удовольствие читателю.

Reviews

Ryabova L. V. Book review: Melas V. B., Zolotukhina-Abolina E. V. *Experience and action: phenomenological and existential approaches...*

И, завершая, выскажем еще несколько соображений и отметим некоторые важные характеристики рецензируемых книг.

В конце книг, и первой, и второй, нет библиографического списка, но практически каждую страницу украшают многочисленные подстрочные примечания, что свидетельствует о колоссальной работе с исследованиями, проделанной авторами.

В обеих книгах привлечены, проанализированы и критически оценены разнообразнейшие источники. Это не только философские произведения, но и работы по психологии, социологии, теологии, истории, антропологии, художественная литература.

И, конечно же, в текстах обеих книг представлено терминологическое богатство в сочетании с публицистической яркостью, свободой и увлекательностью изложения.

Обе книги характеризует высокий уровень теоретичности в сочетании с легкостью и популярностью литературного языка. С философскими трудами такое случается редко.

Список источников

1. Мелас В. Б., Золотухина-Аболина Е. В. Переживание и действие: феноменологический и экзистенциальный подходы. СПб: Владимир Даль, 2020. 253 с.
2. Золотухина-Аболина Е. В., Мелас В. Б. Переживание: философский анализ. СПб.: Владимир Даль, 2022. 351 с.

References

1. Melas V. B., Zolotukhina-Abolina E. V. *Experience and action: phenomenological and existential approaches*. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2020. 253 p. (In Russ.)
2. Zolotukhina-Abolina E. V., Melas V. B. *Experience: philosophical analysis*. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2022. 351 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. В. Рябова – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

L. V. Ryabova – Dr. of Sci. (Philos.), Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science of South Russia Institute of Management –branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.08.2023; одобрена после рецензирования 26.08.2023; принята к публикации 27.08.2023.

The article was submitted 17.08.2023; approved after reviewing 26.08.2023; accepted for publication 27.08.2023.

8 сентября 2023 года отметил **80-летний юбилей**

доктор экономических наук, профессор кафедры
экономической теории и предпринимательства
Южно-Российского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
Бугаян Илья Рубенович

Бугаян Илья Рубенович в 1960 г. после окончания средней школы поступил в Ростовский-на-Дону институт сельскохозяйственного машиностроения, ныне Донской государственный технический университет, который окончил в 1965 г.

С 1971 по 1974 гг. обучался в аспирантуре Ростовского инженерно-строительного университета по специальности «Политическая экономия», в 1974 г. досрочно защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: «Экономические проблемы социалистического накопления и внедрения новой техники», в 1987 г. защитил в Ленинградском финансово-экономическом институте (ЛФЭИ) докторскую диссертацию на тему: «Социалистическое производственное накопление – условие всесторонней интенсификации расширенного воспроизводства».

На педагогической работе находился с сентября 1973 г. В 1973-1986 гг. работал старшим преподавателем, доцентом, профессором, заведовал кафедрой политической экономии в Ростовском государственном строительном университете. В 1986–1996 гг. заведовал кафедрой экономической теории и предпринимательства в Северо-Кавказской академии государственной службы, до 1991 г. – в Ростовской межобластной высшей партийной школе. В 1996–2009 гг. работал деканом факультета информатизации и управления, заведующим кафедрой философии хозяйства в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ).

С 2009 г. по настоящее время работает профессором кафедры экономической теории и предпринимательства в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС.

За 56 лет научно-педагогической работы Бугаян И. Р. внес большой вклад в проведение научных исследований в СССР, Российской Федерации. Является автором около 250 научных, научно-исследовательских и учебно-методических работ по проблемам экономической теории, философии хозяйства, теории предпринимательства, в том числе 9 авторских монографий и 9 монографий под редакцией и с личным участием, 2 учебников «Макроэкономика», а также является обладателем патента на изобретение № 2297026 по заявке №2005136556, выданного 24.11.2005 г.

Награжден медалью С. Н. Булгакова «Свет невечерний» за существенный вклад в фундаментальную экономическую науку в 2009 г., Международной премией и медалью «За выдающиеся заслуги в области информатизации мирового сообщества» в 2009 г., награжден нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования».

Под научным руководством И. Р. Бугаяна защищено более 10 диссертаций по экономическим наукам, в том числе докторская, авторы которых работают в вузах и органах власти Ростовской области и других регионов страны.

Профессор Бугаян И. Р. является сооснователем, а также действительным членом, академиком-секретарем Академии философии хозяйства (г. Москва), председателем правления некоммерческой организации «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области», заместителем главного редактора ведущего рецензируемого журнала «Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление», включенного в перечень изданий, рекомендуемых ВАК при Минобрнауки России для опубликованных результатов кандидатских и докторских диссертационных исследований.

В последние годы большое внимание Бугаян И. Р. уделяет разработке проблем методологии перемещения доминантных свойств между факторами производства, товарами и вызванными ими социально-экономическими изменениями как причинами формационных переходов.

Научная и общественная деятельность профессора И. Р. Бугаяна пользуется известностью и признанием среди работников Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, общественности Дона, ученых Юга России, Москвы (МГУ), Санкт-Петербурга, а также зарубежных вузов: университета в г. Солоники имени Аристотеля, Кингстонского университета (СК), Варшавского университета.

***Редакционная коллегия журнала поздравляет
глубокоуважаемого Илью Рубеновича Бугаяна с Юбилеем
и желает ему крепкого здоровья, реализации творческих планов,
дальнейших успехов в академическом наставничестве!***

*Редакционная коллегия журнала
«Государственное и муниципальное управление.
Ученые записки»*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змяк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

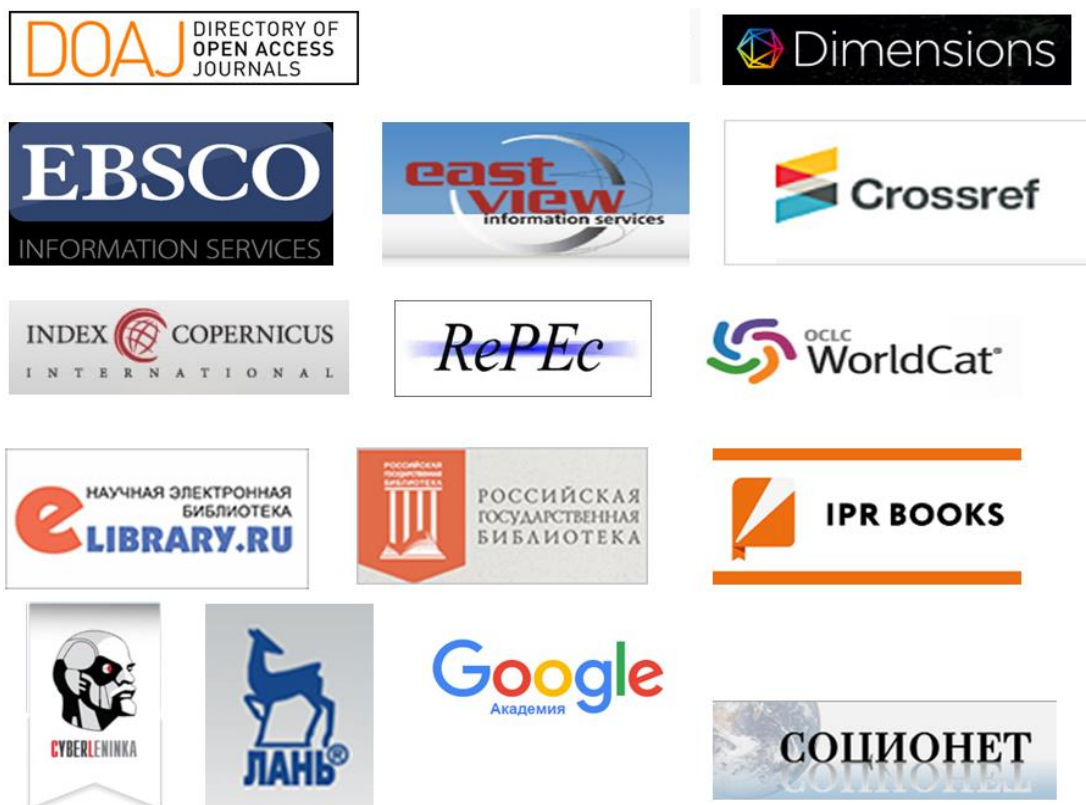
Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3. 2023

Выход в свет 29.09.2023. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 20 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 3082.5

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Принт». 246035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.
Тел.: 8 (3412) 56-95-53